

Н. Н. ДИКОВ

Древние
культуры
Северо-Восточной
Азии

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Н. Н. ДИКОВ

Древние
культуры
Северо-Восточной
Азии

АЗИЯ НА СТЫКЕ С АМЕРИКОЙ
В ДРЕВНОСТИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1979

Данная книга — вторая, заключительная часть монографии «Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности)». В книге дается характеристика всех древних культур региона от палеолита до XVII в., рассматриваются проблемы датировки, происхождения и этнической принадлежности этих культур, а также их связей с окружающими культурами Азии и Америки.

Ответственный редактор

Ж. В. АНДРЕЕВА

Николай Николаевич Диков

Древние культуры Северо-Восточной Азии
(Азия на стыке с Америкой в древности)

* * *

Утверждено к печати
Дальневосточным научным центром
Северо-Восточным комплексным
научно-исследовательским институтом
Академии наук СССР

Редактор издательства Г. Н. Улунян
Художник А. Г. Кобрин
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Л. И. Куприянова
Корректоры Т. И. Борисова, Г. М. Котлова

* * *

ИБ № 5479

Сдано в набор 19.12.78. Подписано к печати 23.03.79. Т-01254. Формат 70×90¹/₁₆.
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 26
Уч.-изд. л. 27,4. Тираж 4250 экз. Тип. Зак. 1300 Цена 3 р.

Издательство «Наука». 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-89, Шубинский пер., 10

Д $\frac{10602-103}{042(02)-79}$ БЗ-95-22-78-0507000000

© Издательство «Наука», 1979 г.

Предисловие

Изучение археологии на крайнем Северо-Востоке Азии приобретает сейчас особую актуальность. Оно имеет большое значение не только для воссоздания своеобразного исторического прошлого этого далекого и сурового края, но и для решения проблемы первоначального заселения соседней Америки, которое происходило еще в палеолите и, как теперь установлено¹, именно со стороны Северо-Восточной Азии по древней Берингии, соединявшей в ледниковое время оба континента.

И не только в выявлении общих закономерностей и особенностей заключается смысл археологической проблематики Северо-Востока Азии. Здесь на стыке Азии с Америкой может быть подвергнут проверке приобретающий все больше приверженцев тезис о конвергентном историческом развитии в Америке после ее первоначального заселения и изоляции сомкнувшимися вслед за этим на территории Канады ледниковыми щитами. Если палеоиндейское население действительно развивалось в то время в условиях полной изоляции и пришло тем не менее к тем же, что и в Старом Свете, хозяйственным, социально-экономическим и технико-типологическим формам, то это, следовательно, как склонны полагать некоторые ученые, поразительный «эксперимент» независимого, конвергентного развития, поставленный самой природой. Новый Свет в таком случае — своего рода «иная планета» по отношению к Старому Свету, где исторический процесс шел совсем независимо начиная с начала верхнего палеолита, т. е. в течение всей истории Человека разумного (*Homo sapiens*). Удивительная в таком случае сила конвергенции, в результате которой и в Старом и в Новом Свете возникают одни и те же хозяйственные, социально-экономические, культурные и технико-типологические формы, увеличивает возможности и на более широкую конвергенцию в историческом развитии разумных существ и за пределами Земли, вселяет надежду на более успешный исход поисков внеземных цивилизаций. Впрочем, при том непереносимом условии, что чистота естественного «эксперимента» по изоляции исторического процесса в Америке будет достаточно убедительно доказана данными археологии и палеогеографии.

В тщательной проверке постулируемой многими исследователями абсолютности изоляции Американского континента, в окончательном выяснении, был ли он в период последнего оледенения действительно пол-

¹ Дебец Г. Ф., 1951; Hopkins D. M., 1959, 1967, 1972; Chard C. S., 1960.

ностью изолирован или такой изоляции не было вовсе (и, следовательно, в таком случае сходство исторического развития в Старом и Новом Свете — результат не столько конвергенции, сколько культурных связей), и состоит одна из важнейших задач археологических исследований на азиатском Северо-Востоке, определяемая ее особым мировоззренческим смыслом. В конце концов с этой целью должны быть выявлены с возможно наибольшей полнотой все имевшие здесь место древние культуры, начиная с палеолита, и проанализированы их взаимоотношения с известными ныне культурами Америки.

Напомним читателю, что впервые задача широкого археологического изучения Северо-Восточной Азии в двух основных аспектах: 1) палеолит и проблема первоначального заселения Америки², 2) неолит и проблема происхождения народов Северо-Востока — была поставлена лабораторией археологии, истории и этнографии СВКНИИ ДВНЦ АН СССР еще в 1960 г., что вскоре нашло отражение и в научной литературе³. Затем (примерно с 1965 г.) к этой проблематике подключились якутские археологи⁴, до того занимавшиеся сугубо локальной тематикой в пределах Вилюя и Алдана. Однако очень важная для названной общей проблематики огромная территория Якутии изучена все еще слабо.

Археологическим памятникам, исследованным нашей Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедицией СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, посвящена предыдущая наша книга, являющаяся источниковедческой основой для данной второй книги, имеющей общий подзаголовок «Азия на стыке с Америкой в древности».

В первой книге была обоснована опорная стратиграфия и дана самая общая классификация памятников Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. Одновременно доказана безупречность стратиграфии важнейших опорных памятников Северо-Востока — Ушковских многослойных стоянок. Сейчас уже ясно, что первое недоверие, которое вызвал самый нижний палеолитический слой VII этих стоянок с его уникальными черешковыми наконечниками стрел, уже преодолено и, за редкими исключениями, эта необычная и потому очень информативная культура получила полное признание специалистов. То же относится и к ее датировке.

Данная книга содержит новые материалы: как те, которые были известны давно, но не вошли в первую книгу, так и те, которые обнаружены уже совсем недавно. К таким новым памятникам, открытым отрядами Северо-Восточно-Азиатской археологической экспедиции СВКНИИ ДВНЦ АН СССР в 1977 г., относятся позднепалеолитические стоянки на р. Инаськвваам на Чукотке (обнаружены Ю. А. Колясниковым), ранне-неолитические и мезолитические стоянки на оз. Тытыль, в верховьях р. М. Анюй тоже на Чукотке (открыты М. А. Кирьяк) и древнее посе-

² Следует помнить, что на настоятельную необходимость изучения палеолита Севера СССР, включая его азиатскую часть, указывал в специальном докладе С. Н. Замятин, полагавший, что в этой тогда еще совсем не исследованной археологами-палеолитиками обширнейшей области могут быть самые неожиданные открытия (*Замятин С. Н.*, 1961, с. 26).

³ *Диков Н. Н.*, 1960а; 1964а, б; 1967в.

⁴ *Мочанов Ю. А.*, 1966а.

ление морских зверобоев у м. Низкий, к северу от устья р. Анадырь (обнаружено В. Д. Кичановым и исследовано автором).

Следует иметь в виду, что некоторые положения и выводы данной книги уже были отражены в рукописи (и автореферате) диссертации, защищенной в 1971 г. в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР в Новосибирске, и в трудах других исследователей. К ним относятся выводы об этнической дифференциации на Северо-Востоке СССР с древнейших времен до XVII в.⁵, о прогрессивности исторического развития на Северо-Востоке, в частности на Камчатке, в палеолите⁶; ряд выводов по проблемам происхождения и культурных связей древнеэскимосских культур, например об азиатском воздействии на древнеберингоморскую культуру, о ее северо-восточноазиатских внутриконтинентальных, в том числе и усть-бельских, истоках⁷; о трансформации культуры оквик под воздействием чукотских культур⁸; о роли северного узкого перешейка п-ова Камчатка как кратчайшего пути миграций и связей приморских культур с Тихоокеанского побережья на Северо-Охотское и обратно⁹; о том, что древние коряки обитали на обоих берегах Северной Камчатки — не только на западном, но и восточном¹⁰; о Камчатке как своеобразном «тупике» или «мешке», где долго сохранялись реликтовые культуры¹¹; об общественном разделении труда на Северо-Востоке с возникновением там оленеводства и морского зверобойного промысла и о некоторой сопоставимости роли последнего в этом первом общественном разделении труда с земледелием, которое там не могло возникнуть в силу крайней суровости природных условий¹².

Предметом данного исследования, как видно из заглавия книги, являются археологические культуры Северо-Востока (в пределах Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы) в их доступном в настоящее время хронологическом диапазоне — от верхнего палеолита до первых русских землепроходцев XVII в.

Основной целью своего исследования автор считает обобщение всех старых и новых материалов по археологии Северо-Востока в названных географических рамках, выявление генеральных тенденций, закономерностей и особенностей культурно-этнического хозяйственного, технологического и, по возможности, социально-экономического развития его древнего дорусского населения в период времени, охватывающий почти 15 тысячелетий.

⁵ Диков Н. Н., 1964; 1971; Гурвич И. С., 1975.

⁶ Диков Н. Н., 1967в, с. 30; 1971а; 1975а; 1976а; Мочанов Ю. А., 1977.

⁷ Диков Н. Н., 1971а, с. 33; 1971б, с. 367, 377; 1972, с. 112—115; Васильевский Р. С., 1973, с. 212; 1974, с. 28.

⁸ Диков Н. Н., 1971а, с. 33; 1971б, с. 115, 376, 377; Васильевский Р. С., 1973, с. 212; 1974, с. 28.

⁹ Диков Н. Н., 1971б, с. 396; 1971а, с. 34; Васильевский Р. С., 1973, с. 202; Аругтюнов С. А., Сергеев Д. А., 1975, с. 195.

¹⁰ Диков Н. Н., 1971а, с. 35; 1971б, с. 407—410; Васильевский Р. С., 1971, с. 48; 1973, с. 147; 1974, с. 23, 29.

¹¹ Диков Н. Н., 1969б, с. 107; 1971б, с. 191; Васильевский Р. С., 1973, с. 35.

¹² Диков Н. Н., 1969а, с. 235; 1971б, с. 452, 453; Васильевский Р. С., 1975а, с. 129.

Для достижения этой цели автор ставит и пытается решить ряд задач. Главная из них заключается во всесторонней характеристике археологических культур на источниковедческом уровне, что частично сделано в первой книге. Другими, уже чисто интерпретационными, задачами являются этническое определение археологических культур, решение проблем их происхождения и взаимосвязи с окружающими культурами, реконструкция хозяйства и, где это позволяет материал, общественного строя, религиозных представлений и особенностей искусства.

Мы исходим из наиболее приемлемого определения археологической культуры как устойчивой общности археологических типов и комплексов вещей и других объектов материальной культуры (жилищ, погребений и т. п.) во времени и пространстве при условии наличия у нее существенных черт отличия от других известных общностей этого рода¹³. При этом культура рассматривается нами как динамическое единство традиций и инноваций (эндогенных и экзогенных). Культура может быть непродолжительной (в несколько веков или даже десятилетий) или длительной (в несколько тысячелетий). Она может иметь большой ареал или очень узкий (включающий даже только два памятника), причем по мере изучения и открытия новых ее памятников ее границы, как правило, в дальнейшем уточняются и в некоторых случаях расширяются. Однако и до полного их выявления исследователь вправе относиться к такой общности, даже если она пока представлена только двумя памятниками, как к древней культуре в качестве реконструируемого исторического факта археологии¹⁴. Определение археологической культуры должно быть точным и достаточно гибким, чтобы быть пригодным для систематизации и интерпретации археологических материалов на разном уровне их изученности с минимальной зависимостью от их количественной представительности. Вместе с тем оно всегда должно быть основано на комплексности типов, а не на тех или иных отдельных их традициях.

Нам представляется в высшей степени перспективным предложенное В. Н. Чернецовым исследование культур в двух аспектах: культурно-хозяйственном и в этнокультурном¹⁵, хотя мы придерживались прежде всего археологического аспекта и стремились почти в каждой из исследованных нами культур выявить прежде всего традиционные ее элементы и инновации, как эндогенные, так и экзогенные, подобно тому как это делают этнографы. Это не значит, правда, что культурно-хозяйственные и этнокультурные аспекты остались вовсе без внимания.

Вышедшие недавно в свет две монографии — Ю. А. Мочанова и И. П. Ларичевой¹⁶ имеют самое прямое отношение к нашей теме. В них содержится взаимоисключающая интерпретация новых археологических материалов по палеолиту Северной Азии и Америки и высказываются

¹³ Массон В. М. 1974, с. 15—21; Захарук Ю. Н., 1964; Клейн Л. С., 1970; Каменецкий И. С., 1970; Григорьев Г. П., 1972.

¹⁴ Захарук Ю. Н., 1977, с. 35—39.

¹⁵ Чернецов В. Н., 1973.

¹⁶ Мочанов Ю. А., 1977; Ларичева И. П., 1976.

взаимоисключающие концепции заселения Америки. Ю. А. Мочанов исходит из предположения о привнесении в Америку из Якутии носителями дюктайской культуры технологии изготовления бифасиальных наконечников, И. П. Ларичева считает эту дюктайскую культуру и возможную ее миграцию в Америку значительно более поздними, чем по Ю. А. Мочанову, и не распространяющимися далее Аляски, причем ее мнение поддерживают другие исследователи¹⁷. Придавая неоправданно большое значение в первоначальном заселении Америки дюктайской культуре, Ю. А. Мочанов вместе с тем необоснованно занижает в этом смысле значение ранней ушковской (VII слоя) палеолитической культуры Камчатки и голословно подвергает с этой целью сомнению ушковскую стратиграфию. Читатель найдет полный разбор критики наших материалов.

В названной книге И. П. Ларичевой имеется очень интересное предисловие С. А. Арутюнова, целиком поддерживающего и даже несколько заостряющего и усиливающего ее выводы, и в частности разделяемую ею идею конвергентного развития в Америке бифасиальной технологии. Однако мы вынуждены все же не согласиться с категоричностью суждения о якобы достаточной доказанности этого положения.

Проблематике палеолита на Северо-Востоке Азии посвящены также обзорный труд В. Р. Пауэрса¹⁸ и недавно вышедшая небольшая интересная книга Р. С. Васильевского¹⁹, с которым мы полемизируем по ряду вопросов протоземско-алеутской и древнекорякской истории.

Яркая и самобытная история Азии на стыке ее с Америкой, ее актуальнейшая археологическая проблематика, ее своеобразные и эффективные археологические памятники и древние культуры (например, древнеберингоморская, пунукская предков эскимосов, древнекорякская и ушковские палеолитические и др.) еще мало известны специалистам.

В настоящей книге даются таблицы вещевых комплексов для каждой культуры. Одновременно используется способ изложения, основанный на предварительной систематизации и индексации сходных форм каменных изделий. Таблицы этих сходных форм изделий имеются в приложении.

Автор считает своим приятным долгом выразить благодарность художнице Л. Н. Коршковой, выполнившей все графические иллюстрации книги, С. И. Васильевой — исполнительнице фоторабот, А. В. Ложкину, определившему радиоуглеродным методом абсолютный возраст большинства археологических памятников Северо-Восточной Азии.

Этим трудом автор воздает должное ныне покойному выдающемуся ученому профессору Михаилу Илларионовичу Артамонову, бессменному руководителю кафедры археологии Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, проявлявшему всегда большую искреннюю заинтересованность в широком развитии данных исследований на крайнем Северо-Востоке нашей Родины.

¹⁷ Абрамова З. А., 1973; 1975; Хейнес В., 1976; Григорьев Г. П., 1973; Powers W. R., 1973.

¹⁸ Powers W. R., 1973.

¹⁹ Васильевский Р. С., 1973.

Палеолит крайнего Северо-Востока Азии

Природные условия

Совокупность имеющихся в настоящее время археологических, палеоантропологических, палеогеографических и геологических данных позволяет с достаточным основанием полагать, что на Северо-Востоке Азии человек обитал уже во второй половине верхнего плейстоцена. Однако до сих пор являются невыясненными и дискуссионными более точное время и пути первоначального заселения этой территории человеком.

Теперь уже можно считать общепризнанным, что для решения подобных вопросов необходим комплексный подход к ним, учет многих факторов, и среди них непременно природных условий данной зоны в рассматриваемое время.

В этом отношении для определения экологических условий человека на Северо-Востоке Азии проделана уже немалая работа как нашими советскими, так и зарубежными, преимущественно американскими, учеными, но необходимо произвести синтез уже имеющихся данных, дополнив их некоторыми новыми полученными нами фактами.

Природные условия и экология древнего человека (взаимосвязь факторов природы с факторами, касающимися поведения человека) представляют собой на Северо-Востоке Азии, как, впрочем, и в других районах Земли, динамическую совокупность многих факторов: палеогеографических (в том числе орографических и гидрологических, гляциологических, гидрографических), палеоклиматических, палеоботанических, фаунистических, а также некоторых других.

В неоплейстоцене крайний Северо-Восток Азии (бассейн Колымы, Чукотка и Камчатка) пережил два периода горнодолинных оледенений: зырянский (70—50 тыс. лет назад) и сартанский (27—10 тыс. лет назад), и два больших межледниковья: казанцевское, предшествовавшее зырянскому оледенению, и каргинское (50—27 тыс. лет назад). Каждый из названных периодов характеризуется далеко не равномерным наступлением или отступлением ледников, сопровождаемым столь же неравномерными «зигзагообразными» колебаниями температуры и ледовитости окружающих морей и климата интересующей нас суши, причем изменения всех этих факторов взаимно обусловлены и идут в одном направлении, но не всегда строго синхронно. Мы рассматриваем эту динамическую палеогеографическую картину обобщенно, лишь с теми подробностями, которые могут иметь наибольшее для нас значение для уяснения времени и воз-

можных путей первоначального распространения человека по крайнему Северо-Востоку Азии.

В период казанцевского, самого теплого межледниковья, с которого начинается неоплейстоцен Северо-Восточной Азии, климат там был несколько теплее современного. В это время на Чукотке преобладали заболоченные тундры, лесотундры и светлохвойные леса из лиственницы и сосны, а на Камчатке, вероятно, сосново-еловые леса с березой¹. Наиболее характерными представителями животного мира здесь были тогда слон трогонтерий (*Elephas Trogontherii*), мамонт раннего типа (*Mammuthus primigenius*), обитавший в этих краях и раньше, еще в среднем плейстоцене². По мнению некоторых геологов, и в частности С. Ф. Бискэ, в это время Камчатский полуостров, вероятно, отделялся от материка узким проливом³. Трансгрессия моря выражалась также в затоплении им низовьев р. Анадырь и прилегающей к ее устью значительной территории, а также обширных участков на севере, востоке и юге Чукотского полуострова⁴.

Во время наступившего затем примерно 70 тыс. лет назад зырянского горно-долинного оледенения вследствие морской регрессии произошло полное или частичное осушение шельфовых территорий омывающих Чукотку и Камчатку морей. Результатом этого явилось возникновение либо сплошного соединения Азии и Америки посредством так называемой Берингийской суши, или «Берингии» (этот термин впервые введен Н. П. Сушкиным, хотя самое общее представление о Берингском мосте возникло значительно раньше, еще у С. П. Крашенинникова)⁵, либо посредством архипелага из близко расположенных друг к другу островов, на большую вероятность чего недавно обратил внимание Л. А. Портенко⁶. Как бы то ни было, по этому сплошному или прерывчатому Берингскому мосту происходил интенсивный обмен флорой и фауной между Северной Америкой и Северной Азией. На Чукотке в это время обитали, судя по фаунистическим остаткам в аллювиальных отложениях едомной свиты в стратотипическом разрезе на правобережье Колымы между устьями Омолона и Анюя, следующие тундрово-степные животные: мамонт (*Mammuthus primigenius*), шерстистый носорог (*Coelodonta antiquitatis*), лошадь (*Equus caballus*), бизон (*Bison priscus crassicornis* Rich), северный олень (*Rangifer tarandus*), благородный олень (*Cervus elaphus* L.), лось (*Alces alces* L.), овцебык (*Ovibos pallantis* Ham-Smith.) и др. Именно в это время мамонты, бизоны, носороги и северные олени распространяются из Северо-Восточной Азии в Северную Америку⁷. Тогда

¹ Гитерман Р. Е., Голубева Л. В., 1965, с. 373.

² Шер А. В., 1969; 1970.

³ Личное сообщение С. Ф. Бискэ.

⁴ Гасанов Ш. Ш., 1970. По мнению геологов, во время казанцевского межледниковья на Чукотском полуострове море оставило следы, располагающиеся на отметках 30—35 м (Баранова Ю. П., Бискэ С. Ф. и др., 1968, с. 117 г).

⁵ Hopkins D. M., 1959; Флинт Р., 1963; Наливкин Д. В., 1960; Rewe T. L., Hopkins D. M., Giddings J. L., 1965, p. 355—474; Баранова С. Ю., Бискэ С. Ф. и др., 1968, рис. 24; Крашенинников С. П., 1949, с. 175, 179.

⁶ Портенко Л. А., 1970.

⁷ Шер А. В., 1969, с. 9.

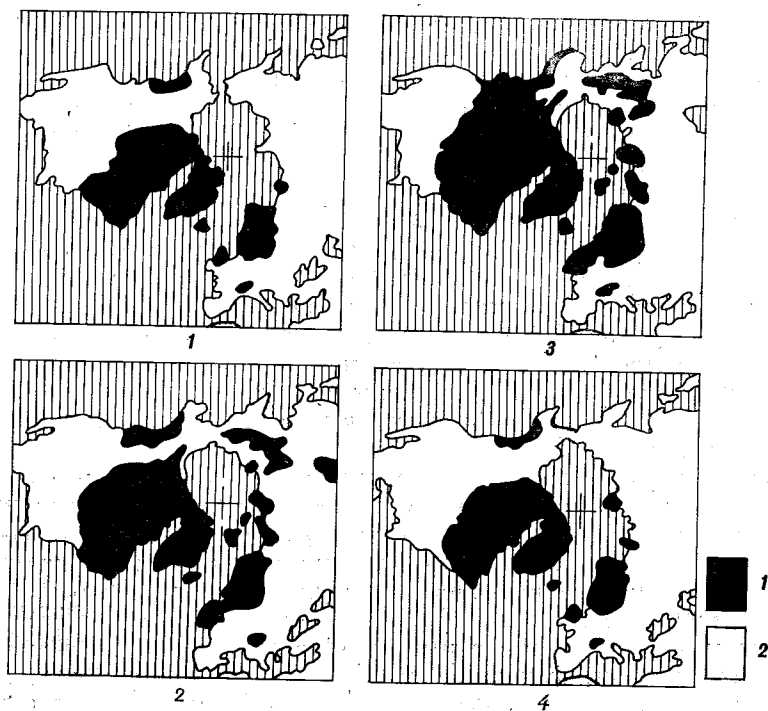

Рис. 1. Стадии развития оледенения и формирования Берингии (по Мюллер-Беку)
1 — конец каргинского межледникового; 2 — начало сартанского оледенения; 3 — максимум сартанского оледенения; 4 — конец сартанского оледенения

же в Америку проник через Чукотку и слон трогонтерий (*Elephas trogonterii*)⁸ — форма не арктическая, свидетельствующая о том, что в зырянское время климат в Северо-Восточной Азии был не очень суров. Впрочем, не исключено, что это теплолюбивое животное проникло в Америку по южному краю Берингии со стороны Северной Камчатки, через осушенную в то время регрессией моря охотскую отмель⁹ с юга, со стороны Приамурья. О том же, что южный край Берингии подходил в зырянское время к берегам Камчатки, косвенно свидетельствует установленный геологами факт соединения о-ва Карагинский с п-овом Южный на северо-восточном берегу Камчатки¹⁰.

После зырянского оледенения более чем на 20 тыс. лет восстанавливается относительно более теплый климат так называемого каргинского интерстадиала, снова полностью восстанавливается Берингов пролив, снова тундры и степи сменяются на Чукотке, Колыме и Северной Камчат-

⁸ Chard C. S., 1967.

⁹ Лундберг Г. У., 1965; Флинт Р., 1963, рис. 129; Баранова Ю. П., Бискэ С. Ф. и др., 1968, рис. 24.

¹⁰ Скиба Л. А., Хорева И. М., 1966.

ке редколесьем, а на юге Камчатки — настоящими хвойно-лиственными лесами. В отложениях древних аласов этого времени обнаружены кости оленя (*Cervus cf. elaphus* L.)¹¹.

Заключительный, сартанский наиболее холодный период верхнего плейстоцена (27—10 тыс. лет тому назад) изучен полнее, чем предшествующие. Это был период не столько оледенения, сколько сурового похолодания. Горно-долинные ледники занимали значительно меньшую часть территорий крайнего Северо-Востока, но все же существенным образом определяли его географию. На западе полоса ледников полностью отгораживала Чукотку от долины Лены, оставляя только проход по осушенному шельфу, а на юге ледники спускались к нынешней береговой линии Охотского моря¹². Некоторые геологи полагают, что полностью перекрыто ледниками было и устье р. Анадырь, вследствие чего по анадырско-пенжинскому «коридору» в то время не было выхода в сторону Америки¹³. Однако это мнение является дискуссионным, подлежащим дальнейшей проверке. И если бы не обусловленная оледенением регрессия моря, Чукотка и Камчатка оказались бы, таким образом, полностью изолированными от внутренних районов Сибири и от Аляски. Однако регрессией моря снова было создано Берингийское соединение (сплошное или в виде архипелага островов) Чукотки с Аляской¹⁴. Кроме того, возникли по этой же причине более или менее широкие полосы суши за счет шельфов. Они образовали два низменных коридора между морем и ледниками. Один из них, сравнительно узкий, вел со стороны бассейна Верхней Лены, Алдана и юго-западного Приохотья к Северной Камчатке¹⁵. Другой, называемый часто «Арктидой» и во много раз более широкий (не менее 500 км шириной), шел от Таймыра к Аляске, включив в себя Новосибирские острова и о-в Врангеля¹⁶.

Вследствие наибольшей изолированности в сартанское время арктического бассейна от теплых течений Атлантики и Тихого океана толщина льда достигала тогда, по единогласному мнению специалистов, своего максимума и оценивается некоторыми из них примерно в 22 м (в настоящее время она 5 м)¹⁷ — 10 баллов по шкале ледовитости, принятой П. М. Борисовым¹⁸. Между тем, по данным палеогеографии, даже при ледяной коре в 10—12 м Ледовитый океан должен был воздействовать на атмосферу практически как покрытая льдом суша, несколько не отепляя ее зимой и не создавая разности давления по отношению к атмосфере над сушей. Вследствие этого полюс холода совмещался с географическим полюсом и температура зимой над ледяным панцирем океана достигала — 40° (в настоящее время она равняется 25°, по Цельсию). Согласно этой теплофизической концепции, над скованным льдом океаном в сартанское время

¹¹ Шер А. В., 1969.

¹² Флинт Р., 1963, с. 426 и сл., рис. 129; Васьяковский А. П., 1963.

¹³ Васьяковский А. П., 1963; Баранова Ю. П., Биска С. Ф. и др., 1968, с. 117.

¹⁴ Hopkins D. M., 1959; Флинт Р., 1963; Rewe T. L., Hopkins D. M., Giddings J. L., 1965; Портенко Л. А., 1970.

¹⁵ Chard C. S., 1967; Линдберг Г. У., 1965; Флинт Р., 1963.

¹⁶ Васьяковский А. П., 1963, с. 51; Баранова Ю. П., Биска С. Ф. и др., 1968, с. 118.

¹⁷ Чижов О. П., 1970, с. 74.

¹⁸ Борисов П. М., 1970, с. 68.

постоянно дули круговые восточные ветры, подобные антарктическим. Подобной направленной циркумполярной атмосферной циркуляцией атлантической влага захватывалась и увлекалась на Евразийский континент, вызывая огромное европейское оледенение. Она истощалась на востоке Сибири, вследствие чего там, в зоне дефицита влаги, оледенение было развито значительно меньше, и снова достигало максимума в Северной Америке за счет влаги, захватываемой над Тихим океаном тем же направленным атмосферным вращением¹⁹.

Пылевые бури того же постоянного круглогодичного направления способствовали отложению лёссов в перигляциальной области между долинами рек на севере Якутии и на Чукотке. В самих же долинах отлагался аллювий, причем рек, как таковых, в период оледенения еще не было, были только потоки, а террасы возникли у них, как полагает С. В. Томирдиаро, только в голоцене. Озер, по его мнению, тоже не было в период оледенения, они появились лишь в периоды межледниковий и в голоцене, как следствие термокаста²⁰. На неоледеневшей арктической суше Чукотки, образованной лессовыми отложениями и мощным сингенетическим подземным оледенением, в это время простирались открытые сухие и очень холодные тундры с обильной примесью степных растений (так называемые тундро-степи)²¹. Судя по костным фаунистическим остаткам Алешкинской свиты первой надпойменной террасы в низовьях Колымы, чукотские тундро-степи были населены в сартанское время позднего типа (но не мелкими) мамонтами (*Mammuthus primigenius*), относительно мелкими лошадьми (*Equus caballus* subsp.), северными оленями (*Rangifer tarandus* L), бизонами (*Bison priscus* subsp.), сайгой (*Saiga tatarica*), а также множеством более мелких животных²². Особенно часты на Чукотке остатки мамонтов (на о-ве Айон, на реках Анадырь, Амгуэма, Малый Анюй, Омолон и др.).

Таким образом, арктические тундро-степи пространства северной Чукотки, несмотря на их необычайную суровость, не были безжизненными и непригодными для людей, и здесь по ним мог проходить северный путь заселения Чукотки со стороны Нижней Лены. В этой связи представляют определенный интерес пока еще не вполне ясные, но чрезвычайно интересные находки расколотых костей мамонта на р. Мухоморная в центре Чукотки (в бассейне р. Белая)²³ и еще в каком-то другом месте Чукотки (к сожалению, беспаспортные), осмотренные в свое время В. К. Арсеньевым²⁴.

На Камчатке в сартанское время растительность, вероятно, была богаче, чем на Чукотке, и удобренные вулканическими пеплами высокопродуктивные тундро-степи чередовались там с редколесьем. Так же обилен,

¹⁹ Шило Н. А., Бойчук В. В., Томирдиаро С. В., 1969, с. 72, 73; Томирдиаро С. В., 1969, с. 93—96.

²⁰ Томирдиаро С. В., 1969; 1976.

²¹ Тугаринов А. Я., 1934.

²² Шер А. В., 1969, с. 9.

²³ Кости обнаружены Брыкиным и хранятся в Анадырском краеведческом музее.

²⁴ Арсеньев В. К., 1948, с. 121.

без сомнения, был там и животный мир и, в частности, фауна крупных млекопитающих.

Костные остатки мамонтов обнаружены в разных местах Камчатки, от берегов Пенжинской губы и Парапольского дола на юг до долины р. Камчатка, где они особенно обильны. Там в 1918 г. еще В. К. Арсеньев находил кости шерстистых носорогов и мамонтов²⁵, там находила их и наша экспедиция в 1961—1965 гг.²⁶, а также специальная палеонтологическая экспедиция Геологического института, возглавляемая Н. П. Куприной²⁷. Судя по отмеченной выше географии костных остатков мамонта на Камчатке (и, в частности, по находке их А. Р. Гептнером в 1963 г. возле Тигиля)²⁸, они распространялись на этот полуостров, скорее всего, по его западному берегу со стороны Чукотки, но, возможно, также и по североохотской прибрежной зоне, где теперь также обнаружены мамонтовые кости²⁹. В пользу этого пути распространения мамонтов по охотскому коридору в сартанское время косвенно могут свидетельствовать и несколько местонахождений мамонтов, обнаруженных на о-ве Хоккайдо японским геологом Минато³⁰, так как совершенно очевидно, что туда мамонты могли попасть только по позднесартанским сухопутным соединениям со стороны о-ва Сахалин и Приамурья, откуда идет путь и на север по Приохотью.

Отнюдь никогда не отрицая важного и, может быть, даже первостепенного значения чукотско-арктического пути движения мамонтов к Берингии, Аляске и Камчатке, на который обращали внимание уже многие исследователи (Солецкий, Кэмпбелл, Честер Чард и Мочанов)³¹, необходимо все же подчеркнуть и привлекательность для этих зверей и приохотской сартанской, а до этого, может быть, и зырянской материковой отмели вдоль нынешних обрывистых западных и северных берегов Охотского моря к Парапольскому долу на севере Камчатки. И этот путь, отличающийся во все эпохи более мягким климатом, а следовательно, и разнообразием флоры, действительно, как выше было показано, уже отмечен первыми находками мамонтовых костей. Их пока известно относительно меньше, чем на севере Чукотки или чем в долине р. Анадырь. Это объясняется двумя вполне понятными причинами: менее благоприятными там условиями захоронения мамонтов, чем на севере, и гораздо меньшей изученностью северного и западного Приохотья по сравнению с арктической полосой Северо-Восточной Азии. Что это именно так, показывает недавняя находка замерзшего трупа мамонтенка вблизи Сусумана, гораздо более близкая к Охотскому морю, чем к Северному Ледовитому океану³².

²⁵ Там же, с. 118, 119.

²⁶ Эти кости мамонтов, преимущественно коренные зубы, переданы нами для исследования в Институт и Музей зоологии АН СССР В. Е. Гарутту.

²⁷ Куприна Н. П., 1966.

²⁸ Гептнер А. Р., Лупкина Е. Г., Скиба Л. А., 1966.

²⁹ Личное сообщение А. П. Васильковского.

³⁰ Minato M., 1955.

³¹ Solecki R. S., 1951; Campbell J. M., 1963; Chard S. C., 1960; Мочанов Ю. А., 1969а.

³² Шило Н. А., 1978.

Итак, в суровые в климатическом отношении зырянское и сартанское времена мамонты, бизоны и северные олени могли распространяться по Чукотке и Камчатке в сторону Берингии и Америки двумя главными возможными тогда путями: арктическим и приохотским. Расселение этих животных в Северную Америку началось еще со среднего плейстоцена и осуществлялось по периодически возникавшему Берингийскому мосту³³, который играл для них роль своеобразного холодного «фильтра»³⁴.

Абсолютный возраст зырянского неоплейстоценового моста пока оценивается по-разному, но наиболее общепринятой является одна из последних датировок (между 50 и 40 тысячами лет, согласно Мюллер-Беку)³⁵.

Сартанский «мост» (наиболее широкий) датируется этим исследователем в 28—10 тыс. лет, причем он обращает особое внимание на период 28/25 — 23 тыс. лет от нашего времени, в течение которого одновременно с этим «мостом» существовал сквозной проход из Аляски в южные районы Северной Америки между Лаврентьевским и Канадским ледниковыми щитами. В дальнейшем такая непрерывная связь между Азией и Америкой возобновилась только 13—10 тыс. лет назад. До 28/25 тыс. лет назад до нас и после 10 тыс. лет назад Северо-Восточная Азия была отделена от Аляски Беринговым проливом, а в период 23—13 тыс. лет Канадский ледяной барьер был сплошным и представлял непреодолимое препятствие, отделявшее Аляску и связанный с нею в одно целое Берингией крайний Северо-Восток Азии от остальных областей Американского континента³⁶.

Для нас является весьма важным вывод палеозоологов о проникновении мамонтов, бизонов и северных оленей из Северо-Восточной Азии в Америку, а также наш вывод о возможных путях миграций этих животных сначала на Чукотку, Камчатку и в Америку. Теперь мы можем допустить, что именно по этим путям в плейстоцене шел на Северо-Восток Азии и палеолитический человек, преимущественно охотник на крупных травоядных, постепенно осваивавший новые охотничьи угодья.

Проблема первоначального заселения Северо-Восточной Азии и Америки

Ближайшие подступы к Северо-Восточной Азии — южные районы Сибири и Дальнего Востока — впервые могли быть заселены человеком со стороны Урала, Казахстана, Центральной и Восточной Азии еще во второй половине плейстоцена (в среднем и, возможно, даже в нижнем палеолите), на что указывают, по мнению некоторых исследователей, пока еще проблематичные, возможно, каргинские памятники Алтая, При-

³³ Тугаринов А. Я., 1934; Флеров К. К., 1965; Шер А. В., 1970.

³⁴ Solecki R. S., 1951; Шер А. В., 1976, с. 227.

³⁵ Müller-Beck H. G., 1966, p. 1191—1210; On Migrations of Hunters across the Bering Land Bridge in the Upper Pleistocene. Hopkins (Ed.), Stanford, 1967.

³⁶ Müller-Beck H. G., 1966.

байкаля и Приамурья (Улалинка, Усть-Канская пещера, стоянки Игитей и Тарахай на стометровых террасах Ангары, Филимошки и др.)³⁷. Однако вполне определенны и бесспорны в Сибири и на Дальнем Востоке только верхнепалеолитические следы человека, причем преимущественно начиная с сартанского времени³⁸. Именно характер прежде всего сартанских культур Сибири в сопоставлении с несравненно более древними культурами окружающих территорий позволяет судить о наиболее древних, восходящих к среднепалеолитическому времени мустье (леваллуазских) истоках сибирского верхнего палеолита. Впрочем, ясности здесь нет, и в настоящее время об истоках, этапах и вариантах развития палеолита Северной и Северо-Восточной Азии идет дискуссия, получившая достаточно полное освещение в большой обзорной книге В. Пауэрса³⁹. Так, Абрамова З. А., опираясь на стратиграфию и датированные типологические комплексы, выделяет в Сибири три культурные области верхнего палеолита: 1) южносибирскую Верхнего Енисея, Алтая и Забайкалья (объединяющую культуры афонтовскую, кокоревскую, сrostкинскую, ошурковскую); 2) среднесибирскую (мальтинско-буретская культура в Прибайкалье, Ачинская стоянка на Чулыме и Тараиха на Енисее); 3) северо-восточную сибирскую (дюктайские и другие возможные культуры этой области)⁴⁰. Эта исследовательница возражает против предложенного Г. П. Григорьевым и В. А. Рановым термина «постмустье» вместо «верхний палеолит» для Сибири, справедливо отстаивая прогрессивный характер сибирского палеолита в каргинское и сартанское время⁴¹.

Ю. А. Мочанов предложил иную систематизацию сибирских верхнепалеолитических культур⁴², по его мнению, отражающих две основные традиции изготовления каменных наконечников и ножей: 1) мальтинско-афонтовская, без бифасов (мальтинская, афонтовская, кокоревская, сrostкинская, ошурковская и санномысская культуры), восходящая к мустье-леваллуазским культурам Средней и Центральной Азии; 2) дюктайская, бифасиальная (бассейнов Лены, Индигирки, Кухтуя и Камчатки и на юге Сибири и Дальнего Востока — Няньги, Батойская Яма, Сохатино, Кумары III, Осиновка, Устиновка и др.), идущая от бифасиальных мустьерских культур с апельской традицией Южного Урала, Казахстана и других территорий, примыкающих к Сибири с юга. Дюктайскую бифасиальную традицию в последнее время он склонен подразделять на две субтрадиции: с клиновидными нуклеусами, характерными для Дюктайской пещеры, и без них (возможно, не датированная пока стоянка Кухтуй на северном побережье Охотского моря).

Само выделение Ю. А. Мочановым памятников бифасиальной и унифасиальной традиций является хорошей традицией, начало которой поло-

³⁷ Окладников А. П., 1966а; Окладников А. П., Деревянко А. П., 1973а, б; Деревянко А. П., 1971, 1973; Руденко С. И., 1960; Дейтлин С. М., 1975.

³⁸ Окладников А. П., Абрамова З. А., 1974; Абрамова З. А., 1975.

³⁹ Powers W. R., 1973.

⁴⁰ Абрамова З. А., 1975.

⁴¹ Там же; Григорьев Г. П., 1968.

⁴² Мочанов Ю. А., 1977, с. 223—240.

жил на восточноевропейском материале А. А. Формозов⁴³, и возражений со стороны археологов⁴⁴ не вызвало бы, будь оно не столь умозрительным, путаным и непоследовательным. Им равнозначно употребляются термины «дюктайская традиция», «дюктайская провинция», «дюктайская культура»⁴⁵, а с умозрительным выделением «дюктайской субтрадиции» без клиновидных нуклеусов оказывается, что за всеми этими терминами стоит только одно — наличие в культурном комплексе бифасиальных орудий, что, конечно, недостаточно для конкретно-археологической традиции или культуры. Недаром видный американский археолог В. Пауэрс в своем обширном обзоре сибирского палеолита замечает, что понятием так называемой дюктайской культуры «надо пользоваться осторожно»⁴⁶. Мало того, возникает вопрос, следует ли ее вообще называть дюктайской, если учесть, что бифасы в сочетании с клиновидными нуклеусами до обнаружения их в 1967 г. (и публикации в 1969 г.) Ю. Мочановым⁴⁷ были известны и на других позднепалеолитических стоянках Сибири и севера Дальнего Востока: на Верхнеленской Горе, на Ушковском озере и т. д.

Справедливо подвергается критике необоснованно завышенная Ю. А. Мочановым датировка так называемой дюктайской культуры, якобы начинающейся еще 35 тыс. лет назад и без особых изменений продолжающейся до X тысячелетия от нашего времени⁴⁸. Целых 25 тыс. лет столь длительного и, следовательно, крайне медленного, застойного, развития «дюктайской культуры» совсем не согласуются с признанием Ю. А. Мочановым вслед за нами⁴⁹ и З. А. Абрамовой⁵⁰ прогрессивного характера палеолита на Северо-Востоке Азии. Впрочем, в этом противоречии нет проблемы, так как в свете имеющихся данных не выдерживает критики сама датировка «дюктайской культуры» и представляющих ее памятников. Она основана на сопоставлении нескольких стратиграфических разрезов разновысотных террас р. Алдан, культурные слои которых датированы радиоуглеродным методом. Однако предлагаемая Мочановым последовательность террас весьма проблематична, а в самих радиоуглеродных датировках наиболее ранних стоянок «дюктайской культуры» с третьей террасы либо наблюдается значительная инверсия (Усть-Миль II)⁵¹, либо даты заведомо ненадежные (Ихине II, даты ГИН)⁵², либо они вовсе отсутствуют (Ихине I, Эжанцы)⁵³. Неудивительно поэтому, что датировка названных памятников 35—23 тыс. лет совсем не согласуется с археологическими критериями, с тем фактом, что для столь раннего времени в сибирских культурах клиновидные нуклеусы и двусторонне обработанные листовидные наконечники совсем не встречаются, на что

⁴³ Формозов А. А., 1969.

⁴⁴ Абрамова З. А., 1975.

⁴⁵ Мочанов Ю. А., 1977, с. 236, 239 и др.

⁴⁶ Powers W. R., 1973, с. 71.

⁴⁷ Мочанов Ю. А., 1969б.

⁴⁸ Мочанов Ю. А., 1977, с. 223—240.

⁴⁹ Диков Н. Н., 1971а.

⁵⁰ Абрамова З. А., 1975.

⁵¹ Мочанов Ю. А., 1977, с. 35.

⁵² Там же, с. 40.

⁵³ Там же, с. 51.

уже обращали внимание З. А. Абрамова, И. П. Ларичева, Хейнес, В. Пауэрс и другие археологи⁵⁴. Об этом свидетельствует и наблюдение Мочанова о том, что в дюктайском комплексе Верхне-Троицкой стоянки го-бийский нуклеус такой же, как на Ихине I⁵⁵ (и следовательно, Ихине не 35 тыс. лет, а значительно, раза в два, меньше), и о том, что бифас со стоянки Эжанцы почти не отличается от овальных ножей-бифасов в верхнем палеолитическом горизонте Дюктайской пещеры⁵⁶ (следовательно, Эжанцам не 35 тыс. лет, а, вероятно, близко к 13—14 тыс. лет).

В столь необоснованной и противоречивой датировке Мочановым «дюктайской культуры» сказалась, видимо, и сама методика раскопок на стоянках, не отличающихся достаточно четкой стратиграфией, нередко нарушенной мерзлотными образованиями и деятельностью человека. Культурные слои на алданских стоянках не разделены такими четкими стерильными прослойками, как, например, прослойки вулканических пеплов ушковских стоянок на Камчатке, и расположены близко друг к другу, вследствие чего проникновение культурных остатков из одного слоя в другой во многих случаях не поддается контролю. Особенно это относится к таким стоянкам, как Белькачи I, Ихине I, Ихине II, Усть-Миль, Верхне-Троицкая и Дюктайская пещера.

Таким образом, правы, очевидно, геологи и археологи, полагающие возраст так называемой дюктайской культуры в пределах позднего сар-танского времени (максимум от 18, а скорее всего от 14 до 10 тыс. лет назад)⁵⁷. С этой поправкой «дюктайскую культуру» следует признать как важный культурно-исторический этап палеолитического прошлого в бассейне р. Алдан. Распространять же ее как «традицию» или «провинцию» на весь Северо-Восток вплоть до Японии и Америки нет достаточных оснований. Традиция, как историческая общность, является понятием не только хронологическим и территориальным, но и безусловно генетическим. Упрощенно абсолютизируя разделение всех памятников Северной Азии на две традиции — унифасиальную и бифасиальную — без учета их происхождения и выделяя между ними так называемую контактную зону по водоразделу бассейнов Лены и Енисея, Селенге и верхнему Амуру⁵⁸, Мочанов не учитывает, что дальневосточные области Северной Азии, лежащие за другим великим водоразделом (например, Камчатка), относятся к особой тихоокеанской культурной зоне верхнего палеолита со своими собственными технологическими традициями, включая бифасиальную и унифасиальную, нередко сочетающимися на одних и тех же памятниках (например, в слое VII стоянки Ушки-1)⁵⁹, хотя эта зона по своему географическому положению и не может рассматриваться

⁵⁴ Ларичева И. П., 1976а, с. 136, 198; Абрамова З. А., 1972; 1973; Powers W. R., 1973; Хейнес В., 1976, с. 435.

⁵⁵ Мочанов Ю. А., 1977, с. 224.

⁵⁶ Там же, с. 223.

⁵⁷ Цейтлин С. М., 1972, с. 116—125; 1975, с. 34; Ларичева И. П., 1976; Абрамова З. А., 1972; 1973.

⁵⁸ Мочанов Ю. А., 1977, с. 550.

⁵⁹ Ларичев В. Е., 1970; Ларичева И. П., 1976а; Васильевский А. С., 1973а; Деревянко А. П., 1973.

в качестве контактной. Об особом параллельном развитии бифасов из галечных орудий в Приморье на примере верхнепалеолитической стоянки Кумары III убедительно писал в свое время А. П. Деревянко⁶⁰.

Сосуществование бифасиальной и унифасиальной, а также «галечной» технологии прослеживается в сартанское время на Аляске, где в культуре бритиш-маунтин (тоже неконтактной) наряду с унифасами известны только очень грубые и примитивные бифасы, значительно уступающие по выработанности своих форм одновременным, а по Мочанову, даже более древним бифасам дюктайской культуры⁶¹. Этот факт необъясним, если следовать схеме Мочанова о распространении дюктайской традиции и культуры вплоть до Америки и даже в Америку в раннем и среднем Сартане. Очевидно, мы имеем дело на Аляске в то время не с «дюктайской традицией», а с конвергенцией, сила которой проявлялась в отношении бифасов на нашей планете, как известно, неоднократно, начиная с древнейших времен. Достаточно вспомнить вывод А. А. Формозова о том, что в ашеле технология бифасов в Восточной Европе возникла независимо почти в каждой эндогамной общине, в результате эта технология была распространена там вперемешку с унифасиальной, и обе они были изолированы на каждом отдельном памятнике, являя тем самым для каждого из них его собственную традицию⁶².

Итак, «дюктайская традиция» (или «дюктайская культура»), даже если она мыслится Ю. А. Мочановым как общность первого порядка, — общность прежде всего генетическая, т. е. имеющая свой единый исток, и не распространялась поэтому по Северо-Восточной Азии и Америке так далеко, как он предполагает. На крайнем Северо-Востоке Азии (в частности, на Камчатке), на Аляске и, вероятно, в Приамурье дюктайской традиции противостоят другие бифасиальные традиции и культуры: ушковская VII слоя на Камчатке, сибердиковская культура на Колыме, культура Бритиш-Маунтин на Аляске и, возможно, Кумары III в Приамурье, имеющие независимые от «дюктайской культуры» конвергентные источники происхождения. Не согласиться с этим значило бы признать принципиальную возможность отнесения к «дюктайской традиции» и всех других генетически не связанных с нею бифасиальных культур и традиций, включая «солютрейскую» (позиция, которую занимал Мюллер-Бек). Но в таком случае отпала бы надобность в термине «дюктайская традиция», можно было бы, подобно Мюллер-Беку, называть бифасиальную традицию на Алдане просто «солютрейской» традицией.

В свете новых археологических материалов совершенно очевидно своеобразие палеолитических культур Камчатки и Колымы, наиболее древняя из которых, раннеушковская VII слоя, принципиально отличается от дюктайской, а более поздняя, сибердиковская — от сумнагинской. Видно также, что именно ушковская культура, а не дюктайская могла сыграть свою определенную роль в заселении заледниковой Америки еще

⁶⁰ Деревянко А. П., 1973.

⁶¹ Ларичева И. П., 1976а, с. 123.

⁶² Формозова А. А., 1959, с. 112. Против стадной конвергенции камнеобрабатывающей техники в мустье выступил Н. Д. Праслов (1965, с. 16).

до того, как через Чукотку могло распространяться влияние на Аляску со стороны дуктайской культуры.

Следует напомнить вкратце об основных гипотезах заселения Америки в трудах зарубежных и советских ученых — наших предшественников и современников.

Стало почти общепризнанным, что Америка заселялась со стороны Северо-Восточной Азии человеком современного вида — *Homo sapiens*⁶³. Поэтому проблема первоначального заселения Америки, а также северо-восточной окраины Азии самым тесным образом связана с проблемой происхождения современного человека, в частности с дилеммой ее полицентрического или моноцентрического решения.

Если принять моноцентрическую гипотезу и признать, что современный человек сперва появился на западе Старого Света, а затем оттуда заселял Восточную Азию, ассимилируя или вытесняя местных палеоантропов, то ясно, что в таком случае должно было пройти более продолжительное время до его распространения на крайний Северо-Восток и в Америку, чем если бы на востоке Азии, согласно полицентрической гипотезе⁶⁴, был свой собственный очаг сапиентации.

Принятие полицентрической гипотезы дало бы переселенцам на Северо-Востоке «стартовое» преимущество в тысячи километров пути и, следовательно, по крайней мере в несколько тысячелетий во времени. Однако если согласиться с последним вариантом полицентризма, точнее сказать, дицентризма, сближающим два очага в пределах Северо-Восточной Африки и Юго-Западной Азии⁶⁵, то это преимущество оказывается очень незначительным.

Таким образом, даже принимая полицентризм в его последнем наиболее вероятном варианте, мы видим, каким огромным оставался путь от восточного очага сапиентации в Юго-Западной Азии до Берингова пролива. Конечно, само по себе это еще не решает хронологического аспекта проблемы заселения Америки, хотя и дает некоторое объективное представление о нижней границе датировки древнейшего переселения на этот континент человека современного вида, которая, как мы видим, находится в прямой зависимости от датировки его происхождения. Последняя же, к сожалению, еще весьма дискуссионна и колеблется в довольно широком диапазоне: от 50—54 тыс. лет до н. э.⁶⁶ и даже, что весьма спорно, 70 тыс. лет⁶⁷, до 40 тыс. лет⁶⁸, причем достаточно обоснованной достоверными фактическими данными является наименьшая из названных дат, совпадающая как для Передней Азии, так и для Юго-Восточной⁶⁹. Поэтому если исходить из этой минимальной оценки возраста первых людей современного вида, то первое заселение ими Америки могло про-

⁶³ Дебец Г. Ф., 1951; Окладников А. П., 1955б; Zubov A. A., 1963; Алексеев В. П., 1969, 1972, 1973; Рогинский Я. Я., 1969; Chard C. S., 1969.

⁶⁴ Weidenreich F., 1938.

⁶⁵ Zubov A. A., 1970.

⁶⁶ Якимов В. П., 1972.

⁶⁷ Решетов Ю. Г., 1965.

⁶⁸ Иванова И. К., 1965.

⁶⁹ Борисковский П. П., 1971.

изойти, вероятно, не ранее 40—35 тыс. лет назад. Предположение о более древнем заселении Америки (50—100 тыс. лет назад)⁷⁰ неизбежно приведет к противоречивому (с точки зрения современной антропологии) выводу, что в Америке был свой собственный первичный очаг сапиентации. К тому же следует учитывать, что люди попали на Северо-Восток Азии, а затем и на Американский материк лишь после того, как научились приспосабливаться к холодному климату, изобрели для этого теплую одежду и жилища. Это могло произойти, скорее, в верхнем палеолите, а не в нижнем.

Серьезные ограничения на решение рассматриваемой проблемы накладывает неполнота антропологических и археологических данных. В Восточной и Северной Азии до сих пор не обнаружены вместе с палеоантропологическими остатками следы исходной верхнепалеолитической культуры амеро-азиатов, от которой непосредственно могла бы произойти древнейшая палеоиндейская культура, будь она с каменными двусторонне обработанными наконечниками (бифасами) или вообще без наконечников.

Проблема древности проникновения человека из Азии в Америку решается интенсивными археологическими исследованиями как в Северной, так и в Южной Америке. По-разному интерпретируя радиоуглеродные определения возраста археологических остатков, ученые по-разному определяют время появления человека в Западном полушарии. По самым строгим оценкам геологов, это событие относится к XIII—XV тысячелетиям от нашей современности к самому концу последнего позднеледникового (сартанского) оледенения, когда начал возникать или, возможно, уже возник узкий проход на юг между ледниковыми щитами Северной Америки⁷¹. К этому времени относятся бесспорно (по «короткой» хронологии) датируемые, с точки зрения геологов, стоянки с наконечниками типа Сандия, Кловис, а затем и Фолсом. Другие исследователи полагают возраст известных ныне древнейших археологических находок значительно большим — в 20—35 тыс. лет⁷² (а по мнению некоторых из них, уходящим даже в средний палеолит)⁷³. При этом американский археолог Кригер выделяет наиболее древнюю стадию «до наконечников», предшествующую, по его мнению, специфическим американским метательным острьям Сандия, Кловис и Фолсом⁷⁴. Эти стадии наконечников датируются некоторыми исследователями по длинной хронологии: сандия — 26—17 тыс. лет; кловис — 17—12 тыс. лет, фолсом — 12—10 тыс. лет⁷⁵.

Точка зрения о значительно глубоком верхнепалеолитическом возрасте древнейших следов человека находит подтверждение в недавнем откры-

⁷⁰ *Mc Neish R. S.*, 1971.

⁷¹ Четвертичный период в США, т. II (перевод с английского под редакцией В. И. Громова), 1969 (см. ч. II: «Археология» и предисловие, написанное В. И. Громовым); *Haynes V. C.*, 1971.

⁷² *Campbell J. M.*, 1963; *Mc Neish R. E.*, 1963, 1971; *Мочанов Ю. А.*, 1966, 1977.

⁷³ *Ларичева И. П.*, 1966, 1976а.

⁷⁴ *Krieger A. D.*, 1964.

⁷⁵ *Ларичева И. П.*, 1976.

тии двух хорошо датированных стоянок. Одна из них, в пещере Вилсон Батл в штате Айдахо, датируется 15 000 лет (М—1410). Другая — Тлапакоя возле Мехико — имеет, по мнению некоторых археологов, еще более древний возраст — 23 000 лет. Имея в виду возраст этих двух памятников и то, что в то время ледяной барьер, полностью изолировавший в течение 13 тыс. лет Новый Свет, уже существовал, Честер Чард пришел в свое время к выводу о том, что человек появился на крайнем Северо-Востоке Азии не позже 23 тыс. лет назад и наверняка несколько раньше ⁷⁶.

Более сдержанную позицию по отношению к стоянке Тлапакоя заняла М. Вормингтон, считающая ее датировку не вполне достоверной ⁷⁷. Тем не менее эта авторитетная исследовательница американского палеолита (которая в свое время ввела термин «палеоиндейцы», а затем выделила на территории США пять палеоиндейских культур) на симпозиуме о древнем человеке в Северной Америке в 1970 г. в Сан-Диего заключила пари с Мак-Нейшем о том, что уже к 1980 г. будет убедительно установлена древность американского палеолита более чем в 25 тыс. лет ⁷⁸. Это тем более знаменательно, что исследовательница отрицает стадию «до наконецников» и, таким образом, рассчитывает на столь высокую и абсолютно достоверную датировку для культуры Сандия. Недавняя находка костяного острия в Олд Кроу в Канаде (датируемая 27 тыс. лет по С-14), которую Вормингтон оценивает высоко, но в возрасте которой сомневается Брайан (он полагает, что древний человек мог использовать ископаемую кость), является хорошим предвестником достоверных дат древнее 25 тыс. лет ⁷⁹. Пока же высокие датировки американского палеолита (до 40 тыс. лет и даже больше) весьма ориентировочны и будут уточняться по мере выявления хорошо датированных археологических материалов.

Определенный интерес в связи с затронутой нами темой представляет вопрос об источниках палеоиндейской культуры с точки зрения их содержания, а также о путях и этапах ее проникновения через Северо-Восточную Сибирь в Америку. Эта проблема имеет свою историю и немалая роль в решении этой проблемы принадлежит Честеру Ч. Чарду.

Ч. Чард одним из первых придавал должное значение восточным мустье-леваллуазским памятникам Старого Света в связи с проблемой происхождения древнейших палеоиндейских культур Америки. Он отмечает сходные с палеоиндейскими черты (в частности, зачатки пластинчатой техники, а в отдельных случаях и наличие бифасов) в мустье-леваллуазском комплексе Динцунь, в исследованной С. И. Руденко Усть-Канской пещере на Алтае и в открытых А. П. Окладниковым в Монголии мустье-леваллуазских стоянках Отцонь-Маньт и др. ⁸⁰

⁷⁶ Chard C. S., 1968; 1969, p. 142.

⁷⁷ Wormington H. M., 1971.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Harington C. R., 1975; Wormington H. M., 1971.

⁸⁰ Chard C. S., 1959; Chard C. S., 1963, p. 115—121; Chard C. S., 1969, p. 139—146; Руденко С. И., 1960; Окладников А. П., 1973.

Вместе с тем Ч. Чард не ограничивает проблему выявлением только этого центральноазиатского истока палеоиндейской культуры, убедительно показывает наличие в ней и другой традиции, восходящей к галечной индустрии Юго-Восточной Азии, а также более позднего ориньякского влияния⁸¹.

Исходя из палеогеографических условий Северо-Востока Азии в период сартанского оледенения, Ч. Чард предполагает, что к Берингову проливу, на месте которого тогда была суша, и далее к Аляске по Северо-Восточной Сибири в верхнем палеолите отмечено два пути миграции людей: 1) с юга вдоль Охотского побережья и далее по Анадырско-Пенжинской низине; 2) от низовьев Лены вдоль Полярного побережья. Причем, по первому пути в Америку проникали культуры преимущественно с галечной традицией. Тихоокеанский водораздел, по мнению Ч. Чарда, отделял дальневосточную тихоокеанскую культурную зону от внутриконтинентальной восточносибирской, являлся между ними постоянной преградой, которая стимулировала перемещение вдоль береговой полосы Охотского моря к северу по направлению к Камчатке и Берингии в периоды оледенений, когда этот прибрежный путь оказывался доступным, и ограничивала их в периоды межледниковий бассейном р. Амур и примыкающими к нему пространствами⁸².

Что касается этапов заселения Америки, то Ч. Чард придерживается мнения, что ранее 27 тыс. лет назад есть только вероятность движения людей в северном направлении в Америку и что в течение последних 27 тыс. лет Аляска и Берингия могли быть заселены непрерывно, но межконтинентальным контактам и доступу к внутренним пространствам Северной Америки в течение 10 тыс. лет препятствовал Канадский ледниковый барьер (с 23 до 13 тыс. лет до нашего времени)⁸³.

Гипотеза Ч. Чарда об истоках, путях и этапах заселения Америки не страдает той односторонностью, которая присуща многим другим гипотезам, как правило, «привязанным» только к тем памятникам и культурам, которые были исследованы в поле самими авторами гипотез. Эта смелая и стройная гипотеза сразу же обратила на себя внимание и активизировала разработку проблемы.

Основные аспекты проблемы заселения Америки развиваются и конкретизируются также Кэмпбеллом, М. Вормингтон, Мак-Нипем, Мюллер-Беком, Борденом, Банди, Ф. Икавой, Ж. Малори, В. Лафлином, А. П. Окладниковым, Р. С. Васильевским, И. П. Ларичевой, Ю. А. Мочановым и др.

Так, осторожная и сдержанная в датировках М. Вормингтон⁸⁴ выводит американский палеолит из района о. Байкал, где, по ее мнению, пластинчатая техника палеолита Южной Сибири смешалась с азиатской традицией чопперов и распространилась оттуда к Берингову проливу, который, по ее мнению, не был препятствием в палеолите и во время

⁸¹ Chard C. S., 1969, p. 139—146.

⁸² Chard C. S., 1960; Chard C. S., 1967.

⁸³ Chard C. S., 1967; Chard C. S., 1969, p. 141.

⁸⁴ Wormington H. M., 1962, p. 230—242; 1971.

затопления Берингии. Желобчатые наконечники возникли, как она давно полагает, в ледниковой Америке конвергентно (при этом она придерживается малой хронологии культур фолсом и кловис). Любопытно, что П. Бэш-Гимпера тоже считает возможным вывести палеолит Америки из района о. Байкал, хотя и основывает этот вывод на сходстве тамошних петроглифов с наскальными изображениями у Великих озер, а также в Патагонии и Калифорнии⁸⁵. Другие данные по палеолитическому искусству с этим выводом не согласуются: палеоиндейская гравюра мамонта на пластине из Делавера (восточноамериканского варианта культуры кловис — комплекса Энтерлайн) имеет, скорее всего, по мнению В. Е. и И. П. Ларичевых, конвергентное, независимое от Старого Света происхождение⁸⁶.

Кэмпбелл обнаруживает в исследованном им комплексе каменных изделий стоянки Когрук (на перевале Анактувук в хребте Брукса на Севере Аляски) леваллуазские типологические черты, выводит этот комплекс из Европы и дает всестороннее обоснование преимуществ северного тундрового пути со стороны Европы к Берингии⁸⁷.

Мак-Ниш, исследуя памятники Юго-Западного Юкона, выявил несколько традиций, древнейшую из которых на Аляске — Бритиш-Маунтин, связал по происхождению с Мальтой и Буретью⁸⁸. Однако, как справедливо отметила З. А. Абрамова, он не учел того, что для этих древнейших прибайкальских стоянок совсем не характерна леваллуа-мустьерская техника⁸⁹.

Мюллер-Бек, обобщив огромный материал, рассмотрел происхождение только двух традиций палеоиндейской культуры, а именно традицию с наконечниками-бифасами и ориньякоидную унифасиальную (хотя он и признает традицию или стадию «до наконечников»). Подвергнув комплексному исследованию совокупность геологических, палеогеографических и экологических факторов, он отстаивает прерывчатое заселение Америки по Берингийскому мосту в следующие три этапа.

1) Первый этап: 40—35 тыс. лет назад — интрузия до Чукотки мустероидной культуры костенковского типа (с бифасами).

2) Второй этап: приблизительно 28—26 тыс. лет назад — проникновение этой культуры по Берингийскому мосту и канадскому межледниковому коридору на территорию США.

3) Приблизительно 20—12 тыс. лет назад — перерыв в заселении севера Северо-Восточной Сибири и Аляски вследствие жестокого холода сартанского оледенения.

4) Третий этап: примерно 11—10 тыс. лет назад — проникновение на Чукотку и Аляску ориньякоидной культуры навстречу обратному движению культуры Плана из центральных областей Северной Америки. Смешение этих культур привело к образованию эскимосской культуры⁹⁰.

⁸⁵ Bosh-Gimpera Pedro, 1968, p. 175.

⁸⁶ Ларичев В. Е., Ларичева И. П., 1976, с. 127.

⁸⁷ Campbell J. M., 1963.

⁸⁸ Mc Neish R. C., 1964, p. 366.

⁸⁹ Müller-Beck H. G., 1966.

⁹⁰ Müller-Beck H. G., 1966.

По поводу этой быстро вызвавшей подражания эффектной гипотезы видный советский специалист по палеолиту Г. П. Григорьев отозвался весьма отрицательно, обратив внимание на несовершенство методики ее доказательств. В самом деле, гипотеза Мюллер-Бека, отмечает Г. П. Григорьев, основана на объявляемом им сомнительном сходстве европейской палеолитической технологии и технологии палеоиндейских культур. Для доказательства «солютрейской» миграции из Европы в Америку приравниваются, например, Костенки и палеоиндейская культура Ллано. Но общее у них только бифасы вообще⁹¹, (таким подходом отличается, как мы видели выше, и методика выделения традиций Ю. А. Мочановым).

Геолог В. Хейнс (Хейнес), подобно А. Вормингтон, считает, что Берингов пролив люди могли пересекать летом и зимой по воде и льду все последние 30 тыс. лет. Разделяя весь палеолит Америки на три палеоиндейских стадии (сандия, кловис, фолсом), он полагает, что для всех них была характерна охота на крупных животных с помощью метательных наконечников. Оставляя открытым вопрос о местном или со стороны Азии происхождении культуры кловис (которую он датирует в рамках малой хронологии), он убежден в том, что фолсомские желобчатые наконечники появились сперва на Аляске в условиях ее изоляции и лишь оттуда попали по межледниковому коридору (который открылся 14 тыс. лет назад) в заледниковую Америку⁹². В этом он не находит, однако, поддержки у других американских археологов, и в частности у Вормингтона⁹³. Особенно остро полемизирует с Хейнзом видный американский археолог А. Брайан. Он не принимает палеоиндейскую схему Хейнза и полагает, что у палеоиндейцев было комплексное и многоукладное хозяйство, а не только охота на крупную дичь. В этом отношении концепция Брайана более гибкая и широкая⁹⁴.

Е. Борден, исследователь едва ли не самой многослойной стоянки Западного полушария, находящейся в каньоне нижнего течения р. Фрэнсис в Британской Колумбии, дает неопровержимые доказательства раннего проникновения в Америку культуры галечных орудий. Подобные орудия типа чопперов (среди них имеются и с клювовидным носиком, как в открытой А. П. Окладниковым на Амуре Осиновке и на р. Зее в Филимошках) обнаружены Е. Борденом в самом нижнем слое названной стоянки, образуя там так называемый комплекс Пасика, датируемый межледниковой стадией Ту-Крикс (C-14-11442±350). Этот комплекс, по мнению Е. Бордена, мог прийти на Северо-Запад Америки до Висконсинского оледенения из Юго-Восточной Азии⁹⁵.

Х. Г. Банди в своей обобщающей работе о древних эскимосах придает большое значение упомянутому комплексу Пасика и, так же как и Борден, интерпретирует его в качестве одного из древнейших палеоиндейских, пришедшего в долину р. Фрэнсис с юга, так как с севера в то время

⁹¹ Григорьев Г. П., 1973, с. 203.

⁹² Haynes C. V., 1971, p. 15; Haynes C. V., 1969, p. 5, 22.

⁹³ Wormington H. M., 1962.

⁹⁴ Brayon A. L., 1975.

⁹⁵ Borden E., 1970, p. 331—334.

доступ был еще закрыт ледником, а до этого проникнувшего в центральные области Северной Америки не позднее чем 23 тыс. лет назад из Юго-Восточной Азии⁹⁶.

Таким образом, мы видим, что тихоокеанский путь из Азии в Америку является не просто гипотезой, а реальностью. О том, что по этому пути, так же как, очевидно, и по чукотско-арктическому, шли миграции или культурные влияния в сторону Берингии или Берингова пролива, свидетельствуют и другие археологические находки, и прежде всего комплекс Хошино с галечными орудиями: чопперами, массивными скреблами и с. отщепами, похожими на леваллуазские⁹⁷, а также упомянутые выше галечные орудия «с носиком», обнаруженные А. П. Окладниковым в Филимошках на р. Зея⁹⁸. И тот и другой комплексы относятся, вероятно, к среднему плейстоцену. О более поздних контактах в этой тихоокеанской зоне свидетельствует, по мнению американской исследовательницы Икава, сходство крупных пожевидных пластин комплекса Хорока (Хоккайдо, 16 300 лет тому назад) с ножевидными пластинами Кловис, обнаруженными Грином в Мехико⁹⁹. В этой связи на развитую пластинчатую и резцовую технику докерамических японских культур еще недавно обращала внимание И. П. Ларичева¹⁰⁰. На возможные контакты древнейших культур Азии и Нового Света указывал одно время и В. Е. Ларичев, отмечая раннее появление в Японии техники двусторонней оббивки, изготовления бифасов и наконечников копий, конические и полуконические нуклеусы и пришлифовку оснований наконечников¹⁰¹. Эти контакты могли осуществляться, разумеется, только по тихоокеанскому пути.

Как бы в подтверждение этих взглядов появилось чрезвычайно интересное комплексное эколого-историческое и палеогеографическое исследование Жана Малори, убедительно доказывающее огромную роль Тихоокеанского побережья в распространении в конце ледникового времени палеолитического населения в сторону Берингии, по южному краю которой, так же как и по северному, оно распространялось в Америку, свидетельством чего, по его мнению, являются ушковские стоянки (VI слой) на Камчатке и древнеалеутская стоянка Анангула¹⁰². К этой концепции очень скоро присоединился и Р. С. Васильевский, который в своей книге наглядно воспроизвел некоторые относящиеся к древним протоалеутам археологические материалы как советских, так и американских исследователей¹⁰³ (из последних преимущественно материалы В. Лафлина об Анангуле). Он заимствовал идею В. Лафлина о генети-

⁹⁶ Bandi H. G., 1969.

⁹⁷ Serizawa C., 1970, p. 350—357; Ikawa F., 1968.

⁹⁸ Окладников А. П., 1973, с. 55.

⁹⁹ Ikawa F., 1968; Ларичева И. П., 1970, рис. 1.

¹⁰⁰ Ларичева И. П., 1970, с. 150.

¹⁰¹ Ларичев В. Е., 1970, с. 108.

¹⁰² Malaurie J. M., 1970.

¹⁰³ Васильевский Р. С., 1973; Laughlin W. S., Aigner I. S., 1966; Aigner I. S., 1966; Denniston G., 1966; Диков Н. Н., 1964б, 1967г, 1969б, 1971а, 1971б; Семенов А. В., 1963.

ческой связи Анангулы с японской «докерамической культурой» через область ушковского позднего палеолита. Нелишне будет напомнить, что в свое время и автору доводилось писать о связях между Анангулой и ушковскими стоянками, слой VI которых он полагал протоэскимосско-алеутским¹⁰⁴.

Советские антропологи не оставили без внимания проблему заселения Америки. Г. Ф. Дебец, написавший по этой теме большую обстоятельную работу, в конце концов на основании исследования группы крови пришел к выводу о происхождении индейцев Америки от какой-то одной небольшой группы населения¹⁰⁵. А. А. Зубовым была выдвинута эффектная гипотеза. Он считает, что Америка заселялась, по крайней мере, в два этапа и что эскимосы и огнеземельцы, а также некоторые индейские племена из неблагоприятных и труднодоступных районов Америки являются реликтами древнейшего палеоамериканского этнического пласта. Их антропологический тип наиболее архаичен, и они близки между собой по целому комплексу палеоамериканских признаков (низкий рост, форма головы, широкий нос, толстые губы, волнистые волосы, темная кожа). Сходны они и по дерматоглифике¹⁰⁶. И во всем этом сказались, конечно, не только биполярность, приспособление к одинаковым климатическим условиям, как полагает В. П. Алексеев¹⁰⁷, но и общность их происхождения. И эскимосы, и калифорнийские индейцы, и огнеземельцы являются потомками древнейших палеоамериканцев, первых землепроходцев Америки. Причем если эскимосы являются продуктом смешения древнейших палеоамериканцев с последующей позднелейстоценовой и раннеголоценовой волной переселенцев в Америку, то огнеземельцы сохранили первоначальный антропологический тип и некоторые исходные элементы культуры в наиболее чистом виде.

В самое последнее время вышли в свет две обобщающие книги — И. П. Ларичевой и Ю. А. Мочанова, содержащие взаимоисключающие выводы по проблемам заселения Америки со стороны Северо-Восточной Азии¹⁰⁸.

И. П. Ларичева проделала огромную источниковедческую и историографическую работу для преодоления излишнего скептицизма и недоверия по отношению к древнейшим памятникам Северной Америки, и в какой-то мере ей это удалось. Она убедительно показала, что американский палеолит (который она датирует по «длинной хронологии») является особой фазией верхнего палеолита мира, развившейся конвергентно в условиях географической изоляции. Соответственно она пересмотрела свою прежнюю точку зрения на роль японского палеолита в формировании американской палеолитической индустрии ножевидных пластин, резцов и бифасов. Все эти элементы возникли в Америке, по ее мнению, совсем независимо от каких бы то ни было влияний со стороны Старого

¹⁰⁴ Диков Н. Н., 1967г; 1969.

¹⁰⁵ Дебец Г. Ф., 1960.

¹⁰⁶ Зубов А. А., 1968.

¹⁰⁷ Алексеев В. П., 1967.

¹⁰⁸ Ларичева И. П., 1976а; Мочанов Ю. А., 1977.

Света, включая Японские острова. Безоговорочное признание И. П. Ларичевой кригеровской стадии «до наконечников» (датирует периодом от 50—40 тыс. до 27 тыс. лет назад), из которой развился, по ее мнению, весь верхний палеолит Америки (кроме самой поздней его культуры Денали), лежит в основе ее реконструкции палеолитического прошлого Америки. В главных своих чертах эта реконструкция выглядит вполне логичной, хотя вывод об уникальном «эксперименте» палеолитической конвергенции в Америке, поставленном «самой природой», нуждается еще, конечно, в строгой проверке «чистоты» этого эксперимента. В связи с этим следует напомнить, что ведь и И. П. Ларичева, и М. Вормингтон, и некоторые другие исследователи все еще допускают возможность существования сухопутных путей в ледниковую Америку вдоль Кордильер и в периоды ее оледенений, а Берингов пролив считают проходимым и в межледниковые периоды. В целом же концепция, отстаиваемая И. П. Ларичевой и горячо поддержанная в предисловии к ее книге С. А. Арутюновым, более плодотворна, чем противостоящая ей гипотеза Ю. А. Мочанова о роли «дюктайцев» в заселении Нового Света.

Ю. А. Мочанов, как известно, во многом изменил свою прежнюю гипотезу заселения Америки арктическим путем со стороны Якутии и Чукотки носителями дюктайской (35—22 тыс. лет назад), «ихиненской» (22—10 тыс. лет назад) и «сумнагинской» (10—6 тыс. лет назад) культур¹⁰⁹, допуская теперь возможность и берингоморского пути (стоянка Майорыч) к Америке¹¹⁰. Но по-прежнему теоретической основой его гипотезы являются сомнительные идеи Х. Мюллер-Бека о решающей роли бифасиальных и унифасиальных традиций Старого Света в происхождении американского палеолита, идеи геологов о динамической системе «берингийских мостов» и «межледниковых коридоров» и Ч. Чарда об азиатских среднепалеолитических истоках американского палеолита. Исходя сначала из «длинной»¹¹¹, а затем из «короткой»¹¹² хронологии культур сандиа и клонис, постулируя общее сходство с ними дюктайской культуры и всегда категорически отрицая стадию «до наконечников» и возможность в Америке последующей бифасиальной конвергенции, Ю. А. Мочанов пришел к выводу об определяющей роли в первоначальном заселении Америки вооруженных бифасиальными наконечниками копий охотников на мамонтов — носителей дюктайской культуры, о распространении дюктайской традиции в Америку, начиная чуть ли не 35 тыс. лет назад и позднее, и о последующей миграции сменивших 10 тыс. лет назад дюктайцев «унифасиальных сумнагинцев»¹¹³.

Однако это умозрительное построение Ю. А. Мочанова никак не согласуется с фактами. Ему противоречит полное отсутствие дюктайских клиновидных нуклеусов во всех палеоиндейских ледниковых культурах Америки, на что сразу же обратили внимание З. А. Абрамова,

¹⁰⁹ Мочанов Ю. А., 1969а.

¹¹⁰ Мочанов Ю. А., 1972.

¹¹¹ Мочанов Ю. А., 1966а.

¹¹² Мочанов Ю. А., 1977.

¹¹³ Там же, 1977.

В. Хейнес, И. П. Ларичева, В. Е. Ларичев и другие советские и зарубежные археологи, не принявшие гипотезу Ю. А. Мочанова¹¹⁴, а также автор данной книги, отмечавший связи дюктайской культуры и близкой ей поздней ушковской культуры (VI слой) лишь с позднепалеолитическими памятниками Аляски (Доннели-Ридж, Хилли-Лейк, Акмак, Кэмпс, Текланика-Ист, Текланика-Вест, Анангула и др.)¹¹⁵. Исследователями было отмечено, что, апеллируя к бифасиальной технике, якобы единой для Дюктая и Кловис, Ю. А. Мочанов совершенно игнорировал ее результат — типологию¹¹⁶. Под давлением критики Мочанову остается прикрываться голым умозрительным примысливанием дюктайской бифасиальной субтрадиции без клиновидных нуклеусов (более древней, чем с ними). Он считает, что она нигде пока не обнаружена, но если она вдруг найдется, то из нее можно будет вывести наиболее древний американский палеолит¹¹⁷. Ю. А. Мочанов возлагает при этом надежды на стоянку Кухтуй III, но, судя по опубликованному им материалу¹¹⁸, она относится не к плейстоценовой дюктайской культуре, а к голоценовой культуре Верхнего Приколымья, к которой принадлежат нижние слои исследованной нами стоянки Малтан: те же треугольные бифасиальные наконечники дротиков и стрел, скребловидно-тесловидные орудия, листовидные бифасиальные ножи, не полностью ретушированные ножи на больших пластинах¹¹⁹.

И если Ю. А. Мочанов и обнаружит наконец такую субтрадицию, то она будет уже не дюктайской. Не трудно догадаться, что к этой вполне самостоятельной и совсем не дюктайской традиции можно уже сейчас отнести, например, Кумары III с конвергентными по отношению к дюктайским бифасами и без клиновидных нуклеусов¹²⁰. Можно к ней, а вернее сказать, еще к одной самостоятельной недюктайской бифасиальной традиции отнести и раннюю ушковскую палеолитическую культуру, остатки которой в четких стратиграфических условиях сохранились в слое VII ушковских стоянок и перекрыты там сверху слоем VI с изделиями дюктайского облика.

Совершенно очевидно, что в сложившейся проблемной ситуации исключительно значение приобретают именно эти камчатские, а также колымские палеолитические материалы, полученные в последние годы Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедицией СВННИИ ДВНЦ АН СССР. Приступим к их рассмотрению.

¹¹⁴ Абрамова З. А., 1973; Хейнес В., 1976, с. 435; Ларичева И. П., 1976а, с. 136; Ларичев В. Е., Ларичева И. П., 1976.

¹¹⁵ Диков Н. Н., 1969, 1971а.

¹¹⁶ Ларичев В. Е., Ларичева И. П., 1976.

¹¹⁷ Мочанов Ю. А., 1977, с. 239.

¹¹⁸ Мочанов Ю. А., 1977, с. 87, табл. 28.

¹¹⁹ См. ниже, рис. 35—38; Диков Н. Н., 1977б, табл. 194, 195.

¹²⁰ Деревянко А. П., 1973.

*Ранняя ушковская верхнепалеолитическая
культура Камчатки
и гипотеза о ее роли в заселении Америки*

Самая ранняя из исследованных нами на Северо-Востоке палеолитических культур представлена культурным слоем VII на стоянках Ушки-I и Ушки-V. Он абсолютно изолирован от вышележащих неолитических слоев, так как перекрыт непотревоженными слоями розовато-желтого суглинка и серой супеси с прослойками песка, а также вышележащими вулканическими пеплами.

В этом слое обнаружены следы костров, которые датируются временем 13—14 тыс. лет назад (13600 ± 250 , 14300 ± 200 л. н.). Их следы сохранились на берегу озера на глубине свыше 2 м, что соответствует 5-6 м рядом, на берегу р. Камчатка.

В настоящее время уже вскрыты довольно большие площади слоя VII (на Ушках-I — 1320 кв. м и на Ушках-V около 150 кв. м), в результате чего обнаружено два больших палеолитических становища, самых древних на севере Дальнего Востока. В сущности, это единственные в Северо-Восточной Азии (включая всю Якутию) и на Дальнем Востоке верхнепалеолитические стоянки столь древнего возраста, дающие полно сохранившиеся остатки многих жилищ и даже погребение. Последнее, обнаруженное еще в 1964 г. на Ушках-I, как и предполагается типично палеолитическим погребением¹²¹, было устроено прямо на стоянке между большими целиком наземными жилищами, рядом с древними кострищами, некоторые из них перекрывались выбросом из могильной ямы. Округлая в плане (около 2 м в поперечнике) и глубокая (до 1 м), она сверху до низу была засыпана мешанной землей с угольками и комками красной охры. На дне ее в красной охре оказалось большое количество (881 шт.) агамальтолитовых и янтарных плоских бусинок и биконически просверленных подвесок, а также халцедоновые острия для их изготовления. Вследствие интенсивной водоносности культурного слоя от костей погребенного сохранились только желтоватые следы, и, судя по ним, он был уложен в могилу, вероятно, в скорченном виде, с подогнутыми ногами¹²². Значительная площадь вокруг могилы (около 50 кв. м) также была обильно усыпана красной охрой.

Особенно обильные материалы получены здесь в 1971, 1974 и 1975 гг. Именно тогда на стоянке Ушки-I по обе стороны от могилы (на расстоянии около 25 м от нее) были выявлены большие углистые площадки — основания сдвоенных жилищ¹²³ — с немалым количеством заготовок точно таких же, как и в могиле, каменных бусинок, а также каменных отщепов и орудий (включая многочисленные черешковые наконечники стрел). На стоянке Ушки-V в 1975 г. было полностью раскопано еще одно сдвоенное жилище (рис. 2) и начато вскрытие двух других

¹²¹ Григорьев Г. П., 1968, с. 162, 163.

¹²² Диков Н. Н., 1967г, с. 22—28; он же, 1969, рис. 3.

¹²³ Диков Н. Н., 1977б, рис. 8.

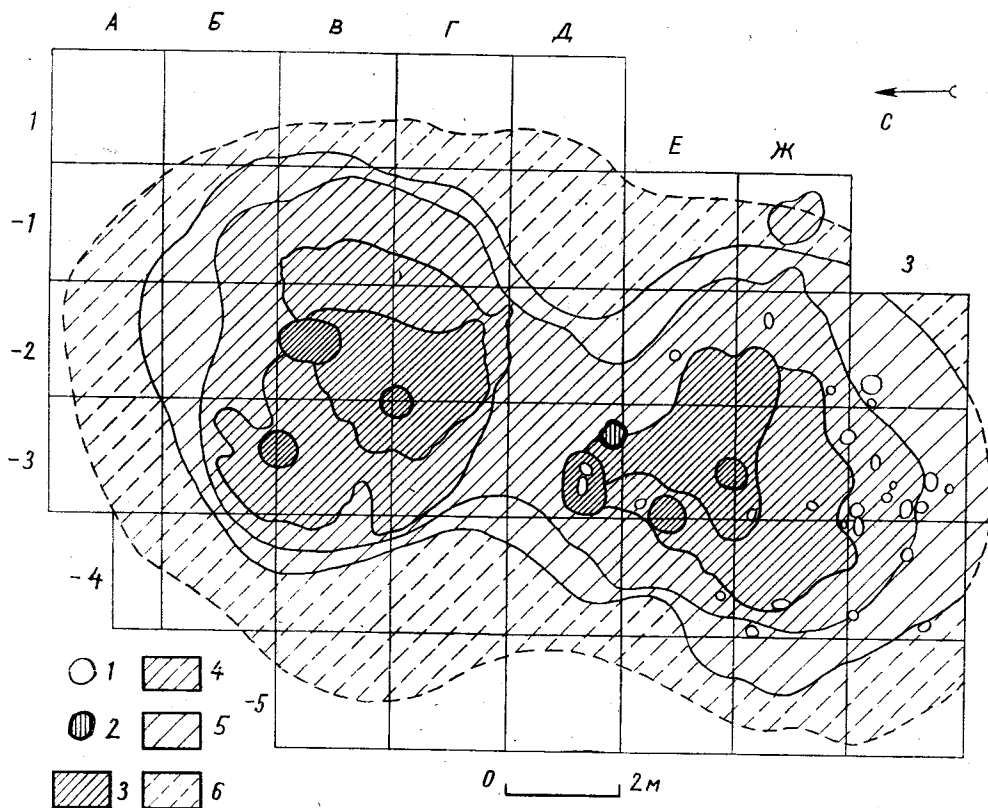

Рис. 2. Углистая площадка двойного палеолитического жилища в слое VII стоянки Ушки-1

1 — ямки; 2 — камень, 3—6 — степень углистости (соответствует степени интенсивности косой штриховки)

таких жилищ. В результате уже сейчас можно реконструировать некоторые особенности устройства этих жилищ и даже особенности планировки поселка.

Самой существенной особенностью ранних ушковских жилищ является их большой (более 100 кв. м) размер и сдвоенность, такие же, как у жилищ верхнего слоя Костенки IV¹²⁴, Пущкари I¹²⁵, и отсутствие каменной кладки вокруг очагов, которых в каждом жилище имеется по несколько (по три очага на каждый из составляющих пару сдвоенных шалашей). Они разбросаны в беспорядке в середине жилища (образуя довольно сложную структуру большого центрального углистого пятна), как в жилищах второго типа, согласно классификации П. И. Бо-

¹²⁴ Рогачев А. Н., 1970, рис. 3.

¹²⁵ Борисковский П. И., 1953, рис. 89.

рисковского¹²⁶. В отличие от названных костенковского и пушкаревского жилищ каркас ушковских наземных шалашей был устроен не из костей крупных млекопитающих, а, вероятно, в основном из деревянных жердей, покрытых шкурами животных. Примитивность устройства очагов, без какой-либо обкладки их камнями, придавала этим жилищам очень архаичный вид, резко отличающий их от жилища в позднепалеолитическом приморском поселении Устиновка на р. Тадуши¹²⁷ (и, разумеется, от анангульской полуземлянки¹²⁸) и сближающий их с палеоиндейскими памятниками без развитых наконечников (культуры Бритниш-Маунтин) или с такими палеоиндейскими большими жилыми площадками, как на стоянке Деберт в Новой Шотландии¹²⁹.

Судя по мощным скоплениям костного и древесного угля в сложно-структурных кострищах жилищ в седьмом слое на стоянке Ушки-I и Ушки-V, эти жилища были достаточно долговременными. Вопрос об их синхронности еще не решен, но даже если в поселке было два или только одно жилище, население его состояло не менее чем из шести—десяти парных семей, соответствующих количеству «наименьших жилых пространств»¹³⁰ (каждое с одним очагом), составлявших эти жилища. Тем самым существенно дополняется та картина о палеолитических жилищах, которую обрисовал недавно И. Г. Шовкопьяс, полагавший позднепалеолитические жилища значительно меньшими по размеру и, кстати, вовсе не учитывавший ушковские жилища¹³¹. Для социально-экономической интерпретации самого раннего ушковского поселка данных пока недостаточно, и остается только в общей форме согласиться с П. И. Борисовским, В. Р. Кабо и Г. П. Григорьевым, что в подобного рода палеолитических поселках, вероятнее всего, обитала материнская родовая община, состоящая из парных семейств и ведущая общее общинное домашнее хозяйство¹³².

В основе камнеобрабатывающего производства ранней ушковской палеолитической культуры была технология производства отщепов с аморфных нуклеусов и скалывания ножевидных пластин (рис. 5, 10, 11) с подпризматических (рис. 5, 8, 9) и, вероятно, пластин с леваллуазских нуклеусов, на что как будто бы указывает пластина, близкая к леваллуазской (рис. 5, 12). Клиновидные нуклеусы для этой культуры совсем не характерны, хотя крайне редко встречаются микропластинки¹³³. Впрочем, как полагают некоторые археологи, они могли быть получены в качестве резцовых сколов¹³⁴. Это тем более вероятно, что в этой культуре резцовая техника весьма развита (рис. 5, 1—5). Основу уш-

¹²⁶ Борисковский П. И., 1977, с. 41—42.

¹²⁷ Деревянко А. П., 1971, с. 33; Васильевский Р. С., 1973, с. 42.

¹²⁸ Васильевский Р. С., 1973.

¹²⁹ Mc Donald G. R., 1966, p. 59—74.

¹³⁰ Это понятие мы заимствовали у Г. П. Григорьева, как очень удобное для подобных расчетов (Григорьев Г. П., 1972, с. 12; см. также: Гладких М. И., 1974).

¹³¹ Шовкопьяс И. Г., 1973, с. 49, 50.

¹³² Борисковский П. И., 1977, с. 40; Кабо В. Р., 1972, с. 62; Григорьев Г. П., 1972, с. 12.

¹³³ Диков Н. Н., 1967г, рис. 6, 4, 3.

¹³⁴ Hayashi K., 1968.

ковской каменной индустрии этого периода составляло также сочетание двух основных технологических традиций — унифасиальной (рис. 4, 1, 7) и бифасиальной, причем последняя была преобладающей (рис. 3; 4, 2—6).

Конкретно комплекс каменных орудий ранней ушковской культуры состоит из наконечников стрел и копий, ножей, скребков, резцов, острий и проколов, нуклеусов, немногих ножевидных пластин и большого количества отщепов, бусинок и подвесок, полубоуженных (с угольками) суглинистых «лепешек»¹³⁵.

Почти все наконечники стрел уплощенно-линзовидные в поперечном сечении, обработанные с двух сторон сплошной двусторонней ретушью и имеют подтреугольную с выпуклыми боковыми краями лопасть и прямой либо более или менее вогнутый по сторонам черешок, в некоторых случаях имеющий вид «кнопки» (рис. 3). Только один наконечник¹³⁶ имеет широкую листовидную форму, а два других¹³⁷ (очевидно, еще их заготовки) имеют только унифасиальную обработку. У одного черешкового наконечника более выпуклое, треугольное сечение (рис. 3, 7). В качестве наконечников копий могут рассматриваться два бифасиальных обломка, один из которых острокопечный (рис. 3, 8), другой же сохранил небольшой «кнопчатый» черешок (рис. 3, 16). Наиболее близкие по времени аналогии черепковым наконечникам имеются, как мы уже неоднократно отмечали, в финальноплейстоценовых и голоценовых памятниках Америки¹³⁸, а также отчасти в раннеголоценовых памятниках Японии (Тачикава I)¹³⁹, при полном их отсутствии в палеолите и мезолите Сибири.

Ножи имеют преимущественно более или менее правильную листовидную форму и сплошную бифасиальную (рис. 4, 2, 4—6) или сплошную унифасиальную (рис. 4, 7) обработку. Имеются и обработанные только краевой ретушью ножи на отщепах (рис. 4, 3), один из них острокопечный (рис. 4, 1).

Скребки различных форм и размеров сделаны из отщепов, иногда встречаются концевые (рис. 4, 9—20).

Резцы диагональные на пластинчатых отщепах (рис. 5, 3), или боковые на отщепах (рис. 5, 5). Но чаще они сделаны из других орудий — наконечников, скребков или ножей (рис. 5, 1, 2, 4), подобно тому, как это известно по культуре Кловис¹⁴⁰. Резцевидные острия из халцедона в виде продолговатых стержневидных или пластинчатых сколов сделаны довольно грубо (рис. 5, 6, 7) и представляют собой весьма своеобразный тип изделий, предназначенных прежде всего, как полагает С. А. Семенов, для обработки каменных бляшек, подвесок и бусинок¹⁴¹.

¹³⁵ Подобные «лепешки», только поменьше и плосче, были найдены в Костенках и в Долни-Вестоницах.

¹³⁶ Диков Н. Н., 1971а, таблица.

¹³⁷ Диков Н. Н., 1967г, рис. 6, 1.

¹³⁸ Диков Н. Н., 1967г, 1971а, 1974б.

¹³⁹ Morlan R. E., 1967, fig. 23, 9.

¹⁴⁰ Ларичева И. П., 1976а, рис. 29.

¹⁴¹ Диков Н. Н., 1967г, с. 28, рис. 12, 6—30.

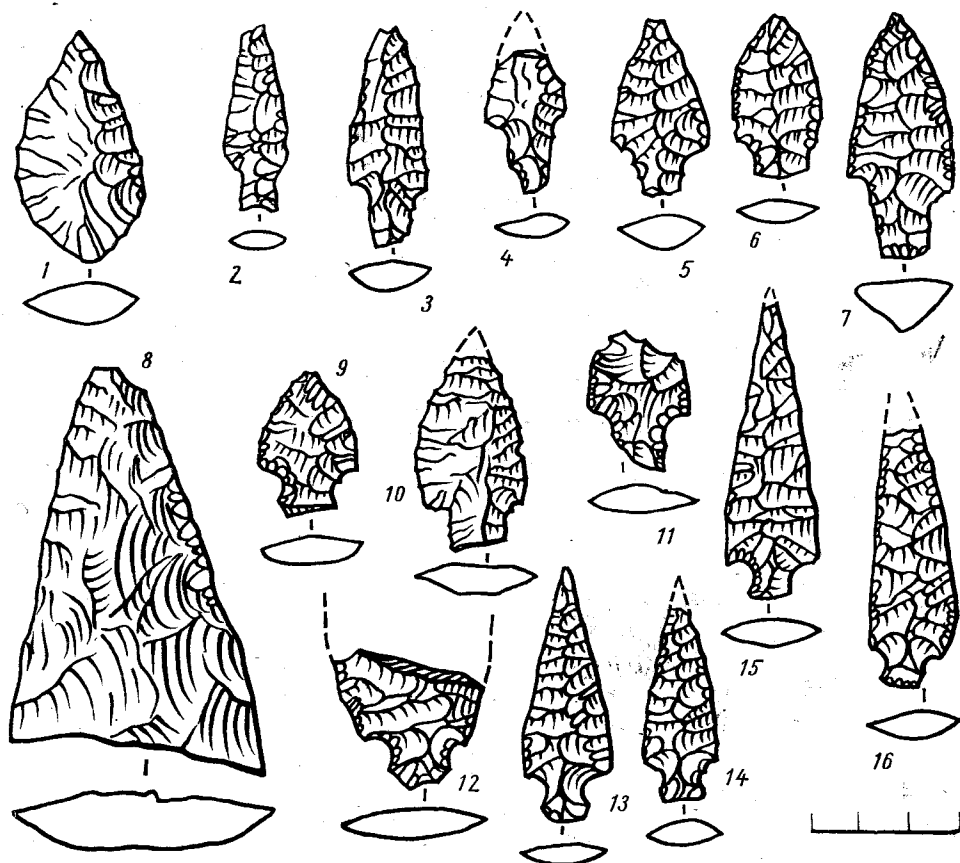

Рис. 3. Метательные наконечники ранней ушковской верхнепалеолитической культуры (1—16)

Последние (рис. 6), кроме одной подвески (рис. 6, 3), плоские, со следами стертости на одной поверхности, что свидетельствует об их использовании для пришивания к одежде плашмя¹⁴². На двух подвесках имеются нарезки: на одной — три (рис. 6, 3), на другой — семь (рис. 6, 9), третья подвеска фигурная, «рогатый овал» с одним обломанным рогом (рис. 6, 1), и, согласно интерпретации подобных амулетов А. Д. Столяром, может, очевидно, рассматриваться как символическое женское изображение (знак)¹⁴³.

Надо полагать, что основой комплексного хозяйства древнейших палеолитических обитателей ушковских становищ было не только рыболовство, ради которого они, очевидно, и поселились на берегу самого

¹⁴² Диков Н. Н., 1967г, с. 25—27, рис. 12, 1—5.

¹⁴³ Столяр А. Д., 1972, с. 203.

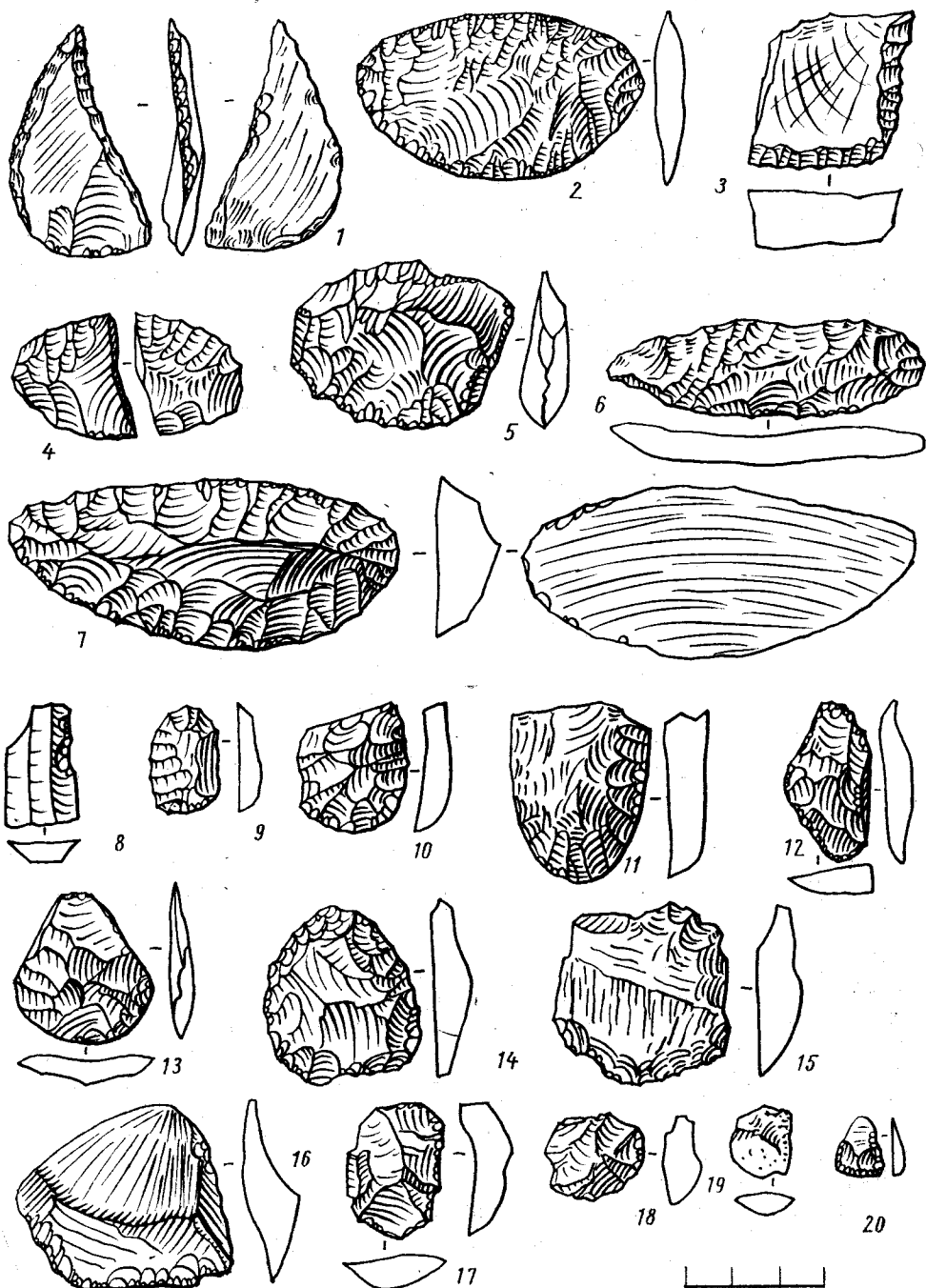

Рис. 4. Каменные ножи и скребки ранней ушковской верхнепалеолитической культуры (1—20)

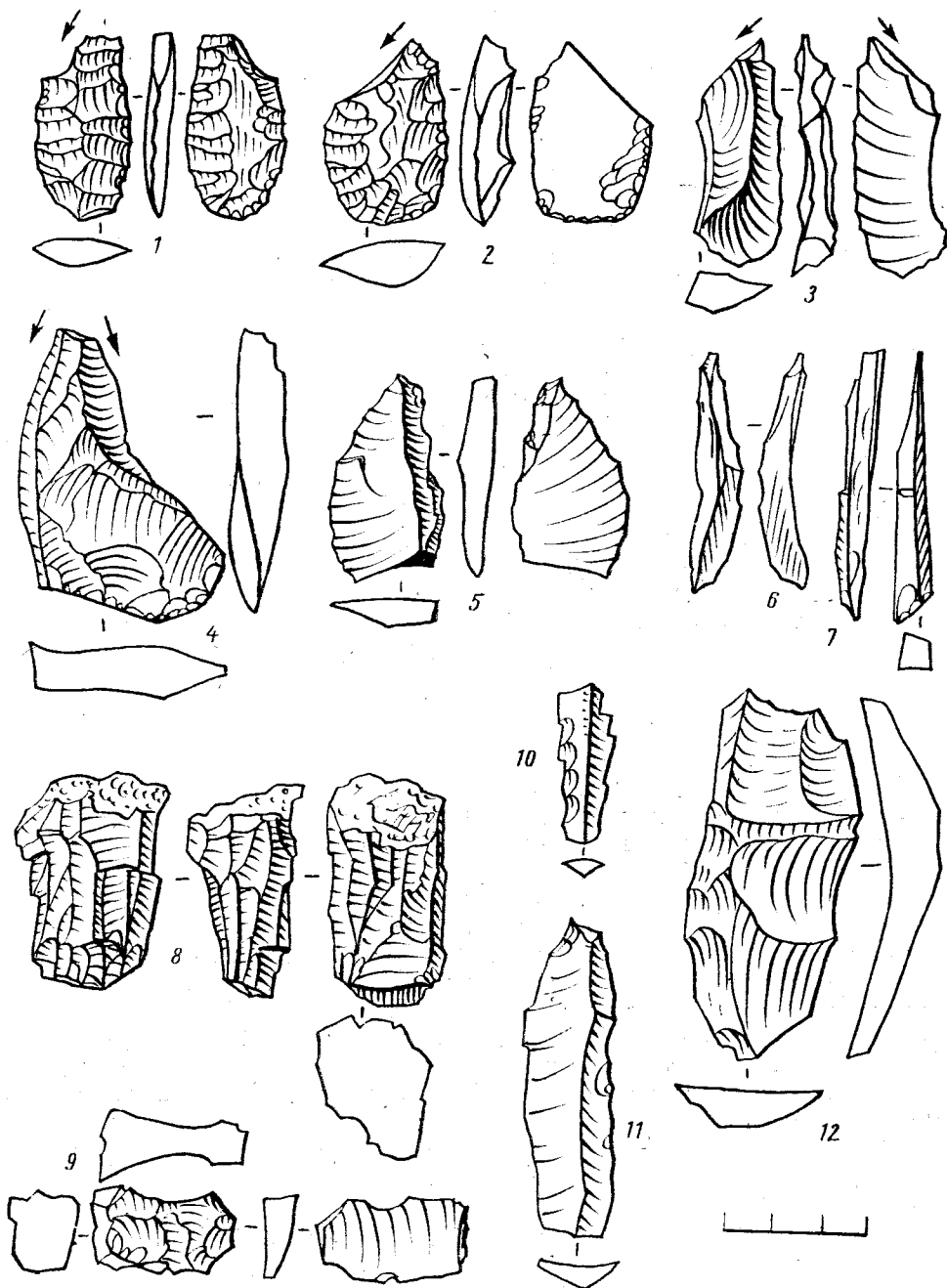

Рис. 5. Резцы, нуклеусы, ножевидные пластинки и другие изделия ранней ушковской верхнепалеолитической культуры (1—12)

рыбного и в настоящее время, никогда не замерзающего озера, но также и охота, вероятно облавная, на северных оленей, лошадей и бизонов (кости которых сохранились в вышележащих слоях — VI и V), на лосей (фрагмент лосиного рога найден в двойном жилище на Ушках-I) и, возможно, еще на мамонтов, хотя последнее предположение требует подтверждения исследованиями костных остатков. Скорее всего, они охотились уже с помощью лука и стрел. Во всяком случае, те каменные наконечники, которые мы обнаружили в слое VII, очень невелики и никак не годились бы для оснащения копий или даже дротиков. Следует заметить, что охота на крупных млекопитающих была отнюдь не единственным хозяйственным занятием ушковцев в это время. Кроме упомянутого рыболовства, она дополнялась, конечно, и собирательством, о чем косвенно свидетельствует обнаруженная в заполнении могильной ямы на Ушках-I большая грубо сделанная терка из вулканического туфа¹⁴⁴. Напомним, что и в Америке в это время хозяйство палеоиндейцев, по справедливому мнению Брайана и Уита¹⁴⁵, тоже было комплексным, а не сводилось, вопреки мнению Хейнза и примкнувшего к нему Ю. А. Мочанова, только к охоте на крупную дичь.

В целом уровень хозяйства и техники был на Камчатке весьма высок (лук и стрелы, шлифовка каменных украшений), ничуть не ниже, чем в европейском палеолите, о чем мы уже неоднократно писали¹⁴⁶ и к чему теперь присоединились Р. С. Васильевский¹⁴⁷, И. П. Ларичева¹⁴⁸, Ю. А. Мочанов¹⁴⁹. Верхний палеолит, как мы тоже уже в свое время отмечали¹⁵⁰, не мог начаться на Северо-Востоке Азии сколь угодно существенно позже, чем в Европе, учитывая его роль в первоначальном заселении Америки, которое могло быть осуществлено лишь хорошо вооруженным против арктического холода *Homo Sapiens*ом, пришедшим на Чукотку не позднее 27—25 тыс. лет назад накануне сарматского оледенения, в период сурового каргинского межледниковья.

Охарактеризованная выше культура является первой обнаруженной на Северо-Востоке Азии подлинно палеолитической. Вскоре выявленная в Якутии дюктайская культура является стадially, а на Камчатке и абсолютно более поздней. Сумнагинская же культура Якутии уже, в сущности, мезолитическая. Вместе с тем ранняя ушковская палеолитическая культура не походит ни на одну другую сибирскую палеолитическую культуру. Поэтому естественно, что впервые открытый камчатский палеолит стал предметом критического обсуждения и даже недоверия.

Прежде всего недоверие вызвали черешковые наконечники, совсем необычные для палеолита Сибири¹⁵¹. Вместо того чтобы признать их высокую информативность (ведь ничего подобного, действительно, не

¹⁴⁴ Диков Н. Н., 1967г, с. 25.

¹⁴⁵ Wheat J. B., 1971; Brayan A. L., 1975.

¹⁴⁶ Диков Н. Н., 1967г, с. 30; 1969, с. 112; 1975, с. 51; 1976а, с. 179.

¹⁴⁷ Васильевский Р. С., 1973.

¹⁴⁸ Ларичева И. П., 1976, с. 141.

¹⁴⁹ Мочанов Ю. А., 1977, с. 235.

¹⁵⁰ Диков Н. Н., 1969, с. 112; 1971, с. 13; 1976а, с. 165.

¹⁵¹ Powers W. R., 1973.

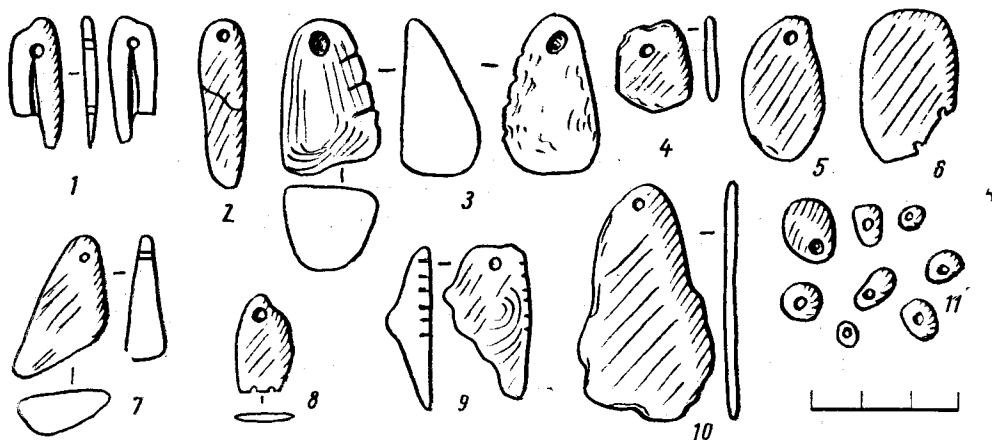

Рис. 6. Каменные подвески ранней ушковской верхнепалеолитической культуры (1—11)

было известно в палеолите Сибири), под сомнение был поставлен сам факт их причастности к культурному слою VII. С этой целью Ю. А. Мочановым огульно отрицалась даже совершенно бесспорная четкость стратиграфии ушковских стоянок, а присутствие этих наконечников в слое VII допускалось за счет их попадания из значительно выше лежащего слоя III¹⁵².

Стоит ли говорить, что такое предположение о каком-то мистическом перемещении плоских черешковых наконечников из слоя III, для которого они совсем нетипичны (там трехгранные наконечники), в слой VII через непотребоженные пепловые и другие стерильные прослойки, минуя слои IV, V и VI, в которых тоже не обнаружено ни одного такого наконечника, а совсем другие (ромбические в поперечном сечении в культурном слое IV и плоские листовидные в слоях V и VI), не выдерживает никакой критики. Тем более что в нижнем слое VII практически нет никаких других наконечников стрел, кроме черешковых, где их найдено уже около 30 шт. и где, как известно, совсем нет других вещей из вышележащих слоев, в частности, характерных для культурных горизонтов III и IV ножевидных пластинок и призматических нуклеусов, или клиновидных нуклеусов, столь обычных в слоях V и VI. Неприемлема и «теоретическая» основа такого допущения о проникновении наконечников из слоя III в слой VII якобы в результате рытья ям древними обитателями стоянки, поскольку при нарушении культурного слоя ямами вещи проникают, как мы уже отмечали выше, не из верхнего слоя в нижний, а из нижних в верхний, с уровня которого вырыта яма.

Высказывания Мочанова о безупречности стратиграфии ушковских стоянок, о ямах, которые якобы могли привести к смешению находок в

¹⁵² Мочанов Ю. А., 1977, с. 224.

слое VII, и о мерзлотных деформациях, которые мы якобы не учитывали, основаны на недостаточно добросовестном отношении к имеющимся материалам по стратиграфии ушковских стоянок, на игнорировании своеобразных стратиграфических условий в долине р. Камчатка. Мочанов нигде не учитывает роль вулканических пеплов, являющихся идеальными маркерами и изоляторами культурных слоев, позволяющими вместе с тем идеально контролировать их любую нарушенность, в частности и мерзлотными образованиями. Последнее, кстати сказать, для исследованных нами ушковских отложений, в отличие от Алдана и Колымы, совсем не характерны и практически отсутствуют, как это хорошо видно по нашим полевым отчетам и в диссертации, с которой знакомился Мочанов, и по публикациям дополнительных контрольных стратиграфических исследований, проведенных совместно с геологом Э. Э. Титовым в 1974 г.¹⁵³ Ю. А. Мочанов совсем не учитывает того простого факта, что, какие бы ямы ни были в слоях ушковских стоянок, их невозможно не увидеть, так как они неизбежно привели бы к нарушению очень хорошо заметных, контрастных по цвету, пепловых прослоек, перекрывающих палеолитические слои V, VI, VII. Как мы уже отмечали, такое их нарушение фиксируется только на раскопе Ушки-I в 1962 г. и оно привело к смещению там материалов только верхнего культурного слоя за счет проникновения туда снизу клиновидных нуклеусов¹⁵⁴ и, разумеется, отнюдь не нижних палеолитических. Наконец, против попадания в них находок из верхних слоев свидетельствует и такой фундаментальный факт, как приуроченность подавляющего большинства вещественных находок, и среди них черепковых наконечников стрел, к углистым основаниям («полам») жилищ, перекрытых сверху их заполнением без находок и стерильными слоями супесей и вулканических пеплов. Этот факт установлен также по отношению к большинству находок слоев V и VI: там тоже имеются чистые комплексы вещей, залегающих в тонких и изолированных сверху и снизу углистых прослойках, представляющих утопанные и обугленные земляные полы жилищ. Такая стратиграфическая ситуация, разумеется, сводит на нет возможность проникновения сверху в эти изолированные перекрытые сверху стерильными слоями углистые прослойки каких бы то ни было вещей из верхних слоев. Между тем именно эти углистые площадки оснований жилищ дают полные и характерные комплексы вещей: только с черепковыми (кроме одного широкого листовидного на 30 черепковых) наконечниками в слое VII и только с листовидными (без единого черепкового) в слоях V и VI¹⁵⁵.

Сомневаясь в черепковых наконечниках слоя VII, Ю. А. Мочанов охотно признает листовидные наконечники слоя VI, обнаруживая тем самым явную алогичность. Необоснованность этих своих сомнений в дати-

¹⁵³ Диков Н. Н., Титов Э. Э., 1976; Диков Н. Н., Титов Э. Э., Давидович Т. Д., Ложкин А. В., 1977.

¹⁵⁴ Диков Н. Н., 1964б. Подробный анализ причин смещения этого участка верхнего слоя Ушки-I дан в работе: Н. Н. Диков, 1971б, с. 87, 88.

¹⁵⁵ Диков Н. Н., 1977б, рис. 9.

ровке и стратиграфической привязке черешковых наконечников Ю. А. Мочанов однажды признал и сам¹⁵⁶.

Четкая и безупречная стратиграфия ушковского палеолита, и в частности самого нижнего его VII слоя, действительно является бесспорным фактом, нравится это кому или не нравится. Было бы наивно думать, что черешковые наконечники не являются распространеннейшей формой во многих культурах в разные эпохи (от атерийской стадии и Парпалло до позднего неолита). Но фундаментальным фактом является то, что эти бифасиальные черешковые наконечники преобладают над всеми другими формами наконечников в слое VII ушковских стоянок и полностью отсутствуют в вышележащих слоях V, VI, определяя тем самым резкое отличие этих двух культурных слоев от слоя VII и делая их сопоставимыми благодаря наличию в них клиновидных нуклеусов и листовидных бифасиальных наконечников с так называемой дюктайской культурой. Именно в таком стратиграфическом положении ушковские черешковые наконечники дают максимальную информацию и не укладываются, естественно, в старые схемы. В этом их бесспорная ценность, как нового исторического источника, еще требующего своей интерпретации.

Большая часть исследователей (геологов и археологов) уже признала датировку и палеолитическую интерпретацию культурного слоя VII ушковских стоянок вместе с его удивительными черешковыми наконечниками¹⁵⁷. Например, американский археолог Р. Пауэрс по вопросу ушковской стратиграфии считал более правильным придроживаться нашим данным¹⁵⁸. Вместе с тем существует частное мнение о том, что в условиях вулканизма радиоуглеродная датировка нижних слоев ушковских стоянок, возможно, завышена¹⁵⁹. Однако при этом не учитывается, что слои лежат значительно глубже (более чем на 0,5 м) прослоек вулканических пеплов и главное что все палеолитические слои на ушковских стоянках являются водоносными, а пропитка очажного угля грунтовой водой снижает, как известно, абсолютный возраст по радиоуглероду¹⁶⁰. Отсюда видно, что нет достаточных оснований полагать, что «наиболее вероятный возраст палеолитических слоев стоянки Ушки находится в интервале 12—10 тысяч лет»¹⁶¹. Давая такую датировку VII и VI ушковским слоям суммарно Ю. А. Мочанов пытается тем самым смазать, завуалировать принципиальное различие между ними, чтобы включить оба слоя в дюктайскую культуру, в ее финал. Наше обоснованное фактами мнение о том, что культура слоя VII ушковских стоянок, пере-

¹⁵⁶ См. материалы Всесоюзной конференции по проблемам этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока в Новосибирске 20 декабря 1973 г. (прения по докладу Н. Н. Дикова «Основные контуры этнической истории северо-восточной Сибири в свете археологических данных»; см.: Диков Н. Н., 1973б).

¹⁵⁷ Иванова И. К., 1969, с. 37; Цейтлин С. М., 1975; он же, 1977; Шер А. В., 1971, с. 137; Борисковский П. И., 1969; Гурина Н. Н., 1973; Симченко Ю. Б., 1976, с. 14; он же, 1975, с. 157; Васильевский Р. С., 1973, с. 34; Powers W. R., 1973; Malaurie J., Daniel N., 1971; Hayashi K., 1968, p. 172; Jelinek A., 1971.

¹⁵⁸ Powers W. R., 1973.

¹⁵⁹ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1975, с. 9.

¹⁶⁰ Лафлин В., 1976, с. 494.

¹⁶¹ Мочанов Ю. А., 1977, с. 220.

крываемая сверху близкой к Дюктаю культурой слоя VI, принципиально отличается от нее, читателю известно¹⁶². Но интересно, что и Р. Пауэрс в своем обстоятельном исследовании северо-восточноазиатского палеолита заметил, что ушковский слой VII нет никаких оснований включать в дюктайскую культуру, так как в таком случае последняя, по его справедливому мнению, стала бы слишком разнородной и сама ее концепция перестала бы быть пригодной для использования¹⁶³. При этом Р. Пауэрс категорически настаивает на существовании «колоссальной разницы» между комплексами ушковских слоев VI и VII¹⁶⁴.

Тенденция не различать ушковские слои VI и VII и рассматривать их суммарно замечается иногда и у других археологов, например, у А. П. Деревянко¹⁶⁵, И. П. Ларичевой¹⁶⁶ и в какой-то степени у Р. С. Васильевского, А. П. Окладникова¹⁶⁷, поскольку они по какому-то недоразумению ошибочно считают клиновидные нуклеусы присущими и слою VII в той же мере, как и VI. Возможно, в этом повинен и сам автор, недостаточно четко определивший в одной из первых своих работ (научно-популярной) специфику каждой из этих совсем различных культур¹⁶⁸, хотя впоследствии отмечал ее неоднократно¹⁶⁹. Следует отметить выводы А. П. Окладникова. Сперва он датировал необычные ушковские черешковые наконечники слоя VII переходом от плейстоцена к голоцену, указывая, что они продолжают существовать и в неолите, и отмечая их сходство с наконечниками в докерамических комплексах Северной и Центральной Америки¹⁷⁰. Позднее он акцентирует внимание на сходстве с анангульскими на Деревенском поселении (датируемом 6000—5000 лет назад)¹⁷¹, хотя по типологическим показателям они существенно различны: анангульские листовидно-лопастные, с прямым заметно сужающимся книзу черешком¹⁷², а ушковские — треугольно-лопастные, часто со слегка вогнутыми боковыми сторонами черешка (рис. 3). Поэтому более правомерны прежние сравнения А. П. Окладниковым ушковских черешковых наконечников с северо-центральноамериканскими. Это подкрепляется новыми аналогиями из заледниковых областей Америки (к югу от Канады), о чем речь будет ниже. Нет, следовательно, никаких причин ставить под сомнение позднелейстоценовый сартанский возраст этих черешковых наконечников и вообще всего культурного комплекса слоя VII ушковских стоянок. Возраст их по палинологическим, стратиграфическим, технико-типологиче-

¹⁶² Диков Н. Н., 1971а.

¹⁶³ Powers W. R., 1973.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Деревянко А. П., 1971.

¹⁶⁶ Ларичева И. П., 1976а.

¹⁶⁷ Васильевский Р. С., 1973, с. 126; Окладников А. П., 1977, с. 119.

¹⁶⁸ Диков Н. Н., 1969а, с. 113—115.

¹⁶⁹ Там же, 1967, с. 30; 1969б, с. 93—109; 1970, с. 19—34; 1971, с. 14—17; 1973а, с. 124; 1973б, с. 31; 1973в; 1974, с. 157—162; 1975, с. 44; 1976а, с. 175—181.

¹⁷⁰ Окладников А. П., 1970, с. 174.

¹⁷¹ Окладников А. П., 1977, с. 119; Окладников А. П., Васильевский Р. С., 1976, с. 107.

¹⁷² Окладников А. П., Васильевский Р. С., с. 109; рис. 4, 5; с. 110, рис. 3.

ским и радиоуглеродным данным строго определяется в интервале между 15 и 11 тыс. лет от наших дней.

Ранее было отмечено, что, судя по изолированному положению раннего ушковского культурного комплекса среди известных палеолитических культур Сибири, для которых совершенно нехарактерны черешковые наконечники, он может быть пережиточным фрагментом какой-то широко распространенной на Северо-Востоке Азии культуры без клиновидных нуклеусов, возможно, более древней, чем все известные сибирские верхнепалеолитические культуры с клиновидными нуклеусами¹⁷³. Удивительно, что этому ясному высказыванию Ю. А. Мочановым придается совершенно превратный смысл, будто бы мы полагаем культуру седьмого слоя ушковских стоянок одной из самых древних в Сибири¹⁷⁴. Это приписываемое нам мнение тут же, разумеется, ниспровергается. Между тем мы отметили лишь одно, что наша ушковская культура реликт культуры, возможно, наиболее древней, чем все известные культуры с клиновидными нуклеусами, и, во всяком случае, древнее перекрывающей ее дюктайской. А такие культуры, как известно, не являются самыми древними в Сибири. С самого первого момента открытия ушковской палеолитической культуры мы отчетливо себе представляем и неоднократно о том писали, что она не является самой древней из возможных сибирских культур и что ею поэтому отмечен не самый первый этап заселения соседней Америки, хотя определенную роль в этом многотысячелетнем процессе она все-таки могла сыграть.

Проблема происхождения этой уникальной ушковской палеолитической культуры очень сложна и должна решаться с учетом ее своеобразного положения на стыке Азии с Америкой.

Одним из исходных общепризнанных фактов для решения этой проблемы является изолированность ушковской культуры без клиновидных нуклеусов от других палеолитических культур Сибири, отсутствие в последних каких-либо аналогий ушковским черешковым наконечникам и вообще каких-либо корней ушковской культуры¹⁷⁵. Другой факт — ее заметное сходство с докерамической культурой Японских островов, а особенно с такими памятниками, как Тачикава (8 тыс. лет назад), где имеются очень похожие на ушковские черешковые наконечники и резцы¹⁷⁶.

Уже становится традицией выделять в силу этого особую культурную область камчатского палеолита¹⁷⁷, причем В. Е. Ларичев и И. П. Ларичева недвусмысленно пишут о том, что палеолит Хоккайдо распространялся на Север на Камчатку¹⁷⁸. Такой же позиции придерживается в общем и Р. С. Васильевский¹⁷⁹. Однако сравнительно поздняя дата стоянки Тачикава III (8 тыс. лет назад) и других японских докерамических

¹⁷³ Диков Н. Н., 1971а.

¹⁷⁴ Мочанов Ю. А., 1977, с. 224.

¹⁷⁵ Powers W. R., 1973.

¹⁷⁶ Ларичев В. Е., 1970.

¹⁷⁷ Ларичева И. П., 1976а; Васильевский Р. С., 1973, с. 127; Nat D., 1971.

¹⁷⁸ Ларичева И. П., 1976а, с. 139; Ларичев В. Е., 1970.

¹⁷⁹ Васильевский Р. С., 1973, с. 127.

стоянок с близкими ушковским черешковыми наконечниками (около 8—10 тыс. лет назад) и развитая технология клиновидных нуклеусов (юбецу, хорока и фукуи) на более ранних (14—10 тыс. лет назад) докерамических стоянках (с которыми склонен сравнивать ушковскую культуру слоя VII Р. С. Васильевский) не делают это мнение о южном, с Японских островов, происхождении ушковской культуры достаточно убедительным. Скорее можно было бы говорить о заимствовании названных типов метательных наконечников обитателями Хоккайдо от ушковцев, но опять-таки не о распространении туда всей культуры последних, поскольку для древнейших ушковцев совсем не характерны клиновидные нуклеусы.

Наконец, отмечаются некоторые связи между ранней ушковской палеолитической культурой и культурой бритиш-маунтин¹⁸⁰, что ставит, на наш взгляд, интересующую нас проблему на наиболее правильный путь ее решения с учетом не только японских, но и аляскинских археологических материалов.

В самом деле, культура бритиш-маунтин, соответствующая переходу от стадий без наконечников к культуре с наконечниками, возникла на общей для Сибири и Америки технологической основе стадии «до наконечников». С сибирскими культурами ее объединяет галечная технология (галечные орудия типа чопперов и чоппингов, галечные левааллуазские нуклеусы), острия мустьерского типа, односторонне ретушированные отщепы¹⁸¹. Совсем не удивительно, что более всего черт сходства у нее, по наблюдению И. П. Ларичевой, с культурой ушковского слоя VII (микропластинки, сколотые с нуклеусов, близких (?) по типу нуклеусам-скребкам, двусторонне, хотя и грубо, обработанные ножи и изделия, напоминающие наконечники примитивно черешковой формы)¹⁸².

Если верно наше представление о том, что ранняя ушковская культура слоя VII реликт культуры более древней, чем сибирские культуры с клиновидными нуклеусами, то о ее еще невыявленном начальном этапе некоторое представление может дать именно культура бритиш-маунтин. Она известна на Аляске еще для периода с 20—18 тыс. лет назад, и надо думать, ее ареал тогда был шире, чем отмечен известными сейчас ее памятниками (Когрук, Сенда Крик, Энгигшиак), захватывал Берингию, достигал Чукотки и, возможно, Камчатки. Такому предположению соответствует характер культуры бритиш-маунтин, вполне отвечающий той основе, которая, вероятнее всего, должна была быть у ранней ушковской культуры. Именно в культуре бритиш-маунтин мы видим вполне вероятные прототипы ушковских черешковых наконечников (рис. 7, 2)¹⁸³ и бифасов¹⁸⁴ при полном отсутствии клиновидных нуклеусов.

Культура бритиш-маунтин и культура сандия имеют общий источник в галечной культуре без наконечников (в стадии «до наконечников»). При этом в дифференциации культур бритиш-маунтин и сандия огромную роль

¹⁸⁰ *Nat D.*, 1971; *Ларичева И. П.*, 1975, с. 57; 1976а, с. 140.

¹⁸¹ *Ларичева И. П.*, 1976а, с. 140.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ *Schlesier K. H.*, 1967, fig. 3, o, p, g, r.

¹⁸⁴ *Ibid.*, fig. 60; *Ларичева И. П.*, 1976а, с. 123, рис. 32, 9, 27, 28.

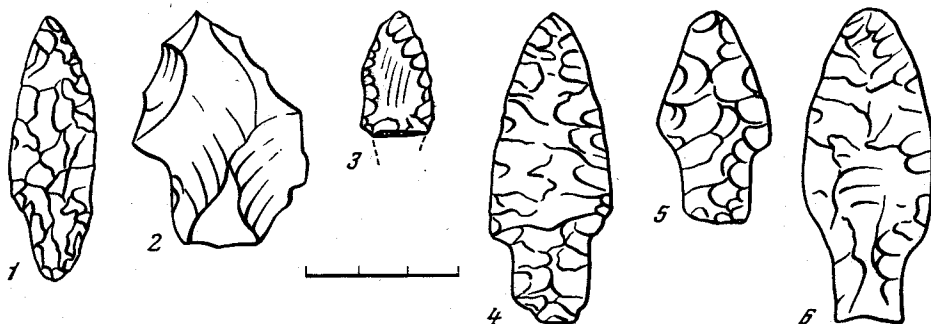

Рис. 7. Древнейшие черешковые метательные наконечники с территории Америки
1 — Сандия; 2 — Бритиш-Маунтин; 3 — Трейл-Крик; 4 — Мармз; 5 — Сан-Диегито; 6 — Палли-Айк

сыграло встречное наступление канадского и лаврентьевского ледников, разобщившее эти культуры примерно 23 тыс. лет назад. Очевидно, этот исток был и в уже зарождавшейся идее черешкового наконечника с боковой выемкой, вернее, в первых ее попытках осуществления, вследствие чего в ходе начавшейся по обе стороны ледника культурной дивергенции этот наконечник на Аляске долгое время оставался в своей исходной примитивной форме (рис. 7, 2), позднее трансформировавшись в ушковский черешковый; а на юге заледниковой Америки уже 23 тыс. лет назад приобрел вполне выработанные черты двустороннего бифаса сандия (рис. 7, 1), эволюционировавшего затем в бифасиальный наконечник кловис.

Обычно считается, что в начале сартанского времени движение населения шло из Азии в сторону Америки. «Почти нет серьезных возражений, — пишет И. П. Ларичева, — против утверждения, что именно тогда (когда возник сартанский мост) началась вторая волна переселения из Азии в Новый Свет верхнепалеолитических групп охотников. Так оно, очевидно, и было»¹⁸⁵. С этим, на первый взгляд убедительным, утверждением можно и не согласиться, если учесть сказанное о соотношениях культуры бритиш-маунтин с культурами сандия и ушковской и ту роль, которую должно было здесь играть в то время наступающее и все более расширяющееся висконсинское оледенение.

То, что периодически сменяющиеся оледенения огромных территорий не могли не влиять на расселение людей и на направление их миграций, известно уже давно. Но пока отмечалось только то, что оледенения на севере Америки могли либо преграждать путь расселению людей, либо, наоборот, открывать его по образующимся между тающими ледниками-щитами «коридорам». Так, С. А. Арутюнов, например, совсем недавно писал о первом, по его мнению, движении палеоиндейцев с юга на север после образования прохода между ледниками, о выталкивании с юга через этот

¹⁸⁵ Ларичева И. П., 1976, с. 140.

коридор в Арктику избытка населения¹⁸⁶. Да, действительно, природа, как говорится, «не любит пустоты», и по мере освобождения от ледников огромных территорий они рано или поздно заселялись избыточным населением соседних территорий. Об этой роли ледника, как своеобразного гигантского клапана и насоса, всасывающего через свои проходы-коридоры миграционные потоки населения, и нам приходилось писать неоднократно¹⁸⁷. Однако до сих пор совсем упускалась из виду — и нам на это следует теперь обратить особое внимание — другая сторона воздействия на расселение людей широко-масштабных ледниковых процессов, а именно вытесняющая, отталкивающая роль ледника при его наступлении. Легко представить, как неотвратимое распространение льда на Севере Канады вынуждало людей отходить из ранее заселенных мест, теперь занимаемых ледником, как должно было оно вызвать отток населения в разных открытых направлениях и в том числе непременно на север и запад — с территорий Северной Канады в сторону Аляски и через Берингию к Чукотке и Камчатке. В конце концов «отталкивающая сила» ледника достигла максимума, когда после полного слияния Канадского и Лаврентьевского ледяных щитов он надолго стал абсолютно непроницаемым рубежом. Миграционные волны, как бы подпругенные этой грандиозной плотной, надо полагать, разливались вширь и шли вспать, что при достижении определенной критической плотности населения могло было вызвать его обратное «течение» в сторону Чукотки. При этом в высшей степени вероятно, что этот обратный отток населения дальше шел преимущественно к Камчатке по постепенно расширяющемуся Берингийскому шельфу, совершенно незаселенному и огражденному горными хребтами Корякского нагорья от других возможных миграционных потоков со стороны Анадырско-Пенжинской низины.

Таким образом, вопреки предположению о неперенной тотальной миграционной волне в начале сартанского времени из Азии в Америку вполне правдоподобной выглядит гипотеза противоположного значения: об эпизодическом движении североамериканских охотников на Северо-Восток Азии под натиском наступающего североамериканского ледника, в результате чего влияние культуры бритиш-маунтин вполне могло распространиться по всей обширной Берингийской зоне от Аляски до Камчатки. И очень вероятно, что именно этот бритиш-маунтинский культурный субстрат (унифасиально-бифасиальный с прототипом черешковых наконечников азиатско-американского происхождения) мог дать начало нашей ранней ушковской палеолитической культуре с черешковыми наконечниками, дивергентно сформировавшимися на Камчатке на основе значительно более примитивных черешковых наконечников бритиш-маунтин. Таким образом, наша идея о реликтовом характере культуры ушковского слоя VII может быть существенно конкретизирована: эта культура является реликтом культуры, производной от субстрата, в формировании которого не последнюю роль сыграла бритиш-маунтинская культура.

¹⁸⁶ Арутюнов С. А., 1976, с. 5.

¹⁸⁷ Диков Н. Н., 1969.

В формировании этой камчатской палеолитической культуры некоторую роль должны были сыграть, конечно, и южные влияния, поскольку нельзя все же отрицать ее близость и к другому культурному ареалу, включающему и Японские острова. Вероятно, взаимодействие с докерамическими культурами Японии сначала было слабым, а затем все более возрастало и привело в результате к распространению на Хоккайдо (судя по Тачикава III) черешковых наконечников, близких к ушковским типам, датируемых 8—10 тысячелетиями¹⁸⁸.

Что же касается в общем отрицательного отношения Р. С. Васильевского к якобы высказанному нами допущению о «еще не обнаруженной более древней палеолитической культуре с клиновидными нуклеусами, послужившей основой для ушковской верхнепалеолитической культуры»¹⁸⁹, то это просто недоразумение. Нами отмечалось всегда нечто противоположное, а именно, что начальная, еще не выявленная фаза ушковской культуры была без клиновидных нуклеусов, что, таким образом, ушковская культура слоя VII развивалась на своей собственной основе и является реликтом этой еще не выявленной на Камчатке культуры без клиновидных нуклеусов, которая, бесспорно, древнее любых других культур с клиновидными нуклеусами, включая дюктайскую. Теперь это, повторяем, хорошо согласуется с нашим предположением о сибирско-американской бритиш-маунтинской основе ушковской культуры. И конечно, докерамические комплексы Японии не могут, вопреки мнению Р. С. Васильевского¹⁹⁰, объяснить происхождение подобной культуры хотя бы потому, что в тех случаях, когда в них наблюдаются отмеченные Р. С. Васильевским аналогии (черешковые наконечники), они там значительно моложе ушковских (8 тыс. лет назад), в других же случаях эти «анalogии» (микропластинки и клиновидные нуклеусы) к делу не имеют отношения, поскольку для ушковской культуры подобные вещи (особенно клиновидные нуклеусы) совсем не характерны.

В таком состоянии сейчас находится проблема происхождения ранней ушковской верхнепалеолитической культуры, и мы видим, что для ее сколько-нибудь удовлетворительного решения требуется отход от привычных представлений о якобы односторонних миграциях из Азии в Америку с начала сартанского времени и признание для раннего сартана единой сибирско-американской культурной области на крайнем Северо-Востоке Азии, Аляске и, конечно, на затопленных ныне землях древней Берингии.

Вопрос о возможной роли ранней ушковской культуры в заселении Америки возник уже давно и был вызван ее географическим и хронологическим положением и некоторыми чертами ее сходства с древними американскими культурами, и прежде всего американоидным видом ее черешковых наконечников. Речь, конечно, идет не о самом первоначальном заселении Америки, а о той роли, которую эта культура могла сыграть в ее заселении в конце сартанского времени, примерно 13—12 тыс. лет назад, когда в Северной Америке снова возник межледниковый ко-

¹⁸⁸ Morlan R. E., 1967, fig. 23, 9.

¹⁸⁹ Васильевский Р. С., 1973, с. 126.

¹⁹⁰ Васильевский Р. С., 1973.

ридор, ведущий в глубь континента со стороны Аляски. Кроме того, как некую возможность для подобных межконтинентальных контактов следует еще иметь в виду дискуссионный узкий миграционный коридор вдоль восточного склона скалистых гор в течение большей части Висконсинна, на что обращали внимание разные исследователи, в том числе М. Вормингтон и И. П. Ларичева¹⁹¹, хотя И. П. Ларичева в общем отстаивает позицию полной изоляции заледниковой Америки от каких бы то ни было влияний со стороны палеолита Азии.

Американоидность черешковых наконечников является общепризнанной в очень широком хронологическом диапазоне: их сравнивают с американскими докерамического периода¹⁹², раннеголоценовыми анангульскими с Деревенского поселения¹⁹³, с наконечниками укрытия Мармз (Мармес Рокшелтер)¹⁹⁴ и даже с южнопатагонскими из финальноплейстоценовых пещер Фели и Палли-Айк¹⁹⁵. Сейчас, когда этих наконечников (рис. 3) в слое VII ушковских стоянок уже известно около 30 (при почти полном отсутствии нечерешковых типов), снова вполне уместно произвести их наиболее тщательное сравнение с американскими.

Ближайшая (в территориальном и хронологическом смысле) аналогия этим ушковским черешковым наконечникам имеется, как мы уже отмечали, в нижнем культурном слое пойменной террасы перед пещерой Мармз (Мармес Рокшелтер) в штате Вашингтон на Северо-Западе США¹⁹⁶.

Местонахождение Мармз отличается четкой стратиграфией, и нижний культурный слой, датируемый 13—11 тыс. лет¹⁹⁷ или чуть больше 10 тыс. лет¹⁹⁸, относится к так называемой фазе Уиндаст с черешковыми бифасиальными наконечниками — первой из шести фаз первобытной истории Северо-Запада США, сменяемой в VII тысячелетии до н. э. фазой Каскейд с листовидными бифасиальными наконечниками, относящимися к древнекордильерской традиции (верхние слои пещеры Мармз, стоянка DiRi-3 и др.). Фаза Уиндаст характеризуется охотой на крупных животных (в частности, на лосей) и, вероятно, рыболовством (о чем свидетельствуют находки острог), в то время как в фазе Каскейд уже произошел переход к охоте на мелких животных. Судя по палеоантропологическим остаткам (самым твердо датированным столь древним в Новом Свете), население фазы Уиндаст ничем почти не отличалось от современных индейцев¹⁹⁹.

Местонахождение Мармз можно отнести, вероятно, к самой ранней стадии древнекордильерской культуры Северо-Запада США, для после-

¹⁹¹ *Wormington H. M.*, 1971; *Ларичева И. П.*, 1976б.

¹⁹² *Окладников А. П.*, 1970, с. 174.

¹⁹³ Там же, 1977, с. 119; *Лафлин В. С.*, *Окладников А. П.*, 1975, с. 16; *Окладников А. П.*, *Васильевский Р. С.*, 1976, с. 107, 108.

¹⁹⁴ *Диков Н. Н.*, 1970, с. 29; 1976а, с. 177.

¹⁹⁵ Там же, 1969, с. 114.

¹⁹⁶ *Fryxell R. et al.*, 1970.

¹⁹⁷ *Ibidem.*

¹⁹⁸ *Irwin H. T.*, 1971.

¹⁹⁹ *Ibid.*, p. 57, 58.

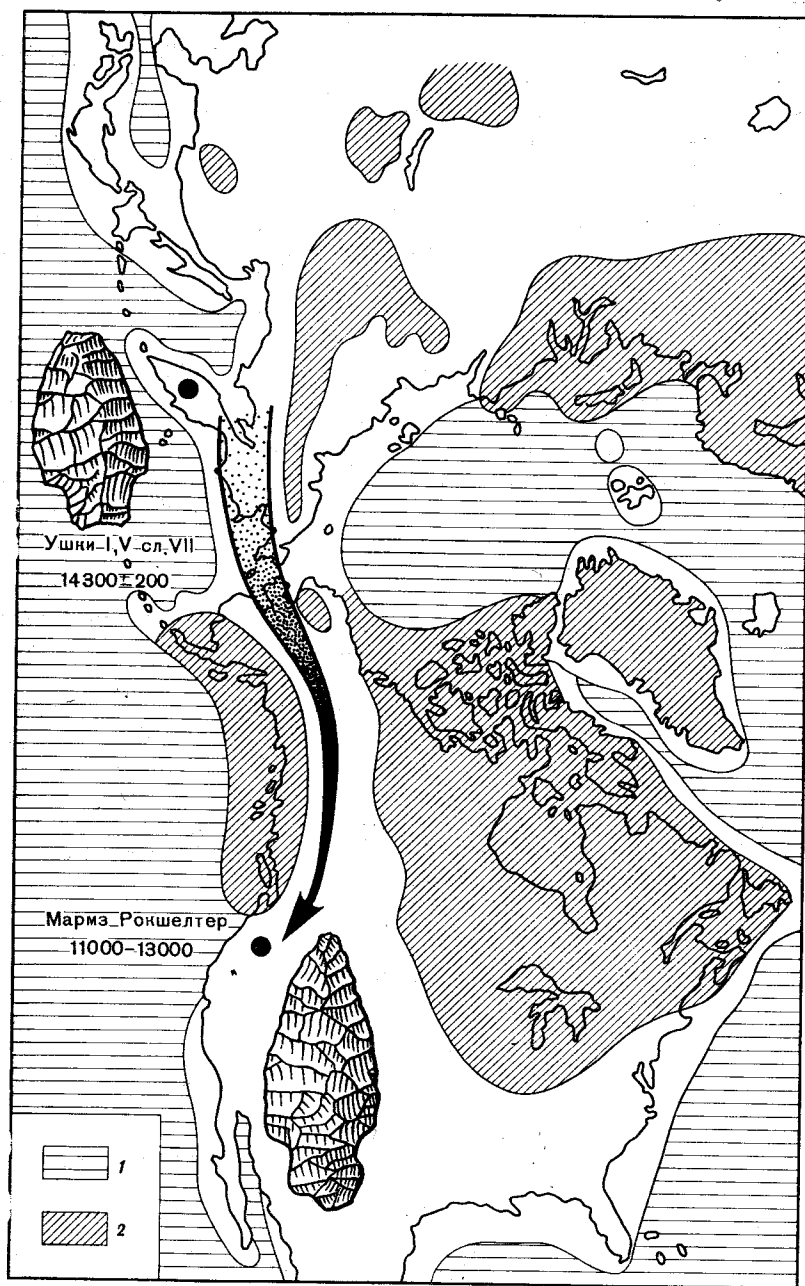

Рис. 8. Путь вероятного распространения в Америку через Берингию технических традиций ранней ушковской культуры в конце сарганского времени
1 — акватория сарганского времени; 2 — сарганские ледниковые щиты

дующих стадий которой характерны главным образом листовидные наконечники (лерма). Однако на некоторых ранних ее стоянках второй стадии (например, DiRi-3), не говоря уж об укрытии Мармз, наряду с листовидными наконечниками встречаются и черешковые. Впоследствии эта традиция черешковых наконечников переходит к культуре Сан-Диегито на Юго-Западе США, сформировавшейся в результате смешения древнекордильерской культуры и культуры фолсом. Очень важно отметить, что ушковские наконечники имеют некоторое, правда, лишь самое общее сходство и со многими наконечниками культуры Сан-Диегито (рис. 7, 5)²⁰⁰.

Тот факт, что в приведенной выше серии сопоставимых черешковых метательных наконечников наиболее древними являются ушковские, а наиболее поздние стадии Уиндаст (Мармз) и культуры Сан-Диегито появляются на западе ледниковой Северной Америки лишь после образования ледникового коридора, вполне допускает предположение об их первом проникновении из Северо-Восточной Азии со стороны ушковской культуры либо сразу же после образования ледникового коридора (13—14 тыс. лет назад), либо, возможно, еще раньше по гипотетическому кордильерскому проходу, признаваемому А. Вормингтон и И. П. Ларичевой. В качестве промежуточного следа этой миграции наконечников ушковского типа может служить пока только один, и притом довольно сомнительный фрагмент двусторонне обработанного, судя по обломку, черешкового наконечника (рис. 7, 3) со стоянки Трейл Крик, обнаруженный там Х. Ларсеном и датированный XIII тысячелетием до н. э.²⁰¹

Задержка стадии без развитых форм наконечников на Аляске и на Западе США создавала благоприятную среду для проникновения туда различных новых технологических влияний, и в частности этих новых типов наконечников со стороны Северо-Восточной Азии. В результате здесь возникают в высшей степени синкретичные культуры — древняя кордильерская и сан-диегито, имеющие, помимо собственно американских корней, также, как мы полагаем, и северо-восточно-азиатский исток, — обстоятельство, на которое пока не обращалось должного внимания (достаточно вспомнить, что И. П. Ларичева так и не находит материала о связях древнекордильерской культуры с североазиатской)²⁰².

В силу своей синкретичности эти культуры являются наименее специализированными (не в пример культуре фолсом) и потому с большей возможностью на адаптацию могли быстро распространяться и далее на Юг Америки. Во всяком случае, их менее специализированные удобные и простые черешковые наконечники могли быть гораздо с большим успехом восприняты теми южноамериканцами, которые все еще переживали стадию без развитых форм наконечников, чем в высшей степени специализированные наконечники фолсом. Не случайно, мы имеем такое бурное их распространение на Западе США и в Южной Америке вплоть до Патагонии в период фолсом, а затем на остальной террито-

²⁰⁰ Ларичева И. П., 1976б, рис. 41, 12, 15.

²⁰¹ Larsen H., 1968, fig. 3, i.

²⁰² Ларичева И. П., 1976а.

рии США в архаическом периоде, когда наконечники фолсом полностью себя там изжили. Не случайно поэтому ушковские палеолитические наконечники вдруг как бы возрождаются в своих самых типичных формах в позднеголоценовых памятниках на Востоке США, в частности на стоянках Ламока и Харт²⁰³.

Ранее было высказано предположение о генетическом родстве черешковых наконечников (с черешками в виде рыбьего хвоста) из пещер Фелл и Палли-Айк (8760±300 л. до н. э.) с ушковскими и соответственно о распространении ушковской культуры на Американский континент на ее раннем, еще не выявленном этапе, не позднее начала сартанского оледенения²⁰⁴. Такое предположение мы связали с гипотезой А. А. Зубова об общности происхождения эскимосов, огнеземельцев и калифорнийских индейцев, являющихся потомками (согласно названной гипотезе) древнейших палеоамериканцев, сохранившими наиболее архаичный антропологический тип²⁰⁵. Затем мы внесли корректив в это наше предположение, обратив внимание на поразительное сходство ушковских наконечников с наконечниками Мармз и ограничив тем самым аналогии нашим наконечникам западноамериканскими культурами периода Кловис²⁰⁶. Позднее, почти одновременно возможность прямых генетических связей между ушковскими и патагонскими наконечниками была подвергнута сомнению и Р. С. Васильевским²⁰⁷ (хотя с нашей стороны никогда собственно не было речи именно о прямых генетических культурных связях ушковской стоянки с пещерами Фелл и Палли-Айк). Единственным аргументом против связи патагонских наконечников с ушковскими Р. С. Васильевский выставлял при этом лишь то, что большинство американских археологов считают эти южнопатагонские наконечники производными от кловисских²⁰⁸. Этот факт (т. е. мнение некоторых американских археологов) общеизвестен, и мы раньше его отмечали²⁰⁹. Однако он спорный, и большинством голосов проблемы в науке не решаются. Во всяком случае, крупный американский специалист по этой проблеме Брайан, не говоря уже о многих других, категорически возражает против того, что наконечники с черешком в виде рыбьего хвоста (Фелл и Палли-Айк), так же как и промежуточные более крупные наконечники Пахиан в Перу, могли произойти от наконечников кловис. «Это надо было бы еще доказывать, — пишет он, — даже в том случае, если было бы известно, что желобчатые наконечники кловис появились в Андах достаточно рано. А пока на юге центральной части Северной Америки наконечникам кловис только 11 500 лет»²¹⁰. Эту дату доказал другой ведущий археолог Хейнз²¹¹. А возраст пещеры Фелл твердо датирован 11 тыс. лет назад (9500 лет до

²⁰³ Mc. Neish R. S., 1952, fig. 12, A, B; Wright H. T., Morlan R. E., 1964, pl. I, fig. I.

²⁰⁴ Диков Н. Н., 1977, с. 15.

²⁰⁵ Зубов А. А., 1968.

²⁰⁶ Диков Н. Н., 1973а, с. 123; 1973б, с. 31; 1973в, с. 265.

²⁰⁷ Васильевский Р. С., 1973, с. 128.

²⁰⁸ Там же, с. 127.

²⁰⁹ Диков Н. Н., 1971, с. 162 (докт. дисс.).

²¹⁰ Bryan A. L., 1975; Ossa P., Moseley M. E., p. 1—16.

²¹¹ Haynes C. V., 1971, p. 3—11.

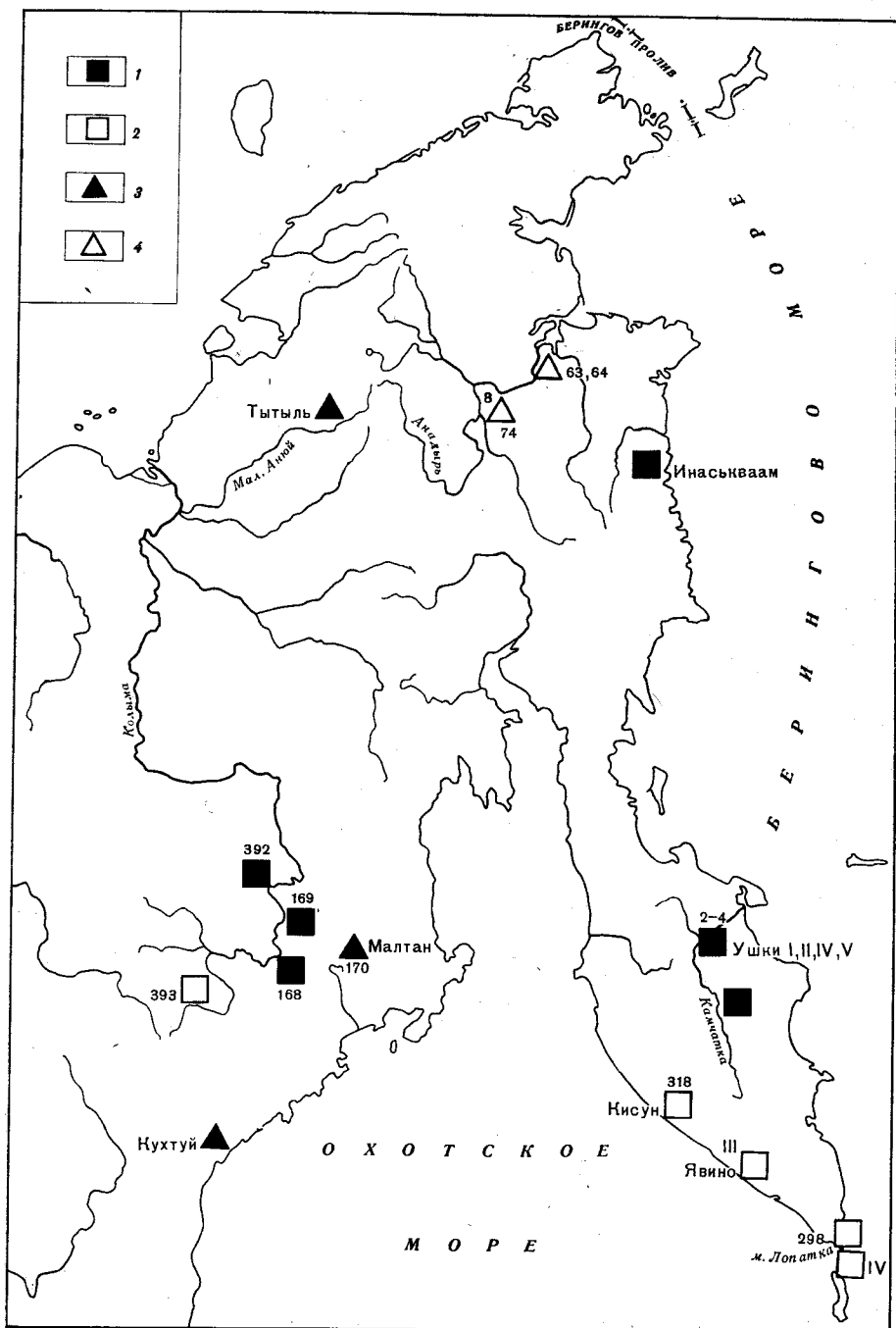

Рис. 9. Палеолитические и мезолитические местонахождения на Северо-Востоке Азии

1 — палеолитические стоянки; 2 — предполагаемые палеолитические стоянки; 3 — мезолитические стоянки; 4 — предполагаемые мезолитические стоянки 63, 64 — Осиновая коса; 74 — Чикаево; 168 — Сибердик; 169 — Конго; 392 — Майорыч; 393 — руч. Шило

н. э.)²¹². Таким образом, разницы во времени (500 лет) между нею и самыми ранними стоянками Кловис на Юге США явно недостаточно для прохождения пути этими наконечниками до Огненной Земли. Мало того, промежуточные наконечники Пахиан из Перу вообще оказываются более древними, чем кловисские на Юге США, им от 8645 ± 370 до $12\,795 \pm 350$ л. н.²¹³

Но даже если мы признаем южноамериканские наконечники производными от кловисских, то все же они черешковые и должны, следовательно, происходить от черешковых вариантов кловисских наконечников, которые в свою очередь стали такими, вероятно испытав влияние со стороны западноамериканских культур с развитыми формами черешковых наконечников, на выработку которых, как мы показали, вполне могли оказать влияние идущие со стороны камчатского палеолита. И это тем более вероятно, что последний, как отмечают многие исследователи, обладает некоторыми чертами сходства с культурами кловис (сходны резцы, ножевидные пластины, развиты бифасиальность орудий)²¹⁴. Так что в конечном счете нельзя совсем исключить какого-то, хотя бы отдаленного, влияния этой азиатской культуры на культуру Американского континента. И все еще не снятым является вопрос, не оказываются ли такие периферийные районы Америки, как Калифорния или Южная Патагония с Огненной Землей, заповедниками не только архаичных и реликтовых, как полагает А. А. Зубов, антропологических черт, но и архаичных культур палеолита, долго остававшихся без развитых форм наконечников, а затем воспринявших их более поздние черешковые варианты в результате диффузии культурных влияний из Азии через западную отсталую археологическую провинцию Северной Америки.

И наконец, еще одно соображение. Между культурами сандия и кловис — hiatus 10 тыс. лет. Культура ушковского слоя VII похожа в чем-то на культуру бритиш-маунтин и, вероятно, возникла на ее основе. Вместе с тем ушковская культура имеет нечто сходное и с кловис, особенно с западными ее вариантами. Не является ли поэтому эта камчатская палеолитическая культура в известном смысле стадиальным звеном между культурами без развитых наконечников и кловис? Промежуточным звеном, развившимся конвергентно на азиатской стороне, а затем пришедшим в соприкосновение с культурой кловис на ее западной периферии, где дольше сохранялись традиции стадии без развитых наконечников.

²¹² Bird J. B., 1970; Wormington H. M., 1971.

²¹³ Ossa P., Moseley M. E., 1971, p. 1—16.

²¹⁴ Jelinek A. Y., 1971; Hayashi K., 1968, p. 172.

Поздняя ушковская верхнепалеолитическая культура Камчатки

Второй, более поздней культуре камчатского палеолита принадлежат несмешанные слои V и VI стоянок Ушки-I, Ушки-II, Ушки-IV и Ушки-V, вскрытые уже на площади около 2 тыс. кв. м. Кроме того, к ней, вероятно, могут быть отнесены обнаруженные в 1977 г. Ю. А. Колясниковым клиновидный нуклеус, лыжевидный скол и обломок листовидного наконечника, очевидно, на смешанных стоянках на левом берегу среднего течения р. Инаськваам²¹⁵, на юге Чукотки, и клиновидный нуклеус со смешанной стоянки Чикаево на р. Анадырь (рис. 10).

В целом рассматриваемая культура резко отличается от исследованной в более глубоком ушковском слое VII. У нее были совсем особые приемы обработки камня, причем исключительно широко использовались мелкие нуклеусы своеобразной клиновидной формы, с которых можно было скалывать самые тонкие пожевидные пластинки.

Рассмотрим сначала ранний, еще плейстоценовый этап этой культуры, представленный слоем VI ушковских стоянок, датированным $10\ 860 \pm 400$, $10\ 760 \pm 110$ и $10\ 360 \pm 345$ л. н.²¹⁶

Судя по остаткам спор и пыльцы, климат все еще продолжал быть холодным; древесной растительности было мало, преобладали открытые травянистые тундро-степи с редкими кустарниками кедрового стланика, ольховника и березы. Еще держался холод сарганского ледника.

По мере раскопок здесь постепенно возникала все более полная картина палеолитических становищ с различного рода жилищами, которых в слое VI на ушковских стоянках I, IV, V уже обнаружено 19. Остатки самого большого полностью еще не раскопанного палеолитического поселения сохранились на стоянке Ушки-I. Здесь на площади около 1700 кв. м вскрыто до 1977 г. 16 различных жилищ, что уже превышает их количество на самой крупной в мире по числу жилищ, как полагает А. А. Формозов²¹⁷, палеолитической стоянке Мальта (уже полностью раскопанной), где на площади 1148 кв. м обнаружено всего 15 жилищ.

Особой закономерности в расположении жилищ в слое VI на стоянке Ушки-I пока не выявляется. Видно только, что преобладающим здесь были сравнительно небольшие жилища, расположенные вперемешку с более крупными, причем своими входами, где они сохранились и зафиксированы, жилища ориентированы в разные стороны²¹⁸. Каждое из них конструктивно чем-то отличается от остальных. Прежде всего примечательно наличие среди них не только относительно неглубоких полуземля-

²¹⁵ Диков Н. Н., Колясников Ю. А., 1979; Диков Н. Н., 1969, рис. 16.

²¹⁶ Следует иметь в виду, что в ходе полевых исследований была уточнена нумерация верхних палеолитических слоев опубликованных разрезов ушковских стоянок (Диков Н. Н., 1969б, рис. 2; 1977б, рис. 6.). В обозначенном на них прежде слое V выделены два горизонта: Va и Vв. Слою Va (10360 ± 350 , Мо — 345) теперь соответствует слой VI, причем последний в ряде случаев разделяется на два горизонта: VIa (бывший слой V) и VIв (бывший слой VI).

²¹⁷ Формозов А. А., 1976.

²¹⁸ Диков Н. Н., 1977б, рис. 11.

нок с коридорообразным входом, но и целиком наземных шалашей. По середине каждого из них имелся каменный кольцевой очаг (как в культуре кловис) или только углисто-зольное огнище.

Некоторые жилища оказались двухслойными и даже трехслойными, с каменными очагами, сооруженными один над другим. Одно из них (рис. 11—14) с захоронением собаки возле очага в среднем слое (рис. 13) и с гадательной лопаткой бизона в верхнем слое (рис. 11) принадлежало, очевидно, колдуну. Собака волчьей породы (определение Н. К. Верещагина) была погребена на левом боку с подведенными под морду лапами.

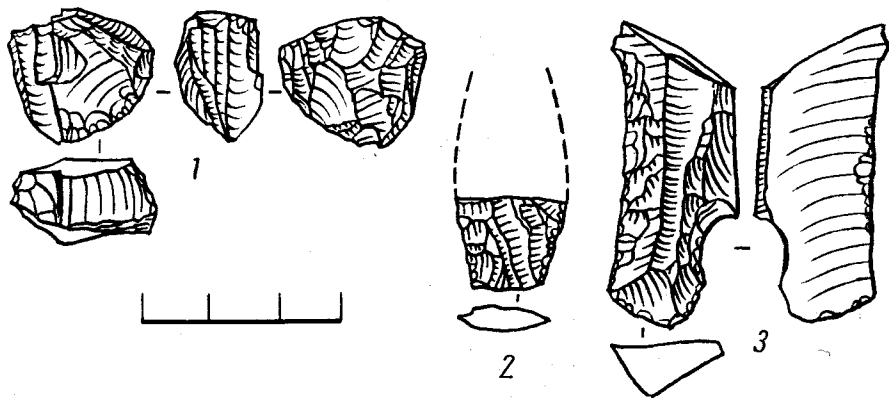

Рис. 10. Клиновидный нуклеус и другие изделия со стоянок на р. Инаськвкам (1—3)

У ее спины были обнаружены в пятне красной охры обсидиановый нож и скребок, а также песчаниковый точильный камень (рис. 15). В том же среднем слое на юго-восточной стороне жилища у коридорообразного входа («на плече» вскрытого основания полуземлянки) сохранились фрагменты обгоревшей подстилки из травы (рис. 13).

В другом жилище, камни очага которого были раскиданы, мы нашли остатки погребения человека, скорее всего детского, в специальной яме с охрой и большим количеством каменных орудий и украшений.

Подобно многим южносибирским жилищам этого времени жилые сооружения оказываются здесь в большинстве случаев сравнительно небольших размеров. Они большей частью слегка углублены в землю и семь из них имеют коридорообразный вход. Тем самым намечается весьма значительная древность на территории Камчатки той самой земляночной строительной традиции, которая сохранилась там в течение последующих тысячелетий и которую еще в XVIII в. застают С. Крашенинников. Следует при этом отметить своеобразие планировки и устройства очагов ушковских углубленных в землю жилищ, их существенное отличие от одновременной им овальной каркасной полуземлянки, обнаруженной в Якутии на стоянке Усть-Тимптон в шестом слое с клиновидными нуклеусами и датированной $10\,650 \pm 80$ л. н.²¹⁹

²¹⁹ Мочанов Ю. А., 1977, рис. 33.

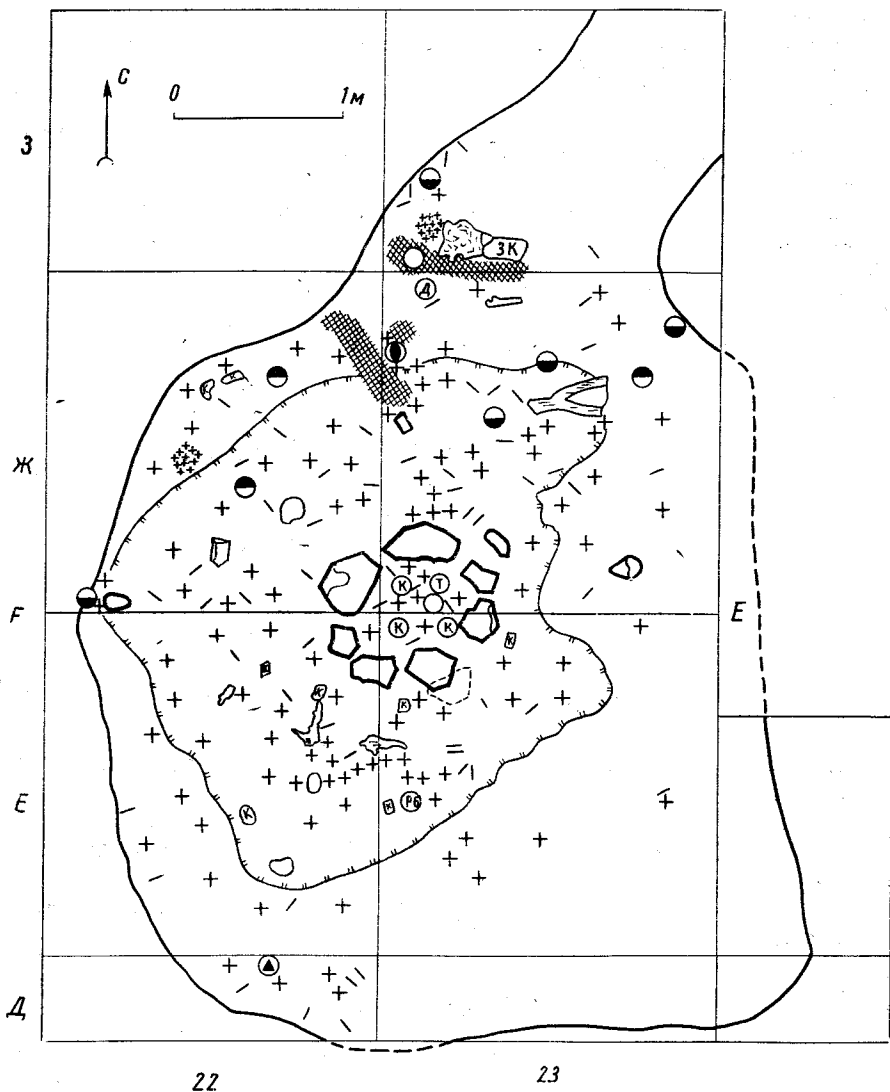

Рис. 11. План верхнего слоя позднепалеолитического жилища в VI слое стоянки Ушки-I (условные знаки см. на рис. 13)

Жилище, как известно, является элементом культуры, имеющим существенное значение для реконструкции образа жизни, в какой-то мере даже общественных отношений. Возможно по традиции, от предыдущего периода сохраняются большие шалашевидные целиком наземные жилища неправильной овальной формы с несколькими кострищами, составляющие

каждое несколько «минимальных жилых пространств». Вместе с тем малые размеры большинства жилищ свидетельствуют о каких-то новых тенденциях в развитии родовой общины, об усложнении ее структуры, о стремлении к обособлению внутри нее в рамках малого жилища сравнительно небольших семейно-производственных коллективов, вероятно парных семей. Не исключено, что это вызвано кризисным состоянием перехода от охоты большей частью на крупных толстокожих к охоте на более мелких стадных животных, на северных оленей, бизонов, лошадей, а также на лосей, кости которых (преимущественно зубы) обнаружены в слое VI (определения Н. К. Верещагина и Э. В. Алексеевой). Этим обстоятельством, очевидно, объясняются и явные признаки сезонности заселения берегов Ушковского озера в виде многочисленных углистых прослоек, разделенных стерильным песком, в очагах некоторых жилищ (рис. 12).

Верным помощником человека в охоте была уже домашняя собака, об очень раннем приручении которой на Северо-Востоке Азии, на Камчатке свидетельствует упомянутое выше захоронение собаки в жилище ушковской стоянки. Судя по всему, собака здесь была одомашнена раньше и, во всяком случае, не позднее чем в передней Азии, где остатки древнейших, как считалось до сих пор, домашних собак натуфийской культуры относятся к IX—VIII тысячелетиям до н. э.²²⁰ Следовательно, теперь имеется достаточно определенное подтверждение одомашнивания собаки в позднем палеолите на Северо-Востоке Азии, о чем раньше можно было лишь догадываться, судя по весьма неопределенным находкам костей одомашненного волка в позднем палеолите Северной Азии²²¹.

Обилие в очагах жилищ перегоревших косточек лососевых и других рыб красноречиво говорит и о значительной роли рыболовства у обитателей ушковских палеолитических жилищ.

Комплекс каменных изделий из слоя VI ушковских стоянок состоит из многочисленных клиновидных нуклеусов (IV—2—7²²², рис. 16, 1—10), иногда крупных (рис. 16, 13); сколотых с них ножевидных пластинок (рис. 18, 7) и лыжевидных сколов (рис. 17, 11, 12; рис. 19, 6), очень редких, грубых призматических и конусовидных нуклеусов (I—2; рис. 17, 14, 15, 16), в том числе односторонних сколотых с них пластин, аморфных нуклеусов; грубых ударных и скребловидных (рис. 18) орудий, в некоторых случаях оббитых наподобие чоппингов, но зачастую неотличимых от грубых нуклеусов; наконечников копий, дротиков и стрел листовидной продолговатой формы (I—1с, I—3в, рис. 19, 9—14), а также более широких (рис. 19, 15); ножей разных типов (рис. 19) — обработанных двусторонней отжимной ретушью листовидных бифасов (II—1; IV—4), асимметричных с клювовидным концом бифасов (IV—1), полулунных с овальным лезвием (VI—1, 2, 3), ножей на тонких и широких пластинчатых отщепах с прямым (VII—2, 3), закругленным (VII—4) или остроконечным лезвием (VII—5, 6), в виде ретушированных по краю или без ретуши

²²⁰ Массон В. М., 1964.

²²¹ Боголюбовский С. Н., 1959, с. 515.

²²² Здесь и ниже индексация разновидностей (типов) каменных изделий дана по приложению I (см табл. 1—10).

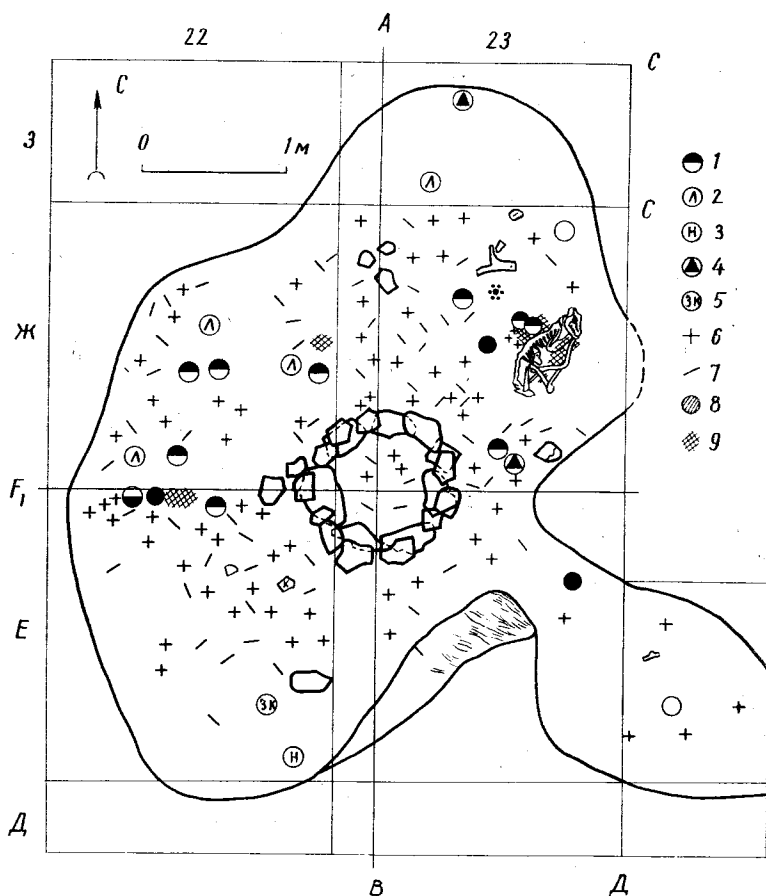

Рис. 13. Средний слой палеолитического жилища на стоянке Ушки-I (слой VI)
1 — каменный нож; 2 — лыжевидный скол; 3 — нуклеус; 4 — клиновидный нуклеус; 5 — зеленый камень; 6 — отщеп; 7 — ножевидная пластинка; 8 — песчаниковая плитка; 9 — пятно красной охры

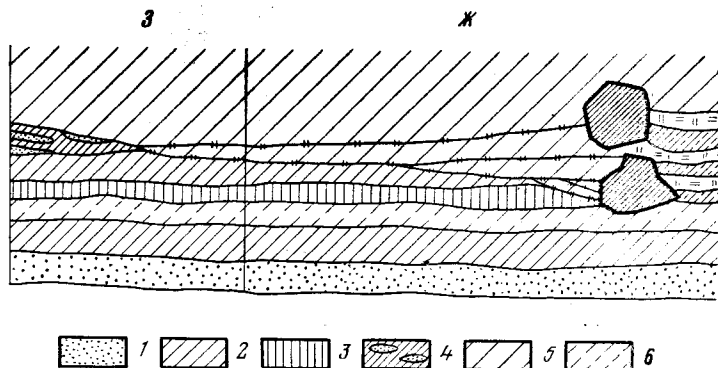

Рис. 12.
Разрез через многослойное жилище в слое VI стоянки Ушки-I

1 — песок; 2 — серо-желтый суглинок; 3 — желтый суглинок, соответствующий культурному слою VII; 4 — серовато-охристого цвета суглинок с прослойками песка; 5 — желтый суглинок;

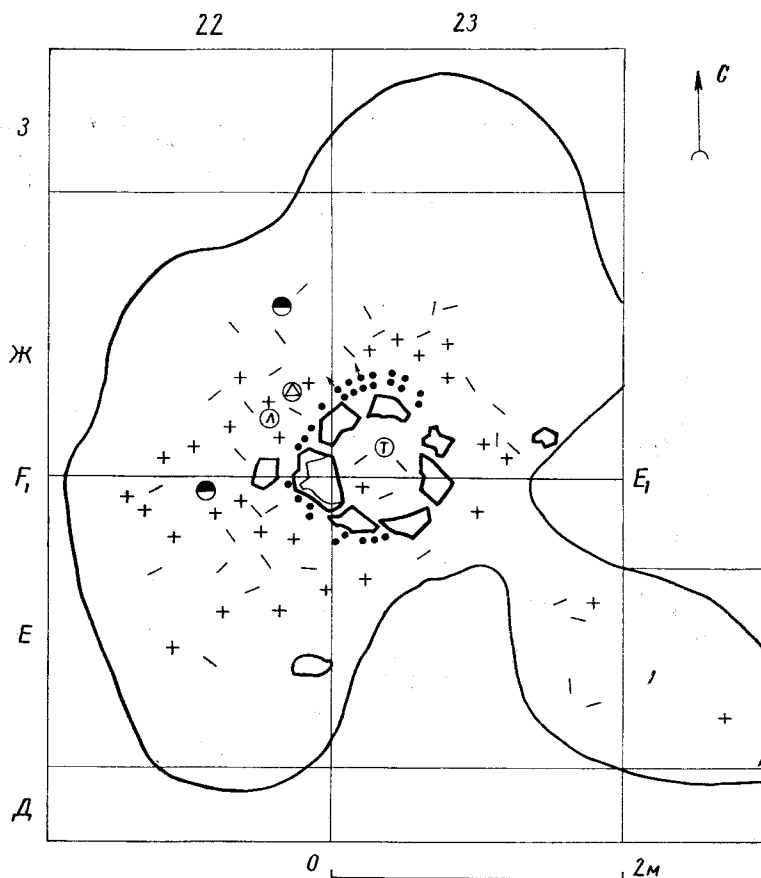
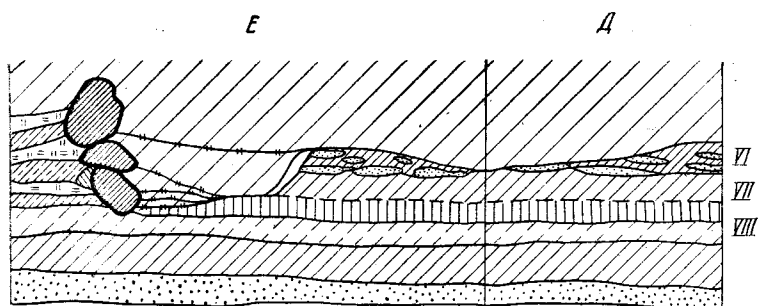

Рис. 14. Нижний слой палеолитического жилища (слой VI)

7 8 9 10 11

6 — серо-желтая супесь; 7 — камни в разрезе; 8 — костная очажная масса; 9 — очажные угли и зола; 10 — прослойка вулканического пепла VI; 11 — углистые прослойки пола жилища

шлифованных плиток глинистого сланца (III—4, 19, 23), ретушированно-го с одного края вкладыша (I—8)²²³; скребков и скребел разной величины и разных форм, но преимущественно концевых (I—6, 11, 18; II—3, 4, 6, 10, 11, 18, 19, 22, 24; III—I; IV—7; V—6; VII—1, 4, 9, 10; IX—1, 2, 5, 16, 17, 18; X—9; XI—2; XII—3; XIII—1, 2; рис. 20),

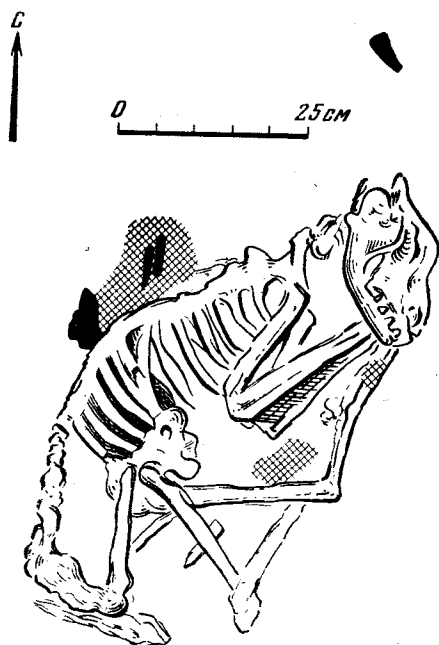

Рис. 15. Захоронение домашней собаки в жилище поздней ушковской верхнепалеолитической культуры (прорисовка)

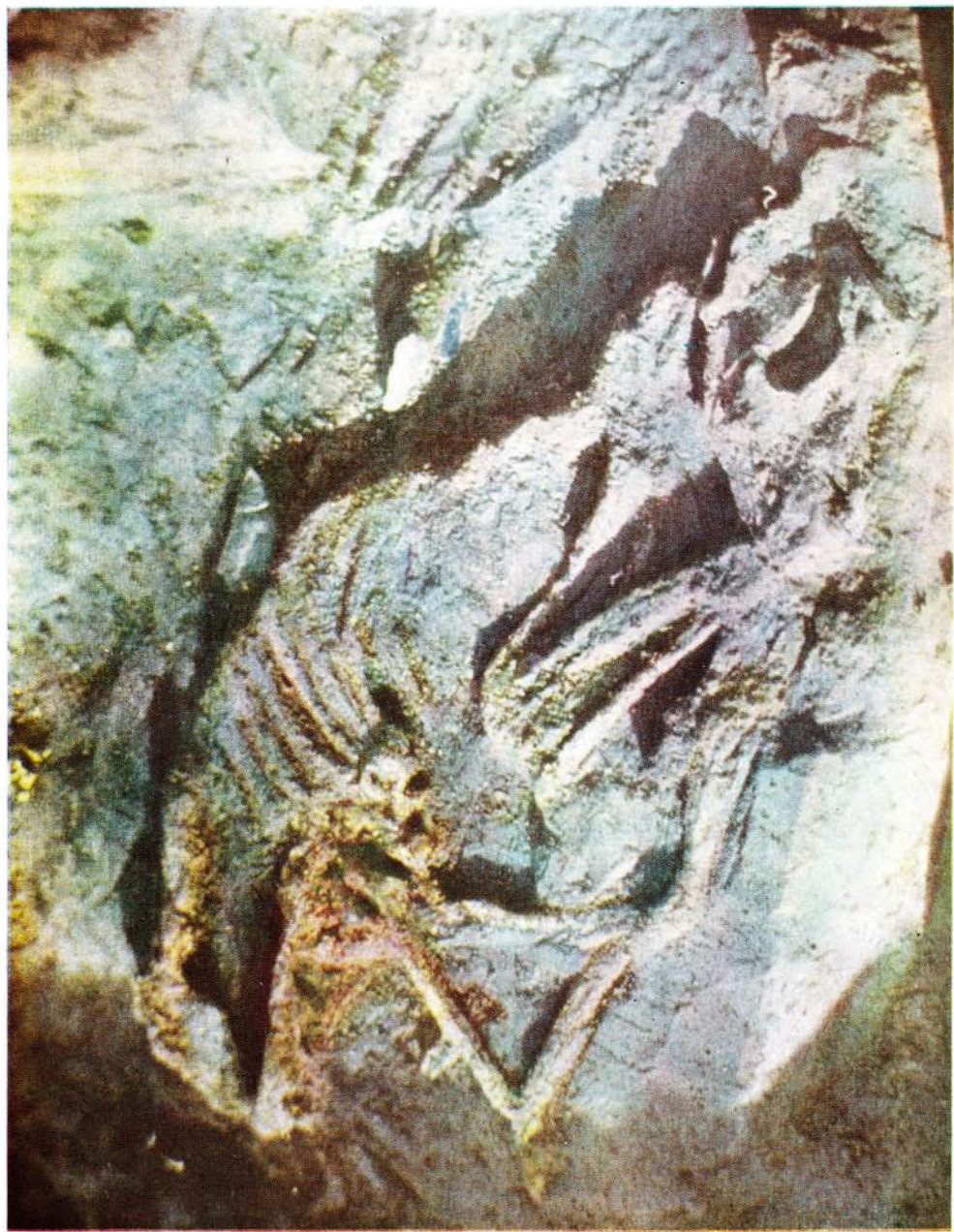
двух срединных резцов на отщепах (рис. 18, 1—2) и прокол (рис. 19, 3, 4); краевых сколов и отщепов, а также песчаниковых из вулканического туфа калибровальных (?) плиток с желобками (рис. 18, 10, 11). Весь этот набор изделий, входящих в комплекс культурного слоя VI, сделан из самых различных пород камня, но преимущественно из серого и зеленого кремнистого сланца, бурого и желтого кремня, халцедона, вулканического туфа, разновидностей обсидиана, базальта и глинистого сланца. Особо мягкие породы камня вроде стеатита шли на изготовление подвесок-украшений. Одна из них грибовидной формы (рис. 21, 6), другая овальная (рис. 21, 5) были найдены среди остатков жилища № 3. Из мягкого песчаника было изготовлено интересное изделие — плитка с крестовидным узором (по семь (?) ямок в каждой ветви креста), возможно, один из древнейших лун-

ных календарей (рис. 21, 10). На другой песчаниковой плитке овальной формы хорошо видно граффити (рис. 22), изображающее конический шалаш и, вероятно, окружающий его лес (предположительно из хвойных деревьев)²²⁴. При известном воображении здесь виден соответственно даже не один шалаш, а три, правда, остальные два нанесены древним художником очень эскизно и фрагментарно (рис. 22). Сходный рисунок обнаружен в культурном слое мезинской позднелептоситической стоянки на костяном мотыгообразном «орудии с орнаментом», как интерпретирует его З. А. Абрамова²²⁵. Если внимательно присмотреться, то подобные изобра-

²²³ Исследование показало ошибочность нашего прежнего предположения о наличии среди ножей в ушковском слое VI ножей японского типа Киридаши (Диков Н. Н., 1967г).

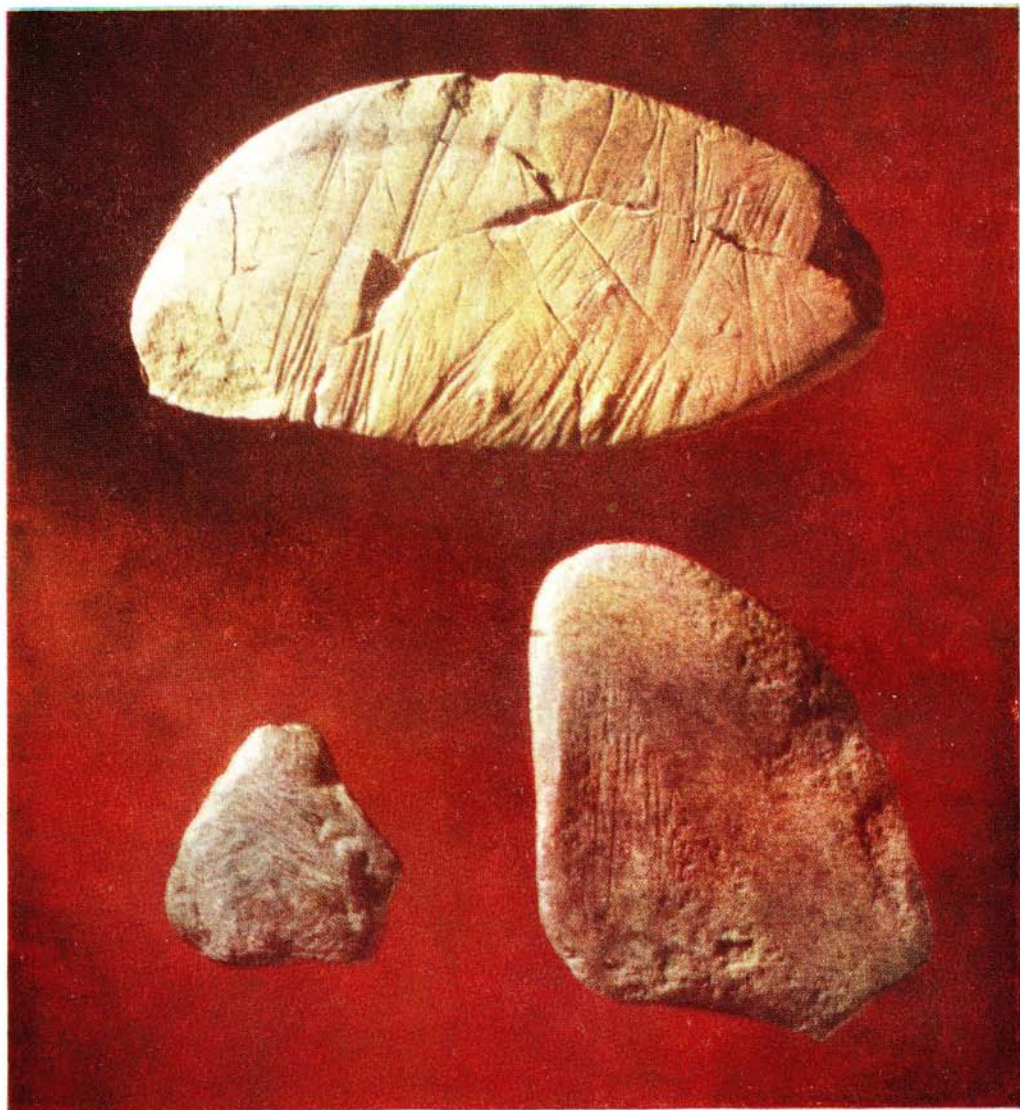
²²⁴ Элементы пейзажа, возможно, имеются и на берелехской пластине с изображением мамонта — первом, в таком случае, памятнике палеолитического искусства в этом роде (Бадер О. Н., 1972, 1975).

²²⁵ Абрамова З. А., 1962, табл. XXXIV, 13.

Погребение домашней собаки в палеолитическом жилище слоя VI стоянки Ушки-I

Изображение палеолитического жилища на песчанниковой плитке, подзёрконическая и мамонтовидная фигурки из палеолитического слоя VI стоянки Ушки-I

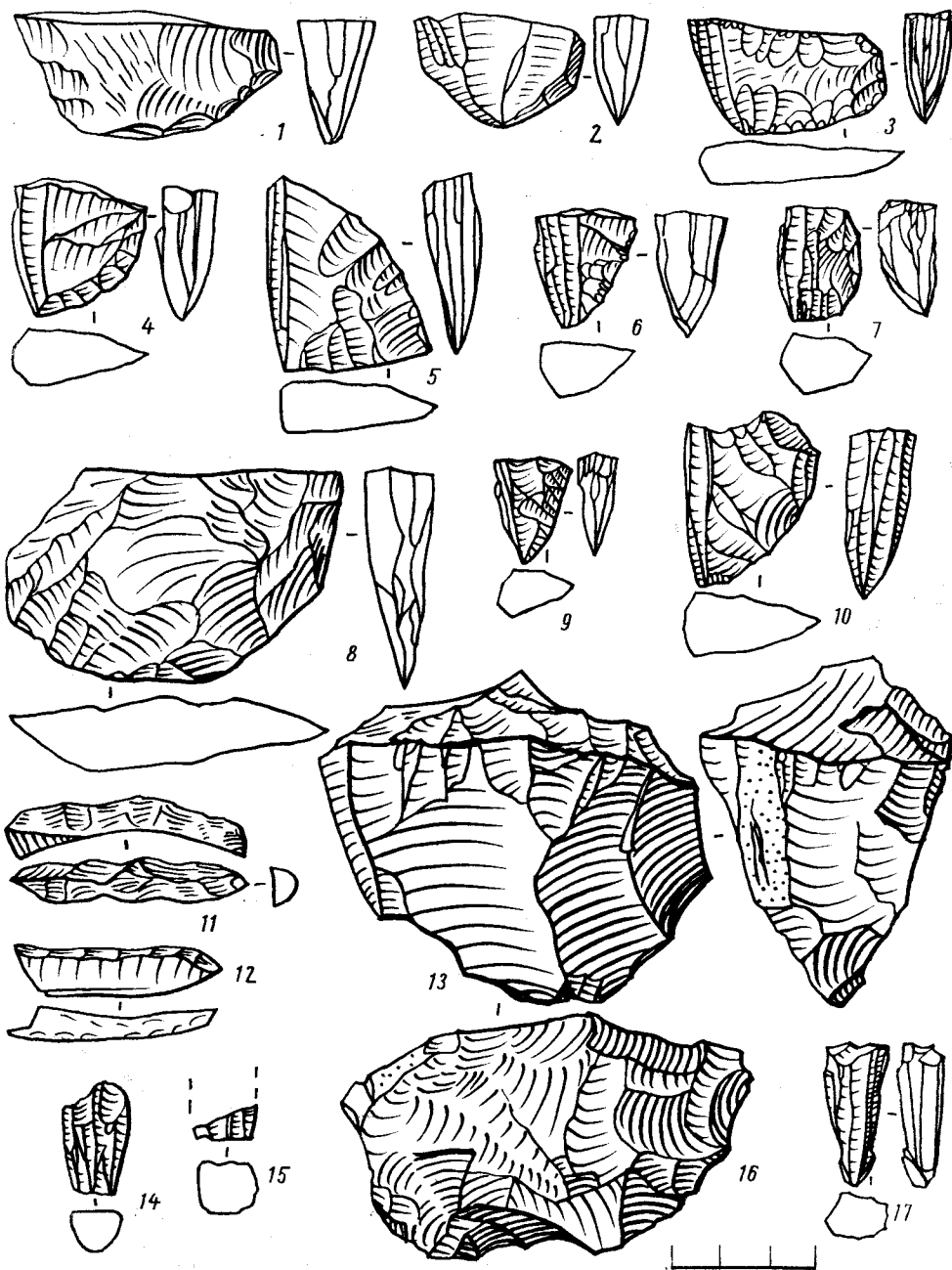

Рис. 16. Нуклеусы поздней палеолитической ушковской культуры (Ушки-V, слой VI) (1—17)

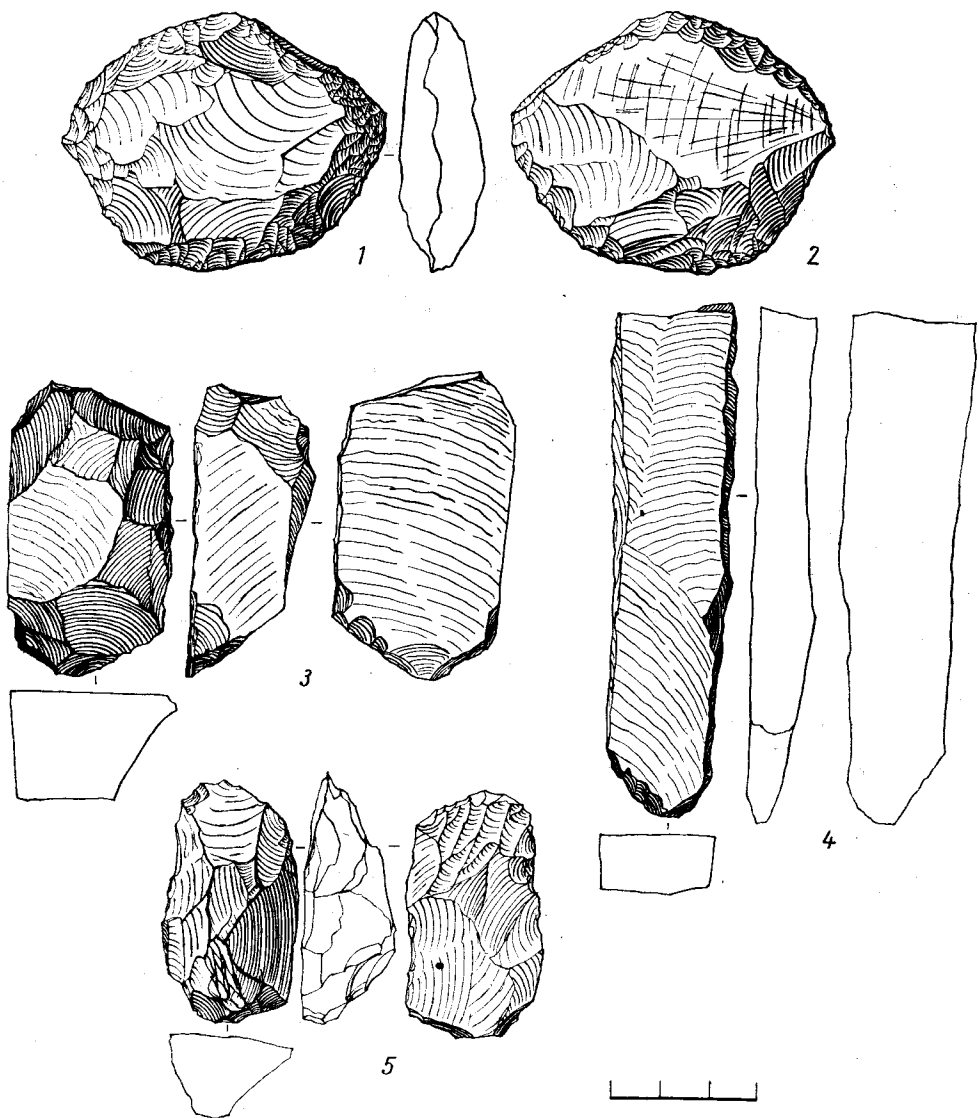

Рис. 17. Бифас и грубые ударно-скребловидные орудия поздней ушковской верхнепалеолитической культуры предположительно из слоя VI, стоянки Ушки-I и Ушки-II (2—5 — подъемный материал) (1—5).

жения шалашей можно явственно различить и на многих других верхнепалеолитических граффити, например, на костяной пластине так называемыми «макаронами» из Дольни-Вестониц в Чехословакии²²⁶.

²²⁶ Abramova Z., Graziosi P., 1976, fig. 7.

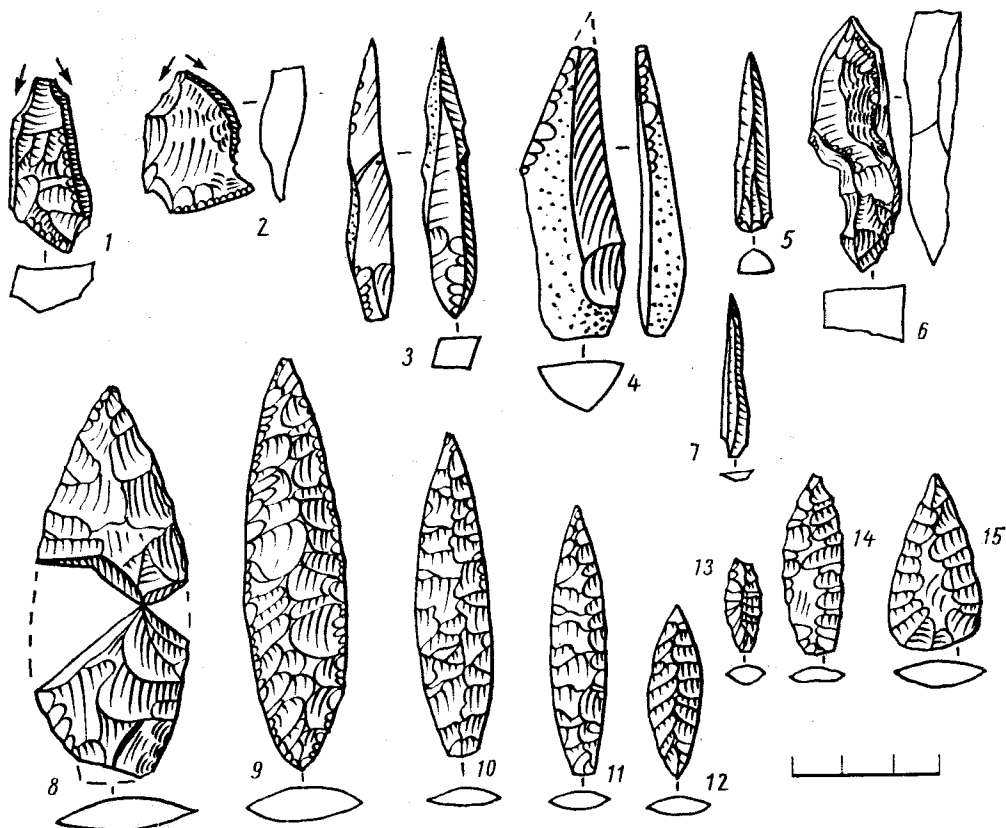

Рис. 18. Резцы, резчики, проколки, метательные наконечники поздней ушковской верхнепалеолитической культуры (слой VI стоянки Ушки-I) (1—15)

Некоторые поделки из камня имеют либо антропоморфно-зооморфный вид, как например, испещренное штрихами изделие из агамальолита, напоминающее сидящего человека *ap face* или голову животного (рис. 23), либо зооморфный, как например, плоская песчаниковая галька, напоминающая своим контуром фигуру мамонта, сходство с которым подчеркивается несколькими прочерченными с одного ее края штрихами, как бы намечающими хобот животного (см. цветную вклейку). Из костяных изделий в данном комплексе представлены только лопатки костянобугорского облика и все еще не вполне понятного хозяйственного назначения (рис. 24).

Совсем незначительно отличается рассмотренный комплекс каменных изделий VI слоя от комплекса вышележащего V слоя, представляющего финальный этап поздней ушковской верхнепалеолитической культуры.

Зато бросается в глаза резкое отличие комплекса слоя VI от культурных остатков из более древнего слоя VII. Сходным, но отнюдь необяза-

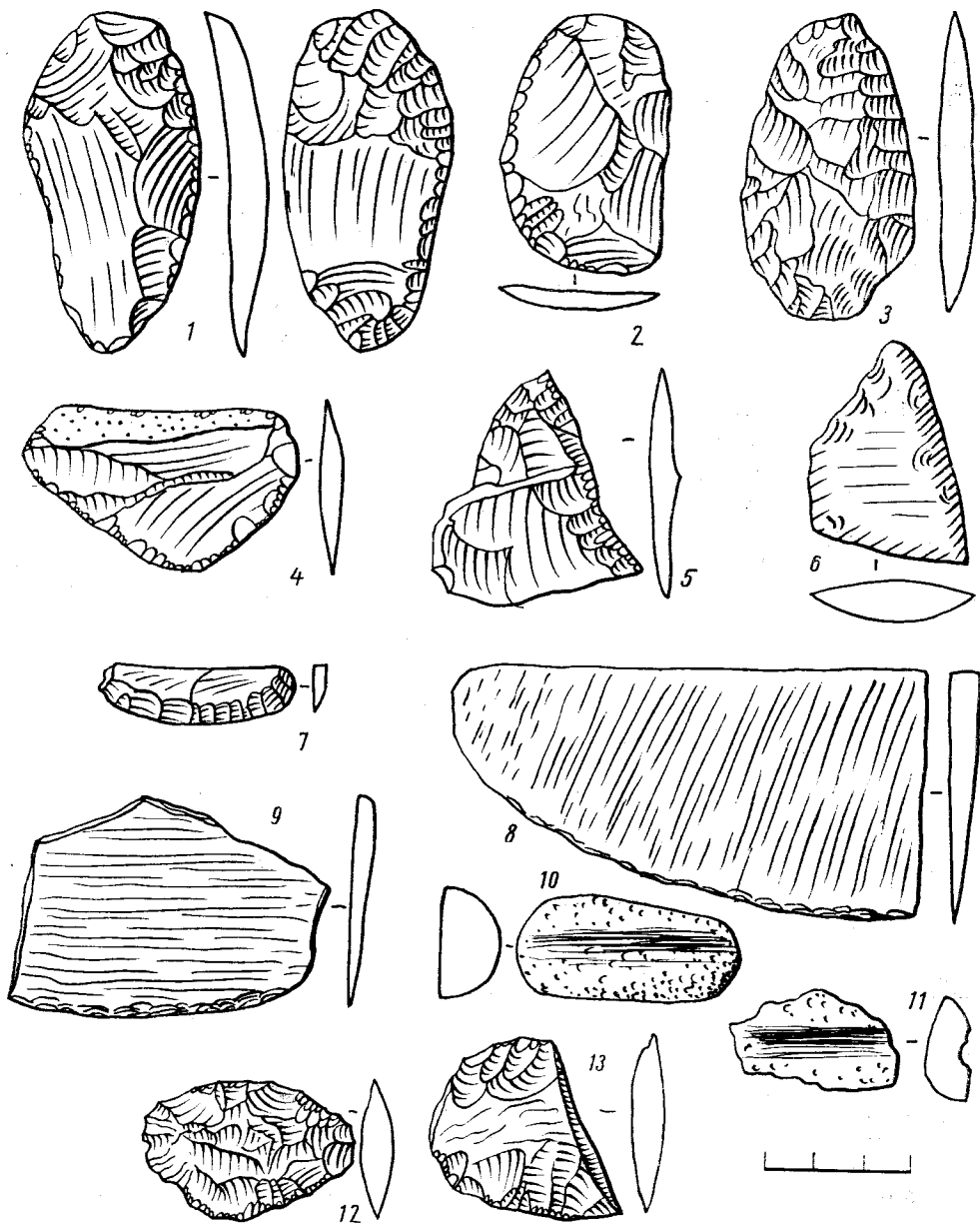

Рис. 19. Ножи и точильные камни поздней ушковской, верхнепалеолитической культуры (слой VI стоянки Ушки-1) (1—11)

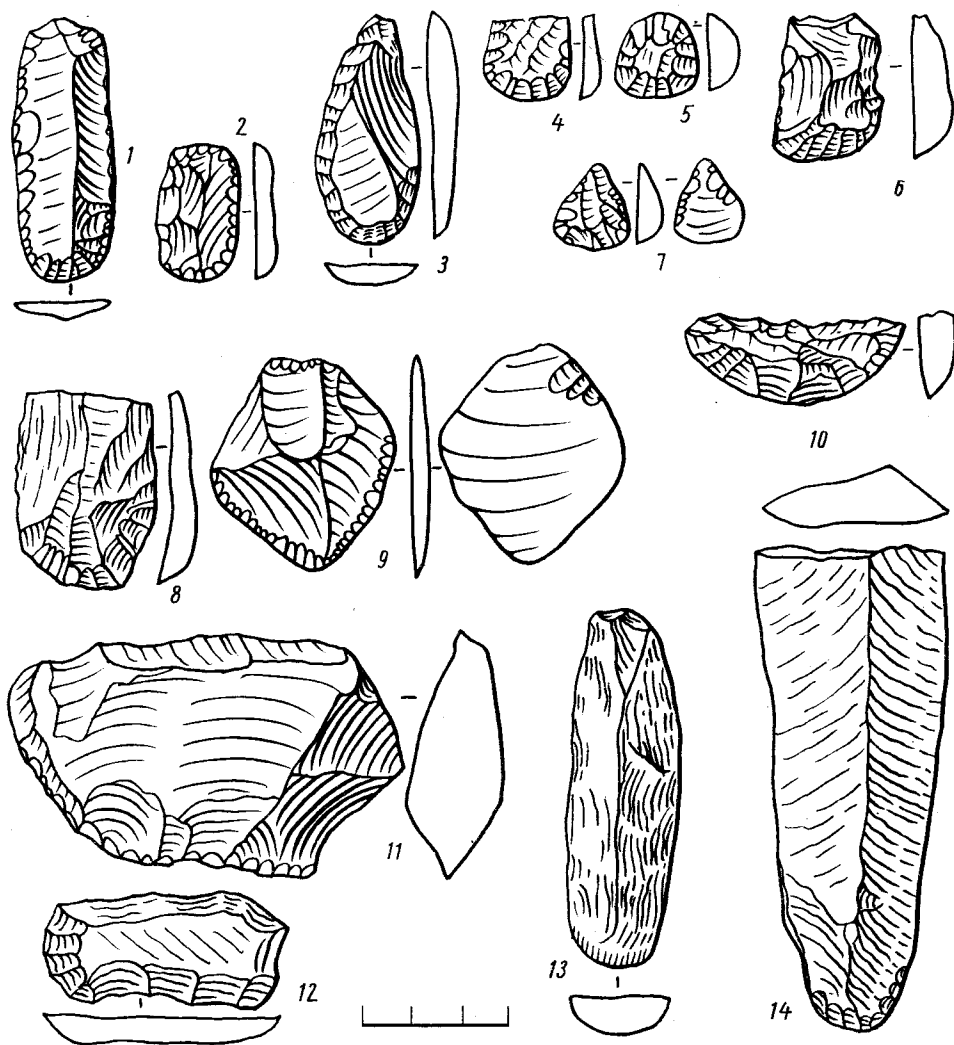

Рис. 20. Скребла и скребки поздней ушковской палеолитической культуры (слой VI стоянки Ушки-1) (1—14)

тельно традиционным и перешедшим от предшествующей культуры элементом оказываются только весьма нехарактерные скребла со слегка выпуклым лезвием (IX—1) и концевые скребки на отщепах (X—9 и II—15), а также бифасиальные листовидные ножи. Резкое различие в наиболее характерных вещах — наконечниках стрел и нуклеусов — является, вероятно, следствием принадлежности обеих культур к совершенно различным этническим общностям с особыми технико-типологическими традициями.

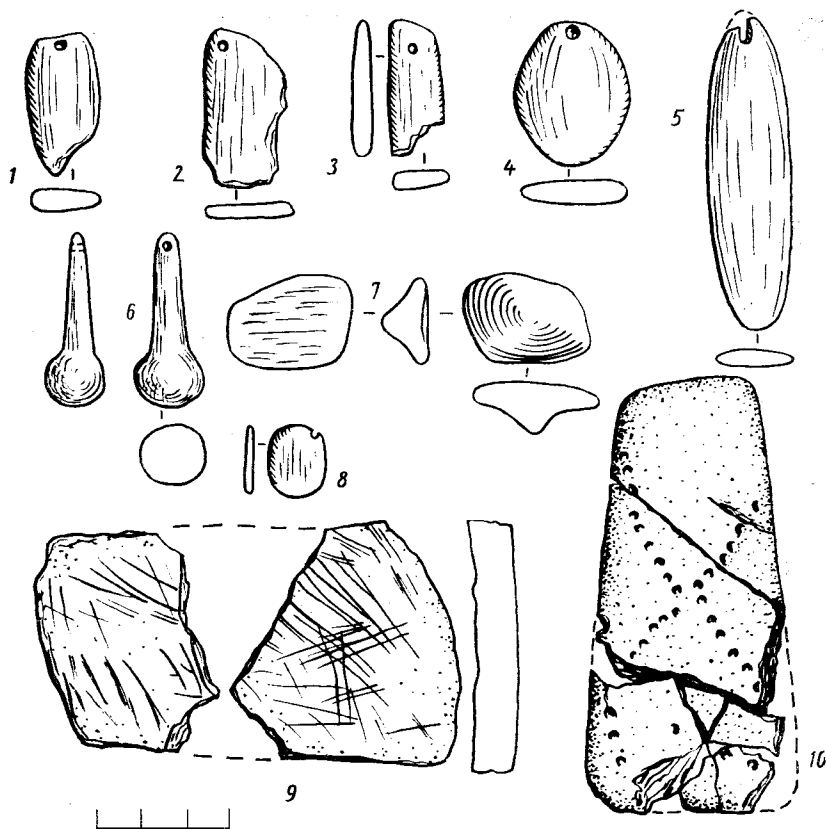

Рис. 21. Каменные подвески, лабретовидное изделие, «лунный календарь» и штрихованные плитки поздней ушковской верхнепалеолитической культуры (1—10)

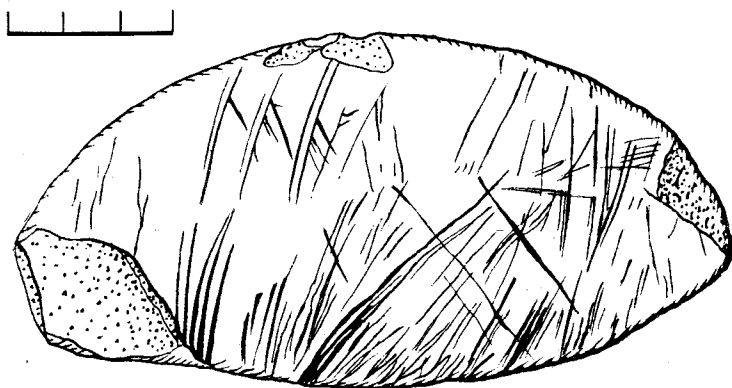
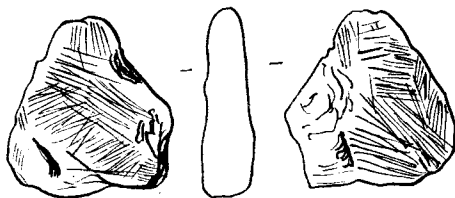

Рис. 22. Изображение шалашевидного жилища на песчаниковой плитке со стоянки Ушки-I (слой VI)

Рассмотрим наиболее существенные аналогии отдельным элементам этого культурного комплекса, с тем чтобы определить в конце концов его генетические и культурные связи. Они фиксируются во многих направлениях, со всеми окружающими сопоставимыми по времени культурами.

Связи, очевидно, преимущественно генетического характера, главным образом с более древними, чем данный комплекс, верхнепалеолитическими памятниками, можно установить в бассейне Алдана и в Ангаро-Енисейской культурной области.

Рис. 23. Полиэконическое изображение из VI слоя стоянки Ушки-1

Ближайшие аналогии клиновидным нуклеусам удлиненного типа (IV—5), широким — бифасам (II—3) и удлиненным листовидным наконечникам (I—2с) получены в самое последнее время в результате раскопок Ю. А. Мочанова на Алдане, в Дюктайской пещере²²⁷.

Короткие клиновидные нуклеусы (IV—3) находят аналогии в позднепалеолитических енисейских стоянках Таштык, Кокорево IV, Красный Яр²²⁸, а клиновидные нуклеусы с наклонной площадкой (IV—4) — в изделиях подобного типа из горизонта II Верхоленской горы в Прибайкалье²²⁹.

Там же, в слое II стоянки Верхоленская гора встречены и удлиненные типы нуклеусов (IV—5, 6 так называемые гобийские)²³⁰. Последние обнаружены и в слое VI стоянки Красный Яр, относящемся, очевидно, к значительно более древнему времени²³¹, а также в Черемушнике и в слое VI Усть-Бельской, которые датируются XI—X тысячелетиями от нашего времени²³².

Наконечники стрел узкой удлиненной формы (I—2с) не находят себе точных подобий ни в одной из сибирских палеолитических культур, кроме Дюктайской на Алдане. Зато широкие листовидные бифасы-ножи (II—1, 3) известны теперь в позднепалеолитических памятниках не только на Алдане, а значительно шире: в Черемушнике, во втором горизонте Верхоленской горы и на первой надпойменной террасе у д. Устиновка на р. Тадуши в Приморье²³³.

²²⁷ Мочанов Ю. А., Федосеева С. А., 1968.

²²⁸ Абрамова З. А., 1962а, рис. 4, 1—3.

²²⁹ Аксенов М. П., 1966б, рис. 8, 6, 9.

²³⁰ Там же, рис. 8, 8, 9, 24.

²³¹ Медведев Г. И., 1966б, рис. 8, 1, 2, 5.

²³² Аксенов М. П., 1966а, рис. 6, 3; Медведев Г. И., 1966а, рис. 2, 19.

²³³ Аксенов М. П., 1966а, рис. 10, 3; рис. 10, 11; Окладников А. П., 1966в.

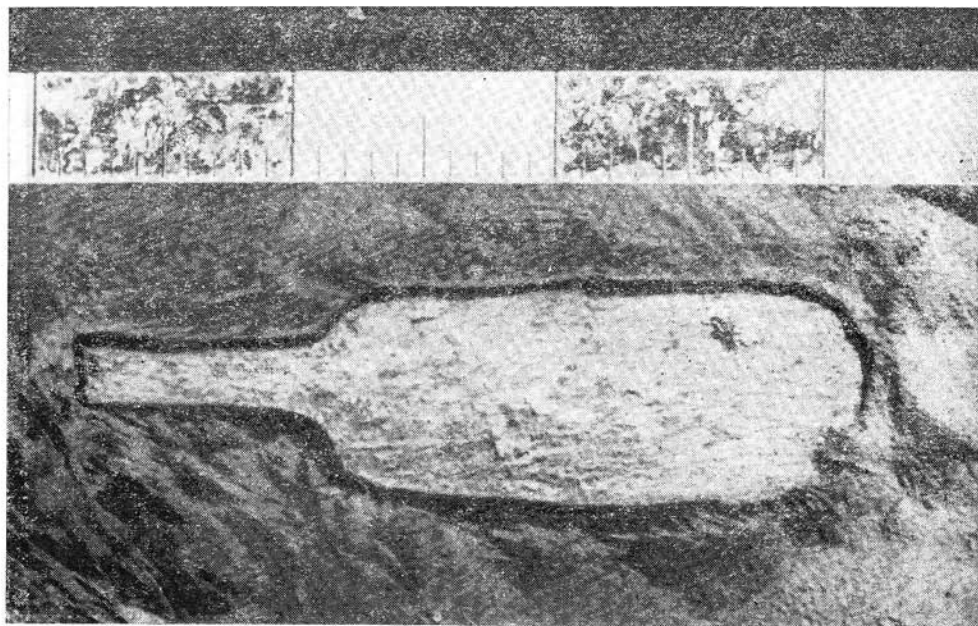

Рис. 24. Костяная лопатка из палеолитического слоя VI стоянки Ушки-I

То же можно сказать и о полулунных ножах-бифасах, находящихся в изделиях горизонта III Верхоленской горы и среди изделий Дюктайской пещеры на Алдане.

Многие типы скребков и скребел из слоя VI ушковских стоянок тоже встречены на стоянках позднего сибирского палеолита, порой весьма отдаленных от Камчатки. Концевым грушевидным скребкам (II—11) известна, очевидно, наиболее древняя аналогия среди скребков Мальтинской стоянки²³⁴. Близкие этому типу скребки (I—11 и II—10), а также грубые скребла (IX—1 и IX—2) обнаружены в более поздней стоянке Красный Яр²³⁵, а мелкие скребки (VII—4) в слое III Верхоленской горы²³⁶. В горизонте II этой стоянки найдены скребла, сходные с нашими (IX—5, 16)²³⁷, а также имеющие некоторое сходство со скребловидными продолговатыми орудиями XIII—2²³⁸. Скребла с круглым лезвием встречены и на поздненеолитической — раннемезолитической стоянке Черemuшник²³⁹.

Сходны с ушковскими клиновидные нуклеусы Монголии (IV—3, 5, 6). Судя по стратифицированным стоянкам Булун-Худжир и Мольтын-ам,

²³⁴ Герасимов М. М., 1958, рис. 8, е.

²³⁵ Абрамова З. А., 1962а, рис. 4, 8; рис. 5, 12.

²³⁶ Аксенов М. П., 1966б, рис. 5, 3, 4.

²³⁷ Там же, рис. 8, 13, 15.

²³⁸ Там же.

²³⁹ Аксенов М. П., 1966а, рис. 6, 2; 3, 15.

исследованным А. П. Окладниковым совместно с геологом С. Л. Троицким, эти нуклеусы-скребки (IV—3) не древнее хронологического рубежа между мезолитом и палеолитом ²⁴⁰.

Более древней, вполне сопоставимой по возрасту с рассматриваемой камчатской культурой является традиция изготовления клиновидных нуклеусов в Приморье, где они известны теперь не только в так называемом мезолитическом комплексе стоянки Тадуши, но и в ее безусловно верхнепалеолитическом на нижней террасе ²⁴¹. Тадушские нуклеусы сопоставимы с типом IV—6 и изготовлены в технике хорока, получившей с XVII до XII тысячелетия до н. э. распространение на Японских островах ²⁴².

Там же, у деревни Устиновка, на р. Тадуши мы находим аналогии и другим позднепалеолитическим камчатским каменным изделиям: полулунному ножу-бифасу (VI—2) ²⁴³, концевым скребкам на больших массивных пластинках (XIII—1) ²⁴⁴ и боковым скребкам с вогнутым лезвием (XII—3) ²⁴⁵.

Почти все аналогии поздней ушковской палеолитической культуре, которые мы находим на Японских островах, выявлены и в континентальной части Северной Азии, причем в Японии мы не найдем многих форм, главным образом скребел и скребков, отмеченных нами выше в Сибири. Существенно также и то, что сходные нашим вещи на Японских островах датируются, как правило, более ранним временем, чем на Камчатке, реже они синхронны, и только в очень редких случаях их можно считать более поздними. В общем они укладываются в широком хронологическом диапазоне так называемых докерамических культур древней Японии (15 500—9000 лет до н. э.).

Удлиненные клиновидные нуклеусы (IV—6), выполненные техникой хорока, известны на о. Хонсю в Арая, в слое IV пещеры Фукуи (на о. Кюсю) и в некоторых других местонахождениях докерамического периода истории древнего населения Японских островов ²⁴⁶. Нуклеусы продолговатой клиновидной формы, изготовленные большей частью техникой юбецу, сходные с камчатским продолговатым типом (IV—5), обнаруженные на о. Кюсю в пещере Фукуи и на о. Хоккайдо в Сиратаки № 30, в Сакотсу, Товарубетсу и на стоянках Тачикава и Тагашита ²⁴⁷, что тоже не исчерпывает всего возможного списка быстро растущих в последние годы в Японии местонахождений с подобными изделиями. Клиновидные нуклеусы (IV—4) с наклонным передним краем для скалывания пластинок, оформленные техникой юбецу, известны на Хоккайдо в Сиратаки-Хаториади и на о. Хонсю в Накато ²⁴⁸, а нуклеусы с вертикальным перед-

²⁴⁰ Окладников А. П., Троицкий С. Л., 1967, рис. 12, 1.

²⁴¹ Окладников А. П., 1966в, табл. V, 4, 7.

²⁴² Morlan R. E., 1968.

²⁴³ Окладников А. П., 1966в, табл. VII, 6.

²⁴⁴ Там же, табл. VI, 3.

²⁴⁵ Там же, табл. VII, 3.

²⁴⁶ Sugihara S., 1970, fig. 13; Serizawa S., 1967, fig. 2, 20; 1968, p. 5.

²⁴⁷ Sugihara S., 1970, fig. 4, 16; Morlan R. E., 1967, fig. 12, 2, 3; 15, 18, 3; 21, 13; 30, 5.

²⁴⁸ Sugihara S., 1970, fig. 10, 15; Morlan R. E., 1968, fig. 2; Jidai S., Sugihara S., 1965, fig. 54, 3.

ним рабочим краем, сделанные по методу юбецу (IV—2, 3), найдены в Окедо-Адзуми, в Ширатаки 32 и в некоторых других местах на о. Хоккайдо²⁴⁹.

Ретушированные по краю ножевидные пластины (I—7) имеют довольно близкие аналогии в комплексе Хорока (14 300 лет до н. э.) и на стоянке Хороказава I на о. Хоккайдо²⁵⁰.

Узкие продолговатые метательные наконечники-бифасы (I—2) известны в Такеи II на о. Хонсю в префектуре Гумма (их предположительный возраст около 15 000 лет)²⁵¹.

Более широкие листовидные бифасы-наконечники (I—1) отмечены в Магарикаве на о. Хоккайдо и на юге центральных районов о. Хонсю в Камисисибэ и Уэнодайре, где они датируются примерно 15 тыс. лет от наших дней²⁵².

Симметричные двусторонне обработанные широкие листовидные ножи (II—1) имеют своих аналогов в Магарикаве на Хоккайдо²⁵³ и в верхнем слое Такеи II на Хонсю²⁵⁴. Асимметричные бифасы подобного рода (II—3) являются в Японии очень древней формой, восходящей, очевидно, к 25-тысячелетию от наших дней в долине Канто на о. Хонсю в Ивадзюку-I, а в более позднее время докерамического периода известны на о. Хоккайдо в Сиратаки 33 и Тома (Тома II), где их возраст определяется в 15 200—12 150 лет²⁵⁵.

Среди концевых скребков тоже имеются в японском палеолите близкие камчатским типам: в Магарикаве на Хоккайдо, Янагимате, в комплексах Арая и Синнари-типу (I—6)²⁵⁶ и в комплексе Накато (II—10)²⁵⁷. Наконец, встречаются там и близкие камчатскому палеолитическому типу (IV—4) срединные резцы — в Сиратаки-33 и в Китаеяме²⁵⁸.

Связь поздней ушковской палеолитической культуры с сопоставимыми по времени культурами арктической и субарктической Америки выражается в сходстве клиновидных нуклеусов, двусторонне обработанных наконечников и ножей, а также некоторых видов скребков. В отличие от связей с Сибирью и Японскими островами, где аналогии, как правило, древнее камчатских образцов, сходные вещи в Америке по возрасту в общем относительно моложе, чем в Японии, и относятся преимущественно к концу сарпанского оледенения и к началу последледникового времени. Этот факт имеет большое значение для выяснения направления распространения древней культуры верхнепалеолитического Северо-Востока Азии в сторону Америки.

²⁴⁹ Sugihara S., 1970, fig. 7; Morlan R. E., 1968, fig. 2; idem, 1967, fig. 14, 2.

²⁵⁰ Ikawa F., 1967, fig. 4, e, f; Morlan R. E., 1967, fig. 56, 8.

²⁵¹ Serizawa C., Ikawa F., 1960, fig. 11, c, 1—3.

²⁵² Sugihara S., 1968, p. 4, 5; Morlan R. E., 1967, fig. 20, 1.

²⁵³ Morlan R. E., 1967, fig. 20, 2.

²⁵⁴ Serizawa C., 1967, fig. 17, 1; Tozawa M., 1965, fig. 47, 1.

²⁵⁵ Ikawa F., 1970, fig. 3, e; Serizawa C., 1967, fig. 15, 7.

²⁵⁶ Morlan R. E., 1967, fig. 20, 6; Serizawa C., 1967, fig. 12, 24; Serizawa C., Ikawa F., 1960, fig. 8, b; Tozawa, 1965, fig. 60, 6.

²⁵⁷ Nakamura, 1965, fig. 51, 1.

²⁵⁸ Serizawa S., Ikawa F., 1960, fig. 4, A, 5, A, 3.

Сходные с камчатскими позднепалеолитическими каменные изделия в Северной Америке относятся к той переходной от плейстоцена к голоценовой культуре, которая давно была там обнаружена на стоянке Кэмпус возле Фарбенкса, но долгое время ошибочно считалась сравнительно поздней мезолитической. Только недавнее открытие на Аляске ряда других аналогичных стоянок — Деннали-Ридж, Текланика и Хилли-Лейк — позволило правильно оценить ее возраст и отнести все названные памятники ориентировочно к XIII—VIII тысячелетиям до н. э. В целом эти древние аляскинские памятники могут быть отнесены, на наш взгляд, как мы отмечали еще в 1971 г.²⁵⁹, к одной культуре, характеризующейся почти таким же комплексом каменных изделий, как и в слоях VI—V ушковских стоянок на Камчатке. Эта культура, следующая во времени после культуры бритиш-маунтин, получила теперь название денали²⁶⁰.

На стоянке Кэмпус давно уже известны клиновидные нуклеусы, аналогичные камчатским типам (IV—3, IV—5, IV—7)²⁶¹, в Деннали-Ридж они представлены узкими и продолговатыми типами (IV—4 и IV—5)²⁶², имеются они на стоянках Хилли-Лейк²⁶³ и Текланика²⁶⁴. На последней стоянке оказались и бифасы, аналогичные симметрично- и асимметрично-листовидным типам (II—I и II—3)²⁶⁵. Узкие и продолговатые листовидные обработанные ретушью с двух сторон метательные наконечники (I—2с) очень похожи на подобные наконечники из недавно исследованного Мак Кеннаном комплекса Хилли-Лейк на Аляске²⁶⁶, а близкие им формы, часто более широкие, приближающиеся к типу американских наконечников лерма, встречаются в последующей кордильерской культуре VI—V тысячелетий до н. э.²⁶⁷ Для этой же культуры обычны и грушевидные, а также языковидные скребки камчатских позднепалеолитических типов (II—11 и I—18). Они известны, например, в местонахождениях Кайюк на перевале Анактувук²⁶⁸ и в названном выше комплексе Флинт-Крик²⁶⁹.

Существенное, хотя и более слабое сходство прослеживается и с комплексом акмак стоянки Онион-Портидж на Аляске, который во многом сходен с культурой денали, отличаясь от нее главным образом особыми бифасиальными нуклеусами, которых совсем нет в культуре денали. В комплексе акмак имеются такие же, как в слое VI ушковских стоянок, широкие бифасы, клиновидные нуклеусы, лыжевидные сколы и микропластины²⁷⁰. И даже нечто похожее на нуклеовидный бифас почти акмакского типа (рис. 17, 1) из наших раскопок в 1961 г. на Ушках-1 (из разведы-

²⁵⁹ Диков Н. Н., 1971а.

²⁶⁰ Ларичева И. П., 1976а.

²⁶¹ Bandi, 1969, fig. 15—2; West-Hadleigh, 1967.

²⁶² Ibid., fig. 4, f, 6, e, 6, a.

²⁶³ Mc Kennan R. A., Cook J. P., 1970.

²⁶⁴ West-Hadleigh, 1967.

²⁶⁵ Ibid., fig. 9, d, 9, g.

²⁶⁶ Mc Kennan R. A., Cook J. P., 1970.

²⁶⁷ Butler R. B., 1961; Береговая Н. А., 1967, рис. 2—1.

²⁶⁸ Campbell J. M., 1962, pl. 2—18.

²⁶⁹ Береговая Н. А., 1967, рис. 2, 15, 12.

²⁷⁰ Anderson D. D., 1970, fig. 21, 24, 25, 10, 15; 1970.

вательного шурфа в смешанном слое заполнения пережиточно-неолитической землянки, прорезающей шестой культурный слой), усиливает это сходство с Акмаком²⁷¹.

Отмечаемое нами неоднократно сходство поздней ушковской культуры (слоя VI) с комплексами денали и акмак признается ведущими специалистами по палеолиту Сибири, в частности З. А. Абрамовой²⁷². Следует, однако, отметить особую весьма противоречивую и, на наш взгляд, ошибочную позицию Р. С. Васильевского, категорически отрицающего сходство данной ушковской культуры с комплексами денали и акмак северо-западной Аляски и вместе с тем признающего их сходство с дюктайской культурой, которая по тем же показателям сходства близка и нашей ушковской культуре. При этом Р. С. Васильевский совсем не учитывает принципиальную разнородность конструируемого им объединения Акмак—Кэмпус—Кобук, смешивает две различные традиции: американскую палеоарктическую (Акмак, Кобук и слой 2 Трейл-Крик) и денали²⁷³.

Отмеченные выше типологические аналогии отдельным компонентам комплекса находок из слоя VI отнюдь не свидетельствуют о его абсолютном тождестве с тем или иным из упомянутых культурных комплексов. Можно говорить об его относительном сходстве с окружающими культурами лишь в отдельных чертах, хотя в целом он тяготеет все же больше к алданскому и южносибирскому позднему палеолиту, прежде всего ангаро-енисейскому. Именно ангаро-енисейские аналогии имеют для него наиболее определенное датирующее значение. Близкое его сходство с такими памятниками, как Кокорево III на Енисее и стоянка Федяево на Ангаре, относящимися к самому концу сартанского оледенения²⁷⁴, позволяет отнести к этому времени зафиксированный слоем VI ушковских стоянок заключительный этап развития камчатского плейстоценового палеолита. Это хорошо согласуется с палинологическими данными ушковского разреза и с радиоуглеродной датировкой слоя II — $10\,760 \pm 110$ и $10\,360 \pm 350$ лет²⁷⁵. Вместе с тем это заставляет сомневаться в совершенно парадоксальном результате определения возраста другого образца угля из слоя VI в 2110 ± 900 лет (ГИН—186). Мы уже отметили, что завышенный возраст этого образца объясняется его особым залеганием в непосредственном контакте со слоем вулканического пепла.

Наиболее тесная типологическая связь позднего камчатского палеолита с дюктайским на Алдане должна расцениваться, по нашему мнению, как отчасти генетическая. Она свидетельствует о значительной роли восточносибирских истоков в сложении позднепалеолитической культуры Камчатки. Однако вопреки мнению Ю. А. Мочанова²⁷⁶ нельзя сводить ее происхождение только к миграции на Камчатку дюктайской культуры. Следует учитывать и роль местной предшествующей культуры ушковского слоя VII, в которой мы уже отметили выше ряд аналогий. Вместе с тем

²⁷¹ Anderson D. D., 1970.

²⁷² Абрамова З. А., 1973, с. 26.

²⁷³ Васильевский Р. С., 1973, с. 129, 130.

²⁷⁴ Абрамова З. А., 1966, с. 15, 16.

²⁷⁵ Виноградов А. П., Девиц А. Л., Добкина З. И., Маркова Н. Г., 1966.

²⁷⁶ Мочанов Ю. А., 1977.

нельзя преувеличивать, подобно Р. С. Васильевскому²⁷⁷, и роль таких древних докерамических культур Японских островов, как Соккоцу-Арая и Сиратаки-Таварубецу, значительно более древних, чем поздняя ушковская культура, хронологически и во многом типологически с ней не связанных и не могущих, следовательно, служить ее истоком. Их роль могла как-то сказаться лишь в сложении предшествующей культуры слоя VII ушковских стоянок. Однако мы уже отметили выше, что и тогда преобладающей в этом отношении являлась иная культурная основа, близкая к культуре бритиш-маунтин.

Связи Камчатки с Японией в то время, надо полагать, не были прямыми, так как разделенные очень глубокими проливами Курильские острова, вопреки мнению Р. С. Васильевского²⁷⁸, не могли служить мостом между Японией и Камчаткой, которая вследствие этого была тупиковым районом Азии. Сходство некоторых элементов позднего камчатского палеолита, обнаруживаемое с докерамическими культурами Японии, менее полное и всестороннее, чем с позднепалеолитическими памятниками Алдана и Южной Сибири (включая Забайкалье), и, вероятно, отражает лишь контактные связи между Азиатским континентом и Японскими островами.

Население Японских островов, в свое время проникшее туда отчасти через Сахалин по плейстоценовому сухопутному «мосту», вскоре, к началу голоцена, оказалось на островах в изоляции. Распространяясь на юг по Японскому архипелагу, оно развило техническую традицию бифасиальных метательных наконечников типа Уэнодайра и Тачикава (наиболее древние их образцы датируются 15 000 лет до нашего времени) и с тех пор, в отличие от Южной Сибири, где подобные наконечники для того времени не типичны и известны только на позднепалеолитической стоянке Верхоленская гора и в Забайкалье²⁷⁹, в Японии они доживают вплоть до неолита и позднее.

Проблема происхождения на Японских островах самых древних наконечников-бифасов еще не решена. Можно выдвинуть гипотезу их привнесения на Японские острова с северо-запада, со стороны Приморья, где в последние годы открыты и исследованы культуры типа Тадушинской (Ус-типовка). Их исследователь А. П. Окладников рассматривает эти древнейшие приморские культуры как исходную базу возникновения древнейших докерамических культур Японии²⁸⁰. Однако не совсем исключено, что наконечники-бифасы были изобретены на Японских островах²⁸¹ и появились на Камчатке благодаря более поздней диффузии.

²⁷⁷ Васильевский Р. С., 1973.

²⁷⁸ Васильевский Р. С., 1976, с. 513; 1973, с. 130. Правильно повторяя вслед за нами, что Камчатка была своеобразным географическим «тупиком», в котором оседали мигранты, Р. С. Васильевский (1973, с. 130) впадает в противоречие, предполагая наличие интенсивных культурных связей между Камчаткой и Японией через Курильские острова и даже проникновение по этим островам на Камчатку докерамического населения Японии.

²⁷⁹ Sugihara S., Tozawa M., 1960; Morlan R., 1967; Okladnikov A. P., 1961, fig. 6.

²⁸⁰ Окладников А. П., 1966в.

²⁸¹ Ларичев В. Е., 1970.

Как бы то ни было, распространившиеся на Алдане и на Камчатке позднепалеолитические узкие листовидные бифасиальные наконечники придают северо-восточноазиатской позднепалеолитической культурной области определенное своеобразие, заметно выделяющее ее среди других культур североазиатской культурной зоны.

Поздний камчатский палеолит отличается заметным своеобразием и от японских одновременных ему докерамических культур. На Камчатке, в отличие от Японии, сравнительно слабо развита палеолитическая индустрия пластин и, как следствие этого, почти нет диагональных резцов, подобных японским. Своеобразие позднего камчатского палеолита и в том, что там бытовали сланцевые ножи (в слое VI). Своеобразие камчатской палеолитической культуры обусловлено ее изолированным географическим положением, труднодоступностью этого района, древней заселенностью (очевидно, с каргинского времени), относительной оседлостью его населения, на что мы давно обращали внимание.

Учитывая приведенные выше аналогии в культуре денали и в комплексах акмак, ушковскую позднепалеолитическую культуру с полной уверенностью можно считать распространившейся в конце плейстоцена на Аляску. Существенно и то, что эта культура получила там ограниченное субарктическое и арктическое распространение, в основном совпадающее с ареалом древних эскимосских культур.

Антропологическое отличие эскимосов от индейцев давно уже навело многих исследователей на мысль, что эта последняя миграция должна была быть миграцией древнейших в Америке протоэскимосо-алеутов.

Одним из первых, кто обратил в этой связи внимание на мезолитические нуклеусы-скребки Монголии и Аляски, как на свидетельство южных истоков, именно эскимосов, был А. П. Окладников²⁸². Затем эти нуклеусы-скребки получили более глубокую позднепалеолитическую датировку, но все равно именно с ними и с так называемыми ориньякоидными индустриями связывали затем предположения о миграции протоэскимосов и протоэскимосо-алеутов в конце плейстоцена в Америку из Азии и Лафлин, и Мюллер-Бек, и Х. Банди, и Ч. Чард, и Ж. Малори²⁸³.

Больше оснований интерпретировать эту миграцию в качестве именно протоэскимосо-алеутской, учитывая, что у алеутов и эскимосов единый общий языковой корень²⁸⁴ и что разделение их языков произошло вместе со специализацией их морского зверобойного промысла, которая могла произойти только после переселения их общих предков в Берингию и на Аляску. Такой позиции придерживаются и многие другие специалисты²⁸⁵.

В связи с этим весьма неубедительной выглядит попытка Р. С. Васильевского отождествить позднепалеолитическую культуру слоя VI уш-

²⁸² Выступление А. П. Окладникова на этнографическом совещании по этногенезу народов Севера. См. обзор прений по докладам на совещании (28, 29 мая 1940 г.). (КСИИМК, 1941, вып. 9).

²⁸³ Laughlin W. L., 1963; Müller-Beck H. G., 1966; Chard C., 1969; Bandi H. G., 1969; Malaurie J. M., 1970.

²⁸⁴ Swadesh M., Marsh G., 1952.

²⁸⁵ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969, с. 30; они же, 1975, с. 195; Симченко Ю. Б., 1976.

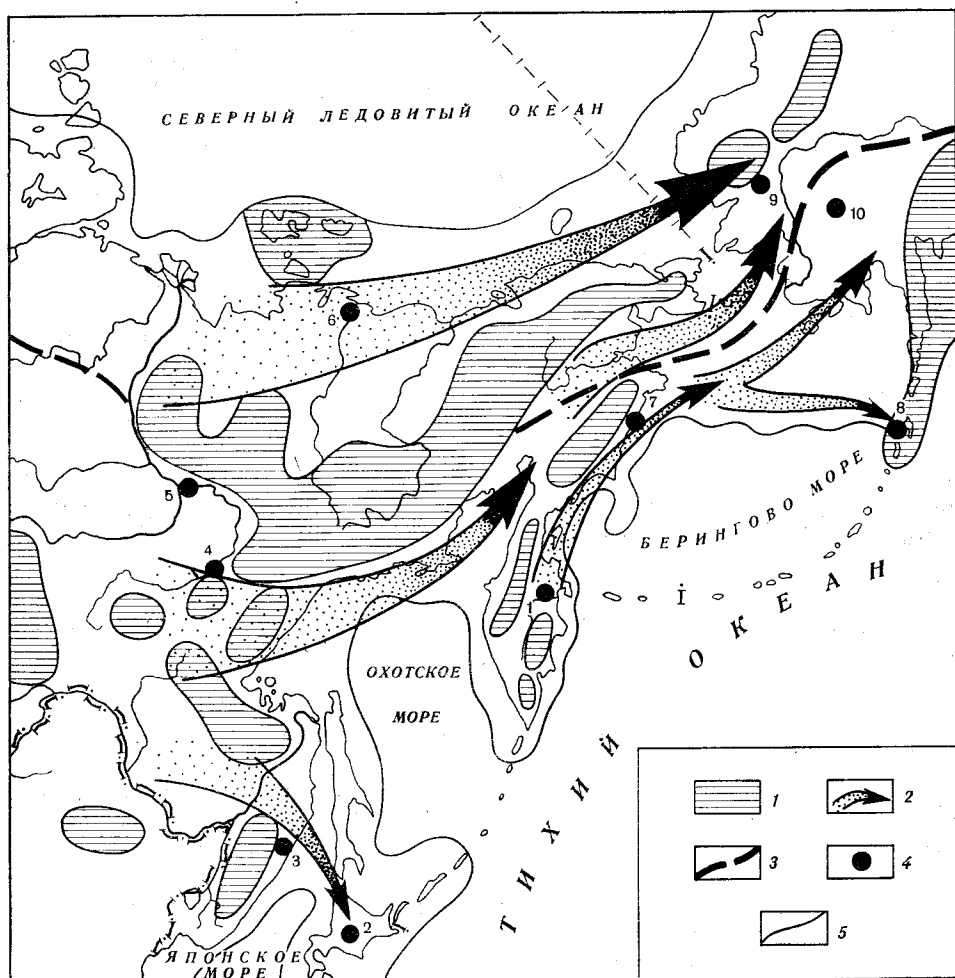

Рис. 25. Пути проникновения сибирских культурных влияний в Америку и Японию по осушенным шельфам в конце Сартаанского ледникового периода

1 — ледники; 2 — путь распространения культуры; 3 — северная граница леса; 4 — стоянки: Ушновская (1), Сиратаки (2), Тадуши-Устиновна (3), Дюктайская пещера (4), Ихинэ (5), Берелех (6), Инаськвваам (7), Анангула (8), Акмак (9), Хилли-Лейк (10); 5 — контуры древней суши

ковских стоянок с протоалеутской культурой о. Анангула (Алеутские острова) и тем самым «обосновать» отделение алеутов от эскимосов еще в позднем палеолите на Камчатке²⁸⁶. При внимательном рассмотрении приведенных Р. С. Васильевским аналогий они оказываются не вполне соответствующими действительности. Очень мило выглядит, например,

²⁸⁶ Васильевский Р. С., 1973.

у Р. С. Васильевского то, как он, пытаясь вывести унифасиальную Анангулу из Ушков, объясняет ушковские бифасы как результат влияния дюктайской культуры²⁸⁷. Но они, как всем известно, восходят еще к ушковскому слою VII и, следовательно, имеют на Камчатке местное происхождение. Подобное «влияние» дюктая равносильно его присутствию. Но следует иметь в виду и то, что из дюктайской культуры (или что то же, из ушковской) с бифасами анангульскую унифасиальную культуру с достаточным основанием никогда не вывести.

Еще меньше оснований выводить более поздние алеутские черешковые наконечники IV тысячелетия до н. э. (стоянки Виллидж-Сайт) из самой ранней ушковской культуры VII слоя XIII тысячелетия до н. э. Здесь и хронологический разрыв несоизмеримо велик (заполненный на Камчатке культурами с совсем другими наконечниками), да и наконечники не имеют, как мы уже отмечали выше, достаточного сходства.

Между тем культура ушковского слоя VI действительно очень близка по основным ее признакам культуре денали и комплексу Акмак²⁸⁸, которые можно рассматривать как, вероятно, протоэскимосско-алеутские. Их дивергенция привела на Аляске, с одной стороны, и протоэскимосскому комплексу Денби, с другой — к протоалеутскому комплексу Анангулы. Эта дивергенция была связана с раннеголоценовым развитием морского зверобойного промысла у предков эскимосов на берегу замерзших морей и у предков алеутов — на островах среди морей, полностью свободных ото льдов.

Начало голоцена и финальный палеолит на Камчатке

В начале голоцена, примерно 10 тыс. лет назад, после стаивания ледникового покрова сухопутная связь Азии с Америкой прекращается, Берингово и Охотское моря приобретают свои нынешние очертания. Климат, сначала все еще холодный, постепенно начинает изменяться в сторону потепления. Вместо тучных сухих тундро-степей распространяется мокрая болотистая тундра, и вследствие этого вымирают крупные травоядные животные — мамонты, затем бизоны и, наконец, лошади. В конце концов, к середине голоцена остается на Северо-Востоке Азии только северный олень, как наиболее приспособленный к новым более суровым для травоядных условиям. Оленье становится основным объектом сухопутной охоты на Севере Сибири и Дальнего Востока, благодаря чему охота и в голоцене надолго сохраняет здесь палеолитические черты.

На морских побережьях в это время, сразу же после отступления ледников, создаются весьма благоприятные условия для морских млекопитающих, и они множатся здесь в огромном количестве. Тем самым создаются предпосылки для совершенно нового вида хозяйственной деятельности человека, связанной сначала с собирательством на берегу

²⁸⁷ Там же.

²⁸⁸ С этим согласна и З. А. Абрамова (1973, с. 26).

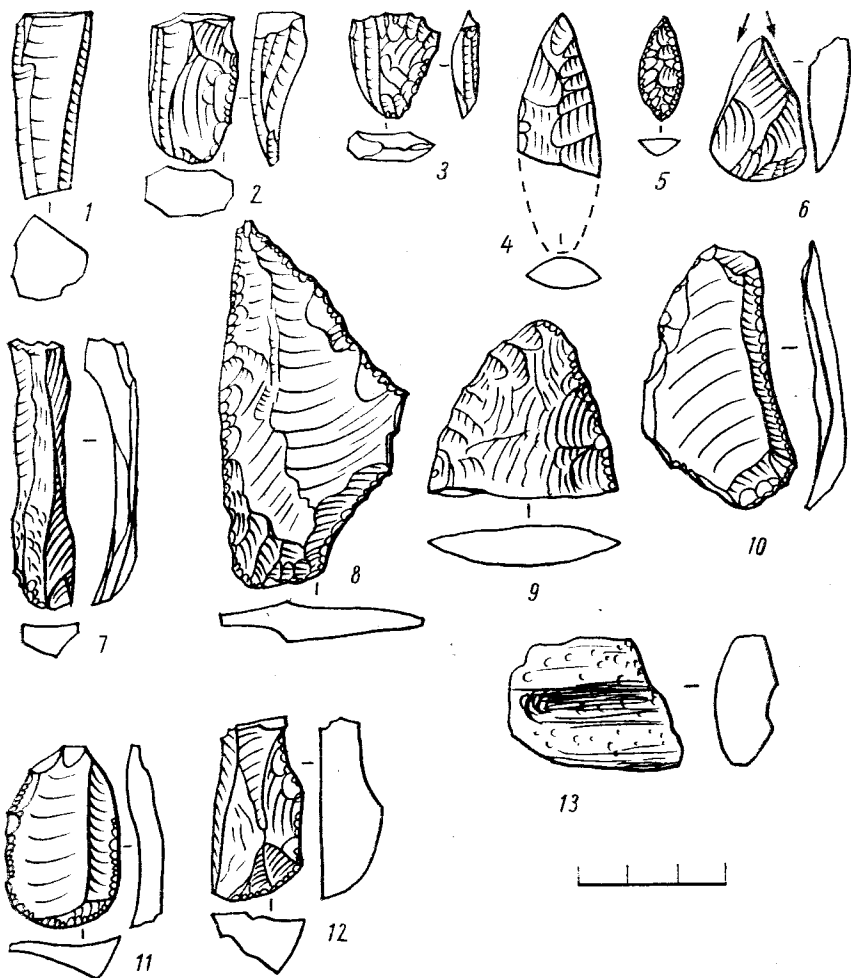

Рис. 26. Каменные изделия финально-палеолитического этапа ушковской культуры (слой V) (1—13)

моря, а затем и с активной охотой на нерп, лахтаков, моржей, а впоследствии даже на китов²⁸⁹. Аналогичная картина наблюдается и на противоположной, атлантической стороне высокоширотной зоны Старого Света, где переход к зверобойному промыслу также начинается в мезолите²⁹⁰.

Таким образом, природа с избытком возместила человеку последнюю убыль в крупной сухопутной добыче морской фауной, не менее

²⁸⁹ Malaurie J. M., 1970, 1972.

²⁹⁰ Матюшин Г. Н., 1976.

обильной. Но вследствие этого происходит общая переориентировка наиболее прогрессивной хозяйственной деятельности человека с суши на море.

В центре Камчатского полуострова в начале голоцена еще 8—9 тыс. лет назад продолжает развиваться все та же ушковская палеолитическая культура, которая приобретает теперь финальный характер. Ее остатки четко прослеживаются в культурном слое V (в нижней части буровато-желтой супеси, на глубине 1,3—1,5 м) на стоянках Ушки-I, II, V.

Здесь сохранились следы наземных жилищ в сущности таких же, но наиболее простых, какие имеются и в шестом культурном слое (второго и третьего типа). Всего их исследовано пока 6. От них уцелели округлые или овальные углистые площадки с очагами, устроенными из двух или нескольких камней. В одном случае (Ушки-I) очаг представлял собой, очевидно, кольцевую выкладку из камней, но в первоначальном своем виде не сохранился — обгоревшие камни были раскиданы, причем один из них, самый большой (до 0,6 м в длину), имел плоскую поверхность и, возможно, служил для поджаривания на нем рыбы (в костре было много обгоревших рыбных косточек). Во всех этих жилищах, устроенных, судя по всему, наподобие шалашей-чумов, встречались обычные и для слоя VI находки: каменные бифасиальные листовидные наконечники, скребки, ножи-бифасы, клиновидные нуклеусы, разных типов ножевидные микропластинки и отщепы (рис. 26). Отличие состоит только в появлении в этом значительно более бедном находками слое V наряду с прежними типами узких и высоких клиновидных нуклеусов (рис. 26, 2) также и нового типа с ребром со стороны ударной площадки (рис. 26, 3). На это обратил внимание еще Р. С. Васильевский, с которым мы не согласны только в том, что якобы вместе с тем у обитателей ушковских стоянок этого периода вышли из употребления клиновидные нуклеусы без подобного ребра на ударной площадке²⁹¹.

Р. С. Васильевский высказывает предположение, что культура слоя V ушковских стоянок может рассматриваться, вероятно, как протоительменная²⁹². Однако надо иметь в виду ее органическую связь с предшествующей культурой слоя VI, которая является либо протоалеутской, как он полагает²⁹³, либо протоэскимосо-алеутской, как предполагаем мы. Ничего специфически ительменского в этой культуре пока не наблюдается. Однако полностью отрицать какую-то роль этой культуры, как субстрата более позднего формирования протоительменной культуры и этноса, вовсе отрицать нельзя. В этом смысле исходными для ительменского этногенеза в какой-то мере можно считать и более древний палеоиндейский субстрат, представленный на Камчатке слоем VII, и последующую протоэскимосо-алеутскую культуру слоя VI.

Рассмотренные нами здесь два верхнеплейстоценовых культурных комплекса и один раннеголоценовый охватывают в общей сложности последние 4—5 тыс. лет ледниковой и раннепоследнеледниковой эпохи. Несмотря на отличия между ними в типах жилья, метательных наконечни-

²⁹¹ Васильевский Р. С., 1973.

²⁹² Там же.

²⁹³ Там же.

ков (сначала черешковые, а потом узкие листовидные) и вообще в технике, оба они не только по своему хронологическому положению, но и по характеру жилищ, погребального обряда и своей каменной индустрии являются типично палеолитическими в том понимании, какое сложилось о верхнем палеолите Евразии.

Культурные остатки из вышележащего слоя IV ушковских стоянок относятся уже к совсем другому, более позднему культурно-историческому периоду. Прежде чем приступить к их характеристике, нам необходимо коснуться дискуссионной проблемы так называемого мезолита и его отношения к палеолиту и неолиту и рассмотреть имеющиеся материалы о переходе от палеолита к неолиту на Колыме.

От палеолита к неолиту на Верхней Колыме

Проблема мезолита

В понятие «мезолит» археологами вкладывается, как известно, различный смысл, причем нередко в зависимости от того или иного понимания двух других смежных терминов — «палеолит» и «неолит».

Некоторые археологи, полагая, что палеолит кончается вместе с плейстоценом, склонны считать мезолитической любую культуру в начале голоцена, трактуя тем самым мезолит как понятие чисто хронологическое. При этом одни из них период мезолита в Северной Европе относят к X—V тысячелетиям до н. э.¹, другие же — к VIII—IV тысячелетиям до н. э., оставляя в послеледниковом времени место для голоценового палеолита².

М. В. Воеводский, отражая господствовавшие в свое время воззрения на стадиальность исторического развития, понимал мезолит как стадию в развитии первобытного общества, что нашло место впоследствии у некоторых других археологов, и в частности у Ю. А. Мочанова³.

Более близким к истине является, на наш взгляд, такое понимание мезолита, когда упор делается не на социально-экономический аспект исторического развития, а на историко-культурный и историко-технический. Эта господствующая в советской археологии точка зрения наиболее четко выражена О. Н. Бадером: «Мезолит — это определенный этап в развитии материальной культуры каменного века, переходный от палеолита к неолиту, но хронологически неоднородный на различных и в особенности на удаленных друг от друга территориях»⁴. Одновременно сформулировал свое понимание мезолита и А. П. Окладников, особенно ценное своей конкретной историчностью. А. П. Окладников напоминает, что «термин мезолит в наиболее широком и общем его понимании означает переходное время от древнекаменного века — оббитых каменных орудий к новокаменному веку — шлифованных орудий»⁵. Вместе с тем он допускает как частную индивидуальную возможность и эппалеолит — «реликтовую палеолитическую культуру в отдельных районах в то время, когда в других областях уже сложилась более передовая культура»⁶.

¹ Крайнов Д. А., Брюсов А. Я., 1961.

² Рогачев А. Н., 1966.

³ Мочанов Ю. А., 1969б.

⁴ Бадер О. Н., 1966, с. 194.

⁵ Окладников А. П., 1966б, с. 213.

⁶ Там же.

Такой пережиточный палеолит (эпипалеолит) существовал, по мнению Окладникова, в Сибири и Восточной Азии непосредственно до неолита. Вместе с тем он пишет о мезолите Дальнего Востока (в частности, о стоянке Устиновка 17—12-тысячелетней древности), относя его к докерамической эпохе в широких хронологических рамках, захватывающих не только голоцен, но и несколько тысячелетий позднего плейстоцена, следуя, таким образом, терминологии японских археологов⁷. Подобная многоплановая позиция А. П. Окладникова, очевидно, соответствует выводу П. И. Борисковского о необходимости более дробных локальных периодизаций для всех периодов каменного века после древнего палеолита⁸.

В конце 60-х годов в Институте археологии АН СССР были одинаково успешно защищены две кандидатские диссертации, каждая из которых диаметрально противоположно трактовала в сущности одинаковые позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культуры: Ю. А. Мочанов интерпретировал сумнагинскую культуру VIII—V тысячелетиями до н. э. как голоценовый палеолит⁹, а Г. И. Медведев в общем значительно более ранние ангарские памятники с клиновидными нуклеусами и нередко с бифасами — Верхоленскую гору, Усть-Белую, Каменку I—III, Уляху — относил к мезолиту¹⁰. Ю. А. Мочанов «обосновывал» палеолитический характер сумнагинской культуры отсутствием среди ее каменных изделий бифасов, Г. И. Медведев же отстаивал в Прибайкалье мезолит как переходный период от палеолита к неолиту на основе последовательно эволюционистского принципа: «не было бы мезолита — не было бы прогресса». Такая парадоксальная взаимоисключительность оценок могла, конечно, свидетельствовать, что главное не в терминах, а в самой сущности; в конкретной картине развития культуры в каждом из районов. Но культуры в своей локальной технологической сущности-то как раз одинаковые в равной мере могли бы интерпретироваться как мезолитические, и, на наш взгляд, только отсутствие единых критериев для выделения мезолита — причина подобного парадокса. Но можно ли говорить о мезолите, где бы его ни пытались выделить, если нет единых критериев его выделения? И если порой нет ясности даже в том, чем именно от него отличается неолит?

Для Г. И. Медведева основными критериями выделения мезолита как переходного периода от палеолита к неолиту являются появление в культурном комплексе неолитических орудий из камня и кости и усложнение форм хозяйства в связи с вымиранием стадных животных и переходом к рыболовству¹¹. Обратим внимание на этот излюбленный многими аргумент: усложнение форм хозяйства. Его используют многие археологи, и не только для характеристики мезолита, но и неолита¹². Как пример

⁷ Окладников А. П., 1977, с. 116.

⁸ Борисковский П. И., 1954.

⁹ Мочанов Ю. А., 1969.

¹⁰ Медведев Г. И., 1968; Мезолит Верхнего Приангарья, 1971.

¹¹ Медведев Г. И., 1968; Мезолит Верхнего Приангарья, 1971.

¹² Например, Мерперт. См. его замечание по поводу доклада В. С. Титова: Титов В. С., 1962.

можно отметить недавнюю попытку Л. П. Хлобыстина выделить эппалеолит и докерамический неолит на основе хозяйственной характеристики культурных отложений Улан-Хады, попытку, которая не оказалась удачной, так как хозяйственная основа каждого из названных периодов (охота и рыболовство) ничем качественно не отличалась¹³.

По Ю. А. Мочанову, мезолита на Алдате нет: после позднего голоценового палеолита сразу же начинается неолит. Мы не станем возражать против его убеждения в отсутствии на Алдане мезолита, нас интересует, по какому признаку он проводит на Алдане границу между голоценовым палеолитом и неолитом. Оказывается, что решающим критерием для него является непременно наличие керамики в неолите. Ю. А. Мочанов утверждает, что в Сибири нет неолитических памятников без керамики; полемизируя с Л. П. Хлобыстиным, он пишет: «Любому специалисту хорошо известно, что в Сибири таких памятников нет»¹⁴. Л. П. Хлобыстин же, допуская вслед за А. П. Окладниковым наличие в Сибири эппалеолита, постулирует в Улан-Хаде идущий вслед за ним докерамический неолит¹⁵.

Подчеркиваем: не мезолит, а именно докерамический неолит. Однако это не мешает Л. П. Хлобыстину там же писать о периоде, переходном от эппалеолита к новокаменному веку, т. е., иными словами, о мезолите¹⁶. Предвосхищая мысли, которые мы изложим ниже, заметим, что в построениях Л. П. Хлобыстина тем не менее все же содержится «рациональное зерно» — признание докерамического неолита в принципе. Правда, мы не можем согласиться при этом с основополагающим, по мнению Л. П. Хлобыстина, хозяйственным критерием выделения всех этих периодов: эппалеолита, докерамического неолита и самого неолита¹⁷.

Свое мнение о том, что единственной основой археологической периодизации может быть только развитие техники, а не хозяйство и общественный строй, для которых необходимы особые периодизации, мы высказывали неоднократно с начала 1950-х годов. В мае 1970 г. основные положения данного раздела книги как части диссертации¹⁸, в частности принцип одноаспектности археологической периодизации, были обсуждены на заседании сектора археологии Института истории, филологии и философии СО АН СССР и нашли потом отражение в специальной статье автора о трех принципах археологической периодизации¹⁹.

Независимо от нас к близкому выводу подошел Г. П. Григорьев, отметивший, что в основе археологической периодизации лежит развитие техники, а не производства и что «развитие орудий идет согласно собственным нормам, законам»²⁰. Он справедливо воздал должное в формировании подобной концепции А. Н. Рогачеву, объяснявшему переход от

¹³ Хлобыстин Л. П., 1965.

¹⁴ Мочанов Ю. А., 1969б.

¹⁵ Хлобыстин Л. П., 1965, с. 276.

¹⁶ Там же, с. 262.

¹⁷ Там же, с. 278.

¹⁸ Диков Н. Н., 1971б.

¹⁹ Диков Н. Н., 1976в.

²⁰ Григорьев Г. П., 1970, с. 62.

одной ступени верхнего палеолита на другую не изменением хозяйства, а изменением самой археологической культуры²¹. К близкому выводу пришел и А. А. Формозов, до этого придерживавшийся культурно-исторического критерия, приравнивавший мезолит в конечном счете к высшей ступени дикости²². Категорически выступив за сохранение термина «мезолит» и против всех его эквивалентов, включая «докерамический неолит» (лучше, полагает он, «бескерамический»), А. А. Формозов объявил себя противником введения социологических характеристик в качестве основного элемента в археологическую периодизацию, справедливо мотивируя это тем, что нет полного соответствия типологических и социологических изменений, но несколько упрощая причину самого этого несоответствия, которая, по его мнению, якобы в том, что «материальная культура отражает эволюцию хозяйства и общества с некоторым запаздыванием»²³.

Совещание по проблемам мезолита, происходившее в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР в декабре 1974 г., не смогло прийти к единому мнению о критериях выделения мезолита, но все же показало преобладающее значение в этом отношении типологии²⁴. Снова высказывались взгляды о решающей роли экологических и хозяйственных изменений (в частности, появления в послеледниковое время лесных животных вместо стадных, усложнения охоты и возникновения рыболовства) в зарождении мезолитической технологии, причем само понятие «мезолит» тесно связывалось с этими изменениями²⁵. Однако критика творцом мезолитической эко-социальной системы П. М. Долухановым А. А. Формозова за то, что в основе его археологической периодизации — вещи, а не тип хозяйства и социального строя, и за его отказ видеть связь между изменением облика каменного инвентаря и изменениями в природной среде²⁶ не является убедительной и свидетельствует лишь о том, что спор действительно идет на разных уровнях исследования. Проблема археологической периодизации — это источниковедческий, типологический уровень (А. А. Формозов), а проблема связи и корреляции того или иного периода археологической периодизации с экологией и типом хозяйства (П. М. Долуханов) — это уже совсем иной уровень — интерпретационный. И конечно, нет никакой надобности эти уровни исследования совмещать, подобно тому, как это делает П. М. Долуханов²⁷. Позиция А. А. Формозова представляется нам более правильной, хотя он, на наш взгляд, все-таки, к сожалению, недостаточно последователен, так как для своей типологической аргументации все еще ищет порой подтверждения в развитии хозяйства²⁸. И хотя он еще настолько половинчат, что готов признать мезолитическими вслед за Г. И. Медведевым

²¹ Там же, с. 43; *Рогачев А. Н.*, 1966.

²² *Формозов А. А.*, 1959б, с. 67.

²³ *Формозов А. А.*, 1970, с. 10.

²⁴ *Гурина Н. Н.*, 1977, с. 6, 21, 22; *Телегин Д. Я.*, 1977, с. 33.

²⁵ *Долуханов П. М.*, 1977; *Ермолова Н. М.*, 1977, с. 19.

²⁶ *Долуханов П. М.*, 1977, с. 13.

²⁷ Там же.

²⁸ *Формозов А. А.*, 1970, с. 8—10.

Верхоленскую гору, поскольку в этом памятнике видны следы рыболовства, и вопреки Ю. А. Мочанову стоянку Белькачи I, так как и там-де тоже зафиксировано рыболовство²⁹.

Отрицательную позицию по отношению к идее прямой связи типологии с экологическими изменениями заняла и Н. Н. Гурина, справедливо обратившая внимание на то, что отдельные элементы мезолитического технического прогресса зародились еще в недрах палеолита³⁰.

Наконец, специалист по мезолиту Г. Н. Матюшин приходит к выводу, что характернейшие черты мезолита — это стандартизованная пластинчатая техника и оседлость³¹, с чем В. П. Степанов, кажется, не вполне согласен, понимая мезолит как понятие многоаспектное, к которому применимы типологические, культурные и экономические критерии³².

Из сказанного видно, что в настоящее время в археологической науке отсутствует общепринятая, основанная на единых принципах периодизация последних этапов каменного века и что намечаются различные попытки преодоления такого нетерпимого положения. А. Н. Рогачев видит путь решения этой проблемы в устранении понятия мезолит как самостоятельного, среднего периода каменного века, заменив его поздним голоценовым палеолитом³³. О. Н. Бадер и А. А. Формозов, Н. Н. Гурина и другие считают необходимым его сохранение, правда, с некоторыми существенными оговорками против только хронологического подхода к нему³⁴. А. П. Окладников предлагает оставить термин «мезолит» только для западных областей Старого Света, а для восточных, включая Сибирь, употреблять термин «эпипалеолит»³⁵, для Дальнего же Востока он практически использует термин «докерамическая эпоха»³⁶. Л. П. Хлобыстин конструирует новый этап «докерамического неолита», переходный от эпипалеолита к керамическому неолиту³⁷. Отмечаются при этом три основных подхода к выделению всех этих этапов: 1) с непременным учетом прежде всего социально-экономической основы (М. В. Воеводский, Ю. А. Мочанов); 2) на хозяйственной (Г. А. Медведев) или вообще основе эколого-социальной (П. М. Долуханов); 3) только на историко-культурной или историко-технической основе (А. П. Окладников, О. Н. Бадер, Г. П. Григорьев, А. А. Формозов, Н. Н. Гурина, Г. Н. Матюшин и др.).

Нам представляется, что последний из трех подходов более всего оправдан, так как больше соответствует сущности археологической периодизации, основанной на смене основных технических материалов и на развитии техники изготовления орудий³⁸ (а не вообще историко-куль-

²⁹ Там же.

³⁰ Гурина Н. Н., 1977, с. 22.

³¹ Матюшин Г. Н., 1976.

³² Степанов В. П., 1976, с. 301.

³³ Рогачев А. Н., 1966, с. 13.

³⁴ Бадер О. Н., 1966, с. 196—205; Формозов А. А., 1970; Гурина Н. Н., 1977.

³⁵ Окладников А. П., 1966, с. 213, 214.

³⁶ Окладников А. П., 1977.

³⁷ Хлобыстин Л. П., 1965, с. 277—279.

³⁸ Характерно, что термин «мезолит», введенный, как недавно напомнил Г. Н. Матюшин (1976), в 1894 г. Хансенom, сначала имел чисто техническое содержание

турной, хозяйственной и тем более не общественно-экономической). Однако и в этом, наиболее правильном, на наш взгляд, подходе порой недостаточно четко определены предмет и критерий периодизации, так что ее сторонники нередко используют критерии чисто хозяйственного развития, а не техники изготовления орудий.

Мы убеждены, что удовлетворительное решение проблемы периодизации каменного века возможно лишь при том условии, если не требовать от нее многоаспектности. Ее предмет — история материальной культуры, а еще точнее — история техники, технология выделки основных орудий труда.

Этот принцип, так же как и «*principium divisionis*»³⁹, совершенно необходим, так как понятие «каменный век» в противопоставлении бронзовому и железному веку означает только то, что в данный период в употреблении были каменные орудия труда. Что же касается хозяйства и общественного строя, то в силу неравномерности развития они бывают у разных этнических общностей на одном и том же этапе археологической периодизации, особенно в конце каменного века, самыми различными. И общественный строй, и хозяйство, разумеется, археологами должны учитываться даже в качестве основополагающих факторов, но для них должны разрабатываться особые параллельные периодизации, причем определяющей, ведущей всегда останется марксистская общественно-экономическая периодизация из сменяющих друг друга общественно-экономических формаций и их этапов. Все другие периодизации, отражающие тот или иной аспект развития культуры, техники, хозяйства и т. п., непременно должны с ней коррелироваться и, в конце концов, ею обуславливаться.

Несоблюдение этого принципа, всякие попытки синтезирования, точнее сказать, эклектического смешения в единой общей археологической периодизации всех других аспектов исторического развития неминуемо ее разрушают и вносят путаницу, так как другие аспекты хотя и развиваются параллельно ей и в общем с нею совпадают по направлению развития, но все же в переломных моментах и на переломных рубежах в результате неравномерности конкретного исторического развития не совпадают хронологически по своему уровню. В результате тщетные попытки дать единую комплексную периодизацию различных исторических процессов неминуемо заходят в тупик, что и может в конце концов получиться с археологической периодизацией, если она будет строиться на принципе эклектического соединения разных аспектов.

Исходя из сказанного и учитывая нашу статью о принципах периодизации⁴⁰, мезолит надо рассматривать не как всеобщий и повсеместный промежуточный период между палеолитом и неолитом, а как один из

и лишь впоследствии (с Г. Чайлда и Т. Кларка) стал приобретать и историко-экономическое содержание.

³⁹ Что касается третьего выдвинутого нами принципа периодизации — ее диалектичности (Диков Н. Н., 1976б, с. 218—224), то его внедрение потребовало бы существенной перестройки всей периодизации, и поэтому здесь мы его пока не реализуем в полной мере.

⁴⁰ Диков Н. Н., 1976б.

локальных вариантов одного из этапов революционного периода в конце каменного века. Наиболее общим технологическим признаком, объединяющим мезолит с другими этапами этого всеобщего революционного периода, является имманентно возникающая индустрия ножевидных пластин и вкладышевая техника. Наиболее характерным и почти исключительным признаком развитого этапа революционного периода — неолита является массовая плифовка некоторых каменных орудий, преимущественно топоров и тесел. Керамика, несмотря на ее большое значение в развитии материальной культуры, не является исключительным и обязательным признаком неолита (здесь мы согласны с Л. П. Хлобыстиным)⁴¹. Иногда ее нет в развитом неолите, например, в Иерихоне⁴² или в Забайкалье⁴³, на Камчатке и Чукотке, а порой она есть и в мезолите. Уже давно в Японии керамику обнаруживают в культурах большой, граничащей с плейстоценом древности, по всем остальным технологическим признакам являющихся мезолитическими⁴⁴. Если считать керамику по-прежнему обязательным для всех областей Земли критерием выделения неолита, а ее отсутствие особенностью мезолита, то керамический неолит в Японии начинается с IX тысячелетия до н. э., в то время как в долине р. Камчатка и в некоторых внутриконтинентальных районах Чукотки до XVII века н. э. как бы продолжается бескерамический мезолит со плифованными топорами и полным набором других типично неолитических вещей. Однако правильное все же говорить о «керамическом мезолите» Японии и «бескерамическом неолите» Камчатки и Чукотки.

Далее, принимаемые нами определения неолита и мезолита безразличны к историко-хозяйственному аспекту. Попытки видеть в том или ином усложнении форм хозяйства, в типе хозяйства универсальный признак мезолита или неолита во многих случаях обречены на неудачу, так как эти периоды на разных территориях совмещаются с различными типами хозяйства. На Ближнем Востоке — это земледелие и скотоводство, уже начиная с мезолита, на морских побережьях Северной Скандинавии — мезолитический морской зверобойный промысел (культура Комса), а во многих областях Старого и Нового Света до конца неолита хозяйство так и не вышло из стадии охоты и рыболовства, хотя в чисто технологическом отношении полностью прошло неолитический период. Сказанным мы не отрицаем, разумеется, того, что в мезолите и неолите происходило прогрессивное развитие хозяйства, а лишь подчеркиваем, что развитие это шло в самых различных несопоставимых формах (индивидуализация охоты либо переход к рыболовству или к земледелию и скотоводству и др.), что не дает возможности установить всеобщую прямую зависимость между рассматриваемыми периодами археологической периодизации и определенным типом хозяйства.

Это же относится и к попыткам установить однозначную всеобщую зависимость между уровнем развития мезолитической техники и экономи-

⁴¹ Хлобыстин Л. П., 1965, с. 278, 279.

⁴² Кенyon К. М., 1957; Массон В. М., 1958.

⁴³ Хлобыстин Л. П., 1965, с. 279; Гришин Ю. С., 1977.

⁴⁴ Chard C. S., 1964.

ческим базисом. Возросшая неравномерность исторического развития приводила в мезолите к самым различным сочетаниям хозяйственно-культурной основы, техники и экономического базиса⁴⁵. Главным и определяющим общий прогресс техники в мезолите и неолите является не уровень камнеобрабатывающей техники сам по себе, а количество прибавочного продукта, последнее же определяется не столько уровнем камнеобрабатывающей техники мезолита и неолита, сколько характером и состоянием ведущих отраслей хозяйства, т. е. общим уровнем развития производительных сил. Развитие скотоводства и земледелия привело в Передней Азии и на Ближнем Востоке уже в конце неолита к формированию классового общества, а в Сибири даже в раннем железном веке сохранялся еще первобытнообщинный строй.

В связи с этим напрашивается еще один вывод. Он имеет отношение к той «неолитической революции», о которой вслед за Г. Чайлдом много пишут и говорят в последнее время⁴⁶. Под этой неолитической революцией подразумевают переход в неолите, начиная с докерамической его фазы, т. е., в сущности, еще в мезолите, к производящим типам хозяйства — земледелию и скотоводству, в конечном счете к обработке металлов, ремеслам и к городской культуре. То, что имел в виду Г. Чайлд, происходило в плане не столько технологической, сколько хозяйственно-культурной и общественно-экономической периодизации, в более оптимальных природных условиях сравнительно ограниченного региона. Неолитический же (и мезолитический) период в развитии техники каменного века, обусловивший переход к металлам на более широкой территории, включая Северную Сибирь, имеет вполне определенное, но более узкое чисто технологическое содержание. Вместе с тем он является всеобщим, так как отражает наиболее общую закономерность в развитии культуры, в значительно меньшей степени обусловленную природной средой. Неолитический период археологической периодизации прошли полностью или частично все этносы Земли, включая Северо-Восточную Азию. «Неолитическую же революцию» в узком смысле слова (по Чайлду) пережили только некоторые из них, оказавшиеся в благоприятных условиях развития наиболее высокопродуктивных типов хозяйства — скотоводства и земледелия.

Что же касается конкретных критериев отделения мезолитического периода развития техники от предшествующего палеолитического на исследуемой нами территории Северо-Восточной Азии, то здесь границу между палеолитом и мезолитом следует проводить между культурами с клиновидными нуклеусами (палеолит) и сменяющими их культурами без этих нуклеусов. К этому нас побуждает то, что клиновидные (торцовые) нуклеусы присущи культурам очень древнего сартанского возраста и встречаются в таких бесспорно палеолитических памятниках, как Афонтова гора, Кокоревские стоянки, Дюктайская пещера и т. д. Возможно,

⁴⁵ Матюшин Г. Н., 1976, с. 26; Вслед за Г. Н. Матюшиным о наиболее ярко проявляющейся, начиная с раннего голоцена, неравномерности исторического развития общества писал затем Ю. А. Мочанов (1977, с. 253).

⁴⁶ Чайлд Г., 1952; Массон В. М., 1969.

этими памятниками отмечено начало революционного периода каменного века, начало применения вкладышевой технологии на основе массовой стандартизации ножевидных пластинок. Для нас сейчас важно другое: этими памятниками отмечен особый этап развития техники палеолита, завершающийся в конце плейстоцена или в иных местах в раннем голоцене, качественно отличающийся от последующего, когда клиновидные нуклеусы повсеместно сменяются карандашевидными, коническими, тонкими и правильными призматическими.

Придерживаясь такого критерия, мы склонны Верхоленскую гору, нижние слои Усть-Белой и другие так называемые мезолитические стоянки Прибайкалья (Уляха, Каменка I—III) ⁴⁷ с клиновидными нуклеусами, а также Устиновскую «докерамическую» стоянку в Приморье ⁴⁸ относить к финальному или позднему палеолиту, а так называемую сумнагинскую культуру «голоценового палеолита» ⁴⁹ в основном — к мезолиту. Преимущество подобной атрибуции названных стоянок очевидно: технологический принцип, единственно допустимый для археологической периодизации, будет соблюден наиболее последовательно, граница между палеолитом и неолитом станет более четкой и объективной, она обретет единый технологический критерий на всем огромном пространстве от Памира до Японии, от Центральной Азии до Аляски, и благодаря этому культуры станут объективно сопоставимы по уровню их технологии в рамках общепринятой археологической (т. е. историко-технической) периодизации. Неравномерность же технического и культурно-хозяйственного развития станет еще более наглядной.

Задачи нашего исследования побуждают нас подробнее коснуться вопроса о так называемой сумнагинской культуре.

Исходя из своей схемы двух традиций, Ю. А. Мочанов отнес ее к унифасиальной традиции и определил как культуру голоценового палеолита ⁵⁰. Ни с одним из этих положений Ю. А. Мочанова полностью согласиться нельзя.

Ошибочность отнесения сумнагинской культуры к голоценовому палеолиту была уже в свое время отмечена А. А. Формозовым, который, вполне обоснованно интерпретируя ее как в значительной мере рыболовческую, относил ее к позднему мезолиту ⁵¹. Последующее разъяснение Ю. А. Мочанова ⁵² не было достаточно убедительным: действительно, признаки рыболовства у сумнагинцев (грузила, кости рыб, отсутствие наконечников стрел) неопровержимы. Оставляя в стороне вопрос о правомерности здесь хозяйственного критерия, следует признать, что не является палеолитической сумнагинская культура и по нашим единственно допустимым технико-типологическим показателям: в ее инвентарных комплексах преобладают микролитические орудия, причем неоднократно

⁴⁷ Мезолит Верхнего Приангарья, 1971.

⁴⁸ Окладников А. П., 1966в.

⁴⁹ Мочанов Ю. А., 1969б.

⁵⁰ Мочанов Ю. А., 1977, 1969; 1977.

⁵¹ Формозов А. А., 1970.

⁵² Мочанов Ю. А., 1977.

встречаются среди них типично мезолитические «параллелограммы»⁵³ и полностью отсутствуют (во всех слоях сумнагинской стоянки) клиновидные нуклеусы. Последние обнаружены лишь в самых нижних слоях стоянки Усть-Тимптон (в VI, V—б и вырождающиеся или заготовки в слое IV—б) и Белькачи I (слои XVIII—XIX)⁵⁴, и этими слоями только ограничивается, на наш взгляд, голоценовый палеолит Алдана. Но культуру, представленную этими самыми нижними недавно обнаруженными слоями и датруемую по радиоуглероду диапазоном между 8060 ± 70 и $10\,650 \pm 80$ ⁵⁵, правомерно считать и называть не сумнагинской, а Усть-Тимптонской, так как на более поздней Сумнагинской стоянке ее следы не сохранились ни в одном из ее культурных слоев. Кроме клиновидных нуклеусов и унифасиальных каменных орудий, на ножевидных пластинах Усть-Тимптонской культуре присуща, вопреки Ю. А. Мочанову, и бифасиальная техника⁵⁶, «параллелограммы» же в вещевых комплексах этой культуры полностью отсутствуют.

Все вышележащие культурные слои стоянок Усть-Тимптон и Белькачи I, а также всю свиту культурных слоев стоянки Сумнагин I к голоценовому палеолиту относить нет никаких оснований, и объединяющую их культуру следует считать мезолитической, оставив ее прежнее название — сумнагинская. Поскольку и для нее не совсем чужда бифасиальная техника (имею в виду каменные долотовидные орудия: топор и тесло, обработанные сплошной двусторонней плоской ретушью из слоя IV—б и IV стоянки Усть-Тимптон)⁵⁷, мы вправе не согласиться с мнением Ю. А. Мочанова о миграции сумнагинской унифасиальной традиции на Алдан откуда-то извне, например с Енисея, как он предполагает⁵⁸. Можно, и, на наш взгляд, это было бы более оправданно, исходить из противоположной концепции автохтонного происхождения мезолита из палеолита и, в частности, автохтонного вызревания сумнагинских мезолитических унифасиальных традиций в местном усть-тимптонском голоценовом палеолите на основе дюктайской позднепалеолитической культуры. Между всеми этими культурами (дюктай, усть-тимптон и сумнагин) отчетливо наблюдаются генетические связи и в местоположении культурных слоев на одних и тех же стоянках, и в технике ножевидных пластин, и в бифасиальной технике вообще. Что же касается отсутствия, в частности, бифасных ножей и наконечников в усть-тимптонской и сумнагинской культурах, то оно вполне объяснимо заменой их вкладышевыми орудиями и общей рационализацией вторичной обработки каменных изделий в условиях перехода от палеолитической к мезолитической технологии и не нуждается в надуманном объяснении миграциями. Оставим, впрочем, окончательное решение этого вопроса до получе-

⁵³ Мочанов Ю. А., 1977, табл. 85.

⁵⁴ Там же, табл. 48, 4; 66, 3; 67, 26; заготовки или нечетко выраженные клиновидные нуклеусы (там же, табл. 54, 24; 56, 2).

⁵⁵ Там же, с. 103, 149, 191.

⁵⁶ Там же, с. 190, табл. 69. См. двусторонне обработанный плоской ретушью топор из слоя VI стоянки Усть-Тимптон.

⁵⁷ Мочанов Ю. А., 1977, табл. 56, 5; 57, 5, 7; 63, 3.

⁵⁸ Там же.

ния новых материалов с территории Якутии, все еще очень слабо изученной в археологическом отношении.

Имея в виду изложенное выше понимание нами мезолита и неолита и критериев их различения между собой и по отношению к предшествующему палеолиту на Северо-Востоке Азии, приступим теперь к конкретному рассмотрению имеющихся в нашем распоряжении археологических данных о послепалеолитических культурах Колымы, Камчатки, а затем и Чукотки.

Сибердиковская культура

Благодаря исследованиям последних лет⁵⁹ на Верхней Колыме более полно и убедительно, чем на Камчатке и Чукотке, представлен переходный период от палеолита к неолиту. Он заполняется культурными остатками с хорошо стратифицированных стоянок Конго, Сибердик и Малтан, культурные слои которых дали хорошо датированную последовательность развития культуры от финального палеолита до раннего неолита. При этом сибердиковская культура на ее начальном этапе является в этой последовательности наиболее древней, выходящей непосредственно из палеолита и в какой-то мере еще входящей в него; более же поздний этап характеризуется малтанским культурным комплексом.

Понятие «сибердиковская культура» стало возникать уже после первых раскопок стоянки Сибердик (168), когда вместе с мелкими кремневыми ножевидными пластинками были обнаружены крупные галечные орудия — чопперы. Впоследствии наиболее древний этап этой культуры был выявлен в нижнем слое стоянки Конго (169), на тысячу лет более древнем, чем нижний слой стоянки Сибердик. Последний вместе с верхним слоем стоянки Конго относится теперь ко второму периоду сибердиковской, в сущности своей еще палеолитической, культуры.

Самый ранний этап сибердиковской культуры, представленный остатками из нижнего слоя стоянки Конго, датируется по $C=14\ 9470\pm530$ лет (Крил — 314). Он характеризуется сочетанием мелких пластинчатых (рис. 27) и крупных галечных (рис. 28) орудий⁶⁰.

Галечные орудия в виде довольно примитивных образцов чопперов образуют группу традиционно палеолитических изделий в виде подтесанных с одной только стороны по одному краю тяжелых больших галек или маленьких валунчиков ороговикованного сланца.

Среди мелких же орудий преобладают кремневые ножевидные пластинки, иногда ретушированные по краю (рис. 27, 5, 6, 8—11), и боко-

⁵⁹ Имеются в виду пятилетние исследования прежде всего в зоне затопления водохранилищем Колымской ГЭС, где в 1971 г. экспедиция СВКНИИ ДВНЦ АН СССР обнаружила многослойные стоянки Конго и Сибердик. Археологическая разведка, проводившаяся здесь до этого в 1970 г. Ю. А. Мочановым и С. А. Федосеевой (от Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР), не дала никаких находок в пределах зоны затопления. Был собран лишь незначительный позднепалеолитический материал за ее пределами — на развешенной стоянке Майорыч (Мочанов Ю. А., 1972).

⁶⁰ Диков Н. Н., 1977б, табл. 192.

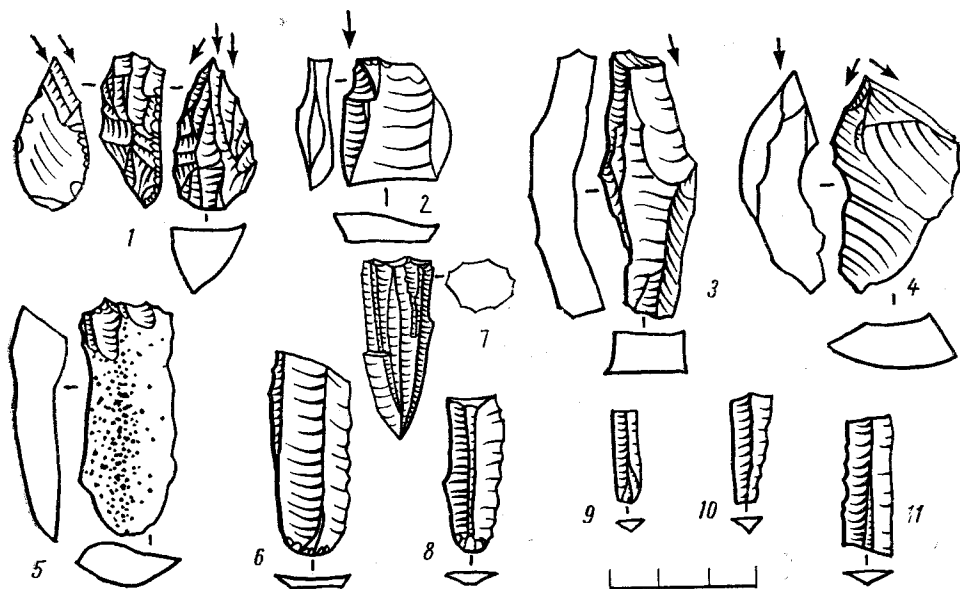

Рис. 27. Каменные изделия нижнего слоя стоянки Конго (ранний этап сибердиковской культуры) (1—11)

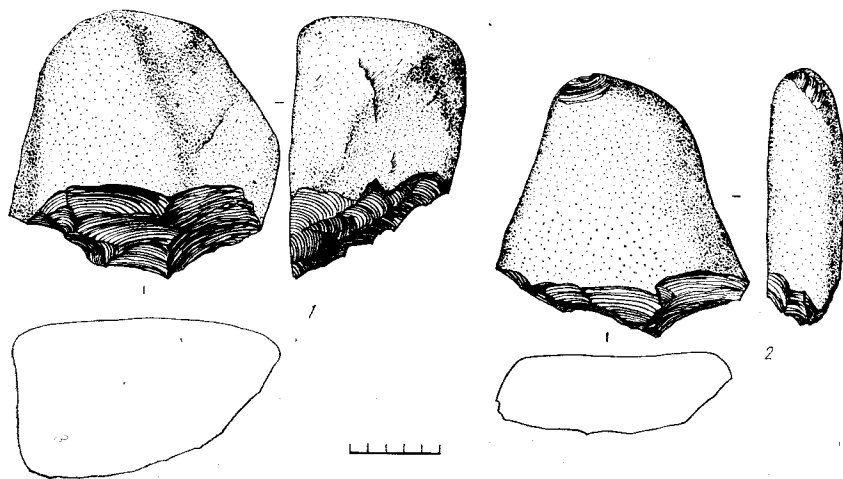

Рис. 28. Чоперы раннего этапа сибердиковской культуры (нижний слой стоянки Конго) (1—2)

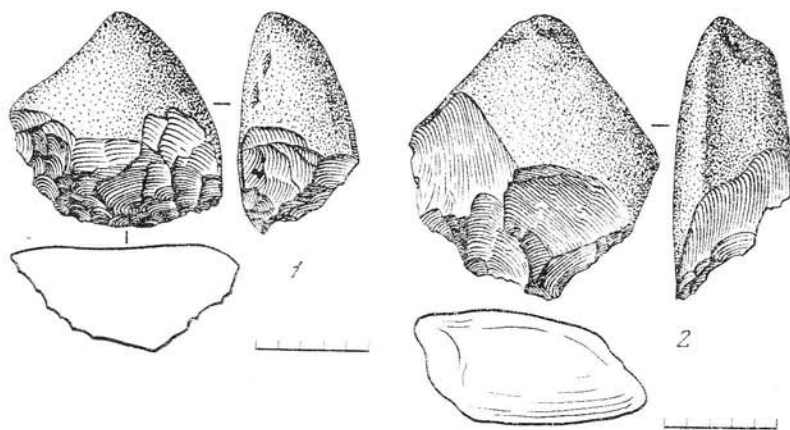

Рис. 29. Чопперы позднего этапа сибердиковской культуры (1—2)

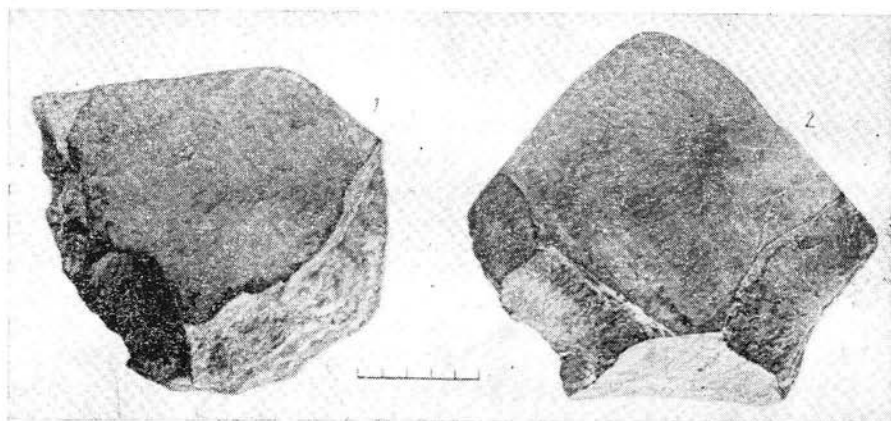

Рис. 30. Чопперы позднего этапа сибердиковской культуры (1—2)

вые резцы на довольно массивных пластинчатых отщепах (рис. 27, 2—4). Встретились также конусовидный нуклеус (рис. 27, 7) и очень своеобразное микроизделие ладьевидной формы (рис. 27, 1). Если не считать ножевидных пластинок и нуклеуса, то все эти изделия имеют очень архаичный вид, особенно резцы.

Для следующего, более позднего этапа сибердиковской культуры, судя по находкам в слое III (нижнем) стоянки Сибердик и в слое II стоянки Конго, тоже характерно сочетание индустрии ножевидных пластинок с галечными орудиями—чопперами. Последние представлены здесь более выработанными и более тщательно оформленными экземплярами (рис. 29, 30). Ножевидные пластинки—такие же мелкие, многие из них ретушированы по краям (рис. 31, 1—5). Некоторые из них, вероятно,

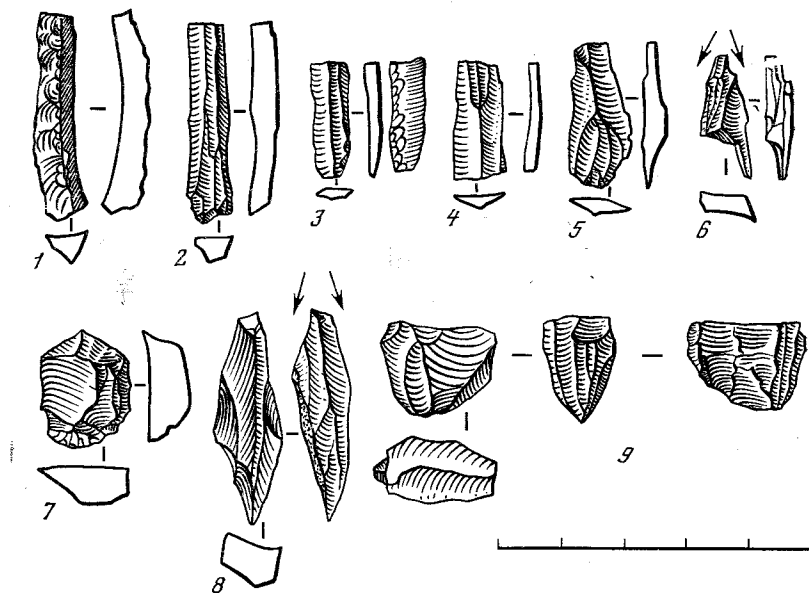

Рис. 31. Каменные изделия позднего этапа сибердиковской культуры реликтового палеолита (нижний слой стоянки Сибердик)

сколоты с клиновидных нуклеусов — один из них, очень маленький, «гобийской» формы, оказался в слое III стоянки Сибердик на рабочей площадке (рис. 31, 9). Совсем иные здесь резцы. Они не на массивных пластинчатых отщепах, как на раннем этапе этой культуры, а на тонких ножевидных пластинках⁶¹. Правда, среди них имеется и один маленький полиэдрический резец (рис. 31, 8). Характерными вещами комплекса являются также пластинки с притупленным ретушью скошенным поперечным краем⁶² и с боковой выемкой⁶³.

Наконечники стрел все удлинено-линовидные, ретушированные с обеих сторон (рис. 32, 1, 2). Они сходны с ушковскими из V, VI слоев. Ножи-бифасы и унифасы, частично ретушированные по краям, а также различные скребла и скребки, среди которых есть и концевые (рис. 32, 9, 10), менее выразительны и диагностичны, но и среди них есть в общем такие же, как ушковские (рис. 32, 8, 9в, 10). Очень характерны большие концевые скребки на массивных пластинчатых отщепах (рис. 32, 7), такие же, как обнаруженный в 1970 г. на ручье Шило (рис. 34)⁶⁴.

⁶¹ Там же, табл. 192, 4.

⁶² Там же, табл. 192, 5.

⁶³ Там же, табл. 192, 7.

⁶⁴ В свое время мы интерпретировали этот концевой скребок как первую позднепалеолитическую находку в бассейне Колымы, сравнив его, в частности, с аналогичными скребками слоя V ушковских стоянок (Диков Н. Н., 1971, с. 186; 1974б, с. 23). Ю. А. Мочанов подверг сомнению финальнопалеолитический возраст этого скребка (Мочанов Ю. А., 1977, с. 94), хотя в той же работе (Мочанов Ю. А., 1977,

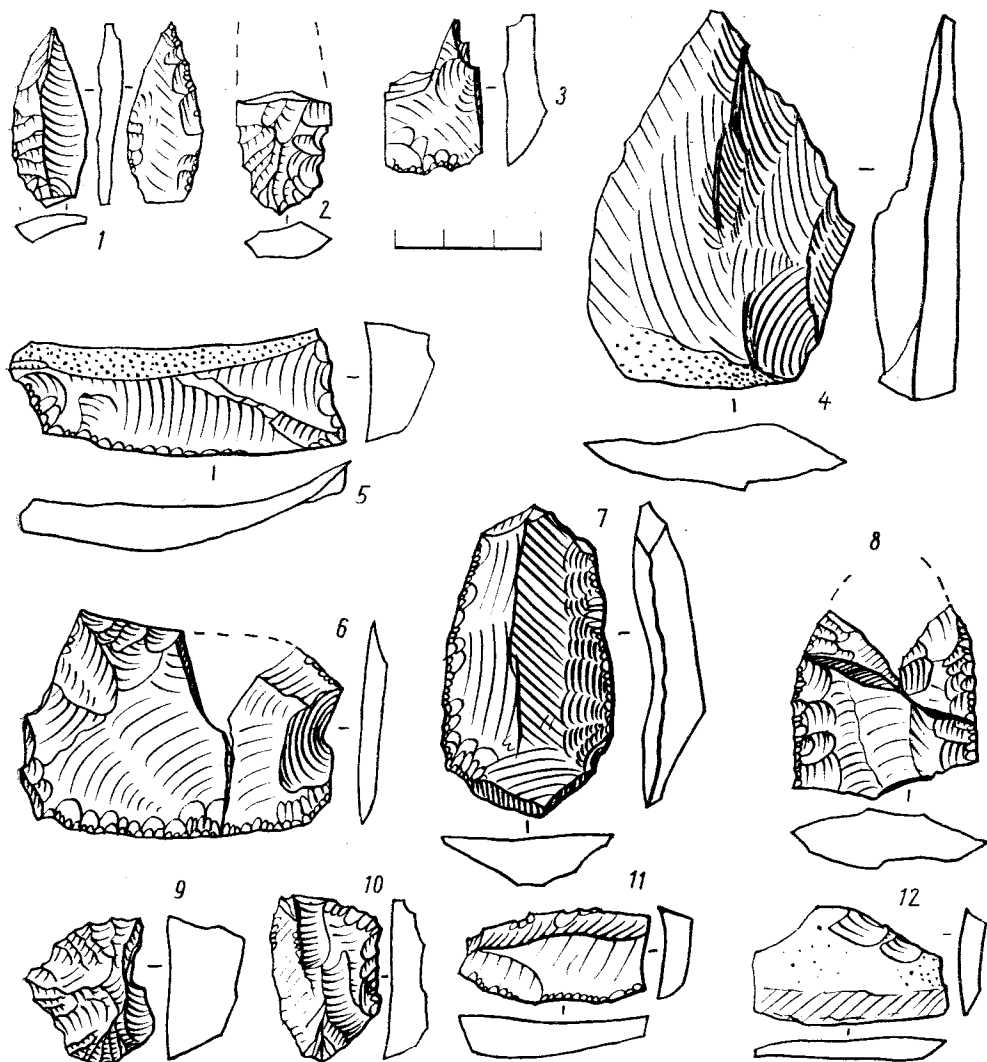

Рис. 32. Металельные наконечники, скребки и ножи позднего этапа сибердиковской культуры реликтового палеолита (1—12)

К другим своеобразным сибердиковским формам следует отнести ножи в виде больших продолговатых пластинчатых отщепов, ретушированных по одному краю, образующему лезвие (рис. 32, 5), большие массивные,

с. 205) безоговорочно считает подобные концевые скребки на массивных отщепах, обнаруженные им на смешанных нижнеколымских стоянках, одним из наиболее четких показателей сумнагинской культуры, которую он относит к голоценовому палеолиту.

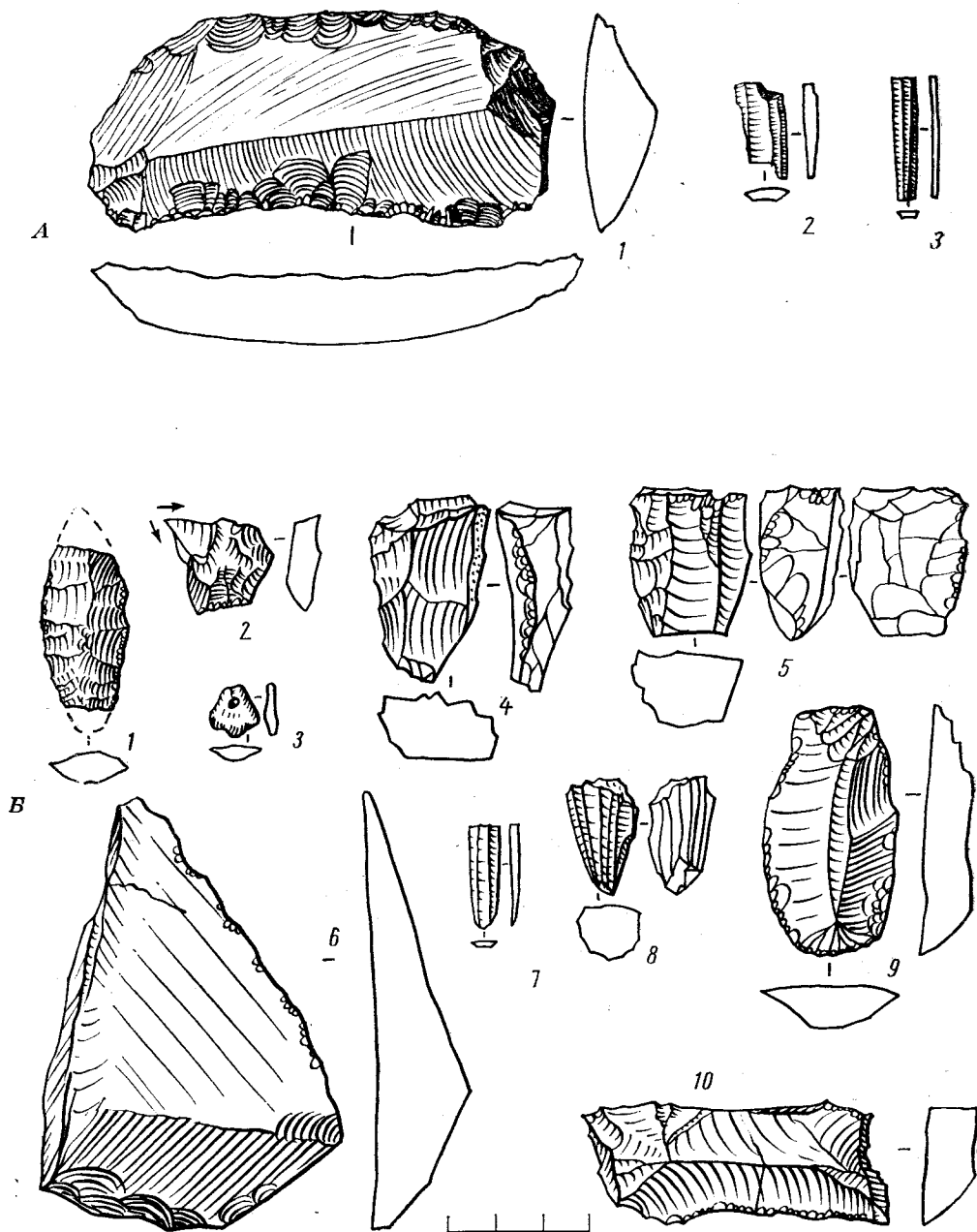

Рис. 33. Изделия из неолитических слоев I (1—3) и II (1—10) Сибирдиковской стоянки

в некоторых случаях с «носиком» на рабочем крае, скребла (рис. 32, 10) и киркообразные гигантолиты типа новгород-северских. Наконец, очень характерны для этого этапа, так же как и для предыдущего, большие и весьма своеобразные подтреугольные отщепы-остроконечники (рис. 32, 4)⁶⁵.

Из перечисленных изделий некоторые, а именно клиновидный нуклеус и листовидные ушковского финальнопалеолитического типа наконечники стрел, хорошо могут послужить для датировки. Они вполне позволяют допустить финальнопалеолитический возраст (по масштабам Камчатской археологии) второго этапа сибердиковской культуры, что хорошо согласуется с радиоуглеродными датами 8655 ± 220 (МАГ—196), по углю из верхнего слоя стоянки Конго, и 8480 ± 200 (Крил—249), 8020 ± 80 (Крил—250), по углю из костра нижнего слоя стоянки Сибердик. Наличие в ее слое III субаэральных псевдоморфоз-морозобойных трещин протаивания ледяных жил также подтверждает подобную датировку, так как позволяет относить этот слой к периоду, предшествующему началу потепления в раннем голоцене, вероятно, к самому концу сартанского оледенения или к самому началу голоцена.

Судя по характеру материальных остатков на стоянках Конго и Сибердик, обитатели Верхней Колымы в это время интенсивного отступления ледников занимались преимущественно охотой и, скорее всего, уже не на мамонтов, а главным образом на северных оленей и лошадей, кости которых встречались неоднократно в нижнем слое Сибердиковской стоянки. Эти первобытные охотники оставили свои следы пока только на становищах с наземными жилищами типа шалашей или чумов, где сохранились обильные остатки камнеобрабатывающей деятельности, особенно на стоянке Сибердик с ее большими и очень выразительными рабочими площадками. Остатки зубов лошади вместе с красной охрой, возможно, указывают на существование у сибердиковцев культа этого животного.

Дальнейшее развитие сибердиковской культуры, завершающий ее этап протекают уже, очевидно, в преддверии раннего неолита, о чем может свидетельствовать радиоуглеродная дата 6300 ± 170 (Крил—248) представляющего этот этап слоя II стоянки Сибердик.

И для этого этапа характерно сочетание индустрии ножевидных пластин и мелких орудий с крупными галечными орудиями-чопперами. Широкое распространение получают своеобразные изделия из преобразованных в орудия уплощенно-конических нуклеусов⁶⁶, от которых нередко встречаются только сколотые с них лезвия (рис. 33Б, 4, 5)⁶⁷. Остальные же каменные изделия в основном продолжают традиции предыдущего этапа: удлиненно-листовидные наконечники стрел (рис. 33Б, 1)⁶⁸, продолговатые, ретушированные по краю пластинчатые ножи (рис. 33Б, 10), концевые скребки на массивных пластинчатых отщепах и другие менее выра-

⁶⁵ Диков Н. Н., 1977б, табл. 193, 2.

⁶⁶ Диков Н. Н., 1977б, табл. 189, 1, 2.

⁶⁷ Там же, табл. 190, 1, 3.

⁶⁸ Там же, табл. 190, 4, 5.

зительные формы скребков (рис. 33Б, 9). Несколько по-иному выглядят теперь резцы — боковые и срединные на отщепах (рис. 33Б, 2). Чопперы остаются в принципе такими же. Из украшений встретились пока только одна пиррофилитовая бусинка (рис. 33Б, 3).

Таким образом, в ходе развития сибердиковской культуры не наблюдается резких изменений в камнеобрабатывающей технике. И эта преемственность наблюдается в отдельных элементах техники даже на еще более позднем, неолитическом этапе, судя по находкам продолговатых пластинчатых ножей в самом верхнем слое стоянки Сибердик (рис. 33А, 1).

Тем не менее клиновидный нуклеус из слоя III стоянки Сибердик (рис. 31, 9) придает первым двум этапам сибердиковской культуры определенно палеолитический характер, чего нельзя пока сказать с уверенностью о позднем ее этапе. Учитывая раннеголоценовую абсолютную датировку этих первых двух этапов, их вполне можно отнести к реликтовому (голоценовому) палеолиту, переходящему вместе с отмиранием техники клиновидных нуклеусов на позднем, третьем этапе сибердиковской культуры в очень слабо пока выраженный мезолит, а может быть, и непосредственно в неолит (в зависимости от дальнейших находок в верхних слоях).

Открытие сибердиковской культуры в бассейне Верхней Колымы заполняет существенный пробел на палеолитической карте Северо-Востока и заставляет пересмотреть неправильные, на наш взгляд, представления Ю. А. Мочанова о распространении дюктайской⁶⁹, а затем и сумнагинской⁷⁰ культуры до побережья Охотского моря и Берингова пролива, не говоря уже о Камчатке. В самом деле, при наличии некоторых черт сходства с более древней дюктайской культурой (бифасиальные листовидные метательные наконечники, клиновидные нуклеусы) сибердиковская культура во всем остальном резко от нее отличается. У нее несколько иные резцы, другие, более массивные скребла и совсем нет бифасиальных ножей. Но самое главное, в сибердиковских комплексах много весьма специфических треугольных отщепов («остроконечников, больших скребловидных инструментов и чопперов, а последние, как признает Ю. А. Мочанов, совсем не характерны для плейстоценовых и раннеголоценовых стоянок Алдана⁷¹).

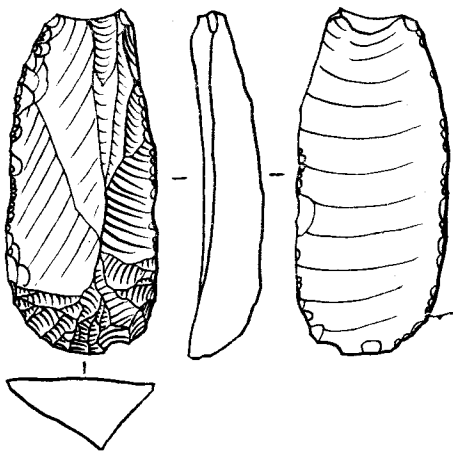

Рис. 3А. Кремневый скребок (предположительно палеолитический) с ручья Шило в верховьях р. Колыма (4/7 н. в.).

⁶⁹ Мочанов Ю. А., 1977, с. 236.

⁷⁰ Там же, с. 241.

⁷¹ Там же, с. 223.

Сумнагинская культура, включая и финальнопалеолитический Усть-Тимптонский этап, почти полностью совпадает по времени с сибердиковской культурой, но отличается от нее еще более резко, чем дюктайская. Различие теперь не только в слабом развитии галечной индустрии (чопперы) у сумнагинцев, но в полном отсутствии у них бифасиальных наконечников стрел, столь типичных для сибердиковской культуры, а также в несколько иной хозяйственной основе: сумнагинцы занимались рыбной ловлей и охотились на оленей и лосей, а сибердиковцы — на оленей и лошадей, совсем не занимаясь, судя по имеющимся пока данным, рыбной ловлей.

Для реконструкции культурных связей сибердиковцев самыми примечательными орудиями являются, конечно, их чопперы, массивные, весом иногда в несколько килограммов каменные сечки из больших, подтесанных только с одной стороны по одному краю галек и маленьких валунчиков. Эти грубые галечные орудия сразу же вызывают в памяти знаменитые древнейшие на планете и, конечно, еще более примитивные чопперы Южной и Восточной Африки, Южной и Юго-Восточной Азии⁷². Правда, там этим орудиям многие сотни тысяч лет, а сибердиковским едва ли больше 10 тыс. и относятся они, судя по стратиграфическим и радиоуглеродным данным, к самому концу ледникового или к самому началу послеледникового времени. Больше всего похожи они на галечные орудия Приамурья, где они употреблялись очень давно, с самых древнейших этапов известного там палеолита, и Америки, особенно Северо-Западной, где они чаще встречаются в Британской Колумбии. И если сопоставить возраст последних, например, в наиболее чистом комплексе Пэсика (около 12 тыс. лет)⁷³ и приамурских в Кумарах-III (25—30 тыс. лет)⁷⁴, то получается, что найденные на Колыме чопперы — это как раз то недостающее связующее звено между азиатскими и американскими орудиями подобного рода, которое так долго никому не удавалось найти на крайнем Северо-Востоке Азии.

В Америку, в частности в Британскую Колумбию, эта технологическая традиция могла проникнуть со стороны Колымы только до перекрытия пути Канадским ледниковым щитом, т. е. не позже, чем 20—23 тыс. лет назад.

Поэтому обнаруженные на Сибердиковской стоянке чопперы — это сравнительно поздний реликт колымской индустрии чопперов (так же, как и в Британской Колумбии) и свидетельствует о необычайной стойкости этой древнейшей технологической традиции изготовления галечных орудий в дальневосточной зоне Северной Азии и о той важной роли, которую сыграл этот регион в ее распространении в Америку.

Итак, теперь с уверенностью можно сказать, что на Колыме в результате исследований Северо-Восточноазиатской археологической экспедиции в 1971—1973 гг. открыта оригинальная древняя, сибердиковская культура реликтового палеолита, существенно отличающаяся от дюктайской и

⁷² Борисковский П. И., 1971.

⁷³ Borden С. Е., 1970, р. 331—337.

⁷⁴ Деревянко А. П., 1971.

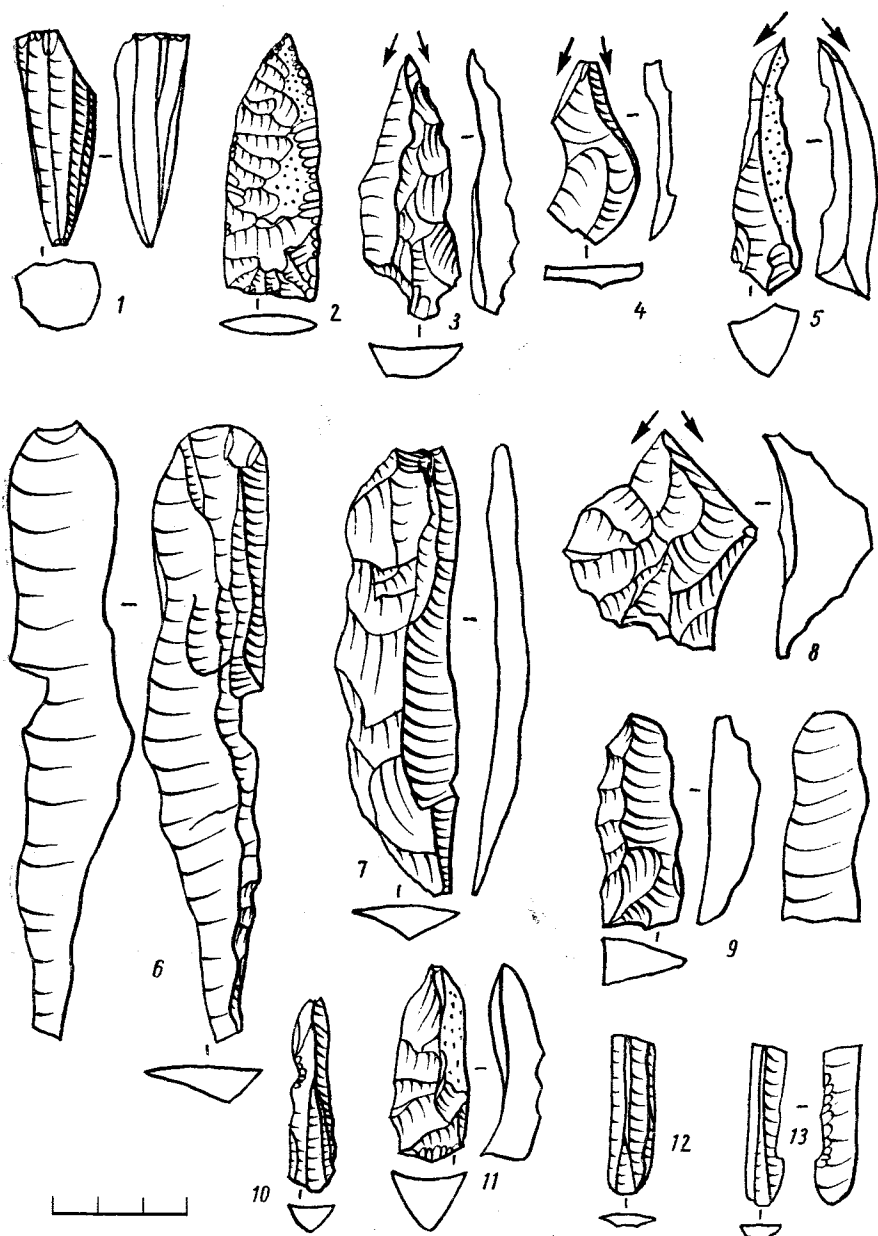

Рис. 35. Нуклеус, наконечник стрелы, резцы, ножевидные пластинки и пластинчатые отщепы раннего мальтанского культурного комплекса (1—13)

сумнагинской культур, сочетающая, подобно Кумарам — III в Приамурье, древнюю галечную индустрию чопперов с молодой индустрией ножевидных пластинок, двухсторонне обработанных каменных ножей и листовидных метательных наконечников. Эта культура особого, ранее неизвестного облика, представленная на Колыме уже двумя памятниками — нижним слоем Сибердиковской стоянки и стоянкой на р. Конго, занимает промежуточное положение между палеолитическими культурами юга Дальнего Востока и Америки и имеет поэтому немалое значение для решения проблемы заселения Америки.

Малтанский комплекс

На стоянке Малтан (170) выявлены два культурных слоя, отразивших весьма своеобразную технологическую эволюцию, начинающуюся без керамики несколько ранее второго периода сибердиковской культуры (7490 ± 70 , МАГ — 183) и завершающуюся керамическим неолитом (4450 ± 50 , Крил — 247, 3690 ± 50 , Крил — 246). Своеобразие этой культурной эволюции состоит во многих особенностях каменной индустрии в сравнении с развивавшейся совсем рядом сибердиковской, и прежде всего в полном отсутствии там галечных орудий (чопперов), столь характерных для стоянок Конго и Сибердик. Вероятно, можно было бы даже говорить об особой малтанской культуре, но мы этого не делаем, учитывая пока единичность Малтанской стоянки. Более целесообразно рассматривать собранный там материал пока только как своеобразный культурный комплекс в его развитии от нижнего к верхнему слою.

На своем раннем этапе он типично донеолитический, без керамики и шлифованных орудий. Большая часть орудий сделана из окремнелого неполового туфа, но встречаются изделия и из серого и черного кремнистого сланца, а также очень редко из желтого кремня и халцедона. Нуклеусы на этом этапе конусовидные и призматические двухплощадочные⁷⁵. Некоторые из них, халцедоновые, очень широки и сохраняют на одной из своих площадок галечную корку⁷⁶. Ножевидные пластинки имеют более или менее правильные геометрические очертания и варьируют от мелких до порой очень крупных; часть их ретуширована по краям (рис. 35, 10, 12, 13)⁷⁷. Одна большая ножевидная пластина имеет приостренный конец и оформлена на спинке сплошной ретушью, так что могла служить ножом (рис. 35, 6). Наконечники стрел все из серого кремнистого сланца, очень тонкие и плоские в сечении, вытянутой треугольной формы, с прямо усеченным основанием насада (рис. 35, 2). Резцы срединные на отщепах (рис. 35, 4, 8), причем многие из них имеют вид ретушированных со спинки резчиков (рис. 35, 3, 5). Ножи представлены листовидными бифасами, большей частью имеют неправильную форму и грубую отделку крупной ретушью, причем преимущественно

⁷⁵ Диков Н. Н., 1977б, табл. 194, 1—4.

⁷⁶ Там же, табл. 194, 3.

⁷⁷ Там же, табл. 194, 5—14.

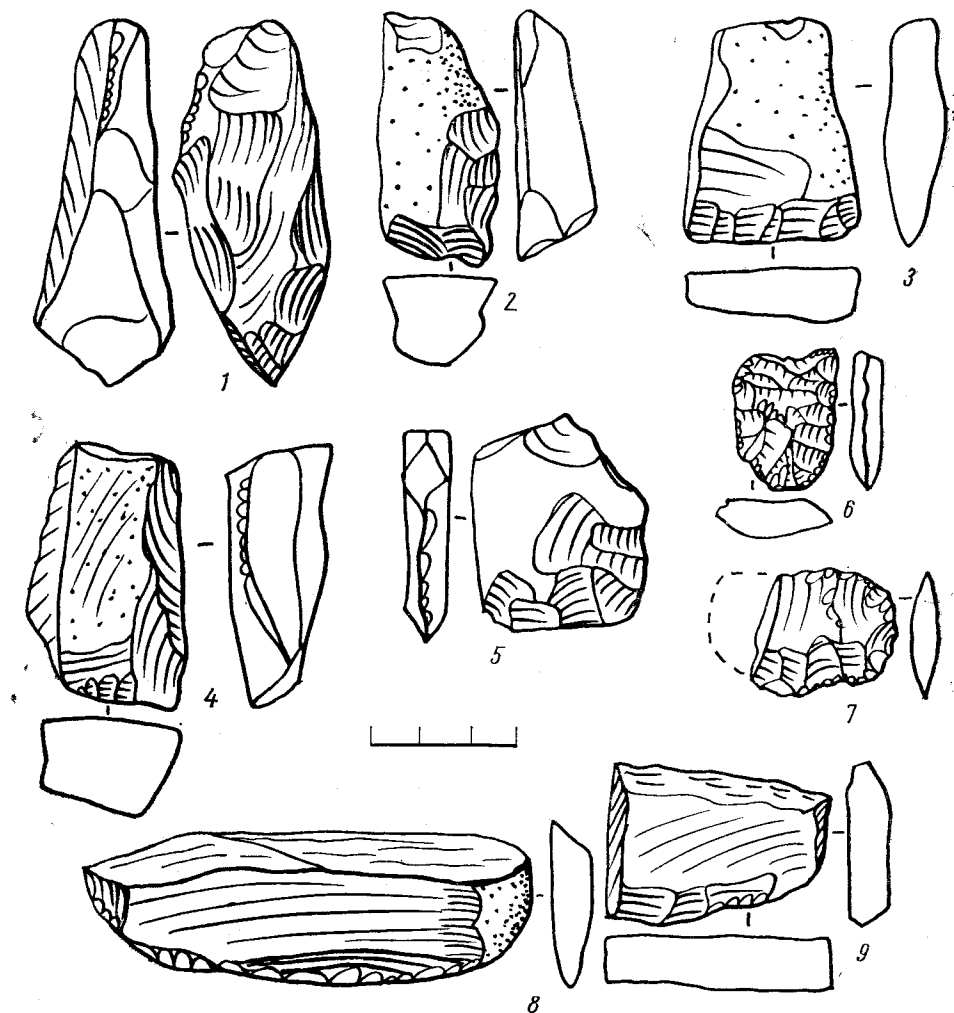

Рис. 36. Каменные скребловидно-тесловидные орудия и ножи раннего малтанского культурного комплекса (1—9)

лишь по краям (рис. 36, 7)⁷⁸. Встречено одно рубильцевидное орудие из желтого кремня. Наиболее же характерными изделиями являются комбинированные орудия в виде скребловидных тесел, совершенно не шлифованных, а грубо оббитых, нередко с частично оставленной галечной коркой (рис. 36, 1—5). Они довольно массивны и вполне могли служить

⁷⁸ Диков Н. Н., 1977б, табл. 195.

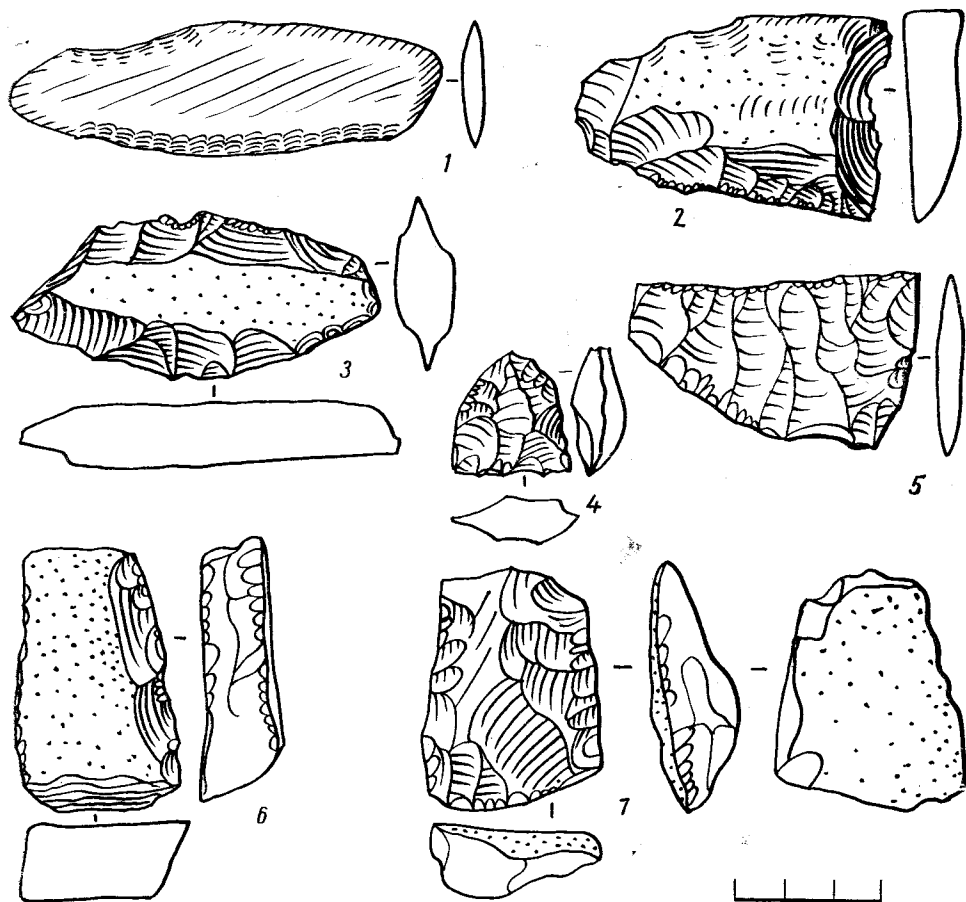

Рис. 37. Ножи и скребловидно-тесловидные орудия из пеплового туфа позднего малтанского культурного комплекса (1—7)

эквивалентом более поздних неолитических тесел, которых на этом послепалеолитическом этапе совсем еще здесь не было.

Для более поздней фации малтанского комплекса тоже пока еще неизвестно шлифованных орудий и все еще характерны скребловидные оббитые тесла (рис. 37, 6, 7). Но уже появляется керамика, один-единственный фрагмент которой обнаружен в верхнем слое стоянки Малтан. Он обожжен изнутри и украшен вдоль венчика рубчатым валиком (рис. 38, 12).

Для этого позднего малтанского этапа типично преобладание халцедоновых изделий, отщепов и осколков. Нуклеусы теперь более аморфны, хотя тенденция их призматичности еще сохраняется (рис. 38, 1). Ножевидные пластинки становятся мельче (рис. 38, 7—9). Наконечники

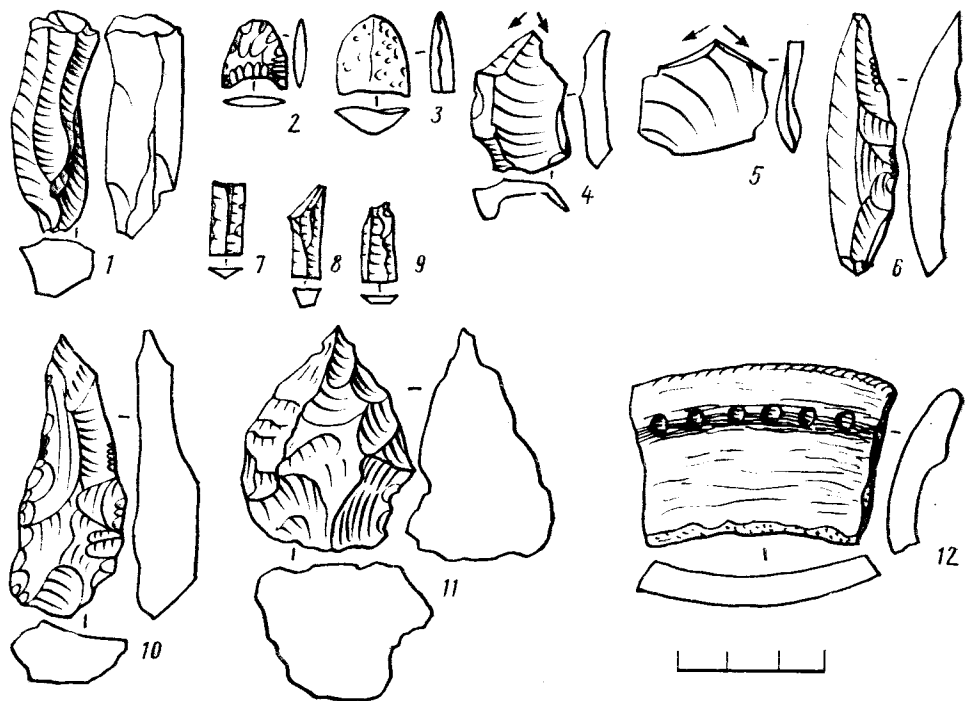

Рис. 38. Каменные изделия и фрагмент керамики позднего малтанского культурного комплекса (1—12)

стрел тоже, причем они приобретают теперь выемчатый насад (рис. 38, 2, 3). Резцы по-прежнему остаются срединными (рис. 38, 4, 5) и по-прежнему бытуют ретушированные резчики (рис. 38, 10, 11). Также и ножи сохраняют свой прежний вид более или менее грубо обработанных бифасов листовидной и более неопределенных форм (рис. 37, 1—3, 5). Скребки же, сделанные из халцедона, встречены пока в виде концевых, довольно невыразительных по форме и отделке.

Таким образом, в развитии малтанского комплекса наблюдается заметное огрубление техники отделки орудий, но сами типы орудий остаются в основном прежними. Переход к его поздней, очевидно, неолитической фазе протекает здесь без заметных технологических сдвигов, если не считать появления глиняной посуды и остатков каких-то наземных жилищ, часть основания одного из которых была обнаружена в верхнем слое стоянки Малтан в 1975 г. Уже сейчас видно важное историческое место малтанского комплекса среди других памятников Северо-Восточной Азии.

Прежде всего отчетливо видна его связь с комплексом каменных изделий нижнего слоя стоянки Кухтуй III вблизи г. Охотска. Сходны би-

фасиальные листовидные ножи⁷⁹ (рис. 36, 7; 37, 5), подтреугольные бифасиальные наконечники стрел (рис. 35, 2)⁸⁰ и массивные трехгранные пластины, в кухтуйском комплексе подретушированные «наподобие ножей (или, как предполагает Ю. А. Мочанов, наконечников копий)»⁸¹, а в малтанском комплексе подобной обработке не подвергнутые и, вероятно, служившие лишь заготовками аналогичных орудий (рис. 35, 6, 7). Подобие скребловидно-гесловидным орудиям малтанского комплекса (рис. 36, 3—5) усматривается в кухтуйском изделии, которое Ю. А. Мочанов считает предположительно заготовкой ножа⁸². Для полноты сходства малтанского и кухтуйского комплексов в последнем недостает только ножевидных пластинок, призматических и конических нуклеусов, очень характерных для нижнего слоя малтанской стоянки (рис. 35, 1, 12, 13)⁸³. Однако наличие в Кухтуе упомянутых ножей на пластинах⁸⁴ позволяет полагать достаточное развитие там техники скалывания пластин с призматических нуклеусов, и их отсутствие пока в кухтуйском комплексе можно объяснить лишь очень слабой еще его изученностью Ю. А. Мочановым.

Нечего и говорить, что с синхронной сумнагинской культурой у малтанского комплекса в технико-типологическом отношении нет почти ничего общего. Его ярко выраженная бифасиальность не идет ни в какое сравнение с преобладающей унифасиальностью сумнагинских каменных изделий, подтреугольные наконечники стрел (или дротиков), сходные с кухтуйскими, не имеют совсем ничего общего с пластинчатыми черешковыми не полностью ретушированными наконечниками⁸⁵, которые предположительно приписываются Ю. А. Мочановым к сумнагинской культуре, полностью пока лишенной каких-либо достоверных метательных наконечников. Таким образом, становится очевидным, что в послепалеолитическое время в преддверии неолита в верховьях Колымы, кроме сибирдиковской культуры, развивалась еще одна мезолитическая культура, также резко отличающаяся от внутриконтинентальной сумнагинской культуры на территории Якутии. Тем самым не подтверждается фактами схема Ю. Мочанова, согласно которой так называемая сумнагинская унифасиальная культура, так же как и дюктайская, якобы распространяется до Тихого океана, достигая, в частности, Северного Приохотья⁸⁶. Прав оказывается Р. Пауэрс, полагавший, что сумнагинская культура так далеко на Северо-Восток не распространялась⁸⁷.

Вместе с тем имеющиеся материалы по археологии послепалеолитической Чукотки, прежде всего осиновско-красинский комплекс, имеют с малтанским комплексом нечто принципиально общее в технике изготов-

⁷⁹ Диков Н. Н., 1977б, табл. 195, 4, 8, 5; Мочанов Ю. А., 1977, табл. 28, 8, 10, 11.

⁸⁰ Там же, табл. 28, 5.

⁸¹ Там же, табл. 28, 9.

⁸² Там же, табл. 28, 12.

⁸³ Диков Н. Н., 1977б, табл. 194.

⁸⁴ Мочанов Ю. А., 1977, табл. 28, 9.

⁸⁵ Там же, табл. 86.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Powers W. R., 1973.

ления грубо обработанных скребел и бифасиальных листовидных ножей, встречающихся вместе с ножевидными пластинками⁸⁸. Что же касается относимых к сумнагинской культуре нескольких стоянок в низовьях Колымы (Пантелеиха I—VIII, Пирс), то их датировка Ю. А. Мочановым донеолитическим временем основана на таких «четких» показателях, как отсутствие среди находок керамики и на сходство концевых скребков на массивных пластинчатых отщепках с сумнагинскими⁸⁹, что не может, очевидно, внушать твердой уверенности в такой датировке, если вспомнить замечание Ю. А. Мочанова (в связи с аналогичным скребком с р. Шило) о том, что такие скребки употреблялись «и в раннем железном веке»⁹⁰. (Мы можем к этому добавить, что подобные скребки, причем даже с приостренным «ушком», обнаружены в таких сравнительно поздних памятниках, как Чинийский могильник, Сивуйский мыс на Курильском озере, Кавран и др.⁹¹)

Наконец, уже сейчас намечаются связи малтанского комплекса с Камчатской послепалеолитической культурой — с такими недавно обнаруженными памятниками, как Кисун I и Лопатка IV, причем сходство там обнаруживается в бифасиальной обработке ножей и в типах своеобразных резчиков и срединных резцов⁹².

Таким образом, создается вполне определенное впечатление, что ранний малтанский комплекс Верхнего Приколымья, так же как и сиберикивская культура, входит в северотихоокеанский (дальневосточный) круг основных технологических традиций, а не в якутский сумнагинский. В отличие от преимущественно унифасиального сумнагинского малтанский комплекс бифасиальный. Он вполне мезолитический и в технико-типологическом отношении вполне укладывается в интервале между финальнопалеолитическим слоем V ушковских стоянок на Камчатке и их позднемезолитическим или ранненеолитическим слоем IV, рассмотрению культуры которого посвящен следующий раздел книги.

⁸⁸ Диков Н. Н., 1977б, табл. 86—88.

⁸⁹ Мочанов Ю. А., 1977, с. 203—206; табл. 75, 11—18, 22.

⁹⁰ Там же, с. 94.

⁹¹ Диков Н. Н., 1974.

⁹² Дикова Т. М., 1973, с. 198; 1978; Рубан В. И., 1978.

Неолит Камчатки

Первая ушковская «мезолитическая» или ранненеолитическая культура

Конец послеледникового потепления (так называемого климатического оптимума) совпадает на Камчатке с распространением там ранненеолитической охотничье-рыболовецкой культуры, представленной археологическими остатками в виде следов погребения и очагами в слое IV ушковских стоянок (1, 2, 4) ¹ и отдельными пока находками на западном побережье Камчатки (рис. 40) ².

По палинологическим данным слоя IV ушковских стоянок этому периоду соответствует значительно большая облесенность, чем в лежащих ниже слоях V—VII ³.

Этим отчасти, вероятно, объясняется сокращение площади стоянок начиная со слоя IV и выше на Каменном мысе (Ушки-I) по сравнению со слоями V—VII.

От местной палеолитической культуры в рассматриваемой культуре слоя IV удержалась весьма слабая традиция использования призматических нуклеусов, в частности односторонних (рис. 41, 3), скалывание более или менее правильных ножевидных пластин разных размеров и использование их главным образом без обработки. Продолжалась выделка листовидных бифасов, достигавших порой крупных размеров (рис. 41, 24). По-прежнему еще изредка использовались двусторонне ретушированные продолговатые наконечники стрел, которые стали шире (рис. 41, 10, 11), а узкие их прототипы полностью вышли из употребления. Сохранилось еще использование скребков на широких пластинах, обработанных со всех сторон краевой ретушью (рис. 41, 32), а также концевых скребков на отщепах (рис. 41, 29). В целом же палеолитических традиций в индустрии ранней неолитической культуры осталось очень мало, наиболее заметной оказалась полная утрата технического навыка обработки клиновидных нуклеусов.

Вместо них широкое развитие получили различного рода призматические и конусовидные нуклеусы и производные от них формы (рис. 41, 1—9). Ножевидные пластины часто более крупные, чем прежде, форма их становится строго геометрической, и края во многих случаях со всех сторон обрабатываются ретушью (рис. 41, 22). Крупные и средние по

¹ Диков Н. Н., 1977б, с. 60, 61, 69, 70.

² Рубан В. И., 1977, с. 238; 1978.

³ Шилов Н. А., Диков Н. Н., Ложкин А. В. Первые данные по стратиграфии палеолита Камчатки.— Труды СВКНИИ СО АН СССР, 1967, 17, с. 38.

величине пластины теперь количественно преобладают над микропластинками. Появляются срединные и боковые резцы на пластинах (рис. 41, 16). Обнаружены также боковой резец на большой пластине, ретушированной по краю (рис. 41, 17), и пластина с боковой выемкой (рис. 41, 23). Развиваются и дифференцируются скребки (рис. 41, 28, 30, 33), применяются сплошь оббитые скребловидные тесла (рис. 41, 18), металлические наконечники с черешком, сделанные из больших пластин, лишь частично ретушированных по краям (рис. 41, 14). К инновациям можно отнести также серию ромбических в поперечном сечении нако-

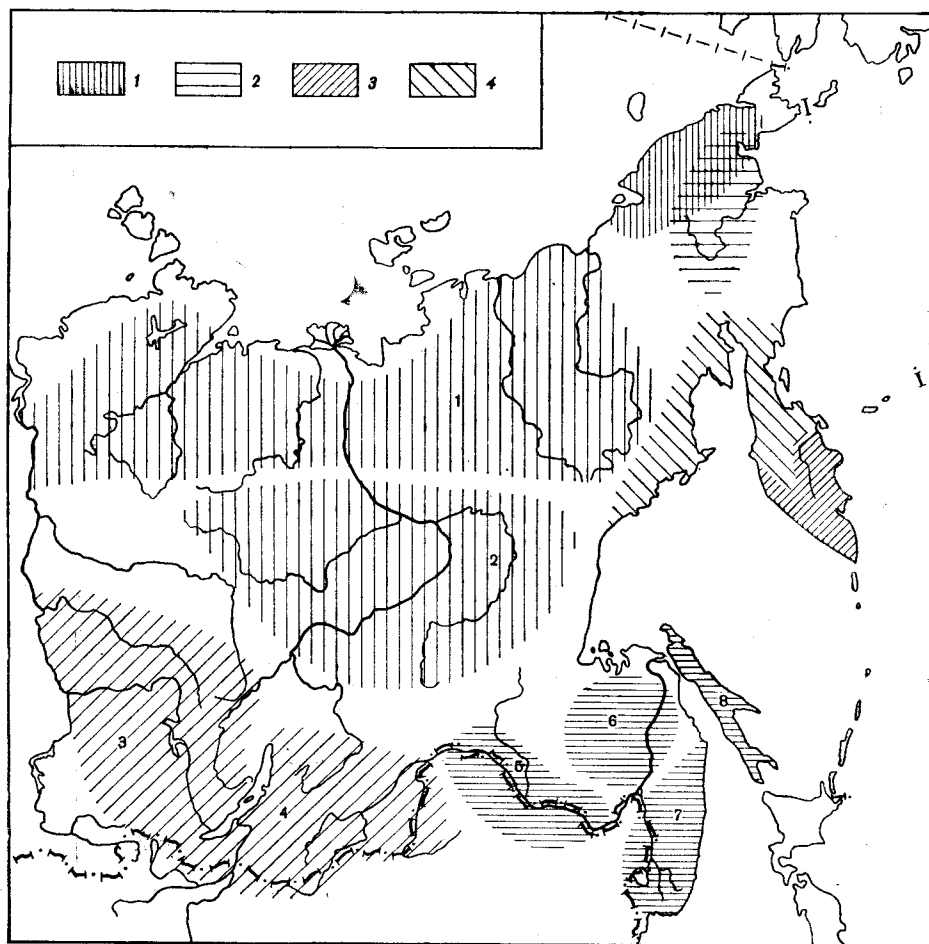

Рис. 39. Неолитические культуры Восточной Сибири и Дальнего Востока

1 — нижнееленская; 2 — среднееленская; 3 — ангарская; 4 — забайкальская; 5 — среднеамурская; 6 — нижнеамурская; 7 — приморская; 8 — сахалинская; I — северочукотская; II — устьбельская; III — тарьинская; IV — североохотская. (Культуры 1—8, по А. П. Окладникову.)

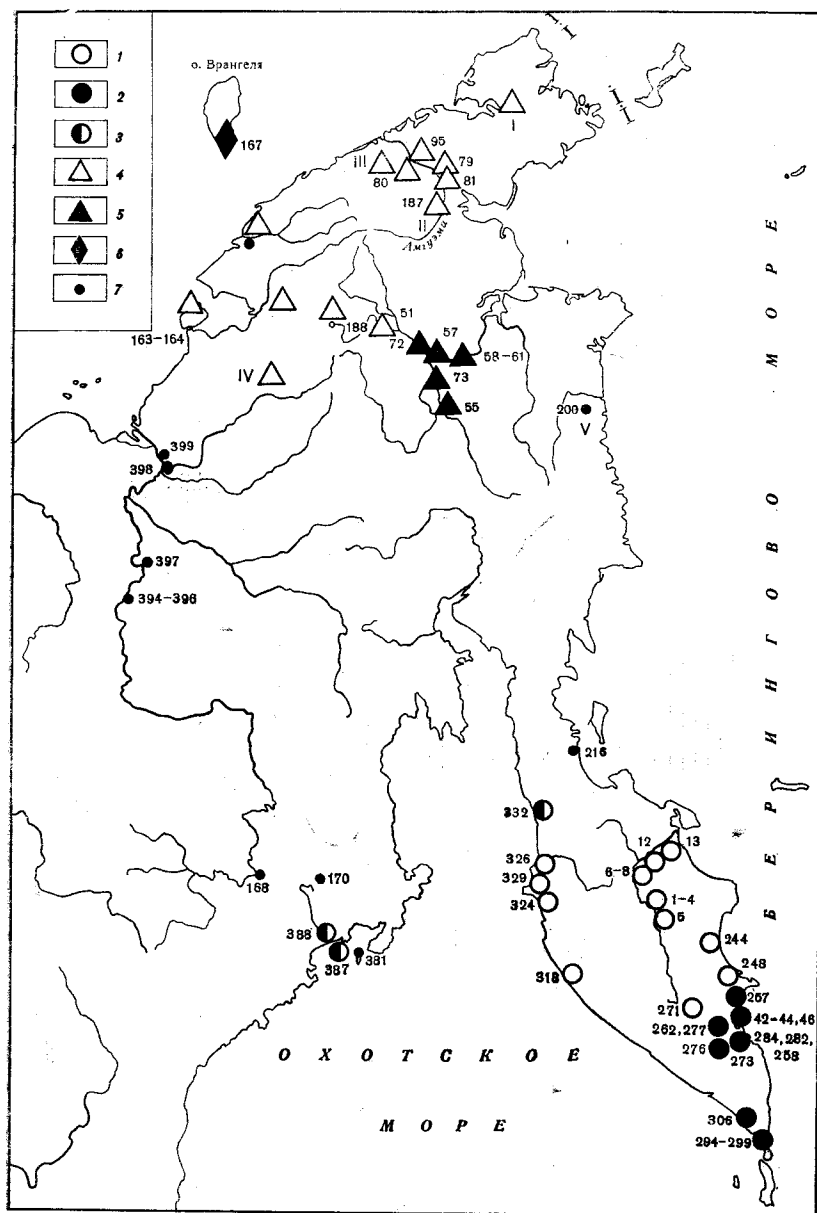

Рис. 40. Неолитические памятники Камчатки, Колымы и Чукотки

1 — тарьинской культуры; 2 — южный вариант тарьинской культуры; 3 — докорянской культуры; 4 — северчукотской культуры; 5 — усть-бельской культуры; 6 — палеоэскимосской культуры; 7 — прочие неолитические памятники; I — Ионивеес; II — Матачен (187); III — Эжитыки (185); IV — Тытыль; V — Рыткыльвеес (200)

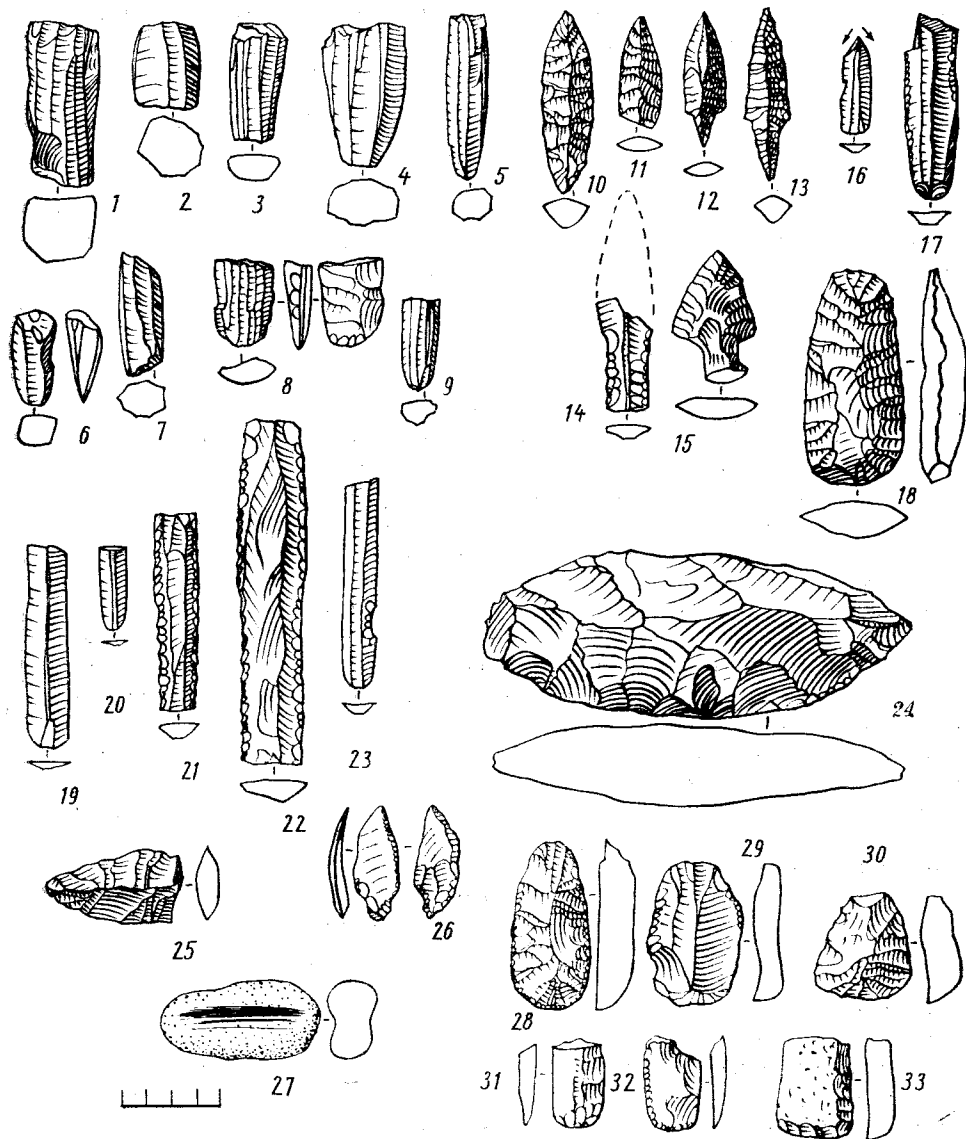

Рис. 41. Каменные изделия первой ушковской ранненеолитической культуры (1—33)

1, 6, 19 — Ушки-I (1); остальные — Ушки-II (2)

нечников стрел с более или менее четко выделенным треугольным черешком, обработанных косой ретушью (рис. 41, 12, 13).

Судя по материалам других территорий, комплексов, полностью идентичных описанному, не имеется. Его отдельные элементы рассеяны почти по всей Северной Азии, включая Чукотку, на Европейском севере и в меньшей степени в Арктической Америке. Наибольшей концентрации они достигают в бассейне р. Лены, в Ангара-Енисейском районе, в Казахстане, Забайкалье и на Японских островах, где возраст их колеблется от VIII до III, иногда II тысячелетия до н. э. Древнейшие элементы сосредоточены на Алдане, в Прибайкалье, Забайкалье и на Японских островах.

Наиболее близкие аналогии встречаются на Чукотке на р. Амгуэма (у 102 км) на третьей стоянке (80). Там найдены кремневые конические нуклеусы и наконечники стрел ромбического сечения⁴. К сожалению, обнаружены только их обломки, но все же их можно сопоставить с ушковскими находками из слоя IV. Третью стоянку, резко отличающуюся от других Амгуэмских стоянок отсутствием керамики и своеобразными наконечниками, вполне можно считать древнейшей в долине Амгуэмы. Сходство этого амгуэмского бескерамического комплекса с камчатским настолько близко, что его можно было бы отнести вместе с комплексом слоя IV ушковских стоянок (1, 2, 4) к одной и той же культуре, назвав ее камчатско-амгуэмской. Если мы этого пока не делаем, то только потому, что амгуэмский комплекс, к сожалению, состоит из сборов на поверхности и поэтому не имеет стратиграфической привязки. Хотя он содержит и весьма характерные вещи, однако слишком немногочисленные.

На Алдане сумнагинской мезолитической культуре VIII и V тысячелетий до н. э. присущи целиком нешлифованные оббитые скребловидные тесла из слоя VIII стоянки Белькачи I (дата VI—V тысячелетия до н. э.), сходные с ушковскими из слоя IV стоянки Ушки-II, такие же призматические нуклеусы и целую серию сходных конических нуклеусов, обработанных со всех сторон (в том числе карандашевидных) или односторонних, а также ножевидных пластин с ретушью по краям и без нее⁵. Все эти аналогии можно было бы рассматривать как свидетельство об определенной роли сумнагинской культуры в происхождении рассматриваемого ушковского комплекса, и на это мы в свое время уже обращали внимание⁶. Однако основанный на этом вывод Ю. А. Мочанова о распространении на Камчатку самой сумнагинской культуры⁷ в свете имеющихся данных совсем неоправдан. В отличие от сумнагинской в ушковской культуре есть и бифасиальные ножи и бифасиальные наконечники стрел, и эти ее элементы лучше выводятся из недавно открытого малтанского комплекса, чем из сумнагинской культуры. Тем более, если учесть сравнительно позднюю датировку рассматриваемой

⁴ Диков Н. Н., 1977б, табл. III, 8.

⁵ Мочанов Ю. А., 1969б, табл. 10, 6, 12, 2, 15; 1, 6; 3, 9; 12.

⁶ Диков Н. Н., 1977в, с. 123; 1971.

⁷ Мочанов Ю. А., 1977.

ушковской культуры, более близкой по времени к малтанскому комплексу, чем к сумнагинскому.

Напомним, что на основе сопоставлений с окружающими культурами культуру слоя IV ушковских стоянок мы датировали в пределах IV—III тысячелетий до н. э.⁸ Последующие радиоуглеродные определения подтвердили и уточнили эту датировку, была получена абсолютная дата 4200 ± 100 (МАГ—132).

Судя по всему, известная ныне камчатская «позднемезолитическая» или раннеолитическая культура возникла в результате дивергенции более широкой послепалеолитической «мезолитической» культурной общности, в которую в VIII—V тысячелетиях до н. э. входили малтанцы. В этой раннеолитической камчатской культуре еще удерживались некоторые местные, восходящие к раннему послепалеолитическому времени элементы.

Ее связи с югом через Курильские острова были, вероятно, весьма ограничены, там в то время развивалась совсем иная, с незначительным применением ножевидных пластин культура⁹. Культурные связи Камчатки осуществлялись в то время в основном только через Чукотку. Вся экзогенная часть инноваций рассматриваемой культуры Камчатки могла проникнуть туда только со стороны Чукотки. Поэтому вполне понятно большое значение в древней истории Северо-Востока амгуэмского бескерамического комплекса (80), безусловно связанного с камчатским общностью происхождения и находящегося на скрещении путей из Азии в Америку.

Культурные контакты амгуэмско-камчатского раннего неолита или позднего мезолита в это время, однако, очень неразвиты. Они ограничиваются только элементами культуры (прежде всего бифасиальные листовидные наконечники и ножи), воспринятыми камчатским (слоя IV ушковских стоянок) и амгуэмскими комплексами от ушковского финального палеолита и распространившимися в Америку еще в раннем и среднем голоцене. Подавляющее число аналогий с культурами Северо-Западной Америки датируется там VI—V тысячелетиями до н. э. (с кордильерской культурой, с комплексами DiRj-3, Кайюк, Флинт-Крик), некоторые (с комплексами Денби и Пойнтед-Маунтен, со стоянкой на о-ве Такли, с Лочнор-Несикер) — IV—III тысячелетиями до н. э., с Анангулой — VIII тысячелетием до н. э.

Двухплощадочные призматические и конические нуклеусы имеются в Анангуле, причем конические также и в Лочнор-Несикере¹⁰, ретушированные с обоих краев ножевидные пластины — в комплексе Денби¹¹, концевые скребки (рис. 41, 29) — в комплексе Флинт-Крик, а также в комплексе Денби и Пойнтед-Маунтен¹², симметричные листовидные

⁸ Диков Н. Н., 1977в, с. 123, 124; 1971.

⁹ Васильевский Р. С., 1975б.

¹⁰ Laughlin W., 1963, fig. I, 1; Береговая Н. А., 1957, рис. 4, 3; Sanger D., 1966, pl. VII, C.

¹¹ Giddings I. L., 1964, fig. 47, fig. 53, 5.

¹² Береговая Н. А., 1967, рис. 2, 12, 13; Giddings I. L., 1964, fig. 70, B, 2, 3, 10, 11; McNeish R. S., 1959.

ножи-бифасы — в комплексах Пойнтед-Маунтеп, Кайюк I, в кордильерской культуре¹³, асимметричные ножи-бифасы — на о-ве Такли, в кордильерской культуре, в частности, на стоянке DjRi-3 (в Британской Колумбии) и в комплексе Кайюк¹⁴, удлиненно-листовидные наконечники стрел — в кордильерской культуре¹⁵.

Такие же вещи, как типичные для ушковского и амгуэмского комплексов конца III—II тысячелетий до н. э. ромбические в поперечном сечении наконечники стрел, встречающиеся в близких формах и в неолите Забайкалья (так называемое шило из шилкинской пещеры)¹⁶, на Алдане (в сылахской культуре)¹⁷ и на Хоккайдо (на докерамической стоянке Магарикава)¹⁸, в Америку не попали вовсе. Это ярчайшее свидетельство возникшей с конца II тысячелетия до н. э. изоляции внутриконтинентальных культур Северо-Восточной Азии от Америки. Роль барьера играл, конечно, Берингов пролив, на берегах которого, вероятно, уже в то время обосновалась специализированная приморская зверобойная культура, препятствовавшая проникновению в Америку, на Аляску влияний со стороны внутриконтинентальных культур Северо-Востока Азии, ориентированных на сухопутную охоту, речное и озерное рыболовство.

Проблема этнической принадлежности рассматриваемой ушковской культуры привлечет, конечно, внимание антропологов и этнографов. Возможно, она принадлежала общим предкам нескольких народов Северо-Востока, прежде всего ительменов, народа, предки которого, судя по всем данным, должны были обосноваться на Камчатке раньше коряков и тем более айнов.

Предположение об определенной роли ушковской «мезолитической» или ранненеолитической культуры в формировании ительменов представляется нам весьма вероятным в свете последнего этнографо-лингвистического исследования И. С. Вдовина, убедительно показавшего обособленность этого народа в языке и культуре от северо-восточных палеоазиатов — чукчей и коряков¹⁹.

Существенно в этой связи прежде всего то обстоятельство, что данная ушковская рыболовецкая культура, а вместе с нею, вероятно, и весьма древние предки ительменов могли появиться на Камчатке в середине голоцена, т. е. в конце климатического оптимума, континентальным путем из более южных районов Восточной Сибири и Дальнего Востока, вероятно из Забайкалья или более восточных районов Южной Сибири, — на что как будто бы указывают некоторые существенные

¹³ Береговая Н. А., 1967, рис. 5, 18; Campbell J., 1962, pl. 2, 13; Butler R. B., 1961, fig. 4, K.

¹⁴ Diamond D. E., 1969, pl. VII, g; Butler R. B., 1961, fig. 4, a, c, k; Borden C. E., 1962, pl. I, e; Campbell J., 1962, pl. 2, 13, 14.

¹⁵ Butler R. B., 1961, fig. 3, B, f.

¹⁶ Окладников А. П., 1970, рис. 12, 12.

¹⁷ Мочанов Ю. А., 1969, табл. 24, 8.

¹⁸ Morlan R. E., 1967, fig. 20, 3.

¹⁹ Вдовин И. С., 1970; П. Я. Скорик тоже полагал, что ительменский язык раньше обособился от чукотского и подвергался более интенсивному иноязычному влиянию.

черты сходства нашей ушковской культуры с громатухинской культурой (пластинчатая техника, бифасы, тесловидно-скребловидные орудия)²⁰, Новопетровской культурой ножевидных пластин²¹ и с Ононской неолитической культурой (в частности, призматические и конические нуклеусы, ретушированные по краям ножевидные пластинки с оз. Иргень)²². Не согласуется с этим предположением наличие в названных культурах керамики; однако распространение южных предков на Север могло начаться еще в докерамическое время. Из левобережного Приамурья и Восточного Забайкалья через более теплую, чем теперь, и более обильную растительность Чукотку они могли, не утратив по пути, принести тогда на Камчатку те многие весьма характерные для ительменов навыки заготовок и собирателей трав. В условиях средней Камчатки с ее более благоприятным, чем на Чукотке, климатом эти навыки собирателей растительной пищи сохранились и в период последующего похолодания, когда Чукотка и северная Камчатка уже мало этому благоприятствовали, закрепились и перешли в наследство «историческим» ительменам, оказавшимся потом на длительное время изолированными на своей окруженной тундрой и морем, цветущей буйной растительностью части полуострова.

Оказавшись в изоляции, они значительно дольше своих соседей на Чукотке и в Якутии сохранили архаичную технику и, в частности, обходиться без глиняной посуды, видимо применяя древний способ кипячения воды с помощью раскаленных камней.

Таким образом, Камчатский полуостров в эпоху неолита долго оставался областью пережиточных послепалеолитических («мезолитических») традиций, подобно тому как до этого, в начале голоцена, он был областью своеобразной реликтовой палеолитической культуры.

Вторая ушковская «позднемезолитическая» или неолитическая культура

К ней мы относим комплекс каменных изделий, обнаруженных возле кострищ в культурном слое III первой и второй ушковских стоянок (1, 2). Учитывая значительное сходство этого комплекса с предыдущим из слоя III, мы только условно можем интерпретировать его принадлежность к особой культуре. Не исключено, что оба эти комплекса принадлежат к разным этапам одной и той же культуры. Именно с этим смысловым ограничением мы приступаем к анализу комплекса изделий из слоя III.

Данный комплекс²³ состоит прежде всего из ножевидных пластин разного размера, но преимущественно более длинных, часто исключительно правильной формы без ретуши (рис. 42, 1—3), с краевой ретушью (рис. 42, 6) и с обеих сторон сплошь ретушированных вкладышей

²⁰ Окладников А. П., Деревянко А. П., 1977.

²¹ Деревянко А. П., 1977.

²² Ларичев В. Е., Рижский М. И., 1966, рис. 6, 5, 7; 8, 12, 14; 14, 1, 2.

²³ Диков Н. Н., 1977б, табл. 9, 17, 18.

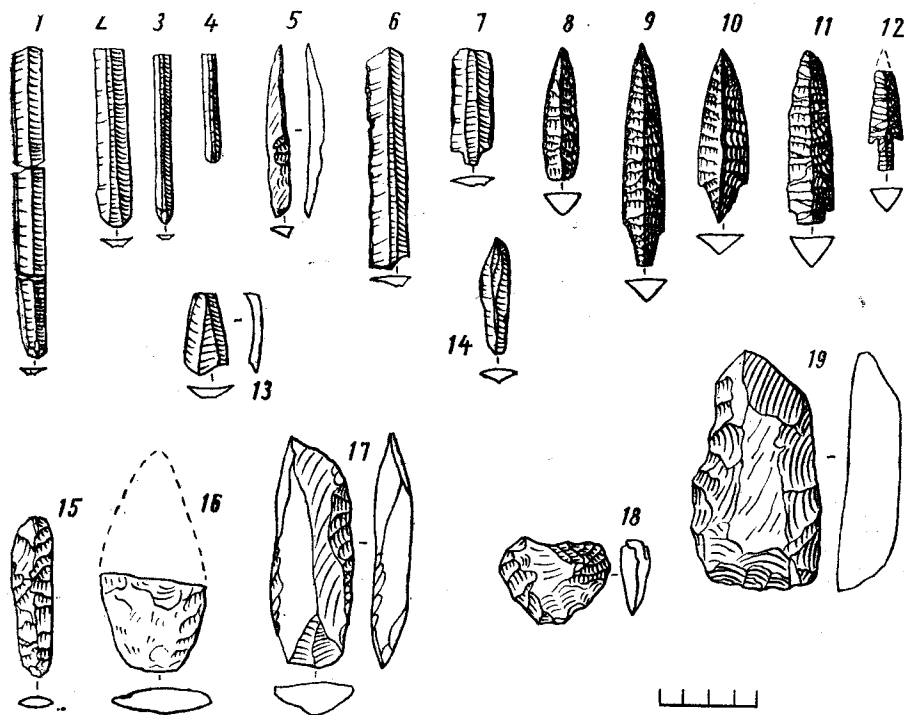

Рис. 42. Каменные изделия второй ушковской неолитической культуры
1, 10, 12 — Ушки-I (1); остальные — Ушки-II (2)

(рис. 42, 15). В него входит обломок пластинчатого черешкового наконечника стрелы (рис. 42, 7), весьма своеобразные трехгранные напильниковидные наконечники без черешка (рис. 42, 8) и с черешком (рис. 42, 9—12), обломки листовидных ножей-бифасов (рис. 42, 16), остроконечные односторонне ретушированные ножи на пластинах (рис. 42, 17), скребки с выпуклым лезвием (рис. 42, 18), грубо оббитое односторонне выпуклое тесло или скребло (рис. 42, 19), проколки (рис. 42, 15) и боковой резец на ножевидной пластинке (рис. 42, 14). В этом комплексе, очевидно случайно, отсутствуют нуклеусы, хотя сколотые с них призматические пластины составляют его характерную черту. Отсутствует в нем также керамика и шлифованные орудия, вследствие чего мы не вправе его относить к развитому неолиту в обычном понимании этого термина, хотя, судя по характеру наконечников стрел, как ниже будет показано, он ближе всего к памятникам именно развитого неолита.

С более древней первой ушковской мезолитической или ранненеолитической культурой данный комплекс генетически связан наличием мелких и более крупных ножевидных пластинок, порой даже очень длинных

и к тому же ретушированных по краям, листовидных ножей-бифасов, резцов на ножевидных пластинах.

Остальные его компоненты следует рассматривать как инновацию отчасти, возможно, эндогенного, но в значительной мере и экзогенного характера.

Определить эндогенность новообразований данного комплекса, как впрочем и многих других наших комплексов, значительно труднее, чем экзогенность.

Большая часть новых вещей данного комплекса очень нехарактерна и не настолько выразительна, чтобы можно было с уверенностью судить об ее экзогенном или исключительно местном происхождении. Параллели этим нехарактерным вещам, как мы увидим ниже, можно найти в самых различных культурах, так что связывать эти вещи с какой-нибудь из них или тем более со всеми ими было бы неправильно: в равной мере эти невыразительные инновации могут быть и эндогенными.

Абсолютно оригинальных вещей во второй ушковской неолитической культуре пока неизвестно. Ее ножевидные пластинки распространены очень широко. Скребки и ножи тоже весьма обычны в разных культурах. Менее тривиальны ее тесловидные скребла, хотя они и встречаются во многих культурах от позднего палеолита до неолита²⁴. Двусторонне ретушированные вкладыши, пожалуй, более уникальны и относятся к более узкому хронологическому диапазону — IV—I тысячелетия до н. э.²⁵

Пожалуй, только черешковые пластинчатые наконечники (рис. 42, 7) можно считать элементом эндогенной инновации второй ушковской неолитической культуры. В ближайшем окружении аналогий этому типу нет.

Что же касается напильниковидных трехгранных наконечников, то их бесчерешковый тип (рис. 42, 81) является ярко выраженной экзогенной формой, а совершенно уникальный черешковый тип (рис. 42, 9, 10) — очевидно, его местной трансформацией, гибридом черешковых ромбического сечения наконечников (рис. 41, 8, 9) предшествующей первой ушковской неолитической культуры и импортных бесчерешковых.

Именно поэтому трехгранные наконечники наиболее интересны как датирующий элемент рассматриваемой культуры.

Впервые на их значение для датировки северных культур Сибири, в частности нижнеленской поздненеолитической, обратил внимание А. П. Окладников, обнаружив их в нижнем основном слое Уолбинского поселения и возле мыса Обух. Он сравнил их с подобными наконечниками из Скандинавии, где они широко распространяются, по его мнению, из Северной Сибири около 1500 г. до н. э. в эпоху одиночных погребений в каменных ящиках²⁶. Это дало ему возможность говорить о происхождении неевропеоидного компонента Северной Скандинавии из Се-

²⁴ Медведев Г. И., 1966б, рис. 8, 14; 10, 12; он же, 1967, рис. 2.

²⁵ Коробкова Г. Ф., 1965, рис. 3, а; Larsen H., Rainey Fr., 1948, pl. 13, 3—5; Окладников А. П., 1946, табл. XX, 5.

²⁶ Окладников А. П., 1955, с. 131; Он же, 1946, рис. 3, 2, табл. XII, 1, V, 6, 7.

верной Якутии во II тысячелетии до н. э. и определить этим временем верхнюю границу наиболее древнего на нижней Лене, по его мнению, комплекса находок, связанного с нижним слоем поселения и погребения на Уолбинском кырдае.

Позднее и Ю. А. Мочанов пишет о трехгранных напильниковидных наконечниках в Якутском неолите, но относит их к сыалахской культуре IV тысячелетия до н. э. Он связывает их с комплексами, содержащими сетчатую керамику²⁷. Надо отметить, однако, что эти обнаруженные Ю. А. Мочановым в слое VII опорной стоянки Белькачи I наконечники несколько отличаются от нижнеленских трехгранных наконечников, извлеченных А. П. Окладниковым в Уолбе и на мысе Обух. Белькачинские наконечники правильнее было бы назвать просто односторонне выпуклыми листовидной формы. Возможно, это действительно более архаичная разновидность будущих трехгранных наконечников Северной и Северо-Восточной Сибири, имеющих сечение в виде равностороннего треугольника. Однако, если это даже и так, сравнивать с ними напильниковидные камчатские вряд ли было бы правильно. Последние принадлежат именно уолбинскому типу, который, судя по раскопкам на Севере в последние годы, относится не к IV, а, скорее, именно ко II, а в некоторых случаях и к III тысячелетию до н. э. На стоянке Буолкалаах на р. Оленек они оказались в комплексе II — начала I тысячелетия до н. э.²⁸ Ко II тысячелетию, к ымыяхтахской культуре, они относятся и в раскопанном С. А. Федосеевой Чучур-Муранском могильнике возле Якутска²⁹. Обнаружены они и в Туой-Хае на верхнем Вилюе, где автором раскопок датируются III тысячелетием до н. э.³⁰

Трехгранные наконечники известны и на Чукотке. Один из них совершенно целый, бесчерешковый, обработанный тончайшей уплощающей ретушью со всех трех сторон, был обнаружен еще в 1930-х годах А. К. Седько на реке Великой, но, к сожалению, без всякой привязки к культурному слою. Зато обломок второго извлечен вместе с ложнотекстильной керамикой из культурного слоя поздненеолитической стоянки на Чировом озере (51), вероятно относящейся ко II тысячелетию до н. э. Более десятка трехгранных наконечников было собрано М. А. Кирьяк на стоянке Тытыль V в бассейне Верхнего Анюя, на северо-западе Чукотки в 1977 г. Этим, насколько нам известно, исчерпываются северные параллели камчатским трехгранным наконечникам.

Известны в настоящее время трехгранные наконечники в Японии в ранних неолитических комплексах. Одни из них, в виде пирамидальных шпильев, найдены на Северо-Востоке о-ва Хонсю в пещере Химукэ вместе с керамикой раннего Дзёмона (5000—3000 лет до н. э.).³¹ Другие, в виде заостренных с двух сторон стержней, обнаружены, вероятно, в еще более

²⁷ Мочанов Ю. А., 1969б, табл. 15, 2, 5.

²⁸ Глушинский П. И., Хлобыстин Л. П., 1966, рис. 3, 4, 2; Константинов И. В., 1969, с. 222.

²⁹ Федосеева С. А., 1969, с. 223, 224.

³⁰ Там же, рис. 15.

³¹ Yamanouchi Sugao and Sato Tatsuo, 1962, fig. 5—1.

древнем докерамическом комплексе Сунагава³² и Косегосава (8000—7000 лет до н. э.).³³ По мнению японских археологов, все эти наконечники и «трехгранные шилья» являются в Японии импортными. И это, очевидно, так и есть, потому что их на Японских островах обнаружено сравнительно немного, несмотря на исключительную изученность Японской территории в археологическом отношении.

Несколько настораживает неожиданная значительная бóльшая древность японских трехгранных наконечников, чем сибирских. Разница составляет, по крайней мере, тысячу лет. Возникает проблема: можно ли по-прежнему считать первоначальным районом их распространения северную Якутию или их происхождение приурочено к более южным районам?

Можно было бы предположить, что камчатские трехгранные наконечники несколько древнее нижнеленских и оленекских и что на о-в Хонсю в комплекс с ранней дзEMONской керамикой они попали в самом конце IV тысячелетия до н. э. именно со стороны Камчатки. Однако при этом мы вынуждены были бы исходить из весьма дискуссионного постулата о возможности проникновения этих вещей с Камчатки в Японию кратчайшим путем через Курильские острова. Непаспортизированная находка В. И. Иохельсоном трехгранного черешкового наконечника (хранящегося в Государственном Историческом музее в коллекции № 96, в III отделе фондов), если она только действительно происходит с Южной Камчатки, могла бы служить тогда хотя и очень слабым, но все же каким-то свидетельством распространения трехгранных наконечников из долины р. Камчатки на юг в сторону Курильских островов. Однако предположение о дальнейшем их продвижении через Курильские острова не находит пока никакого подтверждения в сравнении древностей этих островов с камчатскими в рассматриваемое время. Ни одной сколько-нибудь сопоставимой по времени аналогии второму ушковскому неолитическому комплексу мы там не находим, и это обстоятельство не дает нам права говорить о связи Камчатки с Японией в IV—III тысячелетиях через Курильские острова. Отпадает, следовательно, и надобность удревлиять возраст данного камчатского комплекса до конца IV тысячелетия. Датированный на основании присутствия трехгранных наконечников, он должен быть отнесен, учитывая все сказанное, ориентировочно, до накопления новых археологических материалов, к началу II тысячелетия до н. э., что касается связей в других направлениях, то наиболее тесной близостью второй ушковский неолитический комплекс обладает с комплексом находок на Осиновой косе (63) на Чукотке, где имеются и ножи-бифасы и ножевидные пластины, а среди трехгранных заготовок пуклеусов оказалась и такая, которая своей заостряющейся к обоим концам тонкой стержневидной формой почти полностью идентична трехгранным бесчерешковым наконечникам³⁴. Связи с другими неолитическими памятни-

³² Tozawa M., 1968, fig. 4—5.

³³ Ikawa F., 1964, fig. 4—6.

³⁴ Диков Н. Н., 1977б, табл. 84, 4.

ками бассейна р. Анадырь на Чукотке документируются уже упомянутым обломком трехгранного наконечника на стоянке у Чирового озера (51), где имеются к тому же и сходные ножевидные пластины, & также большим количеством сходных типов ножевидных пластин, резцов на пластинах и вкладышей из раннего усть-бельского комплекса (72).

Весьма обширны аналогии с якутским неолитом. К упомянутым выше трехгранным наконечникам здесь можно добавить уолбинские пластинчатые боковые резцы³⁵, сплошь ретушированные вкладыши из Чокуровки³⁶, ретушированные по краям ножевидные пластины VI—VII слоев стоянки Белькачи I³⁷, листовидные ножи-бифасы с мыса Обух. Все эти аналогии относятся к IV—III тысячелетиям до н. э.

Судя по приведенным выше аналогиям, у данной камчатской культуры были непосредственные контакты с примыкающей с севера Чукоткой и Якутией. Через эти территории осуществлялся контакт и с более отдаленной полярной окраиной Евразии. Если учесть археологические аналогии и на Печоре³⁸, эта северная полоса Старого Света становится полем наиболее активных перемещений людей, идей и вещей. А связи, идущие с юга, начинают несколько ослабляться, хотя полной изолированности севера от юга не произошло и то там, то тут — от Казахстана до Японских островов — еще сохраняется много сходных с камчатскими (очевидно исходных) элементов культуры: пластинчатая техника, в частности боковые резцы на пластинах³⁹, листовидные ножи-бифасы⁴⁰, сплошь ретушированные вкладыши⁴¹, стержневидные проколки⁴², пластины, ретушированные по краю⁴³, и вообще пластинчатая техника в менее специфических ее проявлениях⁴⁴.

Северная активность проявилась и в распространении сходных элементов на Аляску: боковых резцов на ножевидных пластинах⁴⁵ и ретушированных по краям пластин⁴⁶ в кремневый комплекс Денби (3000 лет до н. э.), а микропластинок еще дальше по арктической Америке — вплоть

³⁵ Окладников А. П., 1946, табл. IV—11.

³⁶ Там же, табл. XX—5.

³⁷ Мочанов Ю. А., 1969б, табл. 14, 19, 22; 22, 26.

³⁸ Имеем в виду близкую к камчатской пластинчатую технику, в частности ретушированные по краям пластины с Печорской стоянки (II тысячелетия до н. э.). Гурина Н. Н., 1957, № 2, рис. 2, 4.

³⁹ Формозов А. А., 1959б, № 2, рис. 2, 3 (имеются в виду сборы Г. Ф. Дебеца в Усть-Кяхте).

⁴⁰ Коробкова Г. Ф., 1965, рис. 4, 2 (бифасы Усть-Нарыма в Казахстане); Вязовская В. В., 1968, рис. 2, 6 (бифасы сахалинского неолита с ножевидными пластинами).

⁴¹ Коробкова Г. Ф., 1965, рис. 3, а; Окладников А. П., 1946, табл. XX, 5 (бифас из Чокуровки).

⁴² Коробкова Г. Ф., 1965, рис. 2, л, н.

⁴³ Васильевский Р. С., 1968, с. 116, рис. 2, 3; Ларичев В. Е., Рижский М. И., 1968, рис. 8, 12, 14 (оз. Иргент в Забайкалье).

⁴⁴ Деревянко А. П., 1970; Ларичев В. Е., 1960, рис. 11—14; Васильевский Р. С., 1975б, с. 62—68.

⁴⁵ Giddings I. L., 1967, fig. 107; Bandi H. G., 1969, fig. 64.

⁴⁶ Ibid., fig. 47, 53, 5.

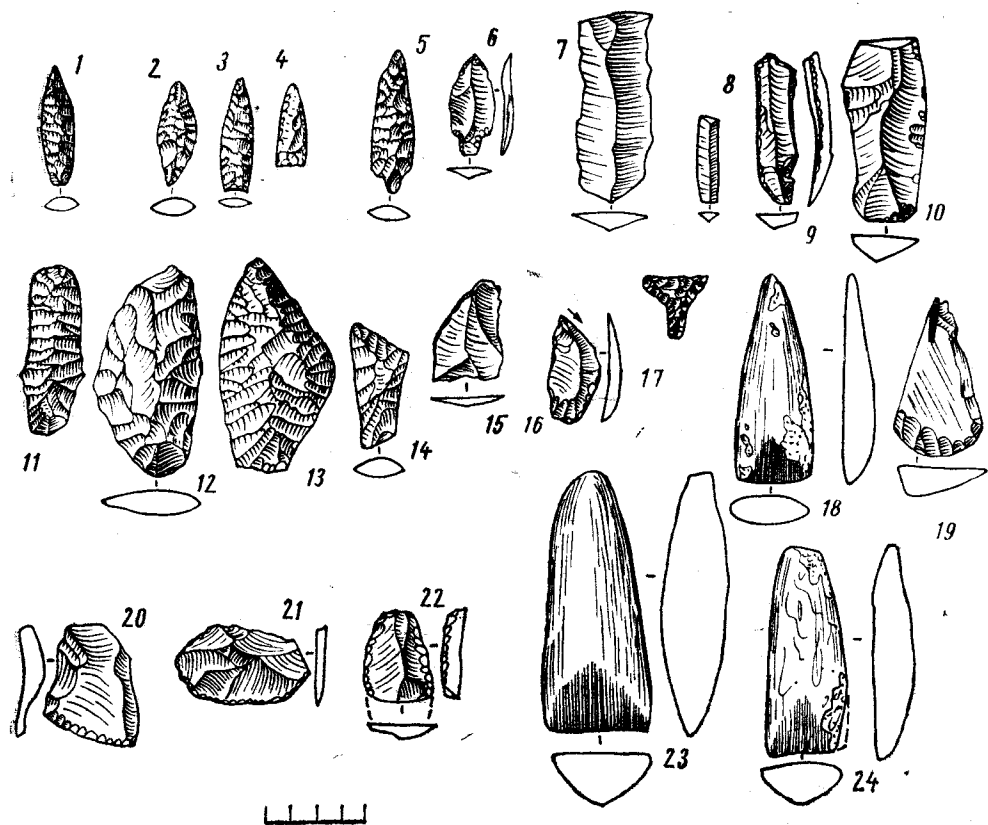

Рис. 43. Комплекс каменных изделий, общий для северной и южной тарьинской культуры

1, 15, 5, 19, 21 — Домашнее озеро (7); 24 — Козыревский совхоз (9); 18 — Ушки II, сл. II; 14 — Култук (5); 7, 11, 13 — Тарья (284); 2, 4, 6, 17 — Кирпичная (44); 9, 20, 23 — Мишенная сопка (43), сл. 2; 3 — Елизово I (42); 8, 10, 12, 16, 22 — Елизово II (42)

до Гренландии, где они известны в культурном комплексе Индепендекс I в конце III тыс. до н. э.⁴⁷

Рассмотренная культура, подобно предшествующей, все еще носит архаичный характер. По времени она соответствует окружающим ее неолитическим культурам, но ее представители, рыболовы и охотники Ушковского озера, еще не употребляли керамику и не шлифовали свои орудия. Это было то же население, следы которого остались в нижележащем слое ушковских стоянок и которое на следующем этапе вошло в качестве одного из компонентов в состав предков древних ительменов.

⁴⁷ Giddings I. L., 1967, fig. 107; Bandi H. G., 1969, fig. 64.

Тарьинская культура развитого неолита

К концу периода потепления, примерно во II тысячелетии до н. э., неолитическая культура на Камчатке приобрела вполне развитый вид. Появляются первые глиняные сосуды, шлифованные топоры и разнообразный ассортимент тонко обработанных сплошной ретушью различных каменных ножей, скребков, наконечников стрел, копий.

Памятники развитого неолита Камчатки составляют две основные группы: южнокамчатскую и среднекамчатскую (рис. 39, 40) ⁴⁸.

К первой, более древней группе относятся стоянки: возле Петропавловска-Камчатского: на берегу бухты Тарья (282—285), возле деревни Сероглазка (262), на юго-западном склоне Мишенной сопки (43), на Кирпичной улице (44), напротив с. Елизово (42), слева от устья р. Авачи, (46), на берегу Авачинской бухты — Большой камень (277) и др. (257, 271, 273, 276, 294—299, 306) ⁴⁹.

Во вторую группу входят стоянки в долине р. Камчатки: возле с. Ключи (12, 13), на Домашнем озере (7), в Застойчике (6), в Култуке на берегу Ушковского озера (5).

Вещественные комплексы этих стоянок в основном сходны, вследствие чего они могут быть отнесены к одной культуре, которую мы называем тарьинской по наименованию первой и давно широко известной стоянки на берегу Тарьинской губы вблизи Петропавловска-Камчатского.

К общим элементам тарьинской культуры, распространенным по всему ее ареалу, относятся изделия, изображенные на рис. 43. Локальные различия, присущие ее северному и южному ареалам, видны из сопоставления рис. 44 и 45.

Если рассматривать каменные изделия тарьинской культуры в целом, то это одна из наиболее представительных культур Камчатки. Общее количество различных типов орудий здесь весьма велико, причем в генетическом отношении они образуют две неравноценные группы:

1) группу вещей, повторяющих предшествующие местные неолитические типы;

2) группу вещей, появляющихся на Камчатке впервые.

В первую группу унаследованных от местного неолита вещей, вероятно автохтонного происхождения, входят ножевидные пластины: неретушированные (I—1, 2, 4) и ретушированные (I—6, 7), пластинчатые боковые (I—3) и угловые (I—5) резцы со стоянки у Домашнего озера (7), ромбического сечения черешковые наконечники стрел (Р XI—1) и продолговатые листовидные наконечники (I—2с) с той же стоянки (7), а также со стоянки на Кирпичной улице (44) и, наконец, концевые скребки (I—17) и на ножевидных пластинах (II—1) — из Елизово (42), Култука (5) и с Домашнего озера (7).

Перечисленные вещи могут иметь автохтонное происхождение, свидетельствуя о сохранении прогрессивных технических традиций, в част-

⁴⁸ Предварительно намечается также западнокамчатская группа памятников тарьинской культуры. Ее исследование проводит В. И. Рубан (1977).

⁴⁹ Jochelson W. I., 1928; Руденко С. И., 1948; Антропова В. В., 1949; Пономаренко А. К., 1976, с. 183—193; Дикова Т. М., 1976, с. 235; Диков Н. Н., 1977.

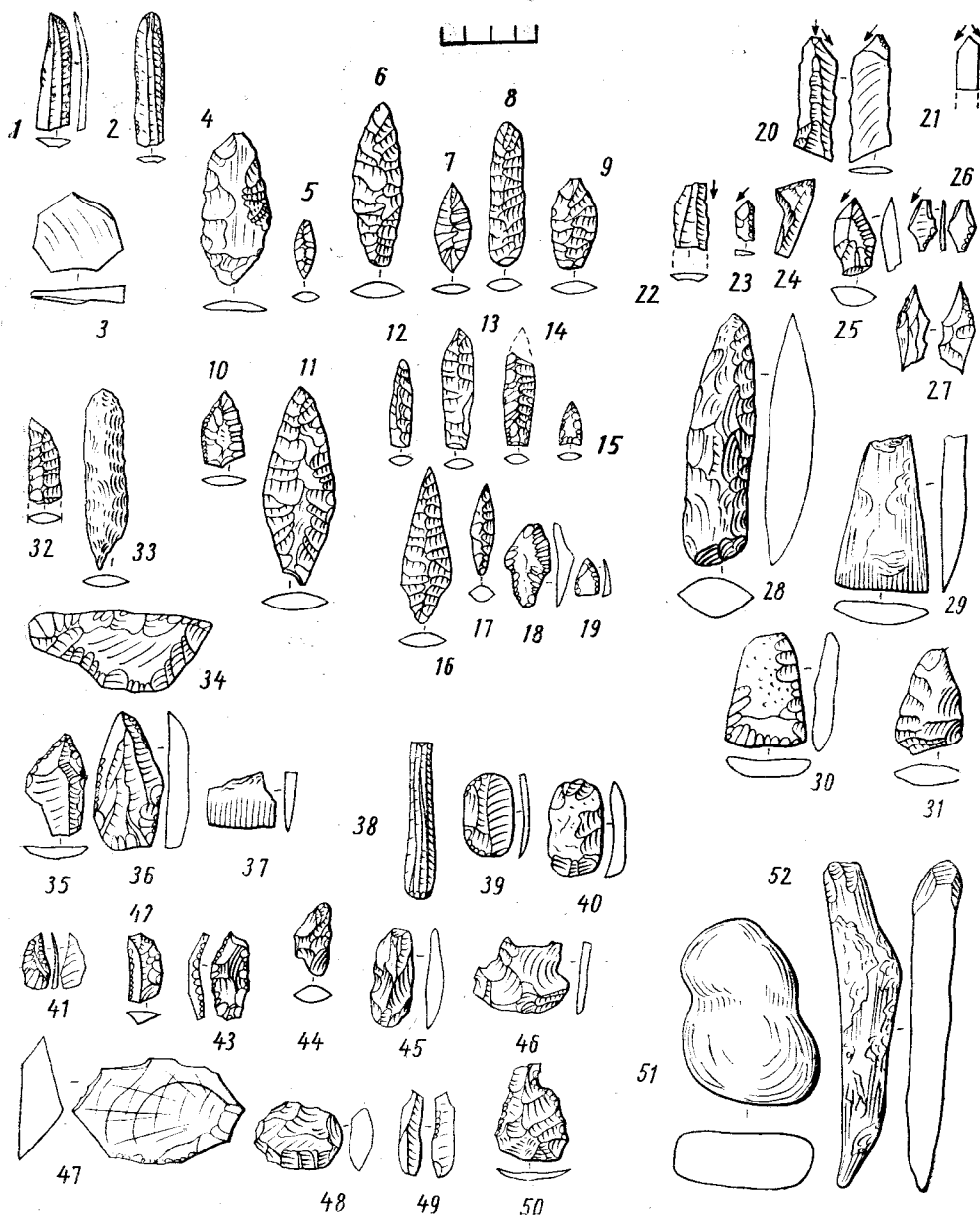

Рис. 44. Комплекс каменных изделий северной зоны тарьинской культуры

1, 24, 44, 48, 52 — Култук (5); 2, 4, 7, 13, 16, 18, 36, 37, 40 — Ушки II (2) сл. 2; 3, 6, 8, 9, 10, 12, 14, 15, 17, 19—22, 27, 28, 31, 32, 33, 35, 38, 39, 42, 45, 46, 49—51 — Домашнее озеро; 18 — Ушки-I, сл. 2; 5 — Козыревск (8), подъемный; 23—25, 26, 29, 34, 41, 43, 47 — Застойчик (6); 11, 30 — Елизово (42), раскопки В. Ф. Н. Хельсона (2168 и 2165)

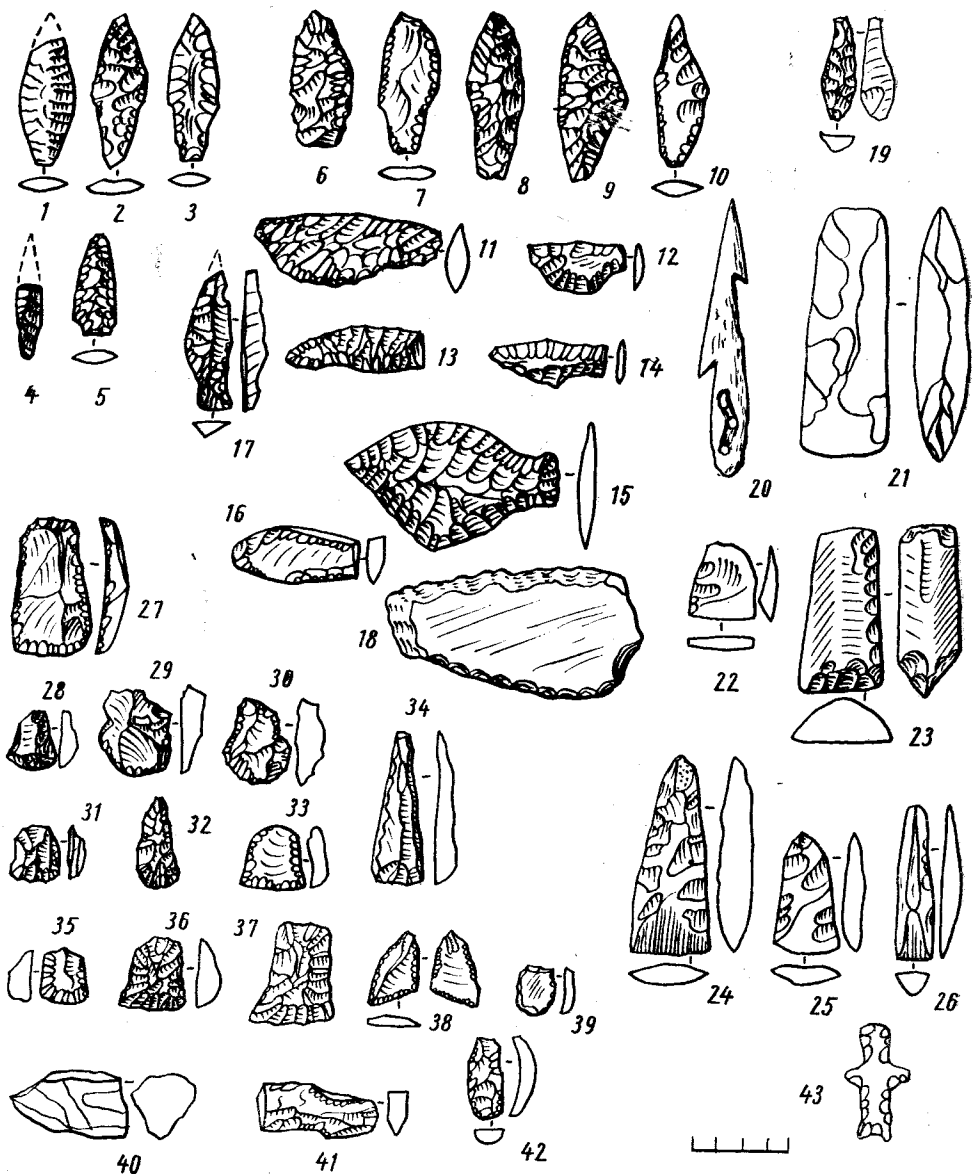

Рис. 45. Комплекс каменных изделий южной зоны тарьинской культуры

1, 3, 5, 15, 19, 26—29, 35, 40, 42 — Елизово (42); 6 — Елизово (42), раскопки В. И. Иохельсона (2166); 16, 22, 41 — Елизово (42), раскопки О. Ф. Герца (МАЭ, 566 — 14, 7, 15); 2, 10, 11, 21, 24, 30, 31, 33, 34, 39 — Кирпичная (44); 7, 18, 23, 33, 38 — Мишенная сопка (43); 4, 17, 25 — Мишенная сопка, раскопки Е. П. Орловой (Эрмитаж, 3956 — 7, 11, 29); 8, 9, 13, 14, 32, 36, 37 — Тарья (по С. И. Руденко); 12 — Большой камень (277), по А. К. Пономаренко; 20 — Южная Камчатка (по Шнеллю)

ности индустрии ножевидных пластин. Последняя, однако, развита относительно слабее, чем в предшествующей культуре. Надо отметить, что использованных призматических или конических нуклеусов вообще не встречено, хотя обломки трехгранных заготовок обнаружены уже дважды на Елизовской стоянке (42).

Ко второй группе изделий тарьинской культуры относится их большая часть, можно сказать, подавляющее количество.

Это прежде всего ретушированные сегментовидные вкладыши (I—11) и иногда только частично ретушированные треугольные (I—13), прямые ножи-бифасы (II—4, 8; III—4, 5), разнообразные ассимметричные бесчерешковые ножи-бифасы (IV—1, 2, 3, 5, 6, 8) и черешковые (V—6, 8, 10, 14, 17, 18), продолговатые со стесанной спинкой (VI—5), ножи из не полностью ретушированных отщепов (VII—2, 3, 4, 5, 6, 9, 10), а также шлифованные ножи из глинистого сланца: прямоосные листовидные двулезвийные (III—38) и однолезвийные (III—23).

Разнообразны и новые типы скребков и скребел, входящих в эту вторую группу. К ним относятся концевые скребки на вогнутых пластинах (I—1, 5, 6, 11, 12, 16, 23), на прямых пластинах бесчерешковые (II—7, 12, 15, 18, 20, 23) и черешковый (II—26), различные комбинированные скребки-резчики (III—1, 3, 4, 15, 17; IV—2, 7, 23), скребки-проколки (III—18, 27), скребки-бифасы грушевидные (V—1) и трапециевидные (VI—3), боковые скребки на отщепах (VII—3, 7, 10, 12, 15), более массивные скребла (VIII—24, IX—7, X—5), выемчатые скобели на ножевидных пластинах (XII—1) и более массивные (XII—3, 4), скребловидное ложило (XIII—3).

Чрезвычайно обильны и разнообразны по форме и новые типы метательных наконечников. Среди них имеются двусторонне ретушированные листовидные наконечники стрел, дротиков, копий (I—1в, 2в, 3в, 5в, 6аК, 9а, 9в; II—1в, 2в), черешковые (VII—2; VIII—9, 12; X—2, 5, 14М), треугольные с прямым основанием (II—4в; V—а, в; VI—в) и с вогнутым (V—вх), а также лишь частично ретушированные черешковые из отщепов (0—5). Последних очень мало.

Новые типы резцов представлены угловыми пластинчатыми (I—1, 2), на отщепах (IV—3), срединным (IV—5), нуклевидным (II—1), боковым с ретушированной рукояткой (III—I). Подобные ретушированные рукоятки имеют и проколки (I—4, 6). Но есть и совсем иные проколки, вероятно, лабретные шпильки (тип II—7).

Совершенно новыми являются в тарьинской культуре все типы тесел. Наиболее характерны шлифованные односторонние выпуклые каменные тесла удлиненно-треугольной формы с подтреугольным поперечным сечением (III—3, 5), такие же, но относительно более короткие и широкие (III—8) и менее правильных очертаний в плане (III—7). Часто встречаются не полностью шлифованные тесла, такие же в общем треугольные, но с линзовидным двояковыпуклым поперечным сечением (IV—3, 2, 4). Среди них попало и совсем не шлифованное (IV—8). Оно оказалось на Мишенной сопке (43).

Следует отметить также полностью или частично шлифованные тесла с геометрически неправильным поперечным сечением, разных размеров

и более или менее сужающимся обухом (V—9), а также возможно и весьма редкий тип тесла с прямоугольным сечением (II—4), если только его местонахождение (Старый Острог), где его нашел Герц, может быть идентифицировано с раскопанной изжи стоянкой в Елизово (42)⁵⁰. К этой же категории орудий примыкают и продолговатые односторонне-выпуклые долотовидные орудия (VII—2).

Наконец, весьма существенной инновацией является керамика (хотя она обнаружена на стоянках тарьинской культуры в очень небольшом количестве и облик ее неопределенный) и каменные жерныки⁵¹.

Подходя к оценке возраста, мы опираемся на опорный комплекс из слоя II Ушковской стоянки и на статистическую оценку привлекаемых нами датирующих аналогий. Заметим, что обилие аналогий многочисленному комплексу изделий тарьинской культуры впервые дает нам возможность для статистических расчетов, но вряд ли делает целесообразным конкретное и полное перечисление их. Мы назовем лишь основные и наиболее характерные из этих датирующих аналогий.

Подтреугольные наконечники стрел с выемчатым основанием (V—вх) являются одним из характерных типов усть-бельской неолитической культуры на Чукотке. Изредка они встречаются на Сахалине (на стоянке Стародубское II в конце II — начале I тысячелетия до н. э.)⁵² и на Курильских островах, в частности на о. Шумшу, коллекции с которого, собранные в 1949—1952 гг. Б. А. Подковыркиным⁵³, еще не опубликованы. Усеченно-листовидные и подтреугольные треугольные наконечники стрел с прямым основанием (II—4в, Va, Vb) тоже встречаются там же на Сахалине, а также в культурном слое II тысячелетия до н. э. на о. Недоразумения⁵⁴. Черешковые наконечники стрел имеют еще более широкое распространение. Они найдены во всех отмеченных выше памятниках неолита, причем на о-ве Завьялова они обнаружены на поздней неолитической стоянке, датируемой концом I тысячелетия до н. э.⁵⁵ Упомянутые типы наконечников являются, как известно, неотъемлемой принадлежностью неолитических культур Прибайкалья, начиная с Исаковского этапа⁵⁶. Остальные наконечники имеют листовидную форму и ромбовидную, характерную для многих наконечников неолитических памятников II—I тысячелетий до н. э. на Сахалине, на Курильских островах и на Чукотке, где их очень много в Усть-Бельском могильнике.

Ведущей формой в развитой неолитической культуре Камчатки являются горбатые, более или менее широкие, прекрасно обработанные отжимной ретушью с обеих сторон ножи (IV—2, 3; V—14; V—17, 18). Точно такие ножи известны на Сахалине (Стародубское II)⁵⁷, на

⁵⁰ Это тесло хранится в МАЭ (коллекция 566—7, 8).

⁵¹ Диков Н. Н., 1977б, табл. 49, 8.

⁵² Козырева Р. В., 1967, рис. 4, 12.

⁵³ Музей антропологии МГУ, фонды отдела археологии, коллекция 503—79.

⁵⁴ Васильевский Р. С., 1965, рис. 3, 4; рис. 4, 1, 4.

⁵⁵ Васильевский Р. С., 1965, рис. 1, 26.

⁵⁶ Окладников А. П., 1950в.

⁵⁷ Козырева Р. В., 1967, рис. 4, 1, 2, 4.

Курильских островах⁵⁸ и на неолитической стоянке о-ва Недоразумения⁵⁹. Особенно ярко выраженный вид приобретают они на юге Камчатки. Специфическая же форма ножей с ушками (III—5) встречена опять-таки на о-ве Недоразумения среди остатков культуры конца II тысячелетия до н. э.⁶⁰

Преобладающий тип скребков — трапецевидные, тщательно ретушированные отжимной ретушью (I—12, 17; II—18), известны в усть-бельском развитом неолите Чукотки (если привлекать для сравнения памятники ближайших территорий), а скребки грушевидной формы (I—11 — в поздненеолитических памятниках северной части Охотского побережья (на островах Завьялова и Недоразумения)⁶¹ и в слое III стоянки Белькачи I⁶², двусторонне ретушированные грушевидные скребки (V—1) — на о-ве Шумшу⁶³ и в культуре Нортон на Аляске⁶⁴, а также в Приморье в Зайсановке I (XVI—XII вв. до н. э.)⁶⁵. В Приморье на стоянке Пхусун (примерно III тысячелетие до н. э.) обнаружены и скребки с ушками, близкие к разновидности IV—2⁶⁶; последние в то же время известны и в слое V стоянки Белькачи I⁶⁷. Наконец, на Сахалине на стоянке Ноглики I (II тысячелетие до н. э.) имеются черешковые скребки, очень похожие на камчатские (II—26)⁶⁸, а среди древностей II тысячелетия до н. э. из северо-западной части Сахалина — миниатюрные округлые скребки (I—23)⁶⁹, известны также и в усть-бельской культуре на Чукотке. На Сахалине (на стоянке Стародубское II) и на Чукотке находим мы наибольшее количество аналогий теслам (IV—4)⁷⁰. Известны они и на мысе Песчаном (IX—XI вв. до н. э.)⁷¹. Там же мы находим аналогию и теслам с прямоугольным сечением⁷².

Весьма примечательны находки каменных ретушированных фигурок. Большинство из них найдено в культурном слое Тарьинской стоянки. Они представляют собой небольшие пластинки обсидиана, обработанные отжимной ретушью в виде стилизованных или примитивно реалистических фигурок человека или животного. Известно, что подобные фигурные камни довольно широко распространены в первобытных обществах в период смены неолита веком металла⁷³.

Рассматривая весь материал со стоянок развитого камчатского неолита в целом, мы убеждаемся в том, что отмеченные аналогии в большей

⁵⁸ Чубарова Р. В., 1960б, № 2, рис. 1, 1.

⁵⁹ Васильевский Р. С., 1965, рис. 6, 1.

⁶⁰ Васильевский Р. С., 1968, рис. 1, 11.

⁶¹ Коллекции Музея антропологии МГУ, № 475—66, 67.

⁶² Мочанов Ю. А., 1969б, табл. 44, 26.

⁶³ Музей антропологии МГУ, № 475—66, 67.

⁶⁴ Giddings I. L., 1964, pl. 57, 17.

⁶⁵ Андреев Г. И., 1957, рис. 4, 12.

⁶⁶ Окладников А. П., 1964, рис. 7, 3.

⁶⁷ Мочанов Ю. А., 1969б, табл. 33, 7.

⁶⁸ Чубарова Р. В., 1960а, рис. 6, 6.

⁶⁹ Там же, рис. 1, 10.

⁷⁰ Козырева Р. В., 1967, рис. 5, 36.

⁷¹ Окладников А. П., 1963, табл. 3, 2.

⁷² Там же, табл. 80, 6.

⁷³ Замяткин С. И., 1948, с. 85, 123; Формозов А. А., 1959б, с. 102, 103, рис. 20.

своей части относятся ко II и I тысячелетиям до н. э. Таким образом, допустимо признать, что длительность данной культуры определяется именно этими хронологическими рамками, чему не противоречит радиоуглеродная дата 3900 ± 100 (ГИН—183) угля из культурного слоя стоянки Елизово (42) и более поздние даты Култука (5) — 2440 ± 290 . Судя по этим датам, южнокамчатская группа памятников тарьинской культуры более древняя, чем среднекамчатская, из чего следует, что первая группа сначала сосуществовала с культурами IV и III слоев ушковских стоянок, а затем сменила их, распространившись с юга Камчатского полуострова в долину р. Камчатки.

Наиболее выразительным памятником этого второго периода тарьинской культуры является стоянка на берегу Ушковского озера, в Култуке (5). Здесь, на заросшем лесом берегу раскопана большая, до 80 см глубиной и более 10 м в поперечнике, округлая яма, оставшаяся от древней землянки. Развалины этого жилища оказались погребенными под несколькими слоями пепла, благодаря чему уцелели бревна и жерди рухнувшего во время пожара перекрытия этой землянки. Почти все они были насквозь обуглившись, только концы бревен, заваленные земляной крышей, не обуглились, но тем не менее тоже хорошо сохранились. В этой огромной землянке (см. ее реконструкцию на рис. 46) найден центральный очаг, а вокруг него кольцом располагались еще шесть малых очажных кострищ, под каждым из которых прослеживалась подочажная обожженная оранжевого цвета земля⁷⁴.

Раскопки в Култуке бросают свет на хозяйство и общественный уклад жителей Камчатки в развитом неолите. Уже сама большая величина култуковской землянки (около 100 кв. м) и наличие в ней нескольких очагов показывает, что в этом жилище обитал большой родовой коллектив, состоящий из нескольких, еще не вполне обособившихся семей.

Обилие костей рыб и находки костяных гарпунных наконечников (рис. 46, 20)⁷⁵ и каменных наконечников стрел указывают на рыболовство и охоту как на основные направления первобытного хозяйства. Некоторыми своими конструктивными особенностями култуковская землянка напоминает жилища ительменов XVIII—XIX вв. Мы видим в них те же опорные столбы, поддерживающие крышу, и такое же дымовое отверстие сверху, служившее входом.

С тарьинской культурой, как мы увидим ниже, тесно связаны общими традициями последующие определенно древнетельменские локальные культуры: среднекамчатская и южнокамчатская (нальчевская). Поэтому тарьинская культура имеет прямое отношение к предкам ительменов. Особенностью ее, впоследствии утраченной, является употребление своеобразных украшений в виде губных вставок-лабреток как северными тарьинцами, так и южными⁷⁶. Эта особенность свидетельствует о сильных эскоалеутских традициях тарьинской культуры, восходящих, по всей вероятности, к позднепалеолитической культуре слоя VI ушковских

⁷⁴ Диков Н. Н., 1977б, рис. 33.

⁷⁵ Shnell I., 1932, pl. XVII, 7; Дикова Т. М., 1976б, с. 235.

⁷⁶ Shnell I., табл. XVII, 2; Пономаренко А. К., 1976, табл. I, 17; Дикова Т. М., 1978.

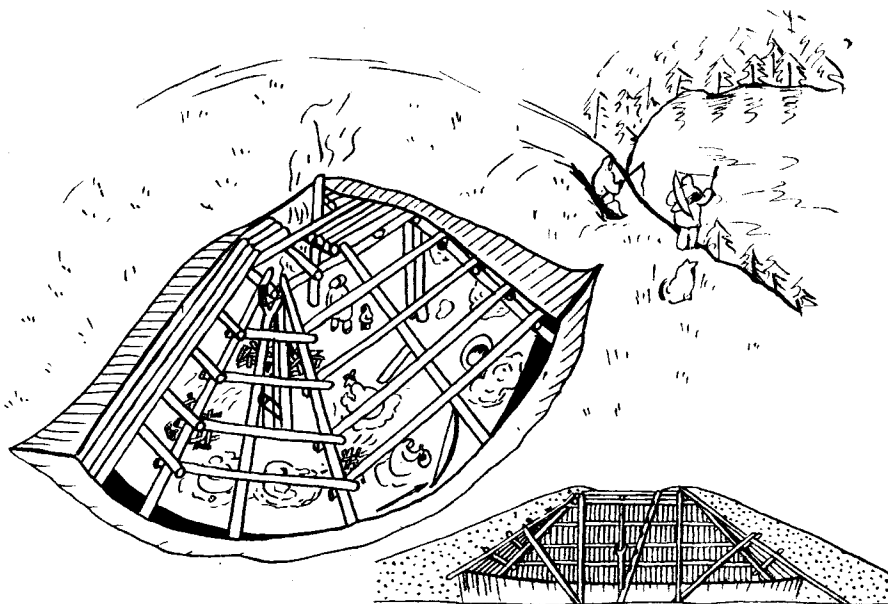

Рис. 46. Реконструкция жилища тарьинской культуры (Култук)

стоянок, для которой лабретки весьма характерны (кроме ранее обнаруженной заготовки там были обнаружены в 1978 г. еще три вполне законченных лабретки).

В связи с этим весьма правомерным выглядит мнение И. С. Вдовина, что ительмены ни в языковом, ни в культурном отношении не причастны к этногенезу чукчей и коряков, более поздних пришельцев на территории Севера Дальнего Востока⁷⁷. Местные же генетические истоки ительменов выглядят на Камчатке, таким образом, весьма древними, восходящими к концу палеолита.

Соответствующая тарьинской культуре этническая общность не была изолированной от других обществ и развивалась в условиях широких культурных связей. В этом мы убедились, рассматривая выше аналогию тем или другим характерным ее предметам. Связи осуществлялись как с северными территориями (Чукоткой, Охотским побережьем, Восточной Сибирью), так и с южными — Курильскими островами, Сахалином и, по-видимому, с Японией, где в Дземоне известны такие же, как в тарьинской культуре, наконечники стрел: подтреугольные с прямым насадом (Va, Vb) и подтреугольные с заостряющимся черешком (X—2)⁷⁸. Более того, сама камчатская культура этого периода, вероятно, явилась результатом скрещения этих северных и южных культурных традиций. Преобладающими при этом были северные влияния.

⁷⁷ Вдовин И. С., 1969, с. 153, 154.

⁷⁸ Sugihara S., 1968, p. 16, fig. 3, p. 16, fig. 1, 2.

Наличие сходных с тарьинскими элементов, а именно ножей (II—8, 17; IV—1, 6; V—6, 8, 17, 18) и наконечников стрел (I—2в, 2с, 19в; II—4в; VI—в) в Онкороманаи на Северном Хоккайдо (в начале н. э.)⁷⁹ свидетельствует, вероятно, о связях тарьинской культуры с более поздней так называемой охотской культурой. Возможно также, что за всеми этими аналогиями стоит общая исходная историческая почва, как склонен думать Р. С. Васильевский⁸⁰.

Распространение многих вещей тарьинского облика пло и в сторону Северо-Западной Америки, включая Алеутские острова. Еще в дорсетской культуре видим мы ~~дубовые~~ ножи V—6, 8 типов⁸¹, скребки с ушками IV—2 типа⁸², а в культуре Нортоп — грушевидные скребки-бифасы⁸³, треугольные вкладыши (I—13)⁸⁴ и усеченно-листовидные наконечники стрел (II—4в)⁸⁵. Наличие лабреточных проколов (II—7) в культуре Хорис и Качемак I (конца II и начала I тысячелетия до н. э.)⁸⁶ и еще более поздних лабреток на Алеутских островах⁸⁷ позволяют ставить вопрос об их распространении в Америку со стороны тарьинской культуры. Имеется большое количество аналогий и с более поздними памятниками Аляски, в частности с комплексом Ипиутакского могильника, которые тоже позволяют предполагать их камчатское происхождение, поскольку на Чукотке, откуда могли прийти на Аляску, они не известны. К таким, сходным с ипиутакскими вещам относятся подтреугольные наконечники (II—4в)⁸⁸, черепковые скребки (II—26)⁸⁹, продолговатые скребки (XII—3—а)⁹⁰.

Можно было бы назвать еще много других сходных с американскими тарьинских изделий, например, сегментовидные вкладыши (I—11), различные наконечники стрел (Va, Vb, Vbx, VIb), резцы (V—5), ножевидные пластины (I—6), но они в равной мере сходны и с неолитическими чукотскими, поэтому могли проникнуть в Америку непосредственно с Чукотки, так что камчатская культура могла оказаться тут ни при чем.

Влияние чукотского неолита на древние культуры Аляски было, конечно, более сильным.

⁷⁹ Okada H., 1967, fig. 9, 8, 9, 23; 8, 20, 22; 9, 10; 10, 12; 9, 11—16: 13, 5; 7, 1, 23, 29; 8, 35; 8, 10—16; 7, 6; 8, 36.

⁸⁰ Васильевский Р. С., 1975б, с. 75.

⁸¹ Bandi H. G., 1969, fig. 57.

⁸² Harp E., 1964, pl. XII, 5, 6, 8.

⁸³ Giddings I. L., 1964, pl. 57, 17.

⁸⁴ Ibid., pl. 46, 11, 12, 16.

⁸⁵ Ibid., pl. 47, 12, 14, 15, 21, 23, 24.

⁸⁶ Bandi H. G., 1969, fig. 22, 3, 31.

⁸⁷ Tochelson W. I., 1925.

⁸⁸ Larsen H., Rainey Fr., 1948, pl. 2, 1—4, pl. 35, 2—6, 9—12.

⁸⁹ Ibidem.

⁹⁰ Larsen H., Rainey Fr., 1948, pl. 24, f.

Каменный и неразвитой бронзовый века Чукотки

Древнейшие послепалеолитические следы человека на Чукотке

Древнейшие известные следы послепалеолитического человека на Чукотке, так же как и на Камчатке, относятся к мезолиту или раннему неолиту и совпадают с периодом послеледникового потепления. Они обнаружены в ее внутриконтинентальных областях.

Особенностью исторического развития этих областей в голоцене, обусловленной частичным сохранением экологии плейстоцена, является продолжение здесь, как и в других районах Арктики, палеолитической охоты на стадных животных. Разумеется, не на мамонтов, которые здесь вымерли к началу голоцена, а на северных оленей, тоже плейстоценовых животных, облавная охота на стада которых столь характерна для верхнего палеолита. Эта облавная типично палеолитическая охота в виде поволоки на плавях, т. е. на оленьих речных переправах, сохранялась на Чукотке до недавнего времени, прочно сосуществуя с развившимся в голоцене рыболовством, а затем даже и с морским промыслом.

Поэтому нам представляются ошибочными рассуждения о каких-то кризисных изменениях экологических условий на севере, о вымирании стадных животных, которое вызвало переход от коллективной охоты к индивидуальной и даже якобы определило новые принципы технологии — переход к мезолитической технике¹. Подобные объяснения изменения орудий изменениями териофауны не выдерживают критики при сопоставлении конкретных экологических и археологических факторов на Чукотке и вообще в Арктике. Скорее всего, та резкая смена камнеобрабатывающей технологии, которая наблюдается в голоцене как на Аляске² так и на Северо-Востоке Азии (включая Якутию)³, микролитизация и появление вкладышевых орудий — все это имманентный прогресс техники, прямо не связанный с экологией. Особенно хорошо видно это на примере Усть-бельской стоянки (72), обитатели которой продолжали, в сущности, палеолитическую охоту, а технику имели уже совсем не ту, что в палеолите.

Нельзя согласиться и с еще бытующим мнением, будто бы Евразий-

¹ Ермолова Н. М., 1977, с. 18.

² Вест Ф. К., 1976.

³ Хлобыстин Л. П., Левковская Г. М., 1973, с. 91—94.

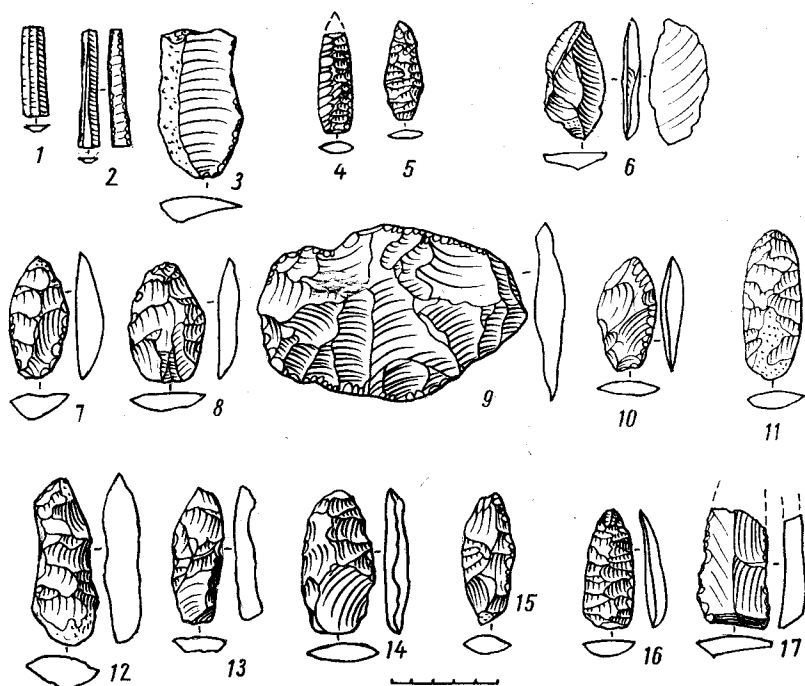

Рис. 47. Послепалеолитический комплекс каменных изделий нижнего Анадыря (1—17)

ская Арктика впервые заселялась человеком лишь в мезолите или даже в раннем неолите⁴.

Напомним, что следы позднего палеолита известны на Чукотке пока, действительно, в очень немногих местах — на р. Инаськваам⁵ и, возможно, в Чикаево; однако важно иметь в виду, что, судя по наличию поздних палеолитических памятников на Аляске, палеолитическая культура должна была еще ранее распространиться на Чукотке и на севере Якутии, в чем мы никогда не сомневались⁶ и что затем нашло блестящее подтверждение в замечательном открытии Н. К. Верещагиным самой северной палеолитической стоянки на р. Берелех⁷. Имеются все основания ожидать на севере Чукотки и Якутии новых таких открытий, особенно вблизи мамонтовых костяков: например, на Оягосском яре между Яной и Индигиркой или в бассейне Малого и Большого Анюев, Омолона, Чауна, Амгуэмы и Анадыря.

Возможно, наиболее ранние послепалеолитические, вероятно, раннеголоценовые находки известны в низовьях р. Анадырь на Краснинской

⁴ Симченко Ю. Б., 1977, с. 279.

⁵ Диков Н. Н., Колясников Ю. А., 1978.

⁶ Диков Н. Н., 19586; 1969а, с. 114 (карта); 1969б.

⁷ Верещагин Н. К., Мочанов Ю. А., 1972.

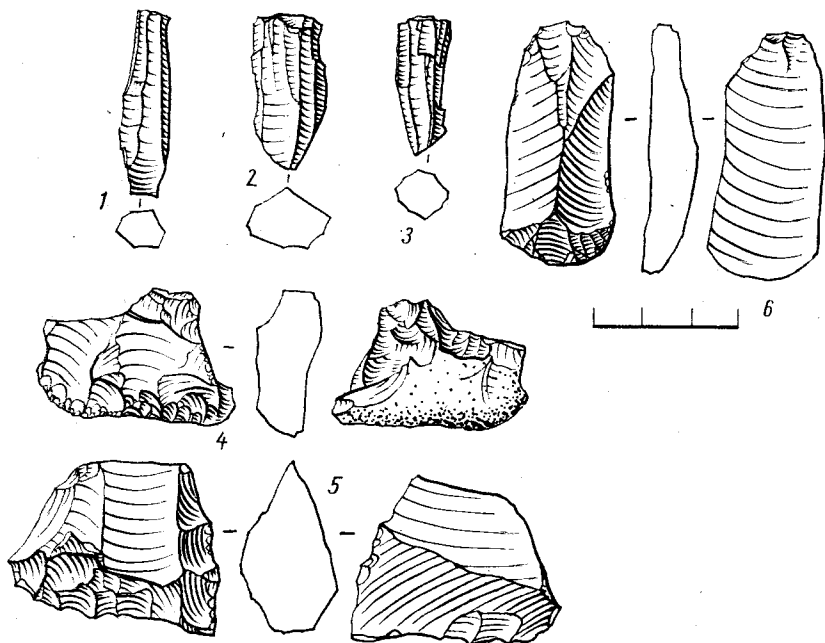

Рис. 48. Каменные изделия с древних стоянок на берегу оз. Тытыль
1—5 — Тытыль I; 6 — Тытыль II (находки М. А. Кирьяк)

и Осиновской косах (63, 68—70), а также, видимо, на берегу оз. Тытыль в верховьях р. Мал. Анюй и, возможно, на сопке возле Усть-Белой (72). Все они являются подъемными и могут быть определены в качестве мезолитических лишь исходя из их технико-типологической характеристики и сравнительных данных.

Весьма архаичные каменные изделия Краснинской косы⁸, а также оз. Эльгыгытгын⁹ побудили в свое время американского археолога Мак-Ниса отнести их к позднему палеолиту, а именно к кордильерской традиции¹⁰. Он имел в виду широкие лезвия (бифасы), широкие грубо сделанные скребла и резцы, полуконические многогранные нуклеусы, плоские и ромбические наконечники типа Лерма. Однако он не учел существенного хронологического ограничения краснинских находок возрастом самих краснинских кос, которые образовались не ранее раннего голоцена¹¹. К тому же, к раннему послепалеолитическому времени могут быть отнесены лишь некоторые каменные изделия с краснинских кос, так же как, вероятно, часть разновременных находок с Осиновской косы: широкие листовидные бифасы (рис. 47, 9)¹², восходящие к акмак-

⁸ Диков Н. Н., 1958в, рис. 25.

⁹ Саяпин А. К., Диков Н. Н., 1958.

¹⁰ Mc Neish R. S., 1959.

¹¹ Томирдиаро С. В., 1969.

¹² Диков Н. Н., 1977б, табл. 84, 10; 86, 5.

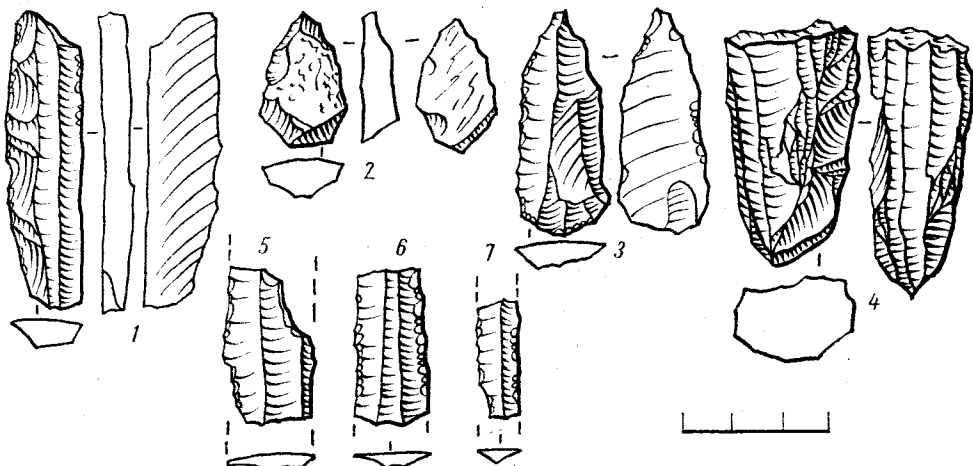

Рис. 49. Кремневые изделия со стоянки на оз. Иони (пункт 2) (1—7) (находки А. Е. Катенина)

ским позднелептостеинским прототипам¹³, листовидные наконечники, грубо обработанные широкие скребла, ножевидные пластинки (рис. 47, 48)¹⁴. И эльгыгтыгынские находки тоже имеют, конечно, не палеолитический возраст, а неолитический, хотя, вероятно, и не такой поздний (ымыхтахский), как полагает С. А. Федосеева¹⁵, поскольку это все-таки бескерамический комплекс с совсем иными, чем ымыхтахские, резцами.

Что же касается последних находок М. А. Кирьяк на берегу оз. Тытыль, то некоторые из них (конические и призматические нуклеусы и широкие скребки стоянки Тытыль I; рис. 48, 1—5)¹⁶ обнаруживают сходство с малтанскими мезолитическими изделиями, а концевой скребок на широком пластинчатом отщепе со стоянки Тытыль II (рис. 48, 6)¹⁷ аналогичен сумнагинским мезолитическим. С сумнагинскими сходны и некоторые, очевидно наиболее древние, усть-бельские (72) наконечники стрел (пластинчатые частично ретушированные), на что первым обратил внимание Ю. А. Мочанов¹⁸.

Следы бескерамической культуры, вероятно, ранне-неолитической или даже мезолитической обнаружены А. Е. Катениным в 1977 г. на одной из открытых им стоянок вблизи оз. Ионигытхын¹⁹. Это уплощенный конический нуклеус, ножевидные пластинки и два резца: один почти диагональный на длинной правильной ножевидной пластинке (рис. 49,

¹³ Mc Neish R. S., 1970, fig. 4.

¹⁴ Диков Н. Н., 1977б, табл. 84, 86.

¹⁵ Федосеева С. А., 1975, с. 94.

¹⁶ Диков Н. Н., Кирьяк М. А., 1979, рис. 2, 1—5.

¹⁷ Там же, рис. 2, 6; Мочанов Ю. А., 1977.

¹⁸ Мочанов Ю. А., 1977, с. 246—248, табл. 86, 1.

¹⁹ Диков Н. Н., Катенин А. Е., 1979.

60), другой — срединный (рис. 49, 60). Все эти вещи сделаны из светло-серого кремнистого сланца и извлечены из обнажения дернового слоя 4—5-метровой террасы на левом берегу речки, вытекающей из оз. Ионигытхын и впадающей справа в р. Ионивеем. Эти замечательные находки со всей очевидностью свидетельствуют, насколько ошибочным было утверждение Д. А. Сергеева о незаселенности до середины I тысячелетия н. э. внутренних районов Чукотского полуострова к востоку от залива Креста и р. Амгуэмы²⁰.

Выше мы уже говорили о неолитических следах культуры на третьей стоянке у 102 км Амгуэмской трассы (80). Они обнаруживают сходство с бескерамической культурой IV слоя Ушковской стоянки и, вероятно, относятся к единой чукотско-камчатской бескерамической неолитической культурной области, которая отличалась высокоразвитой пластинчатой каменной индустрией и ромбическими в поперечном сечении наконечниками стрел. О возрасте этого амгуэмского неолитического комплекса дает представление радиоуглеродная дата IV культурного слоя стоянки Ушки-V: 4200 ± 100 (МАГ—132).

Близким по возрасту, может быть, даже несколько более поздним²¹, является комплекс каменных изделий из тайника и со стоянки на берегу оз. Эльгыгытхын, тоже бескерамический, характеризующийся кремневыми бифасиальными клинками, ножевидными пластинками и резцами и свидетельствующий о том, что охотники на дикого оленя и рыболовы неоднократно останавливались во время своих промысловых экспедиций в этом труднодоступном месте²².

Имея в виду эти находки и открытия в долинах рек Анадырь и Амгуэма, на озерах Тытыль и Эльгыгытхын, вблизи оз. Иони, а также в других областях Арктики, на Аляске и в Гренландии, где прослежена так называемая палеоэскимосская или, вернее, доэскимосская культура Саркак, можно предполагать, что около IV—III тысячелетий до н. э. и на Чукотке обитали древние охотники, часть из которых, возможно, не употребляла глиняной посуды. В технике обработки камня у них было много еще от мезолита, и прежде всего умение скалывать тонкие и мелкие ножевидные пластины.

Вместе с тем имеются достаточные основания полагать, что уже, вероятно, в том же III тысячелетии до н. э. на Чукотку начинает проникать и керамическая техника. Об этом могут свидетельствовать отдельные очень немногочисленные фрагменты сетчатой тонкостенной керамики среди наиболее ранних остатков Усть-Бельской стоянки на месте кургана 14 и вне погребальных комплексов в кургане 15. О распространении в бассейне р. Анадырь шнуровой керамики говорят ее фрагменты на стоянке Камешки (58), где она встречена вместе со срединным обсидиановым резцом и ретушированными по краю ножевидными пластинками.

Учитывая последние исследования в Якутии, согласно которым сетчатая керамика датируется на Алдане IV тысячелетием до н. э., а

²⁰ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1975, с. 195.

²¹ Федосеева С. А., 1975.

²² Окладников А. П., Некрасов И. А., 1957; Саяпин А. К., Диков Н. Н., 1958.

шнуровая — III тысячелетием до н. э.²³, можно было бы принять эти даты и для названных типов керамики Чукотки. Но вопрос их датировки осложняется отдаленностью Чукотки от Алдана и уже известными фактами более поздней датировки сетчатой керамики в Прибайкалье, где она доживает до серовского времени, т. е. до III тысячелетия до н. э.²⁴ Поэтому мы считаем более правильным воздержаться от максимальных датировок сетчатой и шнуровой керамики Чукотки, ограничивая нижнюю границу их возраста для сетчатой керамики III тысячелетием, а для шнуровой — I тысячелетием до н. э. Для этого периода мы должны признать определенное влияние неолита Якутии на неолитическую культуру Чукотки, которое выражается в распространении там не только названной керамики, но и некоторых характерных типов каменных изделий (трехгранных наконечников, ступенчатых тесел и др.), что в значительной мере обусловило характер последующих культур Чукотки, развивавшихся там во II — начале I тысячелетия до н. э. — в пору позднего неолита и бронзового века Якутии. Это были в общем довольно сходные в своей хозяйственной основе культуры — северочукотская и усть-бельская.

Северочукотская поздненеолитическая культура

Эта древняя охотничье-рыболовецкая культура впервые была обнаружена в прилегающих к Ледовитому океану тундрах Северной Чукотки (рис. 39, 40).

Стоянки, относимые нами к этой культуре, обнаружены на Чировом озере (51), на р. Якитикиеве (186), на о. Айон (160—164), в бассейне р. Амгуэмы (79, 81)²⁵ и на оз. Экитыки (185). Кроме того, совсем недавно, в 1977 г., Западно-Чукотский отряд Северо-Восточно-Азиатской экспедиции (М. А. Кирьяк) обнаружил еще две стоянки этой культуры на берегу оз. Тытыль в верховьях р. Мал. Анюй (Тытыль IV и V)²⁶. Все эти стоянки объединяются весьма характерной особенностью: наконечники стрел, обнаруженные там, часто имеют вид массивных и длинных двусторонне обработанных острий²⁷, нередко одно-сторонне выпуклых или трехгранных, причем последних особенно много оказалось на стоянке Тытыль V. Попадаются также плоские наконечники со своеобразно округленным боевым концом и черешковые²⁸.

Керамика встречается довольно редко. Только на берегу Чирового озера (51), ~~на о. Айон (160—164)~~ ~~и~~ на Амгуэме (79, 81) ее больше, причем всюду она либо гладкостенная с примесью оленьего волоса,

²³ Мочанов Ю. А., Федосеева С. А., Романова Е. Н., Семенцова А. А., 1970.

²⁴ Окладников А. П., 1970.

²⁵ Окладников А. П., 1953а, с. 405—412; 1950; Леошин Н. Н., 1950, с. 193—195; Диков Н. Н., 19616; 19776; Диков Н. Н., Смирнов В. Н., 1977.

²⁶ Диков Н. Н., Кирьяк М. А., 1979.

²⁷ Диков Н. Н., 19616.

²⁸ Там же.

либо покрыта ложнотекстильными отрисками (рис. 50) подобно поздне-неолитической керамике Якутии.

Становища приурочены к путям миграции диких оленей, как, например, на о. Айон, куда олени прикочевывали, чтобы полакомиться соленой морской водой или спастись от комаров, или как в горах на р. Якитикивеем, где тоже оленю летом было легче спастись от комаров.

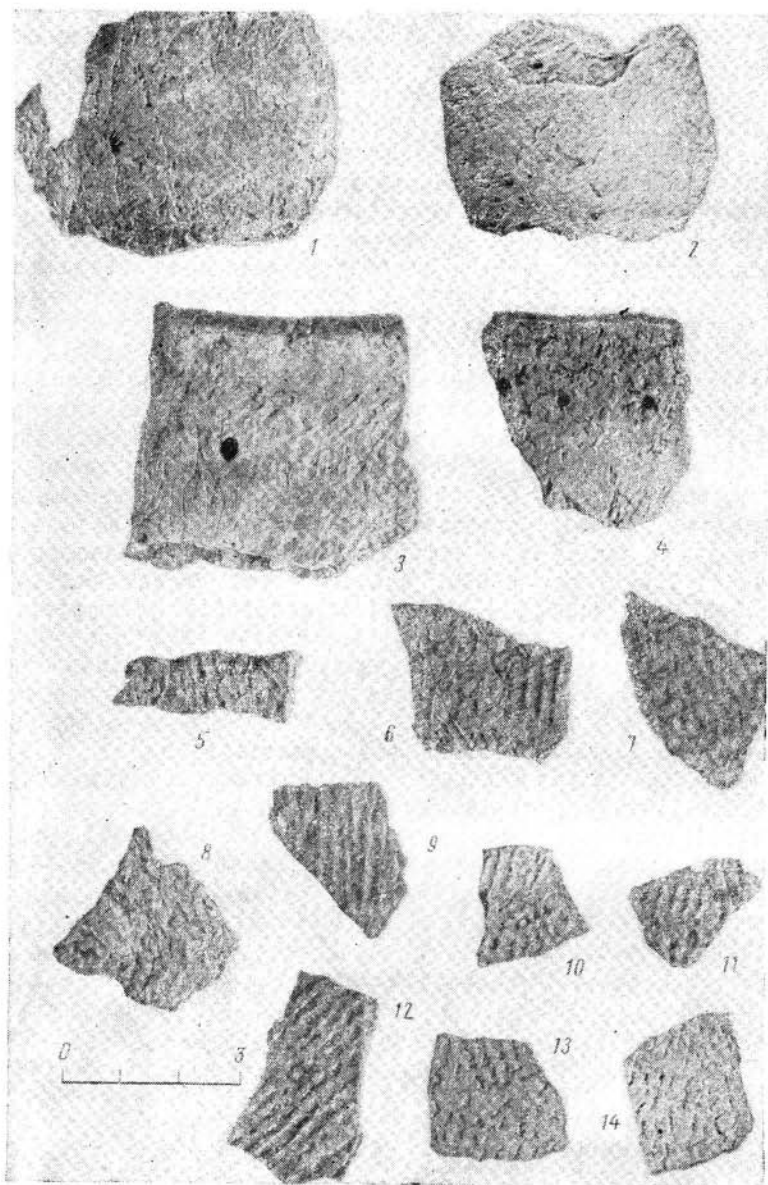
Могильники людей, оставивших эти стоянки, расположены на каменных вершинах сопок, в щелях, засыпанных щебнем и плитняком, возле скальных останцов. Человеческие кости в таких условиях, как правило, не сохраняются. Множество ювелирно обработанных тонкой ретушью черешковых наконечников стрел было найдено в одном из таких погребений в 1963 г. при впадении р. Экиатап в Амгуэму (95).

Особенно наглядную картину быта континентального населения Чукотки дает стоянка на берегу оз. Чировое (51). Кроме каменных наконечников стрел, топоров, скребков, отщепов, костяных зубцов от острог на рыбу и расколотых оленьих костей, там попадались также и скопления тонких глиняных черепков посуды. В довольно толстом слое стоянки оказалась также глиняная печь вполне стационарного типа для копчения рыбы и несколько хозяйственных ям для хранения мяса.

Реконструируемая подобным образом относительная оседлость была обусловлена отсутствием необходимых транспортных средств, невозможностью в условиях холодной тундры быстро и четко обзаводиться жильем. На Чукотке нарты, упряжные олени и собаки появились сравнительно недавно. И если внезапно истощались охотничьи и рыбные угодья, это нередко влекло за собой голод и смерть. Вымирали порой чуть ли не целые племена, как это случилось, например, с юкагирами на р. Омолон, когда дикие олени, на которых они охотились, неожиданно изменили маршрут своих сезонных миграций. Юкагиры не имели возможности идти в погоню за кочующими по тундре стадами животных, как не имели такой возможности древние обитатели Чукотки до возникновения у них оленеводства или хотя бы такого упряжного собаководства, какое имелось у эскимосов-карибу Арктической Америки.

Наличие более или менее постоянных поселений-стоянок не исключало, разумеется, передвижений отдельных охотников налегке, без семей с промыслово-охотничьими целями или в поисках сырья для изготовления орудий. Поэтому на Чукотке обычны стоянки с ничтожным количеством производственных и культурно-бытовых остатков и своего рода мастерские. Древнейшие обитатели континентальной Чукотки совмещали, очевидно, такие передвижения с полуседлой жизнью на удобных для этого местах; временная оседлость была, таким образом, обратной стороной бродячей охотничьей жизни.

Для северчукотской культуры характерно большое разнообразие каменных изделий (рис. 51, 52). Здесь встречены призматические нуклеусы (I—1, 2), конические уплощенные нуклеусы (II—3) и конически-односторонние (III—5), конусовидные нуклеусы (II—4, 5), нуклеусы наподобие гобийских (IV—6); ретушированные и гладкие ножевидные пластинки (I—1, 2, 3, 6, 7); наконечники стрел трехгранные (TI—1с) на стоянке Тытыль V (рис. 51, 18, 19) и обломок на стоянке Чировой

Рис. 50. Керамика северочукотской неолитической культуры

(рис. 51, 17), мелкие листовидные (I — 3в), продолговатые листовидные (I—2с), черешковые (VIII—10), треугольные обычные, широкие и продолговатые с прямым насадом (V — а, в, VI — а, с) и с вогнутым основанием (V — ах, V — вх), треугольные с закругленным концом и

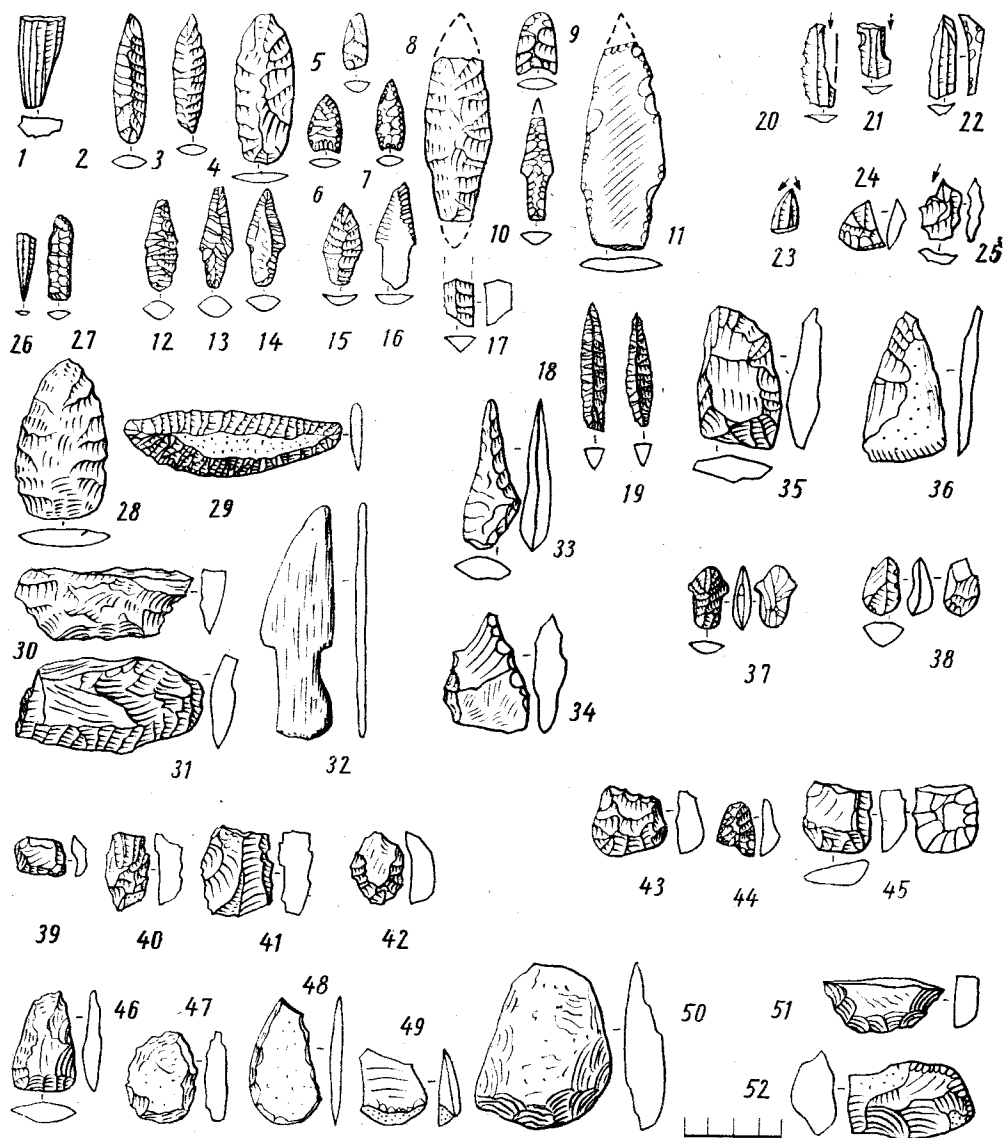

Рис. 51. Каменные изделия северчукотской культуры (не встреченные в усть-бельской культуре)

1, 4, 8, 26, 31, 32, 52 — Амгуэма, четвертая стоянка (81); 2, 9, 10, 23, 39 — Айон (163); 3, 15 — Амгуэма, вторая стоянка (79); 5 — Амгуэма, третья стоянка (88); 17, 22, 24, 25, 28, 30, 33—37, 40, 41, 42, 46—51 — Чировая (51); 18, 19 — оз. Тытыль (М. А. Кирьяк, 1977 г.); 6, 7, 12—14, 16 — Айон (1972); 20—22, 29 — Эжытыки (Смирнов В.)

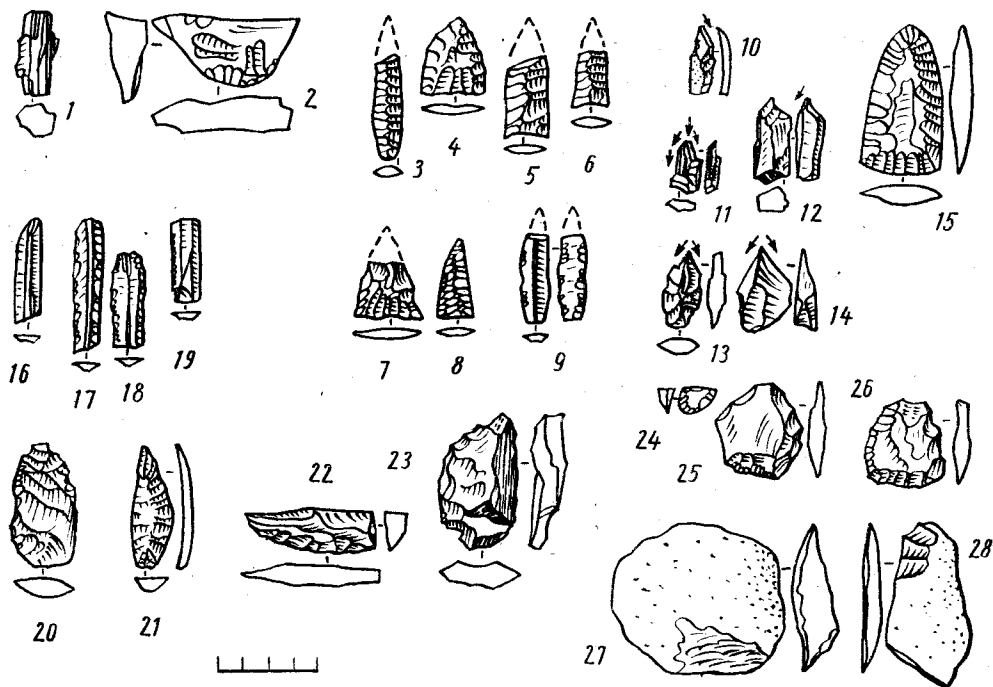

Рис. 52. Каменные изделия северчукотской культуры (общие с вещами усть-бельской культуры)

1, 9, 10, 16, 19, 21 — Амгуэма, четвертая стоянка (81); 2, 4, 7, 8, 11—15, 17, 18, 20, 22, 23, 25 — Чировая (51); 3, 5, 6, 24 — Айон (163 и др.)

выемчатым основанием (V — aMx), с асимметричным основанием (V — ву), бесчерешковые ножи-бифасы (II—1, 4, 7), черешковые (V — 2), со стесанной прямой спинкой (VI—3, 4, 5), треугольные остроконечные на отщепах (VII—5), шлифованные ножи (III—3, 41, 43); скребки концевые (I—1, 19, 20, 23), комбинированные резчики, в том числе с «ушками» (III—10, IV—1), треугольные скребки-ножи (IV—9), концевые двусторонне обработанные (V—7, VI—3), на отщепах боковые и круговые (VII—3, 4, 5, 8, 10, 11, 12), в виде оббитых по краю галечных сколов (VIII—4, 5, 13, 30), односторонне выпуклые без остатков галечной корки (IX—1, 17), скребки-бифасы (X—8, 10), выемчатые боковые скребки на ножевидных пластинах (XII—1), скобели (XI—7); резцы на ножевидных пластинах боковые (I—2), срединные (I—5), резцы-резчики (I—6, 8), полиэдрические резцы с ретушированной рукояткой (II—3, 5) и с неретушированной (II—4), угловые и срединные с уплощенной двусторонне ретушированной рукояткой (III—1, 2, 4), резцы на отщепах (IV—3, 4, 5, 6) и многогранный резец-кристалл кварца (V—9); проколки с ретушированной рукояткой (I—4, 6); тесло маленькое, подтреугольное, с выпуклым лезвием, сплошь ретуши-

рованное с обеих сторон, линзовидного поперечного сечения (IV—8), нешлифованные удлинённо трапециевидные топоры (I—5) и подтрапециевидные шлифованные тесла (V—8).

Датировка ведущего памятника северочукотской культуры, как известно, впервые была определена временем позднего неолита и ранней бронзы Якутии, т. е. концом II — началом I тысячелетия до н. э.²⁹

Нет основания изменять эту датировку для Чировой стоянки в принципе. Новый обильный материал позволяет, однако, ее несколько уточнить. Керамика с ложнотекстильными («вафельными») оттисками (см. рис. 50) в сочетании с трехгранными наконечниками стрел и треугольными ножами-скребками (IV—9) свидетельствует о возможности отодвинуть нижнюю границу этой даты до начала II тысячелетия до н. э. Тем более это относится к амгуэмским стоянкам (79, 81), для одной из которых (81), тоже с ложнотекстильной керамикой, получена радиоуглеродная, правда, значительно завышенная дата 6665 ± 110 (ГИН). Абсолютная же дата для стоянки Чирового озера (51) равна 2800 ± 100 (ГИН) и полностью соответствует прежде установленному ее возрасту — концу II — началу I тысячелетия до н. э., чем и определяется верхняя граница датировки северочукотской культуры.

А. П. Окладниковым уже высказывалось мнение о том, что стоянкой Чировой отмечается распространение на территории внутриконтинентальной Чукотки нижнеленской культуры охотников и рыболовов позднего неолита и ранней бронзы³⁰. Позднее Ю. А. Мочанов отнес стоянку на Чировом озере к белькачинской культуре III тысячелетия до н. э. Теперь, рассматривая более значительный материал, нельзя не согласиться с гипотезой А. П. Окладникова о связи северочукотского позднего неолита с нижнеленским. Вместе с тем заметнее стало и своеобразие чукотского внутриконтинентального неолита, в частности позднего северочукотского. Оно выражается в самом существенном — в керамике. По технике обработки поверхности сосудов она сходна с приленской ложнотекстильной. По форме северочукотские поздненеолитические сосуды, хотя тоже круглодонные, но все же иные: в отличие от прямых, наклоненных к горлу ымяхтахских, край венчика у них всегда отогнут наружу (рис. 50). Тесла данной культуры тоже иные, не столь выработанной формы, как прямоугольные ымяхтахские. И некоторые наконечники стрел, как мы видели, тоже совсем не приленских типов — продолговатые, массивные. Все эти особенности и позволяют выделять данную северочукотскую культуру, очевидно, как своеобразный локальный вариант нижнеленской поздненеолитической или даже как самостоятельную культуру, составляющую с нижнеленской одну культурную область.

В слоях IV и V стоянки Белькачи I, относимых Ю. А. Мочановым к особой бельканской культуре, встречены односторонние конические нуклеусы (III—5)³¹, нуклевидные резцы (II—4)³². Они встречены и

²⁹ Окладников А. П., 1953а.

³⁰ Окладников А. П., 1953.

³¹ Мочанов Ю. А., 1969б, с. 99.

³² Там же, табл. 29, 1, 6, 8, 9.

на стоянке Старый Сиктях А. П. Окладниковым³³, комбинированные скребки-резчики (IV—9, 10, 11) и трапецевидные скребки с узким концевым лезвием (II—19)³⁴. Несмотря на все эти довольно обильные аналогии с так называемой белькачинской культурой, в основном последняя существенно отличается от северчукотской культуры: основным атрибутом белькачинской культуры, по Ю. А. Мочанову, является шнуровая керамика, для северчукотской же культуры, и в частности для стоянки у оз. Чировое, которую Ю. А. Мочанов относит к белькачинской культуре, характерна посуда с ложнотекстильными отрисками. Поэтому не может быть и речи об отнесении названной стоянки к белькачинской культуре, а отмеченные аналогии с алданским неолитом следует интерпретировать как проявление не генетических, а лишь культурных связей.

В неолите североохотских островов мы находим еще только два типа северчукотских наконечников стрел: черешковые (VIII—5) — с о. Недоразумения³⁵ и с верхней стоянки на о. Завьялова³⁶ и треугольные с асимметрично вогнутым основанием (V-су) там же³⁷.

К аналогиям с аляскинскими культурами можно добавить сходство в черешковых шлифованных ножах (III—43), обнаруженных на о. Такли у тихоокеанского берега Аляски в комплексе II—I тысячелетий до н. э.³⁸; в скребках с ушками (IV—1) из Тейле-Лейк (середина I тысячелетия до н. э. — начало I тысячелетия н. э.)³⁹, и в скребках-бифасах (V—7), проколках (I—6), теслах (V—8) — в культуре Нортон⁴⁰; и в листовидных ножах-бифасах (II—1) — в комплексах Нортон (середина II тысячелетия до н. э.), Пойнтед-Маунтен (начало III тысячелетия до н. э.), Тукту (середина II тысячелетия до н. э.)⁴¹, и, надо думать, этим североамериканские аналогии не исчерпываются.

Параллели, отмеченные в синхронном комплексе Нортон, для нас особенно интересны, так как они усиливаются еще и сходством керамики, которая там тоже характеризуется ложнотекстильными отрисками. На северном же побережье Охотского моря этот тип керамики появляется несколько позже, на завьяловской стадии древнекорякской культуры, в 500—800 гг. н. э.⁴², что тоже очень важно для реконструкции генетических культурных и этнических связей между Чукоткой и Северным Приохотьем. Не исключено, хотя и не доказуемо, что за этим керамическим сходством, подкрепляемым прослеженным выше сходством отдельных индустриальных предметов, кроются древние истоки чукотско-корякской общности.

³³ Окладников А. П., 1946, табл. XIV, 1, 2, 5.

³⁴ Мочанов Ю. А., 1969б, табл. 33, 9; 30, 1; 38, 13.

³⁵ Васильевский Р. С., 1971, табл. I, 21.

³⁶ Васильевский Р. С., 1965б, рис. 1—2б.

³⁷ Там же, рис. 1, 1; он же. 1968б, с. 314, рис. 1, 1.

³⁸ Dimond, 1969, pl. IV, f.

³⁹ McNeish, 1964, fig. 90, 2.

⁴⁰ Giddings I. G., 1964, pl. 57, 11, 12; *ibid.*, pl. 53, 13; 59, 2; 44, 1, 6, 7; 10, 2; *ibid.*, pl. 46, 24, pl. 52, 5, 8.

⁴¹ Бергская Н. А., 1957; она же, 1967, рис. 3—9.

⁴² Васильевский Р. С., 1966.

Усть-бельская культура

Усть-бельская культура формировалась и распространялась в лесотундрах Чукотки. К этой культуре должны быть причислены стоянки по среднему Анадырю: Увеснования (57), Утесики (61), Вилка (59—60), частично Чикаево (74), а также Омрынский (73) и Усть-Бельский (72) могильники (рис. 39, 40)⁴³. Последний является наиболее значительным памятником данной культуры, и выделенные нами его определенно не-смешанные погребальные комплексы служат для нее в качестве опорных⁴⁴.

Стоянки усть-бельской культуры располагались у сезонных весенних или осенних переправ северного оленя через реки. Материалы поселений, и в том числе сама их топография, вполне определенно рисуют характер жизни обитателей: основой существования этих племен была, как и прежде, охота на дикого северного оленя, которая дополнялась, вероятно, рыбной ловлей и собирательством растительной пищи.

Обширный комплекс каменных изделий усть-бельской культуры состоит из разных пуклеусов, отщепов и ножевидных пластинок, металлических наконечников, ножей, скребков, резцов, проколов, топоров и тесел.

Рассмотрим их по двум хронологическим группам усть-бельской культуры, выделенным нами ранее⁴⁵.

Только к первой, наиболее древней группе (рис. 54), т. е. в погребениях курганов 4, 11, 14 и 18, в первом из которых не было обнаружено никакой керамики, а в последних двух — с оттисками рубчатой лопатки (рис. 53), относятся узкие и тонкие, прекрасно с обеих сторон ретушированные, заостренные с двух концов листовидные лезвия (I—1с), широкие листовидные (I—8а), двусторонне ретушированные наконечники стрел подпятиугольные (II—2в), ромбические (III—3в), подтреугольные и треугольные (V—а, в, вх, VI—а, с), удлинённо подтреугольные, очень продолговатые с выемчатым основанием и закругленным острием (II—4сМ), мелкие овальные боковые вкладыши (I—14), листовидные ножи-бифасы (IV—1), атипичные ножи с прямым уплощенным обушком (IV—4), ножи на отщепах (VII—3); скребки концевые трапецевидные (I—12; I—13) и ногтевидные (II—12, 18); на конце длинной пластины (I—1, II—1), клювовидный (III—14), эллиптический скребок-бифас (V—12), скребки на отщепах (VII—7, 10), в том числе на отщепах с галечной коркой (VIII—3, 4, 12, 14), выемчатый боковой скребок на ножевидной пластинке (XII—1) и массивный выемчатый скобель (XII—7); боковые и угловые резцы на ножевидных пластинах (I—2, 3; IV—3, 4, 6), диагональный резец на ножевидной пластине (I—3); тесло миндалевидное, двусторонне оббитое (III—10) и, наконец, массивные треугольные тесла со скошенным обушком, так называемые ступенчатые (II—5, 6), являющиеся наряду с продолговатыми наконечниками

⁴³ Диков Н. Н., 1958в; он же, 1959; он же, 1960б; он же, 1961в; он же, 1961г; он же, 1964б.

⁴⁴ Диков Н. Н., 1977б, с. 239, 240.

⁴⁵ Диков Н. Н., 1977б, с. 239, 240.

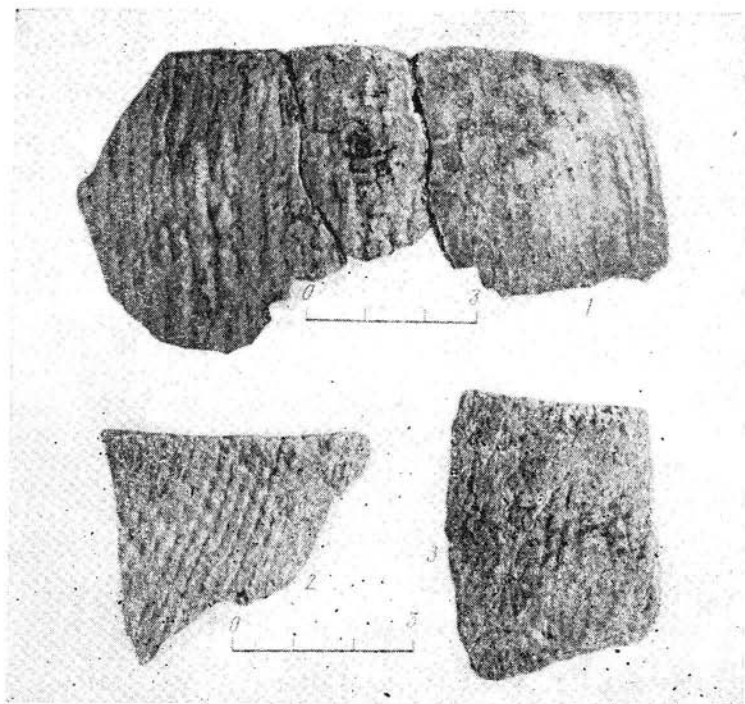

Рис. 53. Керамика усть-бельской культуры

стрел (VI—с, II—4сМ) характерными орудиями этой наиболее древней группы находок Усть-Бельского могильника (рис. 54).

К более позднему комплексу усть-бельской культуры (рис. 56), т. е. к погребениям в курганах 8 и 9 Усть-Бельского могильника, — в некоторых из них сохранились бронзовые резцы (рис. 55, 1, 2), четырехгранное шило и керамика, гладкостенная и с отпечатками рубчатой лопатки (рис. 53), — относятся каменные изделия, изображенные на рис. 56. Нуклеусы здесь в основном призматические, нередко уплощенные, односторонние (III—2, 3). Наконечники стрел, дротиков и копий представлены листовидными формами (I—1в, 2в), треугольным с симметрично вогнутым насадом (V—ау, V—вх), а также различными типами не полностью, часто только с одной стороны, ретушированных наконечников стрел на ножевидных пластинах и отщепах (0—3; 01—вК). Ножи и ножевидные орудия включают вкладыши (I—8), атипичные ножи-бифасы (II—4, 6, 7), горбатые черешковые (V—1) и унифасы на отщепах (VII—5), а также бифасальные ножи-скребки (VI—2). Среди скребков и скребел различаются концевые вогнутые (I—11, 17, 24, 25), прямые (II—13, 16, 17), комбинированные вогнутые (III—13), прямые (IV—19, 23), бифасы (V—3), в том числе черешковые (V—14); преимущественно боковые на тонких отщепах (VII—2, 13), сегментовидные

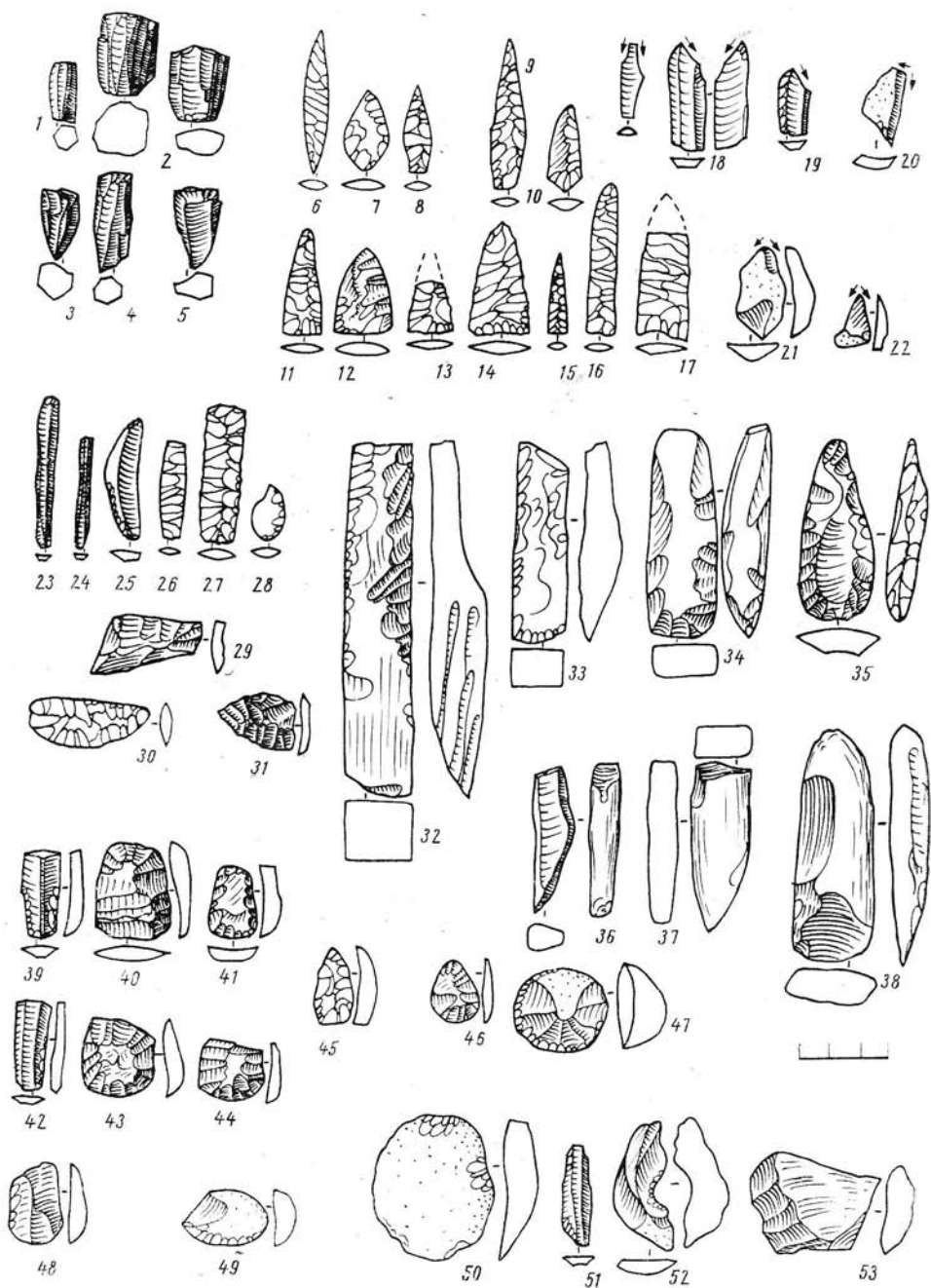

Рис. 54. Ранний комплекс каменных изделий усть-бельской культуры (1—53)

Рис. 55. Бронзовые резцы, кремневая фигурка, обломок белонефритового кольца и наконечник поворотного гарпуна из позднего комплекса усть-бельской культуры (1—5)

скребки-бифасы (X—7, 9), выемчатый скобель (XII—4). Разнообразны резцы позднего этапа усть-бельской культуры. Они подразделяются на многофасеточные с нуклеидными и ретушированными рукоятками (II—1, 5), срединные и боковые с уплощенными ретушированными рукоятками (III—4). И наконец, к этому комплексу относятся тесла, шлифованные уплощенные, прямоугольные в плане и в поперечном сечении, с уступчатым обухом (II—7).

И к первому, и ко второму комплексам находок усть-бельской культуры в равной мере относятся следующие каменные изделия (рис. 56): нуклеусы конические (II—2) и ножевидные пластинки; двусторонне ретушированные наконечники стрел пятиугольные (I—6a), с зачаточным треугольным черешком (X—2), треугольные (V—a, в; VI—a), удлинено-треугольные (VI—с); прямоугольные с двух сторон ретушированные вкладыши (I—9); листовидные изогнутые ножи-бифасы (IV—1); скребки концевые, вогнутые на пластинчатых отщепах (IV—1); скребки концевые, вогнутые трапецевидные (I—12); прямоугольные тесла (II—9).

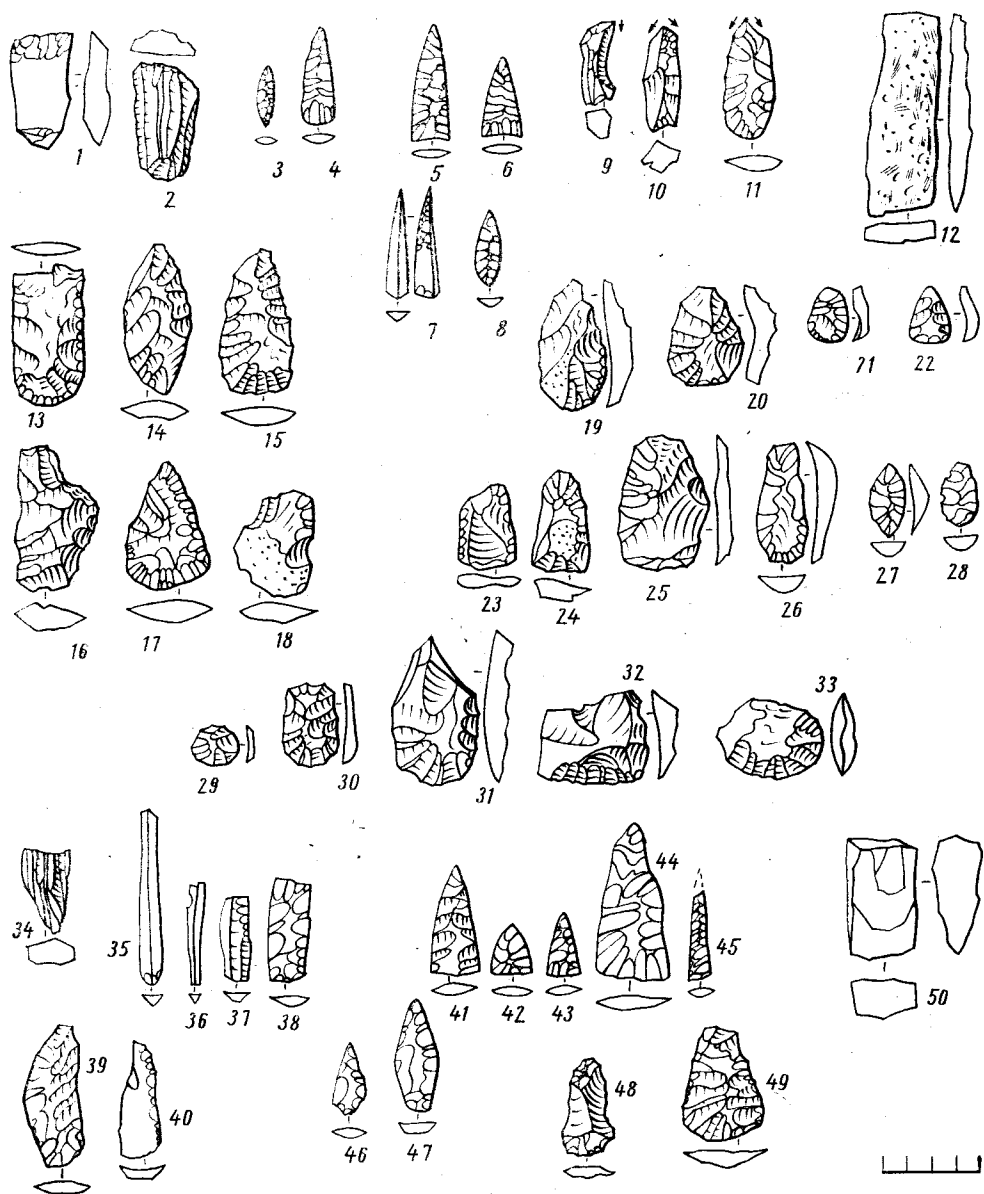

Рис. 56. Поздний комплекс каменных изделий усть-бельской культуры (1—50)

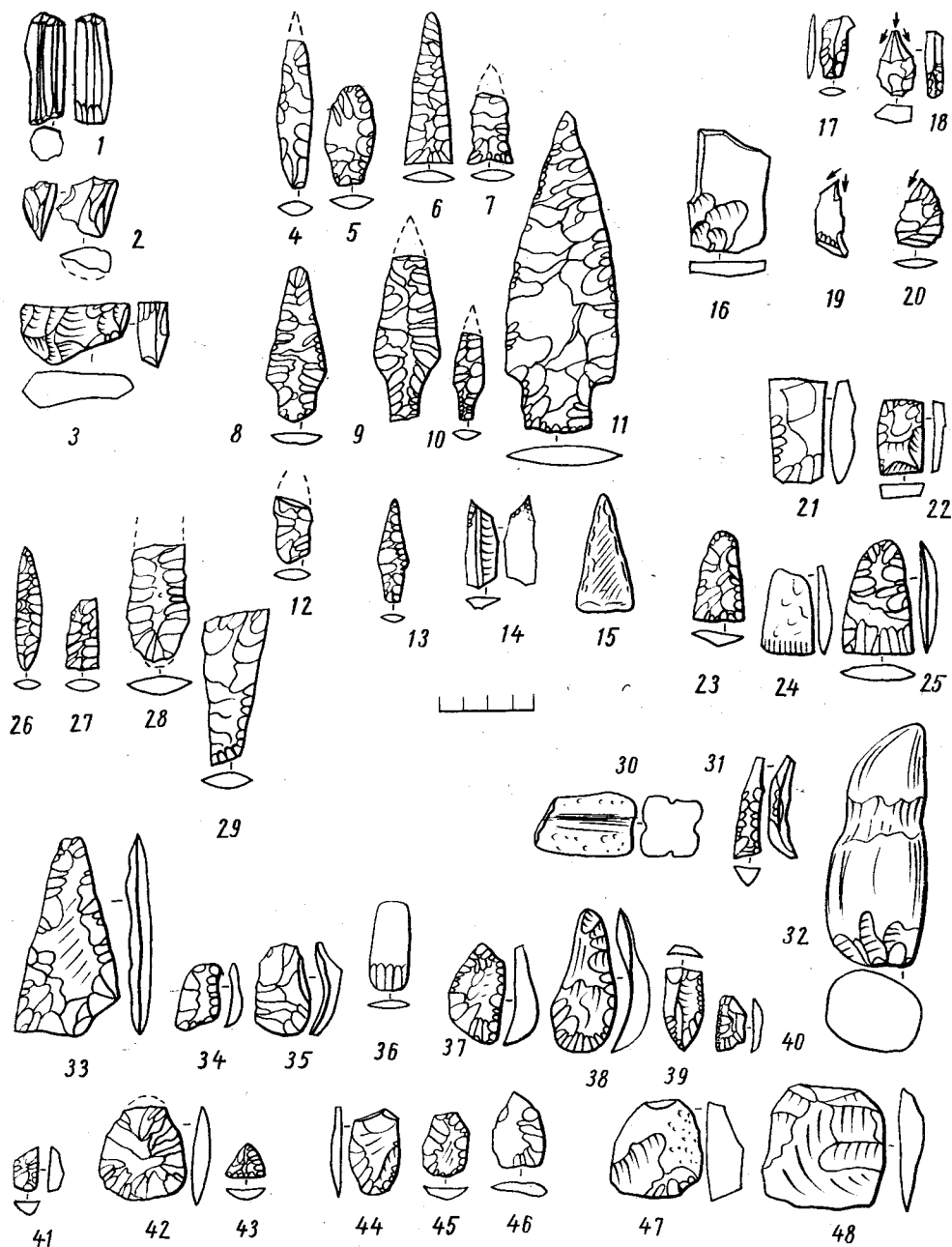

Рис. 57. Каменные изделия из Усть-Бельского могильника, не поддающиеся хронологическому расчленению по этапам (1—48)

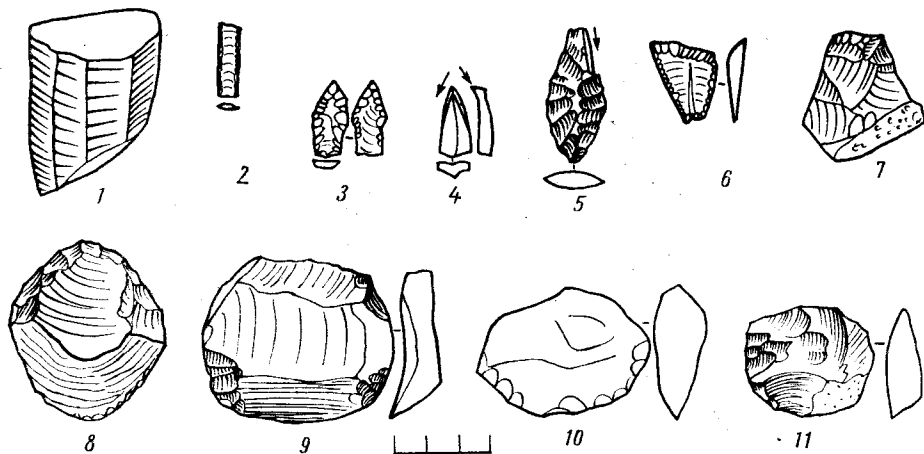

Рис. 58. Каменные изделия со стоянок усть-бельской культуры (1—11)

Оба охарактеризованных выше усть-бельских опорных комплекса, безусловно, относятся к одной культуре. Об этом говорит и подавляющая часть остальных усть-бельских находок, включая находки со стоянок усть-бельской культуры (рис. 57, 58), сходство погребального обряда принадлежащих этим комплексам погребений, связанного с частичным трупосожжением в курганах, и принципиальное сходство инвентаря, включая керамику. Четкое разграничение между этими двумя комплексами пока невозможно, у них, как мы выше показали, очень много общих элементов и не в каждом погребении присутствуют элементы различия между комплексами. Однако условное выделение этих двух комплексов дает некоторое представление о длительности усть-бельской культуры и поможет ее датировке.

Нижняя граница датировки усть-бельской культуры определяется первым комплексом, такими его характерными вещами, как прямоугольные ступенчатые тесла, плоские прямоугольные тесла, комбинированные скребки с режущим краем, треугольные микроскребки, керамика с оттисками рубчатой лопатки. Все эти вещи типичны для ымыяхтахской культуры II тысячелетия до н. э.⁴⁶ Там же встречена наряду с вафельной и штрихованная рубчатой лопаткой керамика. Наличие же в комплексе ступенчатых тесел, сходных с распространенными в белькачинской культуре III тысячелетия до н. э., дает основание отнести данный усть-бельский комплекс и, следовательно, нижнюю границу возраста усть-бельской культуры не столько к концу или середине II тысячелетия до н. э., сколько к самому его началу.

Верхняя граница датировки рассматриваемой культуры определяется концом II — началом I тысячелетия до н. э. по характерным вещам

⁴⁶ Мочанов Ю. А., 1969б, табл. 43—47.

второй группы усть-бельских погребений. При этом решающее значение имеют прежде всего бронзовые резцы (рис. 55, 1, 2) из погребения 1 кургана 9 и погребения 3 кургана 8, а также бронзовое прямоугольное шильце из погребения 2 кургана 8, которые, судя по датировке бронзового века соседней Якутии, не могут быть более древними, чем конец II тысячелетия до н. э. Не меньшее значение для установления верхней даты имеет и наконечник поворотного гарпуна из погребения 1 кургана 9. Он вырезан острым металлическим инструментом из моржового клыка. У него широкое открытое гнездо для колка, одна дыра для линя и нет никаких пазов для оснащения каменными вкладышами или коньцом-носком⁴⁷. По основным своим чертам он в общем вполне древнеэскимосский, хотя и отличается несколько от всех известных изделий подобного рода некоторым своеобразием. В нем можно усмотреть наиболее близкое сходство с некоторыми редко встречающимися наконечниками предорсетского и дорсетского типов, обнаруженными в Гренландии и на Баффиновой земле в памятниках конца II — начала I тысячелетия до н. э.⁴⁸ Близкие усть-бельским по форме наконечники известны и на Аляске тоже в относящемся к концу II — началу I тысячелетия до н. э. культурном комплексе Качемак I и в комплексе Нортон середины I тысячелетия до н. э.⁴⁹ Наконец, следует учитывать присутствие в этом комплексе каменного наконечника с боковыми выемками (рис. 280, 10) и черешкового скребка (рис. 278, 6), характерных для аляскинской древней китобойной культуры первой половины II тысячелетия до н. э.⁵⁰

Учитывая отмеченные выше датирующие аналогии, усть-бельскую культуру следует относить ко II или даже только к концу II тысячелетия — первой половине I тысячелетия до н. э. Радиоуглеродная дата 2865 ± 95 (РУЛ) относится к углю, взятому в кургане 15, очевидно, из относительно раннего (первого) погребального комплекса IV, среди наконечников стрел которого оказались и удлиненно треугольные (рис. 57, 6) и поэтому, вероятно, ближе к нижней границе датировки усть-бельской культуры, чем к верхней. Верхняя же приближается по времени к аляскинской палеоэскимосской культуре Нортон (середины I тысячелетия до н. э.), в которой много общих с усть-бельскими элементов, в частности керамика с отрисками рубчатой лопатки на внешней поверхности.

Находки в Усть-Бельском могильнике бросают яркий свет на духовную и материальную культуру внутриконтинентальных племен Чукотки в позднем неолите и в бронзовом веке. Все в этих больших плоских каменных курганах оказалось необычным и непохожим на прежние представления о древнем населении Чукотки: и обычай частичного трупосожжения, и обряд засыпания мертвецов красной охрой, и украшение папки погребенного мельчайшими бусинами-кружочками, и клыки медведя, и обилие каменных наконечников, их форма, и наконечник поворотного гарпуна, и особенно бронзовые изделия. Эти находки и погребения

⁴⁷ Диков Н. Н., 1977б, табл. 95, 13.

⁴⁸ Eigil Knuth, 1962, fig. II, 1, 2; Bandi H. G., 1969, fig. 56—2.

⁴⁹ Giddings I. L., 1964, pl. 36, 18, 20; Bandi H. G., 1969, fig. 31, 1, 2.

⁵⁰ Bandi H. G., 1969, fig. 17, 8—10; fig. 17—3.

бальный ритуал заставляют предполагать, что население бассейна р. Анадырь в те далекие времена находилось в контакте с населением внутренних областей Сибири. Разумеется, такое предположение требует проверки, основанной на детальном сравнении всей совокупности имеющихся в нашем распоряжении археологических материалов усть-бельской культуры.

Оригинальная усть-бельская культура, иначе сказать, Усть-Бельский могильник уже привлекал внимание исследователей и вызывал с их стороны попытки присоединения его к другим культурам. Ю. А. Мочанов включил его наряду с памятниками другой северочукотской культуры — стоянкой на оз. Чировое и в Чикаево — к так называемой белькачинской культуре III тысячелетия до н. э.⁵¹ С. А. Федосеева на основании случайной и нехарактерной находки в усть-бельском кургане 5 «вафельного черепка» относит Усть-Бельский могильник к ымыяхтахской культуре⁵². Р. С. Васильевский склонен соединять усть-бельскую культуру, точнее сказать Усть-Бельский могильник, с северо-охотским неолитом, а усть-бельский поворотный гарпун считать древнейшим чукотско-корякским свидетельством наличия в Северном Приохотье особого очага возникновения морского зверобойного промысла, отличного от эскимосского и не связанного с ним⁵³.

Все эти гипотезы по-своему оправданы и не лишены смысла. Несколько настораживает лишь то, что каждый из названных авторов характеризует усть-бельскую культуру по-своему, связывая со «своей» хорошо изученной культурой. Быть может, в этом сказывается, как уже отмечалось, помимо объективных соображений также известная и психологически вполне объяснимая склонность почти каждого археолога, исходя из своего обычно более знакомого материала, считать «свою» культуру непременно центральной по отношению к окружающим культурам, своеобразнейшей, самобытной, определяющей связи с другими, являющейся источником расселения, влияния и т. п.

Как бы то ни было, наличие совершенно различных гипотез истолкования связей с усть-бельской культурой побуждает нас провести по возможности более тщательный анализ ее связей с белькачинской (и вообще приленскими культурами) и северо-охотской культурой, тем более что именно с ними усть-бельская культура имеет большее количество сходных элементов.

Сходство, очевидно генетическое, отдельных элементов усть-бельской культуры со средненеленской начинается еще с сылахского этапа, т. е. с IV тысячелетия до н. э. В слоях VI—VII стоянки Белькачи I найдены такие же, как в Усть-Белой, ножевидные пластины (I—2, 3), в том числе и ретушированные по краям (I—7)⁵⁴, наконечники из частично ретушированных пластин (0—3)⁵⁵, горбатые ножи-бифасы (IV—1)⁵⁶,

⁵¹ Мочанов Ю. А., 1969б, с. 182 (карта, рис. 20).

⁵² Федосеева С. А., 1970, с. 141.

⁵³ Vasilevsky R. S., 1970, 1971, 1973, 1975.

⁵⁴ Мочанов Ю. А., 1969б, табл. 22, 19, 20, 24, 27; 14, 2, 19, 21.

⁵⁵ Там же, табл. 16, 1, 4, 5.

⁵⁶ Там же, табл. 23.

ножи с прямым стесанным обушком (VI—5)⁵⁷, резцы (III—4; IV—4; IV—1; I—2)⁵⁸, трапециевидные скребки (I—12)⁵⁹.

В выпележащих IV—V слоях Белькачинской стоянки, датированных Ю. А. Мочановым III тысячелетием до н. э. и являющихся, по его мнению, эталоном для выделения так называемой белькачинской культуры, аналогов еще больше. Это конусовидные и призматические нуклеусы (II—2; III—2, 3)⁶⁰, концевые скребки на пластинах (I—1)⁶¹ и грушевидные (II—16)⁶², различного рода комбинированные скребки-резчики (III—13, 14)⁶³, в том числе уникальные, с угловым острием (III—6)⁶⁴, а также выемчатые скребки (XII—7)⁶⁵, вкладыши (I—8)⁶⁶, наконец, вероятно, в какой-то мере и прямоугольные ступенчатые тесла (II—5)⁶⁷.

Названным ступенчатым теслам Ю. А. Мочанов придает решающее значение в аргументации своего мнения о продолжении белькачинской культуры на территории Чукотки. Необходимо, однако, иметь в виду, что белькачинские тесла этого типа все же существенно отличаются от усть-бельских как формой, так и характером обработки. В отличие от последних они совсем не шлифованные и в профиль имеют не прямолинейные, а выпукло-криволинейные очертания.

Объективность требует отметить, что в Усть-Бельском могильнике вместе с этими теслами связана совсем не белькачинского типа шнуровая керамика, а штрихованная, покрытая оттисками рубчатой лопатки.

Таким образом, несмотря на наличие отдельных аналогий, Усть-Бельскую стоянку с могильником нельзя относить к единой белькачинской культуре. Тем более это относится к стоянке Чировое, которую Ю. А. Мочанов приписывает к белькачинской культуре, где не оказалось никаких признаков шнуровой керамики, зато много было ложнотекстильной.

Следовательно, допустимо говорить разве только об отдельных белькачинских элементах усть-бельской культуры, а не о единстве этих культур.

Именно поэтому и в последующей ымыяхтахской якутской поздне-неолитической культуре II тысячелетия до н. э. мы продолжаем находить немало аналогий отдельным элементам поздней усть-бельской культуры, кроме по-прежнему керамики, так как в усть-бельской культуре в отличие от ымыяхтахской совершенно нет ложнотекстильной керамики. Там те же, что и отмеченные выше и в белькачинской культуре, призматические нуклеусы (III—2), пожевидные пластинки (I—2), угловые на отщепах резцы (IV—4) и концевые скребки (I—1). Но там

⁵⁷ Там же, табл. 15, 10.

⁵⁸ Там же, табл. 14, 5, 6; табл. 21, 14; табл. 32, 27.

⁵⁹ Там же, табл. 23, 5.

⁶⁰ Там же, с. 80, 81, 99.

⁶¹ Там же, табл. 32, 23.

⁶² Там же, табл. 39, 14; табл. 31, 47.

⁶³ Там же, табл. 38, 13, 14.

⁶⁴ Там же, табл. 33, 10.

⁶⁵ Там же, табл. 38, 24.

⁶⁶ Там же, табл. 1, 8.

⁶⁷ Там же, табл. 40.

есть и новые, не присущие белькачинской культуре, сплошь ретушированные вкладыши (I—9)⁶⁸, треугольные микроскребки (I—25)⁶⁹ и листовидные наконечники стрел (I—9a)⁷⁰.

Пока не совсем ясна степень сходства каменного инвентаря усть-бельской культуры с культурным комплексом открытого вблизи Якутска и пока не опубликованного еще Чучур-Муранского Ымыяхтахского поздненеолитического могильника⁷¹.

Но наличие в погребальном инвентаре последнего трехгранных наконечников стрел и ложнотекстильной керамики тоже свидетельствует об отсутствии единства этих комплексов в наиболее существенном, о том, что они относятся скорее всего к различным культурно-этническим общностям.

Так же мало сходства в наиболее существенном, т. е. в керамическом производстве и с усть-мильской культурой бронзового века, характеризующейся круглодонными сосудами с наленными валиками⁷², которых совсем нет на усть-бельских сосудах.

Наше сравнение с памятниками Якутии распространим теперь дальше к ее северу. И мы увидим, что именно в нижнеленской культуре имеются наиболее точные аналогии многим элементам усть-бельской культуры. Мало того, именно там мы находим почти такие же, как в Усть-Белой, погребальные комплексы раннего бронзового века конца II — начала I тысячелетия до н. э. Прежде всего это погребение на р. Куллаты, где с погребенным оказались не только типично усть-бельские треугольные наконечники стрел (V—а, в), но и точно такие же костяные посредники для их насаживания на древко⁷³. Затем это погребение раннего бронзового века на р. Бугачан, где опять повторяются те же стрелы и те же к ним костяные посредники⁷⁴. Эти типичнейшие для усть-бельской культуры наконечники обильны именно на нижней Лене не в пример Алдану, где их сравнительно мало. Нет надобности вторично доказывать наличие своеобразной нижнеленской культуры, выделенной в свое время А. П. Окладниковым⁷⁵. Отметим только, что именно к ней наиболее близка усть-бельская и, может быть, даже в генетическом отношении, правда, только в чисто историко-культурном аспекте, так как пока нет антропологических данных, которые свидетельствовали бы об их родстве и в этническом смысле. Учитывая находку ложнотекстильной керамики в Ымыяхтахском могильнике и ее распространение в позднем неолите также и на севере Якутии, более вероятно признать, что усть-бельская и нижнеленская культуры в этническом и историко-культурном отношениях менее родственны, чем может показаться на первый взгляд.

⁶⁸ Мочанов Ю. А., 1969, табл. 44, 1.

⁶⁹ Там же, табл. 44, 13.

⁷⁰ Окладников А. П., 1955, рис. 27, 4.

⁷¹ Федосеева С. А., 1969, с. 223, 224.

⁷² Федосеева С. А., 1970, с. 132.

⁷³ Окладников А. П., 1955а, рис. 45.

⁷⁴ Окладников А. П., 1955а, рис. 41, 1; он же, 1946, табл. X.

⁷⁵ Окладников А. П., 1968, с. 95.

А теперь обратимся к северному побережью Охотского моря. На о. Недоразумения в I тысячелетии до н. э. и на верхней стоянке о. Завьялова в конце I тысячелетия до н. э. мы действительно находим порядочное число вещей, сходных с усть-бельскими. Часть из них одновременно бытует либо в северном неолите Якутии (вкладыши I—10, треугольные наконечники V—а и усеченно-ромбоидальные I—6aK)⁷⁶, либо в южном (наконечники стрел V, с; X, 2, черешковые ножи V—1, скребки-резчики IV—19 и треугольные ножи VII—5)⁷⁷. Другие в Якутии не встречаются, хотя отмечены в Приморье, на Курилах, на Сахалине, Прибайкалье, на Урале и в Зауралье, даже в Северной Европе и др. Это треугольные наконечники с прямым вогнутым и асимметрично вогнутым основанием (V—в, вх, ву), черешковые на отщепах (0—5)⁷⁸, горбатые ножи (IV—6), миниатюрные треугольные скребки (II—25)⁷⁹. Однако в Северном Приохотье нет главного — никаких или почти никаких признаков развитой пластинчатой техники, как раз того, что так характерно для усть-бельской культуры.

Поэтому не может быть и речи о включении северного побережья Охотского моря в зону усть-бельской культуры или наоборот — последней в зону Приохотской.

Очевидно, не последнюю роль в сложении и развитии усть-бельской культуры играла северочукотская культура. С нею усть-бельскую культуру объединяет большое количество общих элементов, в частности следующие общие типы вещей: конусовидные нуклеусы (II—4, 5), ретушированные и гладкие ножевидные пластины (I—2, 3, 7), треугольные наконечники стрел с прямым насадом (V—а, в; VI—а, с) и с вогнутым основанием (V—ах; V—вх); бесчерешковые ножи-бифасы (II—4, 7), черешковые (V—1), со стесанной прямой спинкой (VI—4, 5), треугольные остроконечники на отщепах (VII—5); скребки концевые (I—1), боковые (VII—3), угловые (VII—8, 10), в виде оббитых по краю галечных сколов (VIII—4), скребки-бифасы (X—10) и выемчатые на ножевидных пластинах (XII—1); резцы на ножевидных пластинах боковые (I—2), срединные (I—5), полиэдрические, с ретушированной рукоятью (II—5), с уплощенной, двусторонне ретушированной рукоятью (III—2, 4), резцы на отщепах (IV—3, 4, 5, 6).

Однако в самом главном — в керамике — усть-бельская культура существенно отличается от северочукотской с ее глиняной посудой, открытой снаружи ложнотекстильными («вафельными») отпечатками.

Связи усть-бельской культуры с древними культурами Америки можно проследить на разных этапах.

Еще в кремневом комплексе Денби (примерный возраст которого около 3000 лет до н. э.) встречаются треугольные наконечники стрел (V—а; VI—9)⁸⁰, тонко ретушированные диагональной ретушью листо-

⁷⁶ Васильевский Р. С., 1965б, рис. 1—27; он же, 1965а, рис. 3, 1, 4; 4, 1, 4; 3, 8.

⁷⁷ Vasilievsky R. S., 1969, fig. 1, 4, 6, 10; он же, 1965а, рис. 5—3; Музей антропологии МГУ, колл. 475—104. 106. сборы М. Г. Левина; Васильевский Р. С., 1965б, рис. 1, 5.

⁷⁸ Васильевский Р. С., 1965б, рис. 1, 1, 17; он же, 1968, рис. 1, 1, с. 314.

⁷⁹ Васильевский Р. С., 1966.

⁸⁰ Giddings I. L., 1964, pl. 71, a, 6; 72, 8; 72, 7.

видные острия (I—1 с)⁸¹, сегментовидные вкладыши (I—11)⁸², ножи-унифасы (VII—8)⁸³, угловые резцы (IV—5)⁸⁴.

Прослеживаются параллели и в более поздних комплексах Аляски. Наиболее характерны они в палеоэскимосском комплексе Нортон (середина I тысячелетия до н. э.). Это те же, что и в комплексе Денби, наконечники стрел (V — а, VI — с)⁸⁵, сегментовидные вкладыши (I—11)⁸⁶, ножи-унифасы (VII—8)⁸⁷ и, кроме того, ромбические, черешковые и с вогнутым основанием наконечники стрел (I—15, 19; III—14)⁸⁸, мелкие вкладыши овальные (I—18)⁸⁹ и боковые скребки на отщепах (VII—3)⁹⁰. На Аляске и в прилегающих районах Канады в начале II тысячелетия до н. э. выявляется наличие и некоторых других весьма характерных усть-бельских типов вещей: наконечников стрел с боковыми выемками (VIII—22) и черешковых скребков-бифасов (V—14) в древней китобойной культуре на м. Крузенштерна⁹¹, а также комбинированных скребков с угловым режущим острием (III—6)⁹².

Вместе с тем в усть-бельской культуре в дополнение к отмеченным элементам сходства с культурой Нортон обнаруживаются и другие «эскимоподные» признаки, в частности ножи и иные поделки из шифера, из того камня, который впоследствии получил такое широкое и преобладающее распространение на северотихоокеанском морском побережье у древних эскимосов и у предков береговых чукчей, как, впрочем, и южнее по азиатскому берегу Тихого океана вплоть до Индокитая и Филиппин.

Основой жизни северотихоокеанских жителей, делавших себе ножи, скребки и метательные наконечники из подобного серого шифера, была,

Рис. 59. Лицо человека по черепу из Усть-Бельского кургана 8 (реконструкция Г. В. Лебединской)

⁸¹ Ibid., pl. 71, b, 2, 3.

⁸² Ibid., pl. 71, b, 9, 16; fig. 56, a.

⁸³ Ibid., fig. 53, 6, 8, 10; pl. 69, 1, 7, 8.

⁸⁴ Ibid., pl. 66, b, 1, fig. 5.

⁸⁵ Ibid., pl. 46, 30, 31; pl. 72, 7; pl. 47, 31; pl. 47, 24, 25, 27.

⁸⁶ Ibid., pl. 46, 2, 29; pl. 46, 5, 11, 13, 15.

⁸⁷ Ibid., pl. 54, 14, 15.

⁸⁸ Ibid., pl. 46, 30, 31; pl. 48, 1, 2, 10; pl. 49, 7, 9.

⁸⁹ Ibid., pl. 46, 3, 4, 7—9.

⁹⁰ Ibid., pl. 54, 2.

⁹¹ Bandi H. G., 1969, fig. 17.

⁹² Dumond D. E. 1963, fig. 1. u.

как известно, морская охота на ластоногих с помощью особого гарпуна с соскакивающим, так называемым поворотным наконечником. Все эти неожиданные аналогии с приморской эскимосской культурой увенчиваются находкой в кургане 9 Усть-Бельского могильника самого поворотного гарпуна, точнее его наиболее существенной части — наконечника.

Оказавшаяся на перекрестке межконтинентальных путей Севера усть-бельская культура Чукотки с самого начала развивалась, как выше было показано, в условиях широких связей, которые облегчались сходным образом жизни северных охотников, рыболовов и собирателей Старого и Нового Света. Эти широкие культурные связи охватывали тогда весь Север Азии, включая Чукотку⁹³.

Об этнической принадлежности усть-бельцев пока еще довольно глухо свидетельствуют данные антропологии: изучение одного хорошо сохранившегося черепа из Усть-Бельского могильника показало, что наряду с признаками, характерными для арктической расы, куда входят чукчи и эскимосы, в нем есть и признаки байкальского типа североазиатской расы, что хорошо видно и по пластической реконструкции лица по данному типу (рис. 59)⁹⁴. Такое сочетание характерно в известной мере и для современных чукчей-оленьеводов и объясняется обычно антропологами либо как следствие юкагирской примеси⁹⁵, либо недифференцированностью сходного протоюкагирского и вместе с тем протоарктического типов⁹⁶. Обнаруживается в последнее время и тенденция считать названный усть-бельский череп просто протоэскимосским, наделенным нейтральными антропологическими особенностями, характерными для очень далеких предков эскимосов⁹⁷.

Действительно, подобная точка зрения находит как будто бы подтверждение в тех эскимойдных чертах усть-бельской культуры, о которых было сказано выше. Однако заметны в ней и не свойственные эскимосской культуре черты: украшенная перламутровыми бусинками шапка погребенного в кургане 8, клыки медведя во всех курганах, орнамент из «вороньих» лапок на костяной поделке из кургана 15 и сам обряд частичного и, очевидно, даже полного трупосожжения. Первые две особенности типичны для таяжных народов Сибири (эвенов, юкагиров), последние две — скорее для чукчей.

Отсюда следует, что древние усть-бельцы, уже знавшие бронзу, но в совершенстве еще владевшие камнеобрабатывающей неолитической техникой, могли иметь отношение к этногенезу и эскимосов, и юкагиров, и чукчей, а если чукчей, то, разумеется, и родственных им коряков, причем чукотский этнический компонент, вероятно, преобладал.

И неслучайно поэтому так резко разделились представления ученых о том, чьими же предками было поздненеолитическое население внутриконтинентальной Чукотки. Сначала оно интерпретировалось в качестве

⁹³ *Окладников А. П.*, 1945, № 2; *он же*, 1950, с. 22—37.

⁹⁴ *Гозман И. И.*, 1961.

⁹⁵ *Левин М. Г.*, 1949; *он же*, 1950; *Дебец Г. Ф.*, 1951; *он же*, 1960.

⁹⁶ *Зубов А. А.*, 1977.

⁹⁷ *Алексеев В. П.*, 1967.

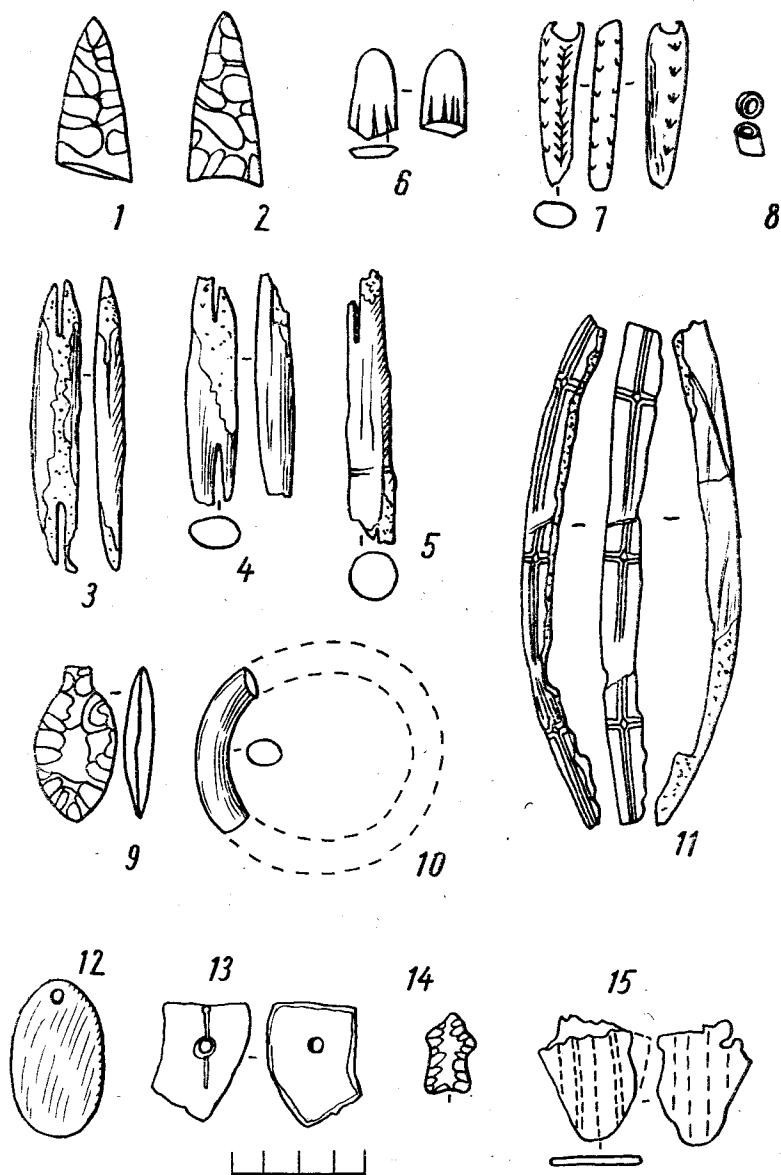
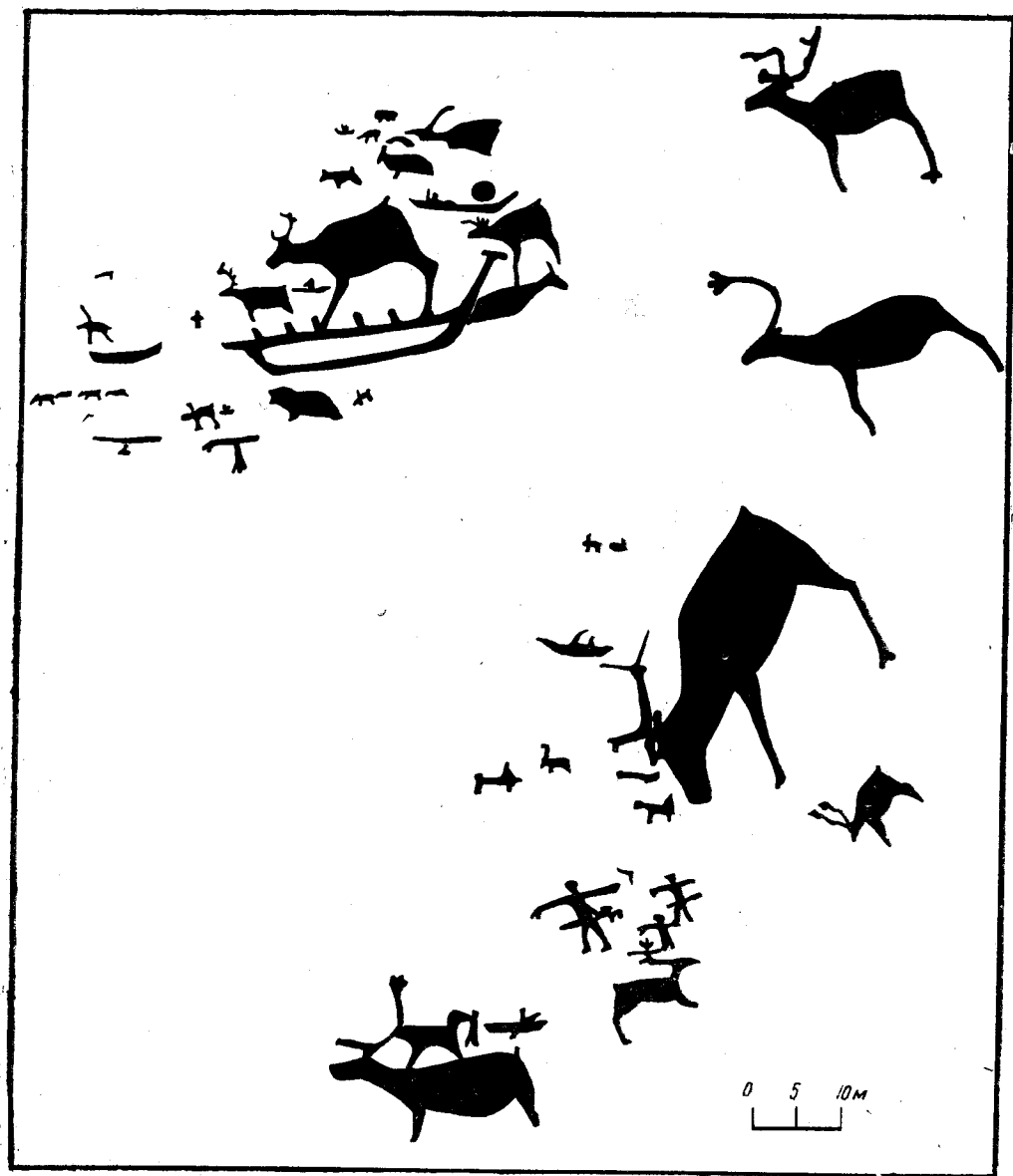
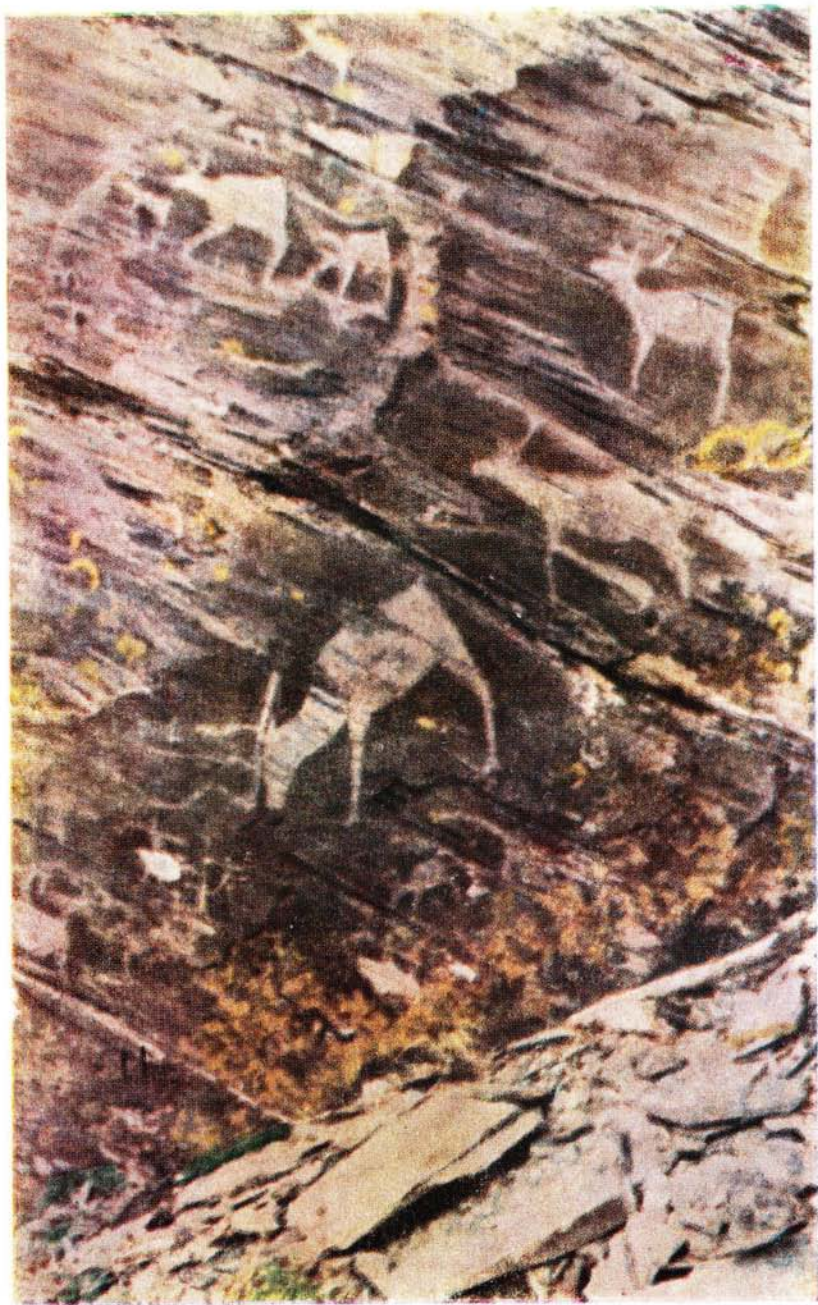

Рис. 60. Украшения, амулеты и другие вещи усть-бельской культуры (1—15)

Рис. 61. Пасущиеся дикие олени (Шегтымьельские петроглифы)

Изображение оленей на Пегтымельской скале

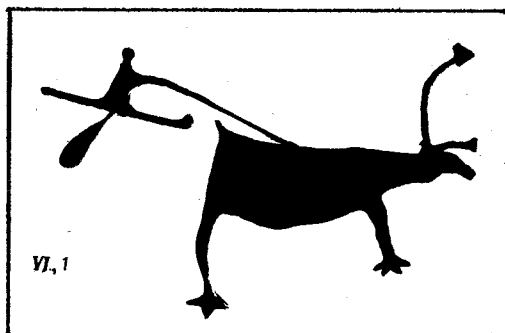

Наконечник поворотного гарпуна и каменные изделия палеоэскимосской стоянки Чертов овраг на о-ве Врангеля

древнеюкагирского⁹⁸, причем наиболее всесторонне обосновывает эту позицию Ю. Б. Симченко⁹⁹ в рамках более широкой концепции единого уральского этнического субстрата, в котором роль северо-восточных уральцев играют юкагиры¹⁰⁰. Вместе с тем оно не без основания рассматривается многими специалистами как северо-восточнопалеоазиатское, в частности древнечукское¹⁰¹.

Имеются некоторые основания считать, что позднее уже, вероятно к концу I тысячелетия до н. э., усть-бельская культура распространяется

Рис. 62. Охота на дикого оленя
(Пегтымельские петроглифы)

к северному побережью Чукотки. Об этом свидетельствуют очень похожие своим погребальным обрядом на Усть-бельский Экиатапский могильник в долине р. Амгуэмы (95), и, вероятно, пегтымельские охотничьи стоянки (99—101) возле наскальных рисунков, и сами Пегтымельские петроглифы (102, 103).

Пегтымельские петроглифы (рис. 61—64) существенно расширяют представление о хозяйстве и образе жизни населения Чукотки в рассматриваемый период. Нет надобности подробно говорить здесь о них, так как их исчерпывающее описание, классификация, датировка и культурно-этническая характеристика даны нами в специальной монографии¹⁰². Напомним только, что благодаря этим наскальным изображениям стала бесспорной глубокая, восходящая по крайней мере к I тысячелетию до н. э. древность в заполярной Чукотке охоты на диких оленей весной на лыжах с собаками (петроглиф 104) и осенью на плаву с помощью больших лодок и маленьких каяков с двухлопастным веслом, с использованием копья-поколоты и гарпуна¹⁰³. И что особенно важно, Пегтымельские

⁹⁸ Окладников А. П., 1950е; 1953а; Левин М. Г., 1958б.

⁹⁹ Симченко Ю. Б., 1976.

¹⁰⁰ Чернецов В. Н., 1973.

¹⁰¹ Диков Н. Н., 1960, с. 66, 71; Гохман И. П., 1961; Вдовин И. С., 1972, с. 107; Васильевский Р. С., 1971, 1973.

¹⁰² Диков Н. Н., 1971в. Мы с удовлетворением отмечаем, что положенную нами в основу классификации Пегтымельских петроглифов идею выделения изобразительных канонов воспринял и недавно развил применительно к петроглифам Беломорья А. Д. Столяр (Столяр А. Д., 1977, с. 24—41).

¹⁰³ Там же, с. 54—56.

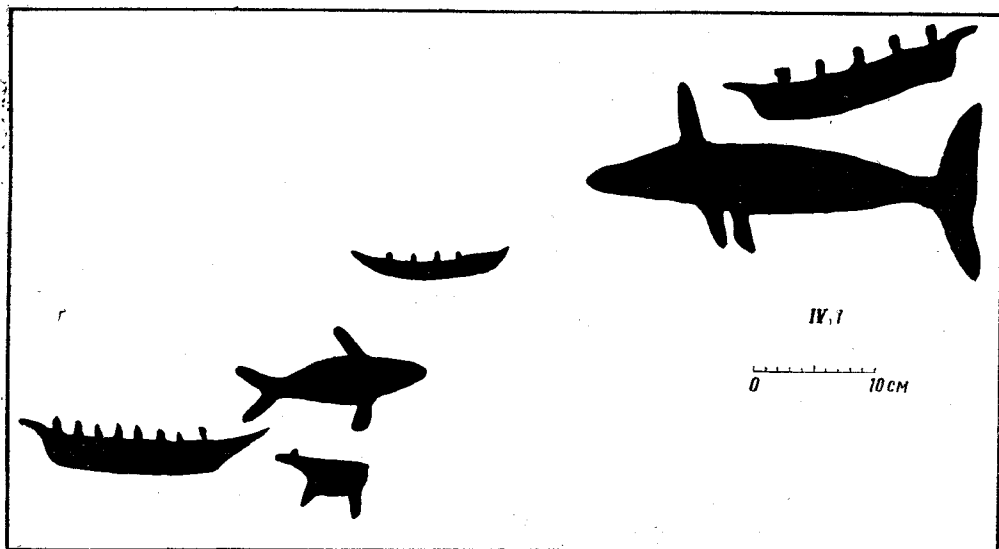

Рис. 63. Охота на китов (Пегтымельские петроглифы)

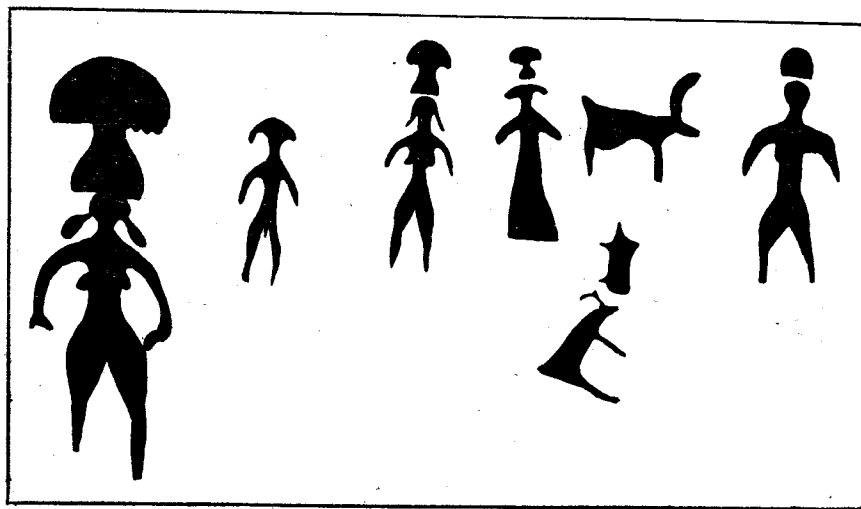

Рис. 64. Человеко-мухоморы (Пегтымельские петроглифы)

петроглифы являются ценнейшим источником этнического определения оставившего их населения. Ими, прежде всего изображениями антропоморфных грибов-мухоморов (рис. 64) в отдельных случаях в чукотско-эскимосских меховых комбинезонах — керкерах¹⁰⁴, еще более проявляется

¹⁰⁴ Там же, рис. 44.

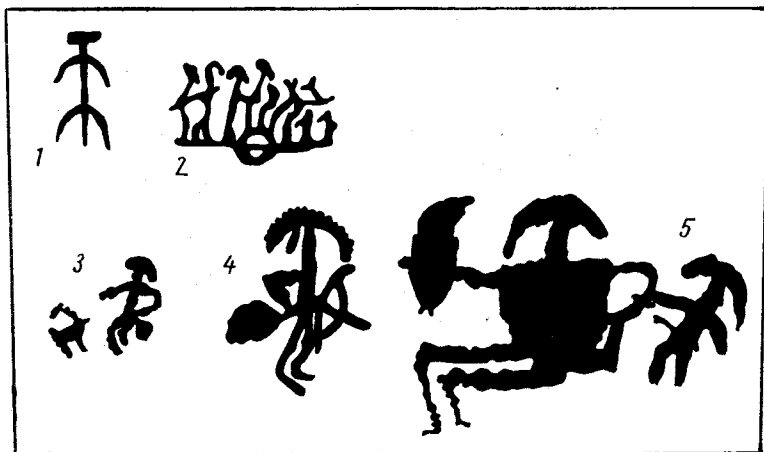

Рис. 65. Петроглифы, изображающие людей с грибовидными головами:

1 — в каменном веке в Испании; 2 — на р. Олекма (по А. П. Окладникову и А. И. Мазину); 3—5 — в Енисейском каньоне, на правом берегу р. Чинге, в Туве (по М. А. Дэвлет)

и существенно усиливается древнечукотский компонент в бронзовом веке Чукотки, в ее усть-бельской культуре ¹⁰⁵.

А недавнее открытие в Туве, в Саянском каньоне Енисея, в сущности близких к пегтымельским грибовидным антропоморфным изображений бронзового века (рис. 65, 3—5) ¹⁰⁶ в сочетании с языковыми данными о возможной связи между чукотско-камчатскими и енисейскими народами, в частности кетами (и следовательно, о том, что до урало-алтайцев Сибирь, возможно, населяли отдельные предки чукчей и коряков) ¹⁰⁷, позволяет несколько по-новому посмотреть на проблему происхождения этого чукотского (чукотско-корякского) компонента в усть-бельской культуре и в целом на проблему происхождения чукчей (и коряков).

Вполне возможно, что предки чукчей (и коряков) пришли не только и не столько с южной части континентального Приохотья ¹⁰⁸ или близких континентальных районов ¹⁰⁹, но и из более отдаленных районов южной Сибири, через Таймыр с верховьев Енисея ¹¹⁰. В таком случае становятся понятными южносибирское происхождение бронзы, из которой сделаны

¹⁰⁵ Чукотский компонент Пегтымельских петроглифов находит еще одно подтверждение в обнаруженных в 1975 г. И. С. Гурвичем сходных с пегтымельскими по стилю изображений оленей и собак на рэтэме яранги, в стойбище чукчей на севере Чукотки (Гурвич И. С., 1977).

¹⁰⁶ Дэвлет М. А., 1975, с. 238—248; 1976а, табл. 34, 36; 1976б, с. 115—123; Дэвлет М. А., Попова И. Ф., Титова Н. И., 1976, с. 240.

¹⁰⁷ Дульзон А. П., 1969а, с. 31.

¹⁰⁸ Васильевский Р. С., 1971; 1973.

¹⁰⁹ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1975.

¹¹⁰ О проникновении предков чукчей со стороны Таймыра мы альтернативно предлагали и раньше: Диков Н. Н., 1958б, с. 9.

усть-бельские резцы и квадратное в поперечном сечении шильце¹¹¹; необъяснимый до сих пор факт обнаружения в 1904—1907 гг. Н. П. Сокольниковым на среднем Анадыре фрагмента глиняного сосуда с отогнутым венчиком, украшенного прямолинейным зигзагообразным узором¹¹², излюбленным в древности у степных племен Хакаско-Минусинского юга и встреченным также на таежном среднем Енисее, в основном на неолитической (и более поздней) стоянке у станка Подкаменная Тунгуска¹¹³; сходство, вероятно генетическое, каменных обрядовых сооружений энцев и нганасан на Таймыре с карасукскими, с одной стороны¹¹⁴, и с усть-бельскими, а через них и с уэленскими, сешанскими, чинийскими, эквенскими и другими древнеэскимосскими погребальными сооружениями из камня — с другой. С этой гипотезой хорошо согласуются остатки бронзолитейного производства на Таймыре в пясинской культуре конца II тысячелетия до н. э.¹¹⁵, связь кетов с носителями карасукской культуры¹¹⁶, кетское предание о грибах¹¹⁷, трупосожжения в усть-бельском могильнике и находки там медвежьих клыков, свидетельствующие о культе медведя, который характерен и для кетов¹¹⁸, и для их легендарных предков — кайгусей¹¹⁹.

Что же касается знаменитой древнеиндийской «сомы», на желательность привлечения которой для интерпретации пегтымельских грибовидных изображений обратил внимание А. А. Формозов¹²⁰, то отождествление этого божественного напитка арнев с настоем мухомора¹²¹, употребляемого, судя по Верхнеенисейским петроглифам, предками кетов в бронзовом веке и, вероятно, в еще более древнее время субстратным палеоевразийским населением (о чем могут свидетельствовать антропоморфные изображения грибов в искусстве каменного века Испании¹²², вероятно — в Приладожье¹²³ и вполне определенно — на Олекме (рис. 65))¹²⁴ — делает вполне возможным распространение обычая поедания галлюциногенных

¹¹¹ Приводим данные спектрального анализа усть-бельских резцов, произведенного 6 апреля 1960 г. И. Богдановой-Березовской в лаборатории археологической технологии ЛО ИА АН СССР (в процентах). Для большого резца: Cu — 94, Pb — 0,01, Sn — 2, Sb — 0,2, As — 1,5, Ni — 1—0,7, а также следы Fe, Ag, Bi, Mg, Si, Al, Co, Ti, Na, Ca; для малого резца: Cu — 95, Pb — 0,1, Sn — 0,5, Fe — 0,1, Sb — 0,5, Bi — 0,07, As — 1,—75, Ni — 1—0,7, а также следы Ag, Mg, Si, Al, Mn, Ti, Na, Ca (общая сумма 99%).

¹¹² Диков Н. Н., 1961а, с. 10, рис. 4, 28.

¹¹³ Николаев Р. В., 1963, с. 130, табл. 4, 9, 10.

¹¹⁴ Долгих В. О., 1951, с. 13, 14 и примечание к стр. 14; Николаев Р. В., 1959, с. 19—21.

¹¹⁵ Хлобыстин Л. П., Грачева Г. Н., 1972, с. 297.

¹¹⁶ Вайнштейн С. И., 1951; Николаев Р. В., 1960, с. 67; 1962, с. 253—262; Часова Н. Л., 1969, с. 143—146; Симченко Ю. Б., 1976, с. 30.

¹¹⁷ Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н., 1970, с. 40—46.

¹¹⁸ Алексеев Е. А., 1967, с. 172; 1977, с. 41.

¹¹⁹ Николаев Р. В., 1973, с. 492.

¹²⁰ Формозов А. А., 1973.

¹²¹ Wasson P. B., Wasson R. G., 1957.

¹²² Schuster C., 1970, fig. 48, 49.

¹²³ Имеем в виду костяное скульптурное изображение человека, возможно, с грибовидной головой из приладожских стоянок, обычно интерпретируемое как мифическое человекоподобное существо с двумя птичьими головами (Гурина Н. Н., 1961, рис. 19, 14).

¹²⁴ Окладников А. П., Мазин А. П., 1976, табл. 12, 4, с. 93.

грибов не только на Северо-Восток Азии вместе с предками северо-восточных палеоазиатов, но еще раньше и на территорию Америки, где культ галлюциногенных антропоморфизируемых грибов был широко известен в искусстве древних майя, на что мы уже обращали внимание¹²⁵. Поэтому намечающаяся гипотеза о генетической связи проточукотского компонента усть-бельской культуры с ранней карасукской культурой, возможно, гипотетических динлинов или их предков¹²⁶ через предков кетов, которые могли попасть на Чукотку через Енисей и Таймыр, отражает, вероятно, лишь самую позднюю предположительную волну енисейцев на Северо-Восток Азии. Самая древняя их волна, непосредственно восходящая к субстратному палеоевразийскому населению, может соответствовать миграции в Америку из Азии предков палеоиндейского населения, на что указывают также связи между кетами и индейцами и в языке¹²⁷, и в мифологии¹²⁸, и, возможно, в антропологии¹²⁹. Тогда языки енисейского типа, образующие палеоевразийский языковый субстрат, были распространены на значительно более обширной территории Азии¹³⁰. Лишь после этой первой предполагаемой миграции отделившихся от протоенисейцев предков палеоиндейцев, Северо-Восточную Азию могли заселить северо-восточные уральцы (предки юкагиров) и эскимосо-алеуты. Это мог быть древнейший юкагирский и эскимосский этнический клин между родственными в отдаленном прошлом, восходящими к палеоенисейцам предками северо-восточных палеоазиатов и палеоиндейцами. Разумеется, все эти предположения нуждаются в более основательном лингвистическом (прежде всего топонимическом) подтверждении, чем то, которым мы располагаем в настоящее время. Широкое и внимательное сравнительное изучение языков и топонимики Северной и Центральной Азии могло бы внести необходимую ясность в проблему происхождения чукчей и вообще северо-восточных палеоазиатов.

Возникновение зверобойного промысла и проблема происхождения эскимосов

Возникновение специализированного зверобойного промысла явилось крупным прогрессивным сдвигом в истории Северо-Востока во II тысячелетии до н. э.

Ему предшествовал длительный период формирования приморской экономики, начавшийся, вероятно, еще в раннем голоцене после вымирания мамонтовой фауны. Революционизирующее воздействие на формирование этой идеи у археологов, занимающихся Тихоокеанским Севером, оказали мысль Г. Банди о возможном возникновении морской охоты во время инфильтрации носителей микролитической традиции на Алеутские

¹²⁵ Диков Н. Н., 1971в, с. 24.

¹²⁶ Николаев Р. В., 1962; Членова Н. Л., 1969, с. 253—262.

¹²⁷ Swadesh N., 1962; Дульзон А. П., 1969б.

¹²⁸ Иванов В. В., 1973.

¹²⁹ Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н., 1969, с. 217.

¹³⁰ Иванов В. В., 1973, с. 178.

похолоданием около 4—3 тыс. лет назад усилилась его дивергенция с постепенным выделением более обособленных локальных культур.

Проблема происхождения эскимосов теснейшим образом связана, как мы видим, с проблемой возникновения морского зверобойного промысла, но, разумеется, не сводится только к ней. В поисках глубоких этнических истоков эскимосов исследователи используют данные антропологии, этнографии и языка и с учетом этих данных, имея в виду прежде всего языковое родство эскимосов и алеутов, пришли к выводу о существовании в далеком прошлом некой исходной протоэскимосско-протоалеутской общности (эскоалеутов или протоэскимосо-алеутов), из которой эскимосы выделились либо в IV—III тысячелетиях до н. э. на юго-западе Аляски¹⁴³, либо несколько позже, не ранее середины (первой половины) II тысячелетия до н. э. в зоне Берингова пролива, придя туда через перешеек Камчатки со стороны юго-западного побережья Охотского моря¹⁴⁴ (заметим, что это плохо согласуется с фактом распространения культуры Индепенденс на Севере Гренландии в начале II тысячелетия до н. э., если эту культуру считать палеоэскимосской). Другие исследователи, и из них первый, кажется, Д. Дьюмонд, полагают, что разделение эскоалеутов могло произойти значительно раньше, чем 4000 лет до н. э., еще в конце плейстоцена, на территории Берингии, через которую они распространялись из Азии в Америку¹⁴⁵. Эту идею положил в основу своей работы затем и Р. С. Васильевский, несколько утрировав ее и отнеся отделение алеутов от эскимосов к территории Камчатки, связав с древнейшими алеутами вслед за В. Лафлиным шестой палеолитический слой ее ушковских стоянок, а предков эскимосов — с более поздними (уже в раннем и среднем голоцене) миграциями через Берингов пролив отдельных разновременных групп азиатского населения, смешавшихся затем с палеоиндейцами¹⁴⁶, следуя в этом отчасти Ю. А. Мочанову, который азиатских предков эскимосов (алеутов тоже) видит в своих сумнагинцах¹⁴⁷.

Наконец, имеется и циркумполярный, или «юкагирский», вариант протоэскимосского этнического субстрата, основанный на возможном родстве эскимосских и уральских языков. Согласно этой гипотезе с ухудшением климата на рубеже III и II тысячелетий у охотников на дикого оленя вырабатываются черты циркумполярной культуры с подземными жилищами и другими атрибутами северного комплекса¹⁴⁸. Находка лабретки на Таймыре в культуре Маймече на рубеже I тысячелетия до н. э. привлекается при этом как свидетельство родства древних обитателей Таймыра и арктической Америки¹⁴⁹. В последней гипотезе подкупает ее экологический подход, который, начиная с выдающегося американского археолога Л. Гиддингса¹⁵⁰, в последнее время все более завоевывает своих привер-

¹⁴³ Chard C., 1962.

¹⁴⁴ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1975, с. 195.

¹⁴⁵ Dimond D. E., 1969a; Файнберг Л. А., 1971.

¹⁴⁶ Васильевский Р. С., 1973, с. 210.

¹⁴⁷ Мочанов Ю. А., 1969б; с. 142; 1977, с. 253.

¹⁴⁸ Симченко Ю. Б., 1976, с. 18, 26.

¹⁴⁹ Там же, с. 19; Хлобыстин Л. П., 1969, 1973.

¹⁵⁰ Giddings I. L., 1961, p. 171.

женцев не только для объяснения происхождения эскимосской культуры, но и для осмысления многовариантности ее развития¹⁵¹.

В свое время и мы предложили экологическое объяснение местного, как мы до сих пор убеждены, происхождения эскимосской культуры, отделив этот аспект проблемы от другого ее аспекта — происхождения самого эскимосского этноса (допустив появление последнего из более южных районов Северо-Восточной Азии)¹⁵².

Именно похолодание с конца II тысячелетия до н. э. и вызванное им полное обезлесение арктической прибрежной полосы¹⁵³ должны были, как мы по-прежнему полагаем, сыграть решающую роль в выработке ряда таких особенностей арктической культуры зверобоев, как глухая, остроумно скроенная, теплая и непромокаемая меховая одежда, полуподземные жилища, построенные за неимением дерева из китовых костей, пологи из оленьего меха, отапливаемые жирниками, незатопляемые быстроходные каяки и большие легкие байдары из моржовой кожи, поворотные гарпуны с соскакивающими наконечниками и многие другие приспособленные к арктической морской охоте орудия из камня и кости. Все это могло появиться именно при слиянии двух океанов, Тихого и Ледовитого, в месте, наиболее обильном на земном шаре морскими животными, в результате, как мы полагаем, приспособления к новым, более суровым климатическим условиям¹⁵⁴.

Термин «древняя эскимосская культура» употребляется нами в основном смысле, так как в действительности обозначаемая им культура соответствует различным этническим группам эскимосов, а в некоторых ее локальных проявлениях может оказаться вовсе даже не эскимосской по этнической принадлежности ее носителей.

В западных областях Аляски, например, в I тыс. до н. э. обитали зверобои, не употреблявшие в отличие от живших к востоку от них дорсетцев ножевидных пластин, нарушившие таким образом северную неолитическую традицию. Сначала здесь, на западе Аляски, с конца II тыс. до н. э. и в первых веках I тысячелетия до н. э. распространяются культуры Качемак I и Чорис, а затем, в середине того же тысячелетия, культура Нортон и, наконец, в конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. — Ипиутак. Это так называемые палеоэскимосские культуры. С конца I тыс. до н. э. здесь складываются неоэскимосские культуры: оквикская, древнеберингоморская, а с середины I тыс. н. э. — бирнирская и пунукская. Все перечисленные культуры содержат явно локальные, не присущие восточноарктическим памятникам элементы.

В своем развитии древнеэскимосская культура прошла на Чукотке, как обычно считают, несколько этапов: оквикский, древнеберингоморский, бирнирский и пунукский, названные так по местонахождениям наиболее типичных для них памятников. В сущности, это не общие для всей древнеэскимосской культуры Чукотки этапы, а локальные, разновременные

¹⁵¹ Арутюнов С. А., 1975.

¹⁵² Диков Н. П., 1958б, с. 8; Диков Н. Н., 1963.

¹⁵³ Шварцбах М., 1955; Борисов М. П., 1970, с. 67; Чижов О. П., 1970, с. 74.

¹⁵⁴ Диков Н. Н., 1958б, с. 8.

(иногда частично сосуществующие) культуры. Каждая из них распознается теперь прежде всего по формам костяных поворотных наконечников гарпунов — основного орудия промысла морского зверя — и по стилю художественной резьбы на них и на других костяных изделиях.

Далеко не все ясно в происхождении, развитии и взаимоотношениях этих приморских зверобойных культур. До самого последнего времени (до открытия в 1975 г. палеоэскимосской культуры на о. Врангеля) была еще совсем неизвестна исходная азиатская культура морских охотников, и наше знакомство с ними на морском побережье восточной Чукотки начиналось с вполне сложившихся и развитых оквикской и древнеберингоморской культур, причем дискуссионным является даже то, какая из последних является более древней. Поэтому и приходится говорить об эскимосской проблеме, охватывающей очень широкий круг вопросов.

Не ставя перед собой задачи окончательного и полного решения этой эскимосской проблемы, мы все же сделаем усиленную попытку в ней разобраться и для этого рассмотрим каждую из названных приморских археологических культур в свете последних археологических материалов.

Врангельская палеоэскимосская культура

О распространении на азиатской стороне эскимосского ареала древнейшей в Азии палеоэскимосской культуры стало возможным говорить лишь после открытия в 1975 г. на о. Врангеля палеоэскимосской стоянки у Чертова оврага (167)¹⁵⁵. Мы ограничимся здесь лишь предварительными данными об этой культуре на основе наших первых материалов о ней, поскольку в настоящее время специальным отрядом Северо-Восточно-Азиатской экспедиции (под руководством Т. С. Теина) ее полевые исследования еще продолжаются¹⁵⁶.

В комплексе каменных изделий этой зверобойной культуры, как и подобает палеоэскимосским культурам, почти совсем отсутствуют шлифованные орудия.

Среди каменных изделий хорошо различаются метательные наконечники, ножи, ножи-резчики, скребки и некоторые другие инструменты. Почти все они были изготовлены техникой оббивки и отжима, что придает им очень архаичный вид. Ниже даем их последовательное описание.

Все метательные наконечники сделаны техникой двустороннего отжима и представляют собой типичные бифасиальные орудия с тонкой подретушевкой по краям. Все они имеют более или менее выраженный черешок и могут быть подразделены на две основные группы: листовидно-черешковые (рис. 66, 1) и треугольно-черешковые (66, 2). При этом черешок может быть узким и длинным (рис. 66, 1) или едва намечающимся (рис. 66, 2). Только один черешковый наконечник сделан из тем-

¹⁵⁵ Диков Н. Н., 1976в; Dikov N. N., 1978a.

¹⁵⁶ Теин Т. С., 1977, 1978.

но-серого кремня хорошего качества, остальные — из грубого филитизированного, почти черного, глинисто-песчанистого сланца.

Ножи, как правило, отличаются грубой выделкой и по обработке поверхностей являются как бифасиальными (рис. 66, 8), так и унифасиальными (рис. 66, 7). Преобладающая форма ножей — листовидная (рис. 66, 8) или удлинненно-овальная (рис. 66, 9), хотя в обломках сохранились ножи и фигурных («горбатых») форм.

Другую группу ножей составляют более или менее массивные пластинчатые отщепы, ретушированные преимущественно со стороны спинки (рис. 66, 5, 6) или также с брюшка. Некоторые разновидности этих изделий могут быть отнесены к категории грубых ножевидных пластин с ретушью.

Особую категорию орудий составляют большие треугольной формы ножи-резчики, бифасы и унифасы (рис. 66, 14, 15). В сущности, они близко примыкают к предыдущей категории ножей, отличаясь от них наличием приостренного рабочего конца.

Соединение признаков двух предыдущих категорий орудий образует еще одну, и притом весьма специфическую, группу орудий — ножей резчиков-унифасов на сравнительно тонких пластинчатых отщепах или широких ножевидных пластинах (рис. 66, 11, 13). Как правило, они имеют более или менее узкоудлинные сегментовидные очертания с одним тщательно приостренным рабочим концом и с противоположным закругленным, совершенно необработанное брюшко и сплошь покрытую отжимной ретушью спинку.

Сравнительно многочисленную группу составляют скребки. Они сделаны из отщепов путем более или менее полной их обработки. Характерной их формой являются скребки «с ушками», тщательно обработанные со стороны спинки (рис. 66, 20, 21), «грушевидный» скребок, аккуратно ретушированный с обеих сторон и, вероятно, являющийся скребком-проколкой (рис. 66, 19), овальный скребок (рис. 66, 18), трапециевидный, подтреугольные (рис. 66, 17) и другие, менее выразительных очертаний. Некоторые из них могли служить одновременно и ножками.

Своеобразным орудием является массивный нож с резцовым сколом (рис. 66, 16) и тесловидный инструмент из серого песчаникового сланца.

Наконец, попадаются и просто отщепы, причем некоторые из них — со следами ретуши.

Среди перечисленных изделий, обработанных оббивкой и отжимом, найдено лишь одно слегка подшлифованное со стороны лезвия орудие — небольшое тесло подтрапециевидной формы из плоской гальки. Оно обработано довольно небрежно, и по одному его краю и на обушке сохранилась нетронутой галечная корка (рис. 66, 4).

Изделия из моржового клыка представлены тремя стержневидными орудиями наподобие листовидных пещен. У них слегка приостренные рабочие концы, а противоположные торцы необработаны. Не исключено, что некоторые из этих орудий могли служить и отжимниками для обработки каменных изделий.

Наконец, самым интересным и наиболее важным в диагностическом отношении изделием является однодырчатый поворотный наконечник гар-

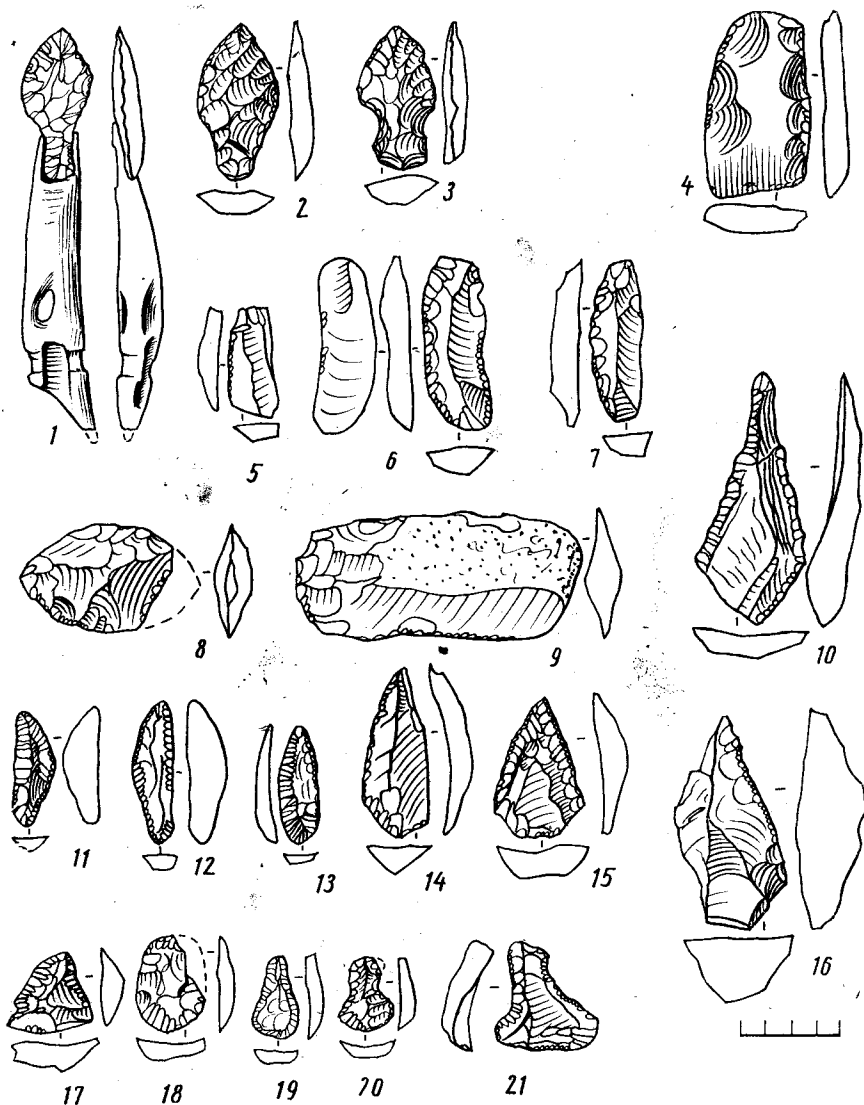

Рис. 66. Палеосибирский комплекс о-ва Врангеля (1—16)

пуна довольно большого размера, очень архаичный по виду и своеобразный (рис. 66, 1)¹⁵⁷.

Мы уже отмечали¹⁵⁸, что этот найденный на стоянке поворотный наконечник гарпуна при всем своем своеобразии в общем наиболее близок

¹⁵⁷ Диков Н. Н., 1977б, табл. 188.

¹⁵⁸ Там же.

по своей конструкции древнейшим наконечникам гарпунов земли Пири на крайнем Севере Гренландии, где они были обнаружены более двух десятилетий назад датским археологом Кнудом Айгилом среди остатков палеоэскимосской культуры Индепенденс (II тысячелетие до н. э.)¹⁵⁹.

Общий облик каменной индустрии впервые обнаруженной на о. Врангеля культуры, а именно господство таких изделий, как обработанные ретушью черешковые наконечники, ножи-резчики и хотя и грубые, но все же ножевидные пластины, тоже находит много общих черт в древнейших палеоэскимосских культурах арктической Америки и особенно в северогренландской культуре Индепенденс и в культуре Палисады II (4000 лет до н. э.) на м. Крузенштерна в Беринговом проливе¹⁶⁰. Приморские же стоянки Северной Чукотки, в частности исследованные нами в 1957 и 1975 гг. древнеберингоморские и пунукские поселения и святилище на мысе Шмидта (Рыркайпия), определенных аналогий Врангельской древней культуре пока не дают.

Таким образом, у нас имеются уже вполне убедительные сравнительно-типологические данные для достаточно определенной датировки обнаруженной на о. Врангеля приморской культуры очень древним временем — II тысячелетием до н. э., периодом, безусловно предшествовавшим оквикской и древнеберингоморским культурам. Эти данные совпадают с радиоуглеродной датой 3360 ± 155 (МАГ-198) по углю из костра на стоянке Чертов овраг. Тем самым мы не только получили первые доказательства древнего заселения о. Врангеля, но и обнаружили самую древнюю в Азии палеоэскимосскую культуру. Поразительный факт сходства этой врангельской культуры с палеоэскимосскими культурами Канадской Арктики и даже далекого о. Гренландии, а с другой — заметное сходство многих специфических типов каменных изделий — черешковых скребков, ножей-резчиков и горбатых ножей¹⁶¹ с неолитическими камчатскими вплоть до м. Лопатка, североохотскими, а также с древнеалеутскими¹⁶² являются хорошим подтверждением того единого и широкого культурного пласта в период освоения морской экономики на Северо-Востоке Азии и в Северной Америке, о наличии которого говорилось выше.

¹⁵⁹ Bandi H.-G. Eskimo prehistory, 1972, fig. 64.

¹⁶⁰ Giddings J. L., 1961, fig. 4; Bandi H. G., 1972, fig. 16.

¹⁶¹ Теун Т. С., 1978.

¹⁶² Дикова Т. М., 1976; Васильевский Р. С., 1971, McCartney A. P., 1971, fig. 15.

Северо-Восток

в период неразвитого железного века
и пережиточного неолита

Уже в начале нашей эры на Крайний Северо-Восток Азии начинает проникать железо. Оно используется в ничтожном количестве, по-прежнему преобладают орудия из камня, кости, дерева. Однако прежней неолитической культуре, как таковой, на Камчатке и Чукотке наступает конец. Неолит на этой территории приобретает теперь пережиточный характер и вступает в последнюю, хотя и очень длительную, затяжную фазу своего развития, которая продолжалась очень долго, до прихода на Северо-Восток в XVII в. русских.

С течением времени здесь формируются несколько этнокультурных общностей, резко отличающихся своеобразием своих археологических памятников (рис. 67). На морском побережье Чукотки мы застаем в это время культуры предков эскимосов и береговых чукчей, а также коряков. Во внутренних районах Чукотки, в долинах рек Анадыря, Майна и, очевидно, Колымы, — вероятно, древнеюкагирскую культуру. На северном побережье Охотского моря и Берингоморском побережье Северной Камчатки — древнекорякскую культуру. В долине р. Камчатки — среднекамчатский (никульский) вариант древнеительменской культуры и, наконец, на юге п-ва Камчатка — южнокамчатский (налычевский) вариант культуры ительменов, испытывавших айское влияние.

Рассмотрим эти археологические культуры по порядку, начиная с самых северных, связанных с морской охотой.

Оквикская культура

Одной из наиболее древних, известных сейчас на Чукотке приморских культур наряду с древнеберингоморской можно считать оквикскую культуру. Она хорошо исследована на о. Лаврентия, где ее остатки перекрываются отложениями древнеберингоморской культуры. Следы оквикской культуры прослеживаются также на юго-западе Аляски, на о. Кодьяке и на островах Берингова пролива. На Чукотке ее распространение ограничено в основном побережьем Берингова пролива, от Уэлена до Чаплино, но ее признаки обнаружены также и в Нунигране.

Среди раскопанных нами в 1957—1963 гг. погребений Уэленского могильника (112) оказалось одно (№ 1) с типично оквикскими по конструкции наконечниками поворотных гарпунов, орнаментированными оквик-

ским скупым узором из глубоко врезаемых, слегка искривленных линий. Костяк человека лежал навзничь, черепом на восток под плитой ограды более поздних захоронений. Рядом с ним было много каменных и костяных изделий и в числе их шлифованная сланцевая проколка, несколько напоминающая эскимосско-алеутские лабреточные шпильки¹.

Еще по крайней мере одно (№ 15) чисто оквикское захоронение было обнаружено в 1959 г. на Уэленском могильнике М. Г. Левиным, Д. А. Сергеевым и С. А. Арутюновым. Оно тоже ориентировано головой на восток, причем погребенный так же вытянут и лежит на спине².

Эти два уэленских погребения мы выделяем в качестве оквикских как по форме и стилю орнаментации поворотных наконечников гарпунов, так и по наличию в одном из них архаичного крылатого предмета оквикского типа, подобного ранее обнаруженным оквикским крылатым предметам³.

Костяные и каменные изделия из этих могил образуют вполне определенный характерный комплекс, почти аналогичный уже известному по раскопкам Коллинза и Рейни на о. Св. Лаврентия.

В число костяных изделий оквикского комплекса входят сделанные из моржового клыка наконечники поворотных гарпунов как втульчатые, так и с открытым гнездом для насада, причем либо с концевым копьём, либо с боковыми вкладышами, но всегда с одним отверстием для линия⁴. Характерны для оквикского комплекса также крылатые предметы довольно архаичной формы с прямыми короткими крыльями⁵.

Очень приметны в оквикской культуре костяные антропоморфные статуэтки или просто вырезанные из моржового клыка изображения человеческих лиц, оформляющие чаще всего пуговицы, или запонки, от поглавков. Оквикские антропоморфные изображения, как правило, отличаются вытянутыми пропорциями лица и длинным узким носом. Особенно выразительна в этом роде так называемая оквикская мадонна с Пунукских островов. Нередко на таких костяных ликах из смешанных оквикско-древнеберингоморских погребений очень определенно обозначены лабретки. Тот факт, что подобных изображений с лабретками совсем нет в чисто древнеберингоморских погребениях или на древнеберингоморских стоянках, вполне позволяет сделать вывод именно об оквикской принадлежности этих изображений. Прямым подтверждением этому служит и отсутствие лабреток на недавно обнаруженных Д. А. Сергеевым в Эквенском могильнике древнеберингоморских деревянных масках⁶.

В комплекс костяных оквикских изделий входят также различные орудия сухопутной и морской охоты: наконечники стрел с концевым пазом для каменного копья и с длинными бородками у черешка, наконеч-

¹ Диков Н. Н., 1967а, рис. 4, 2.

² Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969, с. 56, рис. 15.

³ Там же, рис. 50, 9.

⁴ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969, рис. 36, 124, 127; Диков Н. Н., 1967а, рис. 6, 1—4.

⁵ Bandi H. G., 1969, fig. 23.

⁶ Недавно такая безлабреточная маска была обнаружена и в Утене (122). Она хранится в фондах ЧОКМ.

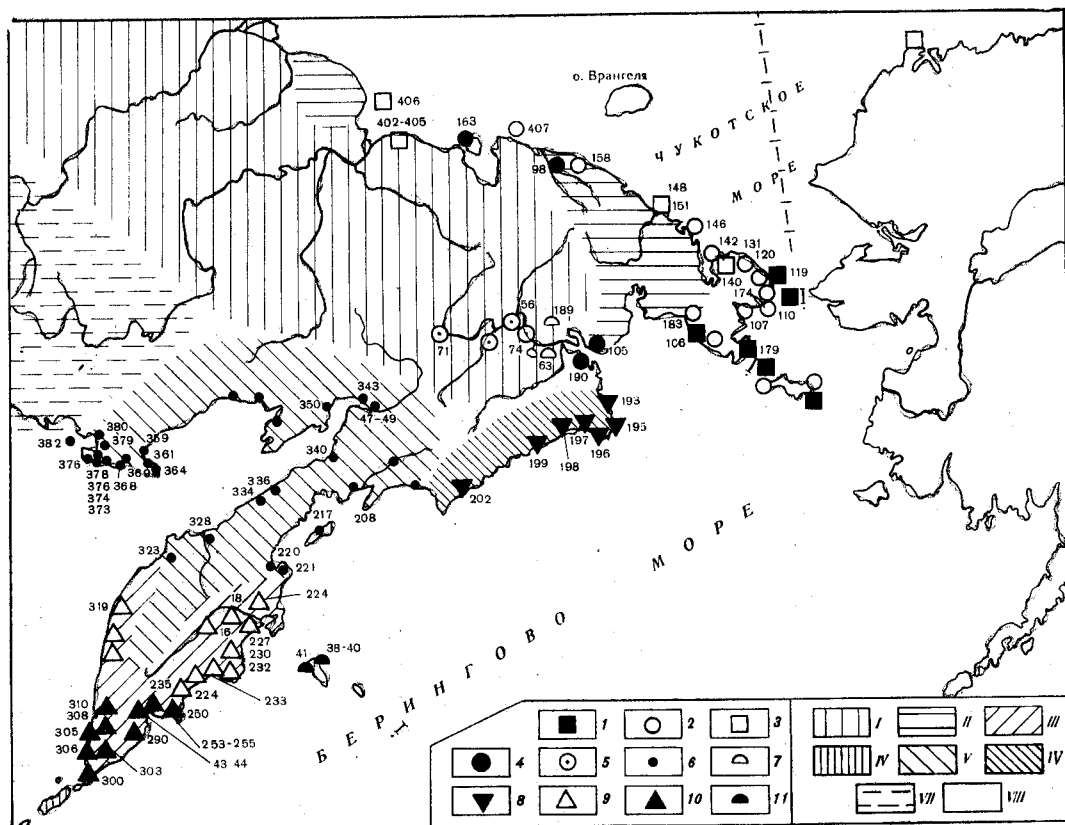

Рис. 67. Расселение народов Северо-Восточной Азии в XVII в. и археологические культуры не развитого железного века и пережиточного неолита

ники стрел с тупым концом (для охоты на птиц), мотыжки, длинные стержни для боковых вкладышевых каменных лезвий, наконечники острог, багров, пуговицы и запонки от поплавков, полозья от салазок и др. Наконец, очень характерен своим типично оквикским узором обнаруженный нами в уэленском погребении один роговой лучок для высверливания огня⁷.

В оквикский комплекс каменных изделий (рис. 68) входят двусторонне ретушированные наконечники стрел и дротиков, листовидные (I—9а, 9аМ)⁸, черешковые (VIII—4М)⁹, треугольные (II—4в; VIв)¹⁰; сланцевые шлифованные наконечники копий (Е—4)¹¹; сланцевые ножи, среди которых в целом виде сохранился один широкий, листовидной формы, очень крупных размеров (22 см длиной), с одним отверстием для прикрепления к рукоятке (Е—37)¹²; обломки двусторонне ретушированных, неполностью листовидных ножей на отщепах; ретушированные по краям, короткие (не длиннее 4 см) ножевидные пластины неправильной формы (I—7)¹³; мелкие листовидные вкладышевые лезвия от поворотных гарпунов (I—14)¹⁴ и гарпунные вкладышевые лезвия треугольной формы (I—11)¹⁵; скребки комбинированные с концевым и боковым рабочим краем (V—5)¹⁶; микроскребки округлые (V—8)¹⁷, скребки на отщепах (X—9, 10)¹⁸, дисковидный скребок высокой формы (IX—13)¹⁹; резец срединный на отщепе (IV—6)²⁰ и кристалл кварца в роли резца (V—9)²¹; проколки: сланцевая, плоская, шлифованная, без рукоятки (II—6)²² и обломок массивной проколки (II—4)²³, тесла оббитые, в некоторых случаях со слегка пришлифованным лезвием, неправильного, линзовидного сечения, с округлым лезвием и приостренным обушком (IV—1), неправильной подтрапециевидной формы (V—3); нуклеусы-отжимники кубовидной формы; песчаниковые плитки для растирания охры²⁴.

Рассмотрим теперь проблему датировки оквикской культуры. Ларсен и Рейни датировали ее первыми веками н. э., считая ее культурой более древней, чем древнеберингоморская, и синхронной Ипиутак²⁵. Н. Кол-

⁷ Диков Н. Н., 1958а, рис. 14, 1.

⁸ Диков Н. Н., 1967а, рис. 4, 9, рис. 7, 11.

⁹ Там же, рис. 7, 5.

¹⁰ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969, рис. 63, 1.

¹¹ Bandi, 1969, fig. 23.

¹² Диков Н. Н., 1967а, рис. 5, 1.

¹³ Там же, рис. 4, 6, 7, 16.

¹⁴ Там же, рис. 4, 11, 7, 14.

¹⁵ Там же, рис. 4, 15.

¹⁶ Там же, рис. 7, 3.

¹⁷ Там же, рис. 4, 3.

¹⁸ Там же, рис. 7, 6, рис. 4, 7, 8.

¹⁹ Там же, рис. 7, 10.

²⁰ Там же, рис. 7, 9.

²¹ Там же, рис. 7, 13.

²² Там же, рис. 4, 2.

²³ Там же, рис. 7, 12.

²⁴ Там же, рис. 7, 2; 7, 1; 4, 16, 19; 5, 7.

²⁵ Larsen H., Rainey F., 1948.

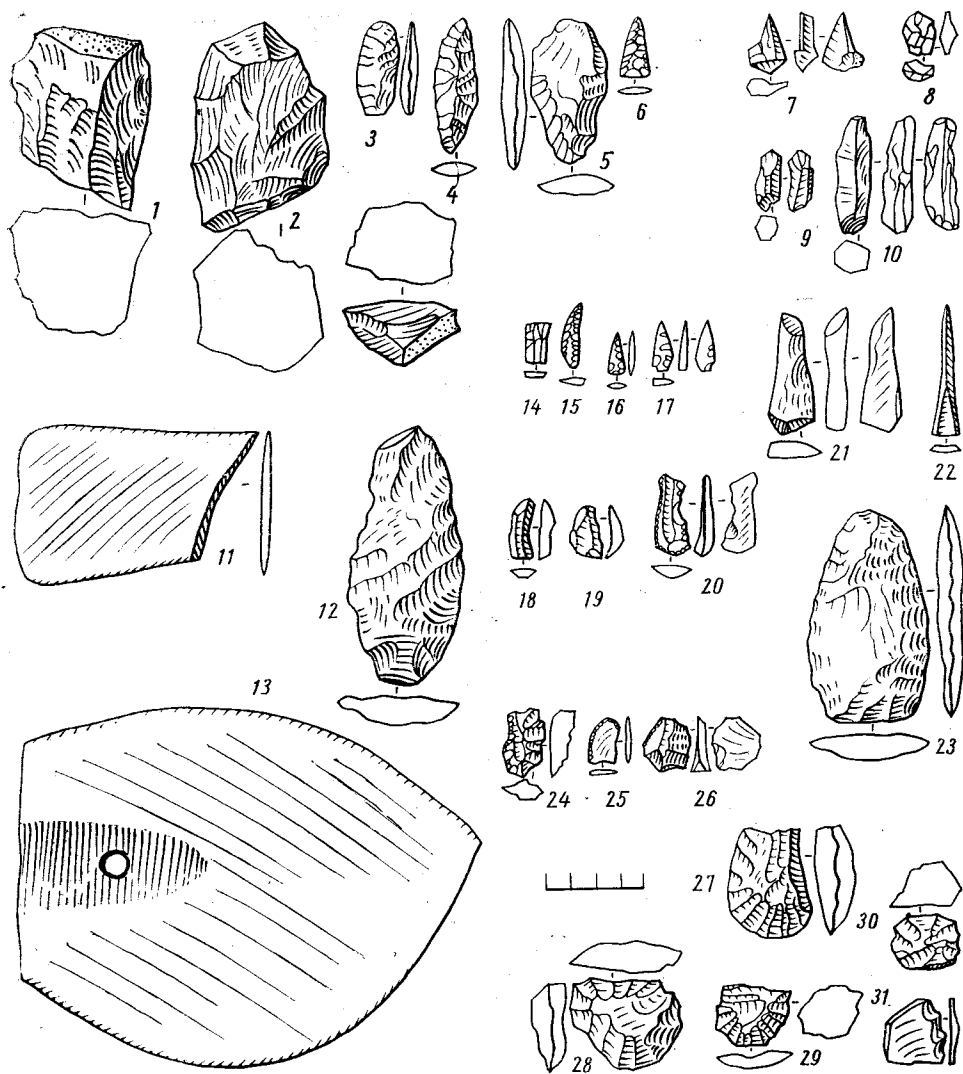

Рис. 68. Оквикский комплекс каменных изделий (Уэленский могильник, погребение № 1, раскопки автора в 1956 г.)

линз, подвергнув фундаментальному исследованию развитие изобразительного стиля древнеберингоморских памятников, отнес Оквик к первой фазе развития древнеберингоморского искусства, определив ее хронологически последними тремя столетиями до н. э.²⁶ В распоряжении Коллинза к тому времени была первая радиоуглеродная дата угля из оквикского

²⁶ Collins H., 1954.

дома 2 на стоянке Хиллсайд в Гамбелле на о. Св. Лаврентия, определенная Либби (2258 ± 230). Этой датировки Оквика, его пониманию как древнейшей из известных зверобойных культур азиатской части Берингова пролива придерживаются до сих пор все или почти все американские исследователи эскимосской проблемы, и в том числе Г. Гиддингс и Н. Банди²⁷. При этом постепенно начинает преобладать мнение, что Оквик является не просто первой стадией древнеберингоморской культуры, а независимой культурой, хотя вначале и более древней, чем древнеберингоморская, но затем развивающейся с ней параллельно²⁸.

Весьма существенно, что подобное представление о хронологическом соотношении оквикской и древнеберингоморской культуры господствует, несмотря на то, что уже в 1959 г. появились новые радиоуглеродные датировки тех же образцов угля со стоянки Хиллсайд в Гамбелле, более молодые (в среднем 500 г. н. э.), чем древнеберингоморские (в среднем 300 г. н. э.)²⁹. Это послужило М. Г. Левину, а затем С. А. Арутюнову и Д. А. Сергееву поводом к категорическому пересмотру относительной хронологии Оквика, на необходимость чего М. Г. Левин указывал еще в 1949 г., полагая уже тогда, что Оквик моложе древнеберингоморской культуры³⁰. На основании анализа и классификации гарпунных наконечников из Уэленского и частично Эквенского могильников эти исследователи вполне подтвердили, как они полагают, этот вывод³¹.

Однако следует отметить, что еще Коллинз предупреждал, что даты угля из дома 2 в Хиллсайте не могут достаточно надежно определять хронологическое положение Оквика, так как в этом доме сохранились не характерные для Оквика вещи. Они, по мнению Коллинза, либо древнее обычного Оквика, либо позднее³². Учитывая это обстоятельство, мы должны с большой осторожностью отнестись ко всем радиоуглеродным датам углей из Хиллсайда. Это относится, разумеется, и к новой радиоуглеродной дате другого дома в Хиллсайте (1370 ± 60), который также может относиться к позднему этапу Оквика³³. Других же радиоуглеродных дат для датировки Оквика пока нет.

Неправомерным является, на наш взгляд, и определение возраста оквикской культуры на основании той типологии поворотных гарпунных наконечников, которую предлагают названные исследователи. Вопреки фактам они считают исходной их формой двудырчатые наконечники (следовательно, древнеберингоморские), а однодырчатые (следовательно, оквикские) — более поздними. Между тем и на Чукотке (в Усть-Бельском могильнике), и на Аляске (в культурах Качемак I, Хорис и Ипиутак) древнейшими наконечниками являются не двудырчатые, а однодырчатые простейшие наконечники³⁴. К тому же, ипиутакские однодырча-

²⁷ Giddings J. G., 1964, p. 252; Bandi H. G., 1969.

²⁸ Ford I. A., 1959, p. 239; Bandi H. G., 1969.

²⁹ Rainey F., Ralph El., 1959.

³⁰ Левин М. Г., 1949.

³¹ Левин М. Г., Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1975.

³² Rainey F., Ralph El., 1959.

³³ Банди Х. Г., 1976, с. 489, 490.

³⁴ Bandi H. G., fig. 31, 22, 36.

тые наконечники, которые, конечно, никак не позднее древнеберингоморских, похожи на оквикские даже своими конструктивными деталями второго порядка (концевыми копьцами, боковыми вкладышами и бородками)³⁵.

Вместе с тем нельзя не считаться со вполне определенной типологией «крылатых предметов», разработанной в свое время Коллинзом и нашедшей подтверждение в новейших исследованиях как наших, так и М. Г. Левина, С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева. Древнейшей исходной формой являются «крылатые предметы» с короткими прямыми крыльями. Именно для этой формы наиболее характерен оквикский стиль орнаментации. Такие «крылатые предметы» обнаружены на Оквикской стоянке Пунукского острова³⁶, а на Уэленском могильнике — в сопровождении гарпунных наконечников оквикского типа³⁷. И даже если допустить, что оквикские «крылатые предметы» представлены не самыми ранними разновидностями этого раннего типа, как это якобы следует из типологии «крылатых предметов», предложенной С. А. Арутюновым и Д. А. Сергеевым³⁸, но все же и не поздними типами, а это имеет решающее значение. Поэтому названные оквикские «крылатые предметы» синхронны лишь ранним фазам древнеберингоморской культуры и к тому же могли быть заимствованы от нее не сразу, не на самой ранней фазе оквикской культуры.

Другими архаичными чертами Оквика мы считаем преобладание оббитых каменных орудий над шлифованными более значительное, чем в древнеберингоморской культуре, и наличие копьевидных костяных стержней, оснащенных боковыми каменными вкладышами, сходных с подобными вкладышевыми стержнями из мезолитических отложений аляскаинской пещеры Трейл-Крик³⁹.

Вместе с тем мы полагаем, что начало Оквика, очевидно, неамного древнее начала древнеберингоморской культуры и что правы, конечно, Р. В. Чубарова-Козырева, М. Г. Левин, С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев, определяющие Уэленскую стоянку после ее раскопок и исследования Р. В. Чубаровой-Козыревой поздним, «предысторическим» временем (XV—XVII вв.)⁴⁰, а не С. И. Руденко, относивший ее чуть ли не к концу II—I тысячелетия до н. э.⁴¹ Уэленская культура, связанная с Оквиком, является, действительно, фикцией, и мы поэтому имеем дело не с уэлено-оквикской культурой, как ошибочно считал С. И. Руденко и до сих пор следует ему Ю. Г. Симченко⁴², а только с оквикской.

Признавая хронологический приоритет за Оквиком, а не древнеберингоморьем, мы имеем в виду периоды возникновения этих культур, полагая, что в дальнейшем они длительное время сосуществуют.

³⁵ Там же, фиг. 36.

³⁶ Там же, фиг. 23; Collins H. B., 1962, fig. 7, a.

³⁷ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969, рис. 50, 9, 11.

³⁸ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1975, с. 153, рис. 85, 5.

³⁹ Larsen H., 1968, pl. 11—13.

⁴⁰ Чубарова-Козырева Р. В., 1969, с. 34.

⁴¹ Руденко С. И., 1947, с. 107, 108.

⁴² Симченко Ю. Б., 1976, с. 67.

Итак, у нас нет пока достаточных оснований удревнять Оквик, по С. И. Руденко, и чрезмерно омолаживать его, по М. Г. Левину, С. А. Арутюнову и Д. А. Сергееву. Эта одна из наиболее древних неoesкимосских культур относится, очевидно, к концу I тысячелетия до н. э. и к первой половине, а может быть, и к середине I тысячелетия н. э. Лишь недоразумением можно объяснить замечание Арутюнова и Сергеева, будто бы мы продолжаем придерживаться устаревшей концепции С. И. Руденко об уэлено-оквической стадии, целиком предшествующей древнеберингоморской⁴³. После исследований, произведенных в 1957 г. на Уэленской стоянке Р. В. Чубаровой-Козыревой, стало ясно, что отпали все основания для включения этой стоянки в оквическую культуру и для датировки последней II—I тысячелетиями до н. э. и к тому же чукотской, а не эскимосской. Если мы и употребляли еще некоторое время термин «уэлено-оквическая культура» (но не «стадия», как приписывают нам Арутюнов и Сергеев), то уже совсем в ином хронологическом толковании: «уэлено-оквическая культура первых веков нашей эры» и подразумевая не Уэленскую стоянку, а чисто оквическое захоронение на Уэленском могильнике⁴⁴. В дальнейшем мы этот термин полностью устранили из обихода, восстановив, прежний, американский — «оквик»⁴⁵.

Переходя к вопросам культурных связей и происхождения оквической культуры, следует подчеркнуть, что, вопреки мнению Р. С. Васильевского, она, конечно, не может быть самой древней эскимосской культурой на Чукотке, которая до переселения сюда из Аляски оквикцев была заселена якобы исключительно северо-восточными палеоазиатами — предками чукчей и коряков⁴⁶. Палеоэскимосская дооквическая культура известна теперь даже на о. Врангеля, куда она могла проникнуть только через Чукотку. Убедительных данных о связи оквика с этой врангельской культурой пока нет, хотя в принципе она не исключена. Об этом говорит как будто бы общее сходство их каменных индустрий, более архаичной на о. Врангеля по сравнению с оквиком, в котором уже хоть и ограничено, но применялись сланцевые шлифованные ножи.

Хотя следы оквической культуры сохранились главным образом на островах (Св. Лаврентия, Пунукских, Диомида) и лишь в меньшей степени на материке (на Чукотке и на Аляске), она содержит некоторые черты генетического сходства с континентальными культурами.

Много общих генетических черт сходства с нею наблюдается в устьбельской культуре, где, судя по находкам продолговато-сегментовидных кремневых вкладышей (I—11), были такие же, как в оквической уэленской могиле 1, составные, сделанные из кости и камня пики. В устьбельской культуре были в ходу простейшие наконечники поворотных гарпунов с одним отверстием (рис. 55, 5), что характерно именно для Оквика, и вильчатые с двух концов костяные стрелодержатели, украшенные резным орнаментом (рис. 60, 3—5), очень похожим на оквический, но

⁴³ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1975, с. 184.

⁴⁴ Диков Н. Н., 1967а, с. 48.

⁴⁵ Диков Н. Н., 1969а, с. 172; 1971а, с. 32—33; 1972; 1974а и др.

⁴⁶ Васильевский, 1973, с. 212; 1975, с. 132.

более простым, который вполне можно рассматривать в качестве его прототипа.

Оквискская рифленая керамика⁴⁷ тоже находит аналогии в некоторых образцах керамики Усть-Бельского могильника.

Кроме того, в усть-бельской культуре имеются сходные с оквискскими каменные изделия: двусторонние ретушированные продолговатые треугольные наконечники стрел с прямой базой (II—4в), а также листовидные с усеченным основанием и закругленным острием (I—9аМ), треугольные, сплошь ретушированные с обеих сторон боковые вкладыши (I—11) и таким же образом обработанные маленькие листовидные (I—14); ретушированные по одному краю короткие ножевидные пластины (I—7), округлые микроскребки (V—8), круглые дисковидные скребки высокой формы (IX—13) и полуовальные скребки на отщепах (X—9, 10); срединные резцы на отщепах (IV—6). Необходимо, однако, отметить, что полного сходства оквискского каменного инвентаря с усть-бельским все же нет. В Оквике в отличие от усть-бельской культуры ножевидные пластинки не являются преобладающей формой индустрии и являются скорее исключением. К тому же отмеченные выше пластинки (I—7) имеют весьма неправильные «неклассические» очертания.

Обнаруживается, хотя и меньше, сходство оквискской каменной индустрии и с северочукотской поздненеолитической культурой. Там те же ретушированные по одному краю пластинки (I—7) и срединные резцы (IV—6) и характерные для оквискской культуры сплошь оббитые подтрапециевидные тесла грубой выделки (V—3). Во всем остальном аналогий с северочукотской культурой меньше. Нет сходных костяных изделий, а керамика совсем другая — с мелкими ложнотекстильными оттисками.

Так же, как и в усть-бельской культуре, в северочукотской, в отличие от Оквика, господствует техника скалывания ножевидных пластин и к тому же там распространены совсем чуждые для Оквика трехгранные каменные наконечники стрел. Так что с северочукотской культурой оквискская обнаруживает в общем значительно меньше, чем с усть-бельской, связей, которые можно бы считать генетическими. Отчасти, быть может, это объясняется просто ее относительно большей хронологической удаленностью от Оквика.

Дальше в глубь Сибири мы также не находим сходных с оквискским комплексом, однако следует отметить, что распространение отдельных элементов этого комплекса (сходных наконечников стрел и тесел) прослеживается в конце II—I тысячелетия до н. э. преимущественно в притихоокеанской зоне — на северном побережье Охотского моря, на Сахалине, в Приморье и дальше на о. Хоккайдо.

В Северной Америке отдельные сходные с оквискскими вещи встречаются по всей арктической полосе, причем наибольшее их количество относится к Аляске, особенно к комплексу Нортон (вторая половина I тысячелетия до н. э.). В последнем мы обнаруживаем однодырчатые по-

⁴⁷ Bandi H. G., 1969, fig. 23.

воротные гарпунные наконечники⁴⁸ и лабретки⁴⁹, а также и такие, как и в Оквике, удлинённо треугольные наконечники стрел с прямой базой (II—4в)⁵⁰, черешковые (VIII—44)⁵¹, сплошь ретушированные вкладышевые лезвия, боковые треугольные (I—11)⁵², овальные (I—18)⁵³ и, наконец, лишь частично по лезвию шлифованные овальные тесла с приостренным обухом (IV—1)⁵⁴. Из названных нортонских вещей некоторые встречаются уже в более раннем комплексе Денби (около 3000 лет до н. э.): удлинённо треугольчатые наконечники стрел (II—48)⁵⁵, треугольные вкладыши (I—11)⁵⁶. В промежуточной же по времени «древней китобойной культуре» (начала II тысячелетия до н. э.) так же, как и в Нортоне, мы видим удлинённо треугольные наконечники (II—46)⁵⁷, а в культуре Чорис (середина I тысячелетия до н. э.) — лабретки, однодырчатые поворотные гарпунные наконечники, черепиковые (II—14) и также треугольные (III—5) наконечники⁵⁸.

Таким образом, на северо-западном берегу Аляски наблюдается непрерывная генетическая цепочка отдельных культурных элементов, идущая от комплекса Денби через древнюю китобойную культуру и культуру Чорис к Нортону, а от него — к культуре Оквик. К этому можно добавить ещё более древние истоки оквикской материальной культуры, восходящие к мезолитическим отложениям западноаляскинской пещеры Трейл-Крик, в которых оказались аналогичные оквикским костяные стержни с боковыми пазами для сегментовидных каменных вкладышей⁵⁹.

Определённый интерес представляет для рассматриваемой проблемы происхождение Оквика и его сходство с лабреточной ишпугакской культурой, развивавшейся на северо-западе Аляски в конце I тысячелетия до н. э. — начале I тысячелетия н. э. Здесь много общего в конструкции однодырчатых наконечников поворотных гарпунов⁶⁰, стиле украшения костяных изделий и в каменном инвентаре. Сходными в последнем оказываются треугольные и овальные боковые вкладышевые лезвия (I—11)⁶¹, продолговатые треугольные двусторонне ретушированные плоские наконечники стрел с прямой базой (II—46)⁶² и вообще преобладание техники оббивки над шлифовкой.

Интересно, что названные треугольные наконечники встречаются sporadически вплоть до Лабрадора, где они известны в культуре 3000—

⁴⁸ Giddings I. L., 1964, pl. 36, 17, 20.

⁴⁹ Ibid., pl. 39.

⁵⁰ Ibid., pl. 47, 12, 14, 15, 18, 21, 23, 24.

⁵¹ Ibid., pl. 50, 14.

⁵² Ibid., pl. 46, 5, 11, 13, 15.

⁵³ Ibid., pl. 46, 3, 7—9, 17.

⁵⁴ Ibid., pl. 44, 11.

⁵⁵ Ibid., pl. 72, 8.

⁵⁶ Ibid., fig. 56, a, pl. 71, b, 9; см. также об этих вкладышах из Натвакруака (середина III тысячелетия до н. э.); Campbell I. M., 1962, pl. 3, 8.

⁵⁷ Bandi H. G., 1969, fig. 17, 14.

⁵⁸ Ibid., fig. 22.

⁵⁹ Larsen H., 1968, pl. III, 5.

⁶⁰ Bandi H. G., 1969, fig. 35, 36.

⁶¹ Larsen H., Rainey Fr. 1948, fig. 20 (тип I), pl. 2, 26, 27, 24, 33; pl. 36, 2, 6, 7, 14, 17.

⁶² Ibid., pl. 2, 1—4, pl. 35, 2—6, 9, 12.

1000 лет до н. э.⁶³, причем в Кукоквике, в районе Бристольского залива, они имеют вогнутую базу и датируются началом I тысячелетия до н. э.⁶⁴ Там же, но только несколько позднее, с середины I тысячелетия до н. э., встречены и столь характерные для Оквика боковые треугольные вкладышевые лезвия (I—11)⁶⁵. Однако являются ли эти аналогии свидетельством собственно культурных связей контактного характера, иными словами — культурной диффузии, или проявлением общей, более древней культурной основы, судить пока рано.

Неожиданно много элементов, близких оквикским, прослеживается с конца II до середины I тысячелетия до н. э. включительно и к юго-востоку от Аляски, в районе дельты р. Фрээр в Британской Колумбии, где в культурных отложениях фаз Локарно Бич и Мерполь найдены и лабретки⁶⁶, и однодырчатые гарпунные поворотные наконечники⁶⁷, и шлифованные сланцевые ножи⁶⁸, сланцевые черешковые наконечники дротиков (E—4)⁶⁹, а также бляшки в виде человеческих лиц⁷⁰.

Характерные для этой американской культуры костяные ажурные бляшки, и в том числе бляшки в виде человеческих голов и черепов⁷¹, лабретки и бородчатые неповоротные наконечники гарпунов⁷² очень приближают ее, с одной стороны, к ипиутакской культуре, с другой — к культуре алеутов⁷³.

Очевидно, приморская культура Качемак I Юго-Западной Аляски с лабретками, однодырчатыми гарпунными поворотными наконечниками и неповоротными, односторонне зубчатыми наконечниками гарпунов⁷⁴ является промежуточной между названной культурой устья р. Фрээр, с одной стороны, и культурами Чорис, Нортон и Оквик, с другой — не только по своему географическому положению, но и генетически.

К сожалению, не датированными являются треугольные боковые вкладыши (I—11) и миндалевидные оббитые тесла (IV—1), раскопанные на Алеутских островах В. И. Иохельсоном⁷⁵. Они близки оквикским и нортонским, в чем, вероятно, также выразились их генетическое родство, а вместе с тем общность происхождения древней алеутской и эскимосской культур.

Обобщая проведенный нами выше сравнительный анализ оквикского вещественного комплекса, следует отметить, что полностью сходных с ним комплексов нет.

⁶³ *Harp E.*, 1963, pl. I, c.

⁶⁴ *Ackerman R. A.*, 1964, fig. 8, I.

⁶⁵ *Ackerman R. A.*, 1964, fig. 9—2—3.

⁶⁶ *Borden C. E.*, 1962, pl. 5, k, l, p.

⁶⁷ *Ibid.*, pl. 2, k, l, m.

⁶⁸ *Ibid.*, pl. 4, d, e, k, h.

⁶⁹ *Ibid.*, pl. 4, b.

⁷⁰ *Ibid.*, pl. 5, a.

⁷¹ *Ibid.*, pl. 5, c, m, e.

⁷² *Ibid.*, pl. 2, a, h.

⁷³ *Iochelson W. I.*, 1925; *Hrdlicka A.* 1945.

⁷⁴ *Bandi H. G.*, 1969, fig. 31.

⁷⁵ *Iochelson W. I.*, 1925, fig. 34, A, fig. 26, A.

Во многом близкие усть-бельская и северочукотская культуры отличаются, тем не менее, совсем не характерной для Оквика техникой скалывания ножевидных пластин. Большой хронологический разрыв между данными культурами континентальной Чукотки и Оквиком и является причиной этого различия. Но не исключено, и это более вероятно, что усть-бельская и северочукотская культуры относятся к иной, чем Оквик, этнокультурной традиции.

Наиболее близкими Оквику можно считать комплексы Ипиутак, Нор-тон, Чорис (Хорис), Качемак I, Мэрпол и Локарно-Бич. Эти комплексы характеризуются наличием однодырчатых наконечников поворотных гарпунов и лабретками, а также в большей или меньшей степени развитой индустрией шлифованного сланца и почти полным или полным отсутствием производства ножевидных пластин. По сочетанию подобных признаков все эти комплексы с достаточным основанием можно считать древними эскимосскими. Следовательно, и оквикскую культуру мы должны признать подлинно древнеэскимосской по своему этническому качеству. С подобным ее этническим определением вполне согласуются языковые данные (исследованные методом глоттохронологии), согласно которым отделение эскимосов от алеутов произошло не позднее 4000 лет назад⁷⁶.

Нетрудно заметить, что этот вывод в значительной мере совпадает с гипотезой Честера Чарда о локализации истоков эскимосской культуры в зоне Бристольского залива, на Юго-Западе Аляски⁷⁷.

Вместе с тем мы должны были признать и еще более южное, со стороны Британской Колумбии, сильное влияние на формирование древней западноаляскинской эскимосской культуры и, следовательно, на культуру Оквик. Гипотеза Дракера о древнеэскимосском субстрате на северо-западном побережье Америки тем самым получает поддержку⁷⁸.

Но ни гипотеза Ч. Чарда, ни наше к ней дополнение еще не дают ответа на вопрос о самом изначальном появлении на северных берегах Берингова моря самых далеких, изначальных предков эскимосов. Ответ на этот вопрос содержится, по нашему глубокому убеждению, в новых археологических материалах Камчатки. Именно финально-палеолитическая культура V—VI слоев Ушковской стоянки позволяет проследить наиболее глубокие истоки эскимосской культуры.

Эта культура позднего палеолита крайнего Северо-Востока Сибири была определена нами выше на основании присутствия в ее остатках подобия лабретки, клиновидных нуклеусов и других данных протоэскимосско-алеутской. Она содержит в зачатке ряд таких элементов, которые, распространившись вскоре по Аляске, создадут там субстрат протоэскимосской культуры. Прежде всего к ним относится техника скалывания ножевидных пластин с клиновидных нуклеусов и двусторонняя отжимная обработка каменных лезвий и метательных наконечников. На Аляске эту техническую традицию мы видим 10—8 тыс. лет назад в комплексах

⁷⁶ Swadesh M. and Marsh G., 1952, p. 452—463.

⁷⁷ Чард Честер С., 1962, № 5.

⁷⁸ Чард Честер С., 1962, с. 97.

Кампус, Акмак, Хилли-Лейк, Доннели-Ридж, Текланика⁷⁹. В более позднее, мезолитическое или ранненеолитическое, время эти традиции отчасти сохраняются в комплексе Трейл-Крик и Денби. В последнем мы обнаруживаем даже нечто похожее на клиновидный нуклеус⁸⁰. А узкие, листовидные, тщательно двусторонне обработанные метательные наконечники или лезвия, как две капли воды, похожи на столь же изящно ретушированные узкие листовидные наконечники из V—VI слоев Ушковских стоянок. Нельзя не согласиться с тем, что умение изготавливать подобные ювелирные кремневые наконечники, а затем и вкладыши явилось в Арктике одним из основных компонентов материальной культуры с самых ранних этапов эскимосской истории.

Затем к числу культуuroобразующих протоэскимосских признаков следует отнести шлифованные сланцевые ножи, в небольшом количестве имеющиеся в ушковском финально-палеолитическом комплексе, и упомянутое выше лабретковидное изделие.

В свете этих археологических данных комплекс Денби, в котором обработка вкладышевых отжимных лезвий достигла своего блестящего развития, вероятно, может рассматриваться как трансформация финальной ушковской палеолитической культуры под воздействием экзогенных влияний (что выразилось в господстве сибирской резцовой техники), а комплексы Анангулы и устья р. Фрэзер — как ее наиболее устойчивые в этническом отношении ответвления, сохранившие не только технику отделения пожевидных пластин, но и традицию лабреток.

Недавнее открытие Л. П. Хлобыстиным лабреток на неолитической стоянке Маймече — IV на Таймыре⁸¹ свидетельствует о распространении этих специфических украшений не только в сторону Америки, но и на далекий Север Сибири. Очевидно, здесь, на Таймыре, мы имеем дело с реликтом проникшей туда из более южных областей культуры, входившей в ту же культурно-этническую область, в которую входила и финальная палеолитическая культура Камчатки. Подтверждением этого предположения может служить и поразительное совпадение формы грибовидных стеатитовых подвесок, обнаруженных Л. П. Хлобыстиным вместе с лабретками на стоянке Маймече IV⁸², с формой таких же стеатитовых подвесок из слоя VI Ушковской стоянки (см. рис. 64, 9).

Антропологические данные также указывают на большую древность предков эскимосов в Америке и на Севере Сибири⁸³, проникших из Азии в Северную Америку. Уместно вспомнить интересное наблюдение Лафлина, на которое впоследствии сослался и Г. Ф. Дебец. Имеем в виду тот отмеченный Лафлином факт, что очень редкая группа крови «N» характерна как для эскимосов, так и для американских индейцев⁸⁴. А это не может не свидетельствовать об очень раннем, вероятно дейст-

⁷⁹ Bandi H. G., 1969, с. 51; McKennan R., 1970; Anderson D., 1970.

⁸⁰ Bandi H. G., 1969, fig. 21.

⁸¹ Хлобыстин Л. П., 1969, с. 217.

⁸² Там же, с. 217.

⁸³ Дебец Г. Ф., 1951, с. 108, 109.

⁸⁴ Laughlin W. S., 1951; Debetz G. F., 1960, p. 61—65.

вительно позднелейстоценовом, проникновении в Северную Америку из Азии предков эскимосов.

Одним словом, без всякой натяжки, опираясь на данные археологии и антропологии, а также упоминавшуюся нами ранее теорию общего алеутско-эскимосского праязыка, можно допустить, что предки эскимосов и алеутов первоначально, еще в конце плейстоцена — начале голоцена, распространились по берингийской суше из Азии в Северо-Западную Америку, а затем в условиях послеледниковой изоляции подверглись на территории Южной и Юго-Западной Аляски и Западной Канады этнической дифференциации, в результате которой и обособилась в конце концов ко II тысячелетию до н. э. специализировавшаяся на охоте с поворотным гарпуном эскимосская этнокультурная общность, заметным этнографическим признаком которой, так же как и у алеутов, долгое время и на значительной территории оставались лабретки.

Что же касается уровня развития собственно оквикской культуры, то смело можно сказать, что она дает уже вполне сложившийся комплекс средств хозяйственной и бытовой адаптации к суровым условиям арктического морского побережья и студеного моря с обильной морской фауной. Весьма возможно также, что узость и неустойчивость экологических корреляций в Арктике, на которые обращает внимание Ж. Малори, особенно в зоне Берингова пролива, с отдельными потеплениями на фоне общего позднеголоценового похолодания, вызвали неоднократные модификации эскимосского культурного комплекса, приводившие к возникновению его локальных и стадийных вариантов. Быть может, действительно, следствием этого было экологически обусловленное (как полагают С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев) многообразие типов поворотных гарпунных наконечников и даже типов хозяйства. Сама оквикская культура морских охотников возникла наряду с ипсутаской (преимущественно сухопутных, а не только морских охотников) как результат такого активного приспособления к различным экологическим условиям — к охоте в открытом море и к охоте в условиях ледового припая. Однако вряд ли при этом таким же экологически обусловленным модификациям подвергался традиционный стиль орнаментации или традиционные украшения, например лабретки, характерные для той или иной группы эскимосов в зоне Берингова моря и пролива. Изменения в этих сферах культуры, коль скоро они происходили, имели здесь, конечно, этногенетическую природу.

Оквикская культура, к сожалению, еще мало известна, слабо представлена археологическими материалами. И поэтому нам будет легче проследить эти этнические процессы в зоне Берингова пролива и вообще на побережье Чукотки по памятникам другой культуры — древнеберингоморской, изученной значительно полнее, к рассмотрению которой мы и переходим.

Древнеберингоморская культура

Она прослеживается на более обширной территории, чем оквикская культура, возникает, очевидно, несколько позднее ее, а затем с нею длительное время сосуществует.

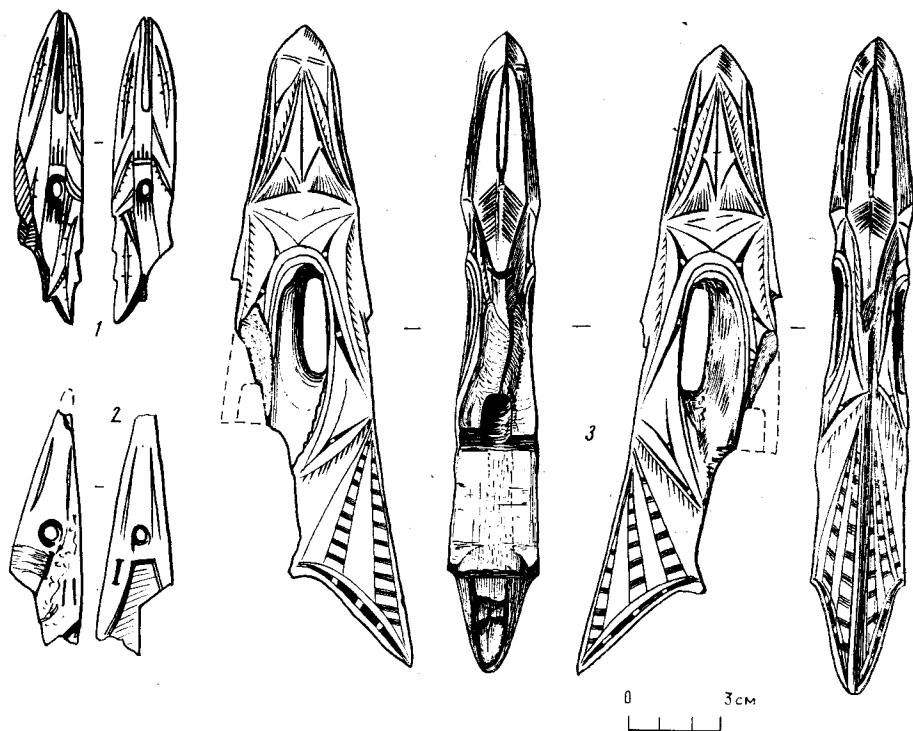
Древнеберингоморские памятники в большом количестве сохранились на Чукотском полуострове, а также на островах Св. Лаврентия и Диомида. Крайними западными памятниками древнеберингоморской культуры на арктическом побережье Чукотки являются становища на о. Шалаурова (407)⁸⁵ и Пегтымельские петроглифы (102). Следы влияния этой культуры прослеживаются и на Аляске, на ее севере до м. Барроу.

В древнеберингоморской культуре еще больше, чем в оквикской, совершенствуются орудия промысла на моржей, лахтаков, нерп, китов. Поворотные гарпуны оснащаются теперь еще более разнообразными специализированными наконечниками, появляются среди них, например, особенно характерные двудырчатые, со сложной симметричной шпорой. Стиль художественной резьбы, до того подчеркнуто лаконичный, достигает теперь особого расцвета, являя изысканные, а затем уже просто обильные сочетания криволинейных узоров. Для этого криволинейного, так называемого древнеберингоморского орнамента характерными становятся «глазные» (как их определяет А. П. Окладников) мотивы в виде концентрических овалов и кругов с точками посередине. Типичной, хотя и не совсем понятной вещью надолго утверждаются особые «крылатые предметы», еще более искусно, чем в Оквике, вырезанные из моржового клыка. Поселки древних берингоморцев, как правило, находятся вблизи моржовых лежбищ. Впервые обнаруженные на Чукотке С. И. Руденко, они давно уже известны на ее берингоморском побережье: возле м. Дежнева, в Яндогае (107), Сирениках (106), Энмылене (183) и на м. Чукотском (179)⁸⁶. В 1963 г. нами получены вполне определенные данные о распространении древнеберингоморских памятников и о бытовании в прошлом на берегу Чукотского моря крылатых предметов (в Ванкареме (152) и Инчоуне (120)), изделий с древнеберингоморским орнаментом (на о. Колочин (146), в Сешане (134), в Инчоуне (120)), и, наконец, типично древнеберингоморских типов поворотных гарпунов (в Инчоуне (120), Дженретлене (142), на Второй речке вблизи Чегитуна (130)). Большая часть всего этого оказалась в руинах сравнительно маленьких землянок, построенных из плавника и китовых костей на довольно высоких мысах при впадении в море рек или ручьев. Наиболее интересные материалы получены нами в 1975 г. в результате раскопок одной из таких землянок на мысе Шмидта, возле утеса Кожевникова или Рыркайпия (159).

Были разысканы и типично древнеберингоморские могильники с захоронениями в прямоугольных оградках из врытых на ребро каменных плит, с покойниками, уложенными на спину, с вытянутыми ногами и

⁸⁵ Береговая Н. А., 1960.

⁸⁶ Руденко С. И., 1947.

Рис. 69. Оквикские поворотные наконечники гарпунов

1, 2 — из погребения № 1 Уэленского могильника (1956 г.); 3 — находка Г. А. Меновщикова в Сирениках (106)

руками, в Сешане (132), Утене (123), на р. Иколиврунвееме (134), подобные могильникам, исследованным нами на берегу Берингова пролива в Уэлене (119), а впоследствии, в 1965 г., и на м. Чини (110), и у г. Энмынытны (115—117). Очень интересный древнеберингоморско-оквикский могильник исследован также С. А. Арутюновым и Д. А. Сергеевым в Эквене. Могильники дают весьма яркую картину жизни древних поморов Чукотки в древнеберингоморское время. Их техника отличается большей развитостью, чем в оквикской культуре. Преобладают шлифовка каменных ножей и наконечников, оббитые кремневые изделия встречаются относительно реже, хотя их число все же очень велико. Ясно видно, что многие косторезные вещи украшены орнаментом с помощью железных резцов, и один из них даже обнаружен в погребении на Уэленском кладбище.

Уклад хозяйства, насколько его можно восстановить по остаткам материальной культуры на поселениях и в могильниках по многочисленным каменным и костяным вещам (рис. 71—79), отличается преобладанием

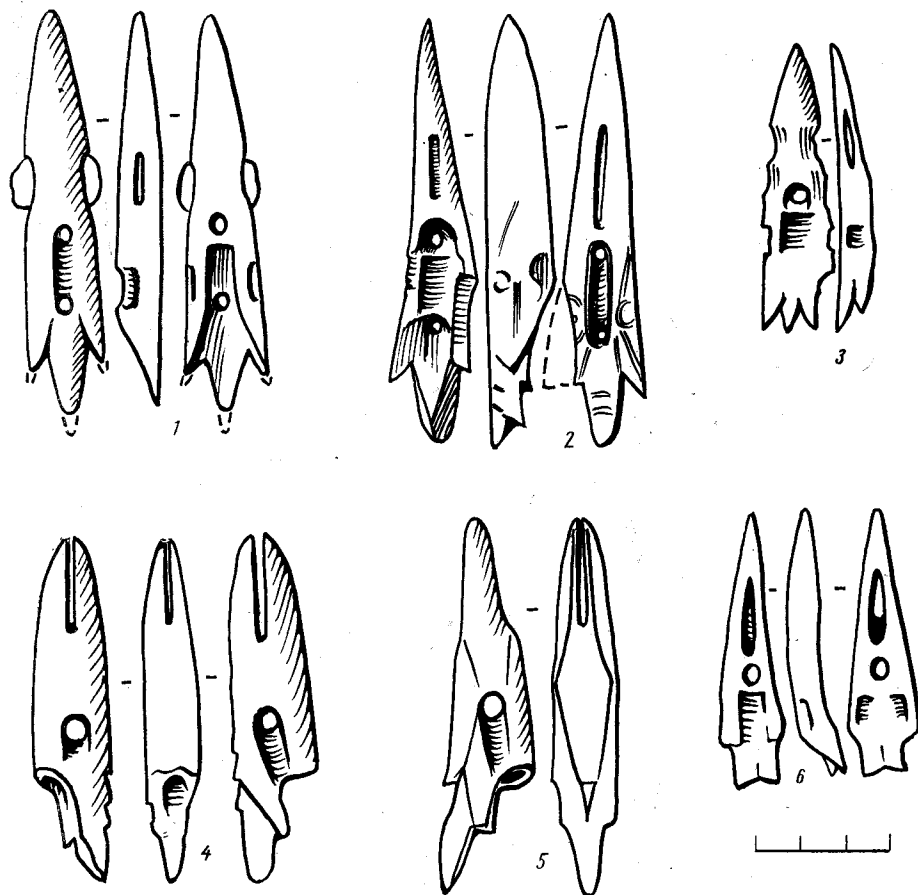

Рис. 70. Древнеберингоморские поворотные наконечники гарпунов

1, 4—6 — Чинийский могильник (110); 2 — Уэленский могильник (119), погребение № 9 (1957 г.); 3 — Дженретлен II (143)

охоты на морских животных, но развита также сухопутная охота, рыболовство и собирательство.

Заметны признаки некоторой социальной дифференциации внутри родового коллектива. «Наличие на древнем Уэленском кладбище бедных и богатых инвентарем погребений,— пишет Д. А. Сергеев,— говорит о том, что родовой строй начинает вступать в фазу своего длительного разложения. Налицо факты имущественного неравенства, вероятно связанного с выделением шаманской верхушки. Наиболее богатые древнеберингоморские погребения, несомненно, принадлежат шаманам, недаром в таких могилах всегда преобладают предметы культа: всевозможные тотемные значки, скульптурные изображения прародителей, которым нередко

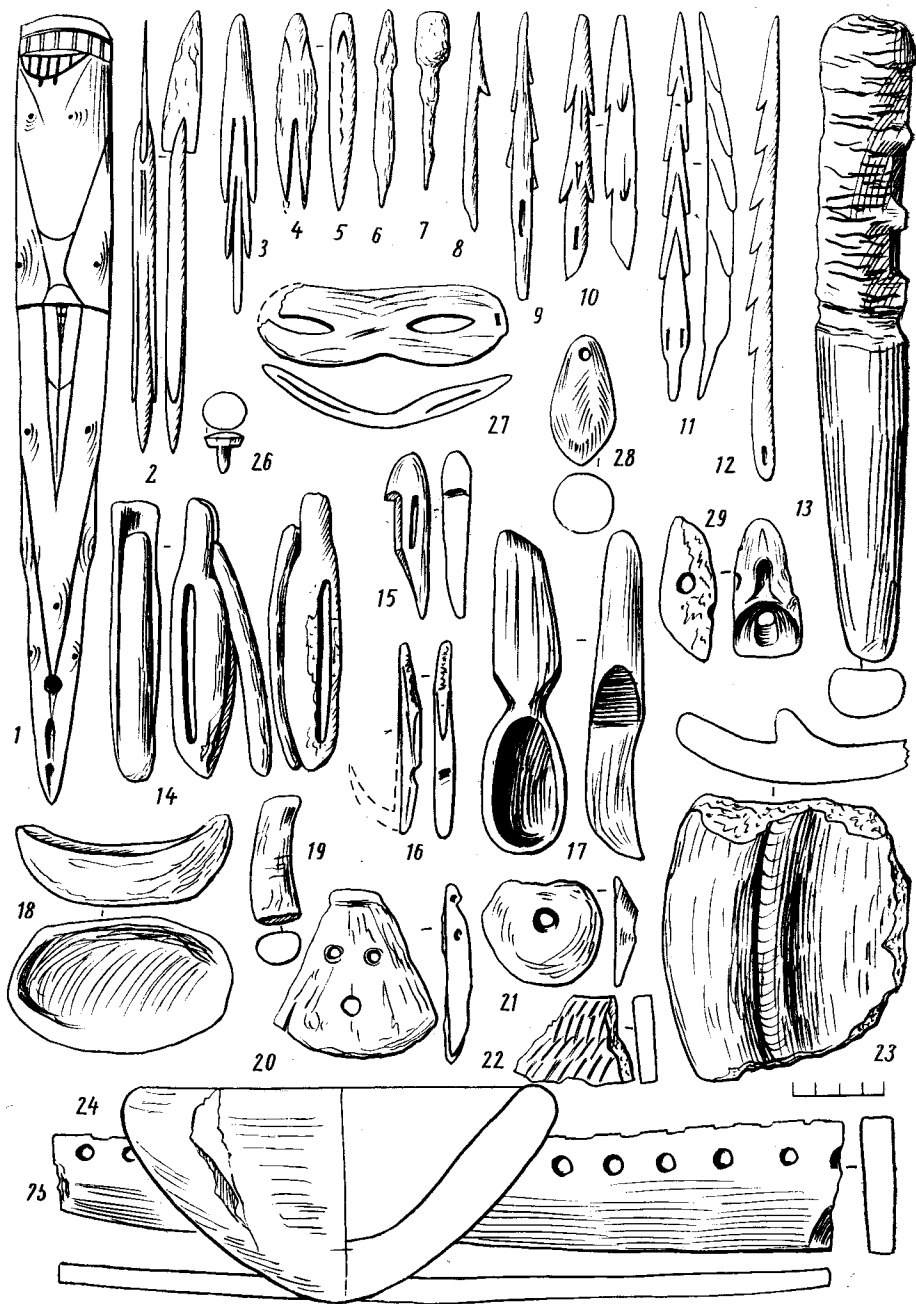

Рис. 71. Древнеберингоморские костяные изделия

1, 2, 4—9, 11, 14, 16, 19, 20 — Уэленский могильник (119), раскопки автора; 3 — Дженретлен (143); 10, 12, 13, 17 — Яндогай (107); 15, 18, 21, 23—29 — Чинийский могильник (110)

придан вид полузверя-получеловека, как, например, на костяной бляшке, изображающей бобреху с детенышем»⁸⁷.

Это высказывание слово в слово, буквально и без кавычек (и без сноски) воспроизводит основную часть абзаца нашей статьи, опубликованной еще в 1964 г.⁸⁸, с той только разницей, что Д. А. Сергеев упоминает затем для доказательства той же социальной дифференциации и «многочисленные женские статуэтки, которые, вполне возможно, изображают женщину-родоначальницу, объект родового материнского культа»⁸⁹, т. е. в сущности то же самое, что и мы о них писали как о свидетельствах почитания женщины-прародительницы⁹⁰.

Вызывает, правда, некоторое недоумение, почему Д. А. Сергеев все-таки сократил в использованном им абзаце наш список признаков социальной дифференциации, убрав из него «крылатые предметы и искусно вырезанные из моржового клыка цепи — непременный атрибут одевания шамана»⁹¹. Быть может, из стремления к оригинальности.

Мы же не станем скрывать, что в развитие нашей мысли воспользуемся сейчас новыми данными о древнеберингоморской социальной дифференциации, почерпнутыми из той же книги, а именно такими, как богатые погребения (№ 9, 10—11) выдающихся охотников на морского зверя⁹², парное погребение (№ 27а, б), отражающее, по мнению Д. А. Сергеева, вероятно, патриархальное рабство⁹³, а также погребение охотника и воина (№ 130) с костяной пластинкой от панцирного доспеха⁹⁴. Добавим к этому интереснейшую находку в отвалах Уэленского могильника (после раскопок Д. А. Сергеева) древнеберингоморской защитной пластины со смотровыми щелями для глаз, тоже, вероятно, от боевого панциря, обнаруженную местным жителем С. Этекменом, бывшим нашим помощником на раскопках в Сенлуне в 1956 г., которую он подарил нам в 1975 г. (рис. 72, 2). Глубокая древность эскимосских боевых доспехов становится таким образом весьма ощутимой, хотя и неожиданной, а древнеберингоморское общество выглядит весьма развитым родовым, как полагают С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев и Л. А. Файнберг⁹⁵, уже вступающим в период военных межплеменных столкновений.

Для понимания социальной структуры древнеберингоморского общества очень интересны в этом отношении три рядом расположенных могильника (вблизи поселка Нуямо. Два из них, Первый и Второй Энмынытнынские (115, 116), оказались исключительно богатыми высокохудожественным инвентарем, Чинийское (110) — победнее. Похоже, что здесь покоились преимущественно рядовые сородичи. Но и тут порой попадались настоящие шедевры косторезного мастерства.

⁸⁷ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1975, с. 108.

⁸⁸ Диков Н. Н., 1964б, с. 20; 1971б, с. 20.

⁸⁹ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., с. 108.

⁹⁰ Диков Н. Н., 1971б, с. 20.

⁹¹ Там же, с. 20.

⁹² Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., с. 117—120.

⁹³ Там же, с. 125, 127.

⁹⁴ Там же, с. 129, 131.

⁹⁵ Там же, с. 116, 109; Файнберг Л. А., 1964, с. 244.

В качестве предмета изысканного, типично древнеберингоморского стиля может служить моржовый клык — рукоять кирки из одной чинийской могилы. К сожалению, он очень разрушен вследствие долгого пребывания в сырой могильной яме, но все же хорошо видно, как причудливо и уникально он был украшен резным криволинейным узором и фантастическими изображениями человеческих лиц⁹⁶.

В общей сложности раскопано на Чинийском кладбище 101 захоронение с вещами древнеберингоморского облика. Однако ориентировка погребенных оказалась не совсем обычной: головой не на север, северо-восток, как это наиболее типично для древнеберингоморских захоронений Уэленского могильника, а с небольшим отклонением на юг. Видимо, это кладбище одной из ранее совсем неизвестных древнеберингоморских социально-этнических групп Северо-Восточной Чукотки.

Для нее характерно почитание женщины-прародительницы: многочисленные статуэтки женщин, искусно вырезанные из моржового клыка, неоднократно попадались в могилах с другими художественными косторезными изделиями.

Раскопки Чинийского могильника многое дали и для понимания таких вещей, как до сих пор загадочные «крылатые предметы». Разумеется, мы стремились с максимальной точностью фиксировать их местоположение и отмечали все, даже самые мельчайшие детали и особенности в расположении окружающих их вещей. В результате удалось установить интересную закономерность, что «крылатые предметы» часто положены в могилы вместе с древками, на конец которых они насажены. На противоположном же конце такого древка в нескольких случаях оказались головки поворотного гарпуна⁹⁷.

Так для разгадки назначения крылатого предмета впервые были получены достоверные археологические данные. Он насаживался на древко гарпуна, а не служил «замком» на носу каяка и тем более байдары, как полагает Д. А. Сергеев⁹⁸. Во всяком случае в раскопанных нами могилах мы находили «крылатые предметы» насаженными на палку, оканчивающуюся с противоположного конца головкой — длинной втулкой из моржового клыка. Это исключает всякую возможность одновременного использования крылатых предметов для скрепления форштевня или мидельвейса с боковыми планками (стрингерами) байдары или каяка, как утверждает Д. А. Сергеев.

Вместе с тем конструкция самого «крылатого предмета» как будто бы подходит для употребления его в качестве приспособления для прикрепления к его передней части с маленьким отверстием-щелью гарпунного наконечника посредством промежуточного колка. Эту идею предложил в свое время И. П. Лавров. Однако он увел решение проблемы несколько в сторону предположением о том, что «крылатый предмет» с наконечником гарпуна устанавливался на носу каяка, которым непосредственно таранили кита⁹⁹. Д. А. Сергеев подхватил эту идею и, некритически опира-

⁹⁶ Диков Н. Н., 1974а, табл. 2, 3.

⁹⁷ Диков Н. Н., 1969а, с. 196—199, рис. 106; 1974а, с. 81.

⁹⁸ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969, с. 108—127.

⁹⁹ Лавров И. П., 1958.

ясь на информацию от эскимосов, развил только одну ее сторону: «крылатый предмет» — замок, скрепляющий форштевень с боковыми планками байдары. Но можно допустить вслед за Коллинзом другую версию: «крылатый предмет» служил задним стабилизатором метательного гарпуна. Это объяснение, как нам кажется, удачно объединяет гипотезу И. П. Лаврова и археологически подтвержденный теперь факт соединения крылатого предмета с древком. То, что в таком положении крылатые предметы мы увидели в чинийских могилах, полностью подтверждает, таким образом, гипотезу Коллинза. Привлекая этнографические данные по гренландским эскимосам, он полагал возможным объяснить эти загадочные предметы как своеобразные утяжелители метательных гарпунов, прикрепляемые с задней стороны их древка. Отверстие-щель служила, по его мнению, не для укрепления гарпунного наконечника, а для того, чтобы зацепиться за него зубом копьеметалки¹⁰⁰. Это весьма правдоподобное объяснение, особенно если учесть, что среди древнеберингоморских древностей копьеметалки и нам попадались, и ранее были известны.

В таком случае, если Коллинз прав, наш гипотетический метательный снаряд бросали в зверя цилиндрической головкой-втулкой вперед. Именно к ней прикреплялся тогда гарпунный наконечник, а «крылатый предмет», снабженный к тому же дополнительным оперением, служил для равновесия.

Единственным слабым местом этой высказанной нами в 1969 г. гипотезы (а гипотеза Д. А. Сергеева должна быть отброшена целиком)¹⁰¹ являются то, что в могилах, как мы только что убедились, гарпунные наконечники и колки всегда лежат в стороне от «крылатых предметов». Это можно, конечно, объяснить обычаем ломать погребальные вещи для освобождения их «души». Но все же остается какая-то вероятность, что в некоторых случаях мы имеем дело с применением «крылатых предметов» в качестве наверший, штандартов и жезлов, возможно даже шаманских, связанных с культом предков, как мы уже однажды предположили, подобных кетским шаманским жезлам-трезубцам. Искусно вырезанные из моржового клыка в виде бабочек с распластанными крыльями, они нередко оформлены весьма антропоморфно. В затейливом «глазном» орнаменте, украшающем их центральную часть, почти всегда можно усмотреть изображение человеческой личины¹⁰². В одном случае человеческое лицо вырезано даже весьма реалистично и очень выразительно. В этом, возможно, и разгадка. Известно, что бабочка, по представлению чукчей, имеющих, как известно, во многом общую с эскимосской мифологией¹⁰³, является мифической истребительницей морского зверя. В ее обличье «крылатые предметы» изображают, возможно, женщину-прародительницу, объект родового матриархального культа предков или одну из

¹⁰⁰ Collins H. B., 1962.

¹⁰¹ Диков Н. Н., 1969а, с. 199—201.

¹⁰² Там же, с. 201.

¹⁰³ Д. А. Сергеев недооценивает влияние эскимосской мифологии на чукотскую: Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969, с. 111.

«владычиц» первобытного пантеона. Это тем более вероятно, что представления о подобных женских владычицах еще до недавнего времени занимали центральное место в религии эскимосов.

Разумеется, и эта семантика «крылатых предметов» не исключает их возможного первоначального практического назначения, например в качестве приспособления для метательного гарпуна. Дальнейшее их развитие в пунукские трезубцы привело к тому, что в них уже совсем мало осталось от тех деталей, которые могли иметь практический смысл. Вероятно, они стали просто ритуальными завершающими.

Древнеберингоморские изделия, сделанные из кости, рога и моржового клыка, очень разнообразны. Мы не будем подробно останавливаться на их характеристике. В этом нет надобности после исчерпывающей работы С. И. Руденко и пока еще частичных публикаций Д. А. Сергеева, С. А. Арутюнова и М. Г. Левина¹⁰⁴. Напомним только, что ведущие типы костяных изделий связаны с морской охотой и относятся к так называемому гарпунному комплексу (наконечники поворотных гарпунов, ледовые пешни, полозья от салазок и т. п.), хотя немало имеется вещей, связанных с сухопутной охотой, и в том числе с охотой на птиц (наконечники стрел, копьеметалки, птичьи бола, шатины и т. д.). И многие из этих вещей являются прекрасными произведениями высокохудожественного искусства резьбы по моржовому клыку (рис. 73, 74)¹⁰⁵. Глиняная посуда тоже нередко украшалась бороздчатым узором или прямолинейными и криволинейными концентрическими отпечатками, нанесенными на еще необожженные сосуды специальными штампами из моржового клыка (рис. 73)¹⁰⁶.

Поразительно разнообразны и каменные изделия древнеберингоморской культуры Чукотки. В число их входят всевозможные обработанные оббивкой и отжимом наконечники стрел, дротиков и копий, ножи, скребки, скребла, резцы, боковые вкладышевые лезвия гарпунов, тесла и топоры, а также шлифованные вкладышевые копыце-носки от наконечников гарпунов, шлифованные метательные наконечники и ножи самых различных типов (рис. 75—80). Попытаемся дать суммарную характеристику всех этих изделий, как опубликованных, так и вводимых нами в научный оборот впервые.

В число оббитых и ретушированных метательных наконечников входят следующие их разновидности (рис. 75): различные двусторонне ретушированные листовидные формы (I—1в, 2в, 3а, 3в, 3с, 4в, 5в, 6в) и усеченно листовидные ромбоидальные (II—2а, 2в); листовидно-черешковые с прямоугольным черешком, довольно грубо обработанные с обеих сторон наконечники дротиков и копий от 4 до 10 см длиной (VIII—15), такие же, но с выемкой с обеих сторон черешка (VIII—20),

¹⁰⁴ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969; 1975. В этих обобщающих работах публикация материалов, к сожалению, не всегда достаточно полноценная: рисунки вещей часто без масштабов (1975, рис. 82—100) и без связи с их описанием, само описание выборочное.

¹⁰⁵ Диков Н. Н., 1977б, цветная вклейка на с. 161 (следует иметь в виду, что иллюстрация сверстана «вниз головой»).

¹⁰⁶ Диков Н. Н., 1974а, табл. 36, 1, 2.

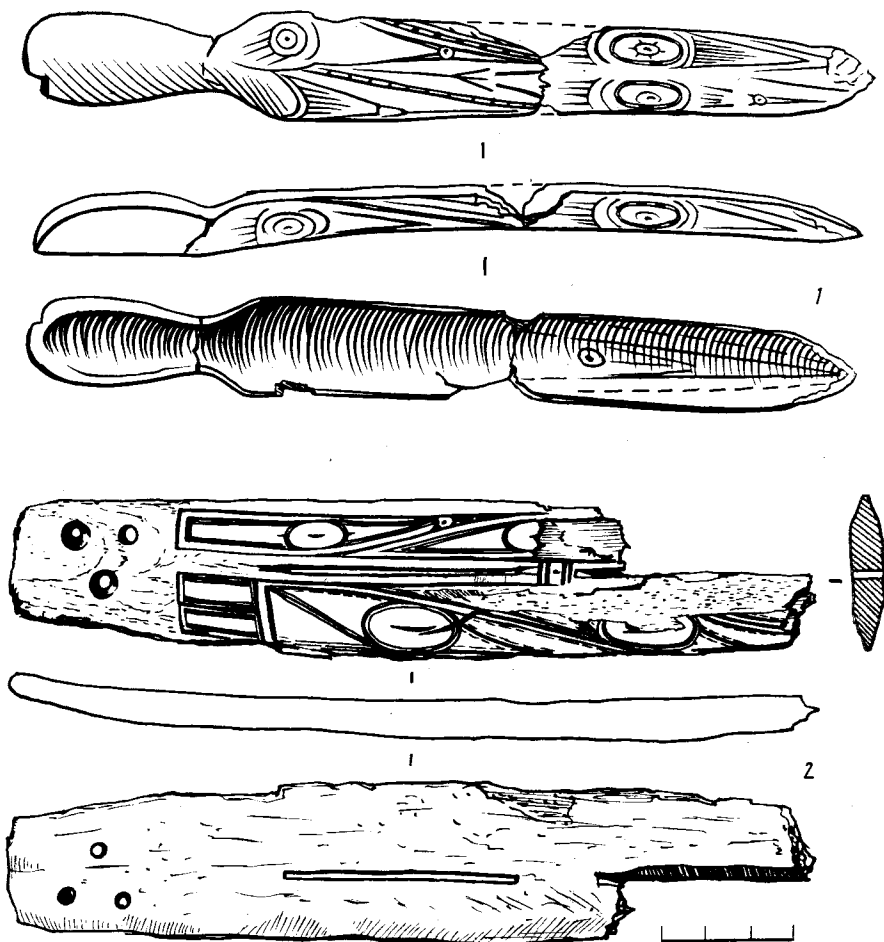

Рис. 72. Древнеберингоморская смотровая пластина от панциря (2) и копьеметалка (1)

1 — о. Колючин (146); 2 — Уэленский могильник (119), находка С. Эттыкмена

подтреугольно-черешковые (X—9, 12, 14, 15, 18), треугольно-черешковые (XI—14, 15); двусторонне ретушированные наконечники стрел усеченно листовидные с прямым основанием (II—2в, 3в, 3с, 4а, 4в), с симметрично-выемчатым (II—1вх, 4ах, 4вх, 1ах) и асимметрично-выемчатым (II—1ву); продолговато-треугольные с прямой базой (VI—в и с вогнутой (VI—вх), такие же подтреугольные (V—вх), широкие и короткие треугольные, с выпуклыми боковыми сторонами, с прямым основанием (V—а) и с выемчатым (V—ах); треугольные, умеренно продолговатой формы, с выпуклыми сторонами, с симметрично (V—вх) и асимметрично

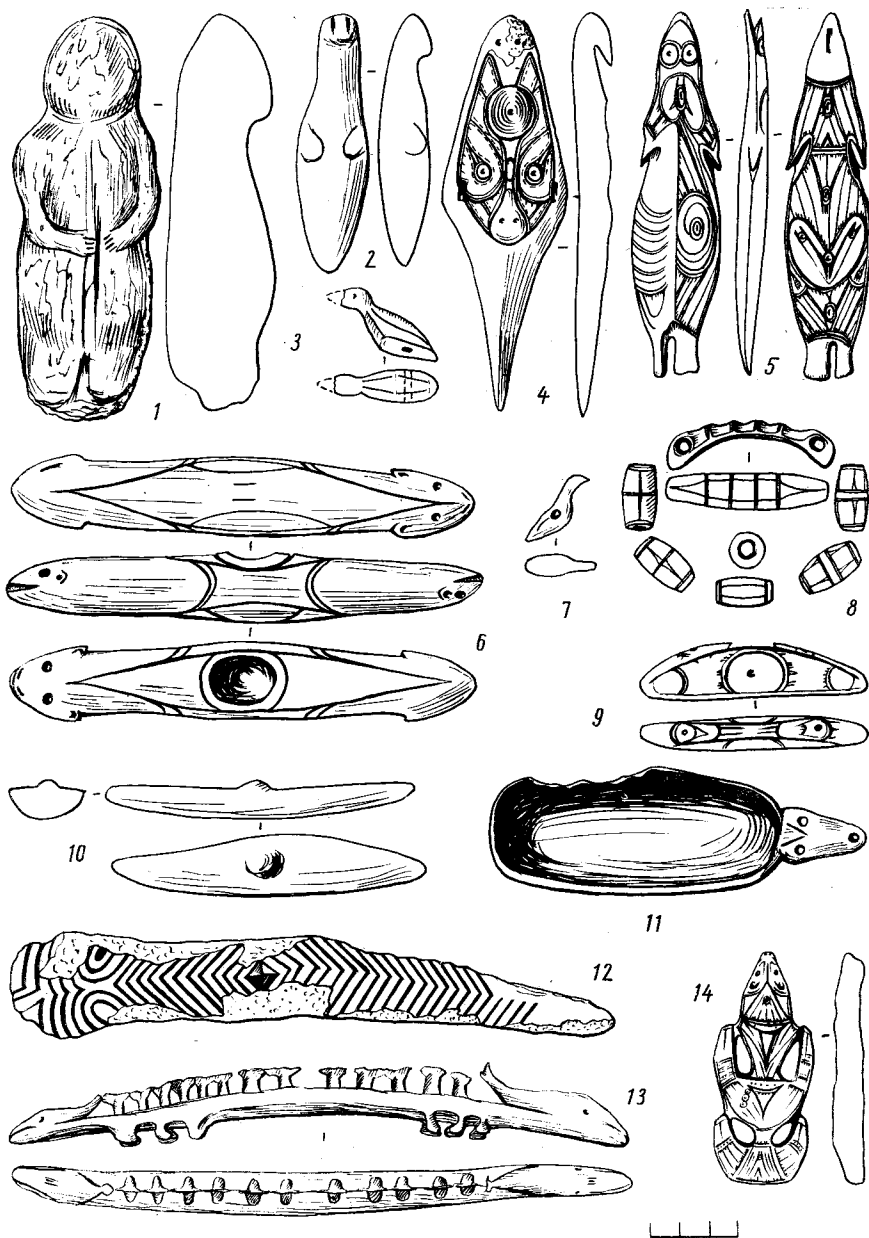

Рис. 73. Древнеберингоморские художественные изделия из моржового клыка
 1—3, 12 — Чинийский могильник (110); 4, 7, 9—11 — Уэленский могильник (119), находки автора; 5 — Яндогай (107); 6, 8 — Энмынытныи (115); 13 — Эквен (175), находка О. Н. Иванова; 14 — по С. И. Руденко, 1947 (табл. IV, 8)

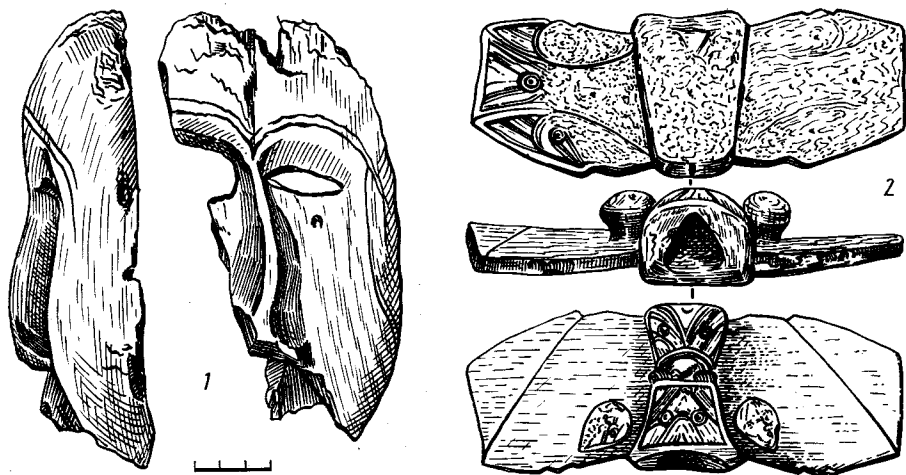

Рис. 74. Деревянная маска из Утэна (122) и крылатый предмет со стоянки Инчоун (120)

но (V — ву) вогнутой нижней частью и слегка оттянутым в сторону жалцем (VI — ву, V — ва); с вогнутыми продольными сторонами и вогнутой же базой (V — bz); листовидно-черешковые с боковыми выемками у прямого основания (VIII—22) и у выемчатого (VII—22у); частично ретушированные наконечники стрел на неправильных ножевидных пластинах и отщепах (0—5); шлифованные из сланца треугольные наконечники-носки поворотных гарпунов (Е — 2), а также черешковые (Е — 4, 5), черешковые наконечники дротиков (Е — 3, 6), шлифованный листовидный наконечник копья с треугольными выступами на обеих сторонах черешка (Е — 7) (рис. 76).

Разнообразна и коллекция древнеберингоморских ножей (рис. 77). Ее составляют оббитые широкие листовидные ножи-бифасы (II—1, 3) и более узкие, двусторонне обработанные клинки (II—4, 6); листовидные, с широким черешком (III—3); с выпуклым лезвием, прямой спинкой и скошенным лезвием (IV—8); узоклинковые, с короткой широкой рукояткой (V—14) и с более длинной (V—4); ширококлинковые, с прямым черешком, горбатой спинкой и выпуклым лезвием (V—18); узоклинковые, с прямой стесанной спинкой и выпуклым лезвием (VI—4); частично по краю ретушированные ножи на отщепах (VII—2, 3, 4), среди которых особенно характерны широкие, асимметрично треугольные (VII—5) и продолговатые остроконечники (VII—7).

Наиболее разнообразна категория шлифованных сланцевых ножей, включающая 39 форм — за немногим исключением почти все подобные изделия, известные в древней материальной культуре приморского населения Чукотки (табл. 5). В эту категорию входят однолезвийные с выпуклым лезвием и без черешка подтреугольной формы (VIII—1, 2) или подтрапецевидной с отверстием (VIII—5, 8, 10) или без отверстия (VIII—6, 7, 9, 12); с выпуклым лезвием черешковые (VIII—15, 16, 17,

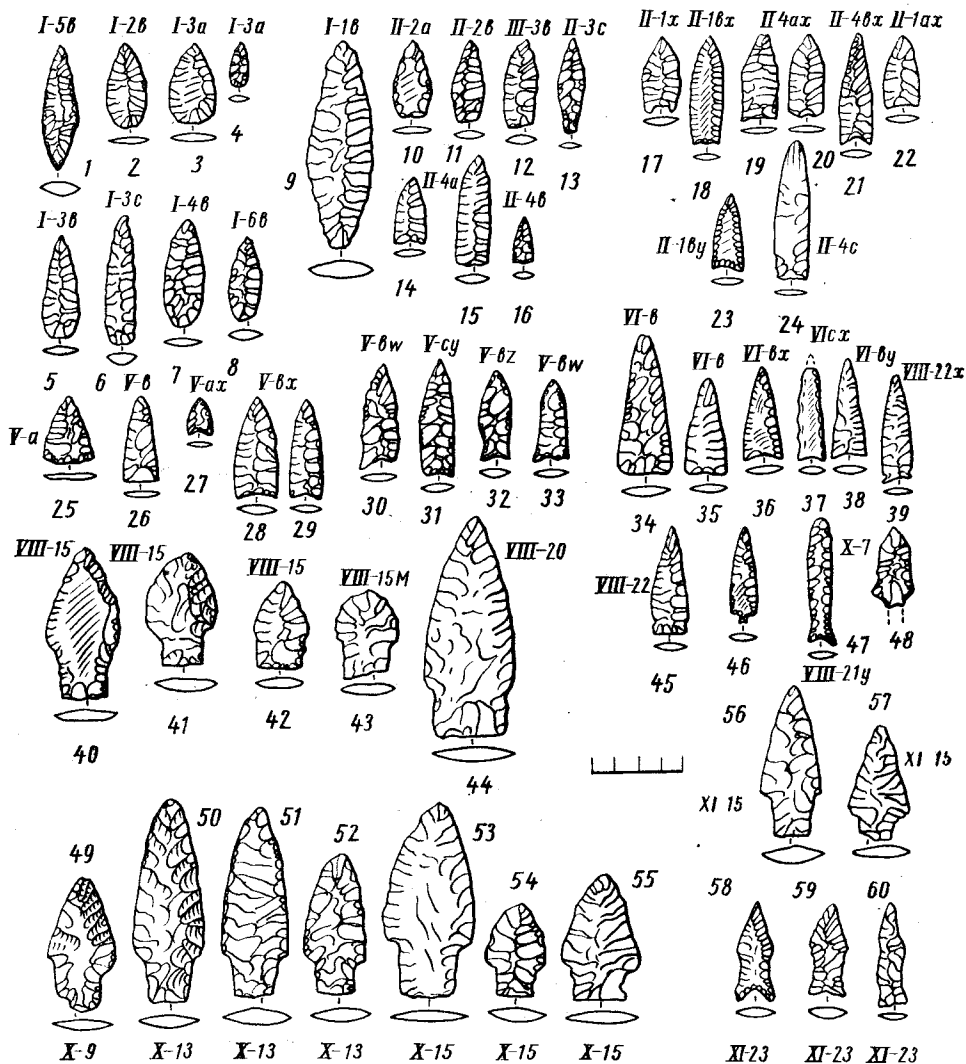

Рис. 75. Каменные метательные наконечники древнеберингоморской культуры
6 — Сешан (131); 42, 55 — Эммынтный (115); 47 — Джензетрен (143); 51 — Уэленский мо-
гильник (119); остальные — из Чинийского могильника (110)

18) и бесчерешковые с прямым лезвием (VIII—20, 21, 22, 23, 24, 25 — б, 26), в том числе с отверстиями (VIII—28); двулезвийные асимметричные ножи с отверстиями, узкие (VIII—27) и широкие (VIII—29—32, 35); остроконечные симметричные двулезвийные ножи без отверстий узкие (VIII—38), широкие (VIII—37), и с отверстиями (VIII—33, 36, 39, 40); подпрямоугольные двулезвийные ножи (VIII—47) и двулезвийные ножи с профилированным поперечным сечением,

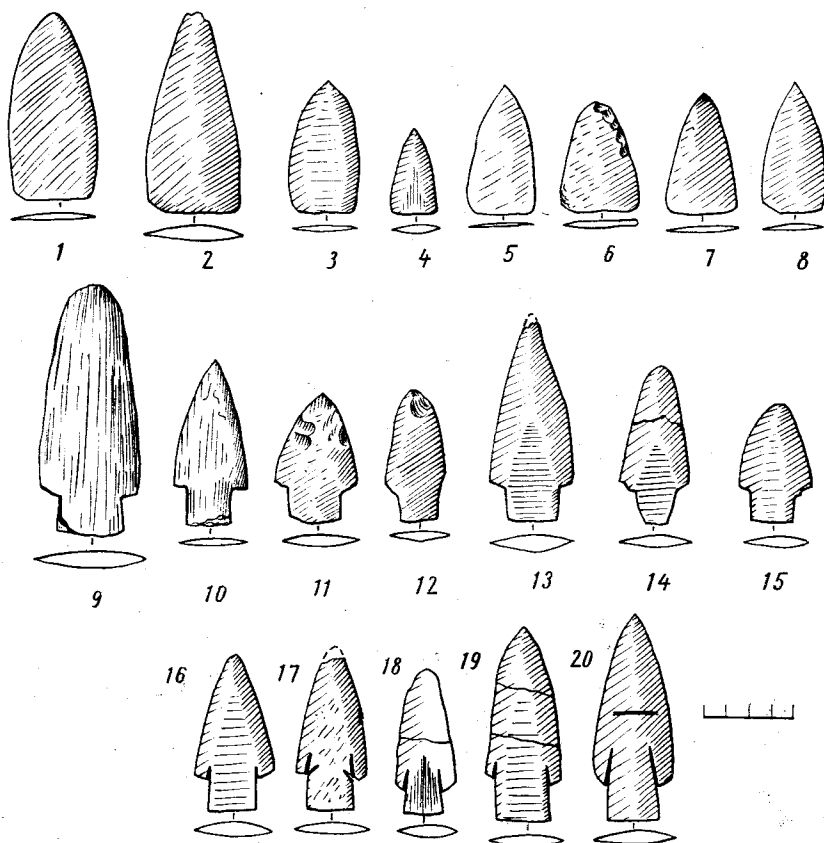

Рис. 76. Шлифованные сланцевые копьяца поворотных гарпунных наконечников древнеберингоморской культуры

1, 13, 17 — Первый Энмыныттынский могильник (115); остальные — из Чинийского могильника (110)

один из них симметричный с округлым концом, отверстием и с желобчатыми выемками с обеих сторон (VIII—34), от другого сохранился только обломок клинка, на обоих широких выемчатых сторонах которого по середине имеется по продольному валику (III—48)¹⁰⁷.

Особую группу, связанную с ножами, составляют немногие короткие ножевидные пластинки неправильно-призматических очертаний, в некоторых случаях ретушированные по краю (I—1, 5, 6), и сплошь с обеих сторон ретушированные вкладышевые лезвия прямоугольной формы (I—9), вытянутой полулунной с прямым и противолежащим выпуклым лезвием (I—11—а); более короткие треугольные вкладыши (I—11—б), подтреугольные (I—12, 13) и миниатюрные овальные (I—14).

¹⁰⁷ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969, рис. 84, 10.

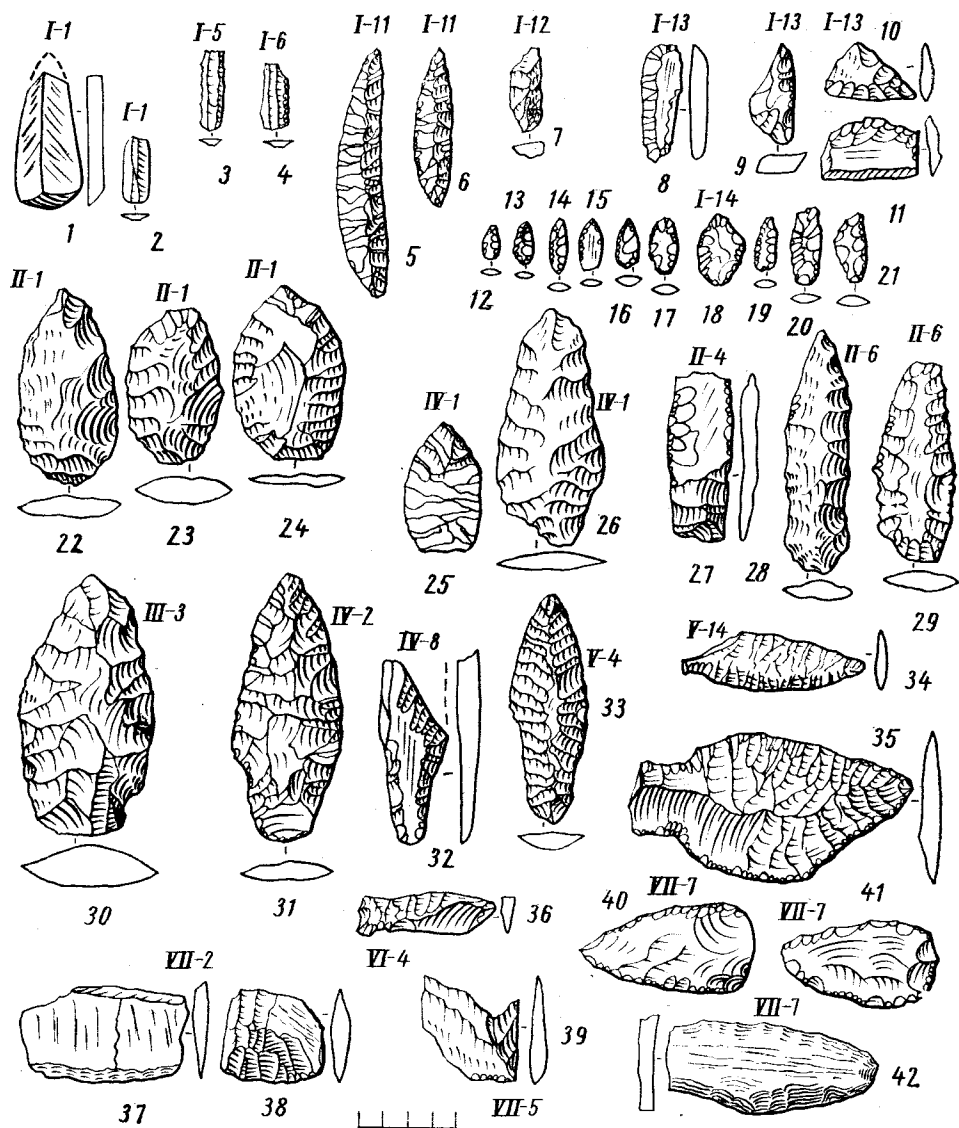

Рис. 77. Каменные древнеберингоморские ножи (из Чинийского и Уэленского могильников)

5, 35 — по С. А. Арутюнову и Д. А. Сергееву; остальные — из раскопок автора

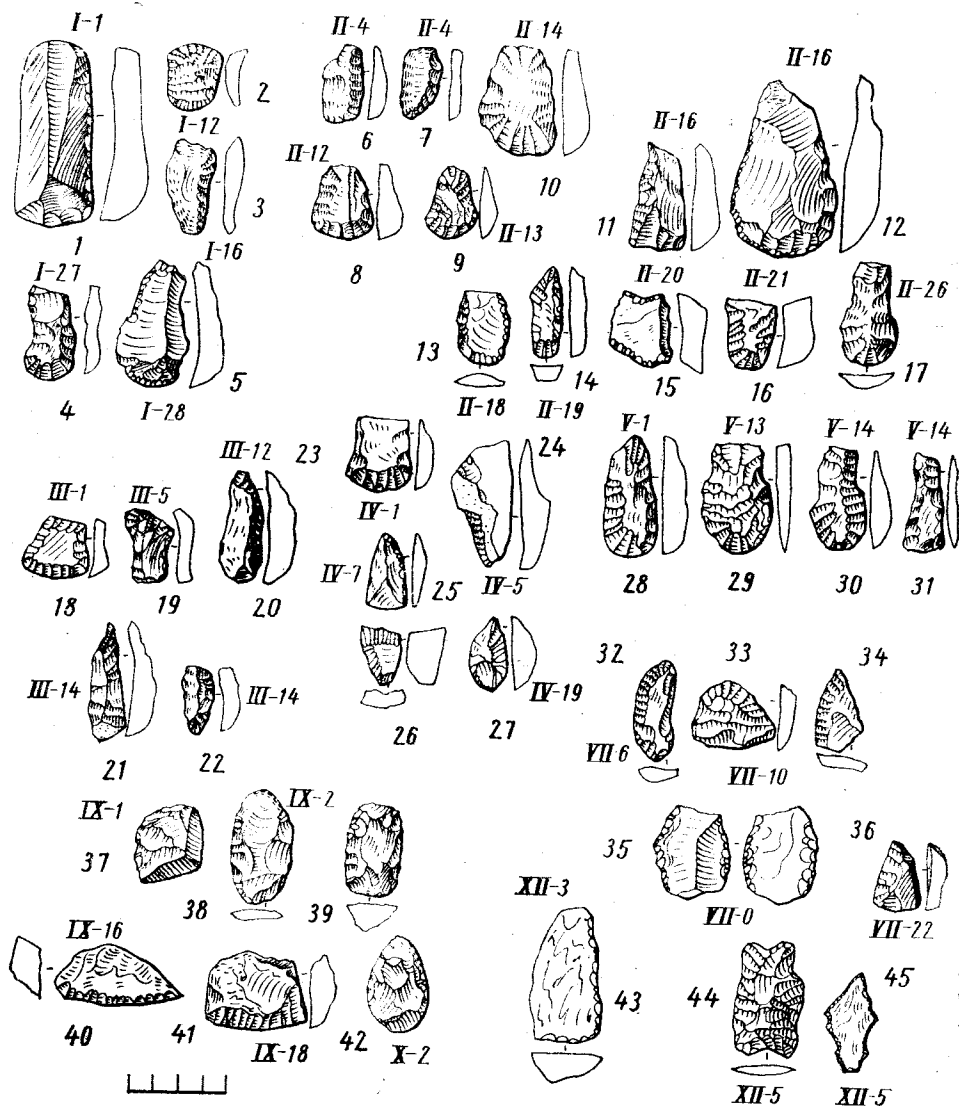

Рис. 78. Древнеберингоморские скребки

2, 9, 37—39, 42 — Уэленский могильник (119), по С. А. Арутюнову и Д. А. Сергееву; 40 — Уэленский могильник (119) — раскопки автора; 10 — Эвмынытнынский могильник (115); остальные — из Чинийского могильника (110)

Из 53 форм скребков и скребел (рис. 78) 14 являются концевыми односторонне обработанными, вогнутыми (I—7, 12, 14, 16, 28) или прямыми (II—4, 12, 13, 16, 18, 19, 20, 21), причем один скребок из последних имеет рукоятку (II—26); 9 типов скребков односторонне обработанные комбинированные: вогнутые с режущим боковым выступом «ушком»

(III—1, 5) и остроконечные (III—12, 14), а также прямые с одним боковым ушком (IV—5) и с двумя (IV—4). Кроме того, к комбинированным скребковидным орудиям следует отнести еще три весьма своеобразных и миниатюрных с режущими краями (IV—7, 8), одно из которых имеет правильную миндалевидную форму с двумя заостряющимися концами (IV—19). Двусторонне обработанные концевые скребки имеют либо грушевидную форму (V—1), либо трапециевидную (V—8), либо округлую с прямым черешком (V—13, 14). Кроме того, имеются еще 26 разновидностей скребков и скребковидных орудий, в том числе боковые скребки на обработанных по краю отщепах (VII—3, 5, 6, 10, 11, 13), на галечных сколах (VIII—22). Некоторые орудия определенно можно отнести к категории скребел. Они массивны, обработаны либо только с одной стороны, либо с двух. К первым относятся продолговатые концевые (IX—2, 3) и боковые с выпуклым рабочим краем (IX—1, 16, 17, 18; IX—2, 3), ко вторым — овальные (X—4, 2) и подтреугольные (X—8, 10). Имеются и такие разновидности, которые, судя по наличию боковых выемок на их рабочем крае, скорее всего, служили скобелями (XII—3—5). Наконец, массивные продолговатые орудия с поперечным концевым округлым, оббитым или чаще шлифованным рабочим краем, обработанным со спинки орудия, вся противоположная сторона которого (с брюшка) представляет собой необработанную поверхность скола, вероятно, использовались в качестве гладильников, возможно, для разминая ремней или шкур (XIII—1, 2, 4).

Проколки распадаются на две группы: тонкие стержневидные без рукоятки (I—2, 3; II—4, 2) и с утолщающейся противолежащей острию рукояточной частью (I—4, 6; II—3, 5). Лабреточных Т-образных проколов пока не обнаружено.

Резцы представлены 11 разновидностями (рис. 79). Нешлифованных только две — срединный на обломке пластинки (I—4) и полиэдрический с ретушированной массивной рукояткой (II—3). Остальные девять типов характеризуются шлифовкой рабочего края. К ним относятся угловатые односторонние (V—1, 2, 3), угловые двусторонние (V—4), срединные (V—5, 6, 7, 8). Все они приспособлены для укрепления в костяных или роговых рукоятках. В качестве резцов использовались и просто кристаллы кварца (V—9).

Топоры, тесла и долотовидные инструменты представлены 23 разновидностями, причем среди них полностью отсутствуют изделия треугольного поперечного сечения и сравнительно мало прямоугольного (рис. 80). Все достоверно относящиеся к древнеберингоморской культуре топоры имеют линзовидное поперечное сечение и сужающуюся к обуху форму, трапециевидную (I—3, 4, 5) или удлинненно подтреугольную (I—4). Только один шлифованный топор-тесло из раскопок М. Г. Левина, С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева на Уэленском могильнике имеет строго прямоугольные очертания как в плане, так и в поперечном сечении (I—12), но из публикации не явствует, в каком именно погребении он найден¹⁰⁸, и поэтому к древнеберингоморской культуре мы можем отнести его толь-

¹⁰⁸ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969, рис. 92.

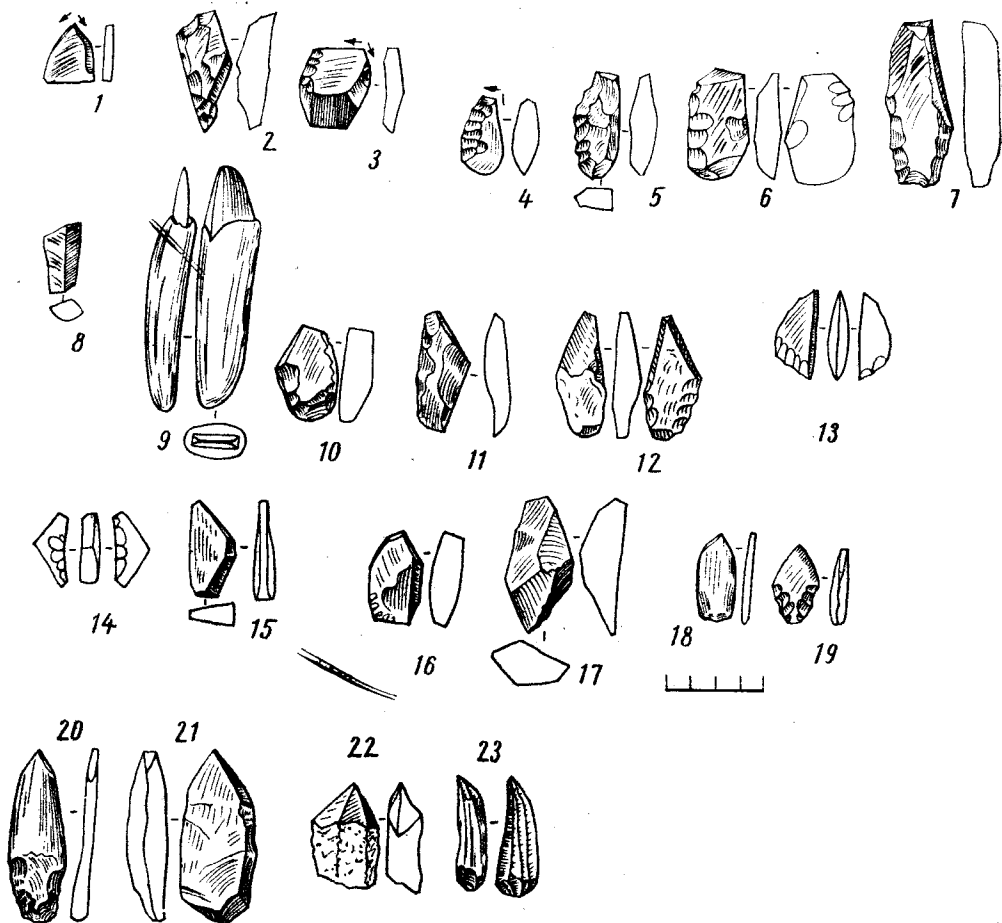

Рис. 79. Древнеберингоморские каменные резцы

9, 12 — Уэленский могильник (119), раскопки автора в 1956 г.; остальные — из Чинийского могильника (110)

ко предположительно. Встречена также и одна разновидность шлифованного, почти прямоугольного в плане и четырехугольного в поперечном сечении тесла (II—4). Интересен тип полностью или частично оббитых и шлифованных только по самому лезвию линзовидных в поперечном сечении тесел овальной формы со слегка приостренным обушком (IV—1) или удлиненно трапецевидных (IV—3). Наиболее многочисленны и характерны для берингоморской культуры не полностью, а только в рабочей части отшлифованные тесла, имеющие геометрически неправильное поперечное сечение более или менее удлиненной трапецевидной формы, иногда с довольно значительно сужающимся, почти треугольным обуш-

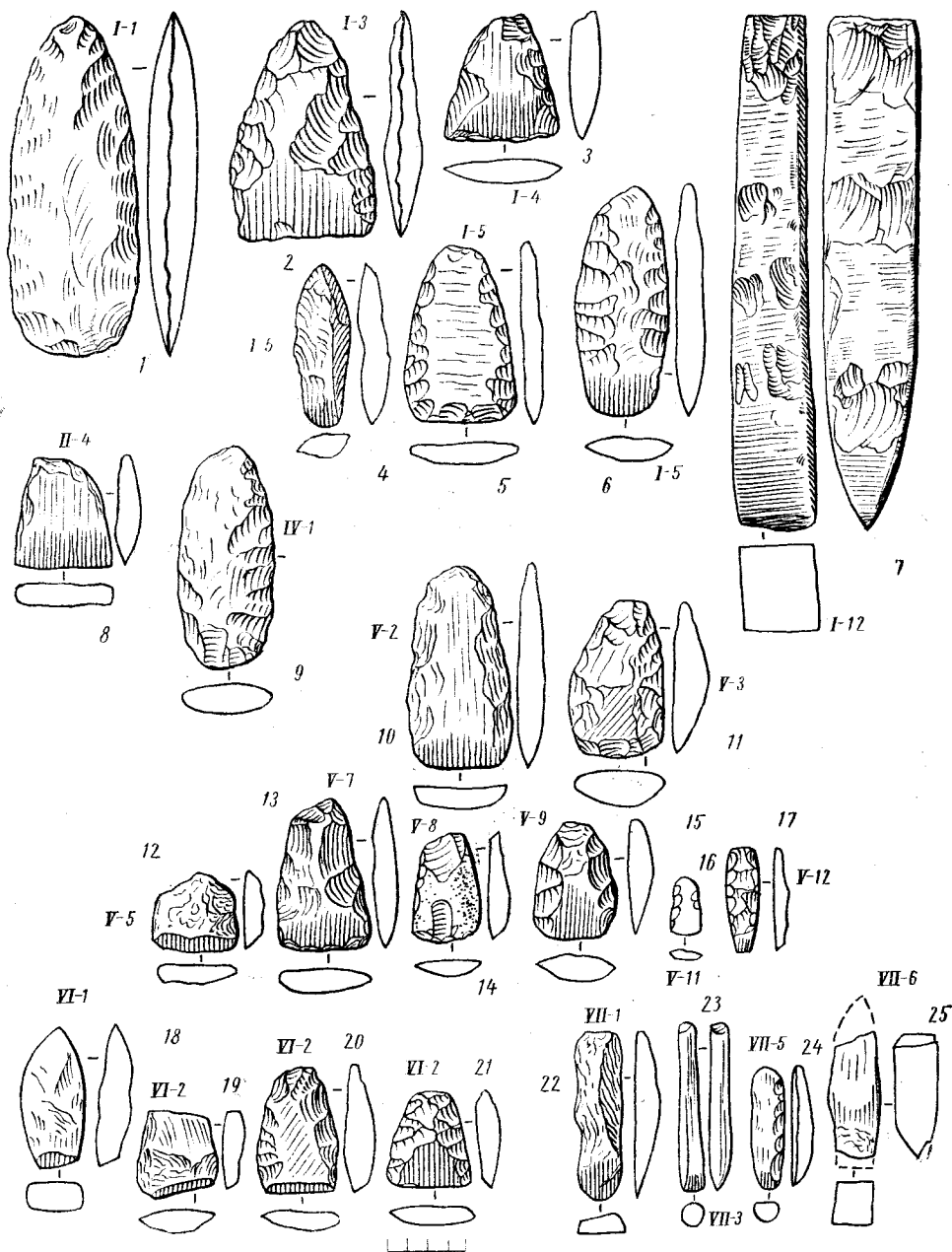

Рис. 80. Древнеберингоморские тесла и топоры

1, 5, 6, 9, 11, 23 — Уэленский могильник (119), раскопки автора; 7, 16, 17 — там же, по С. А. Арутюнову, Д. А. Сергееву; 2—4, 8, 13—15, 19—20, 21, 22, 25 — Чинийский могильник (110); 10, 12, 18 — Энмынтный (115); 24 — Сешан (131) (3%, н. в.)

ком (V—2, 3, 5, 7, 8, 11) за исключением одного случая, когда обушок, наоборот, шире лезвия, а продольные узкие боковые грани выпуклы (V—12). Наконец, весьма специфическими формами являются тесла с необычно большим углом заточки, шлифованные (VI—1), частично шлифованные (VI—2), служащие для обработки особо твердых материалов, например моржовых бивней, а также долотовидные полностью шлифованные, частично зашлифованные по рабочему краю продолговатые клиновидные инструменты полукруглого или трапециевидного поперечного сечения (VII—1, 5), круглого (VII—3) и прямоугольного (VII—6).

Эндогенными инновациями, т. е. абсолютно новыми, нигде в окружающих более древних и синхронных культурах не известными каменными изделиями являются только что упомянутые долотовидные инструменты (VII—1, 5), тесла с большим углом заточки (VI—1, 3) и тесла с узким рабочим лезвием (V—12) (рис. 80, 18—25).

Этим эндогенные инновации, очевидно, не исчерпываются. К ним можно отнести также сланцевые треугольные наконечники дротиков со врезанным черешком (E—5), 22 разновидности сланцевых шлифованных ножей (VII—1, 5, 7, 9, 10, 15, 16, 17, 18, 22, 24, 28—33, 35, 36, 37, 47), возможно, некоторые виды скребков (II—14, 21), скребковидных инструментов (XIII—4, 5) и шлифованных проколов (II—1, 2) и всю серию различных шлифованных резцов (V—1—8).

Разнообразие форм каменных изделий достигает в древнеберингоморской культуре своего апогея и в дальнейшем на Чукотке, как мы увидим ниже, почти не обновляется за счет новых форм, а, наоборот, несколько скудеет¹⁰⁹. Впоследствии С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев тоже отметили эту особенность эволюции древнеэскимосской культуры, охарактеризовав последнеберингоморское искусство резьбы по кости как нисходящую ветвь его развития¹¹⁰.

Сравнительный анализ вещественного комплекса древнеберингоморской культуры позволяет внести некоторую ясность в вопросы ее датировки, происхождения и этнической принадлежности. При этом мы будем привлекать для аргументации по возможности не только костяные, как принято было до сих пор, изделия, но и каменные.

Нам, очевидно, придется согласиться с общепринятой датировкой древнеберингоморской культуры, основывающейся, по Коллинзу и Рейни, на стратиграфии поселений на о. Лаврентия, на стилистическом анализе узоров костяных изделий и на радиоуглеродных определениях возраста органических остатков в памятниках той культуры. Согласно этим данным, древнеберингоморская культура относится к первой половине I тысячелетия н. э. Такому представлению о возрасте древнеберингоморской культуры вполне соответствует наличие миниатюрных железных резцов, обнаруженных Д. А. Сергеевым и М. Г. Левиным в одном из уэленских погребений¹¹¹, и отмеченное С. А. Арутюновым сходство некоторых сланцевых изделий по технике оформления с японскими металлическими але-

¹⁰⁹ Диков Н. Н., 1971б.

¹¹⁰ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1975, с. 178.

¹¹¹ Леви М. Г., Сергеев Д. А., 1960.

бардами¹¹². Эти факты свидетельствуют о хронологической связи древнеберингоморской культуры с ранним железным веком более западных и южных территорий Северной и Восточной Азии.

Остановимся несколько подробнее на проблеме хронологического соотношения оквикской и древнеберингоморской культур.

Выше мы уже высказывали наше отрицательное отношение к схеме М. Г. Левина, С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева, согласно которой древнеберингоморская культура возникает раньше оквикской, хотя потом сосуществует с нею длительное время. Пытаясь доказать этот тезис, они впадают в противоречие, выдавая оквикские однодырчатые поворотные гарпунные наконечники в качестве типологически промежуточных между древнеберингоморскими и пунукскими. Постулируя их промежуточность, они датируют Оквик позднедревнеберингоморским и последнеберингоморским временем. И в подкрепление такой датировки Д. А. Сергеев указывает на совместное нахождение оквикских и бирнирских гарпунных наконечников в могиле 17, раскопанной ими на Уэленском могильнике в 1957 г.¹¹³ Однако они закрывают глаза на такой очевидный, противоречащий этому предположению факт, как находка на оквикской стоянке на о. Св. Лаврентия примитивных «крылатых предметов» группы А, по С. А. Арутюнову и Д. А. Сергееву, украшенных оквикским орнаментом, на что обратил внимание еще Коллинз¹¹⁴. Большинство древнеберингоморских «крылатых предметов» относится к более развитым типам группы В, занимающим типологически промежуточное положение между оквикскими и ранними древнеберингоморскими изделиями этого рода и пунукскими трезубцами.

Следовательно, если даже в могиле 17 действительно одновременно были погребены бирнирские и оквикские наконечники гарпунов, то все равно это еще не аргумент для отнесения всей оквикской культуры ко времени позднего древнеберингоморья. Скорее наоборот, наличие оквикских архаичных «крылатых предметов» заставляет согласиться с положением о более раннем, чем древнеберингоморский, начальном этапе Оквика.

Что же касается верхней границы датировки Оквика, то к сожалению, она не может быть основана только на таком факте, как совместное нахождение бирнирских и оквикских гарпунов в могиле 17. Это захоронение нарушено соседними погребениями, одно из которых (23) содержит наряду с древнеберингоморскими и безусловно оквикские вещи¹¹⁵. Поэтому можно допустить, что оквикские гарпуны попали в бирнирскую могилу из соседних (судя по плану могильника¹¹⁶, погребение 17 является, возможно, впускным по отношению к остаткам погребения, сохранившимся в восточной части могилы 23). К тому же сами авторы в принципе допускают и другой путь попадания более древних вещей в от-

¹¹² Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969, с. 160, рис. 84, 10—12.

¹¹³ Там же, с. 35 (автором раздела «Вопросы хронологии и соотношения древнеэскимосских культур района Берингова моря» является Д. А. Сергеев).

¹¹⁴ Collins H. B., 1962, p. 7, fig. A.

¹¹⁵ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969, с. 59.

¹¹⁶ Там же, рис. 3.

посетительно более поздние захоронения в результате вольных или невольных раскопок старых могил древними обитателями уэленского поселка¹¹⁷. Так что, как бы то ни было, совместное нахождение в нарушенной могиле, опубликованной к тому же без надлежащей графической и фотодокументации, бирнирских и древнеберингоморских гарпунов является весьма шатким основанием для вывода о более позднем, чем древнеберингоморский, возрасте Оквика. Однако даже если оставить вопрос об этом открытым и принять в качестве возможной и такую позднюю дату Оквика, ее надо понимать только в качестве его верхней хронологической границы. Нижняя же граница, определяемая комплексом с архаичными древнеберингоморскими и, возможно, додревнеберингоморскими «крылатыми предметами», вкладышевыми архаичными составными орудиями и с другими архаичными элементами в каменном инвентаре, безусловно, древнее всех известных в настоящее время древнеберингоморских памятников.

Происхождение древнеберингоморской культуры является наиболее сложной проблемой, удовлетворительным образом еще не разрешенной. Коллинз¹¹⁸, а за ним и С. И. Руденко¹¹⁹ полагали, что истоки этой культуры уходят к культуре Оквика, причем С. И. Руденко вслед за А. П. Окладниковым отмечал возможность и южных ее истоков, выражающихся в криволинейном, близком к древненивхскому, орнаменте. Действительно, гарпунный комплекс, и в частности сложные по конструкции наконечники поворотных гарпунов древнеберингоморцев, имеют много общего с оквикским. Но есть одно существенное различие между этими культурами: от древнеберингоморцев, в отличие от оквикцев, не осталось никаких признаков употребления лабреток. Так что оквикская культура, возникая, вероятно, раньше древнеберингоморской, а затем параллельно с ней развивавшаяся на протяжении нескольких столетий, не может, очевидно, рассматриваться в качестве основного местного источника возникновения древнеберингоморской культуры. Более того, логичнее считать ее лишь частично зависимой по происхождению от Оквика. Ее главной основой являются более древние, чем Оквик, культуры Аляски и Северо-Восточной Сибири, и для того, чтобы аргументировать это положение, следует рассмотреть последовательно сходные с древнеберингоморскими комплексы изделий в названных областях.

Бесспорное отношение к формированию древнеберингоморской культуры имели неозэскимосские комплексы Аляски.

Не случайным является, конечно, тесное сходство с инвентарем, и в том числе каменным, синхронной ипиутакской культуры. Для ипиутакской культуры так же, как и для древнеберингоморской, характерны различные усеченно-листовидные и треугольные наконечники стрел с выемчатым или прямым основанием (II—Зв, 4в, Va; V—vx; V—су)¹²⁰,

¹¹⁷ Арутюнов С. А., Левин М. Г., Сергеев Д. А., 1963, с. 63.

¹¹⁸ Collins H. B., 1937.

¹¹⁹ Руденко С. И., 1947.

¹²⁰ Larsen H., Rainey F., 1948, pl. 2, 34, 35, 2, 6; pl. 2, 38; pl. 2, 11; pl. 35, 25, 29; pl. 2, 7; pl. 80, 21, 22, 23, 24; pl. 2, 10, pl. 35, 36.

черешковые (X—15)¹²¹ и узкие листовидные наконечники (I—9в)¹²², боковые вкладышевые лезвия¹²³ и листовидные ножи-бифасы (I—9)¹²⁴. Существенно при этом то, что, кроме большого числа изделий общих и для усть-бельской, и для северо-чукотской культур, в ипиутаской мы находим совершенно другие сходные каменные вещи: двусторонне ретушированные черешковые листовидные метательные наконечники (II—12, VII—15)¹²⁵, черешковые округлые скребки (II—26)¹²⁶, комбинированные концевые скребки-резчики (III—5, IV)¹²⁷, продолговатые двулезвийные боковые скребки (XII—3)¹²⁸, сплошь шлифованные прямоугольные в поперечном сечении топоры и тесла (I—12, VII—6)¹²⁹, а также частично шлифованные треугольной и трапецевидной формы (V—4, 7, 8, 9; VI—2)¹³⁰.

Очень значительное сходство и с культурой Нортон. Там также обычны усеченно-листовидные и особенно треугольные наконечники стрел с выемчатым или прямым основанием (II—4в, V—вх, V—су, V—вz)¹³¹, боковые сегментовидные, треугольные и овальные вкладыши (I—11, 14)¹³², проколки с ретушированной рукояткой (I—4, 6)¹³³, трапецевидные тесла (V—8)¹³⁴. Из неизвестных в усть-бельской и северочукотской культурах каменных изделий там обнаружены характерные для древнеберингоморской культуры узкие и длинные треугольные наконечники с выемчатым основанием (V—сх)¹³⁵ и миндалевидные, лишь по лезвию шлифованные тесла (IV—1)¹³⁶.

Истоки некоторых очень немногих элементов древнеберингоморской культуры как будто бы прослеживаются и в еще более древних культурах Западной Аляски, которые, судя по наличию в них остатков от поворотных гарпунов, большинство исследователей считают палеоэскимосскими или протоэскимосскими. Так, в археологической культуре Чорис (начало I тысячелетия до н. э.) имелись ретушированные черешковые (X—15) и усеченно-листовидные с прямым основанием (II—1в) наконечники стрел¹³⁷, а в древней китобойной культуре начала II тысячелетия до н. э. — почти те же кремневые наконечники (II—4в, V—в)¹³⁸, широ-

¹²¹ Ibid., pl. 10.

¹²² Ibid., pl. 14, 1—6.

¹²³ Ibid., fig. 20, c. 20, e.

¹²⁴ Ibid., fig. 20, h; 20, d; 20, g.

¹²⁵ Ibid., pl. 90, 8, 9, 10.

¹²⁶ Ibid., pl. 18, 3.

¹²⁷ Ibid., pl. 18, 12—14, pl. 18, 13—16.

¹²⁸ Ibid., fig. 24, f.

¹²⁹ Larsen H., Rainey F., 1948, pl. 47, 19, pl. 47, 14, 15.

¹³⁰ Ibid., pl. 47, 6—8; pl. 10, 2; pl. 47, 10, 9, pl. 10, 1.

¹³¹ Giddings I. L., 1964, pl. 47, 12, 14, 15, 18, 21, 22, 23, 24; pl. 41, 31, pl. 47, 2, 8, 22, 30, pl. 47, 10, 20, 36, pl. 50, 12.

¹³² Ibid. pl. 46, 2, 29, pl. 46, 5, 11, 13, 15.

¹³³ Ibid., pl. 53, 8, 10, 11, 13.

¹³⁴ Ibid., pl. 44, 46, 7, 1.

¹³⁵ Ibid., pl. 47, 16.

¹³⁶ Ibid., pl. 44, 11.

¹³⁷ Bandi H. G., 1969, fig. 22.

¹³⁸ Ibid., fig. 17, 13, 14.

кие листовидные ножи-бифасы (II—3)¹³⁹, наконечники с боковыми выемками (VIII—22)¹⁴⁰ и скребки с черешком (V—14)¹⁴¹. Наконец, черешковые скребки (V—14)¹⁴², а также другие древнеберингоморские формы изделий присутствуют в памятниках кремневого комплекса Денби III тысячелетия до н. э. К последним относятся общие и для усть-бельской (и отчасти северчукотской) культуры тщательно ретушированные с обеих сторон листовидные наконечники (I—1, 5, 12)¹⁴³, подтреугольные наконечники широкие, с прямым основанием (V—a)¹⁴⁴, с выемчатыми (V—vx)¹⁴⁵, продолговатые треугольные с выемчатой базой (VI—sx)¹⁴⁶, сегментовидные ножи-бифасы (IV—2)¹⁴⁷, узкие и длинные сегментовидные боковые вкладыши (I—14)¹⁴⁸, остроконечные продолговатые ножи-унифасы (VII—7)¹⁴⁹, возможно, концевые каплевидные скребки-резчики (III—14)¹⁵⁰, концевые грушевидные скребки с боковым выступом (II—16)¹⁵¹, проколки и ретушированные ножевидные пластины (I—6)¹⁵². Примечательно, что значительная часть названных вещей отсутствует в неолитических комплексах Чукотки: лавролистные наконечники (I—1a) и остроконечные ножи (VII—7). Необходимо учитывать, что в комплексе Денби в отличие от культур Ипиутак, Нортон и Чорис полностью отсутствуют лабретки и что наиболее древняя лабреточная культура Качемак I локализуется на Юго-Западе Аляски и в заливе Кука, где она датируется концом II—началом I тысячелетия до н. э.¹⁵³ Известна также гипотеза Честера Чарда о том, что именно на Юго-Западе Аляски, в районе обильного морским зверем Бристольского залива, находился первоначальный очаг формирования эскимосов, отделившихся, по мнению Честера Чарда, примерно в III тысячелетии до н. э. от эскоалеутов¹⁵⁴. Этой гипотезе пока нельзя противопоставить какие-нибудь бесспорно древнеэскимосские памятники достаточно глубокой древности на азиатской стороне Берингова пролива, кроме стоянки Чертов овраг (167) на о. Врангеля. Поэтому, возможно, именно со стороны Юго-Западной Аляски, в частности из более далекой Британской Колумбии, проникли в оквикскую, а затем и древнеберингоморскую культуру некоторые виды еще в конце II—начале I тысячелетия до н. э. бытовавших там (в районе дельты р. Фрэзер) шлифованных сланцевых на-

¹³⁹ Giddings I. L., 1961, fig. 7.

¹⁴⁰ Ibid., fig. 7, 2—7.

¹⁴¹ Bandi H. G., 1969, fig. 17, 3.

¹⁴² Giddings I. L., 1956, fig. 17, 3.

¹⁴³ Campbell I. M., 1962, fig. 3, 1.

¹⁴⁴ Giddings I. L., 1964, pl. 71, a, 3, 7; pl. 72, 9.

¹⁴⁵ Ibid., pl. 71, a, 1, 2, 4.

¹⁴⁶ Ibid., pl. 72, 7.

¹⁴⁷ Ibid., p. 70, b, 15.

¹⁴⁸ Giddings I. L., 1964, fig. 56, a, pl. 71, b, 9, 16.

¹⁴⁹ Ibid., fig. 53, 6, 9, 10, pl. 69.

¹⁵⁰ Ibid., pl. 70, a, 9.

¹⁵¹ McNeish, 1959, fig. 67, 8.

¹⁵² Giddings I. L., 1964, fig. 47, fig. 53, 5.

¹⁵³ Bandi H. G., 1969, p. 93.

¹⁵⁴ Чард Честер С., 1962.

конечников (Е—4, 6) ¹⁵⁵ и ножей (VIII—1, 2, 12) ¹⁵⁶, совсем не характерные для культур Денби, древнекитобойной, Хорис, Чортон и Ипиутак. Однако более тесными выглядят связи древнеберингоморской культуры с Ипиутаком и Нортоном.

Еще более сильное воздействие на формирование древнеберингоморской культуры ощущается, как нам уже приходилось отмечать, с азиатской стороны Берингова пролива, со стороны безлабреточных северочукотской и усть-бельской культур и в какой-то мере со стороны некоторых других дальневосточноазиатских культур ¹⁵⁷.

Едва ли не самое большое количество элементов, сходных с древнеберингоморскими, обнаруживается в усть-бельской культуре. Среди ее костяных изделий имеются почти такие же, как и в древнеберингоморье костяные посредники наконечников стрел (рис. 59, 3—5). Правда, усть-бельский поворотный однодырчатый наконечник гарпуна значительно примитивнее любого древнеберингоморского, но это вполне соответствует значительно более древнему возрасту усть-бельского могильника и тому обстоятельству, что наконечники поворотных гарпунов являются наиболее изменчивой формой изделий на Северо-Востоке Сибири. Более консервативны здесь каменные вещи. Возможно поэтому, несмотря на отмеченный хронологический разрыв в каменном инвентаре усть-бельской культуры, мы видим так много изделий, сходных с древнеберингоморскими. Это узкие листовидные наконечники стрел (I—3с) и усеченно-листовидные односторонние (K—II—3в), более крупные черешковые наконечники (VIII—9; X—13, 16), треугольные более или менее широкие двусторонне обработанные наконечники стрел с прямым основанием (II—4в, V—а, в, VI—в) и с симметрично вогнутым (V—сх, V—вх, V—ау), с асимметрично вогнутым (V—су) или с боковыми выемками (VIII—22), а также продолговатые наконечники из нецелностью ретушированных пластин (0—2) и черешковые наконечники из частично ретушированных отщепов (0—5). Это ножевидные пластинки, правда неправильные и встречающиеся в памятниках древнеберингоморской культуры в отличие от усть-бельской в очень небольшом количестве (I—1,7), сплошь ретушированные прямоугольные боковые вкладыши из ножевидных пластин (I—9), длинные сегментовидные вкладыши (I—11), короткие треугольные (I—12) и мелкие овальные (I—18). Это широкие двусторонне ретушированные сегментовидные ножи (IV—2) и так же обработанные ножи с горбатой спинкой (IV—16), ножи на отщепах (VII—2,3), со скошенной спинкой (VI—4) и треугольные (VII—5), а также широкие шлифованные ножи из сланца (VIII—12). Это порой весьма специфические формы скребков или комбинированных скребковидных орудий, например скребки-резчики (III—12, 14; IV—7, 19) и скребки с рукояткой-черешком (V—14), а также довольно характерные трапециевидные скребки (II—12, 1—12), почти округлые микроскребки (V—8,

¹⁵⁵ Borden C. E., 1962, pl. 3, i; 4, f.

¹⁵⁶ Ibid., pl. 4, a, 4, j.

¹⁵⁷ Диков Н. Н., 1971а, 1971б, с. 367—377; 1972, с. 112—115. Этот вывод вскоре был повторен Р. С. Васильевским (1973, с. 212).

VII—5), скребки грушевидной формы (I—16, 18, II—16), не говоря уже о скребках на правильных отщепах (VII—10, X—10, XII—4). Наконец, это полиэдрические кремневые резцы с короткой и массивной ретушированной рукояткой (II—3), проколки с такой же рукояткой (I—4) и клиновидные прямоугольные в поперечном сечении долота (VII—6). Все вышеперечисленные аналогии относятся к собственно Усть-Бельскому могильнику и стоянке. Кроме того, следует отметить относящиеся к усть-бельской культуре сходные с древнеберингоморскими черешковые наконечники стрел (X—15) и продолговатые неправильно листовидные двухлезвийные ножи из тайника вблизи оз. Эльгыгытгын (II—6).

Преобладающая часть всех этих усть-бельских аналогий (а именно 39 из 55) не повторяется в поздненеолитической культуре Северной Чукотки; на стоянках Амгуэмы и Чирового озера. Исключение составляют только треугольные наконечники стрел с прямой базой (V — а, в), с симметрично и асимметрично вогнутым основанием (V — вх, V — су), удлиненно-листовидные наконечники (I — 3с) и черешковые (X—15), а также полиэдрические резцы (II—3), проколки (I—4), ножи со стесанной спинкой (VI—4), треугольные (VII—5), сланцевые шлифованные ножи (III—12), ретушированные ножевидные пластинки (I—7) и некоторые невыразительные формы скребков (VII—3, 5, 10, X—10).

Тем не менее и в северчукотской культуре мы находим некоторое небольшое число не встреченных в усть-бельской культуре аналогий: узкие листовидные приостренные с обоих концов наконечники стрел (I—9в), ромбоидально-листовидные (I—5в), продолговатые усеченно-листовидные (II—3в), ретушированные по краям пластины, широкие (II—1) и более узкие листовидные ножи (II—6), грубо обработанные, лишь частично шлифованные трапециевидные тесла (V—3, 8), скребки на отщепах (IX—7, X—8, VII—4, IX—1) и более уникальные концевые с узким поперечным лезвием (II—19) и с боковыми выступами-«ушками» по краям лезвия (II—20, IV—1), а также проколки с ретушированной рукояткой (I—16).

Более южные дальневосточноазиатские влияния на древнеберингоморскую культуру шли, очевидно, через Северную Камчатку со стороны центральной и южной части Камчатского полуострова, Курильских островов, а также со стороны северного Охотского побережья, Сахалина и Приморья. Они выражаются в наличии там в додревнеберингоморское время вещей, отчасти сходных с древнеберингоморскими вещами, не встреченных в усть-бельской и северчукотской культурах, а в некоторых случаях и в древних культурах Северо-Западной Америки.

Рассмотрим подробнее в этом отношении камчатскую (тарьинскую) поздненеолитическую культуру конца I тысячелетия до н. э., для которой характерен охотничье-рыболовецкий уклад и которая в этническом отношении, очевидно, является протоительменской, сохранявшей еще, очевидно, некоторые протоэскимосско-алеутские черты, судя по наличию в ее памятниках каменных лабреток и лабреточных шпилек.

В этой культуре много каменных изделий, аналогии которым для древнеберингоморской культуры нами выше были отмечены в усть-бельской и северчукотской культурах: листовидные, черешковые и тре-

угольные наконечники стрел, в том числе с выемчатым основанием (I—3с, 5в, 9в, 10 вМ; II—2а, 4в; V—а, в, вх, VI—в; 0—5), сегментовидные и треугольные боковые вкладыши (I—11, 13), сегментовидные, листовидные и узкие горбатые ножи-бифасы (IV—2, 6; II—6), концевые скребки (I—12; II—16, 18, 20), комбинированные скребки (IV—7), скобели (XII—4) и проколки с ретушированной рукояткой (I—6).

Затем в этой камчатской культуре имеется значительное число каменных изделий, не встреченных в поздненеолитических культурах Чукотки, а именно лавролистистые наконечники-бифасы (Iа), треугольные боковые вкладыши (I—13), горбатые ножи с узким клинком (V—14) и с широким (V—18), остроконечные продолговатые ножи (VII—7), некоторые виды концевых скребков (I—7, 16; II—13; III—4; V—1; VII—3), скобели (XII—3), прямоугольные в поперечнике и трапециевидные в плане тесла (II—4), тесла неправильного поперечного сечения, сужающиеся к обушку (V—2, 7, 9), и такие же тесла, но с линзовидным сечением (IV—3), а также проколки с ретушированной рукояткой (I—4), сланцевые шлифованные остроконечные двулезвийные ножи с отверстием (VIII—39), без отверстий (VIII—38), сланцевые однолезвийные ножи (VII—6, 23).

Наконец, в рассматриваемом камчатском поздненеолитическом комплексе каменных вещей представлены орудия, не встреченные в позднем неолите ни на Чукотке, ни в Северо-Западной Америке и поэтому являющиеся убедительными индикаторами южных камчатских истоков ряда элементов древнеберингоморской культуры. К ним относятся горбатые узколезвийные и ширококлиновые черешковые ножи (V—14; IV—12), узкие остроконечные ножи (VII—7), сланцевые шлифованные двулезвийные остроконечные ножи (VIII—38, 39), сланцевые однолезвийные ножи женского эскимосского типа (VIII—6), различные концевые скребки (I—7, 16; III—1; XII—23), шлифованные трапециевидные прямоугольно-поперечного сечения тесла (II—4) и частично шлифованные тесла линзовидного сечения с приостренным обушком (IV—3), проколки с ретушированной рукояткой (I—4).

Некоторые из последней группы камчатских вещей распространены в еще более древних памятниках Курильских островов. К этим вещам относятся, например, миндалевидные тесла линзовидного сечения (IV—1), датируемые на Курильских островах концом II тысячелетия до н. э.¹⁵⁸

Уместно вспомнить также метко подмеченную еще С. А. Арутюновым в одном из древнеберингоморских захоронений Уэленского могильника каменную имитацию бронзового меча или алебарды, типичных для периода среднего яей, т. е. для начала новой эры, а также приводимую тем же автором этимологию эскимосского названия меди «кануя»¹⁵⁹.

Примечательно, что как на Камчатке в конце I тысячелетия до н. э., так и на Курилах (на о. Шумшу) были в употреблении лабретки, но там они, вероятно, относятся к охотской культуре¹⁶⁰. К сожалению, куриль-

¹⁵⁸ Чубарова Р. В., 1960б, рис. 1—17, 19.

¹⁵⁹ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1961, с. 124; Воробьев М. В., 1958, рис. XX, 1, 2, 6.

¹⁶⁰ Накаута Е., 1934.

ские лабретки пока не датированы. Однако присутствие лабреточных шпилек как будто бы в среднем Дземоне¹⁶¹ позволило бы сделать допущение, что Курилы были промежуточной областью распространения этих нагубных украшений и что там они тоже бытовали, вероятно, несколько позднее, чем в тарьинской культуре. Однако вопрос о наличии лабреток в древности на Японских островах все же неясен. Имеющиеся достоверные данные не позволяют пока разрешить дилемму: либо существовали культурные влияния с юга, выражающиеся в распространении лабреток со стороны Камчатки в I тысячелетии до н. э., и тогда эти влияния усиливали эскимосско-алеутский компонент древнеберингоморской культуры; либо эскимосские элементы культуры, включая лабретки, сами распространялись в это время с севера на юг. Второе допущение, соответствующее в общем гипотезе С. А. Арутюнова о влиянии эскалеутов к югу, может оказаться более вероятным¹⁶².

Культурные же истоки древнеберингоморской культуры, идущие с юга со стороны безлабреточной области, с северного Приохотья, связаны совсем с другим этническим компонентом, вероятно с палеоазиатским, точнее сказать — с чукотско-корякским. Мы в свое время отмечали, что лабретки бытовали не только у эскимосов, но и у алеутов и индейцев Северо-Западной Америки¹⁶³. На это обратил затем внимание и И. С. Гурвич¹⁶⁴. Однако, как всегда, мы используем лабретки не в качестве абсолютного этнического признака, а лишь для разграничения эскимосских (или эскимосско-алеутских) древностей и чукотских (чукотско-корякских). Последним, как известно, лабретки совсем не присущи, и в данной связи это важно иметь в виду.

К сожалению, северокамчатская древнекорякская культура не может быть пока удовлетворительно датирована. Но все же не случайно именно в этой области, где должны были пересекаться влияния как с юга Камчатского полуострова, так и с северного побережья Охотского моря, Сахалина, Приморья, мы имеем ряд типичных для древнеберингоморья каменных изделий: усеченно-листовидные продолговатые наконечники-бифасы (II—3с), треугольные наконечники стрел (II—4в; V—в), листовидные ножи-бифасы (II—3, 6; IV—2), концевые скребки (II—13, 16, 19) и грубо обработанные сужающиеся к обушку тесла (V—2).

Более определенно, концом I тысячелетия до н. э.—началом I тысячелетия н. э., датируются находки на верхней стоянке о. Завьялова возле Магадана, в составе которых имеются такие же, как в древнеберингоморье, треугольные боковые вкладыши (I—13а)¹⁶⁵, сегментовидные ножи-бифасы (IV—2)¹⁶⁶, треугольно-черешковые и треугольные выемчатые наконечники стрел (X—18; IV—сх)¹⁶⁷, а также миндалевидные

¹⁶¹ Воробьев М. В., 1958, рис. XXX.

¹⁶² Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969б.

¹⁶³ Диков Н. Н., 1971а, б; 1974а, с. 111.

¹⁶⁴ Гурвич И. С., 1975б.

¹⁶⁵ Сборы М. Г. Левина в 1930 г. на острове Завьялова, Музей Антропологии МГУ, колл. 475/110.

¹⁶⁶ Васильевский Р. С., 1965б, рис. 2, 8.

¹⁶⁷ Там же, рис. 1, 1; 2, 9.

слегка пришлифованные по лезвию тесла (IV—1)¹⁶⁸. Подоснова этой культуры, характеризующаяся находками Р. С. Васильевского с о. Недоразумения, включает, кроме тех же тесел (IV—1)¹⁶⁹ и бифасов (IV—2)¹⁷⁰, также и другие изделия, близкие древнеберингоморским — горбатые ножи (V—17)¹⁷¹, треугольные (VII—5)¹⁷², лавролистные комбинированные скребочки (IV—19)¹⁷³ и разнообразные наконечники стрел: каплевидные (I—3а)¹⁷⁴, подпятиугольные (II—3в)¹⁷⁵, усеченно-листовидные (II—3с)¹⁷⁶, треугольные подтреугольные и (II—4в, V—а)¹⁷⁷, треугольные с выемчатым основанием (V—ах)¹⁷⁸ и в их числе со слабо намеченными боковыми выемками (V—вз)¹⁷⁹. Эта культурная подоснова во многом близка усть-бельской культуре, но отличается от последней своими миндалевидными теслами (IV—1), горбатыми ножами (V—17) и отсутствием ножевидных пластин и керамики, т. е. чертами, которые ее приближают к древнеберингоморской культуре, на что мы уже обращали внимание¹⁸⁰.

На Южном Сахалине заслуживают быть упомянутыми сходные с древнеберингоморскими усеченно-листовидные продолговатые наконечники стрел (II—3с)¹⁸¹, трапециевидные и почти треугольные (V—2, 10) тесла¹⁸² с Сусуйской стоянки второй половины I тысячелетия до н. э., а также черешковые наконечники с закругленным концом (V—15М)¹⁸³ со стоянки Стародубское конца II—I тысячелетия до н. э. Остальные предметы сходные с древнеберингоморскими вещами — сегментовидные ножи-бифасы (IV—2)¹⁸⁴, черешковые (X—15), листовидные (I—9в), пятиугольные (II—3в) и треугольные (V—а)¹⁸⁵, и в том числе с выемчатой базой (V—вх, VIII—22х), наконечники стрел¹⁸⁶ повторяются в позднем неолите на северном побережье Охотского моря и на Чукотке. Тем самым они показывают взаимосвязь и, очевидно, преемственность этих культур и общее направление их распространения к северу в сторону Чукотки.

Наконец, крайним южным звеном этой цепи устремленных своим влиянием к северу культур А. П. Окладников весьма убедительно в свете имевшихся тогда данных считал приморскую культуру XI—IX вв. до

¹⁶⁸ Васильевский Р. С., 1965, рис. 1, 1.

¹⁶⁹ Васильевский Р. С., 1970, рис. 4, 1.

¹⁷⁰ Там же, рис. 7, 1.

¹⁷¹ Там же, рис. 3, 2.

¹⁷² Там же, рис. 2, 9.

¹⁷³ Там же, рис. 2, 5.

¹⁷⁴ Там же, рис. 1, 17.

¹⁷⁵ Васильевский Р. С., 1965, рис. 3, 9.

¹⁷⁶ Васильевский Р. С., 1970, рис. 2, 10.

¹⁷⁷ Там же, рис. 1, 22, 1, 10.

¹⁷⁸ Там же, рис. 1, 4, 5.

¹⁷⁹ Там же, рис. 1, 16.

¹⁸⁰ Диков Н. Н., 1971б.

¹⁸¹ Козырева Р. В., 1960, с. 39, рис. 2, 3.

¹⁸² Чубарова Р. В., 1958, рис. 42, 6.

¹⁸³ Козырева Р. В., 1967, рис. 15, 5.

¹⁸⁴ Там же, рис. 4, 7.

¹⁸⁵ Козырева Р. В., 1960, с. 39, рис. 6.

¹⁸⁶ Козырева Р. В., рис. 4, 6—10, 15; рис. 4, 5, 12, 16.

н. э., наиболее ярко представленную поселением на м. Песчаном возле Владивостока¹⁸⁷. Действительно, здесь мы находим ряд сходных с древнеберингоморскими сланцевых шлифованных наконечников, треугольных (Е—2)¹⁸⁸ и черешковых (Е—6)¹⁸⁹, ножей или, как полагает А. П. Окладников, носков от наконечников поворотных гарпунов (VIII—39, 40)¹⁹⁰, а также типичные для древнеберингоморья ретушированные топоры линзовидного сечения миндалевидные (I—4)¹⁹¹ или трапециевидные (1—5)¹⁹² и шлифованные прямоугольные в поперечнике (II—4, 7)¹⁹³. Весьма знаменательно, что именно на приморской земле на стоянке IX—XI вв. до н. э. в Тетюхе оказался почти такой же с «первурой» нож (VIII—48)¹⁹⁴, как и обломок узленского, давшего С. А. Арутюнову повод говорить о южных связях древнеберингоморской культуры, что было нами упомянуто выше.

Подводя итог всем отмеченным выше аналогиям древнеберингоморской культуры с окружающими более древними культурами, мы приходим прежде всего к выводу о наличии у нее наиболее тесных генетических связей с культурами Нортон, Оквик и усть-бельской. Вместе с тем мы убеждаемся в преобладании азиатских истоков древнеберингоморской культуры над американскими¹⁹⁵. Оно выражается в превалировании в ее каменном инвентаре усть-бельских элементов, а также некоторых более южных. Древнеберингоморская культура является, таким образом, синтезом лабреточных древнеэскимосских культур (Оквик, Нортон и, возможно, Ипиутак) и безлабреточной усть-бельской культуры, этниче-

Рис. 81. Древнеберингоморец (реконструкция Г. В. Лебединской по черепу из погребения 4 Узленского могильника)

¹⁸⁷ Окладников А. П., 1963.

¹⁸⁸ Там же, табл. 66, 8.

¹⁸⁹ Там же, табл. 90, 8, табл. 132, 6.

¹⁹⁰ Там же, табл. 49, 2, табл. 66, 4.

¹⁹¹ Там же, табл. 1, 3.

¹⁹² Там же, табл. 124, 7.

¹⁹³ Там же, табл. 80, 6.

¹⁹⁴ Окладников А. П., 1959, рис. 46, 2.

¹⁹⁵ Этот вывод сформулирован автором раньше (Диков Н. Н., 1971а, 1971б) и принят Васильевским Р. С. (1973).

Рис. 82. Древнеберингоморская женщина (реконструкция Г. В. Лебединской по черепу из могилы 19 Уэленского могильника)

Рис. 83. Реконструкция Г. В. Лебединской лица древнеберингоморской женщины по черепу из погребения Уэленского могильника

ское определение которой не может быть пока точным, но все же обладающей некоторыми чукотскими антропологическими чертами.

Тот факт, что древнеберингоморская культура безлабреточная, хотя она и возникла отчасти на основе лабреточных древнеэскимосских культур (Нортон, Оквик и, возможно, Иппутак), свидетельствует, очевидно, об инфильтрации в древнеберингоморскую этническую среду безлабреточного северо-восточно-палеоазиатского населения, вероятно связанного с усть-бельской культурой, скорее всего предков чукчей, об их выходе на морское побережье Чукотки и частичной ассимиляции ими лабреточных эскимосов. Мы выдвигаем такое предположение в качестве рабочей гипотезы, которая может, как нам кажется, объяснить отмеченное выше сочетание истоков, а также некоторые другие непонятные особенности и черты древнеберингоморской культуры и антропологии ее населения.

К последним в области материальной культуры, относится прежде всего отмеченное еще Д. А. Сергеевым и С. А. Арутюновым сходство грубых, частично оббитых скребел (IX—1, 2; X—2, 4) с канчаланскими, можно добавить и с Красинскими¹⁹⁶, а также стоянки у Седьмого причала (98), т. е., судя по всему, не с эскимосскими, а с внутриконтинентальными чукотскими.

Затем это крайняя неустойчивость ориентировки погребений того же Уэленского могильника, вполне понятная в условиях смешения коренного населения с пришлым.

В области пока еще очень скудных антропологических данных — это наблюдаемая по материалам того же Уэленского, а также Эквенского и Чинийского могильников явная антропо-

¹⁹⁶ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969, с. 166.

логическая смешанность, мозаичность признаков, присущих как различным группам эскимосов, так и чукчам¹⁹⁷. Интересно также и то, что изображение человеческого лица на «крылатом предмете» из Энмытынского могильника¹⁹⁸ отличается резко подчеркнутым очень широким носом, что более типично не для эскимосов, а для чукчей¹⁹⁹. То же и на маске из Эквенского могильника²⁰⁰. В связи с этим не случайно, очевидно, на завседомо древнеэскимосских оквикских миниатюрных костяных масках, украшенных лабретками, лицо и нос всегда значительно уже²⁰¹, как и у знаменитой Оквикской мадонны²⁰². На эти факты мы обратили внимание еще в 1971 г.²⁰³ Впоследствии Р. С. Васильевский дополнил их указанием на то, что и в древнеалеутской Чалукке изображение лица на гальке имеет длинный нос²⁰⁴.

О сложных этнических процессах, которые происходили у населения морского побережья Чукотки, совершенно очевидно свидетельствует сам смешанный характер памятников. Древнеберингоморские стоянки и могильники чрезвычайно редко встречаются в «чистом» виде, без примесей других культур, прежде всего оквикской. Пожалуй, это только Энмытынский могильник (115, 116) и стоянки в Сешане (132) и Инчоуне (120). На большей же части могильников обнаружены и оквикские, и древнеберингоморские захоронения, причем взаимопроникновение культур и этноса идет еще дальше, так что нередко в пределах одной могилы мы сталкиваемся с самым тесным переплетением оквикского и древнеберингоморского стилей и смешением оквикских и древнеберингоморских типов гарцуиных наконечников и других вещей (например, на Уэленском могильнике, в погребениях, раскопанных М. Г. Левиным в 1958 г.— 5, 6, 22 и в 1959 г.— 2, 3, 18—а, 20, 22, 23)²⁰⁵. Это тесное взаимопроникновение оквикской и древнеберингоморской культур выражается в наличии следующих общих для них вещественных элементов: ретуширован-

Рис. 8А. Реконструкция Г. В. Лебединской лица древнеберингоморца по черепу из погребения Уэленского могильника

¹⁹⁷ Зубов А. А., 1969, с. 194.

¹⁹⁸ Диков Н. Н., 1977б, цветная вклейка на стр. 160.

¹⁹⁹ Debelz G. F., 1960.

²⁰⁰ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1975, рис. 94.

²⁰¹ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969, рис. 99, 1, 5.

²⁰² Bandi H. G., 1968, fig. 24.

²⁰³ Диков Н. Н., 1971б.

²⁰⁴ Васильевский Р. С., 1973, с. 97.

²⁰⁵ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969, с. 42, 46, 51—60.

ных с обеих сторон наконечников стрел усеченно-листовидной и удлиненнотреугольной формы с прямым насадом, и черешковых; черешковых шлифованных наконечников-носков от дротиков или гарпунов (Е—4); овальных боковых вкладышевых лезвий (I—14); оббитых, почти не отшлифованных продолговатых тесел (IV—1, V—3); наконец, кристаллов кварца, применявшихся в качестве резцов (V—9).

Связи Оквика и древнеберингоморской культуры заметны, как известно, также и в костяном инвентаре, и в керамике. Особенно существенным фактом, на наш взгляд, является наличие и там, и тут «крылатых предметов» (более архаичных в оквике), а также рифленой, бороздчатой керамики²⁰⁶.

Все эти древнеберингоморско-оквикские связи еще более усложняют картину этнических отношений в зоне Берингова пролива и могут рассматриваться, по нашему мнению, как дальнейшее распространение этнического влияния, которое несколько раньше претерпели древнеберингоморцы.

Следовательно, древнеберингоморская культура не может больше рассматриваться как древнейшая азиатская эскимосская культура, тем более как чисто эскимосская культура, от которой, по мнению некоторых авторов, произошли культуры американских эскимосов²⁰⁷. Возможно, в более древнее время на берегу Берингова пролива действительно жили только эскимосы, но то, что мы отнесим к остаткам древнеберингоморской культуры, как бы отмечено печатью древнего чукотского влияния и поэтому может быть отнесено, вероятно, не только к древним эскимосам, но и к предкам сидячих чукчей, о генетической связи которых с древнеберингоморской культурой предполагал в свое время А. П. Окладников²⁰⁸.

Подтверждение этому мы находим также в Пегтымельских петроглифах, которые, как выше нами было показано, в значительной части принадлежат древним эскимосам, претерпевшим влияние предков-чукчей²⁰⁹.

Вместе с тем следует учитывать также те антропологические исследования, согласно которым древнеберингоморские популяции обладали чертами недифференцированного протоэскимосско-алеутского типа²¹⁰ и вместе с тем имеют такие же гены, как у чукчей, образуя с последними одинаковый серологический тип, в формировании которого сыграл роль «эффект родоначальника», т. е. влияние исходной группы²¹¹. Эти исследования способствуют утверждению мнения о генетическом единстве эскимосов и чукчей²¹².

²⁰⁶ Руденко С. И., 1947, табл. 21—26; 17, 15, 19; Bandi H.-G., 1969, fig. 23.

²⁰⁷ Аругюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969, с. 30 (в главе, написанной Д. А. Сергеевым).

²⁰⁸ Окладников А. П., 1945.

²⁰⁹ Диков Н. Н., 1971в.

²¹⁰ Алексеева Т. И., Алексеев В. П., 1973.

²¹¹ Мовесян А. А., 1975, с. 5.

²¹² Аругюнов С. А., Сергеев Д. А., 1975, с. 194.

Бирнирская культура

Примерно с V до IX в. н. э., когда климат в Арктике был сначала приблизительно таким же, как теперь²¹³, а затем постепенно начинал становиться теплее, на северном и отчасти восточном побережье Чукотки распространяется новая, так называемая бирнирская культура. Она довольно хорошо исследована по целому ряду стоянок: на о. Четырех-столбовом (406)²¹⁴, на м. Баранова (402—405)²¹⁵, в Чегитуне, Энурмино (137), Нешкане (140), Экичувервееме (125), Иколиврунвееме (133), Ванкареме (148—152), Нунымо (109), а также по погребениям 10, 11, 28, раскопанным нами в 1958 и 1963 гг. на Уэленском могильнике (119)²¹⁶, и по погребениям 4, 6, 17, раскопанным там в 1957 г. М. Г. Левиным, Р. В. Козыревой и Д. А. Сергеевым²¹⁷. Все названные памятники характеризуются поворотными гарпунами своеобразного типа: небольшого размера, оснащенными нередко одним каменным боковым вкладышем и зубцом-бородкой с противоположной стороны (рис. 85).

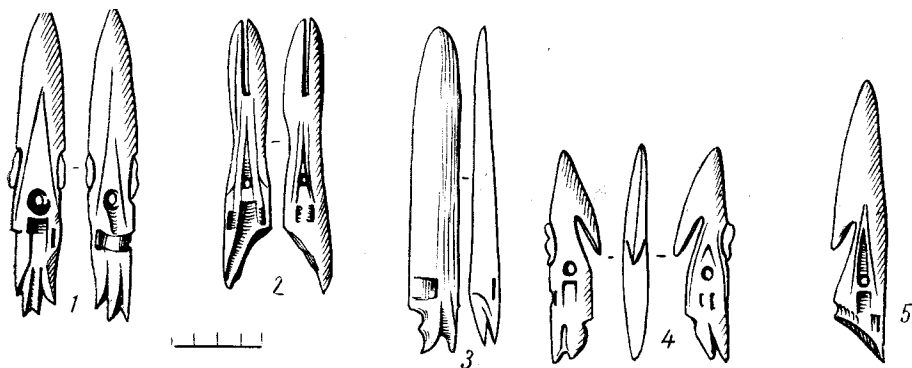

Рис. 85. Бирнирские поворотные наконечники гарпунов

1 — Ванкарем (148); 2 — погребение 11 Уэленского могильника (119); 3 — Нешкан (140), подъемный; 4, 5 — погребение 10 Уэленского могильника (119)

Возможно также, что бирнирскими являются, к сожалению, недостаточно полно для определенного суждения опубликованные погребения 10 и 12 Уэленского могильника, раскопанные в 1959 г., содержащие, судя по иллюстрациям, бирнирскую керамику вместе с гарпунными наконечниками древнеберингоморского типа²¹⁸. Отдельные находки известны в смешанных с древнеберингоморскими и пунукскими остатками комплексах и на юге Чукотского полуострова, например бирнирский гарпунный наконечник в Сирениках²¹⁹.

²¹³ Борисов П. М., 1970, с. 68.

²¹⁴ Береговая Н. А., 1954.

²¹⁵ Береговая Н. А., 1959.

²¹⁶ Диков Н. Н., 1967а, с. 76—78.

²¹⁷ Аругюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969, с. 40, 41.

²¹⁸ Аругюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969, с. 40, 41.

²¹⁹ Руденко С. И., 1947, табл. 19, 13.

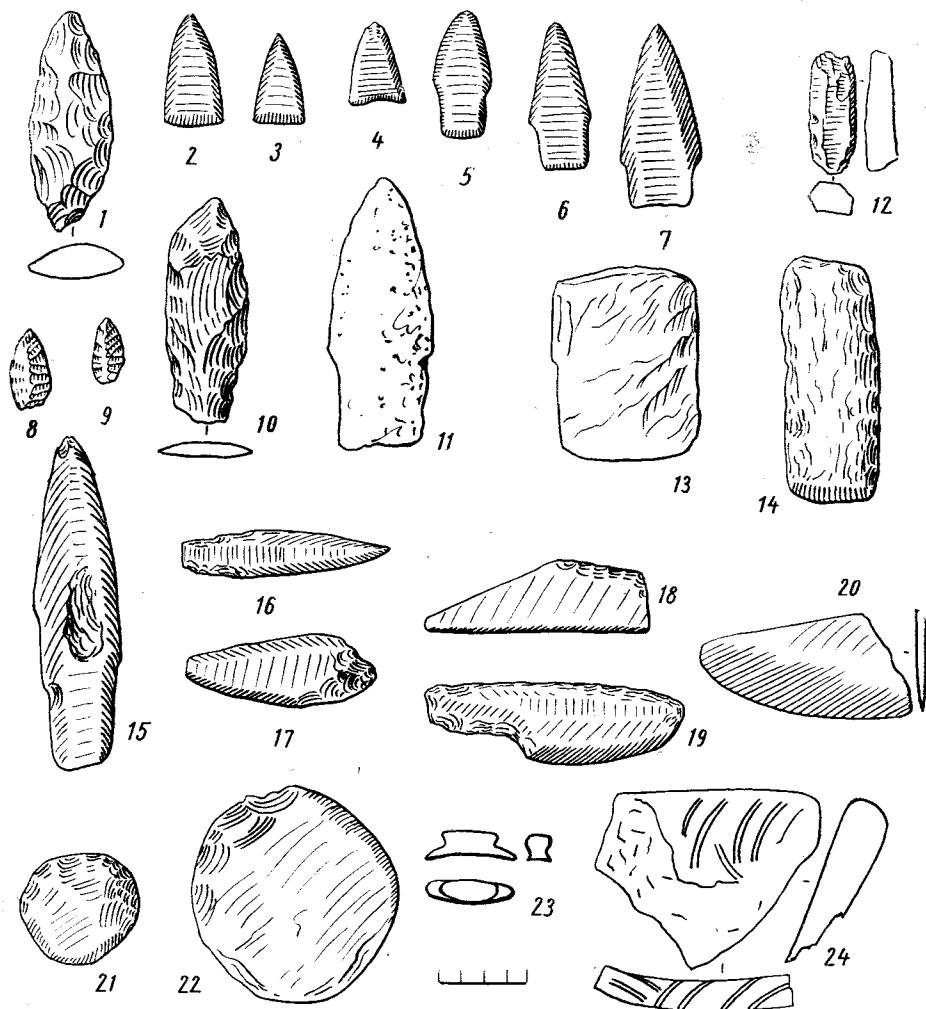

Рис. 86. Бирнирские каменные орудия (1—22), лабретка (23) и керамика (24)
1, 10, 20 — Нешкан (140); 7, 11 — Уеленский могильник (119); погребение 28, 11; 12 — Ванка-
рем (148); остальные — Баранов мыс (402), по А. П. Окладникову и Н. А. Береговой

Центром распространения этой бирнирской древнеэскимосской культуры является северный берег Аляски, район м. Барроу²²⁰. Эта культура расцветает там после аляскинской ипиутакской и характеризуется охотой на мелких ластоногих и оленей, в отличие от древнеберингоморской и пунукской, связанных с охотой и на крупных морских животных: китов, моржей. Для нее характерны большие жилища, нередко на косах и террасах, более низких, чем под древнеберингоморскими поселениями. В могилах наряду с вытянутыми попадаются часто, как показали нам

²²⁰ Ford J. A., 1959.

раскопки на Уэленском кладбище, и скорченные труположения (11, 28), ориентированные точно так же, как в оквикских погребениях, головой на восток.

Обилен ассортимент бирнирских костяных изделий. Кроме поворотных гарпунов, это наконечники стрел, дротиков, кирки, защитные пластины на руку для стрельбы из лука, различные украшения и др.

Характерной особенностью каменного инвентаря бирнирской культуры на Чукотке является резкое преобладание шлифованных сланцевых орудий над оббитыми (рис. 86). К последним относятся только черешковые наконечники дротиков или копий (X—16), широкие прямоугольные вкладышевые пластины, ретушированные с обеих сторон (I—9), листовидные ножи-бифасы (II—3, 6), скребки на отщепах (VII—4, VIII—4); продолговатые линзовидные топоры с линзовидным поперечным сечением (I—5). Среди значительно более многочисленных шлифованных сланцевых орудий имеются различные черешковые наконечники копий и дротиков (VI—3, 4, 5, 6, 8) и различные ножи: бесчерешковые однолезвийные клинковые без отверстия (VIII—1) и с отверстием (VIII—46), бесчерешковые двулезвийные без отверстия (VIII—38) и с отверстием (VIII—39), черешковые двулезвийные симметричные (VIII—44, 42) и несимметрично-клинковые (VIII—43, 44), а также широкие однолезвийные скребки-ножи типа эскимосского «улу» (VIII—3, 4, 5, 6, 10, 11, 12, 16, 19, 20). Заметим, что только асимметрично-клинковые ножи (VIII—43) и округлые скребла на галечных сколах (VIII—4) такие же, как в Красино (67), Канчалане (189) и на Седьмом причале (105), очевидно, можно считать инновациями. Остальные названные выше изделия известны также и в древнеберингоморских, и отчасти в оквикских памятниках Чукотки.

Глиняная посуда, судя по находкам керамических штампов, украшалась богатой орнаментацией из концентрических кругов (рис. 86, 14). Бирнирская культура сосуществует на севере Чукотки и Аляски с поздней древнеберингоморской и ранней пунукской и, очевидно, соответствует особой этнической группе эскимосов.

Очень интересны как культурно-этнический признак своеобразные пагубные украшения древних бирнирцев — так называемые лабретки. Одна из них была найдена при устье р. Иколиврунвеем (133) на севере Чукотки, что не позволяет согласиться с мнением Р. С. Васильевского, что на севере Чукотки лабреток не было²²¹.

Иколиврунвеемская лабретка оказалась в культурном слое вместе с двумя сломанными наконечниками поворотных гарпунов пунукского типа, наконечниками стрел, пожами из глинистого сланца и оригинальнейшим штампом в виде орнаментированной концентрическим, явно бирнирским узором лопатки из моржового клыка.

Сама лабретка представляла собой маленькую, сделанную из моржового клыка вещицу наподобие уплощенной с боков пробки с закраинами, как у шляпы (рис. 86, 24).

Напомним, что древний обычай носить лабретки (колюжины) еще недавно был распространен у эскимосов западной части Американской

²²¹ Васильевский Р. С., 1973, с. 95.

Арктики — от Берингова моря до р. Макензи, на Алеутских островах и на о. Св. Лаврентия. «Зубатых чукчей», т. е. украшенных лабретками эскимосов, видел Дежнев во время своего плавания вокруг Каменного носа на одном из островов в Беринговом проливе ²²².

Бирниркцы, как и оквикцы, бесспорные приверженцы обычая употребления лабреток, несомненно, являются эскимосами в этническом отношении. Существенно и то, что они испытали сильное влияние американской арктической неоэскимосской культуры туле. Но ближе всего бирнирк к оквику, и связь эта носит, вероятно, генетический характер. Возможно, С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев отчасти правы, подвергая сомнению нашу несколько утрированную гипотезу о том, что бирнирк и оквик составляют особый эволюционный ряд по сравнению с линией древнеберингоморье — пунук ²²³. Однако через 10 страниц они сами себе противоречат, отмечая все-таки «несколько большее тяготение бирниркских форм к оквикским прототипам, а пунукских — к древнеберингоморским» ²²⁴.

Заметны у бирниркцев на Чукотке и элементы пунукского, очевидно азиатского, происхождения. Причем, учитывая прямую преемственность пунукской культуры от древнеберингоморской, можно допустить, что с этими пунукскими элементами связан смешанный чукотско-эскимосский компонент в туле-бирниркской древнеэскимосской этнокультурной общности на морском побережье Чукотки.

Культуры пунук и туле

На большей части восточного и юго-восточного побережья Чукотки древнеберингоморская культура развивается непосредственно в пунукскую. Этот процесс происходит примерно в VI—VIII вв., причем к IX в. пунукская культура окончательно вытесняет бирниркскую и остается здесь до начала XVI в.

Следы поселков с остатками материальной культуры пунукского облика известны в настоящее время благодаря разведке С. И. Руденко в 1946 г. в Уэлене, на м. Дежнева (173), в Наукане (172), на м. Чаплина (177), в Яндогае (107), Авани (108), бухте Пlover (181), Сирениках (106), Нунлингране (182) и в Энмылене (183) ²²⁵. Кроме того, позднее мы обнаружили их против города Анадырь на Седьмом причале (105), а также в Чегитуне (126), Экичувервееме (125), Ванкареме (148—152), Иколиврунвееме (133) и на о. Илитлен (139).

Судя по новейшим палеогеографическим исследованиям, в это время, в VIII—XII вв. н. э., в морях Ледовитого океана и на его побережье климат снова значительно теплеет. Ледовитость арктического бассейна оценивается П. М. Борисовым для этого периода так называемого малого климатического оптимума в 2 балла, что в два раза менее современной ²²⁶. Средняя температура зимы (сентябрь — май) с —26° повыси-

²²² Белов М. А., 1955.

²²³ Диков Н. Н., 1967а, с. 78; Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1975, с. 184.

²²⁴ Там же, с. 193.

²²⁵ Руденко С. И., 1947.

²²⁶ Борисов П. М., 1970, с. 67.

лась до -23° (в настоящее время она равна -25°)²²⁷. По расчетам П. М. Борисова, летом лед в Полярном бассейне при таких условиях полностью таял²²⁸. О. П. Чижев оспаривает это предположение, хотя и признает, что ледовитость во время раннего средневекового потепления была значительно меньшей, чем современная²²⁹. Как бы то ни было, но даже по самым умеренным оценкам советских исследователей-палеогеографов, палеоклиматологов и палеозоологов, в VIII—XII вв. в Арктике было значительно теплее, ледовитость океана была незначительная и в его морях в изобилии водились различные морские животные, в том числе тюлени²³⁰ и, надо полагать, киты.

Аналогичной в принципе точки зрения придерживается и известный французский исследователь Арктики Жан Малори, придающий большое значение экологическому фактору в развитии древнеэскимосских культур. Выделяемые им для Гренландии и Северной Канады периоды потепления и похолодания в период развития культур Дорсет и Туле, правда, не совсем совпадают с этапами изменения климата, установленными советскими палеогеографами, и период средневекового потепления продолжается, по его мнению, примерно до 1500 г.

Однако именно с этим периодом он связывает возрождение и расцвет морской охоты и мореплавания у гренландских эскимосов, а с похолоданием в XVI в. — возврат их к сухопутной охоте и вместе с тем исчезновение колоний гренландских викингов, не сумевших, подобно эскимосам, так быстро адаптироваться к новым экологическим условиям²³¹. Интересно, что именно этим средневековым потеплением Малори считает возможным объяснить широкое и, по его мнению, даже первое распространение каяков и умиаков в культуре туле. Там оно документируется археологически находками лодки и остатков каяка, датированными XV в.²³² Неизвестно, правда, являются ли они остатками самых древних лодок Восточной Американской Арктики, но можно сказать уверенно, что, судя по Пегтымельским петроглифам, на севере Чукотки первое появление подобных умиаков и каяков относится к значительно более раннему времени, и поэтому пунукское мореходство является лишь дальнейшим развитием очень древних на Чукотке навыков.

Очевидно, именно в связи с потеплением, освобождающим море от сплошных льдов и широких береговых припаев в пунукский период, совпадающим с периодом малого климатического оптимума, охота на китов на арктическом побережье Чукотки достигает подлинного, небывалого дотоле расцвета. Об этом свидетельствует широкое применение в это время китовых костей в качестве строительного и поделочного материала. Из черепов, ребер и нижних челюстей кита сооружались большие землянки, из длинных китовых костей строились высокие сушилки для хранения байдар, сушки мяса и рыбы. Растут поселки и население в них:

²²⁷ Чижев О. П., 1970, с. 74.

²²⁸ Борисов П. М., 1970, с. 62.

²²⁹ Чижев О. П., 1970, с. 72.

²³⁰ Чапский К. К., 1970, с. 172.

²³¹ Malaurie J. M., 1970, p. 21, 22.

²³² Ibid., p. 22.

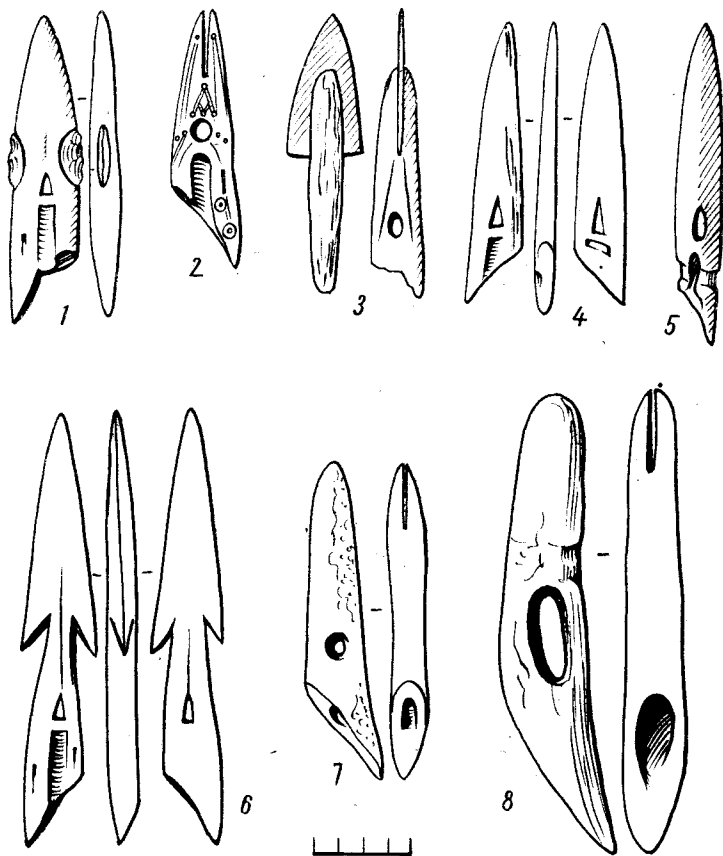

Рис. 87. Пункские поворотные наконечники гарпун

1, 6, 7 — Чегитун (129); 4 — Чегитун (126); 2 — Сиреники (106); 5 — Седьмой причал (105); 3, 8 — Нунямо (109)

обильная мясная добыча обеспечивает более прочную, чем прежде, оседлость морских охотников. Поворотные гарпуны приобретают простую, наиболее рациональную форму, причем чаще, чем прежде, употребляют-ся большие, специально китовые наконечники (рис. 87).

Керамика приобретает теперь несколько иной, чем в древнеберингоморье, облик. Теперь она чаще не штризованная, а преимущественно гладкостенная; у сосудов появляются наружные ушки для подвешивания.

Каменные изделия (рис. 88) по сравнению с древнеберингоморскими менее разнообразны. Новых типов каменных орудий после древнеберингоморья, можно сказать, не появилось. Напротив, ассортимент их значительно сократился. Преобладают грубо оббитые и шлифованные остро-обушковые и усеченно-трапециевидные тесла, шлифованные сланцевые

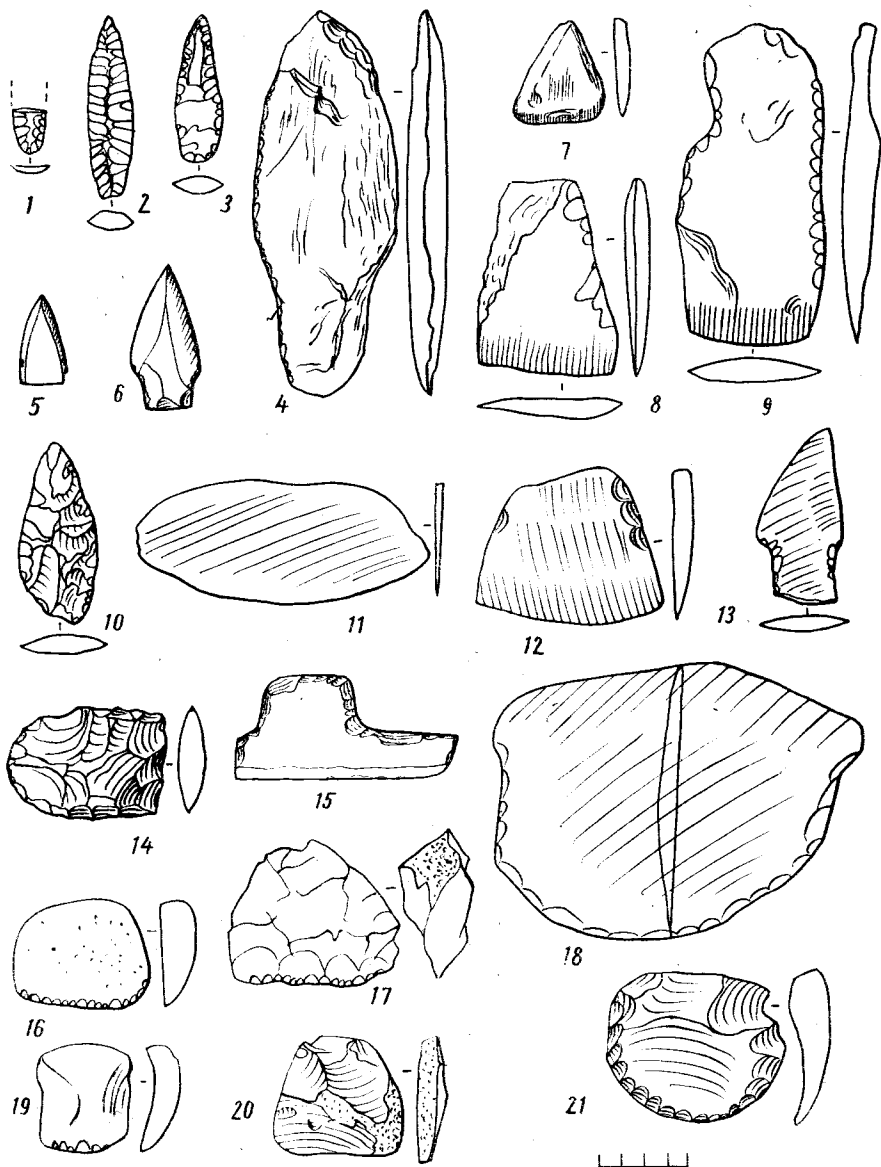

Рис. 88. Пунукский комплекс каменных орудий

1, 2, 8, 9, 12, 16–21 — Седьмой причал (105); 3, 10, 13 — Ванкарем (152); 4 — Чегитун (129); 11 — Чегитун (128); 7 — Чегитун (126); 14 — Экичувервеем (125); остальные по С. И. Руденко

скребла, ножи и наконечники копий, дротиков или гарпунов (носки поворотных китовых гарпунных наконечников).

Костяной инвентарь более разнообразен (рис. 89, 90). Кроме гарпунных поворотных всегда однодырчатых наконечников с открытым гнездом²³³, в него входят разнообразнейшие костяные наконечники стрел (с вильчатым и со стержневидным черешком, плоские листовидные и трехгранные, с боковыми зазубринами и без них, с острыми и тупыми концами)²³⁴, костяные ножи с боковым отверстием у основания клыка²³⁵, рукоятки от железных и каменных резцов, кирки, пещни, обоймы для каменных тесел, болласы, костяные скребки для снятия жира со шкуры, снеговые очки, панцирные пластины от лат, защитные наручники для стрельбы из лука, тяговые блоки собачьей упряжки, статуэтки людей, китов, медведей и других животных или просто медвежьи клыки с просверленными в них для подвешивания отверстиями²³⁶. Таким образом, по костяному инвентарю заметны существенные сдвиги в развитии транспорта (собачья упряжка) и военного вооружения (панцири). Вместе с тем бросается в глаза упадок изобразительного искусства. Резко упрощается изобразительный стиль искусства резьбы по кости: начинают преобладать узоры из прямых линий и кружков с точками внутри. Типичной ритуальной вещью в это время становятся довольно загадочные трезубцы²³⁷, сменяющие собой оквикские и древнеберингоморские «крылатые предметы» (рис. 90, 2).

Судя по приведенному здесь перечню элементов пунукской культуры, большая часть их и, следовательно, вся пунукская культура в целом является унаследованной от древнеберингоморской. В этническом отношении рассматриваемая археологическая культура вернее всего является дальнейшим синтезом эскимосской и чукотской. Можно предположить, хотя здесь необходимы более определенные не только археологические, но и антропологические доказательства, что пунукская культура отражает углубление той ассимиляции предков эскимосов предками чукчей, которая началась еще на древнеберингоморском этапе. При этом заслуживает внимания уже высказывавшееся ранее предположение, что упрощение и геометризация пунукского изобразительного стиля связаны с сильным влиянием на пунукскую культуру культуры внутриконтинентальных палеоазнагов чукотско-корякской группы в связи с их переходом к оленеводству²³⁸. Это в сущности весьма правдоподобное допущение можно, на наш взгляд, несколько дополнить и уточнить, отнеся начало возникновения оленеводства в чукотских тундрах к так называемому первому малому периоду оледенения, наступившему после раннесредневекового климатического оптимума и длившемуся в своей кульминационной фазе с 1550 до 1850 г. (по П. М. Борисову)²³⁹ или с 1500 до

²³³ Руденко С. И., 1947, табл. 19, 19, 22.

²³⁴ Там же, рис. 13, 9—11; табл. 19, 19; табл. 21, 20.

²³⁵ Руденко С. И., 1947, табл. 33, 26, 27.

²³⁶ Там же, табл. 6, 17; табл. 12, 19; табл. 16, 4; табл. 18, 18; табл. 21, 5; табл. 16, 12, 20; табл. 29, 6—17.

²³⁷ Там же, табл. 29, 24.

²³⁸ Руденко С. И., 1947, с. 112.

²³⁹ Борисов П. М., 1970, с. 67.

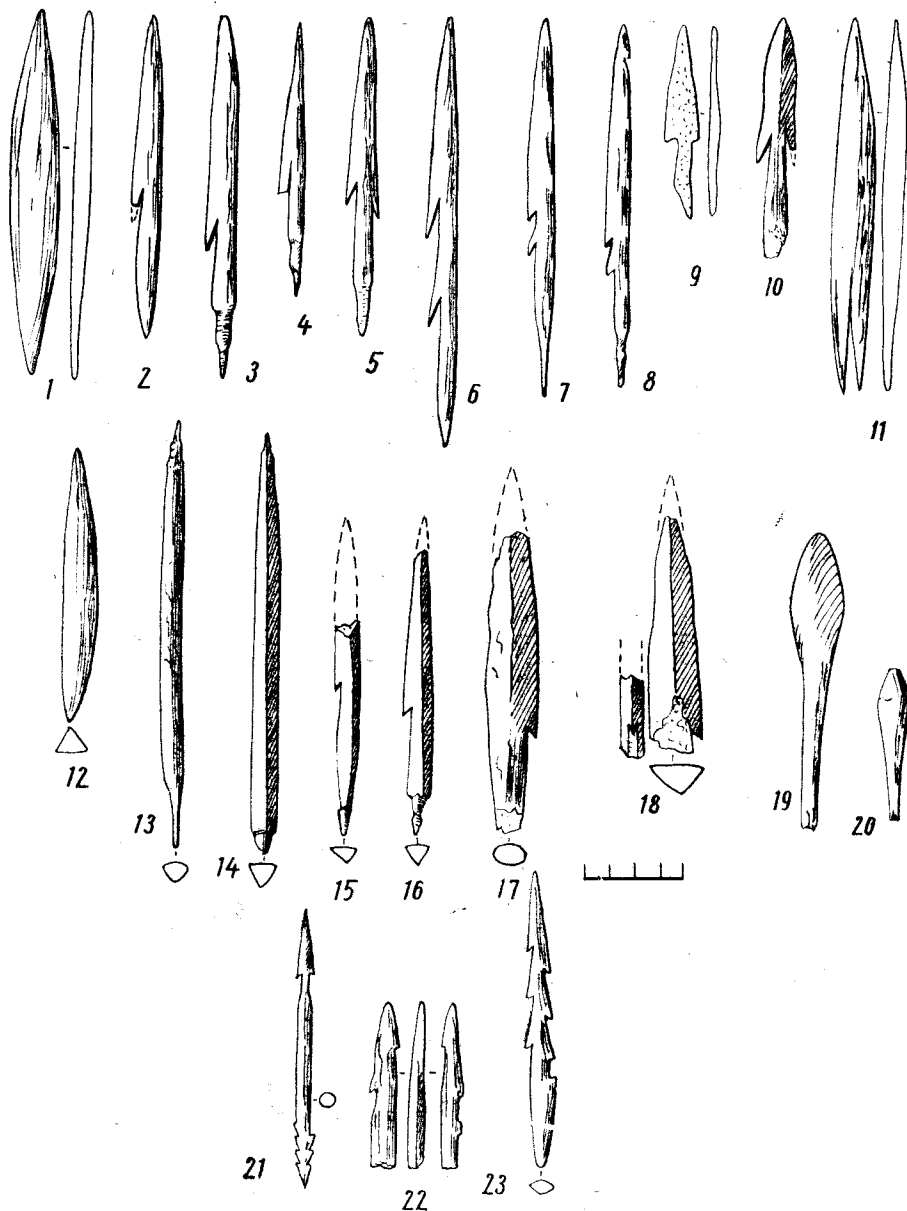

Рис. 89. Пунукские костяные наконечники стрел

1—8, 11 — Чегитун (127—129); 9, 10, 12—18 — Седьмой причал (105); 19—23 — Сиреники (106)

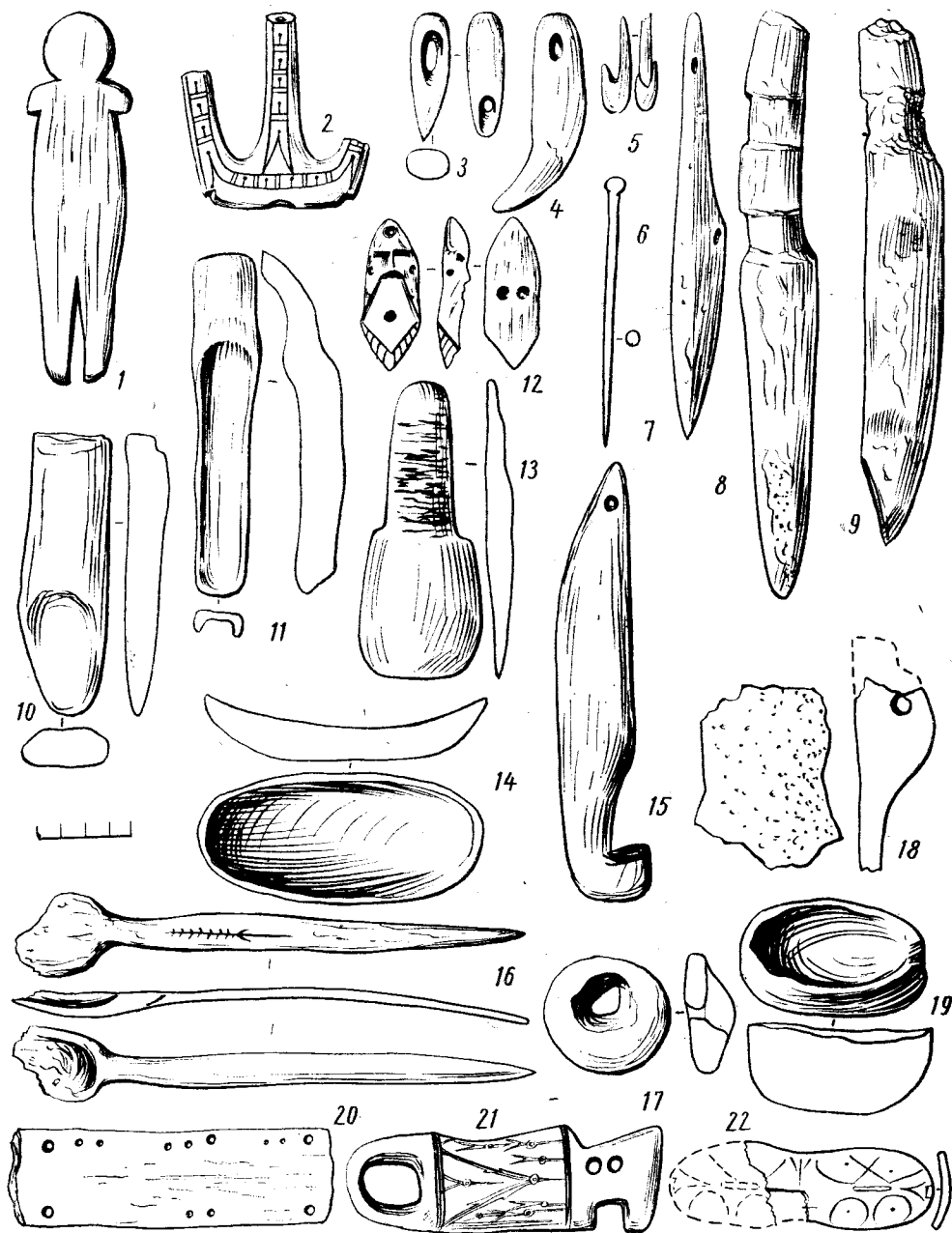

Рис. 90. Пунгукские изделия

1, 12 — Нунямо; 7, 16 — Седьмой причал; остальные по С. И. Руденко; 1, 19 — дерево; 18 — керамика; остальные из моржового клыка

1800 г. (по Ж. Малори)²⁴⁰. По П. М. Борисову ледовитость малой ледниковой эпохи оценивается в 6 баллов (в малом климатическом оптимуме она была равна 2 баллам, а ее современное состояние — 2 балла)²⁴¹. Предельная толщина льдов была тогда в два раза больше, чем при средневековом потеплении (7 м вместо 3,5 м)²⁴², соответственно выше была сухость воздуха.

Эскимосы Северной Гренландии (в районе Туле) перешли в это время от морской культуры Туле к культуре, напоминавшей древнюю дорсетскую с преобладанием охоты на мускусных быков. Вполне допустимо предположить, что необходимость адаптации к новым суровым условиям, связанным с сокращением возможностей морской охоты, и на Чукотке побудила население к поискам решения хозяйственных проблем в тундре, где холодная сухость климата создает наиболее благоприятную обстановку для копытных. Таким образом, используя последовательно и дальше метод соотнесения развития хозяйства с развитием природных условий, можно, очевидно, подойти к решению сложнейшей проблемы возникновения чукотского оленеводства, найти здесь конкретную причину его возникновения, уточнить датировку, объяснить его сравнительно позднее происхождение, понять в конечном счете те неожиданные перемены и влияния в пунукской культуре, о которых было сказано выше. С этой экологической гипотезой происхождения крупнотабунного оленеводства на Чукотке мы выступили впервые в 1971 г.²⁴³ Эта гипотеза была поддержана И. С. Гурвичем²⁴⁴ и И. И. Крупником²⁴⁵, причем последний на основе тщательного анализа социальных и экологических факторов пришел к выводу, что становление на евразийском севере крупнотабунного оленеводства «оказывается возможным либо в кратковременный благоприятный период 1570—1650 гг., либо (как это и получилось) в более длительный благоприятный период 1720—1830 гг., когда по всей полосе евразийских тундр действительно начинается бурный рост поголовья домашних оленей»²⁴⁶.

Похолоданием малого ледникового периода и поиском менее суровых мест обитания объясняется, очевидно, ярко выраженная западная направленность распространения гренландско-канадской неозскимосской культуры Туле. Самые поздние пунукские поселки и могильники Чукотки свидетельствуют о сильном влиянии этой культуры. К таким поселкам относятся Чегитун (119), Экичувервеем (118), Ванкарем (141—143), исследованные нами в 1963 г., и другие, известные ранее южнее, вплоть до устья р. Анадырь, в частности у Седьмого причала (98), и в обследованных С. И. Руденко стоянках в Уэлене, на м. Дежнева, в Наукане, на м. Чаплина, в Сирениках, Нуялингране и Энмылене²⁴⁷. Любопытно, что следы этого влияния в виде типичных для культуры Туле

²⁴⁰ Там же, с. 21, 22.

²⁴¹ Борисов П. М., 1970, с. 67.

²⁴² Чижев О. П., 1970, с. 74.

²⁴³ Диков Н. Н., 1971б, с. 395—396, см. также: Очерки истории Чукотки с. 70, 71.

²⁴⁴ Гурвич И. С., 1975б.

²⁴⁵ Крупник И. И., 1975, с. 28.

²⁴⁶ Там же, с. 40.

²⁴⁷ Руденко С. И., 1947, табл. 7, 19, 21; 19, 26; 31, 3; 33, 13, 14.

поворотных гарпунных наконечников определенно присутствуют и на северо-охотском побережье, например в стоянке Пьягино, раскопанной Р. С. Васильевским²⁴⁸, куда они могли легко попасть кратчайшим путем через узкий перешеек Северной Камчатки, минуя Камчатский полуостров. Обнаруженные на всех названных стоянках Чукотки и северного Охотского побережья наконечники гарпунов типа Туле сравнительно невелики, имеют специфическую форму и являются хорошим индикатором сильного культурного влияния со стороны западного сектора Американской Арктики. Весьма может быть, что это влияние было связано с усилением на Чукотке этнического эскимосского компонента с восстановлением эскимосами своих отчасти утраченных там под давлением приморских предков чукчей позиций.

В конце XVII в. на Чукотке, по подсчетам Б. О. Долгих, еще жило около 4 тыс. эскимосов, которые расселялись четырьмя племенами с различными диалектами (вутээнцы, айваны, пээки, уэленцы) от горы Сердце-Камень возле залива Креста до м. Рыркайпия (м. Шмидта)²⁴⁹. Согласно К. Мерку (конец XVIII в.), часть их могла принадлежать оседлым чукчам²⁵⁰.

Эскимосская проблема еще далеко не решена, и в этом смысле мы можем вполне присоединиться к мнению ее исследователя Ж. Малори, образно сравнившего состояние ее изученности с айсбергом, подводную, т. е. наибольшую, часть которого составляют ее неизученные вопросы.

Новые, добытые нами в последние годы материалы позволили рассмотреть происхождение и развитие древнеэскимосских культур на Чукотке и их взаимодействие с окружающими культурами несколько шире и глубже, чем это было возможно раньше. Вместе с тем они не дают исследователю полного удовлетворения. Эскимосская проблема все еще не решена. Из-за недостаточности археологических и антропологических материалов мы и теперь имеем только возможные направления ее решения. По-прежнему в силе остаются слова Кнуда Расмуссена, относящиеся еще к 1928 г.: «Эскимосы не походят ни на какой другой народ в мире... Чем больше мы узнаем, тем больше мы хотим знать о них, и каждая новая экспедиция, успешно достигшая новых целей, оставляет после себя целый ряд новых неразрешенных проблем»²⁵¹.

Культурные комплексы низовьев рек Анадырь, Канчалан и прилегающего с северо-востока морского побережья

В низовьях р. Анадырь, при устье р. Канчалан, на северном побережье Анадырского лимана и далее на северо-восток по побережью Берингова моря до м. Низкий известны археологические памятники, не составляющие, очевидно, единой культуры, но тем не менее обнаруживающие определенную историческую взаимосвязанность. Это стоянки и

²⁴⁸ Коллекция хранится в Магаданском областном краеведческом музее.

²⁴⁹ Долгих Б. О., 1960, с. 554.

²⁵⁰ Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции..., с. 98—1000.

²⁵¹ Rasmussen K., 1928.

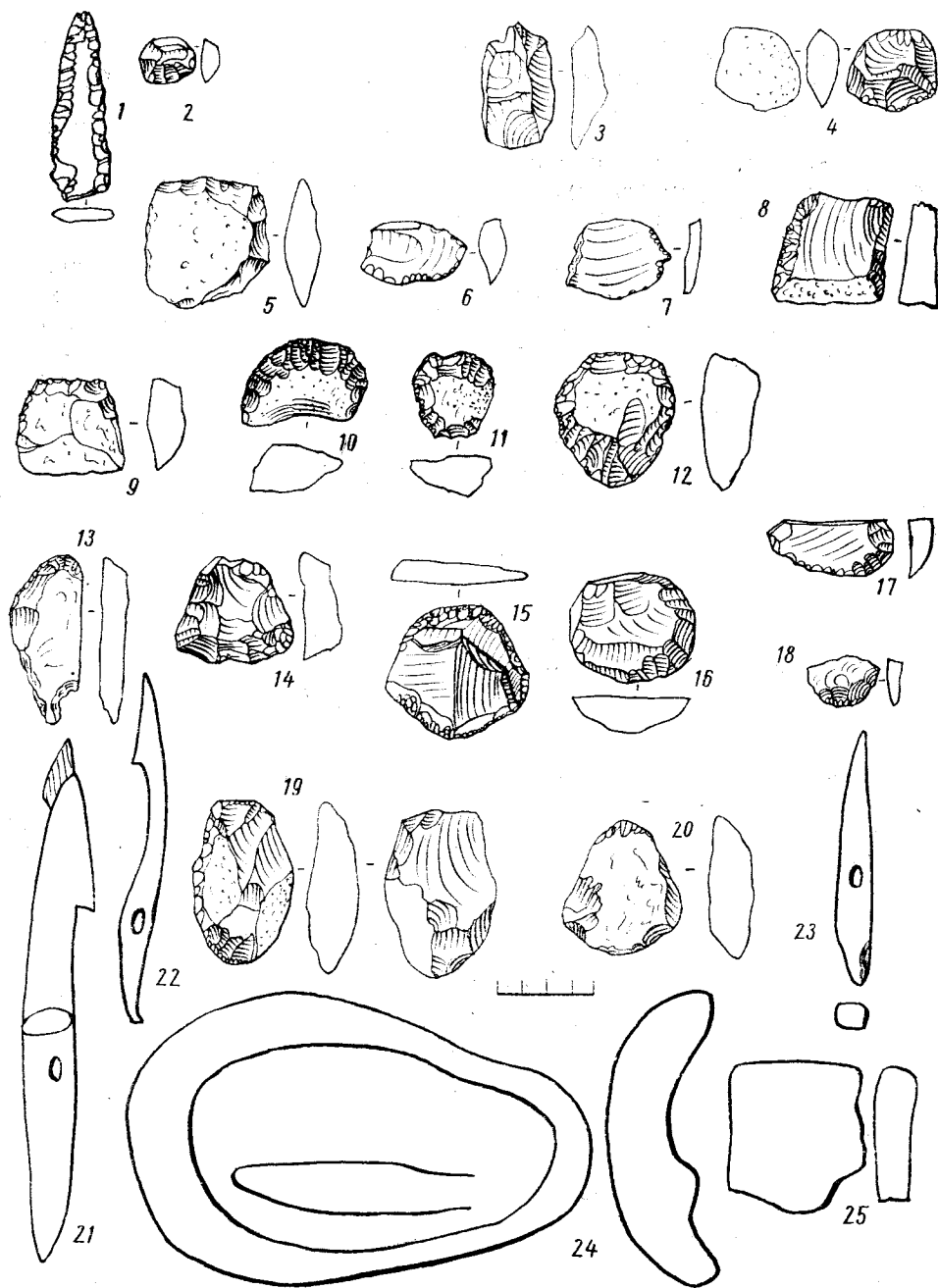

Рис. 91. Каменные и костяные изделия канчаланской культуры

1—4, 6, 7, 16—18, 22—25 — Осиновая коса (64); 5, 9, 14, 15 — Канчалан (189), по Т. М. Дикой; 8, 10—13, 19, 20, 21 — Канчалан (189), по А. П. Окладникову и В. В. Нарышкину

мастерские на осиновских и красненских косах (63, 64, 67—70), Канчаланская стоянка (189), стоянка у Седьмого причала (101) и совсем недавно исследованная стоянка у м. Низкого²⁵². Судя по их хозяйственно-бытовой характеристике и географическому положению, ими фиксируется постепенный выход к морю и переход от внутриконтинентального образа жизни к приморскому, основанному на морской охоте, не вполне определенных пока в этническом отношении группы населения, но, вероятнее всего, преимущественно чукчей.

Наиболее ранними из этих памятников, видимо, являются находки на галечниковых косах — осиновской (63, 64) и красненских (66—70). Здесь среди огромного количества обсидиановых отщепов, скребел и скребков, бифасиальных листовидных ножей и наконечников стрел встречаются еще трехгранные заготовки, восходящие к северочукотским трехгранным наконечникам, иногда являющиеся просто заготовками призматических нуклеусов, а также изредка ножевидные пластинки (их всего две штуки)²⁵³. Мак-Нип, как известно, относил эти тогда лишь частично опубликованные находки²⁵⁴ к палеолиту²⁵⁵, с чем согласиться трудно, так как они собраны на косах, возникших лишь начиная с раннего голоцена. Как выше было отмечено, здесь мы имеем дело со смешанными по возрасту находками, среди которых встречаются, вероятно, и восходящие к реликтовому палеолиту, например большие широкие бифасы-ножи, сходные с акмакскими на Аляске²⁵⁶, но в целом преобладают все же более поздние, из массивных галечных отщепов скребла и скребки (часто с остатками галечной корки), очень характерные для культурного слоя с землянкой на той же Осиновской косе, где они были встречены вместе с грубой гладкостенной керамикой, жирником чукотско-эскимосского типа (с продольным выступом на дне для фитиля), зубцом остроги и колком от поворотного гарпуна (рис. 91, 2, 4, 6, 7, 22—25)²⁵⁷.

Определенную близость к этим поздним находкам с Осиновской косы обнаруживает Канчаланская стоянка с ее такими же галечными скреблами и грубой толстостенной керамикой (с наружными наклепными «ушками»), а также с однозубчатым гарпунным наконечником и наконечниками кирок-мотыг из моржового клыка (рис. 91, 3, 5, 8, 9—21)²⁵⁸. Так же как и в осиновском культурном слое, здесь преобладали кости дикого северного оленя, и хозяйство, следовательно, было комплексным (охота, рыболовство и морской промысел). Возраст стоянки, судя по керамике, явно пунукского типа, не может быть более древним, чем конец I тысячелетия н. э. Ярко выраженное сходство канчаланского комплекса и осиновского позволило нам в свое время объединить их в одну так называемую канчаланскую культуру²⁵⁹.

²⁵² Диков Н. Н., 1978.

²⁵³ Диков Н. Н., 1977б.

²⁵⁴ Диков Н. Н., 1958в.

²⁵⁵ McNeish R. S., 1959, p. 18.

²⁵⁶ Anderson D., 1970, fig. 44.

²⁵⁷ Диков Н. Н., 1977б, табл. 90, 91.

²⁵⁸ Окладников А. П., Нарышкин В. В., 1955; Дикова Т. М., 1964.

²⁵⁹ Диков Н. Н., 1971а, б; Очерки истории Чукотки..., с. 65, 66.

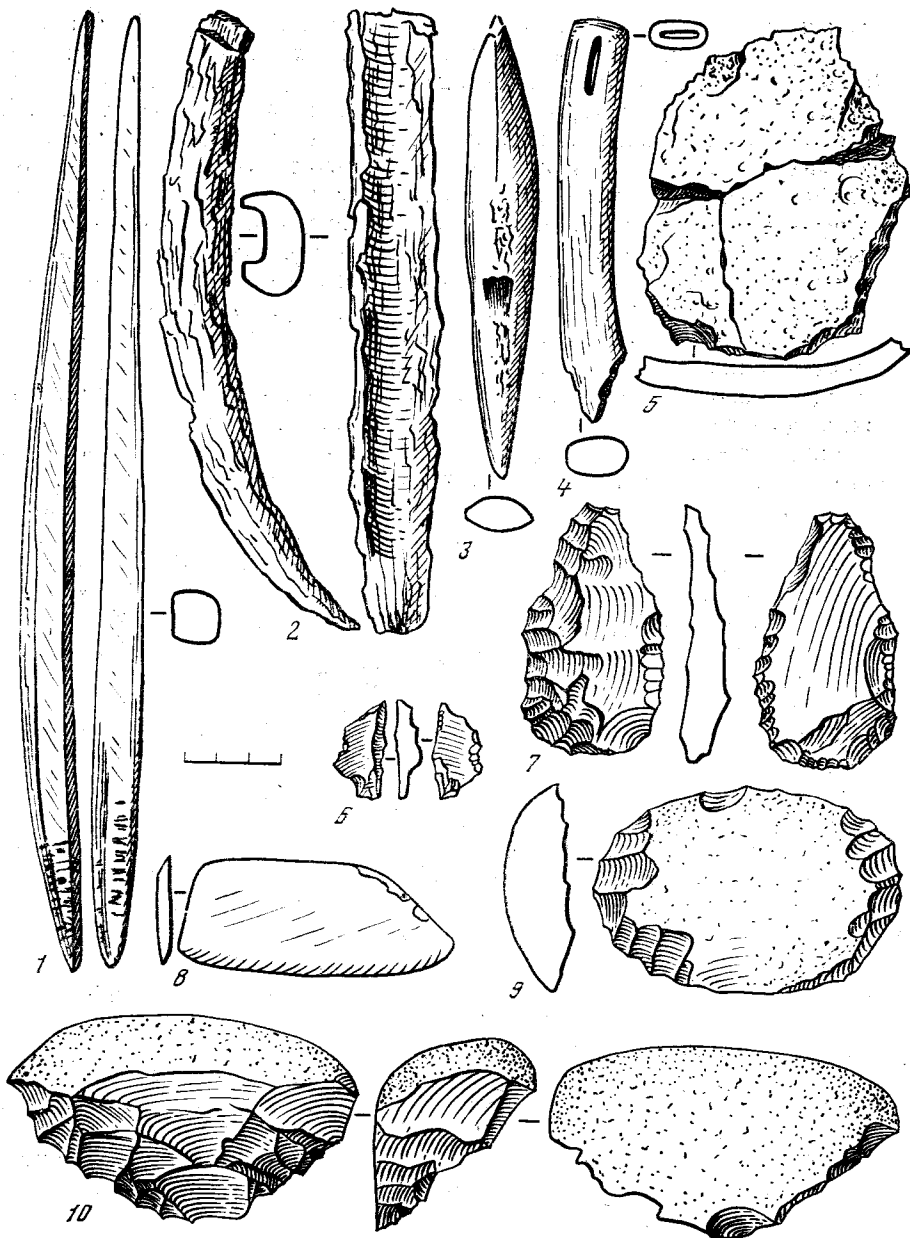

Рис. 92. Вещи из древнего жилища на м. Низкий

1, 3, 4 — из кости и моржового клыка; 5 — керамика; 2 — дерево; 6—10 — камень

Особый интерес представляет совсем недавно обнаруженная и во многом еще загадочная стоянка приморских охотников у м. Низкого, в 120 км к северо-востоку от г. Анадыря. Культурные остатки ее, приуроченные к 4-метровой террасе, оказались весьма своеобразными. Жилище, как показали раскопки, было весьма необычным для известных приморских культур Чукотки. Оно представляло собой отмеченную с дневной поверхности едва заметной впадиной полуземлянку более 10 м в поперечнике, пол которой был устлан горбылями и досками, поверх которых сооружен каменный очаг. Плиточное ограждение очага со всех четырех сторон подперто четырьмя короткими бревнами, уложенными на полу вокруг очага четырехугольной рамой. Внутри плиточного обрамления очага сохранилось три слоя горизонтально уложенных каменных плит, служивших, очевидно, для изоляции очага от деревянного пола. В жилище оказалось много костей преимущественно морских животных, раковины двустворчатых моллюсков, различные поделки из кости и дерева, моржового клыка, галечные, грубо оббитые скребки, почти канчаланского типа, несколько маленьких шлифованных сланцевых ножей, а также фрагменты грубой, толстостенной, плохо обожженной глиняной посуды и деревянная рукоять отжимника (рис. 92). По углю из очага жилища и по дереву его пола и рухнувшего перекрытия получены радиоуглеродные даты: 1605 ± 45 л. н. (МАГ—387), 1505 ± 60 (МАГ—389), 1800 ± 50 (МАГ—388), 1880 ± 50 (МАГ—386). По дереву из ямы с костями, выкопанной с более глубокого уровня, чем жилище, содержащей мелкие халцедоновые отщепы и относящейся к более древнему, чем жилище, культурному слою, получена дата 2320 ± 100 (МАГ—391).

Здесь же в обнажении берегового обрыва на уровне пола жилища еще до наших раскопок геологом В. Кичановым в 1976 г. были обнаружены остатки человеческого скелета, включая череп, характеризующийся, по предварительному определению антрополога А. А. Зубова, неспециализированностью монголоидных признаков и тем самым резко отличающийся от черепов арктической расы (чукчей, эскимосов, коряков)²⁶⁰. Такое неожиданное своеобразие черепа, вероятно, можно объяснить его реликтовостью и генетической связью с очень древним этническим пластом с палеоиндейскими чертами, который был характерен, судя по другим последним антропологическим остаткам, для обширной территории Тихоокеанского побережья северо-восточной Азии вплоть до мыса Лопатка²⁶¹.

В этой связи надо отметить, что А. П. Окладников давно высказал убеждение, что Канчаланская стоянка, отличающаяся некоторыми чертами генетической близости со стоянкой у м. Низкого (скребки, керамика), не может быть отнесена ни к эскимосской, ни к корякской культурам²⁶². Отправляясь от этого постулата, И. С. Вдовин склонен считать Канчаланское поселение древним чукотским²⁶³, с чем и мы в свое время

²⁶⁰ Определение А. А. Зубова.

²⁶¹ К такому предварительному выводу приходит А. А. Зубов, любезно ознакомившийся с антропологическими остатками северо-западного Берингоморья и м. Лопатка.

²⁶² Окладников А. П., Нарышкин В. В., 1955.

²⁶³ История Дальнего Востока, кн. 3 (макет), 1976, с. 110.

согласились²⁶⁴. Интересно, что Ю. Б. Симченко в недавней своей работе, акцентируя значение древнего юкагирского пласта, склонен считать Канчаланское поселение юкагирским²⁶⁵. Теперь слово за антропологами. Нам же представляется пока более вероятным, что и жилище на Осиновской косе (скорее с чукотским, а не юкагирским жирником), и близкое ему по устройству и характеру каменных орудий Канчаланское поселение больше связаны с чукотским этносом. Что же касается более древней стоянки на мысе Низком, то она может быть либо древней чукотской, либо древнеэскимосской. Довольно неопределенной по этнической принадлежности является, к сожалению, и стоянка у Седьмого причала, хотя есть некоторые основания считать ее скорее чукотской, чем эскимосской. Хорошо датированный туле-пунукскими наконечниками гарпунов и пунукской керамикой с боковыми ушками и отличающийся явной принадлежностью ее антропологических остатков к арктической расе, этот памятник связан с Осиновской и Канчаланской стоянками общей для них камнеобрабатывающей технологией (одинаковые скребки и скребла на галечных отщепах), очевидно, одинаковой керамикой. Очень характерно преобладание на стоянке у Седьмого причала расколотых костей дикого северного оленя, что тоже связывает ее с названными стоянками. Вместе с тем костяная индустрия, обработка моржового клыка получает здесь более высокое развитие.

Итак, на морском побережье Чукотки, примыкающем с северо-востока к устью р. Анадырь, с середины или конца I тысячелетия н. э. развивалось комплексное хозяйство, довольно полное представление о котором дают Канчаланская стоянка и стоянка у Седьмого причала. Для них характерно обилие расколотых костей оленя и морских животных — явный признак того, что хозяйство еще не успело стать настолько специализированным, как у береговых чукчей более позднего времени. Очевидно, эти две приморские стоянки принадлежат людям тундры, вероятно чукчам, лишь выходящим постепенно и, вероятно, пока еще sporadически к морю, начинающим покидать свои глубинные стоянки на косах р. Анадырь и у речных оленьих плавей ради того, чтобы осесть по примеру эскимосов на берегу моря, чтобы приспособиться к этому новому образу жизни морских охотников.

Если это действительно были чукчи, то это хорошо согласовывалось бы с данными исторических источников о расселении чукчей в XVII в., согласно которым юго-восточные группы чукчей обитали к югу от залива Креста лишь в низовьях р. Анадырь и в устье р. Канчалан²⁶⁶.

Анадырьско-майнская (вакаревская) культура

В некоторых внутренних областях Чукотки в эпоху неразвитого железа устойчиво сохраняется прежний уклад, традиционная жизнь охотников на дикого оленя и рыболовов. По крайней мере так жили еще в XIX—

²⁶⁴ Диков Н. Н., 1971а, с. 35.

²⁶⁵ Симченко Ю. Б., 1976, с. 19.

²⁶⁶ Огородников В. И., 1922, с. 270.

XX вв. потомки древних племен тундры — юкагиры, а на материке Америки — эскимосы-карибу.

Более определенную картину жизни населения Чукотки этого времени дают стоянки, обнаруженные в долине р. Анадырь и по р. Майн: Вакерная (53), нижняя Усть-Бельская (56), Усть-Майнская левобережная (54-а) и Чикаевская (74). Они расположены на косах, за исключением последней, находящейся на 8—12-метровой террасе, но все равно над косой.

Первые две из них (53, 56) являются несмешанными и, как выше было показано, могут служить в качестве опорных для выделения рассматриваемой культуры.

На смешанных стоянках этой культуры найдены шлифованные каменные топоры, «расщепляющие тесла», ретушированные и шлифованные ножи (III—7; VIII—25), листовидные наконечники стрел, скребки (VII—16, VIII—14 и др.), многочисленные отщепы (рис. 93). Керамика здесь представлена круглодонными сосудами, гладкостенными или же с богатым узором из отгисков прямоугольно-гребенчатого штампа (рис. 94), сходным с орнаментом, характерным для поздней культуры эпохи бронзы в Якутии²⁶⁷.

В культурном слое древней стоянки, расположенной на низком берегу в Усть-Белой (56), поражает обилие, почти абсолютное преобладание кости как материала для изготовления орудий труда и оружия (рис. 95, 96), что, как известно, очень характерно для юкагиров²⁶⁸. Причем больше всего здесь оказалось костяных тесел (рис. 96, 5, 9), мотыг (рис. 96, 1, 10), ножей (рис. 96, 2), специально приспособленных для разделки рыбы, и широких лезвиеподобных игл с отверстием, предназначенных для пронизывания выловленной рыбы (рис. 96, 3). С помощью такого остроумного приспособления рыбаку было удобно нести свой весомый улов.

Особенно обильный материал дали раскопки Чикаевской стоянки, к сожалению смешанной, довольно мощный культурный слой которой заключал множество изделий из камня и кости, и в том числе расщепляющие тесла²⁶⁹. Там было обнаружено и несколько железных вещей: огниво, зубцы остроги (рис. 96, 6, 7).

Для датировки анадырско-майнской культуры решающее значение имеют так называемые расщепляющие тесла (рис. 93, 10). Уже приходилось отмечать, что подобные каменные тесла, округлые в поперечном сечении, с конусовидным острым концом и с рельефным пояском для привязывания к рукоятке, распространены не только на Чукотке, но и на Аляске и в Охотском крае²⁷⁰. В Охотском крае они обнаружены В. Е. Липовским в 1950 г. в древнекорякских землянках на м. Трех Братьев²⁷¹,

²⁶⁷ Окладников А. П., 1955а.

²⁶⁸ Народы Сибири, с. 891.

²⁶⁹ Диков Н. Н., 19776, табл. 105, 106.

²⁷⁰ Laguna F., Riddell F., etc. 1964, pl. 5; McNeish, 1964, fig. 95, 11. В Магаданском областном краеведческом музее имеется расщепляющее тесло из поселения Атарган (см. Васильевский Р. С., 1964б, рис. 3).

²⁷¹ Отчет В. Е. Липовского о раскопках на Охотском побережье (хранится в Магаданском краеведческом музее).

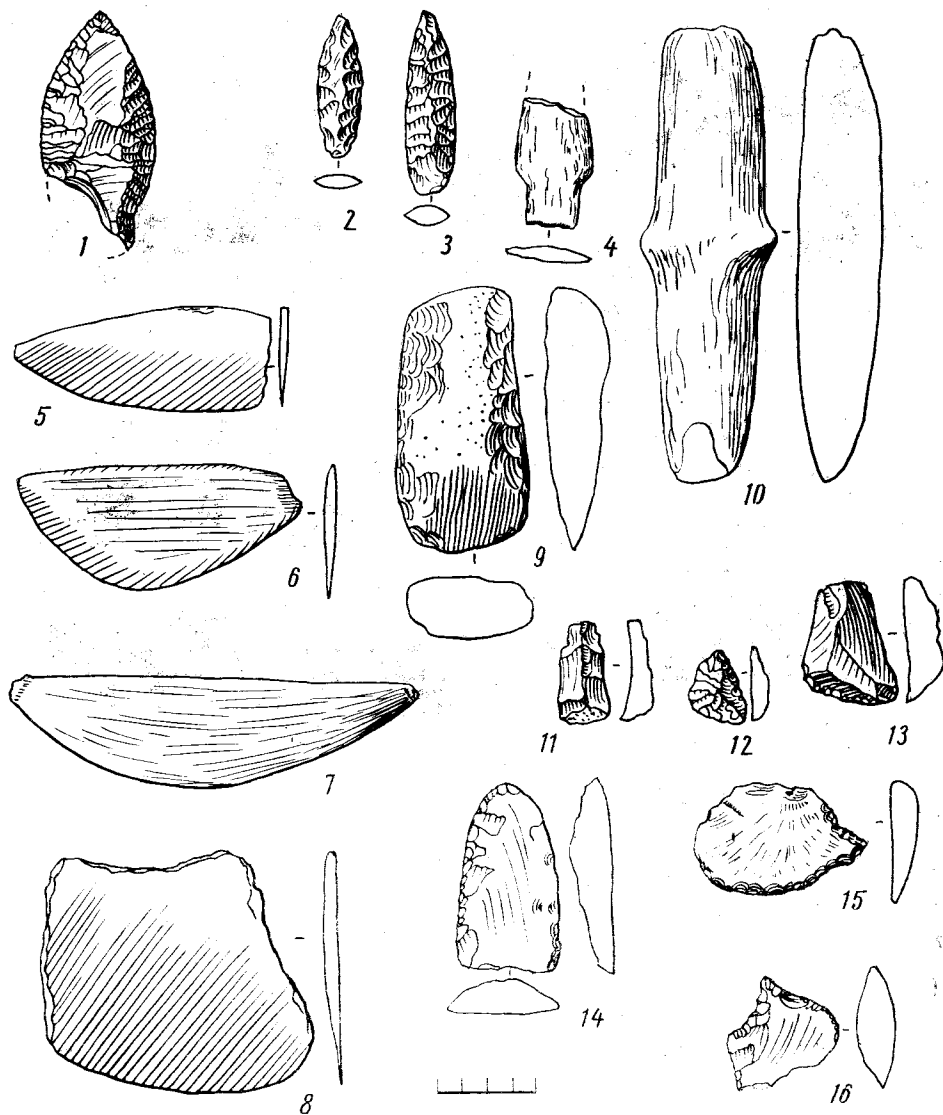

Рис. 93. Каменные изделия вакаревской культуры

1, 4, 6, 7, 9, 14-16 — Вакаревская стоянка (53), по А. П. Окладникову и И. А. Некрасову;
2, 3, 5, 8, 10-13 — Усть-Бельская (нижняя) стоянка (56)

позднее отнесенных Р. С. Васильевским к атарганской стадии²⁷². Там им сопутствуют весьма своеобразные костяные ножи с двумя дырочками для подвешивания на рукоятки. Подобные ножи вместе с наконечниками

²⁷² Васильевский Р. С., 1966.

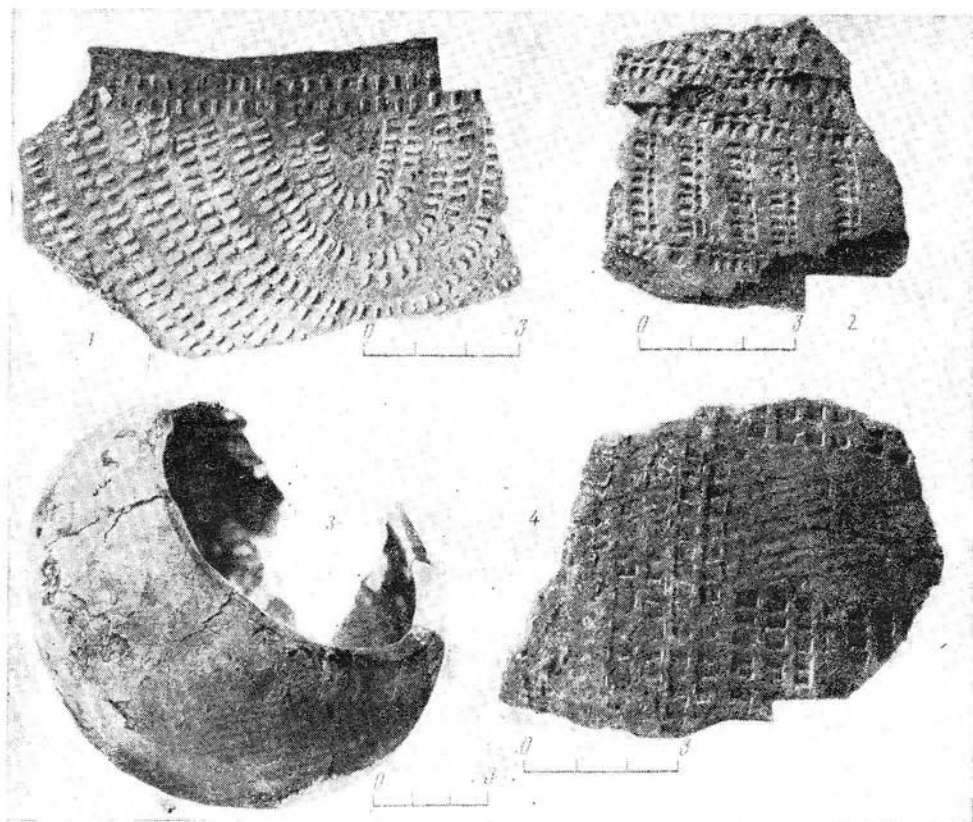

Рис. 94. Керамика вакаревской культуры

1 — Усть-Майн (54—а); 2, 4 — Вакарево (53); 3 — Усть-Бельская (нижняя) стоянка (56)

поворотных гарпунов типа Туле раскопаны нами на стоянке у Седьмого причала (98) на северном берегу Анадырского лимана. Именно эти наконечники гарпунов являются тем датирующим элементом, с помощью которого можно определить дату «культуры расщепляющих тесел» на Чукотке. Они, безусловно, относятся к одному из типов культуры Туле-Пунук. Последняя относится примерно к X—XV вв. н. э., что хронологически хорошо согласуется с наличием этих изделий в атарганской культуре XIII в. н. э. и в известной мере определяет их возраст на Чукотке. Радиоуглеродная дата угля из Вакаревского культурного слоя 500 ± 50 (JIE — 674) ограничивает датировку в сторону ее приближения к самому концу атарганской и туле-пунукской стадий. Тем самым в целом анадырско-майинскую культуру следует относить к середине II тысячелетия н. э.

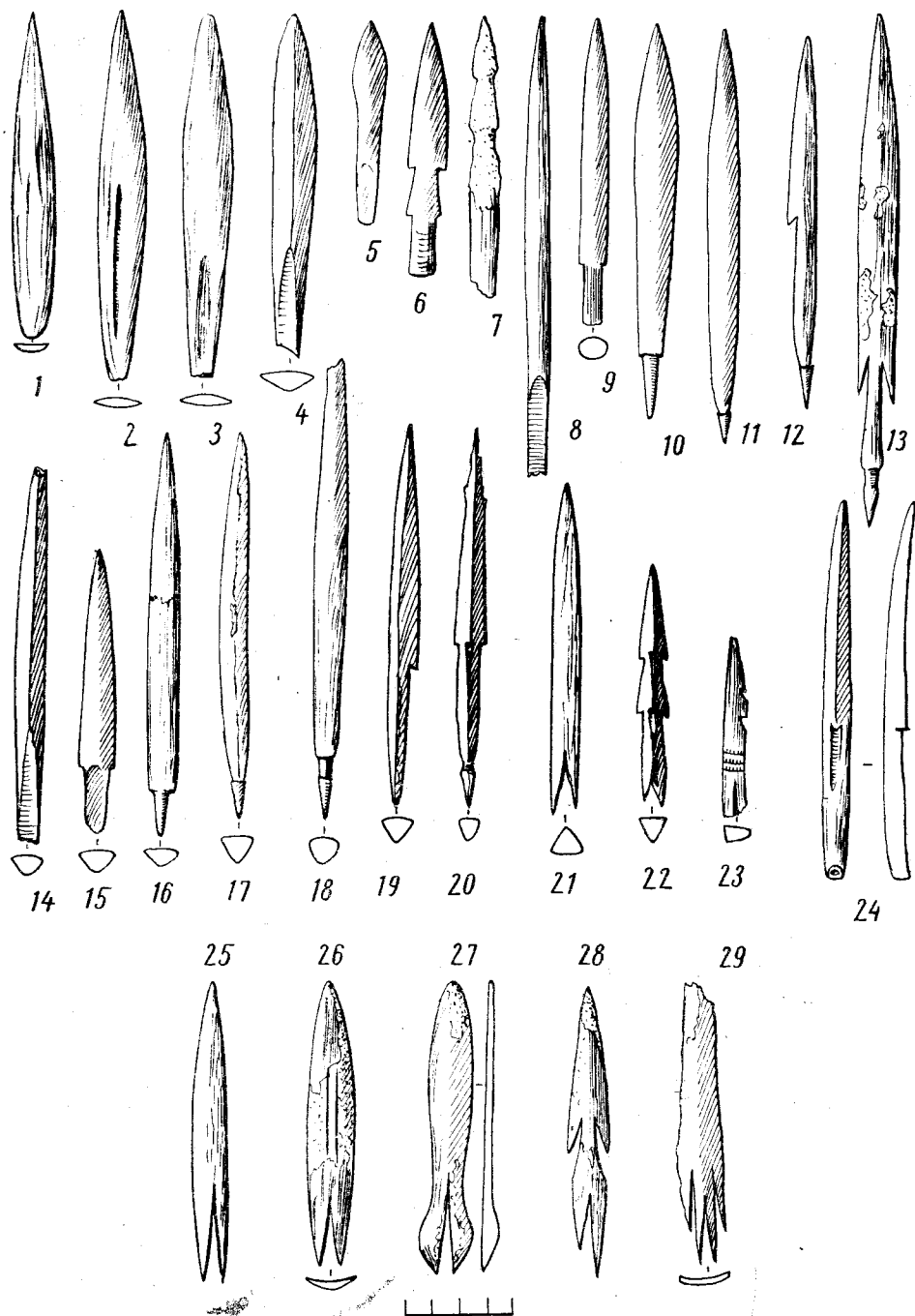

Рис. 95. Костяные наконечники стрел вахревской культуры

1—3, 5—11, 13, 15, 16, 18, 21—23, 25—29 — Усть-Вельская (нижняя) стоянка (56); 4, 12, 14, 17, 19, 20, 24 — югагирская сопка (71)

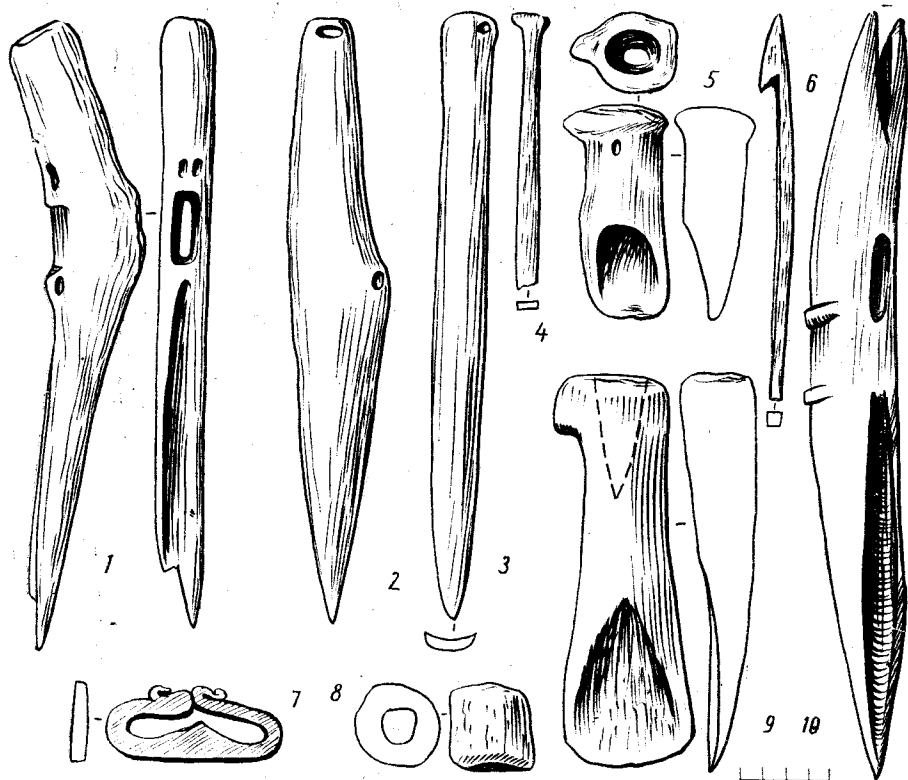

Рис. 96. Костяные (1—5, 8—10) и железные (6, 7) орудия вакаревской культуры
1—5, 8—10 — Усть-Бельская (нижняя) стоянка (56); 6, 7 — Чикаево (74)

Пунукский облик (см. рис. 89) некоторых костяных наконечников стрел, трехгранных с черешковым насадом (рис. 95, 16—19) и уплощенных двузубчатых или однозубчатых с таким же насадом (рис. 95, 12, 13), подтверждает такую датировку, так же как и некоторое сходство двусторонне-зубчатых плоскочерешковых наконечников (рис. 95, 6, 7) с подобными атарганскими (рис. 101, 14). Вообще же надо сказать, что с корякскими и тем более керекскими (за исключением двух, см. рис. 95, 21, 28) наконечниками сходство обнаруживает несравненно меньше число костяных наконечников данной культуры. Но и совсем своеобразных наконечников здесь тоже мало (рис. 95, 22, 27).

Все эти многочисленные наконечники стрел и обилие расколотых костей оленя в культурных слоях рассматриваемых энадырско-майнских стоянок свидетельствуют, что их обитатели много занимались сухопутной охотой. Но еще больше занимались они рыболовством. Их тяжелые расщепляющие тесла очень удобны для первичной обработки стволов дерева, для расщепления их на доски. С помощью этих орудий они, по-

добно тлинкитам²⁷³, могли производить первичную грубую обработку стволов дерева для последующего изготовления из них лодок, столь необходимых рыболовам тундрово-лесной зоны, каковыми и были юкагиры. Насаженные на более длинную рукоять, эти каменные тесла могли служить и боевым оружием, подобным тлинкитским томагавкам и тем «топорам, на долгие топорща сажены», которые применялись юкагирами-анаулами²⁷⁴.

Сланцевые шлифованные ножи (VIII-25) со стоянки Вакерная по своей форме, по мнению А. П. Окладникова, тоже являются точными прототипами позднейших юкагирских ножей²⁷⁵. Интересно, что один из могильников, обнаруженных нами возле Марково, вероятно, может рассматриваться относящимся к этой культуре. Он расположен на сопке, которая так и называется — Юкагирская (71).

Очень вероятно, что на стоянках оригинальной культуры жили древние юкагиры. Они появились в бассейне рек Анадырь и Майн в это время, судя по всему, впервые, вклинившись между чукчами и коряками, оттеснив их в северо-восточную и северо-западную области Чукотки, где их застают в XVII в. русские землепроходцы. Эту высказанную нами еще в 1964 г. гипотезу²⁷⁶ разделяет в настоящее время и И. С. Вдовин²⁷⁷, подчеркивающий вслед за Е. А. Крейновичем²⁷⁸ и С. В. Ивановым²⁷⁹ обособленность юкагиров по отношению к северо-восточным палеоазиатам и в языке, и в искусстве, и, в частности, в том, что только у них в отличие от чукчей, коряков и других народов Северо-Востока была развита особая пиктографическая письменность.

Ассимилированные впоследствии коряками анадырские юкагиры, по мнению И. С. Вдовина, трансформировались в чуванцев²⁸⁰. Не исключено, что анадырско-майская археологическая культура с ее весьма заметными корякскими элементами (расщепляющие тесла, костяные ножи и наконечники стрел, керамика) фиксирует начало этой ассимиляции.

Впрочем, возможна и другая гипотеза. Вакаревская культура может быть корякской, подвергнувшейся влиянию культуры юкагиров, которые в это время вклиниваются с запада в долину р. Анадырь, заселяя ее косы вплоть до устья.

²⁷³ Laguna F., Riddell F., 1964, p. 90—92.

²⁷⁴ Степанов Н. Н., 1937, с. 220.

²⁷⁵ Окладников А. П., Некрасов И. А., 1960.

²⁷⁶ Диков Н. Н., 1964а; 1964б, с. 22.

²⁷⁷ Вдовин И. С., 1973, с. 257; 1972.

²⁷⁸ Крейнович Е. А., 1958, с. 245—246.

²⁷⁹ Иванов С. В., 1954, с. 531.

²⁸⁰ Вдовин И. С., 1973, с. 269, 270.

Древнекорякская культура

Так как данная культура исследована в последнее время Р. С. Васильевским, опубликовавшим о ней специальный труд, мы ограничимся лишь самой общей ее характеристикой, уделив основное внимание интерпретационным выводам, а за подробностями отошлем читателя к книге названного исследователя²⁸¹.

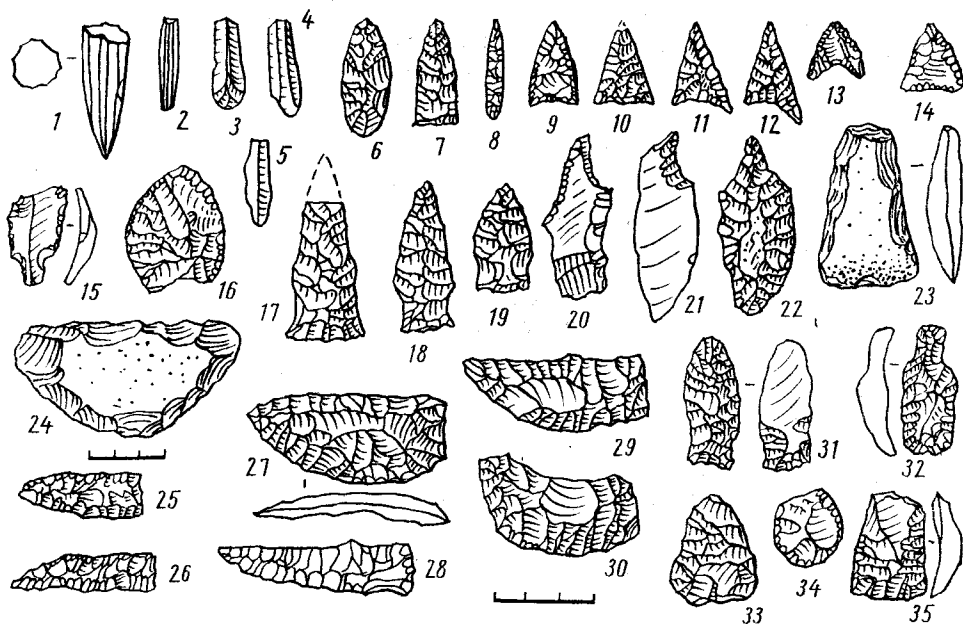

Рис. 97. Неолитические каменные изделия из Каврана и Усть-Паланы (1—34)
1, 2 — Кавран; остальные — Усть-Палана, по А. В. Семенову

Согласно Р. С. Васильевскому, область древнекорякской культуры простиралась от урочища Ларгабьен, напротив о. Недоразумения (в районе нынешнего Магадана) до р. Кавран на западном берегу Камчатки и, переходя на восточный ее берег, достигала р. Анадырь на севере и р. Ука на юге²⁸².

Р. С. Васильевский выделил несколько этапов развития докорякской и древнекорякской культуры на севере Охотского побережья на основе добытых им там полевых материалов.

К первым двум этапам, принадлежащим к неолитической эпохе, он отнес синхронные, по его мнению, северокамчатскому усть-паланскому комплексу (рис. 97) стоянки на о. Недоразумения (387, рис. 98) и Ойру

²⁸¹ Васильевский Р. С., 1971.

²⁸² Там же, с. 48.

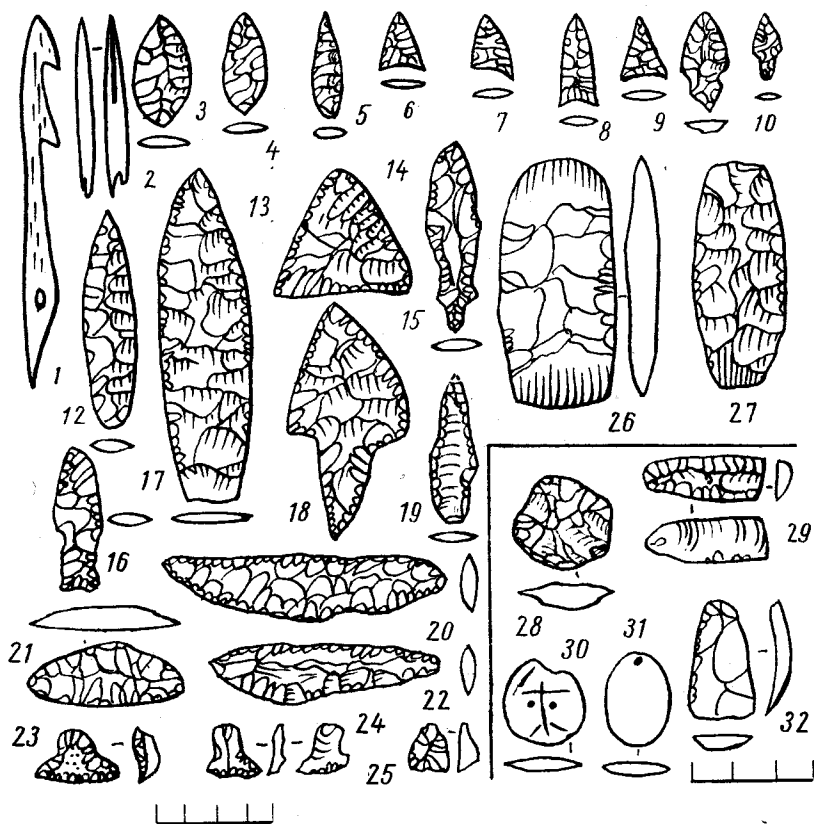

Рис. 98. Костяные и каменные изделия со стоянки на о. Недоразумения

(388), датировав их II тысячелетием до н. э., а также верхнюю стоянку на о. Завьялова (381, рис. 99), относящуюся, как он полагает, к I тысячелетию до н. э.

Последующие пять стадий характеризуются поселениями с полуподземными жилищами и составляют, по Р. С. Васильевскому, собственно древнекорякскую историю пережиточного неолита и железного века. Они различаются устройством поселений и жилищ, типами костяных изделий, и в частности наконечниками поворотных и неповоротных гарпунов, обликом каменных орудий и керамики. Так как Р. С. Васильевский не дает сводных комплексов вещей по этим этапам, мы сделали это сами на основе его иллюстраций к отдельным памятникам. Эти поэтапные комплексы (рис. 100—102) помогут нагляднее представить намеченные Р. С. Васильевским стадии древнекорякской культуры. Перечисляем их здесь с указанием относящихся к ним, по Р. С. Васильевскому, памятников:

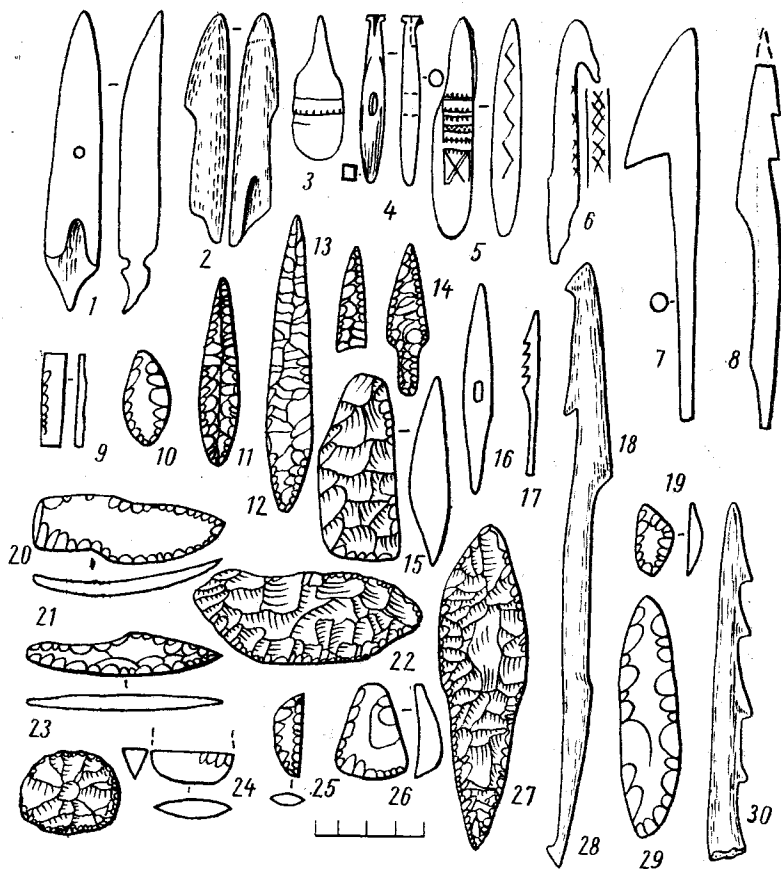

Рис. 99. Костяные и каменные изделия с верхней стоянки о. Завьялова (1—30)

Завьяловская стадия (500—800 г. н. э.) — поселения Орочан (374) и на террасе левого берега бухты Рассвет на о. Завьялова (382).

Богурчанская стадия (около 1000 г. н. э.) — поселения Богурчан (378), Наргабын (375), бухта Найденова (379).

Атарганская стадия (X—XIII вв. н. э.) — поселения Атарган (380), на террасе правого берега бухты Рассвет (382), мыс Трех Братьев (369), мыс бухты Астрономической (367), бухта Астрономическая (368), мыс Алевина (377), Авара (376), Сивуч (372), Наяхан (354).

Ленгельвальская стадия (XIII—XV вв.) — бухта Средняя (365), часть жилищ в Сиглане (373), Нантанджа (366), Кип-Кич (364), Ит-килан (363), Варганчик (361), Бокиджакчан (371), Кушка (356), Имповеем (351), Неривдан (370), Кулка (328), Кавран (323)²⁸³.

²⁸³ Вещи со стоянок Кулка и Кавран не включены в рис. 100—102.

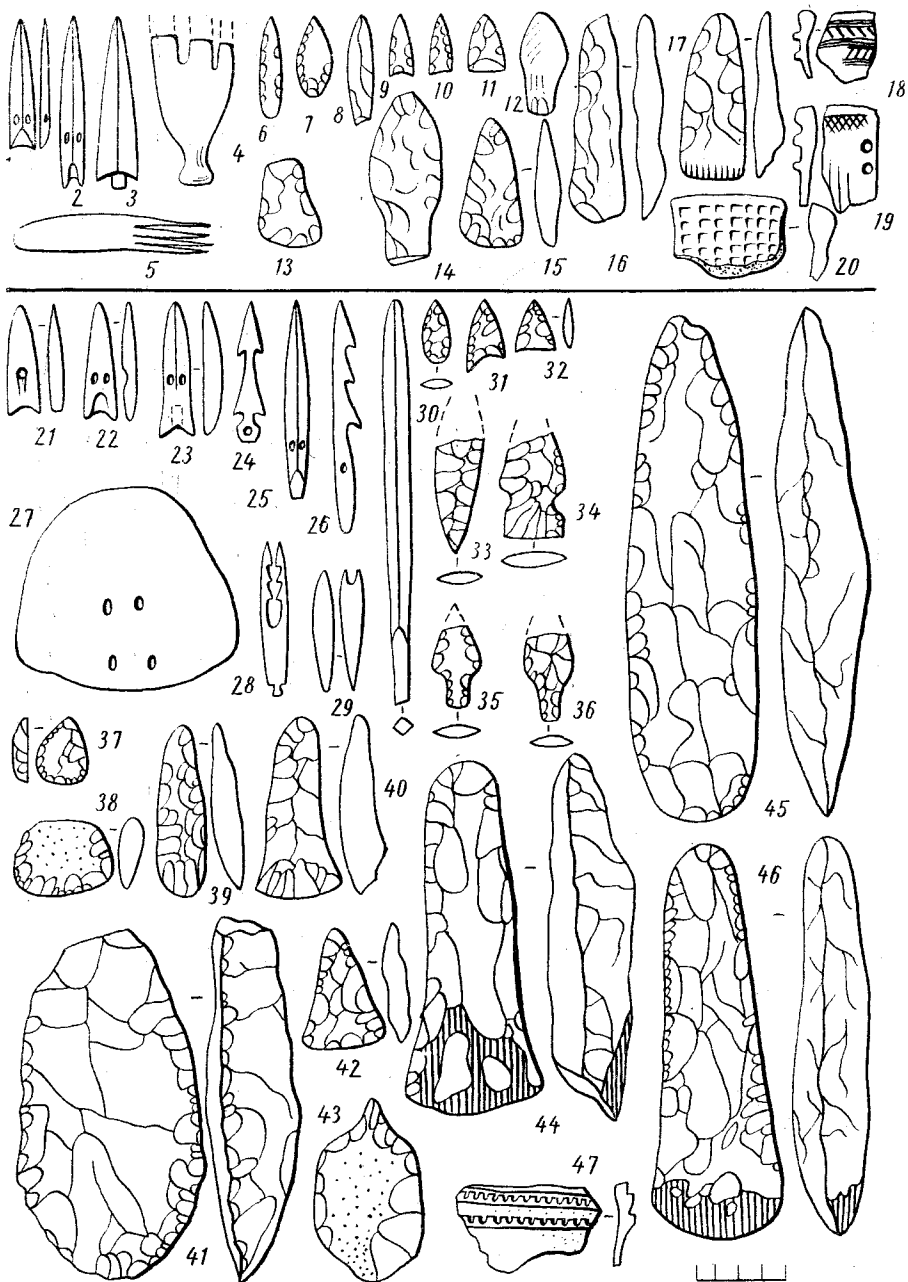

Рис. 100. Каменные и костяные изделия, керамика древнекорякской культуры
Нижний ярус (21—47) — Завьяловская стадия; верхний ярус (1—20) — Богурчан-
ская стадия

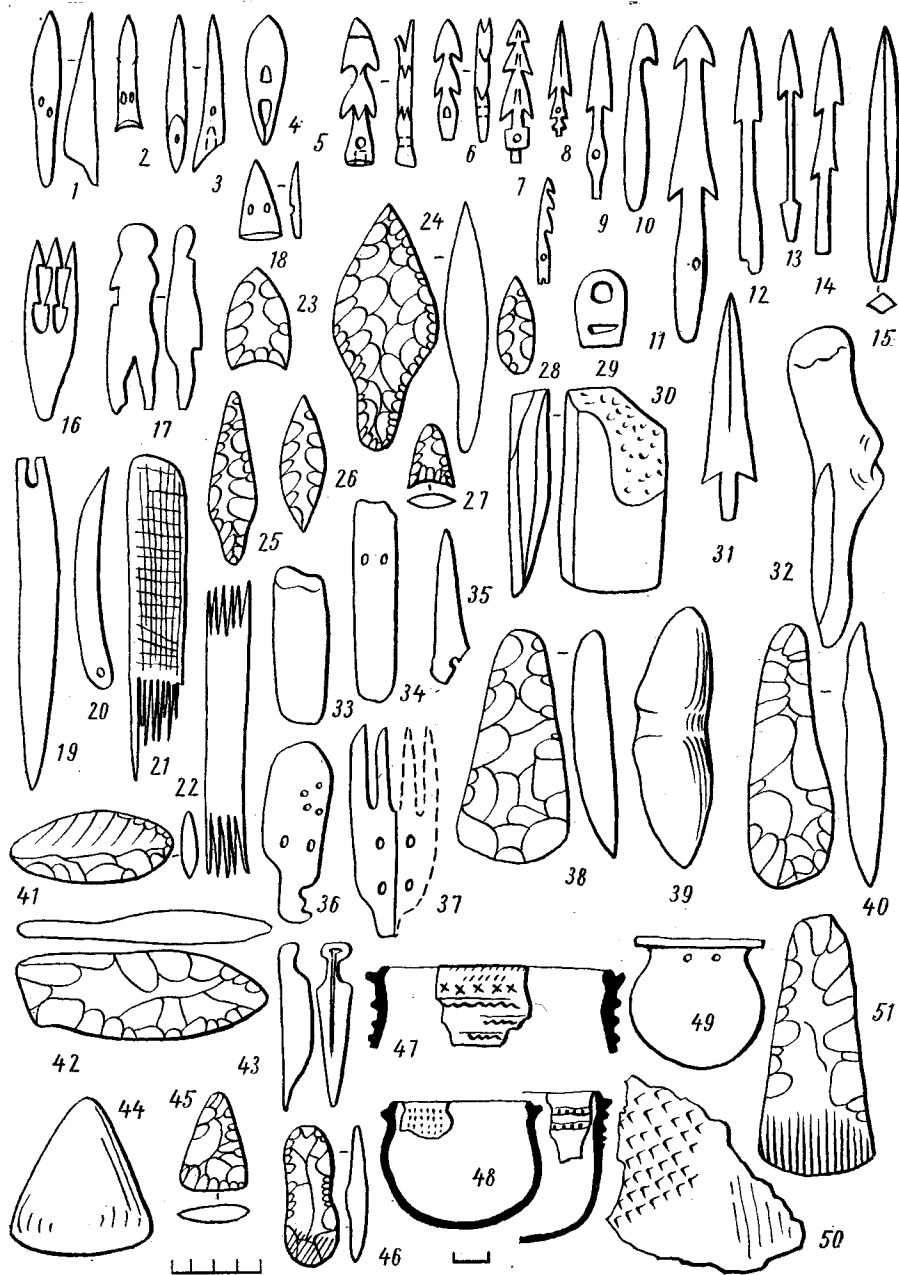

Рис. 101. Костяные и каменные изделия, керамика атарганской стадии древнекорякской культуры (1—50)

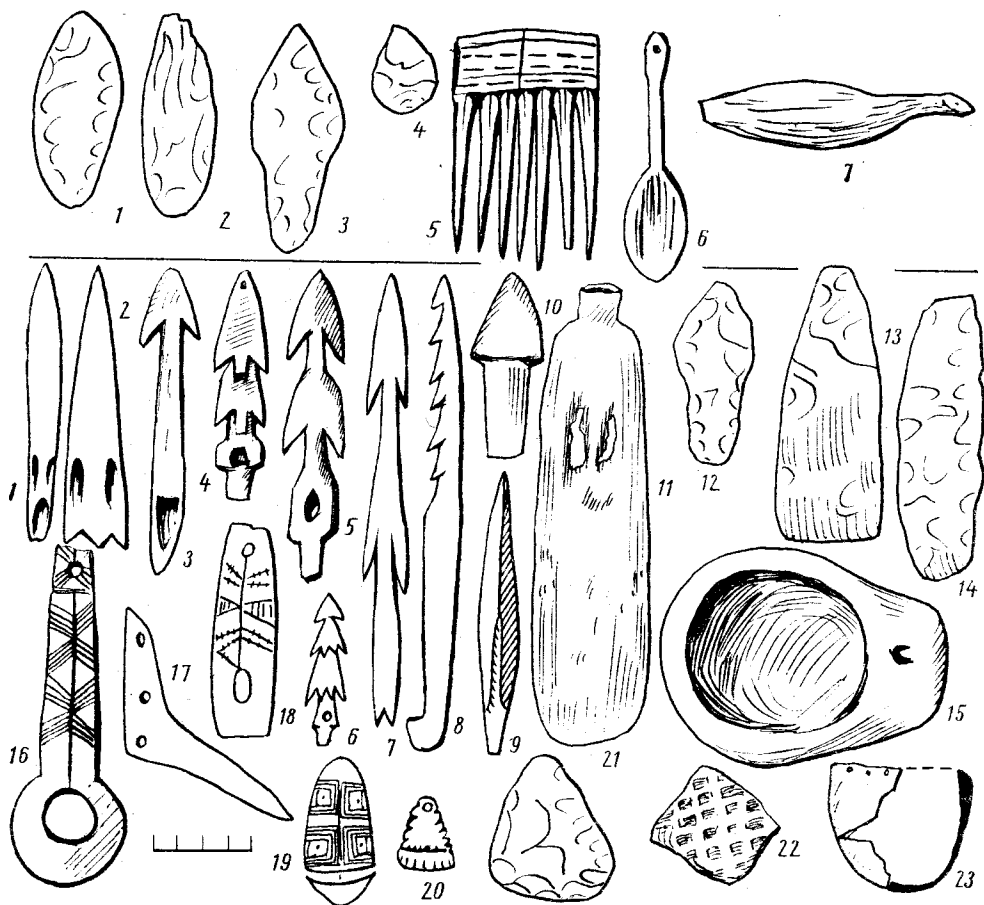

Рис. 102. Костяные, каменные и керамические изделия древнекорякской культуры. Нижний ярус (1—23) — ленгельвальская стадия; верхний ярус (1—7) — поселения XVI в.

Поселение XV—XVII вв. — м. Травяной (359), часть жилищ в Сиглане (373), на нижней террасе в бухте Средняя (365).

В восточной части древнекорякского ареала, памятники которой (кроме Кулки и Каврана) не вовлечены Р. С. Васильевским в данную периодизацию, известно еще более двух десятков древнекорякских поселений.

Большая часть их обнаружена на западном побережье Пенжинской губы и на Охотском побережье Камчатки В. И. Иохельсоном (Кулка — 328, Кавран — 323), А. В. Семеновым (Лыват — 344, Каменка — 342, Микино — 347, Анадырка — 334, Палана — 332, Орночки — 345, Ольховка — 346), В. И. Рубаном (Усть-Кавран правый — 324) и нами (в устье р. Пенжина на м. Зеленом (47) и м. Большом (49)). Известно также древнее корякское селение в Первореченске (343), тоже в устье р. Пен-

жина, обнаруженное В. П. Похиалайненом, и в Рекиниках (340), обнаруженное В. И. Заярновым. Об основных типах каменных изделий с этих поселений дает представление таблица, составленная нами в основном по неопубликованным материалам (рис. 103), а также впервые публикуемый комплекс каменных и костяных вещей из Рекиник (рис. 104)²⁸⁴, относящийся, вероятно, к атарганской стадии.

В обобщенном комплексе каменных изделий с западно-камчатских древнекорякских поселений Кулка (328), Кавран (323), Первореченск (343), Манилы (49), Зеленый мыс (47), Большой мыс (48) присутствуют крупные трапецевидные топоры и тесла (I—3, III—6) и более мелкие (IV—8, VI—3); метательные наконечники листовидные (I—1а, 1в, 1с, 3в, 3с, 4а, 9в), усеченно-листовидные (II—1а, 1в, 1с, 3в, 4а, 4в), черешковые (VIII—9, X—3, VIII—22 — с шейкой-перехватом); ножи-бифасы листовидные бесчерешковые (II—2, 3, 4), черешковые прямосные (III—1), с боковым уступом (V—7) и горбатые (V—6), черешковые с шейкой-перехватом (V—13), кнопчатые (V—16, 20), сланцевые шлифованные с выпуклым лезвием (VIII—3); скребки концевые (I—6, 11, 23; II—6, 11, 16, 19), черешковые (II—26), округлые микроскребки (I—23, II—23), концевые бифасиальные (IV—2, V—1, 2, 3), боковые (VII—6) и более или менее крупные грубо сделанные скребла разных типов (VIII—29, IX—2, 6, 7, 10, 12; X—6, 9). Для достаточно аргументированного хронологического расчленения этого обобщенного комплекса пока нет еще удовлетворительно стратифицированных и хорошо документированных данных. Можно только высказать предположение, что значительная часть материала, относимого Р. С. Васильевским к лентенвальской стадии поселений Кулка (328) и Кавран (323), например черешковые и кнопчатые каменные ножи (рис. 103, 16, 41, 43, 44), принадлежат значительно более древнему времени, по крайней мере к атарганской стадии и, возможно, к еще более ранним периодам. Для выяснения этого вопроса на данных памятниках в настоящее время проводятся исследования западнокамчатским отрядом Северо-Восточно-Азиатской археологической экспедиции²⁸⁵.

На восточном берегу Северной Камчатки древнекорякские поселения известны в ряде пунктов от Кавачи до п-ва Озерного (203—221), но они еще недостаточно исследованы и находки из них, особенно принадлежащие В. Н. Малюковичу (203, 204, 205, 207, 211, 214, 215, 216, 218, 219), еще не введены в научный оборот. Наиболее интересными из них являются обсидиановые наконечники-бифасы, скребок и фрагменты керамики (штрихованной и с рубчатыми валиками), найденные Ю. М. Стефановым на п-ве Озерной возле р. Ука (221, рис. 105, 2—8), а также простой костяной втульчатый с одним отверстием наконечник гарпуна из Тиличиков (208, рис. 105, 1), сходный с гарпунами завьяловской стадии²⁸⁶.

Находка этого типичного для ранней стадии древнекорякской культуры Охотского побережья наконечника гарпуна позволила нам в свое

²⁸⁴ Фонды Камчатского областного краеведческого музея.

²⁸⁵ Рибан В. И., 1977.

²⁸⁶ Диков Н. Н., 1964б, рис. 10, 2.

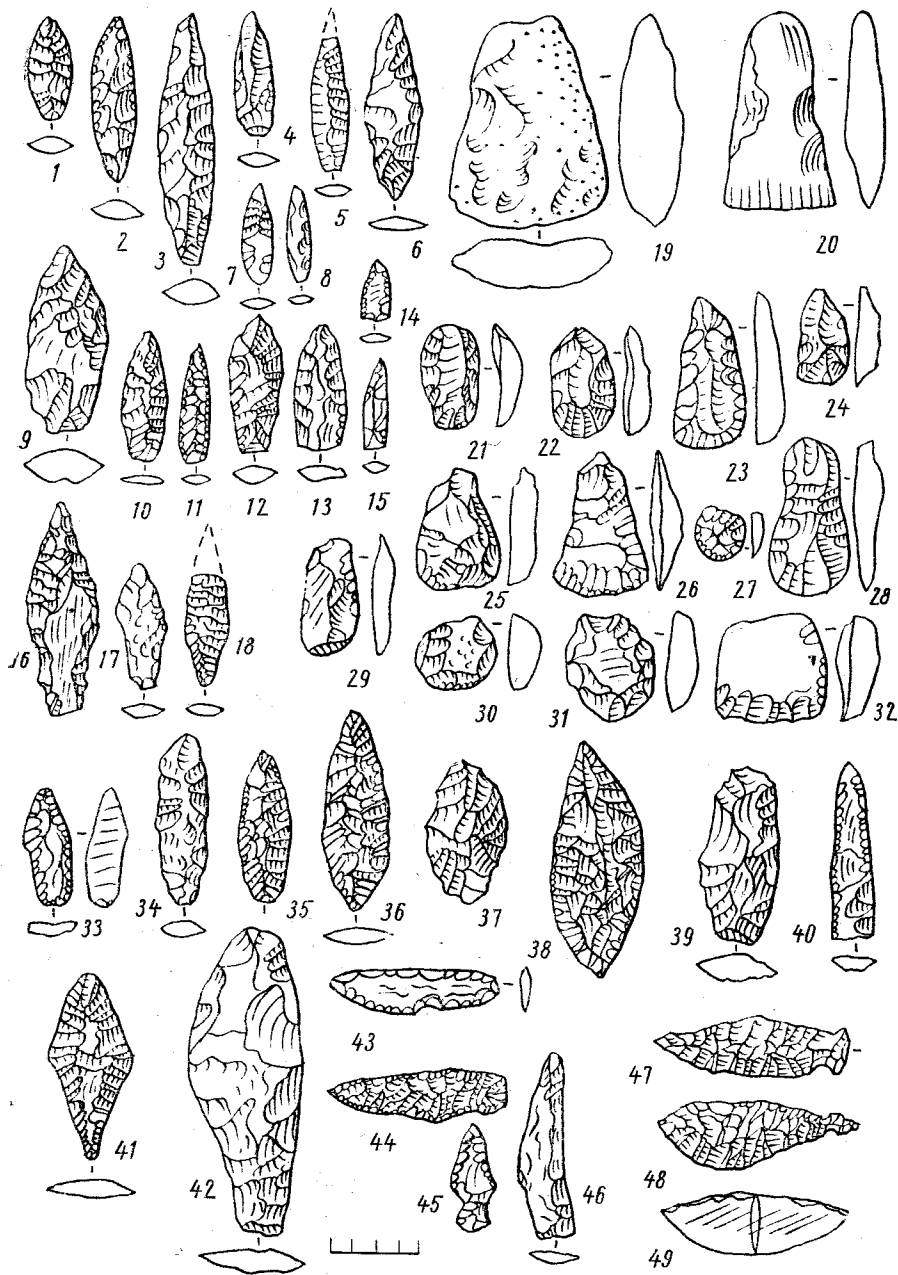

Рис. 103. Комплекс каменных изделий древнекорякской культуры северо-западного побережья Камчатки

1, 3—5, 9, 18, 19, 29, 32, 39, 40 — Манилы (49); 2, 6, 10, 34, 42, 46 — Первореченск (343); Большой мыс (46) — 14, 15, 25 — Зеленый мыс (47); 7, 8, 12, 13, 17, 20—23, 24, 26, 28, 30, 33, 36, 37, 43—45, 48, 49 — Кавран (323); 10, 16, 27, 31, 35, 38, 41, 47 — Кулка (328)

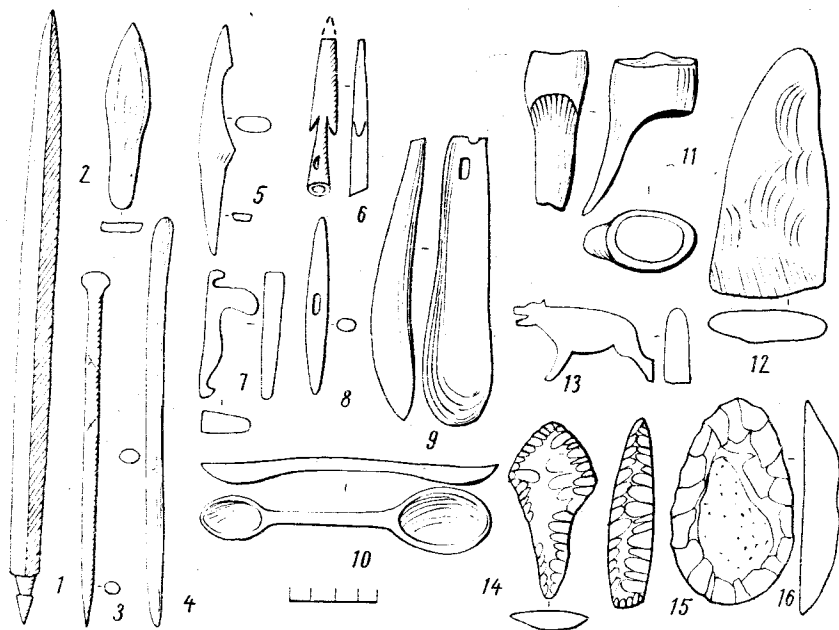

Рис. 104. Древнекорякские костяные изделия из Рекиник (340) на северо-западном побережье Камчатки (1—16)

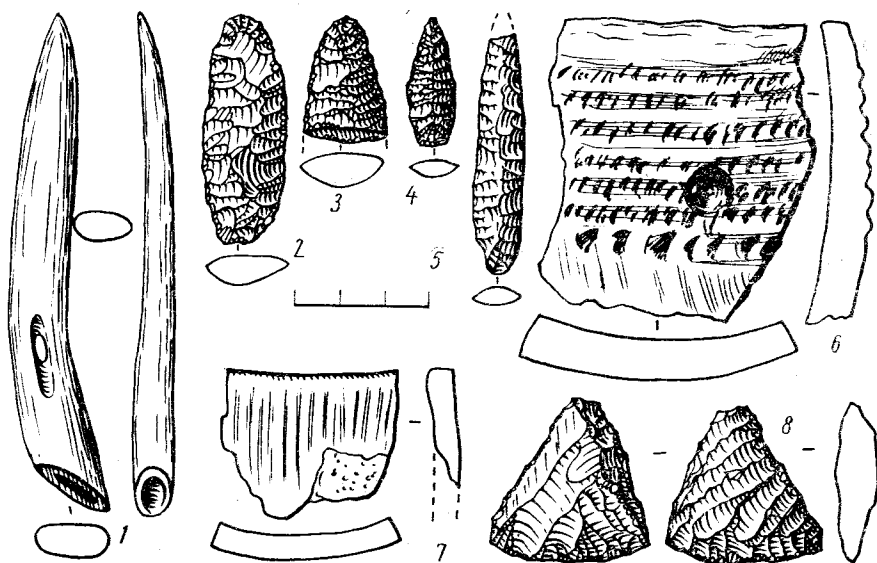

Рис. 105. Наконечник поворотного гарпуна из Тилички (208) и каменные метательные наконечники, обломок бифаса, фрагмент керамики с п-ва Озерновского (221)

время сделать вывод, что уже тогда морские зверобой-коряки жили на обоих берегах Камчатки, т. е. что их культура была распространена не только по берегам Охотского моря, но и Берингова²⁸⁷. И это обстоятельство, как мы уже отмечали выше, должно было способствовать развитию культурных связей древних коряков с древними эскимосами, что заметно хотя бы в сходстве данного типа наконечников гарпунов с некоторыми наконечниками из древнеэскимосского культурного слоя на м. Денби на Аляске²⁸⁸. Древнейшим прототипом этого вида наконечников при этом, вероятно, является простой втульчатый наконечник с одним отверстием, обнаруженный в еще более древней эскимосской культуре Чорис (начало I тысячелетия до н. э.) тоже на Аляске²⁸⁹.

По мнению Р. С. Васильевского, древняя корякская культура отличается «высокой эклектикой» разнородных элементов и возникла в результате синтеза, или сплава, вышедшей к морю внутриконтинентальной неолитической культуры охотников на дикого оленя с влияниями приморских культур юга Дальнего Востока (преимущественно левобережного Нижнего Амура)²⁹⁰. Такая точка зрения сложилась не без влияния нашей гипотезы о происхождении приморской культуры Северной Чукотки, тоже возникшей, судя по характеру памятников на о. Айон, на основе внутриконтинентальной культуры охотников на дикого оленя, систематически, каждое лето выходивших к морскому берегу и в конце концов осевших на нем²⁹¹. Действительно, подобная неолитическая культура охотников на дикого оленя была, вероятно, основой культурного развития на морских побережьях Северо-Восточной Азии. Хотя, если смотреть глубже, то такой основой в свете новейших представлений о древности здесь морского промысла могло быть еще и прибрежное морское собирательство (моллюсков, водорослей и т. п.), к которому вынуждены были перейти палеолитические охотники на мамонтов вследствие вымирания последних в конце плейстоцена. Такой точки зрения придерживается, например, Жан Малори²⁹².

Как бы то ни было, имеющиеся археологические материалы свидетельствуют о развитии еще в раннем голоцене в бассейне Верхней Колымы сибирдиковской и малтанской индустрий ножевидных пластин и о распространении подобной технологии затем и на северное побережье Охотского моря, включая Камчатку. На это указывают обнаруженный А. В. Семеновым усть-паланский поздненеолитический комплекс каменных изделий с ножевидными пластинками (рис. 97, кроме первых двух нуклеусов)²⁹³, единичная пока находка в 1962 г. автором ножевидной микропластинки на поверхности террасы правого берега р. Дукча на девятом километре колымской трассы, возможно, микропластинка с п-ва Кони, о которой

²⁸⁷ Диков Н. Н., 1971б, с. 407—408; *он же*, 1971а, с. 35. К этому выводу пришел и Р. С. Васильевский (1971, с. 48; 1973, с. 147; 1974, с. 23, 29).

²⁸⁸ Giddings J. L., 1964, pl. 6—16, 17.

²⁸⁹ Bandi H. G., 1969, fig. 22.

²⁹⁰ Васильевский Р. С., 1971, с. 46, 190, 192, 200.

²⁹¹ Диков Н. Н., 1961б.

²⁹² Malaurie I. M., 1970, 1972.

²⁹³ Васильевский Р. С., 1973, рис. 17, табл. XXII—XXV.

глухо упоминает Р. С. Васильевский²⁹⁴, а также призматический и конический нуклеусы, обнаруженные в 1911 г. В. И. Иохельсоном в Кавране (323). Исследования, предпринятые В. И. Рубаном на западном побережье Камчатки, подтвердили наличие там, в Кавране, на м. Андреевском I (326) при устье р. Тигиль и на правом берегу р. Кульки (329)²⁹⁵, определенных следов докорякской бескерамической неолитической культуры с ножевидными пластинками, относящейся, вероятно, ко II — началу I тысячелетий до н. э.

Особое значение в связи с поисками истоков древнекорякской культуры придает Р. С. Васильевский комплексу каменных и костяных изделий с о. Недоразумения, относя этот комплекс ко II тысячелетию до н. э. Р. С. Васильевский обстоятельно разъясняет этимологию названия острова, но, к сожалению, совсем почти не пишет об обстоятельствах открытия этой древней стоянки. Между тем впервые каменные изделия здесь были обнаружены строителями рыббазы, и когда Р. С. Васильевский после поступления от них коллекции в Магаданский областной краеведческий музей по их вызову приехал на остров зимой 1960 г. из Магадана, то древняя стоянка была уже настолько разрушена и застроена, что о ее стратиграфии судить было довольно трудно.

Внимательное рассмотрение комплекса каменных изделий с о. Недоразумения (рис. 98) не позволяет полностью согласиться с данной ему Р. С. Васильевским датировкой. Их так называемый неолитический характер весьма обманчив. Мелкие наконечники стрел на Северо-Востоке, как известно, еще не признак непременно неолита. Они характерны и для эпохи бронзы соседней Якутии,²⁹⁶ и Чукотки, и для пережиточного неолита Курильских островов²⁹⁷. Встречаются они также и на более поздних стадиях древнекорякской культуры в железном веке (рис. 100, 101).

Решающим для датировки комплекса о. Недоразумения является, на наш взгляд, полное отсутствие в нем ножевидных пластин (и нуклеусов, с которых они могли быть сколоты), столь типичных для неолита Северо-Восточной Азии.

Что же касается якобы неолитической формы ножей с о. Недоразумения, то черепшковые ножи иногда встречаются и на атарганской стадии древнекорякской культуры (рис. 101), широко же они распространены на верхней стоянке о. Завьялова (381), датируемой, по Р. С. Васильевскому, I тысячелетием до н. э. (рис. 99), на самом же деле, вероятно, относящейся к более позднему времени, о чем речь будет ниже. Ножи же с боковыми ушками — «с шейкой-перехватом» (рис. 98, 15) — часто встречаются на Камчатке на стоянке Домашнее озеро (рис. 7), которая, судя по радиоуглеродным датировкам стоянки Култук (5) (покрытой тем же пепловым слоем IV-a), относится ко второй половине I тысячелетия до н. э.

Таким образом, только по недоразумению стоянка о. Недоразумения отнесена ко II тысячелетию до н. э. Правильнее отнести ее не ко II ты-

²⁹⁴ Там же, с. 146; Васильевский Р. С., 1975а.

²⁹⁵ Рубан В. И., 1977, с. 238.

²⁹⁶ История Сибири, т. I.

²⁹⁷ Фонды МАЭ, кол. 6032 (каменные наконечники о. Итуруп).

сячелетию до н. э., как показано нами по Р. С. Васильевскому на сводной таблице²⁹⁸, а ко второй половине или, вероятно, даже к самому концу I тысячелетия до н. э.

Для II же и начала I тысячелетий на Северо-Востоке Азии еще очень характерна развитая индустрия ножевидных пластин, что особенно хорошо видно по материалам северчукотской и усть-бельской культур и III, IV слоев ушковских стоянок на Камчатке и подтверждается усть-паланским комплексом, а также названными выше находками ножевидных пластинок на северном и северо-восточном побережье Охотского моря. И нет никаких оснований считать, что на северном побережье Охотского моря одновременно с этой развитой технологией ножевидных пластин развивалась беспластинчатая культура, подобная представленной на о. Недоразумения.

Древний культурный комплекс о. Недоразумения входит в ту же в принципе культуру, что и, вероятно, несколько более поздняя верхняя стоянка о. Завьялова (381). Между ними много общего. На верхней стоянке о. Завьялова есть и такие же, как на о. Недоразумения удлинено-листовидные толстые наконечники стрел, и черешковые, и с выемчатым основанием треугольные. Правда, столь мелких наконечников там значительно меньше, но зато там встречены ножевидная пластинка (рис. 99) и два сегментовидных, сплошь ретушированных боковых вкладыша. Тем самым там, на о. Завьялова (рис. 381), даже больше неолитических признаков, чем на о. Недоразумения, хотя они, конечно, могли и там доживать до пережиточного неолита. Наличие в комплексе о. Завьялова (381) железного резца (рис. 99, 4) об этом как раз убедительно и свидетельствует. Конечно, этот комплекс неразвитого железного века и пережиточного неолита относится, судя по всему, либо к концу I тысячелетия до н. э., либо, вероятнее всего, к началу I тысячелетия н. э. (его широкая датировка Р. С. Васильевским в рамках всего I тысячелетия до н. э.²⁹⁹ представляется нам совсем неоправданной).

Интересно и очень важно, что на стоянке о. Недоразумения встречен двузубчатый наконечник гарпуна (рис. 98, 1), почти такой же, как на более поздней Завьяловской стадии (рис. 100), а в комплексе верхней стоянки о. Завьялова (381) присутствуют поворотные наконечники гарпунов: однодырчатый, с открытым гнездом (рис. 99, 1) и заготовка (рис. 99, 2). Их облик еще очень примитивен, что свидетельствует о значительном отставании гарпунного дела здесь на Охотском побережье по сравнению с областью эскимосов, где уже в I тысячелетии до н. э. были почти такие же гарпуны в культуре Качемак I на юге Аляски, а также в культуре Дорсет в Канаде³⁰⁰, не говоря уже о более древних (II тысячелетия до н. э.) и притом довольно совершенных однодырчатых гарпунных поворотных наконечниках северо-гренландской культуры Индепенденс II³⁰¹ и на о. Врангеля (рис. 67, 1).

²⁹⁸ Диков Н. Н., 1977б, с. 242, табл. 4.

²⁹⁹ Васильевский Р. С., 1971, с. 133.

³⁰⁰ Bandi H. G., 1972, fig. 31, 1; fig. 56, 59.

³⁰¹ Bandi H. G., 1972, fig. 64.

В свете этих данных выглядит совсем неубедительной отстаиваемая Р. С. Васильевским гипотеза о двух независимых очагах первоначального формирования морского зверобойного промысла: с зубчатыми неповоротными гарпунными наконечниками (древние культуры коряков, алеутов и охотская культура) и якобы почти без них, но с более развитыми поворотными гарпунами (древнеэскимосские культуры)³⁰². Факты свидетельствуют, что оба эти комплекса охотничьего вооружения восходят к единой общей основе — древнейшей стадии зверобойного промысла, отмеченной однодырчатыми поворотными гарпунными наконечниками. Причем южный комплекс (в том числе древнекорякский), восходя к названной общей основе, развивается под заметным эскимосским, преимущественно дорсетским, влиянием, на что уже обращали внимание некоторые исследователи³⁰³. Об этом красноречиво свидетельствуют находки завьяловской стадии древнекорякской культуры (рис. 100). Здесь еще мелкие каменные наконечники стрел, почти такие же, как на стоянке Недоразумения (387), а поворотные гарпунные наконечники очень близки к дорсетским типам (рис. 100), причем зубчатые наконечники еще весьма неспецифичны³⁰⁴. Те же типы поворотных гарпунов и на богурчанской стадии (рис. 100). Только на атарганской стадии гарпунные наконечники древнекорякской культуры приобретают достаточное своеобразие, чтобы говорить о каком-то особом очаге их развития. В это время вместо прежних широко распространенных обычных односторонне и двусторонне зубчатых гарпунных неповоротных наконечников здесь начинают часто встречаться весьма специфические их типы — черешковые или втульчатые с двумя или тремя парами симметрично расположенных бородок, часто с каменным копьём на конце (типы 1, 2, 3, по Р. С. Васильевскому)³⁰⁵. Некоторые из них доживают до ленгенвальской стадии наряду с более простыми формами. В качестве одного из наиболее древних прототипов этих специфических зубчатых наконечников можно, вероятно, рассматривать черешковый зубчатый наконечник с халцедоновым копьём в комплексе палеоэскимосской культуры Чорис, обнаруженный на Аляске севернее Берингова пролива и датированный первой половиной I тысячелетия до н. э.³⁰⁶ И поворотные наконечники тоже только с атарганской стадии начинают становиться более своеобразными, теперь существенно отличающимися от дорсетских (типы 6, 7, по Р. С. Васильевскому, — с одной базальной шпорой и с V-образным прорезом для концевого копьёца; и тип 11 — двузубчатый черешковый)³⁰⁷. Впрочем, своеобразие этих гарпунов вызвано в значительной мере лишь тем, что они делались не из моржового клыка, как эскимосские, а из кости, на что обратили внимание С. А. Арутюнов и Д. А. Сергеев³⁰⁸.

³⁰² Васильевский Р. С., 1971, с. 196, 199.

³⁰³ Befu H., Chard C. S., 1964; Козырева Р. В., 1967, с. 112.

³⁰⁴ Bandi H. G., 1972, fig. 57, 59.

³⁰⁵ Васильевский Р. С., 1971, с. 153, табл. LXVIII, 1—6.

³⁰⁶ Bandi H. G., fig. 22; Giddings L., 1967, fig. 77, a.

³⁰⁷ Васильевский Р. С., 1971, с. 150, табл. LXVII, 8, 9.

³⁰⁸ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1975, с. 187.

Таким образом, только с атарганской стадии, т. е. с X в. н. э., можно говорить о каком-то существенном отличии древнекорякских гарпунов от эскимосских. Теперь они более схожи с гарпунами охотской культуры и составляют с ними, а также с древними алеутскими гарпунами хорошо выраженную типологическую общность.

Еще Леруа-Гуран обратил внимание на локализацию зубчатых гарпунов в северной зоне Тихого океана, исследованию культуры которой он посвятил свой труд³⁰⁹. Его карту³¹⁰ распространения зубчатых гарпунов Р. С. Васильевский использует для аргументации положения о двух изначальных очагах формирования зверобойного промысла (с зубчатыми гарпунами и без них). Однако в воспроизведении Р. С. Васильевского эта карта³¹¹ не имеет отмеченных на ней даже Леруа-Гураном зубчатых гарпунов на берегу Ледовитого океана к северу от Берингова пролива, в зоне которого известны теперь и другие находки зубчатых гарпунов: и в культуре Чорис³¹², и в других, более поздних эскимосских памятниках (в Сирениках, Уэленском и Эквенском могильниках)³¹³.

Отстаивая мнение о двух независимых очагах первоначальной приморской адаптации, Р. С. Васильевский пытается найти опору и в распространении своеобразных каменных ножей, горбатых, с шейкой-перехватом и с «рукояткой». По его мнению, ареал этих ножей совпадает с ареалом зубчатых наконечников³¹⁴. Однако это далеко не так. Составленная Р. С. Васильевским карта распространения этих ножей³¹⁵ далеко не полная. Подобные типы давно известны и в зоне древних эскимосов — в Ипиутакском и Уэленском могильниках (рис. 77, 35)³¹⁶, в древнеэскимосских памятниках на Чукотском полуострове³¹⁷, а также в Арктической Канаде, что хорошо видно и по картам распространения этих ножей, составленным Леруа-Гураном³¹⁸. Обнаружены они в последнее время и на о. Врангеля, на палеоэскимосской стоянке Чертов овраг (167)³¹⁹. Мало того, имеется ряд типичных изделий, например скребки с черешками³²⁰ или простые однодырчатые гарпунные наконечники с концевым копьцем (типы Н, I, J, K, L, M, по классификации Леруа-Гурана), которые распространены в равной мере и в арктической зоне эскимосов, и в более южной зоне — на севере Тихого океана³²¹.

Не можем мы согласиться и с выводами Р. С. Васильевского о том, что якобы древнейший в Азии и в Америке усть-бельский однодырчатый

³⁰⁹ Leroi G., 1946.

³¹⁰ Ibid., carte 29.

³¹¹ Васильевский Р. С., 1971, рис. 49.

³¹² Bandi H. G., 1972, fig. 22.

³¹³ Руденко С. И., 1947, табл. 22—31, 32; Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969, рис. 67, I: они же, 1975, рис. 46, 2.

³¹⁴ Васильевский Р. С., 1973, с. 201.

³¹⁵ Там же, рис. 25.

³¹⁶ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1969, рис. 91, 19; Larsen H., Rainey F. 1948, pl. 14, 17; pl. 13, 19, 20.

³¹⁷ Руденко С. И., табл. 17, 8; 37, 13.

³¹⁸ Leroi G., 1946, carte 24, 25.

³¹⁹ Тепп Т. С., 1978.

³²⁰ Larsen H., Rainey F., 1948, pl. 18, 3, 5.

³²¹ Leroi G., 1946, carte 32, 33.

поворотный наконечник гарпуна (табл. 95, 13) начала I тысячелетия до н. э. относится к ареалу формирования только северо-восточных палеоазиатов (включая коряков) и что эскимосы начали распространяться на Чукотку только с оквикской стадии³²². Обнаружение более древнего (второй половины II тысячелетия до н. э.) однодырчатого гарпунного наконечника (рис. 67, 1) на о. Врангеля в палеоэскимосском комплексе еще раз свидетельствует, на наш взгляд, о наличии общих традиций в гарпунном оснащении зверобойного промысла во II и I тысячелетиях до н. э., как у предков северо-восточных палеоазиатов, так и у древних эскимосов.

Акцентируемое же Р. С. Васильевским несходство древнекорякских гарпунных поворотных наконечников с развитыми формами древних эскимосских (с боковыми вкладышами)³²³ может быть объяснено их более поздним локальным развитием и своеобразием материала, из которого они сделаны, о чем сказано было выше.

Так что выделение Р. С. Васильевским двух самостоятельных центров первоначального формирования культур морских зверобоев не является достаточно обоснованным. Здесь требуется более глубокий и всесторонний подход. Формирование двух культурных традиций (с преобладанием зубчатых гарпунов или поворотных) могло быть вызвано более поздней динамикой экологических условий, которые на определенном этапе, с одной стороны, разделили по методу охоты на морского зверя эскимосов на северных (ледовая охота) и южных (охота в открытом море), а с другой — объединили охотой в открытом море другие, не связанные генетически в языковом отношении этносы (коряков, алеутов, загадочных носителей охотской культуры).

Таким образом, нельзя говорить об изначальном, независимом и не связанном с общим и для эскимосов культурно-хозяйственным субстратом происхождении морской охоты у предков коряков на Охотском побережье и о распространении ее из этого центра на острова Тихого океана (Сахалин, Курильские и Алеутские)³²⁴.

Можно говорить лишь об их дивергентном развитии, начиная примерно с середины I тысячелетия н. э., в основном с атарганской стадии или несколько раньше, но во всяком случае не с I или II тысячелетий до н. э., как утверждает Р. С. Васильевский³²⁵.

Именно с атарганской стадии древнекорякская культура достигает расцвета и в хозяйственном, и в социально-экономическом отношении, что очень хорошо показано Р. С. Васильевским в его интересном и обстоятельном очерке хозяйственной и общественной жизни древних коряков³²⁶. В морском промысле большое значение начинает приобретать охота на кита наряду с продолжающейся добычей лахтаков и нерп, собирательством морских моллюсков, а также рыболовством, собаководством, как мясным, так и становящимся упряжным. В больших поселках живут общи-

³²² Васильевский Р. С., 1971, с. 197, 198.

³²³ Там же, с. 176, 177.

³²⁴ Васильевский Р. С., 1971, с. 199.

³²⁵ Там же, с. 196; Васильевский Р. С., 1973, с. 209; он же, 1974, с. 29.

³²⁶ Васильевский Р. С., 1973, с. 139—173.

ны, состоявшие, по мнению Р. С. Васильевского, из больших семей. Полуземлянки, прежде небольшие (6—10 м в поперечнике), округлые, становятся теперь близкими к квадрату (22—30 м), с каменным прямоугольным очагом и строятся с применением не только дерева, но и китовых костей (впоследствии корякские землянки станут восьмиугольными и приобретут на крыше особое воронкообразное снегозащитное устройство вокруг входного дымохода). Высокое развитие зверобойного промысла, и в частности китовой охоты, обеспечило устойчивую оседлость и сыграло впоследствии с возникновением в тундре кочевого оленеводства большую роль в появлении первого крупного общественного разделения труда. Подчеркивая эту прогрессивную роль зверобойного промысла, Р. С. Васильевский тем самым примыкает к ранее высказанной нами точке зрения на морской зверобойный промысел как на своеобразный заменитель земледелия в процессе общественного разделения труда на Северо-Востоке, и в частности на Чукотке³²⁷. На атарганской стадии первобытное общество коряков вступает, очевидно, уже в период военной демократии, в памятниках этой стадии уже заметны приметы этих новых отношений — например, панцирные пластины и укрепленные городища, обнесенные рвами и вадами, на речках Кулка и Кавран и в других местах — на пограничных с ительменами территориях.

Можно, очевидно, согласиться с мнением ряда исследователей о большом значении культурных связей древних коряков с древненивхскими племенами, которые отражены в мифологии, в сходстве жилищ-полуземлянок и даже гарпунов³²⁸. При этом отдельные сходные элементы культуры, например, поворотные наконечники гарпунов, могли идти либо оттуда на Охотское побережье, либо в обратном направлении. Здесь еще требуются, как справедливо замечают многие исследователи, археологические исследования в промежуточной области (между Нижним Амуром и северным побережьем Охотского моря, на территории обитания нивхов)³²⁹.

Не вызывают сомнения и отмеченные Р. С. Васильевским связи древнекорякской культуры с так называемой охотской культурой, отразившиеся в сходстве жилищ, гарпунных наконечников, костяных трубочек-игольников, керамики и других вещей³³⁰. Что же касается объяснения причины этого сходства, то ее видят либо в юго-западной миграции к охотскому ареалу обобщенного эскимосско-алеутского комплекса³³¹, либо в эскоалеутском субстрате³³², либо во встречном передвижении охотников на северо-восток в начале I тысячелетия до н. э. или раньше³³³, либо в древнем местном компоненте³³⁴. Следует, однако, заметить, что эти охотские связи древнекорякской культуры приурочены главным образом к ее более поздним стадиям, начиная в основном с атарганской, и поэтому не сводимы только к древнему компоненту.

³²⁷ Диков Н. Н., 1969а, с. 235; Васильевский Р. С., 1971, с. 139.

³²⁸ Васильевский Р. С., 1971, с. 191, 192, табл. LXX; Таксами Ч. М., 1977, с. 28, 29.

³²⁹ Там же, с. 201; Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1975.

³³⁰ Васильевский Р. С., 1971, с. 186.

³³¹ Beji H., Chard A. S., 1964.

³³² Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1975.

³³³ Васильевский Р. С., 1971, с. 198.

³³⁴ Там же, с. 187.

Очень сложен вопрос о связях древнекорякской культуры с древней алеутской культурой. Нельзя признать удачной гипотезу Р. С. Васильевского о поздней, с конца I тысячелетия н. э., миграции алеутов в связи с потеплением через Командорские острова на Камчатку и далее на север через ее узкий перешеек на Охотское побережье, а также на юг на Северные Курилы³³⁵. Это предположение опирается на слишком скудные и невыразительные находки Е. П. Орловой на Командорах: несколько отщепов и весьма обычное в самых поздних культурах трапециевидное тесло, которое произвольно интерпретируется Р. С. Васильевским в качестве гарьинского³³⁶. Более вероятным представляется заселение Курил с юга носителями охотской культуры, загадочными тончами — обитателями древнего Сахалина³³⁷.

Р. С. Васильевский не видит генетической связи северо-охотской культуры с более древними эскимосскими культурами, хотя и не отрицает наличия в этих культурах сходных элементов (например, почти одинаковые дорсетские гарпуны)³³⁸. Большое значение этим связям придает И. С. Вдовин, доказавший принципиальное сходство североохотских орудий морского промысла с эскимосскими, показавший наличие следов эскимосского субстрата в языке коряков-алюторцев, в топонимике Восточной Камчатки и Тауйской губы, а также в антропологических чертах береговых коряков³³⁹.

Идея широкого эскоалеутского субстрата, вытесненного северо-восточными палеоазиатами, и в их числе коряками, является главной в этногенетических построениях С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева³⁴⁰. Они полагают также, что древнекорякская культура формируется в первых веках нашей эры под сильным древнеберингоморским воздействием и что ее своеобразие, в частности своеобразие древнекорякских гарпунов, только кажущееся. Различия древнеберингоморских и охотских (включая североохотские) гарпунов они объясняют использованием для их изготовления принципиально различных материалов (моржового клыка у эскимосов и трубчатой кости в охотской культуре)³⁴¹.

Итак, древние коряки создали свою самобытную культуру, которая развивалась отнюдь не в изоляции от других культур. Однако, как мы показали, нет оснований говорить о том, что на северном побережье Охотского моря в ареале древнекорякской культуры был якобы особый центр первоначального формирования зверобойного промысла, откуда последний распространился на северотихоокеанские острова³⁴². В таком взгляде Р. С. Васильевского сказалось, очевидно, психологическое давление своего

³³⁵ Васильевский Р. С., 1973, с. 202.

³³⁶ Там же, рис. 24, с. 202.

³³⁷ Козырева Р. В., 1960; 1967, с. 113.

³³⁸ Васильевский Р. С., 1971, с. 152.

³³⁹ Вдовин И. С., 1961; 1973, с. 262, 264—266.

³⁴⁰ Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., 1975.

³⁴¹ Там же, с. 187, 190, 191.

³⁴² Васильевский Р. С., 1971, с. 199. Против этой концепции категорически возражают и американские археологи (см.: McCartney A. P., 1974).

материала — психологический фактор, роль которого признают многие ученые, и в том числе сам Р. С. Васильевский³⁴³.

Рассмотренная нами древнекорякская культура изучена еще очень поверхностно и обобщенно. Судя по антропологическим, лингвистическим и этнографическим исследованиям коряков³⁴⁴, этого наиболее разнородного в названных аспектах палеоазиатского народа, она, безусловно, должна быть очень сложной в структурном отношении, должна состоять из различных локальных археологических культур, которые пока еще совсем не выявлены. Наличие четко различающихся диалектами и в ряде случаев особенностями хозяйства (например, охота на моржа только у берингоморских коряков) локальных этнографических групп коряков: карагинцев, алюторцев, апукинцев, паланцев, оседлых коряков северо-западного побережья Охотского моря, коряков-оленьеводов³⁴⁵ — обязывает археологов проследить их формирование на археологическом материале. Специальные отряды Северо-Восточно-Азиатской археологической экспедиции начали уже исследования в этом направлении, как на охотском, так и на берингоморском побережьях.

Ниже мы охарактеризуем одну из таких локальных культур — северо-западноберингоморскую, которая выявляется пока наиболее четко и совпадает в основном с ареалом кереков и отчасти коряков-апукинцев.

Северо-западноберингоморская (древнекерекская) культура

На крайнем Северо-Востоке древнекорякского ареала, на северо-западном побережье Берингова моря, приблизительно между м. Олюторским и Анадырским лиманом, сохранились следы особой локальной или даже самостоятельной археологической культуры, получающей в последнее время интерпретацию в качестве древнекерекской³⁴⁶. Она исследуется одним из отрядов Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедиции СВКНИИ ДВНЦ АН СССР³⁴⁷ и пока, до публикации новых археологических материалов об этой интересной культуре, можно сделать лишь самые общие предварительные суждения.

Основа, на которой возникает культура, так же как и всюду на Северо-Востоке Азии, характеризуется, вероятно, технологией ножевидных пластин, о чем может свидетельствовать призматический нуклеус, обнаруженный в 1973 г. И. Ивтэгиным на р. Рыткыльвээм (200).

Наиболее ранний этап этой культуры, Беринговский (или Лахтинский), зафиксированный непосредственно на морском побережье, представлен бескерамической стоянкой возле пос. Беринговский на берегу лагуны Лахтина (104).

³⁴³ Диков Н. Н., 1971б, с. 272—273; Васильевский Р. С., 1973, с. 7.

³⁴⁴ Дебец Г. Ф., 1951, с. 114; Скорик П. Я., Вдовин И. С., 1973.

³⁴⁵ Вдовин И. С., 1973.

³⁴⁶ Беллева А. В., 1968; Очерки истории Чукотки..., с. 67, 68; Леонтьев В. В., 1976.

³⁴⁷ Орехов А. А., 1976, 1977.

На этой развешенной дюнной стоянке (104) обнаружены только оббитые каменные орудия, если не считать одного частично шлифованного теслаца. Они имеют грубую скребловидную форму, и на их изготовление шел преимущественно кремнистый сланец. Всего два концевых скребочка более тонкой выделки сделаны из кремня³⁴⁸.

Технологический архаизм этих орудий совершенно очевиден. Они не идут ни в какое сравнение с хорошо разработанными формами изделий, преимущественно прекрасно отшлифованных, из неолитских культур: оквической, древнеберингоморской, не говоря уже о более поздних. Архаическому облику орудий соответствует их вполне палеолитский радиоуглеродный возраст — 2330 ± 225 (МАГ—197), определенный по углю, извлеченному нами в 1975 г. из кострища Лахтинской стоянки (104).

Хозяйство обитателей этой стоянки было комплексным. О рыболовстве свидетельствует сравнительное обилие среди находок каменных грузил от сетей. На морской промысел указывают остатки китовых костей на стоянке, но полное пока отсутствие там орудий гарпунного комплекса говорит о неразвитости морской охоты.

Более поздние памятники северо-западного Берингоморья содержат керамику, каменные со шлифованными лезвиями ножи и тесла, обработанные техникой оббивки и отжима скребла, ножи, наконечники стрел и копий (в том числе обсидиановые листовидные) каменные грузила и светильники, а также костяные наконечники стрел и копий совсем особого типа — со втульчатым насадом, которые уже давно здесь встречались и являются наиболее характерными изделиями кереков (рис. 106). К этим памятникам, сохранившимся от более развитого этапа Северо-западноберингоморской культуры (или даже от нескольких ее этапов), относятся прежде всего многочисленные поселения (состоящие из землянок): у м. Отвесного (194), в лагуне Амаам (195), в губе Гавриила или Качийун (196), на оз. Ваамочка (198), при устье р. Хатырка (199), на мысах Лагунном и Рифовом, у горловины лагуны Опука, в лагуне Анны, в бухте Наталии и др.³⁴⁹ Затем это жертвенные места, отмеченные, как правило, врытыми вертикально китовыми нижними челюстями, окруженными моржовыми черепами: в Этчуне, на м. Отвесном, у горы Каммакы-нот, в горловине лагуны Опуки, в бухте Гавриила, в бухте Наталии и в других местах, как правило, у древних поселений, причем в некоторых случаях, как, например, в Этчуне, с имитированными следами ног «дух-хозяина», такими же большими (около 40 см), как пресловутые следы бигфутов³⁵⁰. Наконец, это пещеры, например давно известная в заливе Омаян (202).

Этими памятниками, разумеется, далеко не очерчивается весь ареал приморской керекской культуры. Разведки еще не проводились южнее бухты Наталии и залива Омаян, а между тем наличие керекской топонимики (например, р. Айин) на южной стороне м. Олюторского уже сейчас позволяет предполагать и там поселения древних кереков.

³⁴⁸ Диков Н. Н., 1977б, табл. 120, 121.

³⁴⁹ Орехов А. А., 1976б; 1977.

³⁵⁰ Там же.

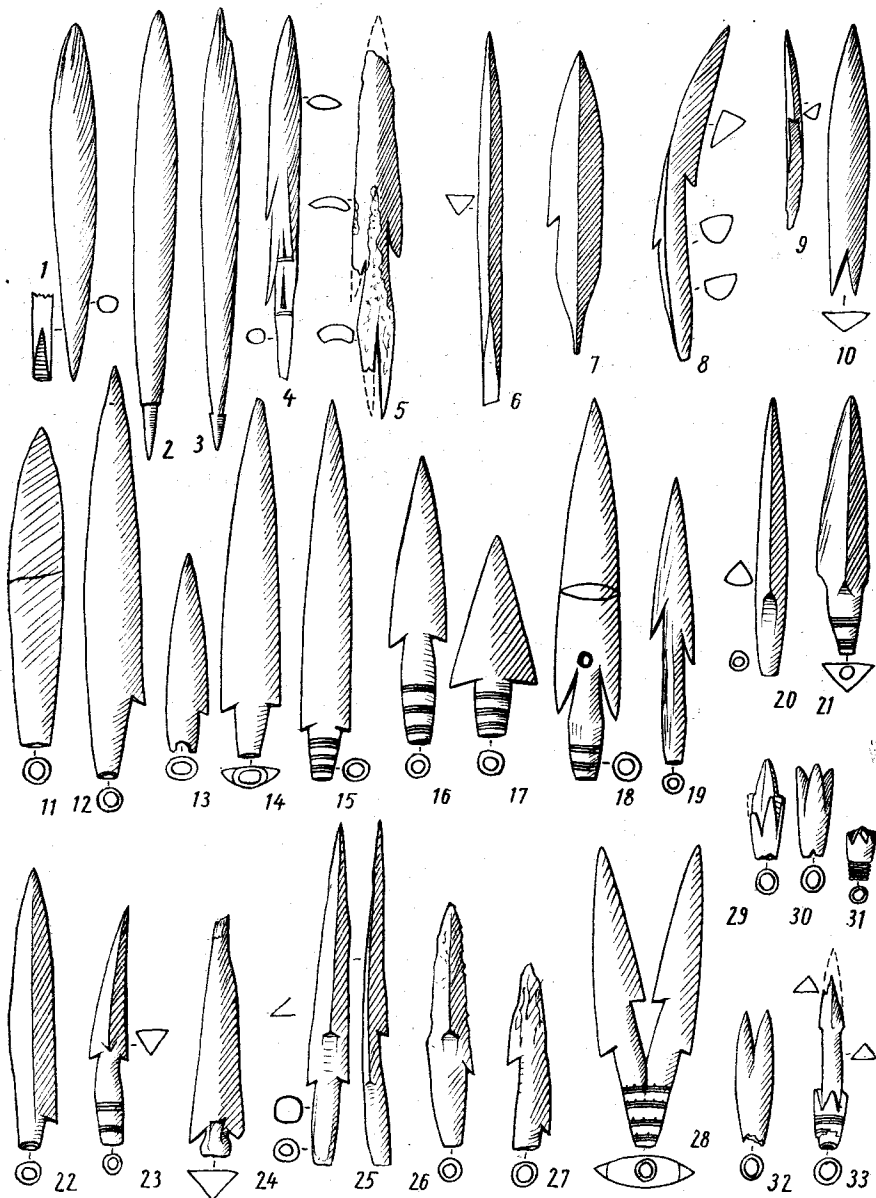

Рис. 106. Керекские костяные наконечники стрел

1—3, 5—11, 13, 20—22, 25—27, 32, 33 — пещера Омаян (202), фонды Приморского краеведческого музея в г. Владивостоке, колл. 401; 4, 14, 15, 16, 18, 19, 23, 24, 28 — фонды Чукотского краеведческого музея в г. Анадыре, колл. 1487—41 (1—18); 12 — бухта Угольная (192), фонды Эрмитажа, колл. 5135; 17 — бухта Угольная (192), фонды Приморского краеведческого музея в г. Владивостоке; 29—31 — жертвенник на р. Ветвей (209), по И. С. Вдовину (1/2 н. в.)

Перечисленные памятники свидетельствуют о глубоком своеобразии археологической культуры северо-западного Берингоморья и о ее генетической связи с этнографической материальной и духовной культурой, успешно выявляемой в последнее время В. В. Леонтьевым³⁵¹.

Особенно характерны жилища этой культуры — полуземлянки, построенные на деревянном каркасе в виде прямоугольной рамы (со сторонами до 2 и 4 м), опирающейся, судя по опросным данным, на четыре столба и имеющей со всех сторон балки-скаты. Снаружи эта конструкция плотно прикрывалась дерном, так что жилища выглядели едва заметными земляными холмиками. Их прямоугольные очаги из вертикально врытых каменных плит — такие очаги обнаружены в бухте Гавриила³⁵² — сходны с очагами в древнекорякских землянках северного побережья Охотского моря. Но в отличие от последних вход здесь был, вероятно, не через дымовое отверстие в крыше, а в виде короткого коридора, который, судя по фольклорным данным, мог быть и более длинным, сделанным из снега, как у эскимосских иглу³⁵³. По мнению В. В. Леонтьева, возле жилищ, исследованных им в береговом обнажении бухты Гавриила (196), сооружены особые внешние очажные ямы, вымощенные камнями и служившие для запекания и тушения в них мяса и рыбы по-кереки способом пуйалк'ын³⁵⁴.

Более древние поселения представляли собой, вероятно, сложную систему (куймааан'а) из нескольких землянок, группирующихся вокруг наиболее крупной общественной землянки, соединенных коридорами и заселенных несколькими семьями родовой общины. Позднее кереки, возможно, стали жить в одиночных общих больших землянках по три-четыре семьи в каждой³⁵⁵.

Хозяйство на этом этапе было по-прежнему комплексным, но морская охота стала играть уже более значительную роль. Некоторые исследователи, очевидно, ее недооценивают, когда подчеркивают, что кереки не были настоящими морскими охотниками³⁵⁶. Ближе к истине, вероятно, В. Г. Богораз, отмечая, что кереки прежде имели кожаные байдары и жили охотой на моржей³⁵⁷. Археологическим свидетельством морской охоты могут быть наиболее крупные костяные втульчатые наконечники с широко выступающими бородками (рис. 106, 17). Некоторые из них, вероятно, «стрелы на кита»³⁵⁸, другие могли использоваться и при охоте на моржей. Наличие в этнографических коллекциях с территории кереков своеобразных гарпунных поворотных наконечников³⁵⁹ позволяет думать, что древние керекские наконечники гарпунов пока просто еще не обнаружены, как не обнаружены пока и древние «медвежьи дубинки» — знаме-

³⁵¹ Леонтьев В. В., 1976б, с. 223.

³⁵² Там же, с. 84, 224.

³⁵³ Там же, с. 145.

³⁵⁴ Там же, с. 110, 111.

³⁵⁵ Леонтьев В. В., 1976а, с. 160, 161.

³⁵⁶ Леонтьев В. В., 1976б, с. 205.

³⁵⁷ Богораз В. Г., 1934, с. 41.

³⁵⁸ Леонтьев В. В., 1976б.

³⁵⁹ Там же.

нитые калувианан³⁶⁰, служившие для забоя морского зверя на лежбищах. Как бы то ни было, обилие моржовых черепов в жертвенниках и костей различных морских животных, включая китовые, в культурных слоях поселений ярко свидетельствуют об интенсивности морского промысла у древних кереков. Охота на птиц, которой они тоже занимались очень активно с помощью специальных сетей³⁶¹ и особых тупых наконечников стрел — томаров, конечно, не могла быть основным источником пищи и особенно шкур для одежды, так же как и охота на сусликов и зайцев или даже на баранов и диких козлов, против которых пускали в ход особые разновидности стрел — чутчум³⁶². Тем не менее эти виды сухопутной охоты очень характерны для комплексного хозяйства древних кереков, как, впрочем, и охота на крупных рыб с помощью остроги (атчина)³⁶³, в качестве которой могли использоваться двойные втульчатые наконечники (рис. 106, 28).

Погребения, относящиеся к рассматриваемой культуре, пока не исследованы, хотя известно, что покойников иногда закапывали в землю (головой на запад)³⁶⁴. Известно также, что у кереков широко распространен был и другой обряд — погребения в море³⁶⁵.

Среди художественных изделий особого внимания заслуживает весьма загадочное скульптурное изображение «совы с нерпичьей головой» (интерпретация В. В. Леонтьева), вероятно мифического персонажа, не имеющего аналогий в других древних и этнографических культурах. Эта костяная фигурка обнаружена В. В. Леонтьевым в культурном слое поселения в бухте Гавриила³⁶⁶, которое, судя по встреченной там А. А. Ореховым штрихованной керамике (аналогичной древнеберингоморской), является, очевидно, одним из более древних в пределах рассматриваемого послелахтинского периода (поселения с гладкостенной грубой керамикой, вероятно, наиболее поздние). Можно говорить, следовательно, об устойчивой художественной традиции древнекерекской культуры, поскольку в сходном стиле сделаны и керекские фигурки из этнографической коллекции Н. Гондatti, на сходство которых с «совой» ссылается и В. Леонтьев³⁶⁷. Тем самым следует признать и четкую этническую связь этой древней культуры с современными кереками.

Обнаруженное И. С. Вдовиным на р. Ветвей жертвенное место, на котором встречены костяные «томары» со втульчатым насадом³⁶⁸, указывает либо на связь древнекерекской приморской культуры с соседней локальной группой коряков, либо на ее обширный, еще не исследованный древний хинтерланд.

Что же касается ее северной контактной зоны, то она отмечена поселениями на земле Гека (190) и на р. Туманская (191), отличающимися

³⁶⁰ Там же, с. 146, 147.

³⁶¹ Там же, с. 89—90.

³⁶² Там же, с. 218, 146.

³⁶³ Там же.

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ Jochelson W., 1908, p. 104.

³⁶⁶ Там же, с. 145.

³⁶⁷ Колл. МАЭ, № 442—28; Леонтьев В. В., 1966б.

³⁶⁸ Вдовин И. С., 1971, табл. I.

ся хорошо выраженным эскимосским культурным влиянием — типично пунукской посудой с наружными налезными «ушками» и совсем не керекскими, а корякско-чукотско-эскимосскими наконечниками стрел с черешковым насадом³⁶⁹. Вероятно, таким образом, прав А. А. Орехов, полагавший, что кереки здесь подвергались эскимосскому влиянию, но не исключено также, что этому влиянию здесь на земле Гека и на р. Туманской подвергались те коряки, с потомками которых здесь, на «корге», встречался С. Дежнев в 1652 г.³⁷⁰

Происхождение древнекерекской культуры пока еще не может быть окончательно осмыслено. Она, вероятно, является реликтом очень архаичного этнокультурного пласта, может быть даже близкого палеоиндейскому, общего для протоэскимосо-алеутов и древнейших ительменов, на что мы уже обращали внимание³⁷¹. В ней заметно влияние и корякской культуры, и особенно ительменской, и эскимосской, а этнограф У. Г. Попова находит в ней какую-то связь с культурой загадочных «пеших тунгусов» Охотского побережья³⁷². На примере этой древнекерекской культуры хорошо видно проявление тенденции этнокультурной дифференциации — от широкой древнейшей этнической общности к узким локальным этноградическим группам, на которую мы уже неоднократно обращали внимание³⁷³.

Среднекамчатский (никульский) вариант древнеительменской культуры

Этнографо-лингвистические исследования И. С. Вдовина показали обособленное положение и независимое происхождение ительменов по отношению к корякам и вместе с тем тесные взаимопроникающие связи между ними в пограничных контактных зонах³⁷⁴. Выяснилось также, что на западном побережье Камчатки живут окамчадалившиеся сидячие коряки³⁷⁵, а на восточном, очевидно, окаряченные ительмены и что ительмены, следовательно, еще в XVIII в. распространялись там на север значительно дальше, чем впоследствии, вплоть до о. Карагинский включительно и, возможно, дальше в сторону ареала керек³⁷⁶.

Известно также, что ительмены в начале XVIII в. обитали в средней и южной части Камчатки несколькими локальными группами, племенами.

³⁶⁹ Орехов А. А., 1976.

³⁷⁰ Русские арктические экспедиции..., с. 139.

³⁷¹ Диков Н. Н., 1973б; 1974б. Такое предположение хорошо согласуется с предварительным заключением антрополога А. А. Зубова о необычной грацильности и смягченной, почти палеоиндейской монголоидности исследованных им черепов с м. Лопатка, с древней стоянки у м. Низкий и из керекского захоронения в Опухе, представляющих, по его мнению, реликт очень древнего общего для них исходного этнического пласта.

³⁷² Леонтьев В. В., 1976б, с. 227.

³⁷³ Диков Н. Н., 1964б.

³⁷⁴ Вдовин И. С., 1973, с. 271.

³⁷⁵ Там же, с. 276.

³⁷⁶ Там же, с. 21, 274.

(северные ительмены, ительмены чупагжу, авачинские ительмены, или суаачю-ай, кыкшай-ай, лингурии, кулес и др.)³⁷⁷.

По археологическим материалам также начинают выявляться существенные отличия в древнеительменной культуре, в основном соответственно локальным группам ительменов, хотя здесь много еще неясного и проблематичного. Наиболее существенные различия наблюдаются между древней культурой ительменов в долине р. Камчатка и на юге полуострова, где ительменная культура подверглась айнскому влиянию. Намечаются культурные варианты также на западном и восточном побережьях Камчатки, где особыми отрядами Северо-Восточно-Азиатской археологической экспедиции проводятся специальные исследования по выявлению локальных отличий в древнеительменной культуре.

Учитывая всю эту сложную структуру древнеительменной культуры, ее целесообразно рассматривать не в целом, а по основным ее локальным вариантам, причем пока мы ограничимся выделением лишь двух таких вариантов: среднекамчатского (никульского) и южнокамчатского (нальчевского), восходящих, вероятно, еще к локальным подразделениям тарьинской культуры.

К среднекамчатскому (никульскому) локальному варианту древнеительменной культуры³⁷⁸ мы относим археологические памятники в долине р. Камчатка, обнаруженные и исследованные нашей экспедицией в 1961—1966 гг.: первый слой Второй Ушковской стоянки (2), нижнюю стоянку в Доярках (10), стоянки № 1 и № 2 в Ключах (12, 13), культурные слои и погребения в Камаках (17, 18, 19) и Никульское городище (16). Мы объединяем в одну локальную группу все названные памятники на основании их хронологической близости, определяемой целой серией радиоуглеродных дат, и на основании сходства содержащихся в них комплексов каменных изделий.

Радиоуглеродные датировки опорных ушковских памятников (1 и 2), а также Доярок (10) позволяют относить рассматриваемую культурную общность к концу I тысячелетия и к значительной части II тысячелетия н. э., очевидно до XVI—XVII вв. В конце этого периода, например с XII в. н. э., в долине р. Камчатка наряду с открытыми стоянками рыболовов (1, 2, 10, 12) появляются и укрепленные городища из преимущественно прямоугольных землянок, нередко окруженные валами и рвами. Одно из них, Никульское (16), нами было раскопано почти полностью и дало обильный материал, с других только сняты планы (1, 18, 20—37) и из шурфов извлечены только незначительные вещи. Однако все они, судя по тефростратиграфическим данным, относятся именно к заключительному этапу развития этой локальной культуры, доходящему, очевидно, до появления в долине р. Камчатка первых русских поселенцев.

Вещественные остатки со всех этих поселений и городищ типично неолитические. Но керамика среди них не обнаружена. Все орудия труда из камня, реже из кости, и совсем не найдено железных, хотя не исключено,

³⁷⁷ Долгих Б. О., 1960, с. 563—568.

³⁷⁸ Ниже для краткости мы будем называть ее локальной среднекамчатской культурой, а второй вариант — локальной южнокамчатской культурой.

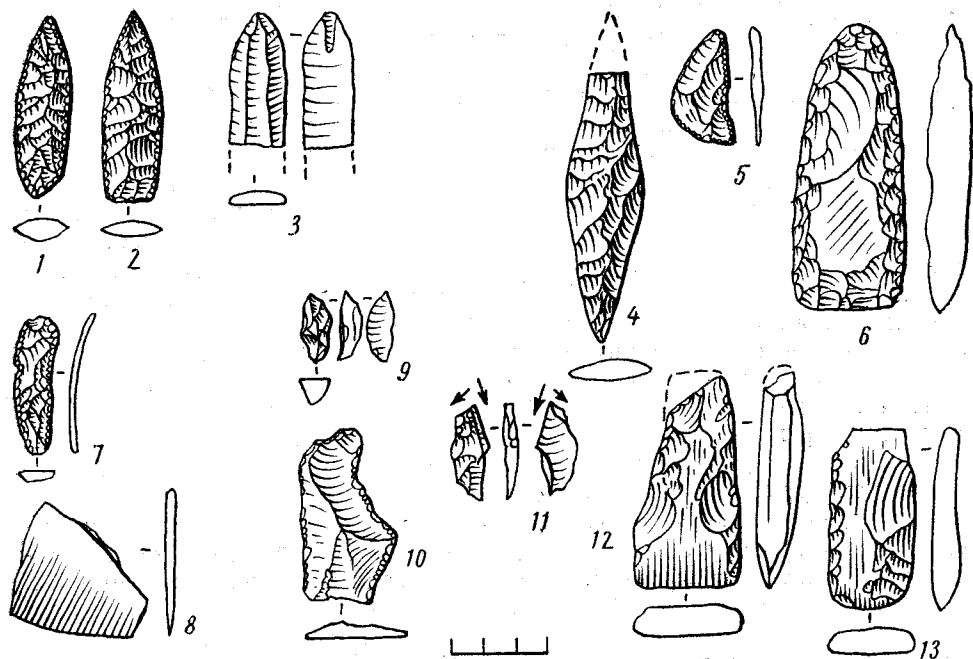

Рис. 107. Комплекс традиционных каменных изделий среднекамчатского (никульского) варианта древнеительменской культуры

1, 3, 5, 6, 7, 10, 13, 14 — Никульское городище (16); 2, 8 — Камаки (18); 4, 9 — Доярки (10), под пепловым слоем 2; 11, 12 — Ключи (12)

что они уже употреблялись в незначительном количестве, о чем можно догадываться, если исходить из описания жизни ительменов С. Крашенинниковым и всей совокупности археологических сведений о распространении железа в период пережиточного неолита на Охотском побережье, Чукотке и на юге Камчатки.

Из 88 типов каменных изделий среднекамчатского варианта древнеительменской культуры только 38 можно считать традиционными, унаследованными от более древней тарьинской культуры. При этом 25 из них восходят непосредственно к памятникам долины р. Камчатка, 28 — связываются с южнокамчатской группой памятников тарьинской культуры, а 16 — являются общими для тех и других.

К первой группе традиционных элементов (рис. 107), восходящих к неолиту долины р. Камчатка, относятся односторонне выпуклые тесла (III—6) и трапециевидные (V—7); большие листовидные наконечники-бифасы (I—5в), а также более мелкие (I—4в, 6в; II—4в); треугольные наконечники стрел (V—а, в), черешковые на отщепах (V—4); неретушированные (I—2) и ретушированные по краям ножевидные пластины (I—6, 7), горбатые бесчерешковые ножи-бифасы (IV—6), ножи на отще-

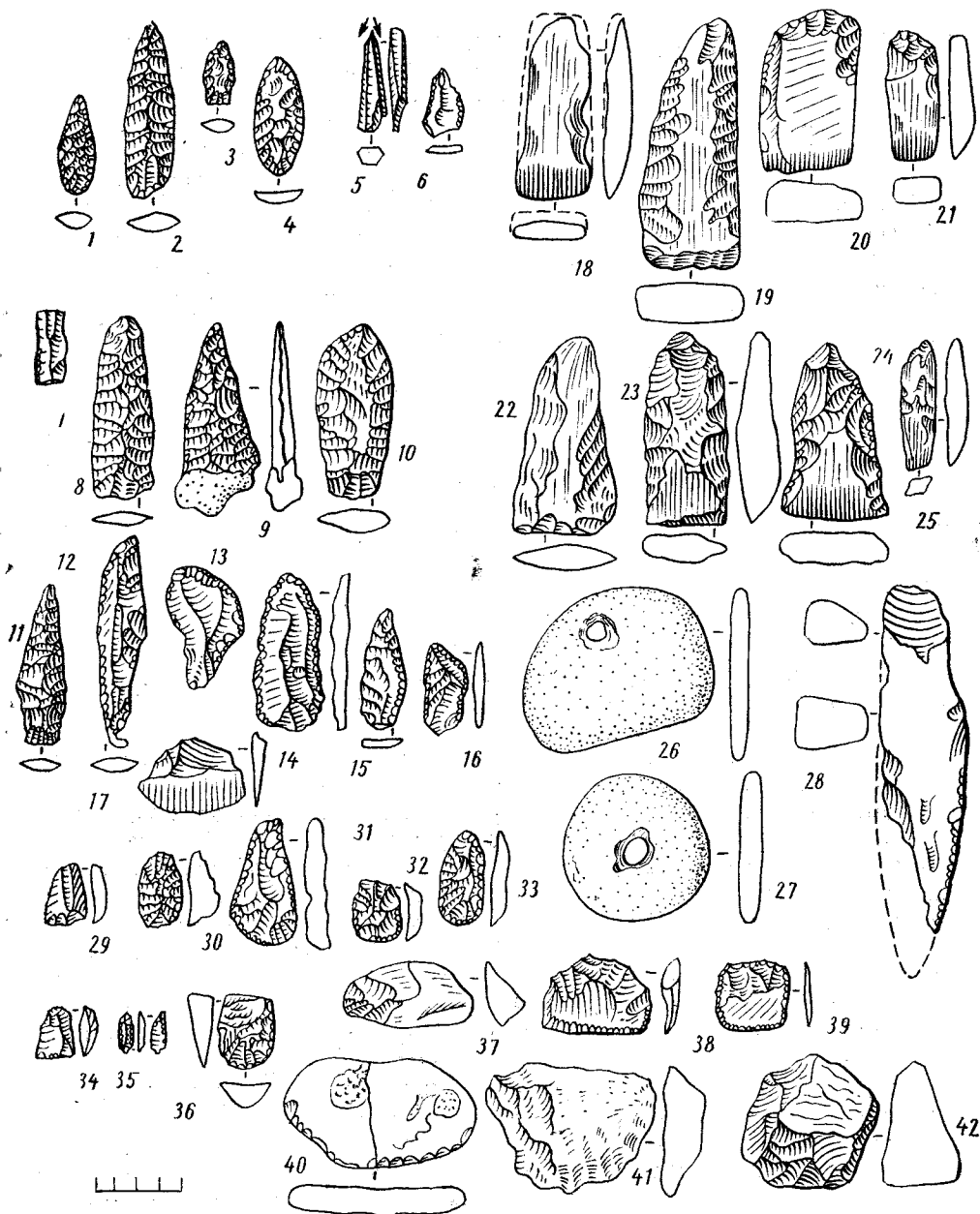

Рис. 108. Комплекс инноваций в каменном инвентаре среднекамчатского (никульского) варианта древнеителменской культуры

1, 4, 6, 8, 9, 12, 14, 16, 18–20, 22, 24, 25, 27, 28, 30–33, 36, 37, 39, 40 — Никольское городище (16); 2, 29, 34, 42 — Ушки-II (2), слой 1; 3, 5, 7, 10, 15, 21, 23, 26, 35, 41 — Доярки (10), под пепловым слоем 2; 11 — Ключи 1 (12); 13 — Ушки-III (Култук) (5); 17, 38 — Камачи (18)

пах (VII—3, 4, 6, 9); концевые подтреугольные и грушевидные скребки с округлым лезвием (I—11, 16, 18) и выемчатые скобели (XII—4); небрежно сделанные на отщепах боковые и угловые резцы (IV—3, IV—5).

Преобладающее место в структуре рассматриваемого комплекса каменных вещей принадлежит, как мы уже сказали, инновациям, новым элементам, 44 типам вещей, в тарьинской культуре полностью отсутствующим или, по крайней мере, еще не обнаруженным в ней (рис. 108).

Особенно много среди новых типов вещей оказалось топоров и тесел. Их число почти в два раза превышает количество унаследованных от предшествующей культуры орудий этой категории. Это разнообразные трапециевидные и прямоугольные в плане топоры с линзовидным неправильным или прямоугольным сечением (I—4, 5, 6, 7, 8), тесла с прямоугольным сечением самого разного размера (II—2, 3, 6, 9, 10), мелкие тонкие тесла линзовидного сечения (IV—5, 7, 9), маленькие тесла геометрически неправильного сечения (V—5, 8), прямоугольные долотца (VII—7).

Среди новых типов метательных наконечников преобладают листовидные (I—3с, 2в), но есть и треугольные с боковыми выемками (VIII—22х) и без них (0—8).

Новыми являются два типа вкладышей (I—8, 9), усеченно-листовидные (II—9) и треугольные (II—8) пожи-бифасы, шлифованные ножи из сланца (VIII—4, 25, 26), а также концевые трапециевидные скребки (I—2, 12, 18), разнообразные комбинированные скребки (III—9, 16, 22, 23; IV—6, 19, 24) скребки-бифасы (V—7, 12), боковые и круговые скребки на отщепах (VII—11, 13, 14), массивные тесловидные и пятиугольные скребла (VIII—30, 31; IX—6).

Наконец, к инновациям в данном комплексе мы должны отнести некоторые срединные резцы (III—5, IV—6) и проколки (I—2, 3).

Комплекс изделий, с которым мы только что ознакомились, вводит нас в локальную древнюю культуру, дотоле на Северо-Востоке совсем неизвестную, хотя и близкую той, которую В. И. Иохельсон, А. П. Окладников, а затем С. И. Руденко выделили по находкам на Курильском озере на самом юге Камчатки. При всем сходстве с нею она существенно от нее отличается составом каменных изделий. Наиболее же определяющее отличие обоих локальных культур состоит в том, что среднекамчатской в отличие от южнокамчатской совсем не присуща керамика, между тем как для южнокамчатской культуры характерна именно керамика и притом чрезвычайно своеобразная — с внутренними ушками.

Следует отметить, что термин «среднекамчатский вариант древне-ительменской культуры» в территориальном и хронологическом смысле не соответствует той «среднекамчатской культуре», которую наряду с южнокамчатской выделили В. И. Иохельсон, А. П. Окладников и С. И. Руденко. В понимании названных авторов среднекамчатской была наиболее ранняя из известных тогда на Камчатке неолитическая культура, представленная находками в Тарье вблизи Петропавловска-Камчатского. Мы же, относя к среднекамчатской локальной культуре памятники перелиточного неолита в долине р. Камчатка, связываем с южнокамчатской, синхронной локальной культурой памятники не только в районе

Курильского озера, но и несколько севернее Петропавловска-Камчатского, например в Налычево (253—255). Тем самым южнокамчатская локальная культура пережиточного неолита в территориальном отношении мыслится нами значительно более широкой, занимающей пространство Южной Камчатки, возможно, от м. Лопатки до Налычева, а возможно, еще севернее, полностью занимающей, таким образом, территорию как южнокамчатской, так и среднекамчатской (по В. И. Ихельсону, А. П. Окладникову, С. И. Руденко) культур.

Следуя принципу «бритвы Оккама», мы не станем для поисков генетических связей среднекамчатской локальной культуры подыскивать аналогии всем известным нам типам вещей данной культуры. Достаточно проанализировать с точки зрения сходства с вещами других культур только вещи, вошедшие в комплекс ее инноваций.

Оказывается при этом, что из 42 типов этого комплекса инноваций только 16 имеют аналогии в окружающих культурах I тысячелетия до н. э.—II тысячелетия н. э. Остальные аналогии более древние и в силу их несоизмеримого хронологического разрыва с рассматриваемой культурой интереса для нас не представляют.

Из 16 интересующих нас типов вещей наибольшее количество, а именно 15, отмечено нами в усть-бельской культуре на Чукотке, в Северо-Западной Америке, преимущественно на Аляске,—8, на северном Охотском побережье—3 и на Сахалине—2, в Приморье—4, на Курильских островах, Амуре и в Забайкалье—по 1. Вообще нигде аналогий пока не обнаруживают, и, таким образом, являются, вероятно, чисто эндогенными инновациями—6 (миниатюрные тесла II—12, IV—5, 9, V—5 и комбинированные микроскребки-резчики III—23, IV—24).

Среди усть-бельских аналогий отметим прямоугольные в сечении тесла, прямоугольные (II—9), острообушковые (II—3) и ступенчатые (II—6), а также миниатюрные с линзовидным сечением (IV—7); наколечники стрел треугольные с боковыми выемками (VIII—22х) и листовидные односторонне обработанные (0—1); боковые вкладыши (I—8, 9); ножи на отщепах (III—16); скребки концевые трапециевидные (II—12) и комбинированные (III—22, IV—19), а также листовидные двусторонне ретушированные (V—12) и боковые резцы (VII—11). Большое число параллелей в усть-бельской культуре объясняется, очевидно, не только общностью подосновы двух культур, но значительной культурной инфильтрацией со стороны усть-бельской культуры, более древней, чем рассматриваемая среднекамчатская.

Среди арктических американских аналогий встречается несколько знакомых усть-бельских (выемчатые наконечники VIII—22х — в древней китобойной культуре на м. Крузенштерна, скребки II—12 — на Алеутских островах и V—12 — в Ипиутаке)³⁷⁹, а также трапециевидные атипичного сечения тесла V—8 — в Ипиутаке³⁸⁰, листовидные наконечники стрел I—2в — в Юго-Западном Юконе в I тысячелетии н. э.³⁸¹

³⁷⁹ Giddings I. L., 1961, fig. 7, 2—7; Larsen H., Rainey Fr. 1948, fig. 23, c, pl. 15, 13—16.

³⁸⁰ Larsen H. and Rainey Fr., 1948, pl. 10, 2.

³⁸¹ McNeish H., 1964, fig. 88, 3.

скребки-бифасы V—7 и проколки I—2, II—3 — в культурах Нортон и Ипиутак³⁸².

В число североохотских параллелей входят удлинненно-листовидные наконечники I—3с, концевые скребки I—2 и комбинированные миниатюрные скребочки III—22 — все встреченные на верхней стоянке о. Завьялова, датируемой концом I тысячелетия до н. э.³⁸³

Вещами, вероятно, сахалинского происхождения являются удлинненно-трапецевидные топоры линзовидного и атипичного сечения (I—5, 6), встреченные на Сусуйской и Невельской стоянках I тысячелетия н. э.³⁸⁴

Те же топоры (I—5, 6) характерны и в Приморье, правда в более древних (второй половины I тысячелетия до н. э.) памятниках, чем на Сахалине, — в Зайсановке I, в раковинных кучах Посыет I и на п-ове Песчаном³⁸⁵. В последнем памятнике, а также в более позднем (конец I тысячелетия до н. э.) на м. Седловидный и на более древней (III—II тысячелетия до н. э.) приморской стоянке Пхусун встречены были прямоугольные тесла типа II—2³⁸⁶. Близкие им тесла оказались и в Войковской культуре на Среднем Амуре на стоянке Осинное озеро³⁸⁷. К Приморью же уводят нас и «американоидные» треугольные наконечники стрел с боковыми выемками (VIII—22х), встречающиеся там еще в Тетюхе (III тысячелетие до н. э.)³⁸⁸. Напомним, что они зафиксированы позднее, в конце II — начале I тысячелетия до н. э. и на Сахалине, на стоянке Стародубское II³⁸⁹. Очевидно, эти характерные наконечники так же, как и прямоугольные тесла, могут служить индикаторами культурных влияний из Приморья на Сахалин и дальше на север, включая Камчатку и Аляску, где они обнаружены в ипиутакском комплексе³⁹⁰.

Еще меньше известно сейчас аналогий на Курилах — только листовидные наконечники стрел I—3с со стоянки Большая на о-ве Шумшу³⁹¹.

Таким образом, большая часть экзогенных инноваций среднекамчатской культуры происходит со стороны Чукотки, Охотского побережья и Сахалина. Причем, судя по всему, путем их проникновения на Камчатку была Чукотка и материковое Охотское побережье. Со стороны же Курильских островов известно крайне мало культурных элементов. Очевидно, они не играли существенной роли в сложении среднекамчатской культуры пережиточного неолита.

Если же мы обратимся к собственно культурным связям, т. е. к свя-

³⁸² Larsen H. and Rainey Fr., 1948, fig. 26, d; Giddings I. L., 1964, pl. 57, 11, 12, pl. 53, 20.

³⁸³ Васильевский Р. С., 1965, № 1, рис. 1, 25; Музей антропологии МГУ, колл. № 475—104, 106.

³⁸⁴ Козырева Р. В., 1967, рис. 15, 9; рис. 15, 3.

³⁸⁵ Андреев Г. И., 1957, рис. 4, 1, 4; он же, 1960, рис. 11, 3; Окладников А. П., 1963, табл. 124, 7.

³⁸⁶ Окладников А. П., 1963, табл. I — 1; 5 — 2; Андреев Г. И., 1959, рис. 52, 1, 2, 6, 7; Окладников А. П., 1964, рис. 8.

³⁸⁷ Окладников А. П., 1966а, рис. 2, 2.

³⁸⁸ Окладников А. П., 1959, рис. 15, 9.

³⁸⁹ Козырева Р. В., 1967, рис. 4, 1.

³⁹⁰ Larsen H. and Rainey Fr., 1948, pl. 36—37.

³⁹¹ Музей антропологии МГУ, колл. № 503—15.

зиям контактного характера, то снова увидим большое количество сходных со среднекамчатскими типов изделий в усть-бельской культуре. Однако все они были распространены и в предшествующей тарьинской культуре, и поэтому нет надобности интерпретировать их как синхронные связи с Чукоткой, скорее упомянутые типы вещей имеют автохтонное происхождение и сходство их с усть-бельскими идет по традиции еще от тарьинской культуры.

Определеннее можно судить о более или менее синхронных и поэтому, вероятно, диффузных связях с североохотским побережьем (там в Кип-Киче находим тесла II—4, а в бухте Рассвет на о. Завьялова — горбатые ножи IV—6)³⁹², с Сахалином (тесла II—4, 6; V—2 на стоянке Невельской)³⁹³, Курильскими островами (тесла III—6, IV—3, ножи IV—1, проколки I—6 на Куйбышевской стоянке на о. Итурупе и на о. Шумшу³⁹⁴ и на Алеутских островах (тесла V—2, ножи IV—1)³⁹⁵.

Жизнь населения Центральной Камчатки в пережиточном неолите реконструируется в основном по данным раскопок верхнего слоя стоянки Ушки-1 (1), раскрывающим характерную картину рыбацкого становища. На его обширной площади оказалось множество ям для хранения рыбы, выкопанных вокруг сравнительно небольшой, около 12 м², землянки, по своему виду напоминающей древнеителменские жилища с боковым коридором и входом через дымовое отверстие в крыше³⁹⁶.

Мощные напластования пережженных рыбьих костей в кострище землянки свидетельствуют о длительности обитания людей в этом обильном рыбой месте. Здесь заготавливались впрок запасы кеты, кижуча и других видов крупных лососевых. Здесь же приносились жертвы божеству — покровителю рыболовов, очевидно весьма сходному с ительменским Хаптаем, по описанию С. П. Крашенинникова, имевшего вид полурыбы-получеловека. Остатки такого составленного из кусков дерева и бересты обгоревшего деревянного изображения божества в виде рыбы и были, по видимому, обнаружены в особой яме под развалинами сооруженного над ней шатра. Под этим рыбоподобным изображением и над ним оказались следы жертвенных костров, а в головной части его — косточки от принесенных в жертву рыбьих голов.

Вряд ли можно сомневаться, что стоянка верхнего слоя Ушковского местонахождения и другие, подобные ей стоянки в Доярках и Ключах принадлежат предкам рыболовов-ителменов, густо населявших берега Камчатки еще в XVIII в.

Очевидно, что и многочисленные, в некоторых случаях еще более поздние городища по берегам р. Камчатка (17—18, 20—37) тоже принадлежат предкам ительменов. Мы уже отмечали, что землянки на этих городищах имеют прямоугольную, иногда почти квадратную форму с закругленными углами.

³⁹² Васильевский Р. С., 1959, рис. 14, 1, 22; он же, 1960, рис. 4, 8.

³⁹³ Козырева Р. В., 1965, рис. 5, 2; он же, 1967, рис. 15, 5.

³⁹⁴ Чубарова Р. В., 1960б, рис. 4, 3, 13; Музей антропологии МГУ, колл. 503—1 (сборы Подковыркина).

³⁹⁵ Tschelson W. I., 1925, pl. 47, 6; pl. 15, 38.

³⁹⁶ Диков Н. Н., 1977б, с. 63, рис. 17, 18.

Обитатели этих городищ вместо глиняной посуды пользовались деревянной и берестяной. Воду кипятили в такой посуде, бросая в нее раскаленные камни. Городища часто укрепляли рвами и валами, нередко двойными и даже тройными. Одна из землянок, как и на Сивуйском мысе, имела более крупные размеры.

Все это показывает, что уже, по крайней мере, в начале I тысячелетия н. э. вполне сложился быт ительменов, о котором так красочно пишет С. Крашенинников в своей знаменитой книге «Описание земли Камчатки».

«Юрты делают они (т. е. ительмены.— *Н. Д.*),— читаем мы у С. Крашенинникова,— следующим образом: выкапывают землю аршина на два в глубину, а в длину и ширину, смотря по числу жителей. В яме почти на самой середине ставят четыре столба толстые, перекладные, а на них потолок накатывают, ставя почти на середине четырехугольное отверстие, которое и вместо окна, и вместо дверей, и вместо трубы служит. К помяннутым перекладным прислоняют с земли бревна же, которых нижние концы на поверхности земли утверждаются, и, обрешетя их жердями, покрывают их травой и осыпают землю так, что юрта снаружи имеет вид небольшого круглого холмика, но внутри они четвероугольные, однако почти всегда две стены бывают доле, а две — короче. У одной продолговатой стены между стоячими столбами бывает обыкновенно очаг, а от него выход, которого внешнее отверстие гораздо ниже упомянутого. Делается же сей выход для того, чтобы входящим во оной воздухом выгоняло дым вон из юрты через верхнее отверстие.

Внутри юрты подле стен делают полки, на которых спит семья подле семьи рядом. Только не бывает полков против очага, ибо там обыкновенно стоит домовая посуда их, чаши и корыта деревянные, в которых и себе и собакам есть варят, а в которых юртах полков нет, там вокруг мест, где спят, положены бревна, а самые места устланы рогожами.

Украшения в юртах никакого нет, кроме того, что у некоторых стен обвешаны бывают плетеными из травы рогожами, по их званию чирелами»³⁹⁷.

Раскопки в 1962 г. Никольского городища (16) раскрыли картину, очень близкую приведенному выше описанию С. П. Крашенинникова. Никольские землянки, как нами было показано³⁹⁸, устроены совсем ительменски, имеют центральные опорные столбы и дополнительный вход через дымовое отверстие над очагом, на полу и стенах сохранились остатки обгоревших циновок, обнаружены камни («вулканические бомбы») для кипячения воды.

Уже в самом начале раскопок среди обвалившейся в огне пожара крыши меньшей из двух спаренных землянок (№ 2) на глубине 15 см в торфе были обнаружены останки человека: часть черепа и трубчатые кости. Судя по всему, здесь было совершенно захоронение по ительменскому обряду. По обычаю ительменов, описанному С. П. Крашенинниковым, по-

³⁹⁷ Крашенинников С. П., 1949, с. 374.

³⁹⁸ Диков Н. Н., 19776, с. 95—101.

койников выбрасывали на крышу землянки, после чего все обитатели строили себе жилище в другом месте.

Перед входом в коридор, ведущий из маленькой землянки (№ 2), на полу был найден кусок обгоревшего дерева — половина короткой (20 см длиной) расколотой вдоль тополевой чурки, со следами обработки каменным топором. Обрубок дерева стоял строго перпендикулярно полу, плоской стороной к первой землянке. Нижний конец его имел форму конуса, заострялся, очевидно, для удобства вбивания в грунт. Похоже на то, что сохранившийся кусок дерева является нижней частью сгоревшего в землянке во время пожара идола, возможно подобного ительменским Хантаю или Ажушаку. С. П. Крашенинников о почитании идолов свидетельствует следующее:

«У северных камчадалов бывает в юртах по два идола, из которых один называется Хантай, а другой — Ажушак. Хантай делается наподобие сирены, то есть с головы по грудь человеком, а оттуда рыбою, и становится обыкновенно подле огнища, а для чего и во образе кого, другой причины не мог вывести, кроме того, что есть дух сего имени. Идол сего Хантая ежегодно делается новый во время грехов очищения, и становится со старым вместе, по числу которых можно узнать сколько которой юрте лет от построения.

Ажушак есть столбик с отделанною верхушкой наподобие головы человеческой, ставится над домашней посудой и почитается за караульщика, отгоняющего от юрты лесные духи, что и кормят его камчадалы па всякий день, мажут ему голову и рожу вареной сараной или рыбою»³⁹⁹.

Обитатели Никульского укрепленного городища, так же как и других камчатских городищ-острожков, переживали последние фазы родового строя, вступали в бурную пору военной демократии. С. П. Крашенинников рисует непосредственно с натуры яркую и правдивую картину междоусобиц, столь характерных для разлагающихся родовых отношений. «Камчадалы, — пишет он, — столь часто между собой воевали, что году не проходило, в котором бы сколько-нибудь острожков разорено не было.

Главное намерение браней их состояло в том, чтобы получить пленников, которых они в тяжкие работы употребляли, а особенно женского пола, которых они брали в наложницы и в супружество, а о причине

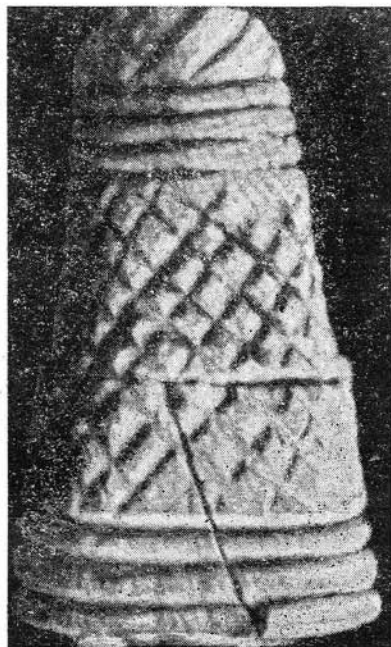

Рис. 109. Фрагмент костяного игольника из Никульского жилища (16)

³⁹⁹ Крашенинников С. П., 1949, с. 376.

была ли она или нет, законна ли или незаконна, не много они рассуждали. Иногда соседственные остроги и за то друг против друга вооружались, что дети между собой поссорились, а если кто кого, позвав в гости, не столько, как надлежало, подчивал, то им вменялось за такую обиду, которую мстить надлежало не иначе, как погублением всего острога, в котором случалось толь неприятельское действие.

В неприятельские острожки врывались они ночным временем, что могли без препятствия для того, что караулов у них не бывает. Таким образом, и малолюдством губили они знатное число неприятелей без всякой себе опасности и сопротивления. Вся трудность к одержанию победы состояла в том, чтоб ускорить взбежать на юрту, не выпуская из нее ни человека, и стать над окном с палкою или чекушей, ибо осажденным по состоянию строения юрт должно выходить окном по человеку, которых осаждающие и бить и взять могли в небольшом числе»⁴⁰⁰.

Судя по всему, создатели среднекамчатской локальной культуры — это северные камчадалы (ительмены), по терминологии С. П. Крашенинникова, отличающиеся, как отмечал этот ученый, своим диалектом от южных. Тенденцию к обособления обеих групп мы могли заметить еще в предыдущей, тарьинской, культуре, образованной двумя локальными комплексами: на севере — без керамики, а на юге — с керамикой.

Южнокамчатский (налычевский) вариант древнеительменской культуры

В нескольких пунктах Южной Камчатки: на берегу оз. Налычево, на м. Налычева, на берегу залива Лиственничного, в верхнем слое стоянки на Мишенной сопке (43), в Тарье (28), при истоке р. Озерная (302) и на Сивуйском мысе Курильского озера (303) — в землянках, в общем таких же, как и на р. Камчатка, часто в месте с железными изделиями В. И. Иохельсоном, Е. П. Орловой и Шнеллем были обнаружены обломки весьма своеобразной глиняной посуды с так называемыми внутренними ушками. Автору фрагмент такой керамики довелось найти в Петропавловске в верхнем слое стоянки на Кирпичной улице (44), а в 1975 г. подобную керамику обнаружил на стоянке Б. Медвежка I (248) А. К. Пономаренко⁴⁰¹.

Наличие в названных «юртовцах» этой весьма характерной керамики, типичной, как известно, для поздней айнской культуры Нейдзи, побуждает рассмотреть эту группу памятников особо, хотя в комплексе ее каменных изделий и не наблюдается существенных отличий от только что проанализированных нами среднекамчатской локальной культуры.

В генетическом отношении структура данного комплекса включает элементы: 1) общие для предшествующей тарьинской культуры в целом; 2) для южнокамчатской ее зоны; 3) для центральнокамчатской ее зоны и наконец 4) для центральнокамчатской культуры синхронной с локальной древнеительменской.

⁴⁰⁰ Крашенинников С. П., 1949.

⁴⁰¹ Iochelson W. I., 1928; Shnell I., 1932; Антропова В. В., 1949; Пономаренко А. К., 1978.

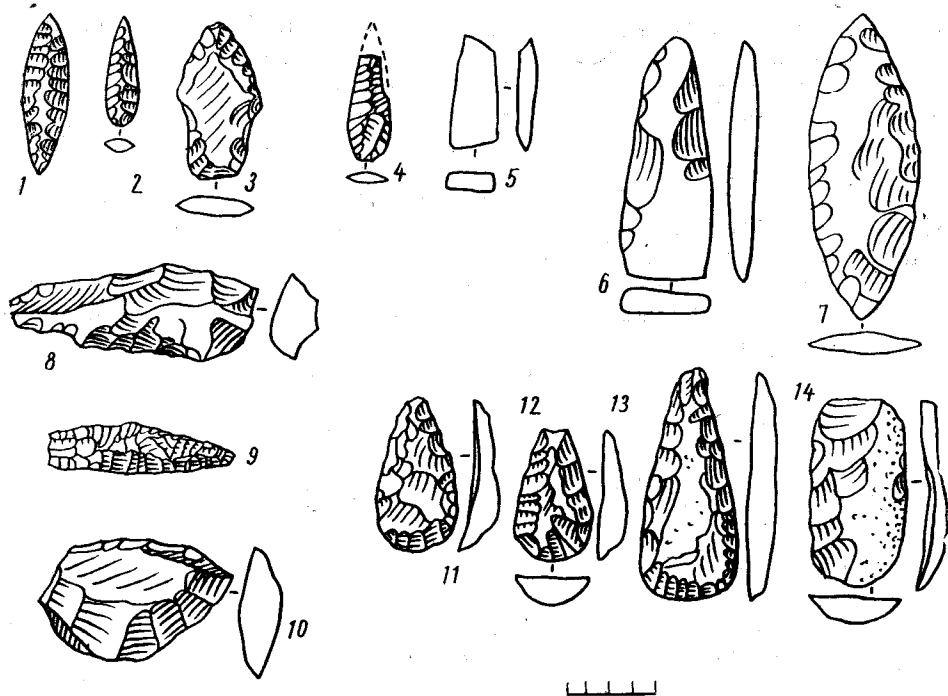

Рис. 110. Комплекс каменных изделий южнокамчатского (налычевского) варианта древнеителъменской культуры, общий для него и среднекамчатского (никульского) варианта

9 — Налычево (254), по С. И. Руденко; остальные — М. Сивуйский (303), фонды ГИМ, коллекция В. И. Иохельсона

Общими с предшествующей тарьинской культурой как на юге полуострова, так и в долине р. Камчатки являются плоские трапециевидные тесла (V—7), односторонние выпуклые тесла (III—6), наконечники (I—18), скребки (I—11).

Унаследованными только от южнокамчатской группы памятников тарьинской культуры оказываются тесла II—4, IV—3, V—1, 2, узкие листовидные наконечники (I—1с), черешковые (X—10), ножи черешковые (V—6; X—14); почти округлые микроскребки (I—23, II—23), грушевидные и трапециевидные скребки (II—11, 24), скребки с «ушками» (IV—2) и проколки (I—6).

К локализованной на р. Камчатка группе памятников тарьинской культуры восходят усеченно-листовидные наконечники (II—1в), концевые скребки на пластинах (I—1), а также подтреугольные и грушевидные скребки, в том числе и скребки-бифасы (I—6, II—16, V—1).

Инновациями, характерными и для синхронной древнеителъменской локальной культуры пережиточного неолита в долине р. Камчатка, яв-

ляются 21 тип вещей из 48, а именно (рис. 110): тесла удлинненно-треугольные односторонне выпуклые (III—5, 6), трапецевидные с прямоугольным сечением (II—4), трапецевидные с линзовидным поперечным сечением (IV—3, 4), с геометрически неправильным сечением (V—2, 11); наконечники стрел листовидные (I—2в) и черешковые (X—5, XI—5), треугольные (V—в) и неполностью ретушированные (0—8); ножи черешковые с прямой спинкой и выпуклым лезвием (V—8); с горбатой спинкой (IV—7) и усеченно-листовидные (II—8); скребки концевые на пластинах (I—1), грушевидные (II—11, I—11), высокие трапецевидные (VIII—24) и дисковидные (IX—13), скребки с ушками (IV—2).

Инновациями, присущими только данной локальной южнокамчатской группе памятников налычевского типа с керамикой типа Нейдзи является большинство (25 из 48) типов (рис. 111): частично шлифованные продолговатые тесла (IV—1), желобчатые тесла (IV—2), несколько других типов тесел (V—4, 6, 8, 10, 11), и в том числе долотовидные (V—12); наконечники стрел листовидные (I—5а), черешковые (X—15), усеченно-листовидные (II—3в); треугольные (V—в, ау, VaMx); ножи-бифасы листовидные (II—4, 2, 3), усеченно-листовидные (II—8), узкоклинковые бесчерешковые с горбатой спинкой и выпуклой спинкой и вогнутым лезвием (V—15); скребки-бифасы треугольные (V—2), грубо оббитые скребла концевые типа (VIII—25, 29), круглые скребла (IX—10, 13).

Суммарно все инновации данной южнокамчатской группы памятников определяются в 29 типов, число же всех традиционных типов составляет только 19. Таким образом, качественное отличие данного комплекса каменных изделий от предыдущего тарьинского очевидно. Не вызывает также сомнений и то, что большинство инноваций (25) являются присущими только рассматриваемой южной группе памятников позднейшей камчатской культуры пережиточного неолита и только 5 из всех этих новых изделий (тесла V—8, наконечники I—2в, II—3в, ножи II—9, скребки IX—13) являются общими как для южной, так и для северной локальных групп.

В количественном составе тоже наблюдается подобная диспропорция: из 19 традиционных элементов 17 имеют местное южнокамчатское происхождение, причем 5 из них могут рассматриваться как общие и для южной, и для среднекамчатской части тарьинской культуры, и только 4 элемента имеют исключительно среднекамчатское происхождение.

О том же свидетельствует и собранная В. И. Ихельсоном коллекция каменных светильников из раскопок на м. Сивуйский (303). Круглые, эллиптические и похожие на утюг подтреугольные (рис. 112, 113), они существенно отличаются от корякских, алеутских и тем более эскимосских и чукотских. Наиболее самобытным их типом являются подтреугольные, иногда с отверстием-ушком, как у корякских округлых светильников. Округлые же каменные лампы восходят, очевидно, к тарьинскому типу светильников с орнаментальными пасечками по верхнему краю ⁴⁰² (орнаментальные узоры встречаются изредка и на сивуйских светильниках).

⁴⁰² Диков Н. Н., 1977б, табл. 49, 8.

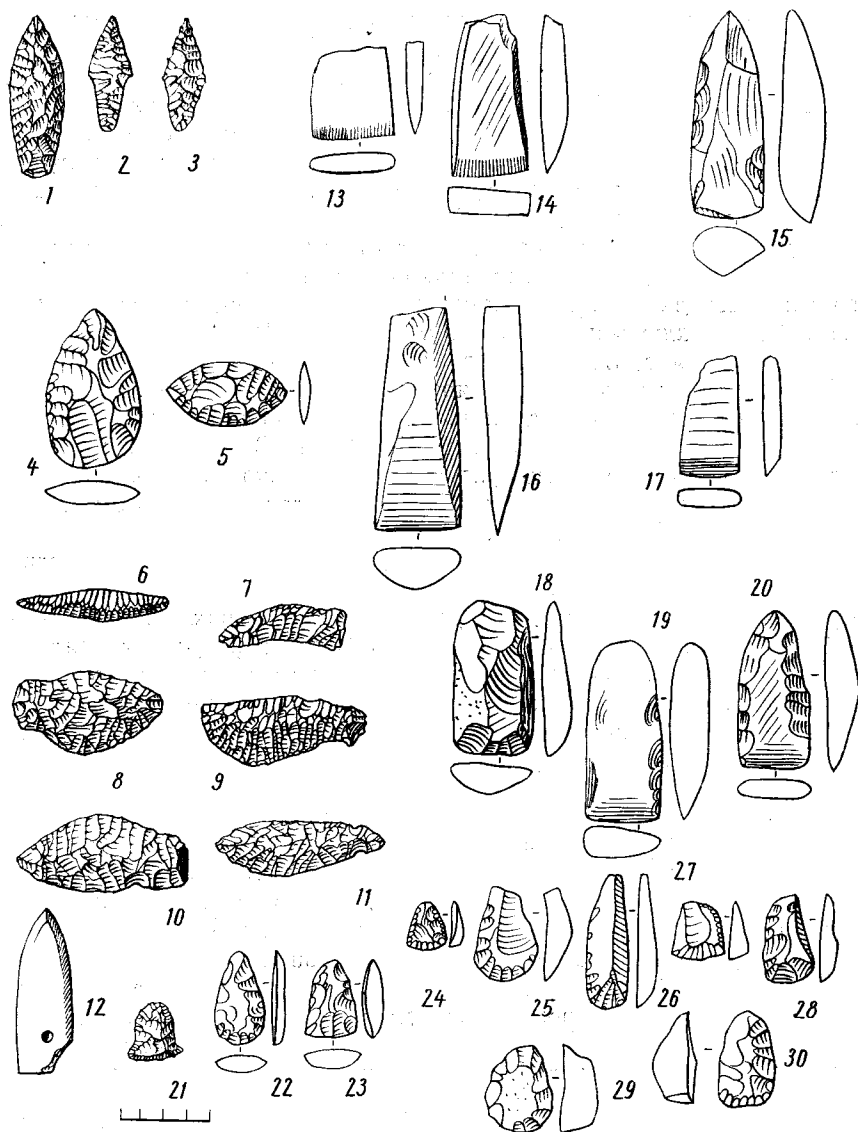

Рис. 111. Комплекс каменных изделий, встречаемых только в южнокамчатском (налычевском) варианте древнеителменской культуры

1, 7, 8, 21 — м. Сивуйский (303), по С. И. Руденко; 2, 30 — м. Сивуйский (303), по В. И. Иохельсону; 5, 11, 13, 15—20, 22, 23, 25, 26, 28, 29 — м. Сивуйский (303), фонды ГИМ, коллекция В. И. Иохельсона (11 — Кавран, по С. И. Руденко); 6 — м. Налычева (255), по В. И. Иохельсону; 9 — южная Камчатка, по С. И. Руденко; 10 — Савойко (Елизово? — 42), по С. И. Руденко; 14 — м. Налычева (255), фонды ГИМ; 24, 27 — южная Камчатка, фонды ГИМ

Итак, естественно напрашивается вывод, что истоки некоторого своеобразия комплекса каменных изделий Южной Камчатки в эпоху позднейшего пережиточного неолита восходят еще к периоду тарьинской культуры. Возникновение же большого количества инноваций может быть эндогенным или экзогенным, и выяснить это можно лишь в результате сопоставления их с соответствующими элементами окружающих культур.

Прежде чем перейти к такому сравнительно-историческому анализу, необходимо предварительно, и притом как можно более надежно, определить рассматриваемую локальную южнокамчатскую археологическую культуру во времени. Основными индикаторами ее возраста являются керамика типа Нейдзи, распространяющаяся с Курильских островов только к XVII в.⁴⁰³, а также монеты, обнаруженные В. И. Иохельсоном в землянках возле устья р. Озерная и на Сивуйском мысе Курильского озера⁴⁰⁴. Они свидетельствуют, что Сивуйское и Озерновское поселения существовали непосредственно до прихода на Камчатку русских землепроходцев и синхронны айнской культуре Нейдзи на Сахалине и на Курильских островах. Разумеется, этим определяется только верхняя граница датировки рассматриваемой группы памятников, среди которых могут оказаться и несколько более древние.

Такая поздняя датировка данной локальной культуры весьма ограничивает возможности установления ее контактных связей посредством аналогий ее каменным изделиям. В окружающих культурах даже Северо-Восточной Азии, не говоря уже о более южных и западных территориях, камнеобрабатывающая индустрия неолитического типа либо уже давно ушла в прошлое, либо деградировалась настолько, что не идет ни в какое сравнение с удивительно сохранившейся каменной, еще по-настоящему неолитической индустрией рассматриваемых поселений с керамикой Нейдзи.

Тем не менее мы все же обнаруживаем немало аналогий позднейшим дорусским каменным изделиям Южной Камчатки на окружающих территориях, но обнаруживаем их в памятниках более или менее древних, чем южнокамчатские. Но именно такие аналогии могут иметь генетическое значение и тем самым интересны для выяснения происхождения инноваций в рассматриваемой южнокамчатской локальной культуре.

Наряду с отмеченным выше большим количеством (21 из 48) сходных инноваций в синхронной среднекамчатской культуре в долине р. Камчатка некоторое, хотя и меньшее количество сходных типов имеется в поздних памятниках Североохотского побережья, Сахалина, Курильских островов и Алеутских.

Североохотскими аналогиями являются узкие острообушковые оббитые тесла с линзовидным поперечным сечением (IV—1) и, вероятно, желобчатые шлифованные тесла (IV—12) с верхней стоянки на о. Завьялова (500—800 н. э.)⁴⁰⁵, черешковые метательные наконечники (X—15) и треугольные скребки оттуда же⁴⁰⁶, а также усеченно-листовидные (II—

⁴⁰³ *Befu H., Chard S., 1964; Козырева Р. В., 1967, с. 109—118.*

⁴⁰⁴ *Iochelson W., 1928; Диков Н. Н., 1969а, рис. 129; Bada O., 1939.*

⁴⁰⁵ *Васильевский Р. С., 1965, рис. 1—11.*

⁴⁰⁶ Там же, рис. 2, д; Музей антропологии МГУ, колл. 310—10 (сборы М. Г. Левина).

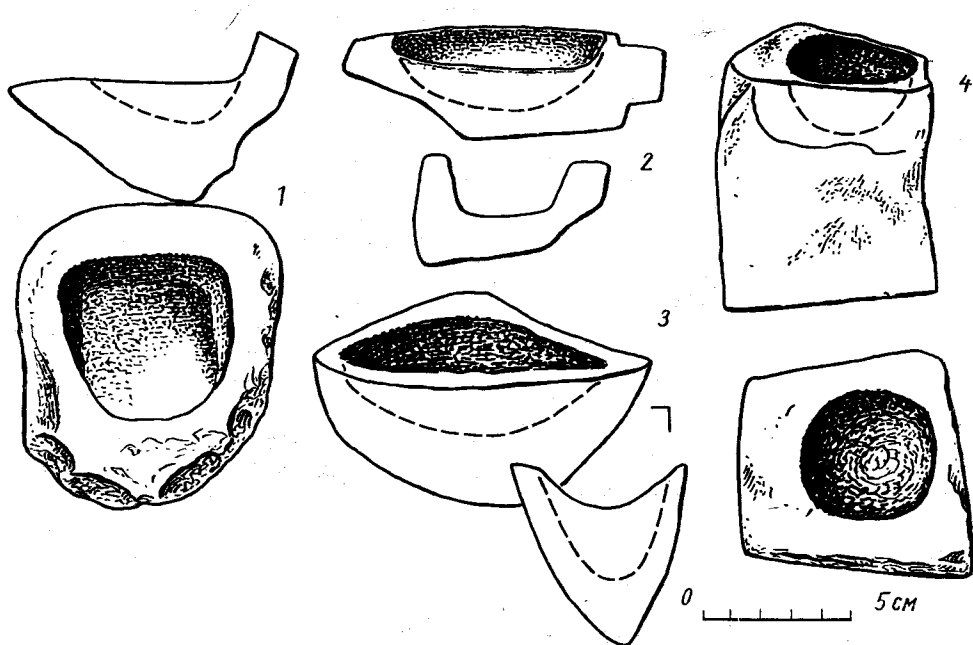

Рис. 112. Каменные жирники из раскопок В. И. Иохельсона на м. Сивуйский (303) (фонды ГИМ) (1—4)

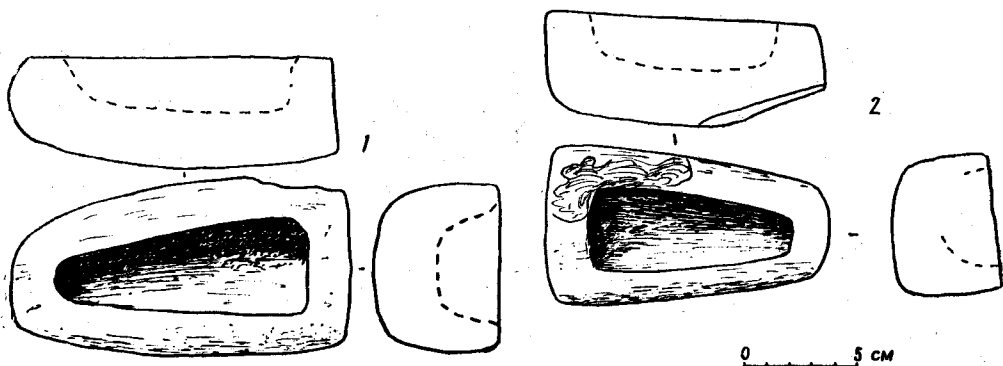

Рис. 113. Каменные жирники из раскопок В. И. Иохельсона на м. Сивуйский на Курильском оз. (303) (1—2) (фонды ГИМ)

9) и листовидные с боковым уступом ножи (V—3) и дисковидные скребки (IX—10) с еще более древней (что ослабляет их значение для данного сравнения) стоянки на о. Недоразумения⁴⁰⁷. На этой же стоянке впервые появляются те оббитые тесла IV—1, которые характерны и для более

⁴⁰⁷ Там же, рис. 1, 5.

поздней завьяловской стадии развития древнекорякской культуры (500—800 гг. н. э.)⁴⁰⁸.

Среди сахалинских аналогов интерес представляют разве что листовидные ножи-бифасы (II—1) с Невельской стоянки I тысячелетия н. э.⁴⁰⁹, зато с Курильских островов мы имеем их несколько больше: уже отмеченные на Охотском побережье оббитые тесла IV—1 с Куйбышевской стоянки на о. Итуруп (вторая половина I тысячелетия н. э.)⁴¹⁰, тесло V—6 с более древней Касаткинской стоянки на том же острове (конец I тысячелетия до н. э.— начало I тысячелетия н. э.)⁴¹¹, желобчатые тесла с той же стоянки⁴¹², а также горбатые ножи V—15 из недатированной коллекции с о. Итуруп⁴¹³.

Анализ выше приведенных аналогий новым элементам южнокамчатской локальной культуры свидетельствует о ее наиболее тесной связи с тарьинской культурой и с синхронной локальной культурой в долине р. Камчатка. Очевидно, все три группы памятников составляют этническое единство, и, разумеется, оно должно быть определено как ительменское. Аналогии же в охотской, сахалинской, курильской культурах свидетельствуют об определенной роли последних в формировании южнокамчатской локальной культуры. Это заключение относится также и к глиняной посуде «с ушками» типа Нейдзи. Скорее всего ее присутствие среди остатков поздней южнокамчатской культуры не следует расценивать непременно как свидетельство ее чисто айнской принадлежности, но отрицать влияние на нее айнской культуры «Нейдзи» нельзя.

Эта оригинальная посуда, несомненно, придает южнокамчатскому археологическому комплексу именно то своеобразие, которое и позволило нам выделить его в качестве локального варианта археологической культуры. Однако у нас нет достаточных оснований, лишь исходя из присутствия в нем керамики Нейдзи, относить его только к айнам. Очевидно, мы имеем здесь ительменскую в своей основе локальную культуру, заимствовавшую лишь айскую керамику и, может быть, некоторые другие весьма немногие элементы. Ительменам Южной Камчатки было весьма нетрудно ввести у себя изготовление именно айнской керамики, потому что до того у них вообще никакой керамики, как показали археологические материалы, практически почти не было. Поэтому удобная айнская посуда распространилась довольно быстро и весьма далеко к северу по полуострову за Авачинскую губу вплоть до Налычева в область, где и, по историческим свидетельствам, еще к XVII в. обитали именно авачинские ительмены «суаачю-ай», а не айны, в чем согласны и С. П. Крашенинников⁴¹⁴, и Б. О. Долгих⁴¹⁵.

Не столь прост, однако, вопрос о заселении айнами самого юга Камчатки, м. Лопатка, и ближнего курильского острова Шумшу.

⁴⁰⁸ Васильевский Р. С., 1968б, с. 314.

⁴⁰⁹ Козырева Р. В., 1965, рис. 5, 3, 5.

⁴¹⁰ Чубарова Р. В., 1960б, рис. 3, 11.

⁴¹¹ Чубарова Р. В., 1960б, рис. 1, 20.

⁴¹² Там же, рис. 1, 19.

⁴¹³ Фонды МАЭ АН СССР, колл. 6032.

⁴¹⁴ Крашенинников С. П., 1949, с. 888.

⁴¹⁵ Долгих Б. О., 1960.

С м. Лопатка пока не имеется вообще никаких археологических находок, а с о. Шумшу — только случайные недатированные находки Б. А. Подковыркина. Они представляют собой обсидиановые и базальтовые метательные листовидные и черешковые наконечники и ножи, а также костяные поворотные гарпуны⁴¹⁶, и нет уверенности, что их можно связывать с айнами, которые, как установлено, появились на Сахалине только с XV в. н. э., а на Курилах только в XVII в.⁴¹⁷ С. П. Крашенинников полагал, что обитавшие на м. Лопатка и на о. Шумшу так называемые ближние курилы были не айнами, хотя и владели айнским языком наряду с ительменским, а камчадалами (ительменами), которые только несколько смешались с айнами и заимствовали от них некоторые обычаи, в числе которых он отмечает и то, что они «не ажушаков, но стружки в юртах имеют»⁴¹⁸. Но факт почитания «стружек», которые есть не что иное, как типично айнские инау, культ которых столь характерен именно для айнов, заставляет усомниться в интерпретации ближних курилов как ительменов, подвергшихся только влиянию айнов. Очевидно, прав все-таки Б. О. Долгих, а также и И. С. Гурвич, на основании письменных источников пришедшие к выводу о том, что «ближние курилы» м. Лопатка и о. Шумпу были айнами⁴¹⁹. Это тем более вероятно, что только в таком случае будет понятным то их влияние, которое, безусловно, они оказали на южнокамчатскую древнеительменскую культуру и которое выразилось в распространении керамической посуды «с внутренними ушками» до Нальчева, т. е. значительно севернее Авачинской бухты.

Проблема состоит, однако, в отождествлении определенных археологических памятников с названными «ближними курилами» (айнами). Такие памятники пока неизвестны, а обычно отождествляемые с ними материалы раскопок В. И. Иохельсона на Курильском озере и на р. Озерная⁴²⁰ айнскими быть не могут, так как совершенно идентичны находкам в древних землянках в Нальчево (где и посуда с ушками), которые по своему географическому положению могут принадлежать только авачинским камчадалам «суаачю-ай».

Следовательно, неоайнские археологические памятники на Камчатке еще могут быть обнаружены, и, вероятно, они окажутся на самом юге полуострова, на м. Лопатка, где никаких археологических разведок до недавнего времени не производилось и где их проводит теперь Т. М. Дикова. Обнаружение на Камчатке айнских памятников было бы существенным вкладом в проблему северной границы айнов, которая в последнее время привлекает самое пристальное внимание многих ученых⁴²¹.

Итак, и среднекамчатская, и южнокамчатская локальные культуры II тысячелетия н. э. до XVII в. являются древнеительменскими. Пер-

⁴¹⁶ Музей антропологии МГУ, колл. № 503; Диков Н. Н., 1964б, рис. 3.

⁴¹⁷ Козырева Р. В., 1967, с. 108.

⁴¹⁸ Крашенинников С. П., 1949, с. 739.

⁴¹⁹ Долгих Б. О., 1960, с. 573, 574; Гурвич И. С., 1966, на с. 268, карты. Эти данные об айнах Камчатки суммированы недавно японским историком Мураяма: *Murayama Shichiro*, 1970.

⁴²⁰ Иохельсон В. И., 1930; Руденко С. И., 1948.

⁴²¹ Левин М. Г., 1958, с. 249—295; Chard Ch., 1970; Aroutiounov S. A., 1970.

вая отождествлена нами с северными камчадалами (по терминологии С. П. Крашенинникова), вторая — с южными. И такое двуединство древней ительменской культуры не представляется удивительным, если учесть, что и у эскимосов древняя культура воплощена в большом количестве особых, своеобразных археологических культур, вроде древнеберингоморской, оквикской, бирнирской, Туле, пунукской и т. п.

Соседство с древними, пока еще безымянными позднеолитическими обитателями Курильских островов, а затем с айнами оказало сильное культурное и этническое воздействие на южных ительменов, но, судя по всему, не повлекло их полной ассимиляции. В результате технология каменного века сохранилась на юге Камчатского полуострова в своем «первоначальном» виде еще к приходу сюда в конце XVII в. русских землепроходцев.

Общие закономерности и основные особенности исторического развития на крайнем Северо-Востоке Азии

Исследование археологических памятников крайнего Северо-Востока Азии в качестве исторического источника позволило нам нарисовать хотя и обобщенную, но достаточно определенную и конкретную картину развития культуры от верхнего палеолита до эпохи неразвитого железа и самого позднего пережиточного неолита.

Теперь же в конце исследования необходимо коснуться некоторых общих теоретических вопросов и сделать основные выводы, вытекающие из нашего исследования и характеризующие общие тенденции, закономерности и особенности развития на Северо-Востоке Азии.

Анализируя ход культурно-исторического развития на Северо-Востоке Азии, легко заметить общую тенденцию постепенной локальной дифференциации древних культур. Так, обширная культурная зона позднего палеолита, в которую входят культурные комплексы V—VI слоев Ушковских стоянок и Дюктайской пещеры на Алдане, сменяется на Северо-Востоке более узкими зонами малтанского и сумнагинского мезолита с выделением в раннем неолите ушковского и амгуэмского комплексов с ромбическими в поперечном сечении наконечниками стрел. На этом субстрате в развитом и позднем неолите возникают две культурные области: неолита с керамикой — на Чукотке (северочукотская и усть-бельская культуры) и неолита без керамики или почти без нее — на Камчатке (комплексы Усть-Паланы и Недоразумения, вторая ушковская, а затем тарьинская культуры и комплекс Чертов овраг на о. Врангеля). В пережиточном неолите на территории Северо-Востока обособляется уже значительно большее число культур: несколько вариантов приморских с большим или меньшим развитием зверобойного промысла (оквикская, древнеберингоморская, бирнирская, туле-пункская, североохотская с ее пятью стадиями — завьяловской, богурчанской, атарганской, лентельвальской, финальной XVI в., — северо-западно-берингоморская, канчаланская и представленная поселением со своеобразными жилищами, исследованными в 1977 г. у м. Низкий), а также культуры внутриконтинентального типа, преимущественно рыболовецкие: анадырско-майнская или вакаревская, среднекамчатская (никульская) и южнокамчатская (налычевская) локальные культуры. Вероятно, эта этническая общность имеет отношение к древнейшим эскалеутам, сменившим здесь население, причастное к этногенезу палеоиндейцев. В начале голоцена.

Формирование локальных отличий в хозяйстве и культуре на рассматриваемой территории отражает процессы этнической дифференциа-

ции. Так, в позднем палеолите на Камчатке, вероятно, жили племена, входящие в какую-то обширную этническую общность, отмеченную на западе дюктайской культурой, а на Аляске — культурой Денали.

Вероятно, эта отмеченная лабретками этническая общность имеет отношение к древнейшим эскоалеутам, сменившим здесь население, причастное к этногенезу палеоиндейцев. В начале голоцена здесь складываются общности (малтанский комплекс, сибердиковская и сумнагинская культуры), пока этнически точно не определимые. Возможно, одна из более поздних таких общностей (Ушки, слой IV) имела отношение к формированию протоительменов. Тарьинская лабреточная поздненеолитическая культура связывается с ними уже более определенно. На Чукотке и прилегающих к ней с запада и юго-запада территориях в это время и даже несколько раньше оформляется, вероятно, исходная чукотско-корякская безлабреточная этническая общность северо-восточных палеоазиатов, при этом усть-бельская и северчукотская культуры, несомненно, составляют существенный компонент не только чукотско-корякского этно- и культурогенеза, но, судя по палеоантропологическим и археологическим данным, вероятно, и неозскимосского, причем установлено, что в это время на о. Врангеля уже обитали палеоэскимосы. В период пережиточного неолита размежевание культур в общих чертах соответствует расселению предков всех основных современных аборигенных народностей Камчатки и Чукотки, кроме эвенов. Айны живут на южных подступах к Камчатке или даже на самом крайнем ее юге, в районе м. Лопатка, и оказывают сильное влияние на южных ительменов. Последние занимают южную часть полуострова (налычевская культура). В центральной его части, в долине р. Камчатка, обитают северные ительмены (среднекамчатская локальная культура). Неозскимосы обживают морское побережье Северной и Восточной Чукотки (оквикская, древнеберингоморская, бирнирская и туле-пунукская культуры). Южнее, на морском побережье Чукотки, начинают оседать и чукчи (канчалаанская культура). В бассейне рек Анадыря и Майна в это время возникает культура рыболовов, предков юкагиров. Они вклиниваются между коряками и чукчами, оттеснив последних в северо-восточную и северо-западную области Чукотки, где и застают их в XVII в. русские землепроходцы.

На всех этапах рассмотренной истории наблюдаются культурные связи с Северо-Западной Америкой, наиболее интенсивные в позднем палеолите и мезолите, а позднее выражающиеся в распространении эскимосской культуры.

Культурные связи Камчатки и Чукотки и Колымы с окружающими областями Старого Света исследованы нами тоже в широком хронологическом диапазоне. На разных этапах они характеризуются различной широтой и интенсивностью в зависимости от уровня культуры и конкретного исторического окружения.

Тщательное изучение культурных связей каждой из исследованных нами древних культур Северо-Востока позволило проследить их динамику от палеолита до пережиточного неолита и выявить ее существенную закономерность, приводящую в конце концов в раннем железном веке и пережиточном неолите к изоляции крайнего Северо-Востока Азии.

а вместе с ним и всего Американского континента от относительно более высокоразвитых культур Старого Света.

Динамика культурных связей весьма определена. Примерно со II тысячелетия до н. э. круг их начинает заметно сужаться, перемещаясь вместе с тем к северу от степи в тайгу и тундру, где они начинают охватывать почти все циркумполярье, и к северо-западному побережью Америки (по островам) Тихого океана.

Обобщение всей совокупности имеющихся в нашем распоряжении данных о культурных связях древнего населения Северо-Востока на разных этапах его исторического развития, теоретическое осмысление, в частности, этой весьма характерной динамики развития связей приводят нас к выводу о закономерной зависимости последних от относительного хозяйственно-культурного уровня окружающих культур. Причина сужения и переориентации культурных связей Северо-Востока к северу, по нашему мнению, объясняется в конечном счете неравномерностью развития производительных сил в рассматриваемой первоначальной широкой зоне культурных контактов, возникновением в неолите экономического барьера между земледельцами и степными скотоводами, с одной стороны, и охотниками и рыболовами — с другой.

В северной субтропической полосе Старого Света в голоцене совершались события, имевшие большое значение для дальнейшего развития этнических и культурных связей. Огромный мир охотников, рыболовов и собирателей постепенно переставал быть единственным на земном шаре. В Передней Азии, на Ближнем и Дальнем Востоке в наиболее благоприятных природных условиях люди переходили от собирания готовых продуктов природы к их производству, начинали заниматься земледелием и скотоводством.

Этот революционный процесс распространился позднее кое-где и далее на север, захватив, например, тундро-степную долину Верхней и Средней Лены, пройдя здесь почти к самому полярному кругу — пределу возможного в те времена распространения высокоразвитого скотоводства.

Если раньше в верхнем палеолите и даже раннем неолите охотникам и рыболовам было все равно, куда расселяться, лишь бы не оказалось на пути непреодолимых природных препятствий и был бы зверь для охоты и рыба для ловли, если их не страшила даже перемена климата, которая, кстати, при медленном вековом движении почти не осознавалась, то теперь переход населения к скотоводству и земледелию резко сократил стимулы его расселения по континенту на Северо-Восток, в тайгу и тундру, за среднеазиатские степи в сторону Америки.

Именно поэтому со II—I тысячелетия до н. э. постепенно сокращаются южные внутриконтинентальные связи и наступает длительный период относительной изоляции Крайнего Северо-Востока, а также Америки от возникших на юге более развитых скотоводческо-земледельческих культур Старого Света.

Весьма значительный признак этого явления можно усмотреть уже в том, что бронзовый век, достигнув было Чукотки (об этом говорят бронзовые резцы Усть-Бельского могильника трехтысячелетней давности), не перешел через Берингов пролив в Северную Америку (не пе-

решили туда и трехгранные и ромбические в поперечном сечении наконечники стрел). Уже одно это ярко свидетельствует об ослаблении связей, направленных из внутриконтинентальной Азии в сторону Америки. В дальнейшем, в раннем железном веке, эти связи еще больше сокращаются. Постепенно весь крайний Северо-Восток Азии и Америка выключаются из постоянного контакта со все более прогрессирующими скотоводческо-земледельческими континентальными культурами Восточной Азии. Начинается нечто вроде своеобразного «закрытия» Америки и примыкающих к ней областей крайне Северо-Восточной Азии, в которых сохраняется охотничье-рыболовецкий быт. Наступает значительный перелом в развитии связей между Старым и Новым Светом, сущность и значение которого нельзя недооценивать.

Но даже в это время изоляция нашего Северо-Востока и Америки, разумеется, не была абсолютной. Видимо, само отмирание связей шло медленно, как и заселение края. К тому же сокращение стимулов переселения и связей из внутриконтинентальной Азии вследствие возникновения там высокоразвитых типов хозяйства, скотоводства и земледелия, отнюдь не исключало периферийных путей распространения культуры и переселений вдоль океанских берегов.

Вдоль Ледовитого океана (где и в палеолите, вероятно, проходил путь распространения людей из Азии в Америку), от Норвегии до Гренландии, распространяется, как отмечают многие исследователи, в это время довольно единообразная циркумполярная культура охотников на дикого оленя¹.

По Охотскому и Тихоокеанскому берегу и островам Восточной Азии шло проникновение на Северо-Восток и дальше в Арктическую Америку к предкам коряков и эскимосов железа (хотя и в мизерных количествах) и некоторых южных элементов культуры, вроде криволинейного орнамента. В условиях изоляции развитие техники шло некоторое время вспять, назад к каменному веку и дальше протекало в его русле в виде пережиточного неолита. Черты каменного века были присущи почти всей Чукотке и Камчатке вплоть до XVII в. и даже позднее.

В археологии Северо-Востока, несмотря на его долгую историческую изолированность, мы находим подтверждение общих закономерностей прогрессивного развития производительных сил и производственных отношений в их единстве. Как и в большинстве районов Земли, здесь происходило поступательное развитие от только присваивающего готовые продукты природы хозяйства — к хозяйству производящему; от естественного разделения труда — к общественному.

Но были здесь и особенности проявления этих общих закономерностей. Наиболее существенная из них — отсутствие достаточно хороших условий для возникновения в прошлом земледелия и высокопродуктивного скотоводства. Эта особенность в сочетании с длительным (вплоть до открытия края русскими в XVII в. и позднее) переживанием техники каменного века наложила своеобразный отпечаток на всю первобытную историю населения Северо-Востока, вследствие чего мы наблюдаем

¹ Симченко Ю. Б., 1976.

здесь весьма своеобразный ход развития первобытного хозяйства. Из-за плохих природных условий оно на тысячелетия дольше, чем в иных областях земли, оставалось только присваивающим.

Его апогеем на морском побережье явился возникший 3—4 тыс. лет назад морской зверобойный промысел. Изобретенные предками эскимосов и береговых чукчей гарпуны с соскакивающими поворотными накопечниками обеспечивали обильную добычу на море. С тех пор неисчерпаемые ресурсы моря в виде мяса морских зверей (нерп, лахтаков, моржей, а затем китов) стали использоваться здесь человеком. Этот высокопродуктивный промысел не утратил своего огромного значения и сейчас. Он предопределил переход приморской части населения Чукотки к оседлости и был хотя и слабой, но все же заменой оседлому земледельческому хозяйству в общественном разделении труда².

Что же касается скотоводства, то оно возникло здесь сравнительно недавно, всего несколько столетий назад, в довольно примитивной форме пастушеского оленеводства. Этот сам по себе весьма прогрессивный сдвиг в развитии производительных сил тундрового, прежде охотничьего, населения, имеющий значение первого великого общественного разделения труда, надолго закрепил кочевание другой, тундровой части населения Чукотки. И до сих пор этот тип хозяйства, гораздо более выгодный, чем просто охота на диких оленей, но связанный с кочевым оленеводческим бытом, все еще является единственным способом освоения огромных ягельных пастбищ Чукотки.

Развитие производственных отношений на Северо-Востоке шло в прямой зависимости от прогресса производительных сил, что довольно хорошо прослеживается в археологической перспективе от палеолита до новейшего времени на протяжении 15 тыс. лет.

Самое древнее, так называемое палеолитическое, население Северо-Востока, вероятно, коллективно устраивало облавные охоты на мамонтов и других крупных млекопитающих, сообща владело еще несложным имуществом и вело счет родства, можно предполагать, по материнской линии. Примерно такую же стадию общественного развития переживали в дальнейшем и неолитические охотники на дикого оленя — предки чукчей. У них, кстати, тоже, как и в палеолите, широко практиковалась облавная охота, но теперь уже на северного оленя на переправах его через реки. Эти, в сущности по методам своей охоты еще палеолитические, охотники неолита и неразвитого железного века Чукотки оставили нам великолепные наскальные изображения, среди которых преобладают фигуры предков и духов явно женского пола.

Материнско-родовая организация преобладала также и у ительменов, живших главным образом за счет рыбной ловли, судя по письменным источникам, вплоть до XVII в. Эта стадия фиксируется у них и по археологическим данным. Древние острожки ительменов всегда имеют наряду с землянками средних размеров большие общественные жилища, очевидно особые мужские клубы³, столь характерные для материнского

² Диков Н. Н., 1958б; 1969а.

³ Окладников А. П., 1953а.

рода. Подобные же мужские дома — «кажимы» — встречаются и в древних поселениях эскимосов. Наличие общей для всех охотничьих народов Северо-Востока материнско-родовой стадии видно также по широкому распространению пережитков, будь то женоподобные шаманы-перерожденцы у чукчей или коекчучи ительменов, или же такие трансформированные женские духи-владычицы, вроде эскимосской Седны, которые могли достаться, как показал В. Г. Богораз, отцовскому роду в наследство только от рода материнского. Об этой первоначальной стадии развития общества свидетельствует и такой распространенный на Северо-Востоке пережиточный обычай, как аванкулат (т. е. характерный для материнского рода приоритет родственных отношений между племянником и дядей по матери).

Переход части населения Северо-Востока к более высокой ступени развития первобытного общества — к отцовскому роду — проходил в связи с тем своеобразным общественным разделением труда, о котором мы говорили выше, очевидно, уже с переходом к морской охоте и особенно с выделением пастушеского оленеводства как самостоятельных отраслей хозяйства. Решающими для такого вывода являются преимущественно этнографические данные, засвидетельствованные письменными источниками XVII—XVIII вв., а также данные археологии. Необходимо при этом учитывать такую существенную особенность общественного развития, как распад родовых связей у чукчей еще до прихода к ним русских, очевидно вследствие большой рассредоточенности расселения кочевников-олeneводо⁴.

С отцовским родом первобытное общество вступает, как известно, в фазу своего разложения. В нем начинают постепенно развиваться частнособственнические тенденции. Возможно, что углубление этого процесса связано на Северо-Востоке с какими-то начатками военной демократии. Об этом могут свидетельствовать некоторые археологические памятники Чукотки: руины укрепленных поселений на скалистых мысах морского побережья, обнаруженные там же места побоищ.

С XVII в., после вхождения северо-восточной окраины Сибири в состав Русского государства, процесс разложения первобытнообщинных отношений здесь еще более усиливается и на основе дальнейшего роста производительных сил, общественного разделения труда и товарного обмена приводит к сложению различных соседских общин (кочевых и оседлых). Народы Северо-Востока переходили к соседским общинам разными путями: чукчи, коряки, эвены и оленные юкагиры — от патриархальной большесемейной общины, а эскимосы, ительмены и юкагирские охотники и рыболовы — от неуспевшей еще преобразоваться в патриархальную материнской родовой общины. Результат, однако, был примерно одинаковым: наряду с общинной собственностью на пастибища и охотничьи угодья утверждалась частная собственность на табуны оленей и орудия производства, укреплялась моногамная семья с мужчиной во главе. Здесь проходили такие же процессы, как и во многих других разлагающихся общинах, в частности у индейцев Северной Америки.

⁴ Штернберг Л. Я., 1933; Вдовин И. С., 1948, 1950, 1965; Анисимов А. Ф., 1967.

Мы видим, таким образом, как специфические особенности локально-исторического развития на Северо-Востоке Азии соотносятся с самыми общими закономерностями исторического процесса. На важность этого теоретико-методологического аспекта исторических исследований уже обращалось внимание⁵.

Вся совокупность исследованных нами археологических фактов свидетельствует о том, что каменному веку Северо-Восточной Азии было присуще поступательное прогрессивное развитие и что предки ее коренных обитателей имели свою глубоко самобытную историю. Они внесли существенный вклад в историю мировой культуры. Об этом свидетельствуют и раннее одомашнивание собаки в палеолите, и древний гарпунный комплекс эскимосов, и весьма совершенное северное искусство (достаточно вспомнить высокохудожественную резьбу по моржовому клыку или Пегтымельские петроглифы), и многое другое. Но самый великий их исторический подвиг — это освоение сурового Севера и в связи с этим их историческая роль в первоначальном заселении Америки.

⁵ Жуков Е. М., 1975, с. 7—24.

Заклучение

В данной работе на источниковедческой основе предыдущей книги автора — «Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности)» (М., 1977) продолжено источниковедческое изучение археологических культур Северо-Восточной Азии и предпринято их интерпретационное исследование. Рассмотрены, в частности, проблема первоначального заселения Северо-Восточной Азии и Америки в палеолите и проблемы культурно-хозяйственного и этнического развития Северо-Востока Азии в мезолите, неолите и неразвитом железном веке.

Для решения первой из указанных проблем большое значение имеют палеолитические культуры Камчатки, Колымы и Чукотки. Опорными и ключевыми памятниками этих культур являются прежде всего ушковские многослойные стоянки на Камчатке, исследованные Северо-Восточно-Азиатской археологической экспедицией. Они дают самую представительную на Северо-Востоке, включая Якутию, серию палеолитических и более поздних культур с абсолютно четкой стратиграфией, идеально контролируемой слоями вулканических пеплов. Стадиально наиболее древней из известных ныне на Северо-Востоке Азии палеолитических культур, включая дюктайскую в Якутии, является ранняя ушковская культура VII слоя (14300 ± 200), с черешковыми бифасиальными наконечниками стрел, восходящая, видимо, к субстрату, близкому к аляскинской культуре бритиш-маунтин с неразвитыми черешковыми наконечниками. Значительным результатом раскопок памятников ушковской культуры являются остатки погребения и больших наземных жилищ из попарно пристроенных друг к другу шалашей с очагами без каменных ограждений (на стоянках Ушки — I и V). Своей неразвитостью технологии клиновидных нуклеусов этот комплекс существенно отличается от памятников типа Верхоленской горы (включая памятники диктайской культуры Якутии) и от культуры вышележащего шестого ушковского слоя, а также от японских докерамических культур. Учитывая ее общий палеоиндейский облик и датировку, вполне можно допустить проникновение ее самой или ее влияний в заледниковую культурную область Запада Северной Америки, где также нет клиновидных нуклеусов и где еще 12—10 тыс. лет назад и позднее были распространены почти такие же черешковые наконечники (Мармз, Сан-Диегито и др.).

Совсем иной облик имеет более поздняя (конца Сартанского оледне-

нения: 10760 ± 110 , 10360 ± 350) палеолитическая культура слоя VI стоянок Ушки-I, IV, V. Она представлена остатками обширных поселков, на одном из которых (Ушки-I), являющемся по количеству жилищ едва ли не самым крупным в мире для этой поры верхнего палеолита, вскрыто уже более 16 жилищ двух основных видов: больших наземных и меньшего размера, слегка углубленных, с входным коридором и каменным кольцевым очагом. Обитатели этих поселков охотились на лошадей, бизонов, лосей, добывали лососевых и разводили домашних собак. Ведущими каменными изделиями здесь были уже не черешковые, а узкие листовидные бифасиальные наконечники стрел и клиновидные нуклеусы. Эта культура синхронна дюктайской, имеет с ней много общего и, подобно последней, может быть отнесена к верхоленской бифасиальной традиции.

Судя по сходству с культурой Денали и в какой-то мере с Анапгулой, ушковская культура слоя VI является, очевидно, протоэскимоско-алеутской и связана со следующей миграцией из Азии в Америку, но на этот раз только на Аляску. В качестве промежуточных следов этой миграции, вероятно, можно считать смешанные стоянки с листовидным бифасиальным наконечником, клиновидным нуклеусом и лыжевидным сколом на р. Инаськввам на юге Чукотки и клиновидный нуклеус на смешанной стоянке Чикаево на р. Анадырь.

К финальному раннеголоценовому палеолиту относятся комплексы слоя V стоянок Ушки I, II, V (8790 ± 150), являющийся хронологическим продолжением культуры Ушковского слоя VI, и Сибердиковская культура на Верхней Колыме (Сибердик 8480 ± 200 , Конго 9470 ± 530) с чопперами, ножевидными пластинками и клиновидными нуклеусами. Последние используются автором в качестве разграничительного признака между палеолитической и мезолитической стадиями развития на Северо-Востоке Азии, вследствие чего последующие культурные комплексы и культуры (Сумнагинская, Малтан и Кухтуй) с развитой пластинчатой технологией на основе призматических и конических нуклеусов, со скребками на массивных пластинчатых отщепах и оббитыми тесловидными инструментами, но совсем без клиновидных нуклеусов интерпретируются в качестве мезолитических. К ним относятся и некоторые из обнаруженных Северо-Восточно-Азиатской археологической экспедицией СВКНИИ ДВНЦ АН СССР (М. А. Кирьяк) в 1977 г. стоянок на оз. Тытыль в верховьях р. Анюй на западе Чукотки.

В неолите и неразвитом железном веке начинает еще заметнее проявляться общая тенденция к постепенной локальной дифференциации древних культур, которая отражает дифференциацию этническую. Очевидно, это основной механизм происхождения палеоазиатских народов Северо-Востока, хотя и не исключена роль в этом отношении миграций, о чем может свидетельствовать сходство грибовидных антропоморфных изображений на скалах Саянского каньона Тувы с древнечукотскими петроглифическими изображениями человеко-мухоморов на р. Пегтымель.

Большую ценность для изучения ранних этапов эскимосской этнической истории представляет открытие в 1975 г. на о. Врангель в Чертовом овраге первой и теперь древнейшей в Азии палеоэскимосской

культуры (3360 ± 155). Теперь становится вполне очевидной несостоятельность гипотезы Р. С. Васильевского о двух независимых центрах происхождения морского зверобойного промысла: у предков эскимосов и у северо-восточных палеоазиатов (коряков и чукчей). Правильнее говорить лишь о дивергенции изначально единого зверобойного комплекса.

Развитие производительных сил и культуры носило на Северо-Востоке Азии с самых ранних зафиксированных здесь периодов палеолита ярко выраженный прогрессивный характер, что видно по высокому уровню камнеобрабатывающей техники, по применению лука и стрел и комплексному хозяйству с преобладанием охоты на крупных стадных животных, по раннему приручению собаки, оседлости и развитому жилищному строительству. Верхний палеолит на Северо-Востоке Азии не мог быть более отсталым, чем в Европе, так как в противном случае он не вынес бы испытания холодом и не проник бы через арктические широты в Америку. Но все же начиная с голоцена и особенно со второй его половины в силу неравномерности исторического развития здесь начинается все более заметное отставание в развитии производительных сил. Существенную роль в этом сыграла изоляция этого сурового края и вместе с ним Америки от более южных областей Старого Света вследствие развития там высокопродуктивного скотоводства и земледелия, которые не могли распространяться оттуда в тайгу и тундры Северо-Востока. Характерной особенностью исторического развития с тех пор здесь стало долгое, вплоть до прихода в XVII в. русских землепроходцев, преобладание первобытной техники каменного века и вместе с тем неожиданное прогрессивное для такой отсталой техники развитие хозяйства как на морском побережье, где сложился специализированный морской промысел, так и в тундре, где распространилось кочевое оленеводческое хозяйство.

Summary

This work is based on the source-lore background of the previous book of the author — «Archeologic monuments of Kamchatka, Chukotka and Upper Kolyma (Asia Joining America in Ancient Times)», Moscow, 1977. The writer continues the source-lore study of archeologic cultures of the North-Eastern Asia and undertakes their interpretation. Particular questions treated are the problem of initial peopling of the North-Eastern Asia and America during the Paleolith and the problems of cultural-economic and ethnic development of the Asiatic North-East during the Mesolith, Neolith and nondeveloped Iron Age.

The Paleolithic cultures of Kamchatka, Kolyma and Chukotka are very important for solving of the first mentioned problem. The many-layered Ushki sites of Kamchatka studied by the North-Eastern Asiatic archeologic expedition are reference and key monuments for these cultures. The sites

reveal the most representative North-Eastern (also Yakutian) series of Paleolithic and later cultures featuring very vivid stratigraphy that is ideally controlled by volcanic ash layers. In terms of stages the oldest among the presently known North-East Asiatic Paleolithic cultures (including Dyuktai one of Yakutia) is Early Ushki culture of the VII layer ($14\,300 \pm 200$) with stemmed bifacial arrow-points which seems to be traced back to Alaskan British Mountain culture with its nondeveloped stemmed points. A significant result of excavations of monuments of the Ushki culture is discovery of burial place remnants and large overground dwellings consisting of adjacent pairs of huts with fire places lacking stone protection (the Ushki I and V sites). This complex features underdeveloped technology of wedge-shaped cores and thus differs significantly from the monuments of Verkholsenskaya Gora type (including the monuments of Dyuktai culture, Yakutia), from the culture of overlaying Ushki VI layer as well as from Japanese prepottery cultures. Judging from its general paleo-Indian appearance and datings, one can admit that the complex itself or its influences could have penetrated to beyond-Glacial cultural area of the western North America where there are no wedge-like cores either and where some 12–10 thousand years ago and later very similar stemmed points were common (Marmes, San-Diegito and oth.).

A very different image is peculiar to the later (Late Sartanian glaciation: 10760 ± 110 , 10360 ± 350) Paleolithic culture of the VI layer of the sites Ushki I, IV, V. It is represented by the remnants of large villages, one of which (Ushki I) is perhaps the world leader among the settlements of the Upper Paleolith in respect of the number of dwellings found at it. More than 16 dwellings discovered there belong to two general types: greater overground ones and smaller rather semisubterranean ones that have hallways and ring-like stone fire places. Residents of the settlements hunted horses, bison, mooses, fished salmon and bred tamed dogs. The stemmed points were not abundant here, and leading among the stone artifacts were narrow leaf-shaped bifacial arrow points and wedge-like cores. This culture is synchronous with the Dyuktai one, has many common features with it and can be also attributed to Verkholsenskaya bifacial tradition.

Judging from the fact that the Ushki culture of the VI layer is similar to Denali culture and to some degree to Anangula, it may be referred to as proto-Eskimo-Aleutian and can be related to subsequent migration from Asia to America, this time exclusively to Alaska area. The following may be considered as intermediate traces of that migration: mixed sites featuring leaf-shaped bifacial points, wedge-like cores and ski-like off-chop surfaces at the Inas'kvaam river (southern Chukotka) and wedge-shaped core of a mixed site Chikayevoye at the Anadyr.

The following can be attributed to the final Early Holocene Paleolith — a complex of the sites Ushki I, II, V (8790 ± 150) which is a chronological continuation of the culture VI and Siberdik culture of the Upper Kolyma (Siberdik 8480 ± 200 , Kongo 9470 ± 530) with choppers, microblades and wedge-shaped cores. The latter are used by the author as a distinctive feature to discriminate Paleolithic and Mesolithic developmental stages in the North-Eastern Asia; as the result, subsequent cultural complexes and

cultures (Sumnagin, Maltan and Kukhtui) characterised by developed blade industry based on prismatic and conic cores, scrapers on massive lamellar off-chops and percussed adze-like tools with total absence of wedge-shaped cores are interpreted by the author as Mesolithic ones. These also include some of the sites at Tytyl' lake (upper reaches of the Anyui river, western Chukotka) discovered by the North-Eastern Asiatic archeologic expedition sponsored by the North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute of the F E Sci. Cntr. of the USSR Academy of Sciences in 1977.

During Neolith and nondeveloped Iron Age there increased a general tendency of gradual local differentiation of ancient cultures which reflects ethnic differentiation. This appears to be a principal mechanism of origination of paleo-Asiatic peoples of the North-East, though it is not improbable that migration from the southern areas contributed to it which can be testified by similarities between mushroom images at the cliffs on Sayany Canyon (Tuvva) and old Chukchi petroglyphs featuring humanoid fly-agarics (the Pegty-mel' river area).

The 1975 discovery of the first and the oldest Asiatic paleo-Eskimo culture (3360 ± 155) in Chyortov ravine (Wrangel Island) was valuable indeed for investigation of early stages of the Eskimo ethnic history. The hypothesis of R. S. Vasilyevsky suggesting two independent centres of appearance of sea-mammal hunting in case of the Eskimo ancestors and North-Eastern Paleo-Asians (Koryaks and Chukchi) is becoming quite inconsistent now. A proper statement should imply but a divergence of an initially single sea-mammal hunting complex.

Development of production means and culture in the North-Eastern Asia, as the oldest Paleolithic stages finds reveal, was very progressive in character which is supported by the high level of stone treatment technology, usage of hunting bows and arrows and also many-facet household characterized by hunting big herd animals, early taming of dog, early settlement, and developed house construction technique. The Upper Paleolithic of the North-Eastern Asia could not have been less developed as compared to Europe; otherwise, its population would fail to resist cold climate and would never reach America across the Arctic latitudes. However, since Holocene and particularly during its second half there commenced a notable delay in production means development which was brought about by nonuniformity of historic evolution. This was considerably added by isolation of this harsh region and also America from the southern areas of the Old World; highly productive cattlebreeding and agriculture of the latter could not have penetrated tundra and taiga expanses of the North-East. Characteristically enough, primitive Stone Age techniques have persisted here until arrival of the first Russian explorers in the XVII century. A remarkable fact is that in spite of this they had a very progressive economy including specific sea-mammal hunting technique at the coast and nomadic reindeer breeding in tundra.

Приложение

Указатель распространения сходных форм каменных изделий в археологических памятниках Камчатки, Чукотки и Североохотского побережья

Данное приложение является объяснительным текстом к таблицам I—X в. В названных таблицах изображены и отмечены порядковым индексом все разновидности основных категорий каменных изделий Крайнего Северо-Востока. Соответственно мы даем здесь сначала их краткое определение, а затем последовательно приводим сводные данные об их встречаемости в памятниках региона.

Следует иметь в виду, что в основном тексте нашей работы, ссылаясь на ту или иную форму каменных изделий, мы часто ради экономии места ограничиваемся указанием лишь ее числового индекса на названных таблицах и в данном приложении, не прибегая там, где нет в этом необходимости, к повторным словесным характеристикам.

При этом надо учитывать, что на таблицах изображены не абстрактные обобщенные типы, а конкретные вещи из тех памятников, наименование которых стоит непосредственно после числового индекса.

Нуклеусы (табл. I)

Мы группируем нуклеусы Североохотского побережья в пять основных групп.

В группу I входят призматические двухплощадочные нуклеусы с параллельными ударными площадками и одноплощадочные призматические нуклеусы: грубые с довольно неправильными гранями продольных сколов (1), правильные удлиненные (2), короткие и широкие (3), уплощенные с одной стороны (4).

Группу II составляют конические нуклеусы: большие с относительно неправильной огранкой (1), маленькие тонко ограненные (2), уплощенного (овального) сечения (3), карандашевидные, не вполне симметричные (4), карандашевидные с тонкой симметричной продольной огранкой (5).

Группу III состоит из полуклиновидных нуклеусов: со скошенной ударной площадкой (1), с прямой (горизонтальной) ударной площадкой (2), односторонне уплощенных со скошенной ударной площадкой (3), широких односторонне уплощенных с прямой ударной площадкой (4), узких односторонне уплощенных с прямой ударной площадкой (5).

В группу IV входят 8 разновидностей клиновидных нуклеусов: с прямой горизонтальной площадкой и с широким округлым клином (1), узкий с приостренным клинком и с прямой площадкой (4), удлиненные (5), удлиненные, грубо оформленные (6), «хвостатые», верхнее ребро которых наподобие лезвия, двусторонне обработано ретушью (7, 8).

К группе V мы относим все прочие, преимущественно атипичные нуклеусы (1—4).

Соответственно формам нуклеусов сколы с них имеют различный вид (табл. 2). Среди них различаются аморфные отщепы (I, 2—5; II, 1—7) и ножевидные пластинки (I—1), микропластинки (IV, 1), сколотые с клиновидных нуклеусов, сколотые с последних для «оживления» ударной площадки лыжеподобные сколы (III—1, 2), угловые сколы с призматических нуклеусов (IV—2) и сколы, снятые с их торцов (III—5).

Группа I

I—1 Ушки-I (1); Эльгытгын (188); Яки-
тикивеем (186).

I—2 Ушки (подъемный); Ушки-I (1),
слой I; Ушки-II (2), слой V; Ушки-
IV (3), слой VI; Усть-Белая (72),
Амгуэма, 102 км, стоянка 4 (81); Чи-
каево (74).

I—3 Ушки-II (2), слой IV; Усть-Белая
(72), курган 14.

I—4 Ушки (подъемный); Ушки-I (1),
слой IV; Ушки-I (1), слой V; Уш-
ки-II (2), слой IV; Усть-Белая (72);
Эльгытгын (188).

Группа II

II—1 Марково (сборы Сокольников).

II—2 Ушки-II (2), слой IV; Усть-Белая
(72); Чикаево (74).

II—3 Ушки-II (2), слой IV; Чикаево
(74); Амгуэма, 145 км (88).

II—4 Ушки-I (1), слой I; Ушки-II (2),
слой IV; Усть-Белая (72); Чикаево
(74); Амгуэма, 102 км (1) (78); Ам-
гуэма, 102 км, стоянка 4 (81).

II—5 Ушки-I (2), слой IV; Усть-Белая
(72); Чикаево (74); Амгуэма, 102 км,
стоянка 3 (80).

Группа III

III—1 Ушки-I (1), слой IV; Ушки
(подъемный); Усть-Белая (72).

III—2 Ушки-II (2), слой IV; Усть-Бе-
лая (72).

III—3 Усть-Белая, курган 8 (72); Яки-
тикивеем (93).

III—4 Ушки-II (2), слой IV.

III—5 Ушки-II (2), слой IV; Амгуэма,
102 км, стоянка 4 (81); Чикаево (74);
Эльгытгын (188).

Группа IV

IV—1 Ушки (подъемный); Усть-Белая
(72); Чикаево (74);

IV—2 Ушки-I (1), слой VI; Усть-Белая,
курган 15 (72);

IV—3 Ушки (подъемный); Ушки-I (1),
слой I; Ушки-I (1), слой V; Ушки-I
(1), слой VI; Ушки-IV (3), слой VI;
Чикаево (74); Усть-Белая, курган 8
(72).

Группа IV

IV—4 Ушки-I (1), слой I; Ушки-I (1),
слой V; Ушки-I (1), слой IV; Ушки-
IV (3), слой VI.

IV—5 Ушки (подъемный); Ушки-I (1),
слой V; Ушки-I (1), слой VI; Ушки-
IV (3), слой V.

IV—6 Ушки-IV (3), слой VI; Эльгыт-
гын (188); Чикаево (74); Усть-Белая,
курган 15 (72); Амгуэма, 102 км, сто-
янка 4 (81); Амгуэма, 115 км (82).

IV—7 Ушки (подъемный); Ушки-I (1),
слой I; Ушки-II, слой V (2).

IV—8 Ушки-I (1), верхний слой.

Наконечники стрел, дротиков и копий (табл. 2, 3).

По характеру обработки выделяются: 1) двусторонне обработанные ретушью — бифасиальные (без индекса); 2) неполностью ретушированные — унифасиальные на ножевидных пластинах и отщепах (отмечены индексом «О»); 3) шлифованные (индекс «Е»).

По типу поперечного сечения различаются:

1. Уплощенные линзовидного сечения (без индекса).

2. Массивные утолщенного овально-линзовидного сечения (Н).

3. Односторонне выпуклого сечения (K).
4. Ромбического сечения, четырехгранные (P).
5. Трехгранные (T).

По форме в плане составляют 11 основных групп преимущественно плоских бифасиальных наконечников: листовидных (I, 1—10), усеченно-листовидных (II, 1—4), ромбических (III, 1, 2) и усеченно-ромбических (IV, 1, 2), подтреугольных с выпуклыми боковыми сторонами (V), треугольных (VI), листовидных с боковой выемкой у основания (VII), листовидно-черешковых (VIII), ромбических черешковых (IX), подтреугольных черешковых (X), треугольных черешковых (XI).

Выделяются также особые признаки в оформлении насада бесчерешковых наконечников: симметрично выемчатое основание (х), ассиметричное основание, то есть с одним жалцем (у), ассиметричное с боковыми выемками (z).

Черешковые наконечники кроме формы лопасти отличаются и формой самих черешков (треугольные, округленно-треугольные, прямоугольные, с боковыми выемками, knobчатые, фигурные), однако индексами эти особенности не отмечаются, так как они учтены в самой последовательности расположения черешковых наконечников в рядах таблицы (1—24) (табл. 3).

Наконеч, выделяются наконечники с округлым передним концом (M). Обычный же заостренный конец индексом не отмечается.

Учитывая названные признаки, все метательные наконечники группируются нами в следующие типологические группы, разделяющиеся по двум таблицам (табл. 2, 3).

Бесчерешковые наконечники (табл. 2)

Группа I

I — 1в. Ушки-I, сл. VI; Домашнее оз. (7); Козыревск (8); Старая сопка (15); Тарья (282), сборы Гурьева, МАЭ (210—213); Осиновая сопка (66); Усть-Белая (72).

I — 1с. Ушки-I (1), слой VI; Явино (306); Голыгино (308), сборы Богдановича.

I — 2в. Ушки IV (3), слой V; Никулка (16); Букрич (17); Сивуйский (ГИН) (303); Кулка (328); Чикаево (74); Чини (110). Ушки I (1), слой VI; Домашнее озеро (7); Доярки (10); Старая сопка (15); Сопочное (319), (Камчатский музей); Первореченск (343); Явино (306); Голыгино (308), сборы Богдановича; Сивуйский (303), ГИМ; Старый острог (Елизово), сборы Герца (42); Чикаево (74); Чини (110); Уэлен (119); Ванкарем (148—152); Инчоун (120); Усть-Белая (72);

I — 2с. Ушки (подъемный); Ушки I (1), слой VI; Ушки I (1), слой VI; Ушки

IV (3), слой VI; Козыревск (8); Домашнее озеро (7); Кирпичная (44); Никулка (16); Старая сопка (15); Букрич (18); Хапица (18); Налычево (ГИМ) (254—255); Сешан (131); Айон (163); Усть-Белая (72); Амгуз-ма, стоянка III (80); Седьмой причал (105); Манилы (49).

I — 3в. Ушки II (2), слой 1; Ушки II (2), слой IV; Букрич (18); Осиновая сопка (66); Чикаево (74); Домашнее озеро (7); Доярки (10); Амгуз-ма, стоянка III (80); Айон (163).

I — 3с. Никулка (16); Манилы (49); Первореченск (343), Камчатский музей (подъемный материал); Каменское (50).

I — 5а. Сивуйский (215), ГИМ; Осиновая сопка (66).

I — 5в. Ушки II (2), слой 2; Старая сопка (15); Нижне-Камчатск (37), Камчатский музей (подъемный); Сероглазка (262); Сивуйский (303); Налычево (253, 255), ГИМ; Утхолок

- (325), сборы Змиева; Чини (110); Айон (163).
- I — 8а. Усть-Белая (72).
- I — 9а. Домашнее озеро (72); Букрич (18); Налычево (253—255), ГИМ; Усть-Белая (72); Уэлен (119).
- I — 9в. Домашнее озеро (7); Козыревск (8); Ключи (13); Кирпичная (44); Мишенная сопка (43); Камешки (58), Камчатский музей (подъемный материал); Уэлен (119), сборы Арутюнова, Сергеева; Ванкарем, стоянка 4 (152); Айон (163).
- I — 10вм. Ушки I, слой VI.

Группа II

- II — 1в. Ушки I (1), слой V; Ушки II (2), верхний слой; Ушки II (2), слой II; Ушки II (2), слой V; Ушки II (2), слой VI; Доярки (10); Домашнее озеро (7); Камаки (18); Налычево (253—255), ГИМ; Камчатский музей (подъемный); Чикаево, слой III (74); Чини (110).
- II — 2а. Чикаево (74).
- II — 2в. Камчатский музей (подъемный материал); Елизово (42), сборы Иохельсона, ГИМ.
- II — 3а; II — 3в. Ключи (13); Красно, коса IV (67); Амгуэма, стоянка IV (81); Чини (110).
- II — 3с. Камчатский музей (подъемный материал); Карага (216), сборы Гондатти; Чикаево (74); Чини (103).
- II — 4в. Домашнее озеро (7); Козыревск, совхоз (9); Пенжина (49); Усть-Белая (72); Чини (110); Уэлен (119), сборы Арутюнова, Сергеева.
- II — 1вх. Голыгино (308); Явино (306).
- II — 1ах. Айон (163).
- II — 3сх. Явино (306); Голыгино (308).

Группа III

- III — 1в. Завьялова (381).

Группа IV

- IV — 1в. Елизово 1 (42).
- IV — 2а. Явино (306); Голыгино (308).
- IV — 2ах. Голыгино (308).

Группа V

- V — а; V — в. Домашнее озеро (7); Камаки (18); Усть-Белая (72); Чировое (51); Чини (110); Сероглазка (262), ГИМ, Камчатский музей (подъемный материал); Домашнее озеро (7); Козыревск (8); Доярки (10); Ключи (13); Пенжина (49); Старая сопка (15); Елизово (42); Кирпичная (44); Букрич (18); Усть-Белая (72); Чикаево (74); Чини (110); Уэлен (119). Ушки I (1), слой I; Сопочное (319), Камчатский музей, сборы геологов; Утхолок (325), сборы Змиева; Чикаево (74).
- V — Ах, V — вх. Домашнее озеро (7); Ключи (13); Амгуэма, стоянка III (80); Усть-Белая (72); Чикаево (74); Айон (165).
- V — сх. Амгуэма (Экиатап — 95); Усть-Белая (72).
- V — ау. Явино (306), Голыгино (308), сборы Богдановича; Усть-Белая (72); Чикаево (74); Чини (110); Уэлен (119).
- V — ву. Усть-Белая (72); Чини (110);
- V — аз, V — вз. Усть-Белая (72); Чини (110).
- V — вв. Чини (110); Дженретлен (142).
- V — аМх. Малтан (170); Айон (165).
- V — Мх. Курильское (303), Руденко.
- V — сМх. Усть-Белая (72).
- V — аМу. Чикаево (74).

Группа VI

- VI — а. Чировое (51); Усть-Белая (72).
- VI — в. Тарья (282—284); Букрич (18); Усть-Белая (72); Чини (110).
- VI — с. Усть-Белая (72).
- VI — ах. Усть-Палана (332).
- VI — вх. Камчатка (?).
- VI — аМх. Усть-Палана (332).

Группа VII

- VII — 2. Амгуэма, 102 га, стоянка III (80).

Группа K1

- K1 — 6а. Ушки (подъемный); Домашнее озеро (7); Букрич (18); Чикаево

(74); Усть-Белая (72); Чини (110);
Уэлен (119).

KVII. Амгуэма (79, 81).

PII — 3с. Ушки II (2), слой IV.

PII — 4с. Ушки II (2), слой IV; Амгуэма
(80).

Группа Т

TI — 1с. Тытыль V (М. А. Кирьяк,
1977 г.).

TI — 4с. Великая (подъемный, сбо-
ры Седько); Ушки II (2), слой III.

Черешковые наконечники стрел (табл. 3)

Группа VIII

VIII — 2. Кирпичная (44).

VIII — 3. Бухта средняя (365).

VIII — 4. о. Завьялова (381).

VIII — 5. Чукотский полуостров (по Ру-
денко).

VIII — 9. Кирпичная (44); Старая сопка
(15); Усть-Белая (72); Чини (110);
Чегтун (126).

VIII — 10. Лыват (344); Каменское (50),
сборы Семенова.

VIII — 12. Доярки (10); Старая сопка
(15); Елизово (42); Пенжина (49);
Сопочное (319), Камчатский музей,
сборы геологов; Ольховка (346); Пен-
жинская губа, сборы Семенова.

VIII — 15. Чини (110); Яндогай (107);
Уэлен (119), сборы Арутюнова, Сер-
геева; Ванкарем III (150).

VIII — 20. Чини (110).

VIII — 21. Ушки I (1), слой VII.

VIII — 22. Доярки (10); Ключи (13);
Усть-Белая (72); Чини (110); Энмы-
нытнын (115); Уэлен (119), сборы
Арутюнова, Сергеева).

VIII — 24. Усть-Белая (72).

VIII — 2М. Лопатка (Т. М. Дикова).

Группа Х

X — 1. Лопатка II (225), раскопки Т. М.
Диковой.

X — 2. Камчатский музей (подъемный);
Омринский (73); Усть-Белая (72);
Ушки (подъемный); Ушки II (2);
слой II; Домашнее озеро (7); Ста-

рая сопка (15); Манилы (49); Кир-
пичная (44); Сопочное (319), Кам-
чатский музей, сборы геологов; Усть-
Белая (72).

X — 3. о. Недоразумения (387).

X — 4. Лопатка IV (297), раскопки Т. М.
Диковой.

X — 5. Кирпичная (44); Курильское озе-
ро (303); Мишенная сопка (43), сбо-
ры Орловой; Сопочное (319), Кам-
чатский музей, сборы геологов;
Чикаево (74); Амгуэма, стоянка III
(80).

X — 6. Лопатка IV (297), раскопки Т. М.
Диковой.

X — 7. Домашнее озеро (7).

X — 9. Лопатка II (295), раскопки Т. М.
Диковой.

X — 10. Чукотский полуостров (по С. И.
Руденко).

X — 13. Ушки (подъемный); Камчатский
музей (подъемный); Усть-Белая (72);
Уэлен (119); Яндогай (107); Чини
(110).

X — 15. Сивуйский (303), ГИМ; Чини
(110); Энмынытнын (115); Уэлен
(119); Экиатап (95); Дженретлен,
пункт II (142); м. Шмидта (159).

X — 16. Камчатский музей (подъемный);
Усть-Белая (72); Сешан (131); Ико-
ливрунвеем (133); Инчоун (120);
Чини (110).

X — 19. Ушки I (1), слой VII.

X — 20.

X — 24. Ушки V (4), слой VII.

X — 4М. Лопатка II (295), раскопки
Т. М. Диковой.

X — 5М. Айон (163).

X — 6М. Лопатка IV (297), раскопки
Т. М. Диковой.

X — 14М. Елизово (42).

X — 15М. Чикаево (74); Чини (110);
Уэлен (119); Ушки I (1), слой VII.

X — 21М. Ушки I (1), слой VII.

Группа XI

XI — 6. Лопатка II (295), раскопки
Т. М. Диковой.

- XI — 10. Усть-Белая (72).
 XI — 11. Экиатап (95); Чикаево (74);
 Усть-Белая (72).
 XI — 15, 18. Ключи (12), подъемный ма-
 териал на огороде.
 XI — 22.
 XI — 23. Чини (110).

Группа НХ

- НХ — 6. Якитикивеем, сборы В. Н. Смир-
 нова.
 НХ — 12. Домашнее озеро (7).
 НХ — 15. Якитикивеем, сборы В. Н.
 Смирнова.
 НХ — 16. Лопатка I (294), раскопки
 Т. М. Диковой.

Группа КХ

- КХ — 15. Айон (164).

Группа РХ

- РХ — 1. Ушки II (2), слой IV.
 РХ — 13. Ушки II (2), слой IV.

Группа РХ

- РХI — 2. Ушки (подъемный); Ушки II
 (2), слой IV; Амгуэма (80).

Группа ТХ

- ТХ — 13. Ушки I (1), слой III; Ушки II
 (2), подъемный; Ушки II (2), слой
 III; Чировое (51).
 ТХ — 15. Камчатка (В. И. Иохельсон).
 ТХ — 16. Ушки I (1), слой VII.

Группа О

- О — 1. Ушки IV (3); Никулка (16); Ом-
 рын (73); Чикаево, стоянка II, (74).

- О — 2. Лопатка II (295), раскопки
 Т. М. Диковой.

- О — 3. Ушки (подъемный); Ушки II (2),
 слой III; Ключи (13); Усть-Белая
 (подъемный); Усть-Белая (72); кур-
 ган 18; Чикаево (74); Чини (110).

- О — 4. Ушки II (2), слой IV.

- О — 5. Ушки I (1), слой VII; Кирпичная
 (44); Ушки I (1), слой II; Ушки II
 (2), слой IV; Домашнее озеро (7);
 Ключи (13); Доярки (10); Букрич
 (18); Усть-Белая (подъемный); Чи-
 ни (110).

- О — 6. Лопатка IV (297), раскопки
 Т. М. Диковой.

- О — 7. Лопатка IV (297), раскопки
 Т. М. Диковой.

Группа Е

- Е — 1. Иколиврунвеем (133—134).

- Е — 2. Чини (110); Энмынытныи (115—
 117); Нуямо (109); Илитлен (139);
 Инчоуп (120); Яндогай (107).

- Е — 3. Чини (110); Ванкарем (148—152,
 подъемный); Уэлен (119); Илитлен
 (139); Нуямо (109).

- Е — 4. Чини (110); Энмынытныи (115—
 117); Нуямо (109); Уэлен (119).

- Е — 5. Чини (110); Энмынытныи (115—
 117); Нуямо (109).

- Е — 6. Колючин (146); Иколиврунвеем
 (133—134); Уэлен, сборы Арутюно-
 ва, Сергеева.

- Е — 7. Уэлен (сборы Арутюнова, Сергее-
 ва).

- Е — 8. Нуямо (109).

Ножи и ножевидные пластины (табл. 4)

Эта категория изделий близко примыкает к предыдущей в формальном отноше-
 нии, так что некоторые типы ножей почти неотличимы по своему внешнему виду
 от наконечников копий или дротиков. Мы различаем внутри этой категории два ос-
 новных вида ножей: 1) обработанные техникой оббивки и ретуши; 2) шлифованные.
 К первому виду относятся пять групп, ко второму — три. Рассмотрим все эти груп-
 пы последовательно.

Группа I состоит из неретушированных пластин неправильной формы (1) или
 более правильной (2) формы, из микропластинок (3), из пристренных на одном
 конце микропластинок (4), из ретушированных на одном конце микропластинок
 (5), из правильных пластинок, ретушированных по краям (6), из пластин так же

ретушированных, но неправильных (7) и из различных вкладышевых лезвий: ретушированных на противоположных краях (8), сплошь ретушированных прямоугольных (9), и таких же с округленными краями (10), сегментовидных (11), подтреугольных (12, 13), листовидных (14).

Группа II состоит из листовидных двусторонне обработанных симметричных ножей, приостренных или закругленных с двух концов (1—5), треугольных или листовидных с одним усеченным концом (6—9).

Группа III — из прямоосных ножей-бифасов с более или менее длинными черешками (1—4) или боковыми «ушками» в черешковой части (5—7).

Группа IV состоит из асимметричных двусторонне обработанных ножей с более или менее выпуклыми обушками, с вогнутыми (1), прямыми (2, 3, 4, 6, 8) или выпуклыми лезвиями (5, 7).

Группа V — из черешковых узкоклиновых (1—10, 14), ширококлиновых (11, 12, 15) ножей, имеющих прямой (1, 4—6, 11, 13, 14, 16) или выпуклый (7—10, 12) обушок; прямое (1, 7, 8), выпуклое (1—6, 10—15) или вогнутое (9) лезвие. Среди них особо отличаются так называемые «горбатые» ножи (11, 12) и «кнопчатые» (14, 15).

Группа VI — из бесчерешковых сегментовидных двусторонне обработанных ножей с прямым широким обушком (1—5).

Группа VII — из ножей на частично ретушированных пластинчатых отщепях и на отщепях разных случайных форм (1—12).

Группа VIII — шлифованные ножи выпукло однолезвийные без черешка (1—13), выпукло однолезвийные с подретушированным выступом-черешком (14—18) прямооднолезвийные (20—24), двулезвийные бесчерешковые с отверстиями (24—40) и без отверстий, но с черешком (41—42), черешковые однолезвийные с прямым обушком (43—45).

Группа I

I — 1 Ушки-I (1), слой IV; Ушки-I (1), слой VI; Ушки-II (2), слой IV; Ушки-II (2), слой V; Ушки (подъемный); Домашнее озеро (7); Елизово (42); Усть-Белая (72); Чикаево (74); Красная коса II (69); Чини (103).

I — 2 Ушки (подъемный); Ушки-I (1), слой I; Ушки-I (1), слой IV; Ушки-II (2), слой II; Ушки-II (2), слой III; Ушки-II (2), слой IV; Ушки-IV (3); Домашнее озеро (7); Култук (5); Елизово (42); Доярки (10); Николка (16); Чировое (51); Чикаево (74); Якитики (93); Амгуэма (78, 80, 81, 93); Осиновая коса (64); Увесновения (57); Усть-Белая (72); Усть-Белая (подъемный); Анокаттары (62); Снежная (55).

I — 3 Ушки-I (1), слой V; Ушки-I (1), слой VI; Ушки-II (2), слой III; Уш-

ки-II (2), слой V; Ушки-IV (3), слой V; Эльгыгытгын (188); Усть-Белая (72); Якитики (93); Чикаево, пункт II (74).

I — 4 Ушки-I (1), слой I; Ушки-I (1), слой VI; Ушки-II (2), слой III; Култук (5); Эльгыгытгын (188); Чикаево (74); Амгуэма, 102 км (81);

I — 5 Эльгыгытгын (188); Якитики (93).

I — 6 Ушки (подъемный); Ушки-II (2), слой II; Ушки-II (2), слой III; Ушки-II (2), слой IV; Домашнее озеро (7); Старая сопка (15); Ключи (13); Николка (16); Амгуэма, стоянка IV (81); Осиновая коса (64); Чикаево (74); Чировое (51); Чини (110); Уэлен (119).

I — 7 Ушки (подъемный); Ушки-I (1), слой I; Ушки-I (1), слой IV; Ушки-II (2), слой V; Домашнее озеро (7); Доярки (9); Ключи (13); Тарья

- (282—284) (МАЭ); Мишенная сопка (сборы Орловой) (43); Чировое (51); Якитики (93); Чикаево, пункт II (74); Усть-Белая (72); Усть-Белая (подъемный); Осиновая коса (64); Амгуэма (78, 93); Чини (110); Уэлен (119).
- I — 8 Ушки-I (1), слой V; Старая сопка (15); Букрич (18); Чикаево (74); Усть-Белая (подъемный); Усть-Белая (72).
- I — 9 Камчатский музей (подъемный); Николка (16); Ключи (13); Усть-Белая (72); Осиновая коса (64); Эльгыгытгын (188); Чини (110).
- I — 10 Ушки-II (2), слой III; Усть-Белая (72).
- I — 11 Домашнее озеро (7); Кирпичная (44); Явино (306), Голыгино (219) (сборы Богдановича); Усть-Белая (72); Уэлен (119); Налычево (253—255) (ГИМ).
- I — 12 Усть-Белая (72); Чикаево (74); Чини (110).

Группа I

- I — 13 Култук (4); Чини (110); Уэлен (119).
- I — 14 Ушки-I (1); Явино (306), Голыгино (308) (сборы Богдановича); Култук (5); Усть-Белая (72); курган 8.

Группа II

- II — 1 Ушки-I (1), слой VII; Ушки-II (2), слой IV; Ушки-IV (3), слой V; Курильское (303); Амгуэма (81); Чини (110); Уэлен (сборы Арутюнова, Сергеева).
- II — 2 Ушки-II (2); Камчатский музей (подъемный); Сопочное (227) (Камчатский музей, сборы геологов); Курильское (303); Чикаево (74); Осиновая коса (64); Краснено (67).
- II — 3 Ушки-II (2), слой III; Ушки-IV (3), слой V; Кулка (328); Сивуйский (303) (ГИМ); Сопочное (319) (сборы геологов, Камчатский музей); Осиновая коса (64); Краснено (67);

Чегитун (126); Чини (110); Уэлен (119).

- II — 4 Кирпичная (44); Мишенная сопка (43) (сборы Орловой); Микино (347) (Пенжинская губа, сборы Семенова); Усть-Белая (72); Чировое (51); Чикаево (74); Амгуэма, 102 км (81), Краснено (67); Чини (110); Уэлен (119).

II — 5 Чикаево (74); Эльгыгытгын (188).

- II — 6 Кирпичная (44); Кулка (328); Козыревск (8); Манилы (48); Первореченск (343); Палана (333) (сборы Фельдмана); Осиновая коса (64); Амгуэма (80, 83, 85, 86, 89); Нешкан (140); Инчоун (120); Чегитун (126); Эльгыгытгын (188); Колучин (146); Дженретлен (142); Чини (110); Уэлен (119);

Группа II

- II — 7 Усть-Белая (подъемный); Амгуэма, 102 км (78—81); Чикаево (74); Осиновая коса (63).
- II — 8 Камчатский музей (подъемный); Манилы (49); Николка (16); Осиновая коса (64); Чини (110); Энмынытгын (115—116); Уэлен (сборы Арутюнова, Сергеева).
- II — 9 Доярки (10); Курильское (303); Кавран (323).

Группа III

- III — 1 Хайрюзово (322); Кулка (328); о. Завьялова (381).
- III — 2 Чукотский полуостров.
- III — 3 Сопочное (319) (Камчатский музей, сборы геологов) Чукотский полуостров.
- III — 4 Домашнее озеро (7).
- III — 5 Домашнее озеро (6); Кирпичная (44); Елизово (42); Тарья (282—284); Усть-Белая (72); Недоразумения (387).
- III — 6 Домашнее оз. (7).
- III — 7 Вакарево (53); Кулка (328).

Группа IV

- IV — 1 Ушки-I (1), слой I; Ушки-I (1), слой VI; Доярки (10); Букрич (18);

Козыревск (8); Елизово (42); Кирпичная (44); Ключи (12—13); Старая сопка (15); Старый острог (42) (Елизово, сборы Герца, МАЭ); Усть-Белая (72); Чикаево (74); Вакарево (53).

IV — 2 Ушки (подъемный); Елизово (42); Усть-Белая (72).

IV — 3 Курильское (303); Тарья (282—284).

Группа IV

IV — 4 Ключи (подъемный).

IV — 5 Домашнее озеро (7); Ключи (12, 13); Тарья (210—213); Наукан (271).

IV — 6 Козыревск (8); Доярки (10); Старая сопка (15); Домашнее озеро (7); Култук (5); Камчатский музей (подъемный материал); Усть-Белая (72); Энымыттыг (115—117).

IV — 7 Ключи (12, 13); Налычево (253—255).

IV — 8 Кирпичное (44); Амгуэма, 102 км (78—81).

Группа V

V — 1 Усть-Белая (72); Чукотский полуостров (по С. И. Руденко).

V — 2 Кавран (323); Налычево (253—255).

V — 3 Налычево (253—255), ГИМ; близ Петропавловска-Камчатского (сборы Сокольников).

V — 4 Палана (333), сборы Фельдмана; Сопочное (319), сборы геологов, Камчатский музей; Кирпичная (44).

V — 5 о. Недоразумения (387).

V — 6 Сопочное (227), Камчатский музей, сборы геологов; Явино (306); Голыгино (308), сборы Богдановича; Курильское (303); Мишенная сопка (43); Кавран (323); Тарья (282—284); о. Недоразумения (387).

V — 7 о. Недоразумения (387); Застойчик (6); Кирпичная (44).

V — 8 о. Завьялова (381); южная Камчатка (по А. К. Пономаренко); Тарья (282—284); Усть-Палана (332).

V — 9 Усть-Палана (332).

V — 10 Тарья (282—284), Камчатский музей.

V — 11 Явино (306); Голыгино (308), сборы Богдановича.

V — 12 Усть-Палана (332).

V — 13 Кавран (323).

V — 14 Савойко (Елизово — 42); Уэлен, сборы Арутюнова, Сергеева; Налычево (253—255), ГИМ.

V — 15 Курильское (303); Первореченск (343).

V — 16 Кулка (328).

V — 17, 18 Елизово (42); Кирпичная (44); Тарья (282—284); Уэлен, сборы Арутюнова, Сергеева.

V — 19 Ю. Камчатка (Камчатский музей).

V — 20 Кавран (323); Утхолок (325) (сборы Змиева); М. Сивуйский (303), колл. Иохельсона (по С. И. Руденко), Кавран (323).

V — 21 Алеутские острова; Ушки V (4), сл. VII.

Группа VI

VI — 1 Ушки-IV (3); Чикаево (74).

VI — 2 Ушки-I (1), слой IV; Чировое (51); Осиновая коса (64).

VI — 3 Ушки-I (1), слой V; Усть-Белая (72); Старая сопка (15); Амгуэма, 102 км, стоянка 3 и 4 (80, 81).

VI — 4 Чировое (51); Чини (110).

VI — 5 Чировое (51); Эльгыгытгын (188); Старый острог (42) (Елизово, сборы Герца).

Группа VII

VII — 1 Чировое (51); Чикаево (74); Усть-Белая (72).

VII — 2 Ушки-I (1); Ушки-I (1), слой VI; Домашнее озеро (7); Усть-Белая (72); Чини (110); V-Палана (302).

VII — 3 Ушки-I (1); Ушки-I (1), слой V; Ушки-II (2), слой II; Ушки-IV (3); Домашнее озеро (7); Козыревск (8); Доярки (10); Камаки (18); Ключи (12, 13); Старая сопка (15); Мишенная сопка (43); Застойчик (6); Кирпичная (44); Николка (16); Чировое

(51); Утесики (61); Усть-Белая (72); Амгуэма, 102 км (78—81); Чикаево (74); Осиновая сопка (66); Чини (110).

VII — 4 Ушки-I (1), слой I; Ушки-I (1), слой VI; Домашнее озеро (7); Старая сопка (15); Ключи (13); Николка (16); Мишенная сопка (43); Раковая (45); Чировое (51); Чини (110); Вакарево (53); Сиреники (106); Дженретлен (142).

VII — 5 Ушки-I (1); Ушки-I (1), слой V; Ушки-I (1), слой VI; Култук (5); Домашнее озеро (7); Старая сопка (15); Доярки (10); Камаки (18); Чировое (51); Усть-Белая (72); Чикаево (74); Уэлен (119).

Группа VII

VII — 6 Ушки (подъемный); Ушки-II (2), слой V; Култук (5); Елизово (42); Камчатка (подъемный); Николка (16).

VII — 7 Доярки (10); Чини (110).

VII — 8 Ушки-I (1), слой I; Ушки-II (2), слой III; Усть-Белая (72); Чикаево (74).

VII — 9 Ушки (подъемный); Ушки-II (2), слой II; Домашнее озеро (7); Раковая (45); Букрич (18); Николка (16).

VII — 10 Мишенная сопка (43).

VII — 11, 12. Ушки-I (1), слой I; Ушки-I (1), слой V; Ушки-I (1), слой VI; Ключи (12, 13); Усть-Белая (подъемный); Амгуэма, 102 км (79); Усть-Белая (72).

Ножи шлифованные, табл. 5

Группа VIII

VIII — 1 Ушки-I (1), слой V; Нунямо (109); Нешкап (140); Ванкарем (подъемный); Четтун (124); Чини (110); Уэлен (сборы Арутюнова, Сергеева)

VIII — 2 Чикаево (74); Чини (110); Нунямо (109).

VIII — 3 7-й причал (105); Чикаево (74); Нунямо (109); Утэн (122); Ванкарем

(148—152) (подъемный); Инчоун (120); Чегитун (126); Чини (110); Уэлен (119).

VIII — 4 Ушки (подъемный); Ушки-I (1), слой VI; Букрич (18); 7-й причал (105); Чикаево (74); Чегитун (126); Четтун (124); Чини (110); Ключин (146—147); М. Шмидта (158); Уэлен (119).

VIII — 5 Иколиврунвеем (133—134); Сиреники (106); Чини (110); Уэлен (сборы Арутюнова, Сергеева).

Группа VIII

VIII — 6 Букрич (18); Старый острог (42) (Елизово, сборы Герца); Чини (103); Ванкарем (148—152), подъемный.

VIII — 7 Энмынытныц (115—117).

VIII — 8 Чини (110).

VIII — 9 Чини (110); Уэлен (119).

VIII — 10 Чегитун (126); Уэлен (119).

VIII — 11 Мыс Дежнева (173).

VIII — 12 Усть-Белая (72); Четтун (124); Ванкарем (148—152); Чини (110); Уэлен (119).

VIII — 13 Чини (110).

VIII — 14 Авача (46) (по Руденко).

VIII — 15 Чини (110); Энмынытныц (115—117); Утэн (122); Уэлен (119) (сборы Арутюнова, Сергеева).

VIII — 16 Чини (110); Нунямо (109).

VIII — 17 Чини (110).

VIII — 18 Чини (110).

VIII — 19 Ушки-I (1), слой I; Ушки-I, слой V; Ушки-I (1), слой VI; Четтун (124).

VIII — 20 Ушки-II (2), слой II; Чини (110); Инчоун (120); Яндогай (107); Иколиврунвеем (133—134).

VIII — 21 Первоуреченск (343); Чини (110); Сиреники (106); Энмынытныц (115—117).

VIII — 22 Уэлен (119).

VIII — 23 Ушки-I (1), слой VI; Ушки-IV (3), слой V; Мишенная сопка (43); Чини (110).

VIII — 24 Чини (110);

VIII — 25 Камаки (18) (сборы Крама-

- ренко); Вакарево (53); Уэлен (119) (сборы Арутюнова, Сергеева).
- VIII — 26 Ключи (12, 13); Камаки (18); Казачье (20—37); Нунямо (109); Чини (110).
- VIII — 27 Чини (110); Нунямо (109); Уэлен, 119 (сборы Арутюнова, Сергеева).
- VIII — 28 Чини (110).
- VIII — 29 Чини (110).
- VIII — 30 Чини (110).
- VIII — 31 Чини (110).
- VIII — 32 Чини (110).
- VIII — 33 Чини (103).
- VIII — 34 Энмынытвын (115).
- VIII — 35 Уэлен (119).
- VIII — 36 Чини (110); Энмынытвын (115—117).
- VIII — 37 Уэлен (119).
- VIII — 38 Козыревск (8); Нунямо (109); Чини (110); Сиреники (106); Илитлен (139); Уэлен (119).
- VIII — 39 Авача (46); Нунямо (109); Чини (110).
- VIII — 40 Чини (110).
- VIII — 41 Наукан (172); Ванкарем (148—152); Уэлен, 119 (сборы Арутюнова, Сергеева).
- VIII — 42 Нунямо (109); Сиреники (106).
- VIII — 43 Амгуэма (81); Ванкарем, пункт IV (151).
- VIII — 44 Нунямо (109).
- VIII — 45 Чукотский полуостров (по С. И. Руденко).
- VIII — 46 Энмылен (183); Сиреники (106).
- VIII — 47 Чини (110).
- VIII — 48 Уэлен, 119 (сборы Арутюнова, Сергеева).

Скребки и скребла (табл. 6—7)

Все скребки и скребла из древних культур Камчатки и Чукотки распределены нами по 12 группам, которые составляют несколько следующих более общих групп: концевые скребки (группы I и II, V, VI), комбинированные орудия на основе концевых скребков (группы III и IV), прочие скребки и скребла на отщепах (группы VII, VIII, IX, X), скобели (XI), выемчатые скребки (XII), скребла или гладильные инструменты, ложила. Рассмотрим их последовательно.

В группе I представлены более или менее удлиненные концевые скребки на ножевидных пластинках (1, 2, 5, 6, 7), треугольные (8), грушевидные (11), трапецевидные (12, 13), неправильной вытянутой формы (15—18), округлые и треугольные микроскребки (23, 24), кнопчато-черешковые (25) и просто черешковые скребки. Общая особенность всех скребков этой группы, помимо того, что все они концевые, состоит также и в том, что их продольный профиль вогнутый с внутренней стороны, вследствие чего ими работали «на себя».

В группе II входят почти те же формы концевых скребков, но все они имеют в отличие от скребков группы I прямой продольный профиль, вследствие чего ими, вероятно, работали преимущественно «от себя». Сюда входят скребки на пластинках (1—5), грушевидные (9—11), трапецевидные (12—14), продолговатые неправильных очертаний (15—17), усеченно-овальные (18), трапецевидные с рабочим краем с узкой стороны (19), подквадратные (20, 21, 22), округлые и треугольные микроскребки (23, 24), черешковые (26).

В группе III объединены все разновидности комбинированных орудий, сделанных на основе концевых скребков с вогнутым продольным профилем (удобных для работы «на себя»). Это скребки с режущим-углом, более или менее выступающим на одной стороне скребкового лезвия (1—6) или с режущим углом с противоположной стороны лезвия скребка (9, 10, 11, 12, 13, 14, 15), с приостренным режуще-скребущим лезвием (16—23), а также скребков-проколка (27).

В группу IV входят такие же комбинированные орудия, но только на основе концевых скребков с прямым продольным сечением (удобных для работы «от себя»): с ушками по краям лезвия (1—6), своеобразные орудия режуще-скребкового назначения с одним (7) и двумя (8) поперечными лезвиями, с задним режущим выступом (9) и с приостренным режуще-скребущим лезвием (19—23), очень удобным для выскребания продольных желобков.

Группы V—VI скребков и комбинированных орудий отличаются двусторонней обработкой и, как следствие этого, двусторонне выпуклым продольным сечением (что, очевидно, особенно удобно для работы «от себя»). К ней относятся грушевидные скребки (V, 1—3), с боковым режущим выступом-углом (V, 4—5), с сужающимся лезвием (V—6), подквадратные (V—7), округлые (V—8) и треугольные (V—9), микроскребки, грушевидные микроскребки (V—10), продолговатые прямоугольные (V—11), овальные (V—12), черешковые симметричные (V—13, 14) и асимметричные (VI—1, 2), плоские с прямым лезвием (VI—3) и (VI—4), подковообразные (VI—5).

Группа VII состоит из различных скребков на отщепах (1—16).

В группу VIII входят скребки на галечных сколах, еще сохранивших галечную корку (1—17, 22, 23). Некоторые из них подправлены ретушью по рабочему краю (1, 3—8, 10, 11, 14—17), у других скребков лезвие вовсе не имеет никакой подправки (2, 9, 12). В эту группу входят также и скребла, сделанные из более массивных галечных сколов с остатками поверхностной корки (17—32). Некоторые из них также не имеют никакой подправки по рабочему краю (27, 28). Все они различаются формой, положением рабочего лезвия, степенью сохранности галечной корки.

Группа IX тоже состоит преимущественно из скребел (1—18). Они обработаны гораздо более тщательно и не сохранили никаких остатков галечной корки. Общая особенность этой группы также и в том, что они имеют одностороннюю обработку, со стороны «спинки» массивного отщепа, а «брюшко» образует слегка вогнутую (4, 8, 9, 16) или прямоугольную (все остальные) внутреннюю плоскость орудия, удобную для работы «на себя» или «от себя».

В группе X скребла и скребки имеют двустороннюю обработку. Они различаются по величине, форме и положению рабочего края (1—10).

К группе XI мы условно относим скребловидные орудия разного вида, которые могли, очевидно, служить скобелями (1—8). Весьма своеобразной формой среди них являются трехгранные массивные орудия со следами галечной корки на их концах (8).

Группа XII представлена различного рода выемчатыми скребками (1—9). Некоторые из них на ножевидных пластинах (№), другие на слегка обработанных отщепах (2—6, 8, 9), третьи имеют вид тщательно обработанных двусторонней отжимной ретушью фигурных камней (7).

В группе XIII мы помещаем в общем не совсем еще понятные инструменты наподобие гладильников, которые только условно можно относить к скреблам (1—5). Они сделаны преимущественно из продолговатых массивных сколов и рабочие их края часто с явной залощенностью закруглены и расположены на одном из узких концов (2—4). Своеобразной формой этой группы является небольшой залощенный инструмент, который в отличие от остальных употребляется, вероятно, насаженным на рукоять (5).

Группа I

- I — 1 Ушки-I (1), слой I; Домашнее озеро (6); Карагинский (292); Курильское (303); Усть-Белая (72); Якитики (93); Увеснования (57).
- I — 2 Ушки-I (1), слой I; Ушки-II (2), слой I.
- I — 5 Домашнее озеро (7); Старая сопка (15).
- I — 6 Ушки-II (2), слой II; Ушки-II (2), слой V; Сивуйский (303) (ГИМ).
- I — 7 Елизово (42); Чини (110).
- I — 8 Чини (110); Усть-Белая (72).
- I — 11 Ушки-II (2), слой II; Ушки-II (2), слой V; Елизово (42); Старая сопка (15); Кавран (323); Николка (16); Сивуйский (303) (ГИМ); Налычево (253—255) (ГИМ).
- I — 12 Мишенная сопка (43) (сборы Орловой); Усть-Белая (72); Уэлен (сборы Арутюнова, Сергеева).
- I — 14 Уэлен (сборы Арутюнова, Сергеева).
- I — 15 Усть-Белая (72), курган 15.
- I — 16 Домашнее озеро (7); Козыревск (8); Доярки (10); Кирпичная (44); Ключи (13); Казачье (20—37); Усть-Белая (72); Чини (110); Осиновая коса (64); Сиреники (106).
- I — 17 Ушки-I (1), слой I; Ушки-II (2), слой IV; Елизово (42); Чикаево (74); Култук (5); Осиновая сопка (66); Усть-Белая (72).
- I — 18 Ушки-I (1), слой VI; Николка (16).
- I — 24 Елизово (42); Авачинская губа (по С. И. Руденко); Кавран (323); Раковая (45); Курильское (303); Усть-Белая (72); Айон (160—165).
- I — 25 Усть-Белая (72).
- I — 26 Авачинская губа (по С. И. Руденко); Усть-Белая (72).
- I — 28 Чини (110).

Группа II

- II — 1 Ушки-II (2), слой IV; Домашнее озеро (7); Усть-Белая (72).
- II — 3 Ушки-I (1), слой V; Сивуйский (303) (ГИМ).

- II — 4 Ушки-I (1), слой I; Ушки-I (1), слой VI; Ушки-II (2), слой IV; Ушки-II (3), слой V; Чини (110).
- II — 5 Старая сопка (15).
- II — 9 Эльгыгтыгын (188).
- II — 10 Ушки-I (1), слой V; Камаки (18).
- II — 11 Ушки (подъемный); Ушки-II (2), слой V; Ключи (12—13); Камаки (18); Курильское (303); Налычево (253—255) (ГИМ); Старый острог (42) (Елизово, сборы Герца).
- II — 12 Камаки (18); Усть-Белая (72); Чикаево (74); Чини (110); Мишенная сопка (43) (сборы Орловой).
- II — 13 Ушки-II (1) (подъемный); Старый острог (42) (Елизово, сборы Герца); Энмыныттын (115—117); Пенжина (49); Уэлен (119), сборы Арутюнова, Сергеева.
- II — 15 Ушки-I (1), слой VII; Ключи, пункт 3 (13); Камешки (58); Елизово (42).
- II — 16 Курильское (303); Кавран (323); Сивуйский (303) (ГИМ); Усть-Белая (72); Сиреники (106); Чини (110).
- II — 17 Усть-Белая (72); курган 8.
- II — 18 Ушки-I (1), слой I; Ушки-II (2), слой V; Ушки-I (1), слой VI; Камаки (18); Ключи (13); Домашнее озеро (7); Кирпичная (44); Усть-Белая (72); Чикаево (74); Чини (110).
- II — 19 Ушки-IV (3), слой V; Чировое (51); Чини (110); Пенжина (49).
- II — 20 Тарья (282—284); Елизово (42); Чировое (51); Чини (110).
- II — 21 Сиреники (106); Чини (110).
- II — 23 Ушки-I (1); слой I; Ушки-I (1), слой V; Ушки-I (1), слой VI; Осиновая коса (64).
- II — 24 Елизово (42); Авачинская губа (по С. И. Руденко); Кавран (323); Раковая (45); Курильское (303); Усть-Белая (72); Айон (165).
- II — 25 Ушки-I (1), слой VI; Усть-Белая (72).
- II — 27 Кирпичная (44); Кулка (328); Чини (110).

Группа III

- III — 1 Ушки-I (1), слой I; Кирпичная (44); Чини (100).
III — 2 Козыревск (8).
III — 4 Раковая (45).
III — 5 Чини (110).
III — 6 Усть-Белая (72); курган 5.
III — 9 Камаки (18).
III — 10 Ушки (подъемный); Чировое (51); Красино (70); коса 4.
III — 11 Ушки-I (1), слой VI.
III — 12 Тарья (282—284); Усть-Белая (62); Чини (110).
III — 13 Усть-Белая (72), курган 8.
III — 14 Ключи (13); Усть-Белая (72); Чини (110).
III — 15 Ключи (13); Застойчик (6); Домашнее озеро (7).
III — 16 Ушки-I (1), слой I; Камаки (18); Усть-Белая (72).
III — 17 Култук (5); Домашнее озеро (7).
III — 18 Застойчик (6).
III — 19 Ключи (13).
III — 22 Камаки (18); Усть-Белая (72); Чикаево (74).
III — 23 Камаки (18).
III — 27 Елизово (42); Камчатский музей (подъемный).

Группа IV

- IV — 1 Чикаево (74); Чировое (51); Чини (110).
IV — 2 Кирпичная (44); Курильское (303).
IV — 3 Тарья (282—284).
IV — 5 Ушки-I (подъемный); Старая сопка (15); Чини (110).
IV — 6 Николка (16); Мишенная сопка (43); Снежное (55).
IV — 7 Ушки-I (1), слой V; Ушки-II (2), слой I; Домашнее озеро (7); Кирпичная (44); Усть-Белая (72); Чини (110); Чикаево (74).
IV — 8 Ключи (13); Чини (110).
IV — 9 Чировое (51).
IV — 19 Ключи (13); Камаки (18); Усть-Белая (72); Чикаево (74); Чини (110).
IV — 20 Ключи (13).

- IV — 21 Ключи (13); Доярки (10); Усть-Белая (72).
IV — 23 Старая сопка (15); Култук (5); Усть-Белая (72); курган 8.
IV — 24 Доярки (10).

Группа V

- V — 1 Домашнее озеро (7); Сивуйский (303); Налычево (253—255) (ГИМ); Чини (110).
V — 2 Пенжина (49); Налычево (253); Сивуйский (303) (ГИМ).
V — 3 Чикаево (74); Усть-Белая (72).
V — 4 Ушки-IV (3); слой V.
V — 5 Ключи (13); пункт 3; Уэлен (119).
V — 6 Ушки-IV (3), слой V; Чикаево (74).
V — 7 Николка (16); Чировое (51).
V — 8 Усть-Белая (72); Чини (110); Уэлен (119).
V — 9 Усть-Белая (72); курган 15.
V — 10 Авачинская губа (по С. И. Руденко).
V — 11 Ушки-I (1), слой I.
V — 12 Камаки (18); Усть-Белая (72).
V — 13 Чини (110); Эльгыгытгын (188).
V — 14 Усть-Белая (72); Осиновая коса (64); Чини (110); Усть-Палана (302).

Группа VI

- VI — 1 Осиновая коса (64).
VI — 2 Усть-Белая (72), курган (8).
VI — 3 Мишенная сопка (43); Усть-Майн (54); Чировое (51); Чикаево (74).
VI — 4 Камчатский музей (подъемный).
VI — 5 Чикаево (74).

Группа VII

- VII — 1 Ушки-I (1), слой VI; Ушки-II (2), слой V; Усть-Белая (72).
VII — 2 Ушки-I (1), слой I; Николка (16); Чикаево (74); Усть-Белая (72).
VII — 3 Елизово (42); Красино (67); Усть-Белая (72); Осиновая сопка (66); Осиновая коса (64).
VII — 4 Ушки-I (1), слой VI; Усть-Белая (72); Осиновая коса (64); Чини (110).
VII — 5 Ушки-I (1); (подъемный); Старая сопка (15); Ключи (13); Кирпичная (44); Усть-Белая (72); Айон

- (165); р. Красенькая (сборы Гондатти).
- VII — 6 Манилы (49); Укинская губа (220); Чикаево (74); Чини (110).
- VII — 7 Елизово (42); Домашнее озеро (7); Усть-Белая (72); Чикаево (74).
- VII — 8 Усть-Белая (72); Чировое (51); Амгуэма, 120 км (83); Амгуэма, 145 км (88); Осиновая коса (64).
- VII — 9 Ушки-I (1), слой V; Ушки-I (1), слой VI.
- VII — 10 Ушки (подъемный); Ушки-I (1), слой I; Ушки-I (1), слой V; Домашнее озеро (7); Застойчик (6); Елизово (42); Кирпичная (44); Усть-Белая (72); Чировое (51); Чикаево (74); Чини (110).
- VII — 11 Старая сопка (15); Камаки (18); Усть-Белая (72); Чини (110).
- VII — 12 Ушки (подъемный); Домашнее озеро (7); Ключи (подъемный); Кирпичная (44) (подъемный); Тарья (282—284); Усть-Майн (54); Чикаево (74).
- VII — 13 Камаки (18); Осиновая коса (64); Чини (110).
- VII — 14 Ушки-I (1), слой I; Николка (16); Доярки (10); Домашнее озеро (7).
- VII — 15 Домашнее озеро (7); Чикаево (74); Краснено (67); Осиновая коса (64); Вилка II (60).
- VII — 16 Вакарево (53).

Группа VIII

- VIII — 1 Чикаево (74).
- VIII — 2 Ушки-I (1), слой VI; Усть-Белая (72); Чикаево (74); Осиновая сопка (66); Осиновая коса (64).
- VIII — 3 Чикаево (74); Усть-Белая (72); Осиновая коса (64).
- VIII — 4 Чировое (51); Усть-Белая (72); Колучин (146—147); Осиновая коса (64); Краснено (67); 7-й причал (98); Канчалан (189); Карага (216) (сборы Гондатти).
- VIII — 5 Чикаево (74); Осиновая коса (64); Чировое (51).

- VIII — 6 Чикаево (74); Осиновая коса (64).
- VIII — 7 Чикаево (74).
- VIII — 8 Вилка (59—60); Осиновая коса (64).
- VIII — 9 Чикаево (74); возле Осиновой косы (64).
- VIII — 10 Чировое (51).
- VIII — 11 Осиновая коса (64).
- VIII — 12 Чикаево (74); Усть-Белая (72); Осиновая сопка (66); Снежное (55); Анакатары (62); Осиновая коса (64); Красино, коса 4 (67).
- VIII — 13 Чировое (51).
- VIII — 14 Усть-Белая (72); Вакарево (53); 7-ой причал (105).
- VIII — 15 Канчалан (189).
- VIII — 16 Канчалан (189).
- VIII — 17 Канчалан (189).
- VIII — 18 Утесики, низ (61).
- VIII — 19 Чикаево (74).
- VIII — 20 Чировое (51); Чикаево (74); Усть-Белая (72).
- VIII — 21 Чикаево (74).
- VIII — 22 Чикаево (74); Чини (110).
- VIII — 23 Чикаево (74); Краснено (67); Осиновая коса (64).
- VIII — 24 Сивуйский (303) (ГИМ); Мишенная сопка (43) (сборы Орловой).
- VIII — 25 Сивуйский (303) (ГИМ); Красино, коса 4 (67).
- VIII — 26 7-ой причал (98); Чикаево (74); Осиновая коса (64); Усть-Белая (72); Канчалан (189).
- VIII — 27 Осиновая коса (64).
- VIII — 28 7-ой причал (105); Чикаево (74); Осиновая коса (64).
- VIII — 29 Курильское озеро, Сивуйский (303) (ГИМ); Канчалан (189).
- VIII — 30 Доярки (10); Чировое (51).
- VIII — 31 Ушки-II (2), слой III; Доярки (10); Чикаево (74).
- VIII — 32 Чикаево (74).

Группа IX

- IX — 1 Ушки-I (1), слой VI; Ушки-I (1), слой VII; Култук (5); Чировое (51); Канчалан (189); Якитики (93); Кра-

- сино, коса I (68); Осиновая коса (64); Айон (163); Уэлен (сборы Арутюнова, Сергеева).
- IX — 2 Ушки-I (1), слой I; Ушки-I (1), слой VI; Ушки-I (подъемный); Зеленый мыс (47); Канчалан (184); Уэлен, 119 (сборы Арутюнова, Сергеева).
- IX — 3 Ушки-I (1), слой I; Чикаево (74); Краснено (67) (сборы Нарышкина); Уэлен (сборы Арутюнова, Сергеева).
- IX — 4 Канчалан (189).
- IX — 5 Ушки-I (1), слой I; Ушки-I (1), слой VI.
- IX — 6 Ушки (подъемный); Ушки-I (1), слой I; Ушки-II (2), слой I; Чикаево (74); Пенжина (49); Канчалан (189).
- IX — 7 Пенжина, Манилы (49); Красное (67); Канчалан (189); Чикаево (74).
- IX — 8 Осиновая коса (64); Красное (67) (сборы Нарышкина).
- IX — 9 Утесики (61); Чикаево (74); Анакоттары (62); 7-ой причал (98); Амгуэма, 153 км (91); Амгуэма, 160 км (92).
- IX — 10 Сивуйский (303) (ГИМ); Усть-Белая (64); Красное (67) (сборы Нарышкина); Канчалан (189); Осиновая коса (64).
- IX — 11 Чикаево (74).
- IX — 12 Пенжина (49); Утесики (61); Красное (64) (сборы Нарышкина).
- IX — 13 Ушки-I (1), слой I; верховья р. Сопочной (сборы Орловой) (319а); Усть-Белая (72); Уэлен (119).
- IX — 14 Осиновая коса (64).
- IX — 15 Чикаево (74); Усть-Белая (72); Осиновая коса (64).
- IX — 16 Ушки-I (1), слой I; Ушки-I (1), слой VII; Осиновая коса (64); Краснено (67); Чини (110); Уэлен (119).
- IX — 17 Ушки-I (1), слой VI; Осиновая коса (64); Чировое (51); Чини (110).
- IX — 18 Ушки-II (2), слой V; Чини (110).

Группа X

- X — 1 Сиреники (106).
- X — 2 Канчалан (189); Уэлен, 119 (сборы Арутюнова, Сергеева).

- X — 3 Канчалан (189).
- X — 4 Ушки-I (1), слой I; Краснено (67); Канчалан (189); Уэлен, 119 (сборы Арутюнова, Сергеева).
- X — 5 Ушки-I (1), слой I; Застойчик (6); Снежное (55); Первореченск (343); Осиновая сопка (66).
- X — 6 Первореченск (343); Пенжина (49).
- X — 7 Култук (5); Усть-Белая (72); Осиновая коса (64).
- X — 8 Амгуэма, 102 км, стоянка 3 (80); Амгуэма, 102 км, стоянка 2 (79); Уэлен (119).
- X — 10 Усть-Белая (72); Чировое (51); Чикаево (74); Осиновая сопка (66); Осиновая коса (64); Красино, коса 4 (67); Чини (110); Уэлен (119).

Группа XI

- XI — 1 Мыс Дежнева (173).
- XI — 2 Ушки-II (2), слой V; Чини (110).
- XI — 3 Чукотский полуостров (по С. И. Руденко); Энмыныттын (115—117); Чини (110).
- XI — 4 Чукотский полуостров (по С. И. Руденко).
- XI — 5 Чикаево (74).
- XI — 6 Чикаево (74).
- XI — 7 Амгуэма, 102 км, стоянка 4 (81); Чикаево (74).

Группа XII

- XII — 1 Ушки (подъемный); Ушки-I (1), слой I; Домашнее озеро (7); Усть-Белая (72); Яктики (93); Чировое (51).
- XII — 2 Усть-Белая (72); Омрын (73); Краснено, коса 2 (69).
- XII — 3 Ушки-I (1), слой VI; Елизово (42); Чини (110); Сиреники (106).
- XII — 4 Домашнее озеро (7); Ключи (13); Николка (16); Кирпичная (44); Усть-Белая (72); Сиреники (106); Чини (110).
- XII — 5 Чини (110).
- XII — 6 Старый острог (42) (Елизово, сборы Герца); Осиновая сопка (66); Вакарево (53).
- XII — 7 Осиновая коса (64); Усть-Белая

(72); Чикаево (74); Краснено, коса I (68).

Группа XIII

XIII — 1 Ушки-IV (3), слой V; Уэлен (119).

XIII — 2 Ушки-I (1), слой V; Чини

(110); Уэлен, 119 (сборы Арутюпова, Сергеева).

XIII — 3 Ушки-I (1), слой I; Ушки-II (2), слой II; Усть-Белая (72).

XIII — 4 Уэлен (119).

XIII — 5 Чини (110).

Топоры и тесла (табл. 8)

Группу I этой категории орудий образуют топоры, отличающиеся от тесел симметричностью рубящего клина. Так же, как и все другие орудия этой категории, они различаются между собой общей формой в плане и формой поперечного сечения, а также характером обработки. Они овальные, треугольные, трапецевидные или прямоугольные, и поперечное сечение их либо линзовидное (1—5), либо более или менее овальное (6, 7), либо подпрямоугольное (8, 10—12). Некоторые из них целиком оббиты (1, 2, 5), или частично (3, 4, 12), остальные шлифованы.

Тесла составляют следующие пять условных групп (II—VI).

В группе II все тесла имеют прямоугольное поперечное сечение (1—14). Среди них преобладают прямоугольные (1, 2, 5—12), но есть и трапецевидные (1, 4), и почти треугольные (3). Оригинальными являются прямоугольные более или менее массивные тесла с уступом или выемкой с задней стороны обушка (5, 8, 13), а также с выпуклыми боковыми сторонами (13—14).

В группе III тесла имеют более или менее подтреугольное сечение (1—10). Они преимущественно удлиненной формы с заостряющимся обушком. Некоторые из них совсем не отшлифованы (1, 2, 4, 9, 10), другие шлифованы частично (3, 6, 8) и только три их разновидности отшлифованы по всей поверхности (5—7).

Группу IV составляют тесла с линзовидным сечением. Как правило, у них отшлифовано только лезвие. Они почти овальные (1), трапецевидны (2—4, 7), прямоугольны (5, 6) или подтреугольны (2, 3, 8—12). Среди последних имеются полностью двусторонне ретушированные тесла (8, 10, 11), некоторые из которых (10, 12) относятся к уникальным формам с желобчатым рабочим краем.

В группе V входят тесла с неправильно овальным или вообще атипичным поперечным сечением (1—12). Их фронтальные очертания часто тоже лишены геометрической правильности. Преимущественно они более или менее трапецевидны, хотя встречаются среди них и почти прямоугольные (4, 5), а также с вогнутыми сторонами (12).

Группу VI составляют тесла особого назначения с большим углом заточки рабочего лезвия (1—3). Они предназначены для работы по твердому материалу, например, по моржовому клыку. Они короткие и обушок у них сужается так, что явно предназначен для втульчатых рукоятей. Их поперечное сечение либо прямоугольное (1), либо неправильное (2), либо линзовидное (3). Последние две формы являются к тому же полностью или почти полностью ретушированными орудиями.

В группу VII входят различные долотовидные инструменты (1—12), более или менее продолговатые (1—7, 9), или совсем короткие и миниатюрные (8, 10—12). Две разновидности этих изделий наиболее уникальны (11, 12), имеют своеобразную миниатюрную форму и тщательно отретушированные выпуклые лезвия.

Группа I

- I — 1 Уэлен (сборы Арутюнова, Сергеева).
I — 2 Камчатский музей (подъемный материал); 7-ой причал (105); Усть-Камчатск (227) (сборы Каррэ); Уэлен, 119 (сборы Арутюнова, Сергеева).
I — 3 Чини (119); Чикаево (74); 7-ой причал (105).
I — 4 Старая сопка (15); Доярки (10); Пенжина (49).
I — 5 Чикаево (74); Николка (16); Ключи (13); Уэлен (119); Чини (110); Ванкарем, пункт III (150); Колючин (146—147).
I — 6 Кирпичная (44); Камаки (18); Николка (16); Камчатский музей (подъемный материал); Чикаево (74).
I — 7 Камешки (58); Козыревск (8); Камчатский музей (подъемный материал).
I — 8 Ушки-I (1); Козыревск (8); Камаки (18); мыс Шмидта (158).
I — 9 Южная Камчатка (ГИМ), из раскопок В. И. Иохельсона.
I — 10 Камчатка (сборы Логинова).
I — 11 Камчатка.
I — 12 Уэлен, 119 (сборы Арутюнова, Сергеева).

Группа II

- II — 1 Камчатка (сборы Логиновского).
II — 2 Камаки (18); Камчатка, Палана (333) (сборы Фельдмана).
II — 3 Николка (16); Усть-Белая (72).
II — 4 Ушки-I (1); Камчатский музей (подъемный материал); Николка (16); Доярки (10); Старый острог (42) (Елизово, сборы Герца); Камешки (сборы Крамаренко); Налычево (253—255) (ГИМ); Чини (110).
II — 5 Усть-Белая (72).
II — 6 Доярки (10); Ключи (13); Усть-Белая (72), курган 11.
II — 7 Усть-Белая (72), курган 9.
II — 8 Камаки (18); Усть-Белая (72).
II — 9 Камаки (18); Доярки (10); Усть-Белая (72).

II — 10 Усть-Белая (72).

II — 11 Усть-Белая (72).

II — 12 Камаки (18).

II — 13 Тарья? (282—284) (Владивостокский музей).

II — 14 Тарья? (282—284) (Владивостокский музей).

Группа III

- III — 1 Ключи (195) (окрестности поселка, сборы проф. Державина, Владивостокский музей).
III — 2 Камчатский музей (подъемный материал); оз. Дальнее.
III — 3 Кирпичная (44); Ключи (13); Камаки (18); Камчатский музей (подъемный материал); Мишенная сопка (43); Сивуйский (303); Налычево (253—255) (ГИМ).
III — 4 Ушки-II (2), слой V; Камчатский музей.
III — 5 Ушки-II (2); Сивуйский (303) (ГИМ); Тарья (284) (сборы Гурьева); Раковая (45); Старая сопка (15); Козыревск (8); Камчатский музей (подъемный материал); Кирпичное (44); Мишенная сопка (43); Сероглазка (262) (ГИМ).
III — 6 Ушки; Козыревск (8); Домашнее озеро (7); Кирпичная (44); Сивуйский (303) (ГИМ); Камаки (18) (сборы Крамаренко); Утхолк (325) (сборы Змиева).
III — 7 Ушки-II (2); Застойчик (6).
III — 8 Ушки (подъемный материал); Налычево (253—255) (ГИМ).
III — 9 Ушки-I (1).
III — 10 Ушки-II (2), слой IV; Усть-Белая (72), курган 10.

Группа IV

- IV — 1 Сивуйский (303) (ГИМ); Чикаево (74); Уэлен (119).
IV — 2 Уэлен, 119 (сборы Арутюнова, Сергеева).
IV — 3 Николка (16); Камчатский музей (подъемный материал); Кирпичная (44); Старый острог (42) (Елизово,

сборы Герца); Сероглазка (262), сборы Гондатти; Сивуйский (303), ГИМ; Козыревск (8); Камаки (18); Уэлен (119), сборы Арутюнова, Сергеева; Атарган (300).

IV — 4. Доярки (10); Кирпичная (44); Камчатский музей (подъемный материал); Сивуйский (303), ГИМ; Чикаево (74).

IV — 5. Камаки (18).

IV — 6. Усть-Белая (72).

IV — 7. Камаки (18); Усть-Белая (72).

IV — 8. Мишенная сопка (43), сборы Орловой; Чировое (51); Усть-Белая (72), курган (16).

IV — 9. Чикаево (74).

IV — 10. Кулка (328); Кавран (323), ГИМ; Сивуйский (303).

IV — 11. Сивуйский (303), ГИМ.

IV — 12. Южная Камчатка (по А. К. Пономаренко).

IV — 13. Орочан (374).

IV — 14. Орочан (374).

Группа V

V — 1. Орочан (374).

V — 2. Николка (16); Камаки (18); Старая сопка (15); Раковая (45); Камчатский музей (подъемный); Старый острог (42), Елизово, сборы Герца; Пенжина (49); Сивуйский (215), ГИМ; Энмынытныи (115—117); Атарган (380).

V — 3. Сивуйский (303), ГИМ; Чировое (51); Уэлен (119); Чегитун (126).

V — 4. Козыревск (8); Ключи (12); Налычево (153—155), ГИМ.

V — 5. Ключи (12, 13); Камаки (18); Петропавловск-Камчатский, окрестности, сборы Соковникова.

V — 6. Сивуйский (215) (ГИМ).

V — 7. Камаки (18); Николка (16); Козыревский совхоз (9); Старый острог (42) (Елизово, сборы Герца); Сивуйский (303) (ГИМ); Камчатка

(сборы Логиновского); Чикаево (74); Чини (110); Уэлен, 119 (сборы Арутюнова, Сергеева).

V — 8. Старая сопка (15); Камаки (18); Николка (16); Доярки (10); Козыревск (8); Сивуйский (303) (ГИМ); Чировое (51); Чини (110).

V — 9. Старая сопка (15); Камаки (18); Домашнее озеро (7); Доярки (10); Камчатский музей (подъемный); Сивуйский (303) (ГИМ); Чикаево (74); Чини (110); Нуңямо (109); Иколиврунвеем (133—134); Уэлен, 119 (сборы Арутюнова, Сергеева).

V — 10. Сивуйский (303) (ГИМ).

V — 11. Сивуйский (303) (ГИМ); Уэлен, 119 (сборы Арутюнова, Сергеева).

V — 12. Сивуйский (303) (ГИМ); Уэлен, 119 (сборы Арутюнова, Сергеева).

Группа VI

VI — 1. Энмынытныи (115—117); Уэлен, 119 (сборы Арутюнова, Сергеева).

VI — 2. Чини (110); Уэлен, 119 (сборы Арутюнова, Сергеева).

VI — 3. Чини (110).

Группа VII

VII — 1. Чини (110).

VII — 2. Елизово (42); Кирпичная (44); Тарья (282—284); Старая сопка (15).

VII — 3. Чини (110); Уэлен (119).

VII — 4. Камчатский музей (подъемный материал).

VII — 5. Старая сопка (15); Чини (110); Сешан (131).

VII — 6. Усть-Белая (72); Чини (110).

VII — 7. Камаки (18); Николка (16); Ключи (13) (подъемный материал); Большерецк (310) (сборы Гондатти); Чини (110).

VII — 8. Ушки-I (1), слой I.

VII — 9. Усть-Белая (72).

VII — 10. Ключи, пункт 3 (13).

VII — 11. Чировое (51).

VII — 12. Чировое (51).

Резцы (табл. 9)

Резцы группируются нами на пять групп.

Группу I составляют резцы на пожевидных пластинах: боковые (1—3), срединные (4, 5), клювовидные (6), угловые (7), фигурные (8, 9).

В группу II входят многогранные резцы с массивной часто нуклевидной или слегка оформленной ретушью рукоятью (1—5).

В группе III резцы боковые или срединные с уплощенной двусторонне обработанной ретушью рукоятью (1—5).

Резцы группы IV угловатые, боковые или срединные и все они на отщепках (1—7).

В группу V входят шлифованные резцы из твердых нефритоидных пород. Они угловые, боковые, угловые или срединные (1—8), иногда это просто кристаллы кварца (9).

Группа I

I — 1 Ушки-I (1), слой I; Домашнее озеро (6); Эльгыгитгын (183);

I — 2 Доярки (9); Усть-Белая (72); Чикаево (74); Амгуэма, 145 км (89);

I — 3 Ушки-II (2), слой III; Ключи (13); Домашнее озеро (6); Усть-Белая (72).

I — 4 Ушки-I (1), слой I; Чикаево (74); Чини (103).

I — 5 Ушки-II (2), слой IV; Ушки (подъемный); Застойчик (5); Домашнее озеро (6); Чикаево (74); Амгуэма, 102 км, стоянка IV (81); Камешки (58).

I — 6 Чировое (51).

I — 7 Култук (4).

I — 8 Якитики (93).

I — 9 Усть-Белая (72); курган 15.

Группа II

II — 1 Ушки-I (1), слой II; Усть-Белая (72); Увеснования (57); Чикаево (74).

II — 2 Чикаево (74).

II — 3 Чикаево (74); Чировое (51); Усть-Белая (72); Увеснования (57); Чини (103).

II — 4 Чикаево (74); Айоп (153).

II — 5 Усть-Белая (72); Чировое (51); Чикаево (74).

Группа III

III — 1 Ушки-I (1), слой I; Застойчик (5); Чировое (51); Усть-Белая (72).

III — 2 Ушки-I (1), слой I; Чировое (51); Камешки (58); Анакотрара (62).

III — 3 Усть-Белая (72); курган 9.

III — 4 Чикаево (74); Усть-Белая (72); Чировое (51).

III — 5 Камаки (18).

Группа IV

IV — 1 Усть-Белая (73).

IV — 2 Чикаево (74).

IV — 3 Елизово (42); Ключи (13); пункт 3; Застойчик (5); Николка (16); Усть-Белая (72); Чикаево (51); Увеснования (57); Осиновая сопка (66); Якитики (93); Осиновая коса (64).

IV — 4 Ушки-II (2), слой V; Чикаево (74); Якитики (93); Усть-Белая (72).

IV — 5 Ключи, пункт I (11); Застойчик (5); Усть-Белая (72); Чикаево (74); Осиновая сопка (66); Якитики (93); Вилка II (60).

IV — 6 Ушки-II (2), слой V; Камаки (18); Усть-Белая (72); Чировое (51); Амгуэма, 129 км (85); Айоп (154); Уэлен (112).

IV — 7 Чикаево (74); Усть-Белая (72).

Группа V

V — 1 Чини (103).

V — 2 Чини (103).

V — 3 Чини (103).

V — 4 Чини (103); Энмынытныч (108—110); Уэлен (112).

V — 5 Чини (103).

V — 6 Чини (103).

V — 7 Чини (103).

V — 8 Чини (103).

V — 9 Ванкарем I (141); Чини (103); Уэлен (112).

Проколки 10

Особой определенностью форм не отличаются. Среди их 15 разновидностей выделяются проколки с ретушированными рукоятями (4, 6, 11, 13) и Т-образные шпильки, вероятно, лабретные (15).

Группа I

I — 1 Ушки-I (1), слой VI; Ушки-II (2), слой III.

I — 2 Ушки-II (2), слой III; Камаки (18); Доярки (9); Чини (103).

I — 3 Ключи (13) (подъемный); Чини (103).

I — 4 Ушки-I (1), слой VI; Застойчик (5); Усть-Белая (72); Красное (68—70); Чикаево (74).

I — 5 Ушки-I (1), слой VI; Чикаево (74); Усть-Белая (72); Осиновая коса (64).

I — 6 Ушки (подъемный); Домашнее озеро (6); Елизово (42); Камаки (18);

Старая сопка (15); Чировое (51); Чини (103).

I — 7 Чикаево (51).

I — 8 Ключи (11—13) (подъемный); Осиновая сопка (66); Чировое (51).

Группа II

II — 1 Чини (103).

II — 2 Чини (103).

II — 3 Доярки (9); Чини (103); Уэлен (112).

II — 4 Уэлен (112).

II — 5 Чини (103).

II — 6 Уэлен (112).

II — 7 Домашнее озеро (6); Застойчик (5).

Таблицы 1—10

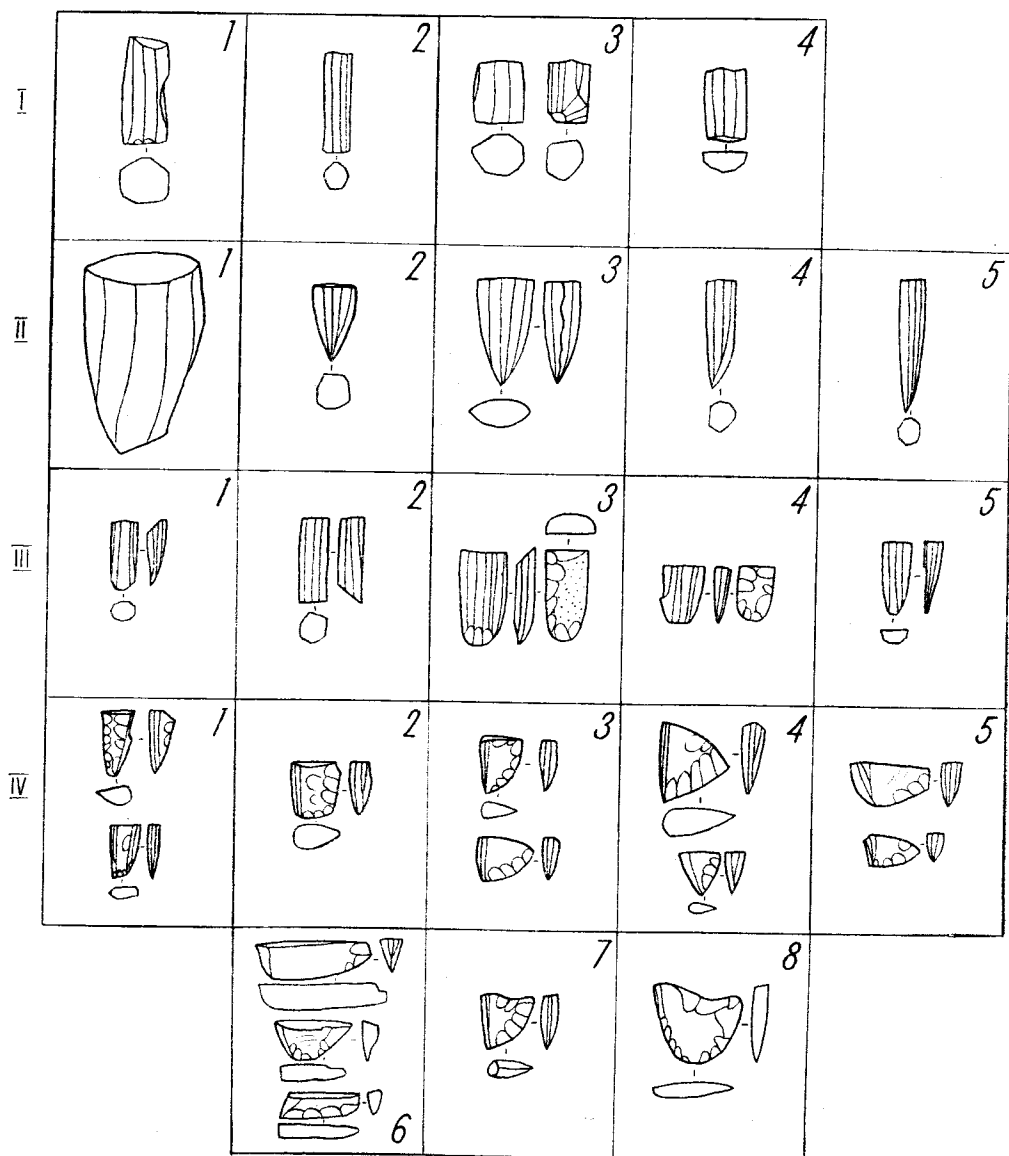
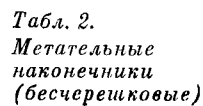

Табл. 1. Нуклеусы

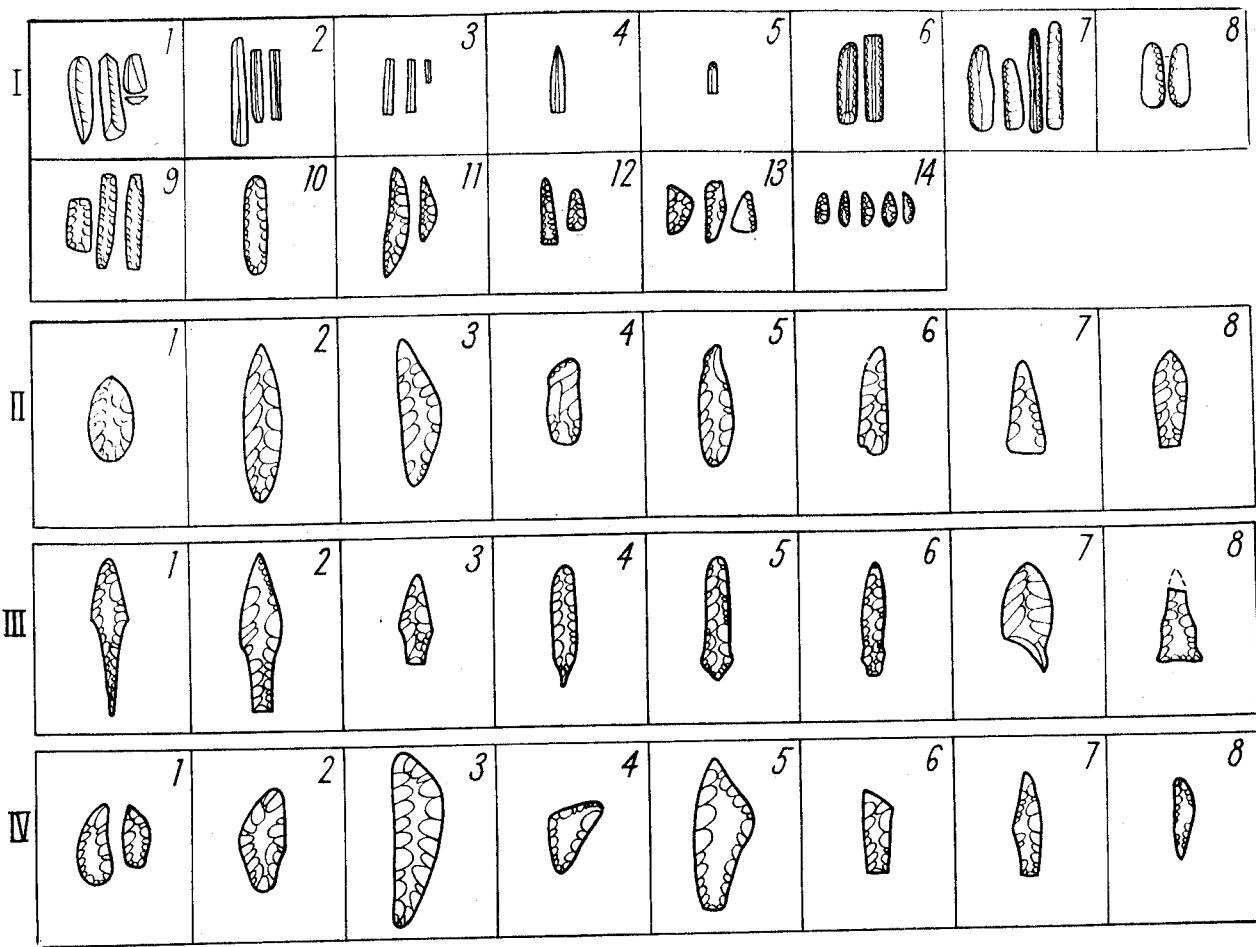

Табл. 4. Ножи, изготовленные техникой оббивки и отжима

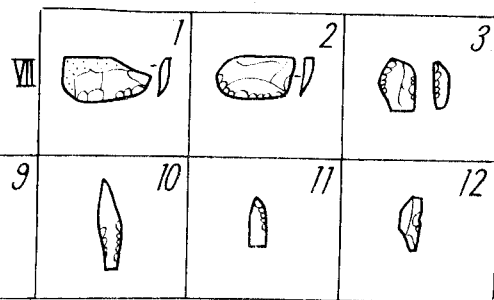
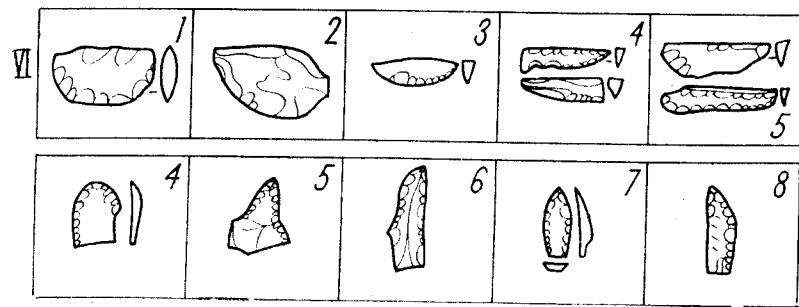
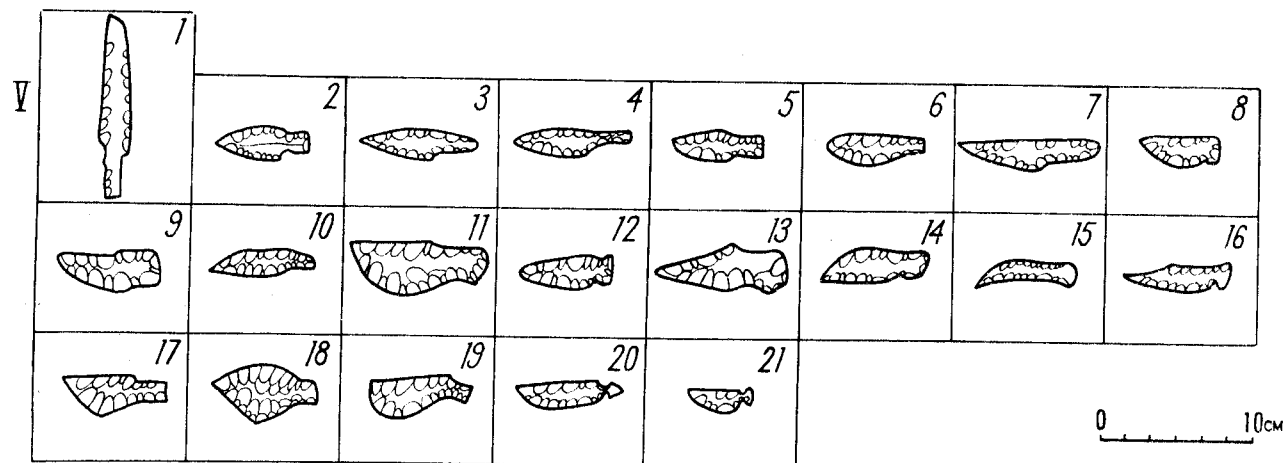

Табл. 4. (окончание)

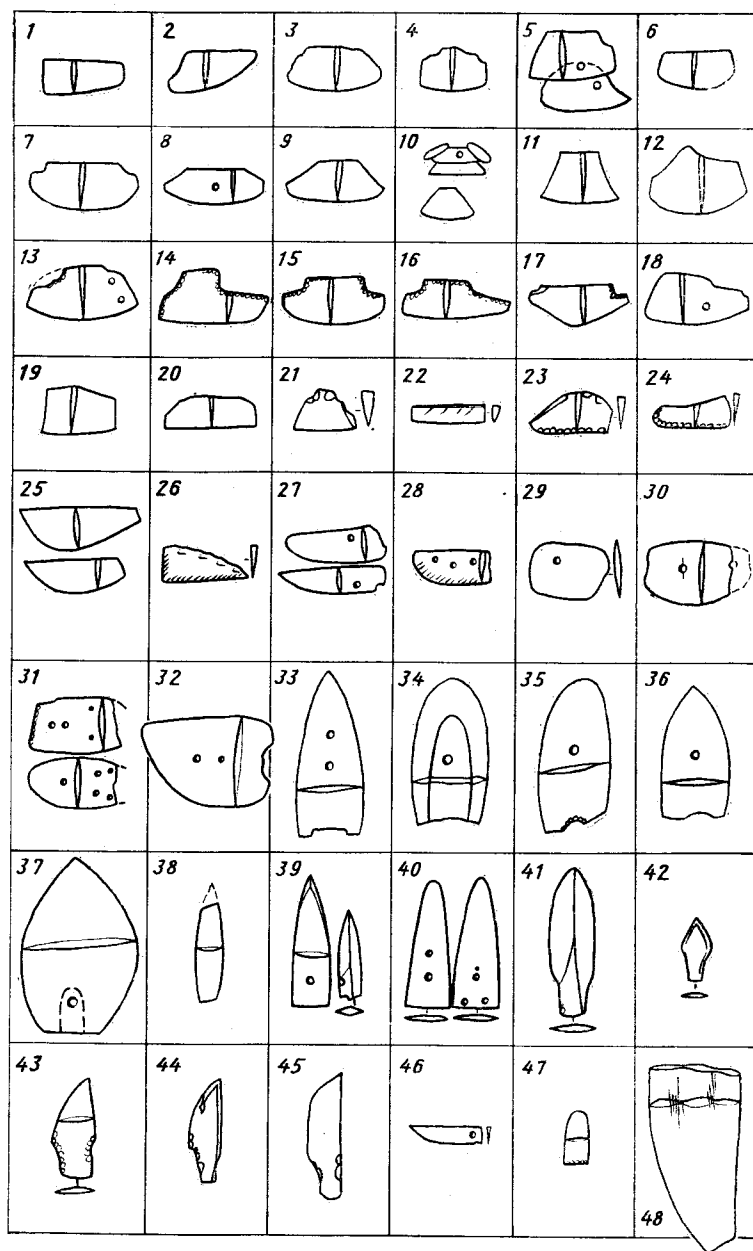

Табл. 5. Сланцевые шлифованные ножи (группа VIII)

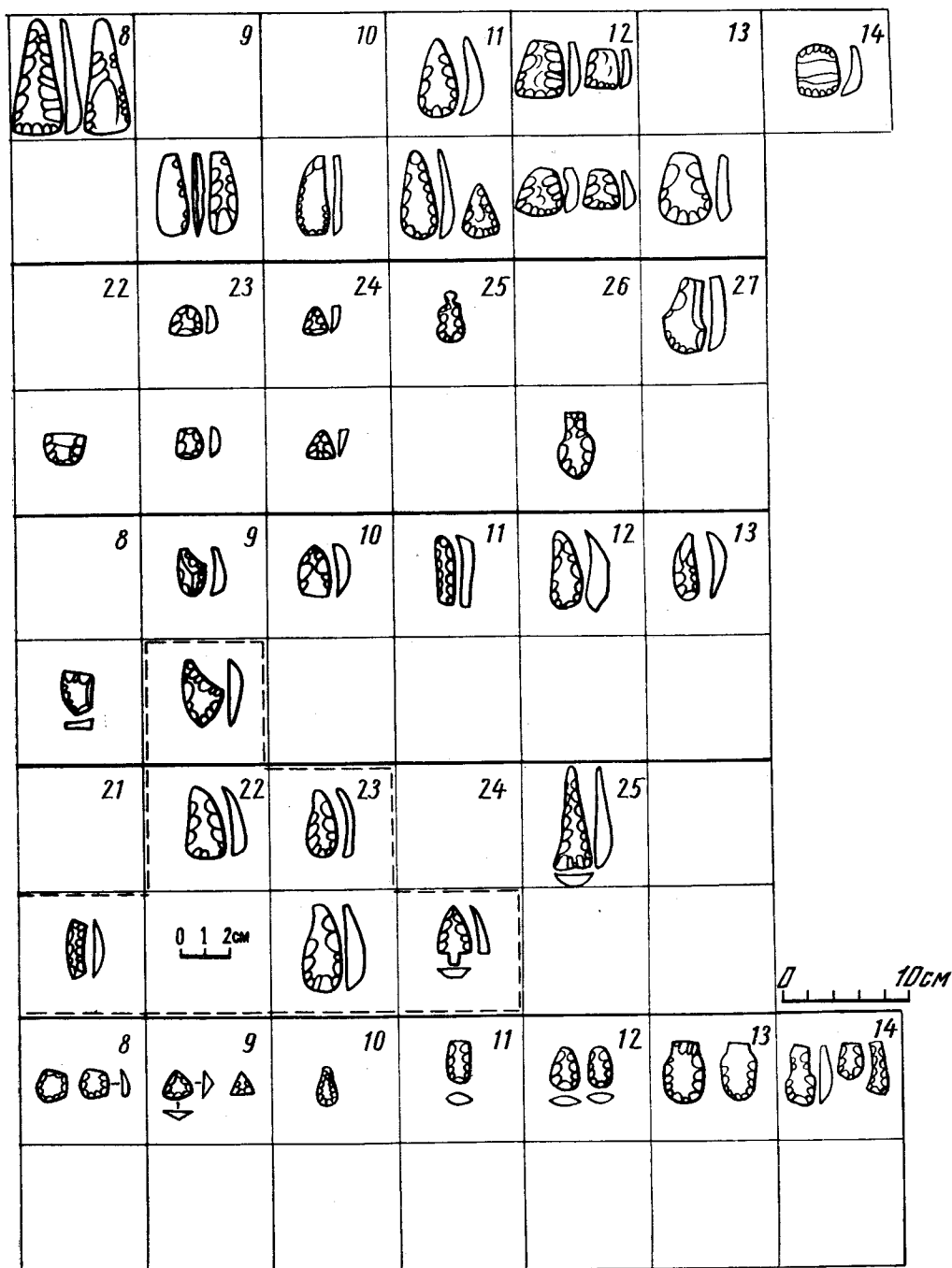
I	 1	 2	3	4	 5	 6	 7
	 15		 16	 17	 18		
II	 19	 20	 21	 22	 23	 24	 25
	 26	 27	 28	 29	 30	 31	 32
III	 1	2	 3	 4	 5	 6	7
	 38	 39	 40		 41	 42	 43
IV	 14	 15	 16	 17	 18	 19	20
						 50	 51
V	 1	 2	 3	 4	 5	 6	 7
	 1	 2	 3	 4	 5		
VI							

Табл. 6. Скребки концевые

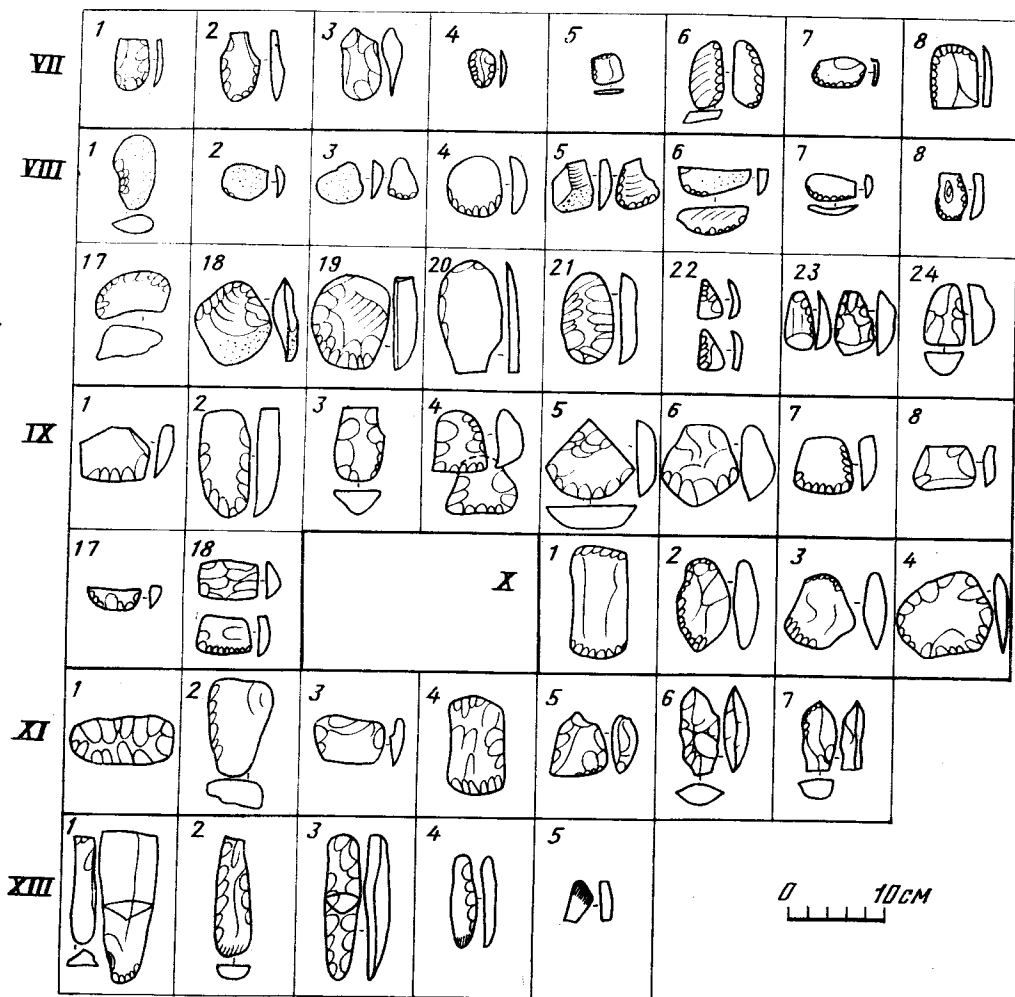
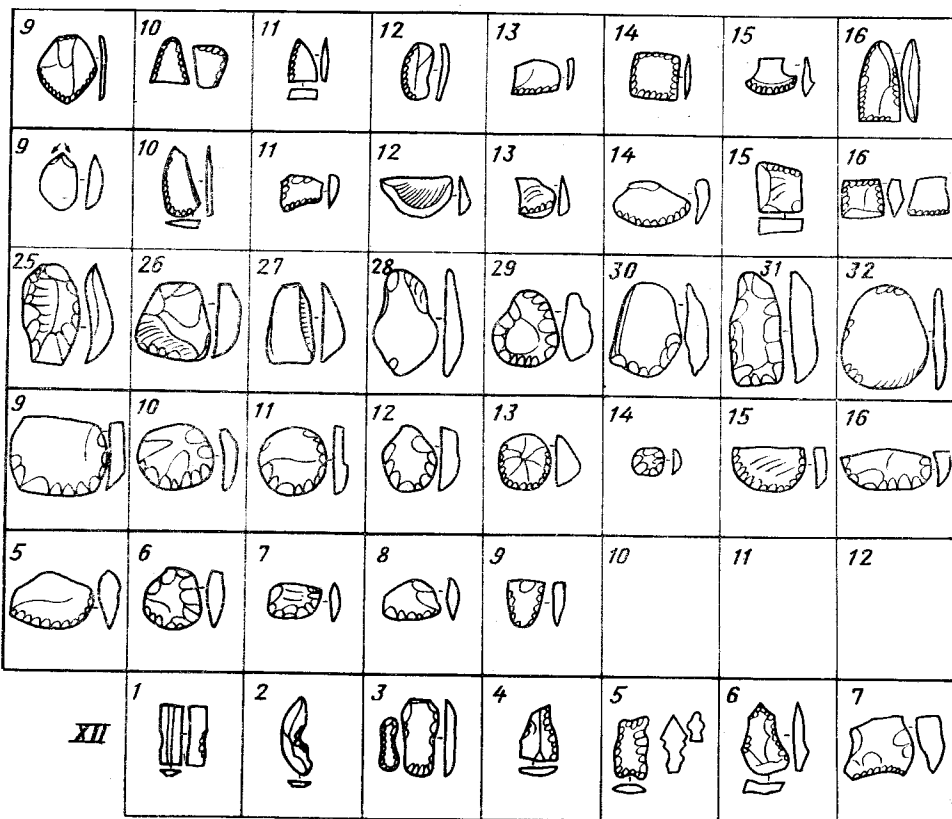

Табл. 7. Скрепки и скребла

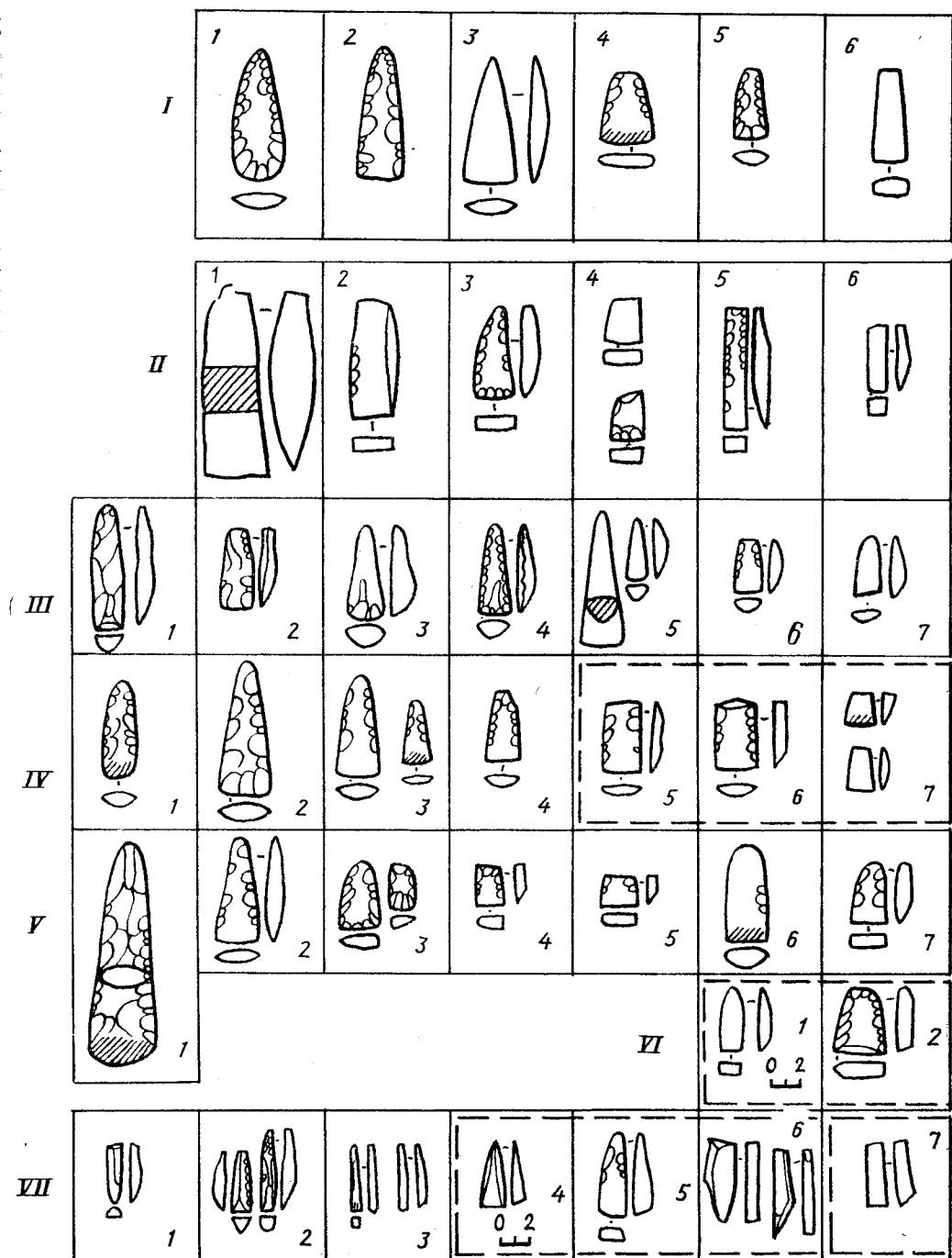
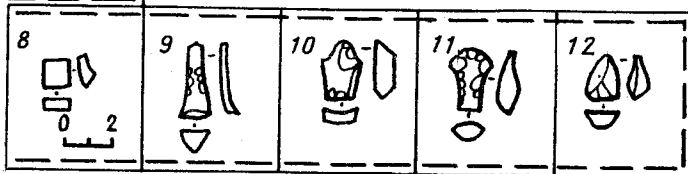
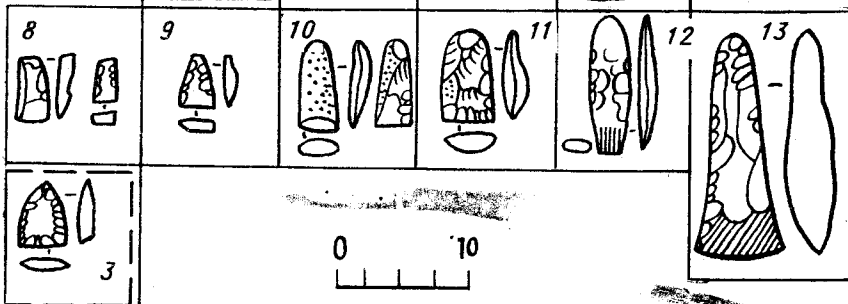
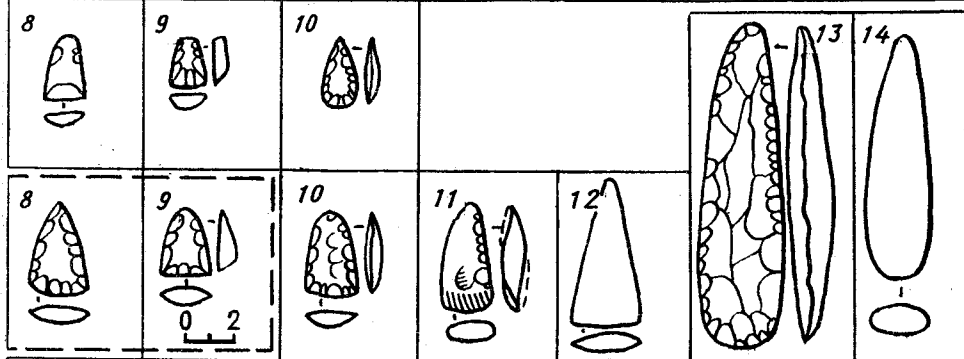
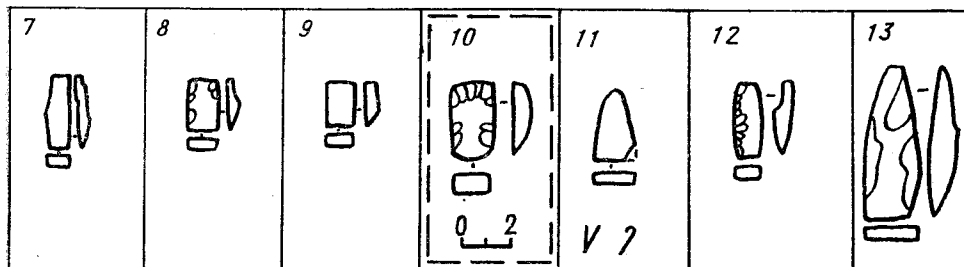
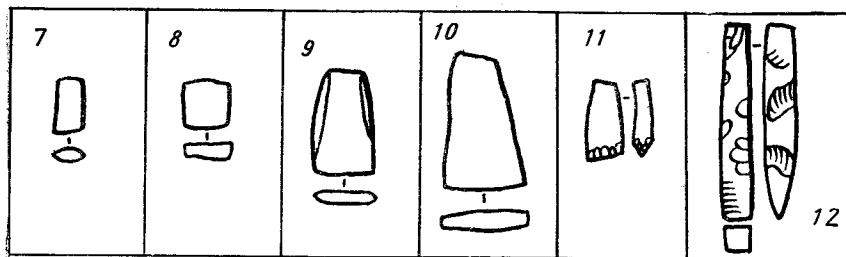

Табл. 8. Топоры и гесла

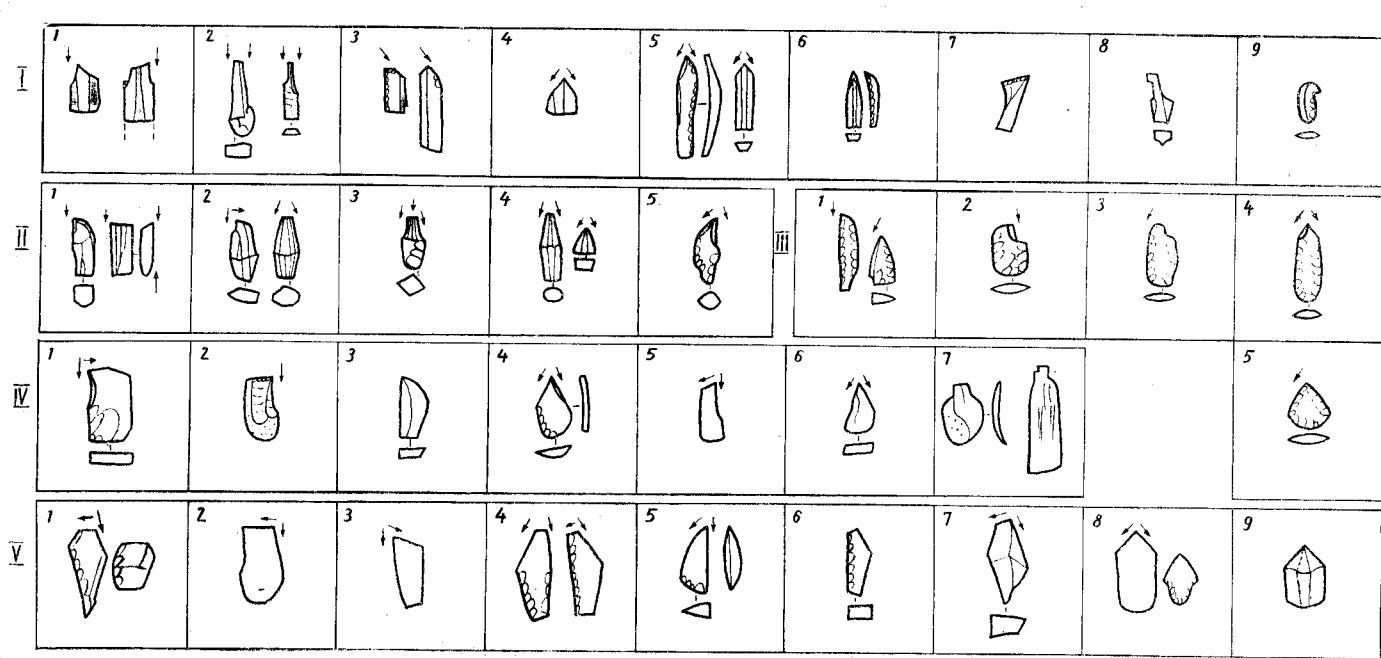
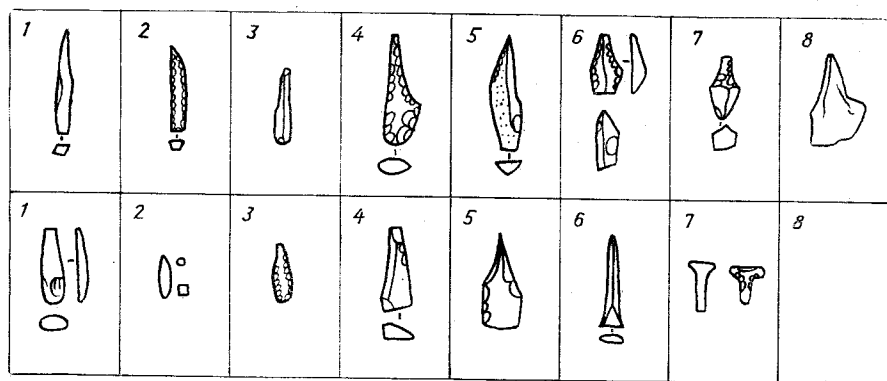

Табл. 9. Резцы

0 10 CM

Табл. 10. Проколки

- Абрамова З. А.* Красный яр — новая палеолитическая стоянка на Ангаре.— СА, 1962а, № 3.
- Абрамова З. А.* Раскопки палеолитических стоянок на речке Таштык в 1960 г.— КСИА, 1962б, вып. 92.
- Абрамова З. А.* Палеолитическое искусство на территории СССР (Археология СССР. Свод археологических источников). М.— Л., 1962в.
- Абрамова З. А.* Локальные особенности палеолитических культур Сибири.— В кн.: Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966.
- Абрамова З. А.* Периодизация палеолитических памятников Сибири.— В кн.: Проблемы изучения четвертичного периода. М., 1972а.
- Абрамова З. А.* К вопросу о культурных связях Азии и Америки в верхнем палеолите.— Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972б.
- Абрамова З. А.* К вопросу о культурных связях Азии и Америки в позднем палеолите — IX МКАЭН. М., 1973.
- Абрамова З. А.* Археологические культуры в верхнем палеолите Северной Азии и южносибирская культурная область.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.
- Аксенов М. П.* Стоянка Черемушник (к вопросу о месте бадайской культуры в каменном веке Прибайкалья).— В кн.: Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966а.
- Аксенов М. П.* Археологические исследования на многослойном памятнике Верхоянской гора в 1963—1965 гг.— В кн.: Отчеты археологических экспедиций за 1963—1965 гг. Иркутск, 1966б.
- Аксенов М. П.* Макарово II — многослойный памятник на Верхней Лене.— В кн.: Археологические открытия 1968 года. М., 1969.
- Аксенов М. П.* Комплекс археологических памятников в районе с. Макарово на Верхней Лене.— Известия Восточно-Сибирского отделения Географического общества СССР. Иркутск, 1971, с. 68.
- Алексеев А. Н.* Дикиндинское погребение (памятник Белькачинской неолитической культуры на Олёкме.— В кн.: Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975.
- Алексеев В. П.* К краниологии азиатских эскимосов.— Записки ЧОКМ, вып. IV. Магадан, 1967.
- Алексеев В. П.* Антропологическое своеобразие коренного населения Аляски и биполярные расы (о связи антропологии с географией).— В кн.: От Аляски до Огненной земли. М., 1967.
- Алексеев В. П.* О первоначальной дифференциации человечества на расы. Первичные очаги расообразования.— СЭ, 1969, № 1, 6.
- Алексеев В. П.* В поисках предков. М., 1972.
- Алексеев В. П.* Биологическая адаптация человеческих популяций к природным условиям палеолита.— В кн.: Первообытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене (палеолит и неолит). Тезисы докладов. М., 1973.
- Алексеев В. П.* Антропологический комментарий к гипотезе циркумполярной культуры.— В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975.
- Алексеев В. П.* Рец.: Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник. М., 1975.— СЭ, 1977, № 2.
- Алексеев В. П., Алексеева Т. И.* Исторические аспекты антропологической динамики и дифференциации населения

- Берингоморья.— В кн.: История, археология и этнография народов Дальнего Востока. Владивосток, 1973.
- Алексеев В. П., Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Дифференциация территориальных групп эскимосов и относительная хронология их культурной и антропологической дивергенции.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.
- Алексеев М. Н. Антропоген Восточной Азии (стратиграфия и корреляция). Автореф. докт. дис. М., 1975.
- Алексеев Е. А. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л., 1967.
- Алексеев Е. А. Култы кетов.— В кн.: Памятники культуры народов Сибири и Севера. Л., 1977.
- Андреев Г. И. Поселение Зайсановка I в Приморье.— СА, 1957, № 2.
- Андреев Ж. В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. М., 1977.
- Антропова В. В. К истории археологического изучения Камчатки.— В кн.: МАЭ, т. XI. Л., 1949.
- Антропова В. В. Культура и быт коряков. Л., 1971.
- Арсеньев В. И. Ледниковый период и первобытное население Восточной Сибири. Сочинения, т. V. Владивосток, 1948.
- Арутюнов С. А. Роль среды в формировании вариаций древнеэскимосской культуры.— В кн.: Карта, схема и число в этнической географии. М., 1975.
- Арутюнов С. А. От редактора.— В кн.: Ларицева И. П. Палеоиндейские культуры Северной Америки. Новосибирск, 1976.
- Арутюнов С. А., Глинский Е. А., Сергеев Д. А. К проблеме проникновения железа в Арктику к эскимосам.— СЭ, 1977, № 1.
- Арутюнов С. А., Левин М. Г., Сергеев Д. А. Древние могильники Чукотки.— КСИЭ, 1963, XXXVIII.
- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). М., 1969а.
- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Культурные связи древних народов Тихоокеанского побережья.— Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969б.
- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Археологические памятники Чукотки и общие закономерности стабильности и изменчивости археологических культур.— В кн.: История, археология и этнография народов Дальнего Востока. Владивосток, 1973.
- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). М., 1975.
- Арутюнов С. А., Сергеев Д. А., Таксами Ч. М. Этнокультурные связи коренных народов прибрежной Северо-Восточной Азии.— В кн.: Этническая история народов Азии. М., 1972.
- Астахов С. Н. Позднепалеолитическая стоянка Кокорево IV.— СА, 1966, № 2.
- Астахов С. Н. Палеолит Енисея и проблема происхождения так называемого эпиграветта Северной Америки.— В кн.: Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозое. Хабаровск, 1973.
- Бабер О. Н. Мезолит лесного Приуралья и некоторые общие вопросы изучения мезолита.— МИА, 1966, 126.
- Бабер О. Н. Палеолитическая гравировка из Индигирского заполярья.— В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.
- Банди Х. Г. Археология острова Святого Лаврентия (Аляска).— В кн.: Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976.
- Баранова Ю. П., Бискэ С. Ф., Гончаров В. Ф., Кулькова И. А., Титков А. С. Кайнозой Северо-Востока СССР.— Труды института геологии и геофизики СО АН СССР (М), 1968, вып. 38.
- Беллеса А. В. Древние погребения на Охотском побережье.— Труды СВКНИИ СО АН СССР (М), 1967, вып. 17.
- Беллеса А. В., Пытляков Г. А. Археологические работы на Охотском побережье.— В кн.: История Дальнего Востока. М., 1958.
- Береговая Н. А. О путях и следах заселения человеком территории Аляски.— Уч. зап. ЛГУ, 1950, № 115.
- Береговая Н. А. Наконечники гарпунов из древних поселений Баранова мыса.— МИА, 1959, № 39.
- Береговая Н. А. Археологические находки на острове Четырехстолбовом (Медвежий острова к северу от устья р. Колыма).— СА, 1954, № 20.
- Береговая Н. А. Находки древнеэскимосских селений на Аляске и в прилегающих областях по работам 1945—1954 гг. (к вопросу о заселении Америки).— СЭ, 1957, № 2.
- Береговая Н. А. Некоторые новые радиоуглеродные датировки древнейших поселений человека в северной Америке.— СА, 1958, № 2.
- Береговая Н. А. Археологические наход-

- ки на острове Шалаурова.— МИА, 1960, № 86.
- Береговая Н. А.** Древнейшие культурные традиции Американской Арктики и их связь с северо-востоком Сибири.— Труды СВКНИИ СО АН СССР (М), 1967, вып. 17.
- Боголюбовский С. Н.** Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959.
- Богораз В. Г.** Социальный строй американских эскимосов.— Тр. ин-та антропологии, археологии и этнографии (М.—Л.), 1936, т. VI.
- Богораз В. Г.** Чукчи, часть I. Общественный строй. Л., 1934.
- Богораз В. Г.** Чукчи, часть II. Религия. Л., 1939.
- Борден Ч. А.** Новые данные относительно передвижений популяций в позднем плейстоцене и раннем голоцене.— В кн.: Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозое. Хабаровск, 1973.
- Борисковский П. И.** О пережитках родовых отношений на Северо-Востоке Азии (юкагиры и коряки).— СЭ, 1935, № 4—5.
- Борисковский П. И.** Палеолитические жилища на территории СССР и этнографические параллели к ним.— Доклады советской делегации на V МКАЭН. М., 1956.
- Борисковский П. И.** Вопросы периодизации палеолита.— СА, 1964, XXI.
- Борисковский П. И.** Советская школа изучения палеолита.— В кн.: Теоретические основы советской археологии. Л., 1969.
- Борисковский П. И.** Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971.
- Борисковский П. И.** Некоторые проблемы палеолита Южной и Юго-Восточной Азии.— IX МКАЭН. М., 1973.
- Борисковский П. И.** Возникновение человеческого общества.— В кн.: Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Л., 1977.
- Борисковский П. И., Гурина Н. Н.** Изучение каменного века, некоторые итоги и проблемы.— КСИА, 1973, вып. 137.
- Борисов П. М.** Опыт реконструкции ледяного покрова Полярного бассейна в поздние и послеледниковое время.— В кн.: Северный Ледовитый океан и его побережье в кайнозое. Гидрометеоздат. Л., 1970.
- Бромлей Ю. В.** Этнос и этнография. М., 1973.
- Вайнштейн С. И.** К вопросу об этногенезе кетов.— КрСИЭ, 1951, XIII.
- Вайнштейн С. И.** Историческая этнография тувинцев (Проблемы кочевого хозяйства). М., 1972.
- Васильевский Р. С.** Итоги полевых исследований, произведенных на Охотском побережье в 1958 году.— Краеведческие записки (Магадан), 1959, вып. II.
- Васильевский Р. С.** Археологические материалы поселения Атарган.— Краеведческие записки, 1960, вып. II.
- Васильевский Р. С.** Древнее население Охотского побережья и его культура.— В кн.: Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964а.
- Васильевский Р. С.** Находка металла в поселении Атарган на Охотском побережье.— В кн.: Археология и этнография Дальнего Востока, вып. I. Новосибирск, 1964б.
- Васильевский Р. С.** Археологические исследования на побережье Тауйской губы.— Краеведческие записки, 1965а, вып. V.
- Васильевский Р. С.** К истории древних культур Охотского побережья (по археологическим материалам коллекций М. Г. Левина с острова Завьялова).— СЭ, 1965б, № 1.
- Васильевский Р. С.** Древнекорякская культура Охотского побережья и ее место в культурной истории Северо-Восточной Азии. Автореф. канд. дис. Новосибирск, 1966.
- Васильевский Р. С.** Археологические исследования на Илеме в 1967 году.— Изв. СО АН СССР. Сер. общ. наук, 1968а, вып. 2, № 6.
- Васильевский Р. С.** О первоначальном формировании древнекорякской культуры в северной части Охотского побережья.— В кн.: Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1968б.
- Васильевский Р. С., Григоренко Б. Г.** К вопросу об охотской культуре.— В кн.: Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока, вып. II. Новосибирск, 1968.
- Васильевский Р. С.** К вопросу о неолите Охотского побережья.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.
- Васильевский Р. С.** Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971.
- Васильевский Р. С.** Древние культуры

- Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973.
- Васильевский Р. С.* Древние культуры Тихоокеанского Севера (истoki, адаптация и эволюция приморских культур). Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1974.
- Васильевский Р. С.* Вопросы адаптации населения к прибрежным условиям на Тихоокеанском Севере.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975а.
- Васильевский Р. С.* Памятники каменного века на Курильских островах.— В кн.: Археология северной и центральной Азии. Новосибирск, 1975б.
- Васильевский Р. С.* О роли Берингии в заселении Алеутских островов.— В кн.: Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976.
- Васильевский Р. С., Шубин В. О.* Новые материалы по древней истории Сахалина.— В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Новосибирск, 1976.
- Васильевский Р. С., Голубев В. А.* Древние поселения на Сахалине Сусуйская стоянка. Новосибирск, 1976.
- Васильковский А. П.* Очерк стратиграфии антропогенных (четвертичных) отложений Крайнего Северо-Востока Азии.— В кн.: Материалы по геологии и полезным ископаемым Северо-Востока СССР, вып. 16. Магадан, 1963.
- Вдовин И. С.* Расселение народностей Северо-Востока Азии во второй половине XVII и начале XVIII вв.— Изв. ВГО, 1944, т. 76, вып. 5.
- Вдовин И. С.* К истории общественного строя чукчей.— Уч. зап. ЛГУ, 1950, вып. 115.
- Вдовин И. С.* История изучения палеоазиатских языков. М.— Л., 1954.
- Вдовин И. С.* Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков.— В кн.: Сибирский этнографический сборник.— ТИЭ, пов. сер., (М.— Л.), 1961, т. 64.
- Вдовин И. С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.— Л., 1965.
- Вдовин И. С.* Народы Северо-Востока (коряки и чукчи).— В кн.: История Сибири. Т. I. Л., 1968.
- Вдовин И. С.* К проблеме этногенеза ительменов.— СЭ, 1970, № 3.
- Вдовин И. С.* Жертвенные места коряков и их историко-этнографическое значение. В кн.: Религиозные предания и обряды народов Сибири в XIX в.— начале XX в. Л., 1971.
- Вдовин И. С.* Юкагиры в этнической истории коряков и чукчей.— В кн.: Этническая история народов Азии. М., 1972.
- Вдовин И. С.* Очерки этнической истории коряков. Л., 1973.
- Вережагин Н. К., Мочанов Ю. А.* Самые северные в мире следы верхнего палеолита (Берелехское местонахождение в низовьях р. Индигирка).— СА, 1972, № 3.
- Вест Ф. Х.* Археологический комплекс Тайгл-Лейк (Центральная Аляска) и его связь со Старым светом.— В кн.: Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976.
- Виноградов А. П., Девириц А. Д., Добкина Э. И., Маркова Н. Г.* Определение абсолютного возраста по С-14. Сообщение 5. Геохимия, 1966, № 10.
- Волков Ф. К., Руденко С. П.* Этнографические коллекции из бывших Российско-Американских владений.— Материалы по этнографии России, т. I. СПб., 1910.
- Воробьев М. В.* Древняя Япония. М., 1958.
- Врангель Ф. П.* Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1823 и 1824 гг. М., 1948.
- Вязовская В. В.* Неолитическая стоянка на р. Лютоге и микролитические пластинки Имчина.— В кн.: Народы Советского Дальнего Востока в дооктябрьский период истории СССР. Владивосток, 1968.
- Вязовская В. В.* Микролиты Северного Сахалина.— В кн.: История и культура народов Дальнего Востока. Владивосток, 1973.
- Гасанов Ш. Ш.* Палеогеографические условия на восточной Чукотке во время бореальной трансгрессии.— В кн.: Северный Ледовитый океан и его побережье в кайнозое. Л., 1970.
- Гатри Р. Д.* Влияние окружающей среды на размеры тела, «социальные» органы, параметры популяций и вымирание млекопитающих Берингии.— В кн.: Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976.
- Гептнер А. Р., Лупкина Е. Г., Скиба Л. А.* Раннеантропогенные отложения западной Камчатки.— БКИЧП, 1966, № 31.
- Герасимов М. М.* Палеолитическая стоянка Мальта (раскопки 1956—1957 гг.)— СЭ, 1958, № 3.
- Гитерман Р. Е., Голубева Л. В.* История развития растительности Восточной Сибири в антропогене.— Основные проблемы изучения четвертичного периода. М., 1965.
- Гладких М. И.* Малые жилища в позднем палеолите Восточной Европы.— В кн.:

- Реконструкция общественных отношений по археологическим материалам жилищ и поселений. Л., 1974.
- Глушинский П. И., Хлобыстин Л. П. Буолкалаах — новая стоянка древнего человека на Крайнем Севере Сибири.— В кн.: Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966.
- Голубев В. А. Древние культуры Курильских островов.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.
- Голубев В. А. Основные этапы развития древних культур Курильских островов.— В кн.: История и культура народов Дальнего Востока. Владивосток, 1973.
- Голубев В. А. К вопросу о генезисе охотской культуры на Курильских островах.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.
- Голубев В. А. Айная культура Нейдзи на Курильских островах.— В кн.: Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. Тр. СВННИИ ДВНЦ АН СССР, вып. 67 (Магадан), 1976.
- Гогман И. И. Древний череп с Чукотки.— Записки ЧОКМ, вып. II (Магадан), 1961.
- Грибановский Н. Н. Сведения о писаниях Якутии.— СА, 1946, VIII.
- Григорьев Г. П. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л., 1968.
- Григорьев Г. П. Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей.— В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. М., 1972.
- Григорьев Г. П. Культура и тип в археологии: категория анализа или реальность? — В кн.: Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г. М., 1972.
- Григорьев Г. П. По поводу некоторых гипотез происхождения американского палеолита с лапонцами.— В кн.: Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозой. Хабаровск, 1973.
- Гришин Ю. С. О бескерамических неолитических стоянках в Забайкалье.— СА, 1977, № 4.
- Громов Л. В. Следы старинного заселения на острове Врангеля.— Летопись Севера. М., 1957, 2.
- Громов Л. В. Остров Врангеля. М., 1961.
- Грязнов М. П. Классификация, тип, культура.— В кн.: Теоретические основы советской археологии. Л., 1969.
- Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири.— ТИЭ, нов. сер. (М.), 1966, т. 89.
- Гурвич И. С. Изучение этногенеза народов Севера в советский период (состояние проблемы, задачи и перспективы).— В кн.: Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975а.
- Гурвич И. С. (рец.): Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней. Новосибирск, 1974.— СЭ, 1975б, № 6.
- Гурвич И. С. Чукотские рисунки на яранге (к вопросу о семантике наскальных изображений).— Изв. СО АН СССР, сер. общ. наук, 1977, № 1, вып. 1.
- Гурина Н. Н. Древняя история Северо-Запада Европейской части СССР.— МИА, 1961, 87.
- Гурина Н. Н. Некоторые новые данные о заселении севера Европейской части СССР.— СА, 1957, № 2.
- Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области.— ТИЭ, нов. сер., 1951, т. XVII.
- Дебец Г. Ф. Происхождение коренного населения Америки.— ТИЭ, нов. сер., 1951, т. XVI.
- Дебец Г. Ф. Антропология Сибири и проблема заселения Америки.— Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока (тезисы докладов и сообщений). Иркутск, 1960.
- Дебец Г. Ф. Проблемы физической антропологии в арктических районах.— Acta Arctica, 1960, XII.
- Деревянко А. П. Новопетровская культура среднего Амура. Новосибирск, 1970.
- Деревянко А. П. Приамурье в древности (до начала нашей эры). Автореф. докт. дис. Новосибирск, 1971.
- Деревянко А. П. Палеолит Дальнего Востока (хронология, стратиграфия, место среди палеолитических комплексов Восточной, Центральной и Северной Азии).— В кн.: История, археология и этнография Дальнего Востока. Владивосток, 1973.
- Дзетискевич Г. И. Жировые лампы сибирских эскимосов. В кн.: Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976.
- Диков Н. Н. Предварительный отчет о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея в 1956 г.— Записки ЧОКМ, вып. I, 1958а.
- Диков Н. Н. Древнейшее прошлое Чукотки и задачи его изучения.— Записки ЧОКМ, вып. I, 1958б.
- Диков Н. Н. Предварительный отчет о по-

- левых археологических исследованиях Чукотского краеведческого музея в 1957 году.— Записки ЧОКМ, вып. I, 1958в.
- Диков Н. Н. По следам древних костров. Магадан, 1960а.
- Диков Н. Н. Предварительные данные о работе археологической экспедиции Чукотского краеведческого музея в 1958 году. Краевед. зап., вып. 2 (Магадан), 1960б.
- Диков Н. Н. Первая археологическая коллекция из внутриконтинентальной Чукотки.— Записки ЧОКМ, вып. II, 1961а.
- Диков Н. Н. Первые археологические исследования на острове Айон.— Записки ЧОКМ, вып. II, 1961б.
- Диков Н. Н. Предварительные данные об археологических работах на Чукотке в 1959 году. Записки ЧОКМ, вып. II, 1961в.
- Диков Н. Н. О раскопках Усть-Бельского могильника по данным 1958 года.— Записки ЧОКМ, вып. II, 1961 г.
- Диков Н. Н. Новые данные по археологии Северо-Востока Сибири.— VII МКАЭН. М., 1964а.
- Диков Н. Н. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных.— Тр. СВКНИИ СО АН СССР (Магадан), 1964б, вып. 8.
- Диков Н. Н. По морскому побережью Чукотки — к предкам эскимосов.— Краеведческие записки, 1965, вып. 5.
- Диков Н. Н. Древности Сепана.— Краеведческие записки, вып. 5. (Магадан), 1966.
- Диков Н. Н. Уэльпский могильник по данным раскопок в 1956, 1958, 1963 гг.— В кн.: История и культура народов Севера Дальнего Востока. Тр. СВКНИИ СО АН СССР, вып. 17. М., 1967а.
- Диков Н. Н. Новые древнеэскимосские кладбища на Чукотке.— Записки ЧОКМ, вып. IV, 1967б.
- Диков Н. Н. Чегитунские древнеэскимосские могильники.— Записки ЧОКМ, вып. 4, 1967в.
- Диков Н. Н. Открытие палеолита на Камчатке и проблема первоначального заселения Америки.— Тр. СВКНИИ СО АН СССР, вып. 17. М., 1967 г.
- Диков Н. Н. Ванкаремские древности.— Записки ЧОКМ, вып. V, 1968.
- Диков Н. Н. Об охране памятников истории и культуры на территории Магаданской области.— Краеведческие записки, 1968, вып. VII.
- Диков Н. Н. Древние костры Камчатки и Чукотки (15 тысяч лет истории). Магадан, 1969а.
- Диков Н. Н. Верхний палеолит Камчатки.— СА, 1969б, № 3.
- Диков Н. Н. Палеолитическое жилище на Камчатской стоянке Ушки-IV. В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.
- Диков Н. Н. Древние культуры Камчатки и Чукотки (автореф. докт. дис.). Новосибирск, 1971а.
- Диков Н. Н. Древние культуры Камчатки и Чукотки. Рукопись докт. дис. Новосибирск, 1971б (фонды Института истории, филологии и философии СО АН СССР).
- Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымеля. М., 1971в.
- Диков Н. Н. Новые данные к истории эскимосской культуры.— Краеведческие записки, 1972, вып. IX.
- Диков Н. Н. Древнейшее историческое прошлое Камчатки.— Краеведческие записки, 1973а, вып. VI.
- Диков Н. Н. Основные контуры этнической истории Северо-Восточной Сибири в свете археологических данных.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока (тезисы докладов Всесоюзной конференции). Новосибирск, 1973б.
- Диков Н. Н. Палеолит на Крайнем Северо-Востоке Азии.— В кн.: История, археология и этнография народов Дальнего Востока. Владивосток, 1973в.
- Диков Н. Н. Чинийский могильник (к истории морских зверобоев Берингова пролива). Новосибирск, 1974а.
- Диков Н. Н. Древняя этническая история Камчатки и прилегающих областей Севера Дальнего Востока по археологическим данным.— Краеведческие записки, вып. V. Петропавловск-Камчатский, 1974б.
- Диков Н. Н. Основные проблемы археологического изучения Северо-Востока СССР.— ВИ, 1975, № 10.
- Диков Н. Н. Новейшие исследования палеолита на Колыме и Камчатке и проблема первоначального заселения Американского континента.— В кн.: Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР.— Тр. СВКНИИ ДВНЦ АН СССР (Магадан), 1976а, вып. 67.
- Диков Н. Н. О некоторых общих принципах археологической периодизации.— В кн.: Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. Магадан, 1976б.

- Диков Н. Н. Открытие древнейшей азиатской культуры морских зверобоев на о. Врангеля.— В кн.: АО 1975 г. М., 1976в.
- Диков Н. Н. Открытие палеозэскимосской культуры на о. Врангеля.— Краеведческие записки, 1977а, вып. XI.
- Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). М., 1977б.
- Диков Н. Н. К проблеме мезолита на Камчатке.— КСИА, 1977в, вып. 149.
- Диков Н. Н. К проблеме мезолита на Камчатке к этнической истории Северо-Восточной Сибири.— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977 г. Диков Н. П. Исследования на Чукотке и Камчатке.— В кн.: Археологические открытия 1977 г. М., 1978.
- Диков Н. Н., Герасимчук В. И. Следы верхнего палеолита у ручья Шило в бассейне Колымы.— В кн.: Археологические открытия 1970 года. М., 1970.
- Диков Н. Н., Дикова Т. М. Исследования на Колыме и Камчатке.— В кн.: Археологические открытия 1971 года. М., 1972.
- Диков Н. Н., Колясников Ю. А. Первые палеолитические находки на юге Чукотки.— В кн.: Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока по данным Северо-Восточно-Азиатской археологической экспедиции). Магадан, 1979.
- Диков Н. Н., Катенин А. Е. Первые стоянки каменного века во внутренней части Чукотского п-ва восточнее залива Креста вблизи оз. Иони.— В кн.: Новейшие данные по археологии Севера Дальнего Востока (материалы Северо-Восточно-Азиатской археологической экспедиции). Магадан, 1979 (в печ.).
- Диков Н. Н., Смирнов В. Н. Новая ранне-неолитическая стоянка в бассейне р. Амгуэма.— Краеведческие записки, 1977, вып. XI.
- Диков Н. Н., Титов Э. Э. Новая многослойная палеолитическая стоянка Ушки V на Камчатке.— В кн.: Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. Владивосток, 1976.
- Диков Н. Н., Титов Э. Э., Давидович Т. Д., Ложкин А. В. Комплексное исследование многослойной палеолитической стоянки Ушки V на Камчатке.— В кн.: Природные ресурсы Северо-Востока СССР (Труды Магаданского отделения Географического общества). Владивосток, 1977.
- Дикова Т. М. Новые данные к характеристике Канчаланской стоянки.— В кн.: История и культура народов Северо-Востока СССР. Тр. СВКНИИ СО АН СССР, вып. 8 (Магадан), 1964.
- Дикова Т. М. Работы Южно-Камчатского отряда.— В кн.: Археологические открытия 1973 года. М., 1974а.
- Дикова Т. М. Археологические памятники Магаданской области, Магадан, 1974б.
- Дикова Т. М. К вопросу о пребывании айнов на мысе Лопатка.— Краеведческие записки (Петропавловск-Камчатский), 1974в, вып. 5.
- Дикова Т. М. Предварительные результаты археологических исследований на южной Камчатке. В кн.: Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. Тр. СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, вып. 67. Магадан, 1976а.
- Дикова Т. М. Исследования на юге Камчатки.— В кн.: Археологические открытия 1975 года. М., 1976б.
- Дикова Т. М. Археологическая изученность южной Камчатки в связи с проблемой обитания айнов.— В кн.: История и культура народов Северо-Востока СССР. Владивосток, 1976в.
- Дикова Т. М. Авача — новая стоянка Тарьинской культуры на юге Камчатки.— В кн.: Север Дальнего Востока в древности (Материалы и исследования Северо-Восточно-Азиатской археологической экспедиции). Магадан, 1978.
- Диксон Е. Д. Стоянка Галахер Флинт — археологический памятник на северном склоне хребта Брукса (Арктическая Аляска) и ее отношение к Берингийской суше.— В кн.: Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976.
- Дитмар К. Д. Поездка и пребывание в Камчатке в 1851—1858 гг., ч. I. СПб., 1901.
- Долгих Б. О. Обрядовые сооружения иганасанов и энцев.— КСИЭ, 1951, XIII.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке.— ТИЭ, нов. сер. 1960, т. 55.
- Долгих Б. О. Проблемы этнографии и антропологии Арктики.— СЭ, 1964, № 4.
- Дульзон А. П. О древних связях енисейских народов с чукотско-камчатскими по данным языка.— В кн.: Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969а.
- Дульзон А. П. Гипотеза об отдаленном родстве урало-алтайских языков с индоевропейскими.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969б.

- Дэвлет М. А. Древние антропоморфные изображения из Саянского каньона Енисея.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.
- Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976а.
- Дэвлет М. А. Пляшущие человечки.— «Природа», 1976б, № 9.
- Дэвлет М. А., Попова И. Ф., Титова Н. И. Работы в Саянском каньоне.— В кн.: Археологические открытия 1975 г. М., 1976.
- Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н. Мифологические представления о грибах в связи с гипотезой о первоначальном характере Сомы.— Тезисы докладов IV-летней школы по вторичным моделирующим системам. (17—24 августа 1970 г.). Тарту, 1970.
- Жуков Е. М. Некоторые вопросы теории социально-экономической формации.— В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975.
- Замыслова Е. А. Древний человек в Северной Америке.— БКИЧП, 1967, № 34.
- Замятин С. Н. Миниатюрные кремневые скульптуры.— СА, 1948, X.
- Замятин С. Н. Очерки по палеолиту. М.—Л., 1961.
- Захарук Ю. Н. Проблемы археологической культуры.— Археология (Киев), 1964, вып. XVII.
- Захарук Ю. Н. О понятии «факт» в археологической науке.— СА, 1977, № 4.
- Зиберт Э. В. Археологические находки на Аляске.— СА, 1937, № 2.
- Золотарев А. М. Из истории этнических взаимоотношений на Северо-Востоке Азии.— Известия Воронежского гос. пед. института, 1938, т. IV.
- Золотарев А. М., Дебец Г. Ф. Происхождение американского человека.— Антропологический журнал, 1976, № 1 (библиография).
- Зубов А. А. Человек заселяет свою планету. М., 1963.
- Зубов А. А. О физическом типе древнейшего населения Америки.— СЭ, 1968, № 4.
- Зубов А. А. Одонтологический анализ черепных серий из Эквенского и Уэленского могильников (Приложение к монографии: Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов. М., 1969).
- Зубов А. А. Интеграция, как единая тенденция современного человечества.— СЭ, 1976, № 5.
- Зубов А. А. Некоторые данные по одонтологии древнего населения Чукотки и Камчатки.— В кн.: Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы. М., 1977.
- Иванов В. В. Проблема древнейших этнических связей кетов и американских индейцев в свете данных сравнительной мифологии.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973.
- Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX вв.— ТИЭ, нов. сер. (М.—Л.), 1954, т. XXII.
- Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.—Л., 1963.
- Иванов О. Н. Новые находки памятников древнеэскимосской культуры на побережье Берингова пролива.— Тр. СВКНИИ СО АН СССР, 1967, вып. 17.
- Иванова И. К. Геологический возраст ископаемого человека. М., 1965.
- Иванова И. К. Геологические условия нахождения палеолита на территории СССР.— Бюлл. Моск. о-ва испыт. природы, отдел геол., 1969, т. XIX (3).
- Иохельсон В. И. К вопросу об исчезнувших народах Колымского округа.— Изв. ВСО РГО, № 2, 1897, т. XXVIII.
- Иохельсон В. И. Древние и современные подземные жилища племен Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки.— Ежегодн. РАО, 1908, т. 2.
- Иохельсон В. И. Археологические исследования на Камчатке.— Изв. РГО, 1930, т. XII, вып. 3 и 4.
- История Сибири, т. I. Древняя Сибирь. Л., 1968.
- Кабо В. Р. История первобытного общества и этнография. В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
- Кабо В. Р. Север Тихого океана: этногенетические проблемы.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.
- Калинин А. А. Чаун-Чукотка ждет археологов.— Записки ЧОКМ, вып. II, 1961.
- Каменецкий И. С. Археологическая культура — ее определение и интерпретация.— СА, 1970, № 2.
- Кашин В. А. Культурные комплексы каменного века на стоянке Сумнагин II.— В кн.: По следам древних культур Якутии. Якутск, 1970.
- Клейн Л. С. Проблема определения археологической культуры.— СА, 1970, № 2.
- Козырева Р. В. К истории культуры ра-

- ковинных куч на Сахалине.— МИА, 1965, № 131.
- Козырева Р. В. Древнейшее прошлое Сахалина. Южно-Сахалинск, 1960.
- Козырева Р. В. Древний Сахалин. М., 1967.
- Коробкова Г. Ф. К вопросу о технике расщепления и изготовления орудий (по материалам Усть-Нарыма).— МИА, 1965, № 131.
- Крайнов Д. А., Брюсов А. Я. Проблема северного мезолита.— Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода, 1961, т. I.
- Красков В., Дикова Т. М. Новый памятник приморской культуры на севере Чукотки (полуостров Аачим).— Краеведческие записки, 1966, вып. VI.
- Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.— Л., 1949.
- Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М.— Л., 1958.
- Крупник И. И. Природная среда и эволюция тундровского оленеводства.— В кн.: Карта, схема и число в этнической географии, М., 1975.
- Кузрина Н. П. Стратиграфия четвертичных отложений центральной камчатской депрессии и некоторые вопросы палеогеографии антропогена Камчатки.— Известия АН СССР, сер. геолог, 1966, № 1.
- Кызласов Л. Р. Роль археологических источников для изучения истории малых народов Сибири.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока (Тезисы докладов Всесоюзной конференции). Новосибирск, 1973.
- Лавров И. П. К вопросу о загадочном крылатом предмете.— Записки ЧОКМ, вып. I, 1958.
- Ларичев В. Е. Неолитические памятники бассейна верхнего Амура (Ананци, Дунбей).— МИА, № 86, 1960.
- Ларичев В. Е. Палеолит и мезолит Японии.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.
- Ларичев В. Е., Ларичева И. П. Палеоиндейская гравюра мамонта на пластине из Делаваэра (Сев. Америка).— Изв. СО АН СССР. Сер. общ. наук, 1976, № 6, вып. 2.
- Ларичев В. Е., Рижский М. И. Озерный неолит и ранняя бронза восточного Забайкалья (стоянки в районе озер Иргень и Кенон).— В кн.: Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966.
- Ларичева И. П. Палеолит Северной Америки и проблема его связи с каменным веком Сибири.— Изв. СО АН СССР, сер. общ. наук, 1966, вып. 2, № 5.
- Ларичева И. П. Пластины и резцовая техника культуры Кловис (новые черты каменной индустрии верхнего палеолита северной Америки).— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970.
- Ларичева И. П. Берингийская суша и проблема проникновения палеолитического человека в Америку.— В кн.: Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозое. Хабаровск, 1973.
- Ларичева И. П. Культура Бритиш-Маунтин— древнейший этап каменного века Арктических районов Северной Америки.— В кн.: Археология северной и центральной Азии. Новосибирск, 1975.
- Ларичева И. П. Палеоиндейские культуры северной Америки. Новосибирск, 1976а.
- Ларичева И. П. Новые данные по палеолиту Северо-Запада США и Канады (обзор исследований 60-х годов). Изв. СО АН СССР (сер. общ. наук) (Новосибирск), 1976б, вып. 3, № 11.
- Лаушкин К. Д. Онежское святилище, ч. I. (Новая расшифровка некоторых петроглифов Карелии).— В кн.: Скандинавский сборник. IV. Таллин, 1959.
- Лафлин В. С. Голоценовая история Никольского залива Аляски и эволюция алеутов.— В кн.: Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976.
- Лафлин В. С. Из Сибири в Америку.— Америка, 1976, № 235, май.
- Лафлин В. С., Окладников А. П. Совместные исследования американских и советских археологов на Анангуле.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.
- Лебединская Г. В. Процесс восстановления головы по черепу из Усть-Бельского могильника.— Записки ЧОКМ, вып. II, 1961.
- Лев Д. Н. Новые археологические памятники Камчатки.— СЭ, 1935, № 4—5.
- Левин М. Г. К антропологии эскимосов.— СЭ, 1947, вып. VI—VII.
- Левин М. Г. Рец.: Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.— Л., 1947, — СЭ, 1949, I.
- Левин М. Г. Краниологические типы чукчей и эскимосов.— В кн.: Сборник музея антропологии и этнографии, т. X. М., 1949.
- Левин М. Г. Антропологические типы Си-

- бири и Дальнего Востока.— СЭ, 1950, № 2.
- Левин М. Г. Работы на Чукотке в 1958 году.— СЭ, 1958а, № 1.
- Левин М. Г. К проблеме происхождения северо-восточных палеоазиатов.— В кн.: Сборник ст. по истории Дальнего Востока. М., 1958б.
- Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958в.
- Левин М. Г. Древнеберингоморский могильник в Уэлене (предварительное сообщение о раскопках 1958 года).— СЭ, 1960, № 1.
- Левин М. Г. Об антропологических материалах из древнеэскимосских могильников.— Записки ЧОКМ, вып. III, 1962.
- Левин М. Г. Об антропологическом типе древних эскимосов.— Труды Московского общества испытателей природы, 1964, т. XIV.
- Левин М. Г., Сергеев Д. А. К вопросу о времени проникновения железа в Арктику (первая находка железного орудия в памятнике древнеберингоморской культуры).— СЭ, 1960, № 3.
- Левин М. Г., Сергеев Д. А. Древние могильники Чукотки и некоторые аспекты эскимосской проблемы.— VII МКАЭН. М., 1964.
- Левоншин Н. Н. Древняя стоянка в верховьях реки Якитикивеем.— КСИИМК, 1950, вып. XXXI.
- Леонтьев В. В. Поселения и жилища кереков.— Труды СВКНИИ ДВНЦ АН СССР. Магадан, 1976а, вып. 67.
- Леонтьев В. В. По земле древних кереков. М., 1976б.
- Линдберг Г. У. Крупные планетарные колебания уровня океана и палеогеография четвертичного периода.— В кн.: Основные проблемы изучения четвертичного периода. М., 1965.
- Ложкин А. В. Растительность Западной Берингии в позднем плейстоцене и голоцене.— В кн.: Берингия в кайнозой. Владивосток, 1976.
- Любин В. И. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических орудий.— МИА, 1965, № 131.
- Ляпунова Р. Г. Очерки по этнографии алеутов. Л., 1975.
- Мазин А. И. Древнее оленеводство и проблема этнической принадлежности петроглифов таежной зоны Верхнего Приамурья.— В кн.: Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975.
- Марков С. Н. Находка древних монет на Камчатке.— Летопись Севера, 1949, № 1.
- Массон В. М. Докерамический неолит Иерихона.— СА, 1958, № 3.
- Массон В. М. Средняя Азия и Древний Восток. М.— Л., 1964.
- Массон В. М. Каменный век Средней Азии и понятие археологической культуры.— В кн.: История материальной культуры Узбекистана, вып. II. Ташкент, 1974.
- Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
- Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана. Приложение к «Морскому сборнику», 1861, вып. 2, № 2.
- Матюшин Г. Н. Ранний палеолит Урала и проблемы заселения Севера Азии.— В кн.: Берингия в кайнозой. Владивосток, 1976.
- Матюшин Г. Н. Мезолит южного Урала. М., 1976.
- Мачинский А. В. Древняя эскимосская культура на Чукотском полуострове.— КСИИМК, 1941, № 9.
- Медведев Г. И. Новые данные о нижних слоях Усть-Белой.— В кн.: Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966а.
- Медведев Г. И. Археологические исследования многослойной палеолитической стоянки Красный Яр на Ангаре в 1964—1965 гг.— Отчеты археологических экспедиций за 1963—1965 гг. Иркутск, 1966б.
- Медведев Г. И. Мезолит верхнего Приангарья. Автореф. канд. дис. М., 1968.
- Мелекесцов И. В., Краева Т. С., Брайцева О. А. Рельеф и отложения молодых вулканических районов Камчатки. М., 1970.
- Меновщиков Г. А. Эскимосы. Магадан, 1959.
- Меновщиков Г. А. Эскимосско-алеутские языки.— В кн.: Младописьменные языки народов СССР. М.— Л., 1959.
- Меновщиков Г. А. Эскимосско-алеутские параллели.— Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1960, т. 167.
- Меновщиков Г. А. Палеоэскимосские топонимы северо-восточной Сибири.— Вопросы языкознания, 1963, № 6.
- Меновщиков Г. А. Язык сиренинских эскимосов. Фонотека, очерк мифологии, тексты и словарь. М.— Л., 1964.
- Меновщиков Г. А. Эскимосско-алеутская группа языков.— В кн.: Языки народов СССР, т. V. 1968.
- Меновщиков Г. А. Эскимосские сказки и

- легенды. Второе дополненное издание. Магадан, 1969.
- Мовесян А. А.* Анатомические особенности строения черепа и их применение в генетико-антропологическом анализе современных и древних популяций Сибири. Автореф. докт. дисс. М., 1975.
- Мочанов Ю. А.* Древнейшие культуры Америки.— СЭ, 1966а, № 4.
- Мочанов Ю. А.* Палеолит Алдана. В кн.: Сборник научных статей, вып. IV. Якутск, 1966б.
- Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения Северо-Восточной Азии и Аляски.— СЭ, 1969а, № 1.
- Мочанов Ю. А.* Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М., 1969б.
- Мочанов Ю. А.* Дюктайская верхнепалеолитическая культура и некоторые аспекты ее генезиса.— СА, 1969в, № 4.
- Мочанов Ю. А.* Новые данные о берингоморском пути заселения Америки.— СЭ, 1972, № 2.
- Мочанов Ю. А.* Палеолит Сибири.— В кн.: Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976.
- Мочанов Ю. А.* Древнейшие этапы заселения человеком северо-восточной Азии. Новосибирск, 1977.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А.* Стоянка Енньё (памятник белькачинской неолитической культуры на Алдане).— В кн.: По следам древних культур Якутии. Якутск, 1970.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А.* Археология Арктики и берингоморские этнокультурные связи Старого и Нового Света в голоцене.— В кн.: Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозое. Хабаровск, 1973.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А.* Периодизация и абсолютная хронология археологических памятников Якутии.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А., Романова Е. Н., Семенцов А. А.* Многослойная стоянка Белькачи I и ее значение для построения абсолютной хронологии древних культур Северо-Восточной Азии.— В кн.: По следам древних культур Якутии. Якутск, 1970.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А.* Абсолютная хронология голоценовых культур Северо-Восточной Азии.— В кн.: Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975.
- Мочанов Ю. А., Федосеева С. А.* Основные этапы древней истории Северо-Восточной Азии.— В кн.: Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976.
- Наливкин Д. В.* Яркая страница в геологической истории Азии.— Природа, 1960, № 8.
- Народы Сибири.* Под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова. М.— Л., 1956.
- Николаев Р. В.* Карасукская культура на Севере Красноярского края.— В кн.: Некоторые вопросы древней истории западной Сибири. Томск, 1959.
- Николаев Р. В.* Некоторые вопросы этногенеза народов Красноярского Севера.— КСИЭ, 1960, вып. 34.
- Николаев Р. В.* Некоторые вопросы кетского этногенеза и динилинская проблема.— Изв. Красноярского отдела ВГО, 1962, вып. 2, т. 30.
- Николаев Р. В.* Некоторые вопросы этногенеза кетов в свете данных фольклора.— В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973.
- Норденшльд А. Е.* Плавание на «Веге», ч. II. Л., 1936.
- Огородников В. И.* Покорение юкагирской земли.— Тр. Гос. Университета народного образования в Чите (Чита), 1922, кн. 1.
- Огрызко И. И.* Расселение и численность ительменов и камчатских коряков в конце XVII в.— Ученые записки ЛГПИ, 1961, т. 222.
- О докладе американского антрополога доктора П. Грдлики в Институте этнографии АН СССР.— СЭ, 1940, № 3.
- Окладников А. П.* К археологическому изучению Советской Арктики (итоги и перспективы).— Проблемы Арктики, 1945, № 2.
- Окладников А. П.* Ленские древности, вып. 2. Якутск, 1946.
- Окладников А. П.* Древние культуры Северо-Востока Азии по данным археологических исследований 1946 г. в Колымском крае.— ВДИ, 1947а, № 1 (9).
- Окладников А. П.* Древние поселения в долине р. Хатанги.— КСИМК, 1947б, вып. XVIII.
- Окладников А. П.* Ленские древности. М.— Л., 1950а, вып. 3.
- Окладников А. П.* Вклад советской археологии в изучение прошлого северных народов.— Уч. зап. ЛГУ, 1950б, № 115.
- Окладников А. П.* Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— МИА, т. 18, 1950в.
- Окладников А. П.* Ленские древности, вып. 3. М.— Л., 1950г.

- Окладников А. П. Первый неолитический памятник Чукотского полуострова.— КСИИМК, 1950д, вып. XXXI.
- Окладников А. П. О первоначальном заселении человека внутренней части Чукотского полуострова.— Известия ВГО, 1953а, № 4.
- Окладников А. П. Народы Северо-Востока Сибири.— В кн.: Очерки истории СССР, период феодализма, IX—XV вв. М., 1953б.
- Окладников А. П. Якутия до присоединения к Русскому государству. История Якутской АССР, т. I. М.—Л., 1955а.
- Окладников А. П. Заселение Америки и Австралии человеком.— Всемирная история, т. I. М., 1955б.
- Окладников А. П. Шилкинская пещера — памятник древней культуры верховьев Амура.— МИА, 1960, № 86.
- Окладников А. П. Древнее поселение на полуострове Песчаном у Владивостока.— МИА, 1963, № 112.
- Окладников А. П. Археология долины р. Зей и среднего Амура.— СА, 1966а, № 1.
- Окладников А. П. К вопросу о мезолите и эппалеолите в азиатской части СССР (Сибирь и Средняя Азия).— МИА, 1966б, № 126.
- Окладников А. П. Древнее поселение на р. Тадуши у дер. Устиновки и проблема дальневосточного мезолита (в связи с раскопками 1964 года).— В кн.: Четвертичный период в СССР. М., 1966в.
- Окладников А. П. Петроглифы Сибири и Дальнего Востока как источник по этнической истории Северной Азии (методология и некоторые общие выводы).— Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969.
- Окладников А. П. Неолит Сибири и Дальнего Востока.— В кн.: Каменный век на территории СССР. М., 1970.
- Окладников А. П. Центральная Азия и проблема заселения американского континента человеком.— В кн.: Берингийская суша и ее значение для развития голарктических флор и фаун в кайнозойе. Хабаровск, 1973.
- Окладников А. П., Абрамова З. А. Первоначальное освоение палеолитическим человеком Сибири и Дальнего Востока.— В кн.: Первобытный человек и природная среда. М., 1974.
- Окладников А. П., Береговая Н. А. Древние поселения Баранова мыса. Новосибирск, 1971.
- Окладников А. П., Васильевский Р. С. По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск, Наука, 1976.
- Окладников А. П., Деревянко А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Хабаровск, 1973а.
- Окладников А. П., Деревянко А. П. Палеолит Амура.— В кн.: Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973а.
- Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск, 1976.
- Окладников А. П., Нарышкин В. В. Новые данные о древних культурах на Чукотском полуострове (древнее поселение на р. Канчала).— СЭ, 1955, № 1.
- Окладников А. П., Некрасов И. А. Новые следы континентальной неолитической культуры на Чукотке (находки у озера Эльгыгытгын).— СА, 1957, № 2.
- Окладников А. П., Некрасов И. А. Древние поселения в долине р. Майна (по работам 1957 года).— МИА, 1960, № 86.
- Окладников А. П., Троицкий С. Л. К изучению четвертичных отложений и палеолита Монголии.— Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода, 1967, № 33.
- Окладникова Е. А. Петроглифы Амура и Канады: свидетельство древних контактов Азии с Америкой.— В кн.: Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972.
- Окладникова Е. А. О связи наскальных рисунков Дальнего Востока и Америки.— Изв. СО АН СССР, 1976а.
- Окладникова Е. А. Искусство палеолита Евразии и проблема происхождения американского человека (о работе П. Бош-Гимперы «Происхождение охотников Америки в свете новых аспектов палеолита Евразии»).— Изв. СО АН СССР. (Серия общественных наук.) Новосибирск, 1976б, вып. 2, № 6.
- Орехов А. А. Работы в северо-западном Берингоморье.— В кн.: Археологические открытия 1975 года. М., 1976.
- Орехов А. А. Предварительная типология костяных наконечников северо-западного Берингоморья.— Краеведческие записки, 1977, вып. XI.
- Орлова Е. П. Археологические находки на Камчатке.— КСИИМК, 1947, вып. 21.
- Паничкина М. З. Палеолитические нуклеусы.— В кн.: Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Л., 1959.
- Певе Т., Хопкинс Д., Гиддингс Дж. Четвертичная геология и археология Аля-

- ски.—В кн.: Четвертичный период в США, т. I. М., 1968.
- Пийп Б. И.* Новое эруптивное состояние вулкана Шивелуч с конца 1944 по май 1945 гг. и некоторые замечания о геологической структуре этого вулкана и его прошлых извержениях.—Бюлл. вулканологических станций на Камчатке. М.—Л., 1948, № 14.
- Подольский Н. Л.* Об оценке классификационной значимости признаков.—В кн.: Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 года. М., 1972.
- Позднеев Д.* Японо-русский иероглифический словарь (по ключевой системе). Токио, 1908.
- Пономаренко А. К.* Новые стоянки неолита Камчатки.—Тр. СВГНИИ ДВНЦ АН СССР, Магадан, 1976, вып. 67.
- Попов А. А.* Нганасаны. М.—Л., 1948.
- Попов Н. И.* Об орудиях каменного века на севере и востоке Сибири.—Известия Восточно-Сибирского отдела РГО (Иркутск), 1878, т. IX, № 1—2.
- Портенко Л. А.* Берингские связи между Евразией и северной Америкой в представлении зоогеографов.—В кн.: Северный Ледовитый океан и его побережье в кайнозое. Л., 1970.
- Праслов Н. Д.* Ранний палеолит Северо-Восточного Приазовья и Нижнего Дона. Автореф. канд. дисс. Л., 1965.
- Проблемы этногенеза народов Сибири (тезисы докладов Всесоюзной конференции). Новосибирск, 1973.
- Пытляков Г. А., Беляева А. В.* Археологические работы на Охотском побережье.—Красведческие записки, 1957, вып. I.
- Ранов В. А.* Каменный век Таджикистана. Душанбе, 1965.
- Рейни Ф.* Археология Американской Арктики.—СЭ, 1958, № 2.
- Реконструкция древних общественных отношений до археологическим материалам жилищ и поселений. Краткие тезисы докладов на объединенном симпозиуме методологического семинара и сектора Средней Азии и Кавказа ЛО ИА АН СССР. Л., 1974.
- Решетов Ю. Г.* Природа земли и происхождение человека. М., 1966.
- Рогачев А. Н.* Некоторые вопросы изучения эпипалеолита восточной Европы.—МИА, 1966, № 126.
- Рогачев А. Н.* Палеолитические жилища и поселения.—В кн.: Каменный век на территории СССР. М., 1970.
- Рогинский Я. Я.* Проблемы антропогенеза. М., 1969.
- Рубцова Е. С.* Материалы по языку и фольклору эскимосов (чаплинский диалект), ч. I. М.—Л., 1954.
- Рубан В. И.* Исследования на западном побережье Камчатки.—В кн.: Археологические открытия 1976 года. М., 1977.
- Рубан В. И.* Предварительные результаты археологической разведки на западном побережье Камчатки.—В кн.: Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока (по данным Северо-Восточно-Азиатской археологической экспедиции). Магадана, 1979.
- Руденко С. И.* Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947.
- Руденко С. И.* Культура доисторического населения Камчатки.—СЭ, 1948, № 1.
- Руденко С. И.* Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка.—МИА, 1960, № 79.
- Русские арктические экспедиции в XVII—XX вв. Л., 1964.
- Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. М.—Л., 1952.
- Рыбаков Б. А.* Историзм археологии.—В кн.: Конференция. Историзм археологии: методологические проблемы. Тезисы докладов. М., 1976.
- Рычков Ю. Г., Шереметьева В. А.* Генетико-антропологические аспекты проблемы «Человек и среда» в области Берингии.—В кн.: Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976.
- Салова О. А.* К вопросу о палеолите Курильских островов.—В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Новосибирск, 1976.
- Сарычев Г. А.* Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-Восточной части Сибири. СПб., 1802, ч. 2; 2-е изд. М., 1952.
- Саяпин А. К., Диков Н. Н.* Древние следы каменного века на Чукотке (находки на берегу озера Эльгыгытгын).—Записки ЧОКМ, вып. I, 1958.
- Сведения о чукчах капитана Шишмарева.—Записки гидрографического департамента Морского министерства. СПб., 1852, т. X.
- Свердруп Г. У.* Плавание на судне «Мод».—Материалы комиссии по изучению Якутской АССР, вып. 30. Л., 1930.
- Свиточ А. А.* Строение и возраст морских террас Нижне-Анадырской низменности.—В кн.: Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976.

- Семенов С. А. Первобытная техника.— МИА, 1957, № 54.
- Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
- Семенов С. А. Фундаментальные проблемы исторических наук.— В кн.: Конференция, Историзм археологии: методологические проблемы. Тезисы докладов. М., 1976.
- Семенов А. В. О древней культуре Корякского округа.— Тр. СВКНИИ СО АН СССР (Магадан), 1964, вып. 8.
- Семенов Ю. П. О материнском роде и оседлости в позднем палеолите.— СЭ, 1973, № 4.
- Сидоров А. А. К вопросу о функциях скребков.— СА, 1973, № 3.
- Симченко Ю. Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии.— М., 1976.
- Скиба Л. А., Хорева И. М. О верхнеплейстоценовых и голоценовых отложениях острова Карагинского. БКИЧП, 1966, № 32.
- Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край, т. I. СПб., 1900.
- Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре.— СА, 1964, № 4.
- Старкова Н. К. Ительмены. Материальная культура (XVIII в.—60-е годы XX в.). М., 1976.
- Степанов В. П. Природная среда и некоторые аспекты истории человечества в комплексном рассмотрении.— СА, 1976, № 3.
- Степанов Н. Н. Освободительная борьба народов Северо-Востока в XVII в.— В кн.: Памяти В. Г. Богораза. М.—Л., 1937.
- Столяр А. Д. К вопросу о социально-исторической дешифровке женских знаков верхнего палеолита.— В кн.: Палеолит и неолит СССР, т. 7 (МИА, № 185). Л., 1972.
- Столяр А. Д. Опыт анализа композиционных структур петроглифов Беломорья (Карелия).— СА, 1977, № 3, с. 24—41.
- Таксами Ч. М. Общие элементы в традиционной культуре народов Тихоокеанского побережья СССР.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975а.
- Таксами Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов. Л., 1975б.
- Таксами Ч. М. Нивхи. Проблемы хозяйства, общественного строя и этнической истории (середина XIX — начало XX веков). Автореф. докт. дис. М., 1977.
- Теин Т. С. Исследования в Чертовом овраге на о-ве Врангеля.— В кн.: Археологические открытия 1976 года. М., 1977.
- Теин Т. С. Исследование первого палеоэскимосского памятника на о. Врангеля.— В кн.: Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока (по данным Северо-Восточно-Азиатской археологической экспедиции). Магадан, 1979.
- Титов В. С. Первое общественное разделение труда. Древнейшие земледельческие и скотоводческие племена.— КСИИМК, 1962, вып. 88.
- Томирдиаро С. В. Природа общего похолодания климата в кайнозой и ледниковых эпох в антропогене.— В кн.: Труды IV совещания географов Сибири и Дальнего Востока. М., 1969.
- Томирдиаро С. В. Арктическая лессово-ледовая равнина как американо-азиатский мост и ее термокарстовое разрушение в голоцене.— В кн.: Берингия в кайнозой. Владивосток, 1976.
- Тугаринов А. Я. Опыт истории арктической фауны Евразии.— Тр. II Международн. конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. V. М.—Л. Новосибирск, 1934.
- Тюшев В. Н. По западному берегу Камчатки.— Зап. ИРГО по общей географии, XXXVII, 1906, № 2.
- Файнберг Л. А. Общественный строй эскимосов и алеутов (от материнского рода к соседской общине). М., 1964.
- Файнберг Л. А. Очерки этнической истории зарубежного Севера. М., 1971.
- Федосеева С. А. Древние культуры верхнего Вилюя. М., 1968.
- Федосеева С. А. Первый Ымыяхтахский поздненеолитический могильник.— В кн.: Археологические открытия 1968 года. М., 1969.
- Федосеева С. А. Новые данные о бронзовом веке Якутии.— В кн.: По следам древних культур Якутии, 1970.
- Федосеева С. А. Стоянка Конзай — памятник Ымыяхтахской поздненеолитической культуры на Колыме.— В кн.: Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975.
- Флинт Р. Ледники и палеогеография плейстоцена. М., 1963.
- Формозов А. А. Микролитические памятники в азиатской части СССР.— СА, 1959а, № 2.
- Формозов А. А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959б.
- Формозов А. А. Памятники первобытно-

- го искусства на территории СССР. М., 1966.
- Формозов А. А. Новые книги о наскальных изображениях в СССР (обзор публикаций 1968—1972 гг.).— СА, 1973, № 3.
- Формозов А. А. К характеристике палеолитического поселения Мальта.— СА, 1976, № 2.
- Фролов Б. А. Петроглифы Заполярья.— В кн.: Наука и человечество. Международный ежегодник. М., 1973.
- Хлобыстин Л. П. Раскопки на Таймыре.— В кн.: Археологические открытия 1968 года. М., 1969.
- Хлобыстин Л. П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии.— В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
- Хлобыстин Л. П., Грачева Г. Н. Работы заполярного отряда на Таймыре.— В кн.: Археологические открытия 1971 года. М., 1972.
- Хлобыстин Л. П., Левковская Г. М. Основные этапы развития природы и культуры древних обществ в сибирской Арктике.— В кн.: Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене (палеолит и неолит). Тезисы докладов. М., 1973.
- Хопкинс Д. М. История уровня моря в Берингии за последние 250 000 лет.— В кн.: Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976.
- Хэйнес В. (Хейнс). Охотники на мамонтов в США и СССР.— В кн.: Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976.
- Цейтлин С. М. Некоторые проблемы геологической периодизации и палеогеографии палеолита Сибири.— В кн.: Основные проблемы геологии антропогена Евразии. М., 1969.
- Цейтлин С. М. Некоторые вопросы геологии и геологической периодизации памятников палеолита Сибири.— ВКИЧП, 1972, № 38.
- Цейтлин С. М. Схема геологической периодизации палеолита Северной Азии.— В кн.: Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.
- Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952.
- Чан Су Бу. Поздний Дзёмон Хоккайдо (канд. дис.). Новосибирск, 1977.
- Чард Ч. С. Происхождение хозяйства морских охотников северной части Тихого океана.— СЭ, 1962, № 5.
- Чард Ч. С., Морлан Р. Е. Абсолютная хронология каменного века Японии.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1969.
- Чернецов В. Н. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре.— VII МКАЭН. М., 1964.
- Чернецов В. Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- Черныш А. П. О номенклатуре позднепалеолитических орудий.— КСИА, 1967, вып. III.
- Чеснов Я. В. О социально-экономических и природных условиях возникновения культурно-хозяйственных типов (в связи с работами М. Г. Левина).— СЭ, 1970, № 6.
- Четвертичный период в США, т. II. Под ред. В. И. Громова. М., 1969. Пер. с англ.
- Чижев О. П. Об изменениях состояния арктического бассейна со времени максимума последнего оледенения.— В кн.: Северный Ледовитый океан и его побережье в кайнозое. Л., 1970.
- Членова Н. Л. Соотношение культур карасукского типа и кетских топонимов на территории Сибири.— В кн.: Происхождение аборигенов Сибири. Томск, 1969.
- Чубарова Р. В. (Козырева Р. В.). Археологические памятники на Севере Сахалина (по материалам разведок 1957 г.).— МИА, 1960а, 86.
- Чубарова Р. В. (Козырева Р. В.). Неолитические стоянки на о. Итуруп.— СА, 1960б, № 2.
- Шаргородский С. Об юкагирских письменах. Землеведение. М., 1895, кн. II—III.
- Шаревская Б. Полевые археологические исследования в Америке (за последние годы).— СЭ, 1947, № 2.
- Шварцбах М. Климаты прошлого. М., 1955.
- Шер А. В. Значение остатков млекопитающих для стратиграфии и корреляции плейстоценовых отложений Крайнего Северо-Востока СССР и Северной Америки. Автореф. канд. дис. М., 1969.
- Шер А. В. Плейстоценовая фауна млекопитающих равнинных побережий Восточно-Сибирского моря и проблема Берингийской суши. В кн.: Северный Ледовитый океан и его побережье в кайнозое. Гидрометеиздат. Л., 1970.
- Шер А. В. Млекопитающие и стратигра-

- фия плейстоцена Северо-Востока СССР и Северной Америки. М., 1971.
- Шер А. В. Роль Берингийской суши в формировании фауны млекопитающих Голарктики в позднем кайнозое. — В кн.: Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976.
- Шило Н. А. Находка мамонта на ручье Киргилых в Магаданской области. Природа, 1978, № 1.
- Шило Н. А., Бойчук В. В., Томирдиаро С. В. Формирование и распространение циркумполярных наземных оледенений в северном полушарии. — В кн.: Палеогеографические аспекты изменения природных условий Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1969.
- Шило Н. А., Диков Н. Н., Ложкин А. В. Первые данные по стратиграфии палеолита Камчатки. — Тр. СВКНИИ СО АН СССР. М., 1967, вып. 17.
- Шило Н. А., Диков Н. Н., Ложкин А. В. Радиоуглеродные датировки древних культур в верхнечетвертичных отложениях Северо-Востока СССР. — Доклады Академии наук СССР (М), 1976, т. 231, № 5.
- Шило Н. А., Диков Н. Н., Ложкин А. В., Стариков А. В. Новые радиоуглеродные датировки археологических памятников из верхнечетвертичных отложений Севера Дальнего Востока. — Доклады Академии наук СССР (М), 1977, т. 237, № 3.
- Шнирельман В. А. Роль домашних животных в периферийных обществах (на примере традиционных обществ Сибири и Америки). — СЭ, 1977, № 2.
- Шовкопляс Н. Г. Палеолитические жилища в СССР. — В кн.: Поздний плейстоцен и голоцен Северо-Востока Азиатской части СССР и хронология основных событий. Тезисы. М., 1973.
- Штернберг Л. Я. Айнская проблема. — Сб. МАЭ, 1929, т. VIII.
- Штенберг Л. Я. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933.
- Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции (1785—1795 гг.). Магадан, 1978.
- Якимов В. П. Неандертальцы и человек современного вида. — Курьер ЮНЕСКО. М., 1972, август — сентябрь.
- Яношин Д. Некоторые новые данные о фаунистическом обмене через Берингийский мост. — В кн.: Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976.
- Abramova Z. A. Concerning the cultural contacts between Asia and America in the late paleolithic. — IX ICAES, Chicago, 1975.
- Abramova Z. A. (Абрамова З. А.), Graziosi P. Les courants stylistiques dans l'art mobilier au paléolithique supérieur. — In: Union internationale des sciences préhistoriques et protohistoriques. Nice, 1976.
- Ackerman R. E. Prehistory in the Kuskokwim-Bristol Bay Region, Southwestern Alaska. — Laboratory of Anthropology, Washington State University. Washington, Pullman, 1964.
- Ackerman R. E. The archaeology of the Glacier Bay Region, Southwestern Alaska. — Washington State University, Laboratory of Anthropology, Report of Investigations, N 44. Washington, Pullman, 1968.
- Ackerman R. E. Microblades and prehistory: technological and cultural considerations for the North Pacific coast. — Paper Presented at the IX ICAES, September 1—8, 1973.
- Ackerman R. E. Archaeology of the Asian zone of Eskimo occupation. — Handbook of North American Indians (Arctic volume). Aigner J. S. Bone tools and decorative motives from Chaluka, Umnak Island. — ArA, 1966, vol. III, N 2.
- Aigner J. S. Studies in the early prehistory of Nikolski Bay: 1973—1974. — APUA, Fairbanks, 1974, vol. 16, N 1.
- Aigner J. S., Laughlin W. S., Black R. F., Dumond D. E. Early racial and cultural identifications in Southwestern Alaska. — Science, 1971, January 8, vol. 171.
- Alexeev W. P., Aroutiounov S. A., Sergeev D. A. Results of historico-ethnological and anthropological studies in the Eastern Chukchee area. — Inter-Nord, 1972, N 12.
- Altin C. Studien zu den bronzzeitlichen Felszeichnungen von Skane. Stockholm. 1945, Bd. II.
- Anderson D. D. Akmak: an early archeological assemblage from Onion Portage. Alaska. — Acta arctica, 1970, fasc. 16.
- Anderson D. D. Microblade traditions in North-Western Alaska. — ArA, 1970, N 2, vol. VII.
- Aroutiounov S. A. Ainu problem viewed by russian and soviet science. — Proceedings VIII ICAES (Tokyo), 1970, vol. III.
- Aroutiounov S. A. Stability and lability in the evolution of hunting tools in the ancient eskimos. — IX ICAES (Chicago), 1975.
- Baba O. Handbook of anthropology and prehistory (Tokyo), 1939, vol. 10, N 11.
- Bandi H. G. Eskimo prehistory. University of Alaska Press, 1969.
- Befu H., Chard A. Prehistoric maritime cul-

- ture of the Okhotsk Sea.—AA, 1964, vol. 30, N 1.
- Birket-Smith K.* The Caribou Eskimos.— Report of the 5th Thule Expedition 1921—24, vol. V. Copenhagen, 1929.
- Bird J. B.* The concept of a «pre-projectile Point» cultural stage in Chile and Peru.—AA, 1965, pt I.
- Bockstoce I. A.* A prehistoric population change in the Bering Strait Region.— Polar Record, 1973, vol. 16, N 105.
- Bordes F.* Principes d'une méthode d'étude des techniques et de la typologie du paléolithique ancien et moyen.— Anthropologie, 1950, LIX, 1-2.
- Bordes F.* Typologie du paléolithique ancien et moyen.— Mémoire N 1 (Boedeaux), 1961.
- Borden C. E.* West coast crossing with Alaska.—ArJNA, Technical Paper, 1962, N 11.
- Borden C. E.* New evidence of early cultural relations between Eurasia and Western North America.—Proceedings VIII ICAES (Tokyo), 1970, vol. III.
- Bosch-Gimpera P.* Nuevos aspectos del paleolítico eurasiático en relación con el origen de cazadores Americanos.— Sobre tiro de «Anales de Antropología». México, 1968, vol. V.
- Bryan A. L.* Early man in America and the late pleistocene chronology of western Canada and Alaska.—Current Anthropology, 1969, 10, 4.
- Bryan A. L.* Paleoenvironments and cultural diversity in late pleistocene South America.—Quaternary Research, 1973, N 3.
- Bryan A. L.* Letter to the editor. Paleoenvironments and cultural diversity in late pleistocene South America: a rejoinder to Vance Haynes and a reply to Thomas Lynch.—Quaternary Research, 1975, N 5.
- Butler R. B.* The Old Cordilleran Culture in the Pacific Northwest—Occasional Papers in the Idaho State Museum, Pocatello, 1961, 5.
- Campbell J. M.* Cultural succession at Anaktuvuk Pass, Arctic Alaska.—ArJNA, Technical Paper, 1962, N 11.
- Campbell J. M.* Ancient Alaska and paleolithic Europe.—In: Early man in the western American Arctic. A symposium.—APUA, April, 1963, vol. 10, N 2.
- Chard C. S.* An early pottery site in the Chukchi Peninsula.—AA, 1955, vol. 20, N 3.
- Chard C. S.* An outline of the prehistory of Siberia. Pt I. The Pre-metal periods.—Southwestern Journal of Anthropology. 1958, vol. 14, N 1.
- Chard C. S.* New World origins: a reappraisal.—Antiquity, (Newburg), 1959, vol. 33.
- Chard C. S.* Routes to Bering Strait.—AA, 1960a, vol. 26, N 2.
- Chard C. S.* Recent archaeological work in the Chukchi Peninsula.—APUA, 1960b, vol. 8, N 2.
- Chard C. S.* The Neolithic in Northern Asia: a culture area approach.—Anthropologica (Ottawa), 1960c, vol. II, N 2.
- Chard C. S.* A time depth and culture process in Maritime North-East Asia.—AP, 1961, vol. V, N 2.
- Chard C. S.* The Old World roots: review and speculations.—APUA, 1963, vol. 10, N 2.
- Chard C. S.* Early radiocarbon dates for pottery in Japan and their implications.—VII International Congress of Anthropological Sciences, Moscow, 1964.
- Chard C. S.* Reconstructing human ecology and population history in prehistoric Northeast Asia. University of Wisconsin, 1967.
- Chard C. S.* Man in prehistory. New York, 1969.
- Chard C. S.* A new look at the Ainu problem.—Proceedings VIII ICAES. Ethnology and archaeology (Tokyo), 1970, vol. III.
- Collins H. B.* Archaeology of St. Lawrence Island.—Smithsonian Miscellaneous Collections (Washington), 1937, vol. 96, N 1.
- Collins H. B.* Archaeological research in the North American Arctic.—Arctic, 1954, vol. 7, N 3-4.
- Collins H. B.* Eskimo cultures.—Encyclopedia of World Art, 1962, Vol. V, N 1.
- Collins H. B.* Prehistoric cultural relations between Japan and the American Arctic: eskimo and pre-eskimo.—Proceedings VIII ICAES (Tokyo), 1970, vol. III.
- Debets G. F.* Problems of physical anthropology in Arctic regions.—Acta Arctica (The Circumpolar Congress in Copenhagen), 1960, vol. XII.
- Denniston G. B.* Cultural change at Chuluka, Umnak Island. Stone artifacts and features.—ArA, 1966, vol. III, N 2.
- Devis E. Mottir.* Archaeology of Northeastern Asia.—Papers of the Excavators Club (Cambridge), 1940, vol. I, N 1.
- Dewdney S., Kidd K. E.* Indian rock paintings of the Great Lakes. Toronto, 1962.
- Dikov N. N. (Диков Н. Н.).* Archaeological materials from the Chukchi Peninsula.—AA, 1963, N 4.

- Dikov N. N. (Диков Н. Н.).* The stone age of Kamchatka and the Chukchi Peninsula in the light of new archaeological date.— *ArA*, 1965, vol. III, N 1.
- Dikov N. N. (Диков Н. Н.).* The discovery of the palaeolithic in Kamchatka and the problem of the initial occupation of America.— *ArA*, 1968, vol. V, N 1.
- Dikov N. N. (Диков Н. Н.).* New date on Pleistocene and Holocene archaeology of Kamchatka.— VIII Congress INQUA (Resumes des communications) (Paris), 1969a.
- Dikov N. N. (Диков Н. Н.).* Puentes desde Asia a la America Precolombina.— *Enfoque Santiago* (Chile), 1969b, N 30.
- Dikov N. N. (Диков Н. Н.).* Palaeolithic culture of Kamchatka.— *Proceedings VIII ICAES* (Tokyo), 1970, vol. III.
- Dikov N. N. (Диков Н. Н.).* Prehistoric rock figures in Chukotka.— *Anthropologie* (Brno), 1971.
- Dikov N. N. (Диков Н. Н.).* Les pétroglyphes de Pegtymel et leur appartenance ethnique.— *Inter — Nord*, 1972, N 12.
- Dikov N. N. (Диков Н. Н.).* Ancestors of paleo-indians and proto-eskimo-aleuts in Kamchatka's paleolith.— Тезисы докладов на XII Тихоокеанском конгрессе (Ванкувер), 1975a.
- Dikov N. N. (Диков Н. Н.).* Следы верхнего палеолита на ручье Шило в бассейне Колымы.— В кн.: Археология Сибирского Дальнего Востока. Токуо, 1975в, (на яп. яз.).
- Dikov N. N. (Диков Н. Н.).* Верхний палеолит Камчатки.— В кн.: Археология Сибирского Дальнего Востока. Токуо, 1975с (на яп. яз.).
- Dikov N. N. (Диков Н. Н.).* Открытие петроглифов на Чукотке.— В кн.: Археология Сибирского Дальнего Востока. Токуо, 1975 г (на яп. яз.).
- Dikov N. N. (Диков Н. Н.).* Origine della cultura paleoeschimese.— *Bollettino del Centro Camuno di studi preistorici*, 1978a, vol. XVII.
- Dikov N. N. (Диков Н. Н.).* Ancestors of paleo-indians and proto-eskimo-aleuts in the paleolithic of Kamchatka.— In: *Early man in America* (from a Circum-Pacific perspective). Edited by Alan Lyle Bryan. Edmonton, 1978b.
- Dumond D. E.* Two early phases from the Naknek Drainage.— *ArA*, 1963, vol. 2.
- Dumond D. E.* Prehistoric cultural contacts in Southwestern Alaska.— *Science*, 1969a (28 November), vol. 166.
- Dumond D. E.* Implements from Takli Island, Southwestern Alaska, 1969b.
- Dumond D. E.* Early racial and cultural identifications in Southwestern Alaska.— *Science*, January, 1971, vol. 171.
- Dumond D. E.* Coastal adaptation and cultural change in Alaskan Eskimo prehistory.— IX ICAES (Chicago), 1975.
- Eigil K.* A report on the first Peary Land expedition.— *Polar Record*, 1962, vol. 6, N 44.
- Ford I. A.* Eskimo prehistory in the vicinity of point Barrow, Alaska, N.-J., 1959.
- Fryxell R., Bielicki T., Daugherty R. D.* Human skeletal material and artifacts from sediments of Pinedate (Wisconsin) glacial age in Southeastern Washington. United States.— *Proceedings VIII ICAES* (Tokyo and Kyoto, September, 1968), *Ethnology and archeology* (Tokyo), 1970, vol. III.
- Fujimori.* Chubu chine hokubune sendoki jidai.— *Sendoki Jidai*, 1965.
- Giddings I. L.* The Dendigh flint complex.— *AA*, 1951, vol. XVI, N 3.
- Giddings I. L.* A flint site in Northernmost Manitoba.— *AA*, 1956, vol. XXI, N 3.
- Giddings I. L., Jr.* Cultural continuities of Eskimos.— *AA*, 1961, vol. 27, N 2.
- Giddings I. L.* The archaeology of cape Dendigh. Providence, Rhode Island, Brawn University Press, 1964.
- Giddings I. L.* Ancient men of the Arctic. New York, 1967.
- Gjessing Gutorm.* Circumpolar Stone age.— *Acta arctica* (København), 1944, fasc. II.
- Glyn Daniel.* The First civilizations. London, 1968.
- Griffin V. B.* Northeast Asian and North-western American ceramics.— *Proceedings VIII ICAES* (Tokyo), 1970, vol. III.
- Hall E. S., Jr.* An archaeology survey of interior Northwest Alaska.— *APUA* (Fairbanks), 1975, vol. 17, N 2.
- Harington C. R., Bonnichsen R., Morlan R. E.* Bones say man lived in Yukon 27 000 years ago.— *Canadian Geographical Journal*, 1975, vol. 91, N 1.
- Harp E.* Evidence of Boreal archaic culture in Southern Labrador and Canada.— *Bulletin of National Museum of Canada*, 1963, N 193.
- Harp E.* The cultural affinities of the Newfoundland Dorset eskimo.— *Bulletin of National Museum of Canada*, 1964, N 200.
- Hayashi K.* The Fukui microblade technology and its relationships in Northeast Asia and North America.— *ArA*, 1968, vol. 5, N 1.
- Haynes C. V.* The earliest americans.— *Science*, 1969, vol. 166, N 3906.

- Haynes V. C. Time, environment and early man.—*ArA*, 1971, vol. VIII, N 2.
- Holtved E. Archaeological investigations in the Thule district.—*Meddelser om Grønland* (Copenhagen), 1944, vol. 141.
- Hopkins D. M. Genozoic history of the Bering Sea Land Bridge.—*Science*, 1959, vol. 129, N 3362.
- Hopkins D. M. The Genozoic history of Beringia. A Synthesis.—In: *The Bering Land Bridge*. Ed. David M. Hopkins. Stanford, Stanford University Press, 1967.
- Hopkins D. M. The paleogeography and climatic history of Beringia during late genozoic time.—*Inter—Nord*, 1972, N 12.
- Hrdlicka A. The Aleutian and Commander Islands and their inhabitants. Philadelphia, 1945.
- Ielínek A. I. Early man in the New World: a technological perspective.—*ArA*, 1971, vol. VIII, N 2.
- Ikawa F. The continuity of Non-Ceramic to Ceramic cultures in Japan.—*ArA*, 1964, vol. 2, N 2.
- Ikawa F. The Japanese paleolithic in the context of prehistoric cultural relations between Northern Eurasia and New World.—*Proceedings VIII ICAES* (Tokyo), 1970, vol. III.
- Ikawa-Smith. History of early palaeolithic research in Japan.—In: *The early palaeolithic of East Asia* (Paper presented to conference on the early palaeolithic of East Asia, Montreal, August 28—31, 1973).
- Ischelson W. I. The Koryak. (The Jesup North Pacific expedition).—*MAMNH* (New York), 1908, vol. VI.
- Ischelson W. I. Archaeological investigations in the Aleutian Islands.—*Carnegie Institution of Washington*. Publication N 367 (Washington), 1925.
- Ischelson W. I. The Iukaghir and the Iukaghirized Tungus. (The Jesup North Pacific expedition). New York, 1926, vol. IX.
- Ischelson W. I. The ethnological problems of Bering Sea.—*The Journal of the AMNH*, 1926, vol. 26.
- Ischelson W. I. Archaeological investigations in Kamchatka.—*Carnegie Institution of Washington*. Publication N 388, (Washington), 1928.
- Irwin H. T. Developments in early man studies in Western North America.—*ArA*, 1971, vol. VIII, N 2.
- Irving W. N. A provisional comparison of some Alaska and Asian stone industries.—In: *Prehistoric culture relations between the arctic and temperate zones of North America*.—*ArJNA*, Technical Paper, 1962, N 11.
- Irving W. N. The arctic small tool tradition.—*Proceedings VIII ICAES* (Tokyo) 1970, vol. III.
- Irving W. N. Recent early man research in the North.—*ArA*, 1971, vol. VIII, N 2.
- Irving W. N., Harington C. R. Upper Pleistocene radiocarbon dated artefacts from the Northern Yukon.—*Science*, 1973, vol. 179, N 4071.
- Izumi S. Onkoromanai. Tokyo, 1967.
- Jamanouchi S., Sato T. The age of the Jomon pottery.—*Kagaku Yomiuri dai 14 maki dai 12 go keisai*, Shyowa 37 nen II datsu 10 ka hakko, 1962.
- Jelinek A. J. Early man in the New World: a technological perspective.—*ArA*, 1971, vol. VIII, N 2.
- Jiddi S., Sugihara S. Ed. (Nippon no Kokogaku, 1), Tokyo, Kawade Shobo, 1965.
- Kato S. Buss hitsu bunka 11 batsuin 1968 nen 4 darsu.
- Klein R. G. Pleistocene Prehistory of Siberia.—*Quaternary Research*, Seattle, 1971, vol. 1.
- Krieger A. D. Early man in the New World.—In: *Prehistoric man in the New World*. Edited by J. D. Jennings, E. Norbeck. Chicago, 1964.
- Laguna F. A comparison of Eskimo and paleolithic Art.—*American Journal of Archaeology*, 1932, vol. 36, N 4.
- Laguna F. The archaeology of Cook Inlet Alaska. Philadelphia, 1934.
- Laguna F., Riddell F. et al. Archaeology of the Jakutat Bay area, Alaska. Washington, 1964 (Smithsonian Institution, XII).
- Larsen H. Dødenandsbugten an Eskimo settlement on Clavering Island.—*Meddelser om Grønland*, København, 1934, bd. 102.
- Larsen H., Rainey. Ipiutak and Arctic whale hunting culture.—*APAMNH* (New York), 1948, vol. 42.
- Larsen H., Meldgaard I. Paleo-eskimo cultures in Disco Bugt, West Greenland. Kbh. Rotzel, 1958.
- Larsen H. Trail Creek.—*Acta arctica* (København), 1968, Fasc. XV.
- Larsen H. The Eskimo culture and its relationship to Northern Eurasia.—*Proceedings VIII ICAES* (Tokyo), 1970, vol. III.
- Laughlin W. S. Notes on the Aleutian core and blade industry.—*AA*, 1951a, vol. XVII, N 1 (Facts and Comments).
- Laughlin W. S. The Alaska gateway viewed from the Aleutian Islands.—*The*

- Physical Anthropology of the American Indian, 1951b, N 1.
- Laughlin W. S.* Eskimos and aleuts. Their origins and evolution.— *Science*, 1963, vol. 142, N 3523.
- Laughlin W. S.* Aleuts: ecosystem, holocene history and Siberia origin.— *Science*, 1975, vol. 189, N 4202.
- Laughlin W. S., Agner J. S.* Preliminary analysis of Anangula unifacial core and blade industry.— *ArA*, 1966, vol. 3, N 2.
- Laughlin W. S., Aigner J. S.* Aleut occupation and Sea Level changes, Nikolski Bay, Alaska.— For climatic and cultural change in North American, Arctic and adjacent regions. Ed. A. A. Dekn.— *ArJNA*, 1972.
- Laughlin W. S., Aigner J. S.* Aleut adaptation and evolution.— IX ICAES (Chicago), 1975.
- Laughlin S. B., Laughlin W. S., McDowell M. E.* Anagula blade site excavations 1972 and 1973.— *APUA* (Fairbanks), 1975, vol. 17, N 2.
- Laughlin W. S., March G. H.* The lamellar flake manufacturing site on Anangula island in Aleutians.— *AA*, 1934, vol. XX, N 1.
- Leroi G.* Archéologie du Pacifique Nord. Paris, 1946.
- Lothrop S. K.* Early migrations to Central and South America: a anthropological problem in the light of other sciences.— *The Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*, 1961, vol. 91, pt I.
- Maurie I. M.* Pour une préhistoire des cultures maritimes pré-esquimaudes du Pacifique et des mers arctiques adjacentes.— *Etudes d'Histoire Maritime*. Présentées au XIIIème congrès International des sciences Historiques par la Commission International d'Histoire Maritime a l'occasion de son XIIème Colloque. Moscou, 16—23 août, 1970.
- Maurie I. M.* Pour une préhistoire des sociétés Maritimes et de la navigation pré-Esquimaudes dans les zones cotières du Pacifique Nord, des mers de Tchoutchi et de Beaufort.— *Inter — Nord*, Paris, 1972, 12.
- Maurie I. M.* I. Louis Giddings «10 000 ans d'histoire arctique». Fayard, 1973.
- Maringer J.* Mongolia before the Mongols.— *ArA*, 1963, vol. I, N 2.
- Mathiassen T. H.* Archaeological collections from the western Eskimos.— Report of the 5th Thule Expedition 1921—24. Copenhagen, 1930, vol. X, N 1.
- Mathiassen T. H.* Contributions to the archaeology of Disco Bay.— *Meddeblser om Grønland* (Copenhagen), 1934, vol. 94, N 2.
- McCartney A. P.* A proposed Western Aleutian phase in the Near Islands, Alaska.— *ArA*, 1971, vol. VIII, N 2.
- McCartney A. P., Mack D. I.* Iron utilization by Thule eskimos of Central Canada.— *AA*, 1973, vol. 38, N 3.
- McCartney A. P.* 1972 archaeological site survey in the Aleutian Islands, Alaska.— International Conference on the Prehistory and Paleoecology of Western North American Arctic and Subarctic. The University of Calgary, Archaeological Association, 1974a.
- McCartney A. P.* Maritime adaptations on the North Pacific RIM.— *ArA*, 1974b.
- McCartney A. P.* Prehistoric cultural integration along the Alaska Peninsula.— *APUA* (Fairbanks), 1974c, vol. 16, N 1.
- McCartney A. P.* Maritime adaptation in cold archipelagoes: an analysis of environment and culture in the Aleutian and other Island chain.— IX ICAES (Chicago), 1975.
- McDonald G. R.* The technology and settlement patterns of a Paleo-Indian site at Debert, Nova Scotia.— *Quaternaria* (Rome), 1966, vol. 8.
- McKenna R. A., Cook J. P.* Prehistory of Healy Lake, Alaska.— *Proceedings VIII ICAES* (Tokyo), 1970, vol. III.
- McNeish R. S.* The archaeology of the Northeastern United States.— In: *Archaeology of Eastern United States*. Chicago, 1952.
- McNeish R. S.* Reconnaissance of the Mackenzie river drainage.— *ARNMC*, 1951—1952, Bulletin N 128 (Ottawa), 1953.
- McNeish R. S.* Men out of Asia if as seen from the Northwest Yukon.— *APUA*, 1959, vol. 7, N 2.
- McNeish R. S.* The early peopling of the New World.— *APUA*, April, 1963, vol. 10, N 2.
- McNeish R. S.* Investigations in Southwest Yukon.— *Papers of the Robert S. Peabody Foundation for Archaeology*, Phillips Academy. Andover, Massachusetts, 1964, vol. 6, N 2.
- McNeish R. S.* Early man in the Andes.— *Scientific American*, 1971, vol. 224, N 4.
- Meldgaard I. A.* Paleo-eskimo culture in West Greenland.— *AA*, 1952, vol. XVII, N 3.
- Minato M.* Zu den Mammontfaunen Hokkaido.— *Japanese Journal of Geology Geografi*, 1955, 26, N 1-2.
- Mishimura A.* Origin of the Japan Sea as

- viewed from the evolution and distribution of marine fauna. Pt. II. Tukja Kagaky, 1964, 75.
- Mochanov Y. A. (Мочанов Ю. А.)* Early migration to America in light of a study of the Dyuktai paleolithic culture in Northeast Asia.—IX ICAES (Chicago), 1975.
- Morlan R. E.* Hokkaido sendoki Jidai.—Sendoki judai. Ed. Sosuke Sugihara, 1965.
- Morlan R. E.* The preceramic period of Hokkaido: an outline.—ArA, 1967, vol. IV, N 1.
- Morlan R. E.* Technological characteristic of some wedge-shaped cores in Northwestern North America and Northeast Asia.—Paper Read 33rd Annual Meeting of the Society for American Archaeology (Santa Fe), 1968.
- Morlan V. I.* The preceramic period of Japan: Honshu, Shikoku, and Kyushu.—ArA, 1971, vol. VIII, N 1.
- Müller-Beck H. G.* Paleohunters in America: origins and diffusion.—Science, 1966, vol. 152, N 3726.
- Müller-Beck H. G.* On migrations of hunters across the Bering Land Bridge in the Upper Pleistocene.—In: The Bering Land Bridge. Ed. David M. Hopkins. Stanford, Stanford University Press, 1967.
- Murayama S.* Ainu in Kamchatka.—Proceedings VIII ICAES. Ethnology and archaeology (Tokyo), vol. III, 1970a.
- Murayama S.* Ainu and Arctic Region.—Proceedings VIII ICAES. Ethnology and archaeology (Tokyo), vol. III, 1970b.
- Murdoch G.* Ethnological results of the Point Barrow expedition.—9th Annual Report of Bureau of American Ethnology (Washington), 1892.
- Nakamura.* Chubu chih hokubuno sendoki jidai.—Sendoki jidai, 1965.
- Nakayama E.* Excavation of the old dwelling sites at Ust-Kamchatsk on the Eastern coast of the Kamchatka Peninsula.—Journal of Anthropological Society of Tokyo, February, 1933, vol. XLVIII, N 2 (544).
- Nakayama E.* Neolithic remains from Eastern coast of Kamchatka Peninsula.—Journal of Anthropological Society of Tokyo, October, 1934, vol. XLIX, 10 (564).
- Nat Daniel.* Éléments de préhistoire et d'archéologie Nord — Sibériennes.—Contributions du Centre d'Etudes Arctiques et Finno-Scandinaves (Paris), 1971, N 9.
- Nat Daniel.* Pour une paléanthropologie des espèces froids.—Inter — Nord (Paris), 1972, N 12.
- Nelson E. W.* The eskimo about Bering Strait. Washington, 1899.
- Nelson N. C.* Notes on cultural relations between Asia and America.—AA, 1937, vol. 4.
- Oda S., Matsusita.* Hokkaido sendoki jidai.—Sendoki Jidai. Ed. Sosuke Sugihara. (Nippon no Kokogaku, 17) (Tokyo), 1965.
- Oda S., Keally C. T.* Japanese preceramic cultural chronology.—(ICU Archeology Research Center International Christian University. Occasional Papers, Mitakashi, Tokyo), 1975, N 2.
- Okada H.* Onkoromanai. Tokyo, 1967.
- Okladnikov A. P. (Окладников А. П.).* Archaeology of the Soviet Arctic.—Acta arctica (Copenhagen), 1958—1960, fasc. XII.
- Okladnikov A. P. (Окладников А. П.).* The paleolithic of Trans-Baikal.—AA, 1961a, vol. 26, N 4.
- Okladnikov A. P. (Окладников А. П.).* Paleolithic sites in Trans-Baikal.—AP, 1961b, vol. IV, N 1-2.
- Okladnikov A. P. (Окладников А. П.).* Paleolithic remains in the Lena river basin.—In: The archaeology and geomorphology of Northern Asia.—ArJNA (Toronto), 1964.
- Okladnikov A. P. (Окладников А. П.).* Der Mensch kam aus Sibirien. München, 1974.
- On migrations of hunters across the Bering Land Bridge in the Upper Pleistocene. Ed. Hopkins. Stanford, 1967.
- Oswalt W. H.* Northeast Asian and Alaskan pottery relationships.—SWJA, 1953, vol. 9, N 4.
- Ossa P., Moseley M. E.* La Cumbre: a preliminary report on research into the early lithic occupation of the Moche valley.—Nawpa Pacha, Peru, 1971, 9.
- Pendergast D.* Evidence early Teotihuacan-Lowland Mya contact at Altunha.—AA, 1971, vol. 36, N 4.
- Pericot L. G.* La cueva del Parpalló (Gandia). Madrid.
- Pewè T. L., Hopkins D. M., Giddings J. L.* The Quaternary of the United States. Princeton, New Jersey, 1965.
- Powers W. R.* Paleolithic man in North Asia.—ArA, 1973, vol. X, N 2.
- Quimby G.* The prehistory of Kamchatka.—AA, 1947, N 3.
- Rainey F. G.* Archaeology in Central Alaska.—APAMNH, 1939, pt IV, N V.
- Rainey F. G.* Eskimo prehistory the Okvik

- site on the Puvuk Islands.—APAMNH (New York), 1941, vol. XXXVII.
- Rainey F. G.* The significance of recent archaeological discoveries in inland Alaska.—In: Asia and North American transpacific contacts. Assembled by Marian W. Smith.—Memoirs of the Society for American Archaeology, Salt Lake city, 1953, N 9.
- Rainey F. G., Ralph E. I.* Radiocarbon dating in the Arctic.—AA, 1959, vol. 24, N 4.
- Sander D.* Excavations in the Lochmore-Nesiker Creek Locality, British Columbia: Interim Report.—Anthropological Papers National Museum of Canada, 1966 (Ottawa), N 12.
- Sato T.* Microlithic industry in Hulum-Buir.—Kokogaku Zasshi (Tokyo), 1960, vol. 46, N 3.
- Schlesier K. H.* Senda Creek: report on archaeological survey on the Arctic slope of the Brooks Range.—AA, 1967, vol. 32, N 2.
- Schnell I.* Prehistoric finds from the Island World of the Far East, now preserved in the Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm.—Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities (Stockholm), 1932, N 4.
- Schuster C.* The ainu Jnao: some comparative considerations.—Proceedings VIII ICAES. Ethnology and archaeology (Tokyo), 1970, vol. III.
- Serizawa S., Ikawa F.* The oldest archaeological materials from Japan.—AP, 1960, vol. II, N 2.
- Serizawa S.* The chronology of palaeolithic industries and carbon 14 Dates in Japan.—Reports of the Research Institute for Japanese Culture (Sendai), 1967, N 3.
- Serizawa S.* The Hoshino site. Tokyo, 1968.
- Serizawa S.* The chronological sequence of the paleolithic cultures of Japan and the relationship with mainland Asia.—Proceedings VIII ICAES (Tokyo), 1970, vol. III.
- Swadesh M.* Linguistic relations across Bering Strait.—American Anthropologist, 1962, 6.
- Solecki R. S.* Archaeology and ecology of the Arctic slope of Alaska.—Annual Report of the Smithsonian Institution for the Year 1950 (Washington), 1951.
- Sugihara S.* The archaeological Museum of Neiji University. Tokyo, 1968.
- Sugihara S.* Similarity and difference between the prehistoric cultures of Japan and Alaska.—Proceedings VIII ICAES (Tokyo), 1970.
- Sugihara S., Tozawa M.* Preceramic age in Japan.—Acta asiatica (Tokyo), 1960.
- Swadesh M., March G.* Lexico-statistic dating prehistoric ethnic contacts.—Proceedings of the American Philosophical Society, 1952, 96.
- Tolstoy P.* The archaeology of the Lena basin and its New World relationships. Pt 1, 2.—AA, 1958, vol. XXIII, N 4.
- Tozawa M.* Kanto chihino sendoki jidai.—Sendoki jidai, Tokyo, 1965.
- Tozawa M.* Preceramic industry with knife-blades of Sunagawa, Saitama Pref.—Kokogaku Syukan (Memoirs of the Tokyo Archaeological Society), 1968, vol. 4, N 1.
- Turner C. G., Turner I. A.* Progress report on evolutionary anthropological study of Akun Strait District, Eastern Aleutians. Alaska, 1970—1971.—APUA (Fairbanks), 1974, vol. 16, N 1.
- Vasilevsky R. S. (Васильевский Р. С.).* The origin of the ancient Koryak culture on the Northern Ohotsk coast.—ArA, 1969, vol. VI, N 1.
- Vasilevsky R. S. (Васильевский Р. С.).* The problem of the North Pacific sea hunters culture.—Proceedings VIII ICAES (Tokyo), 1970, vol. III.
- Vasilevsky R. S. (Васильевский Р. С.).* The problem of the origin of the ancient cultures of the sea hunters on the North Pacific coast.—IX ICAES (Chicago), 1975.
- Vdovin I. S. (Вдовин И. С.).* The traces of an aleut-eskimo culture on the Kamchatka Pacific shore.—XI Pacific Science Congress (Tokyo), 1966, (Moscow), 1966.
- Wasson V. P., Wasson R. G.* Mushrooms of Russia and history, vol. I. New York, 1957.
- Weidenreich F.* The classification of fossil hominids and their relations to each other, with special reference to sinanthropus pekinensis.—Congress International des sciences anthropologiques et ethnologiques, Copenhagen, 1938.
- West-Hadleigh F.* The Donnelly Ridge site and the definition of an early core and blade complex in Central Alaska.—AA, 1967, vol. 32, N 3.
- Wheat I. B.* Lifeways of early man in North America.—ArA, 1971, vol. VIII, N 2.
- Wormington M.* The Paleo-Indian and Mes-Indian studies of Alberta, Canada.—APUA, 1963, vol. 10, N 2.
- Wormington H. M.* Comments of early man

- in North America 1960--1970.— *ArA*, 1971, vol. VIII, N 2.
- Wright H. T., Morlan R. E.* The Hart site: a Dustin complex fishing camp on the Shiawassee embayment.— *Michigan Archaeologist*, 1964, vol. 10, N 3.
- Wright I. V.* The origins of New World ceramics as seen from Eastern Canada.— *Proceedings VIII ICAES (Tokyo)*, 1970, vol. III.
- Yarborough M. R.* Analysis of pottery from the Western Alaska Peninsula.— *APUA*, 1974, vol. 16, N 1.
- Yoshizaki M.* Prehistoric culture in Southern Sakhalin in the light of Japanese research.— *ArA*, 1963, vol. 1, N 2.
- Yoshizaki M.* Стоянка Татикарусюнай (раскопки в 1972 г.).— Отчет об исследовании палео- и мезолитической стоянки Татикарусюнай V на о. Хоккайдо, Энгару, 1973, 3 (на яп. яз.).

Список сокращений

- БКИЧП — Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода
ВГО — Всесоюзное географическое общество
ВДИ — Вестник древней истории
ВГО — Всесоюзное географическое общество
ГИМ — Государственный исторический музей
ГМЭ — Государственный музей этнографии
Записки ЧОКМ — Записки Чукотского окружного краеведческого музея
КСИА — Краткие сообщения института археологии
КСИИМК — Краткое сообщение Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения института этнографии
ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнографических наук
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
СВКНИИ — Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
СЭ — Советская этнография
ТИЭ — Труды института этнографии АН СССР
Тр. СВКНИИ ДВНЦ АН СССР — Труды Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института Дальневосточного научного центра Академии наук СССР
Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
AA — American Antiquity
APAMNH — Anthropological papers of the American Museum of Natural History
APUA — Anthropological papers of the University of Alaska
AP — Asian perspectives
ArA — Arctic Anthropology
ARNMC — Annual Report of the National Museum of Canada
ArINA — Arctic Institute of North America
ICAES — International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences
MANH — Memoir of the American Museum of Natural History
SWJA — South-Western Journal of Anthropology

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
<i>Палеолит Крайнего Северо-Востока Азии</i>	10
Природные условия	10
✓ Проблема первоначального заселения Северо-Восточной Азии и Америки . .	16
Ранняя ушковская верхнепалеолитическая культура Камчатки и гипотеза о ее роли в заселении Америки	31
Поздняя ушковская верхнепалеолитическая культура Камчатки	54
Начало голоцена и финальный палеолит на Камчатке	76
<i>От палеолита к неолиту на верхней Колыме</i>	80
Проблема мезолита	80
Сибердиковская культура	90
Малтапский комплекс	100
<i>Неолит Камчатки</i>	106
Первая ушковская «мезолитическая» или ранне неолитическая культура . . .	106
Вторая ушковская неолитическая культура	113
Тарьинская культура развитого неолита	120
<i>Каменный и неразвитой бронзовый века Чукотки</i>	129
Древнейшие послепалеолитические следы человека на Чукотке	129
Северочукотская неолитическая культура	134
Усть-бельская культура	141
Возникновение зверобойного промысла и проблема происхождения эскимосов	161
Врангельская палеоэскимосская культура	165
<i>Северо-Восток в период неразвитого железного века и пережиточного неолита</i>	169
Оквискская культура	169
Древнеберингоморская культура	183
Бирнирская культура	215
Культуры Пунук и Туле	217
Культурные комплексы низовьев р. Анадырь, Канчалан и прилегающего с северо-востока морского побережья	226
Анадырско-Майнская (вакаревская) культура	231
• Древнекорякская культура	238

Северо-западноберингоморская (древнекерская) культура	255
Среднекамчатский (никульский) вариант древнеительменской культуры	260
Южнокамчатский (налычевский) вариант древнеительменской культуры	270
<i>Общие закономерности и особенности исторического развития на крайнем Северо-Востоке Азии . . . . .</i>	279
<i>Заключение . . . . .</i>	286
<i>Summary . . . . .</i>	288
<i>Приложение</i>	
<i>Указатель распространения сходных форм каменных изделий в ар- хеологических памятниках Камчатки, Чукотки и Североохотского по- бережья . . . . .</i>	291
<i>Литература . . . . .</i>	326
<i>Список сокращений . . . . .</i>	349

Contents

<i>Preface . . . . .</i>	5
<i>Paleolith of the extreme North-East Asia . . . . .</i>	10
Environmental conditions	10
The problem of the initial peopling of Asia and America	16
Early Ushki Upper Paleolithic culture of Kamchatka and a hypothesis concerning its role in the initial peopling of America	31
Late Ushki Upper Paleolithic culture in Kamchatka	54
Early Holocene and final Paleolith of Kamchatka	76
<i>The Upper Kolyma reaches: from Paleolith to Neolith . . . . .</i>	80
The problem of Mesolith	80
Siberdik culture	90
Mal'tan complex	100
<i>Neolith of Kamchatka . . . . .</i>	106
The first Ushki Mesolithic or Early Neolithic culture	106
The second Ushki Neolithic culture	113
Tar'ia Late Neolithic culture	120

<i>Stone Age and underdeveloped Bronze Age in Chukotka</i>	129
The most ancient human traces in Chukotka	129
North ~~ern~~ Chukotka Neolithic culture	134
Ust'-Belaya culture	141
Appearance of sea-mammal hunting and the problem of origin of Eskimos	161
Wrangel Paleo-Eskimo culture	165
 <i>The North-East Asia during underdeveloped Iron Age and remnant Neolith</i>	169
Okvik culture	169
Old Bering Sea culture	183
Birnirk culture	215
Punuk and Thule cultures	217
Cultural complexes of the lower Anadyr and Kanchalan rivers and the sea coastal area adjoining them in the north-east	226
Anadyr-Main (Vakarevo) culture	231
Ancient Koryak culture	238
North-Western Bering Sea (Old Kereki) culture	255
Mid-Kamchatka (Nikulka) version of ancient Itel'men culture	260
South Kamchateka (Nalychevo) version of ancient Itel'men culture	270
 <i>General regularities and peculiarities of historic development in the North East Asia</i>	279
<i>Conclusion</i>	286
<i>Summary</i>	288
<i>Supplement</i>	
<i>Index of distribution of similar articles in the archeologic monuments of Kamchatka, Chukotka and Okhotsk sea North coastal area</i>	291
 <i>Reference list</i>	326
<i>List of abbreviations</i>	349